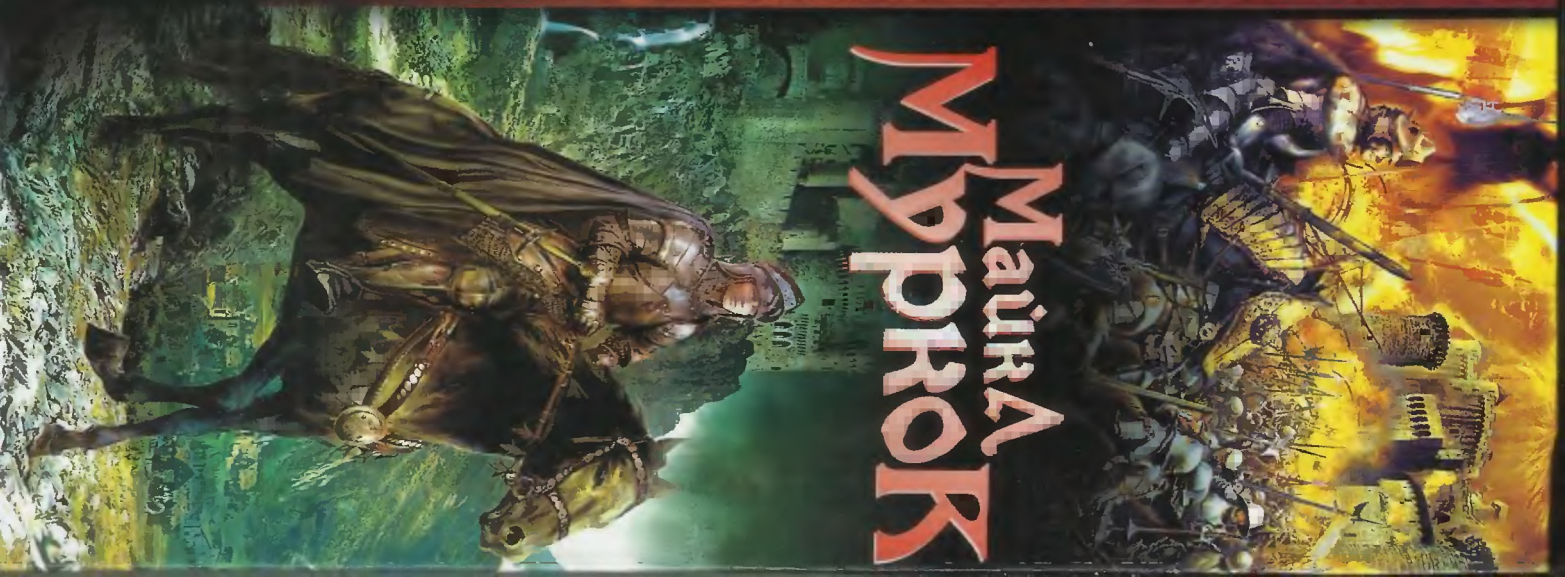
Элрик из Мелнибонэ

Майкл Муркок

Элрик из Мелнибонэ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ



Майкл Муркок

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

MICHAEL

MOORCOCK

Elric of Melnibone

МАЙКЛ

МУРКОК

Элрик из Мелнибонэ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М91

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Michael Moorcock
ELRIC OF MELNIBONE

Перевод с английского А. Лидина, И. Павловского

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).

Подписано в печать 27.12.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 42. Тираж 7000 экз. Заказ № 30.

Муркок, М.
М91 Элрик из Мелнибонэ : [фантаст. роман: пер. с англ.] / Майкл Муркок. — М.: АСТ, 2005. — 795, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-028959-6

Майкл Муркок.
Один из ВЕЛИЧАЙШИХ МАСТЕРОВ ФЭНТЕЗИ.
Гений, стоявший у истоков жанра — и силой своего таланта жанр этот ТВОРИВШИЙ.
Автор УНИКАЛЬНЫЙ по масштабу эпической саги о едином во множестве миров воителе Эрикезе, в каждом мире выступающем под новым именем — Элрик, Корум, Джон, — но в каждом из миров вступающем в борьбу с Повелителями мечей — богами Хаоса...

Элрик из Мелнибонэ.
Воин, принц и маг, покинувший свой дом во имя жажды приключений.
Носитель колдовского, темного меча, обладающего СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕЙ.
Герой, не знающий себе равных среди людей — и способный сражаться с БОГАМИ.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. А. Лидин, И. Павловский, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Элрик из Мелнибонэ

Часть 1
ГРЕЗЯЩИЙ ГОРОД

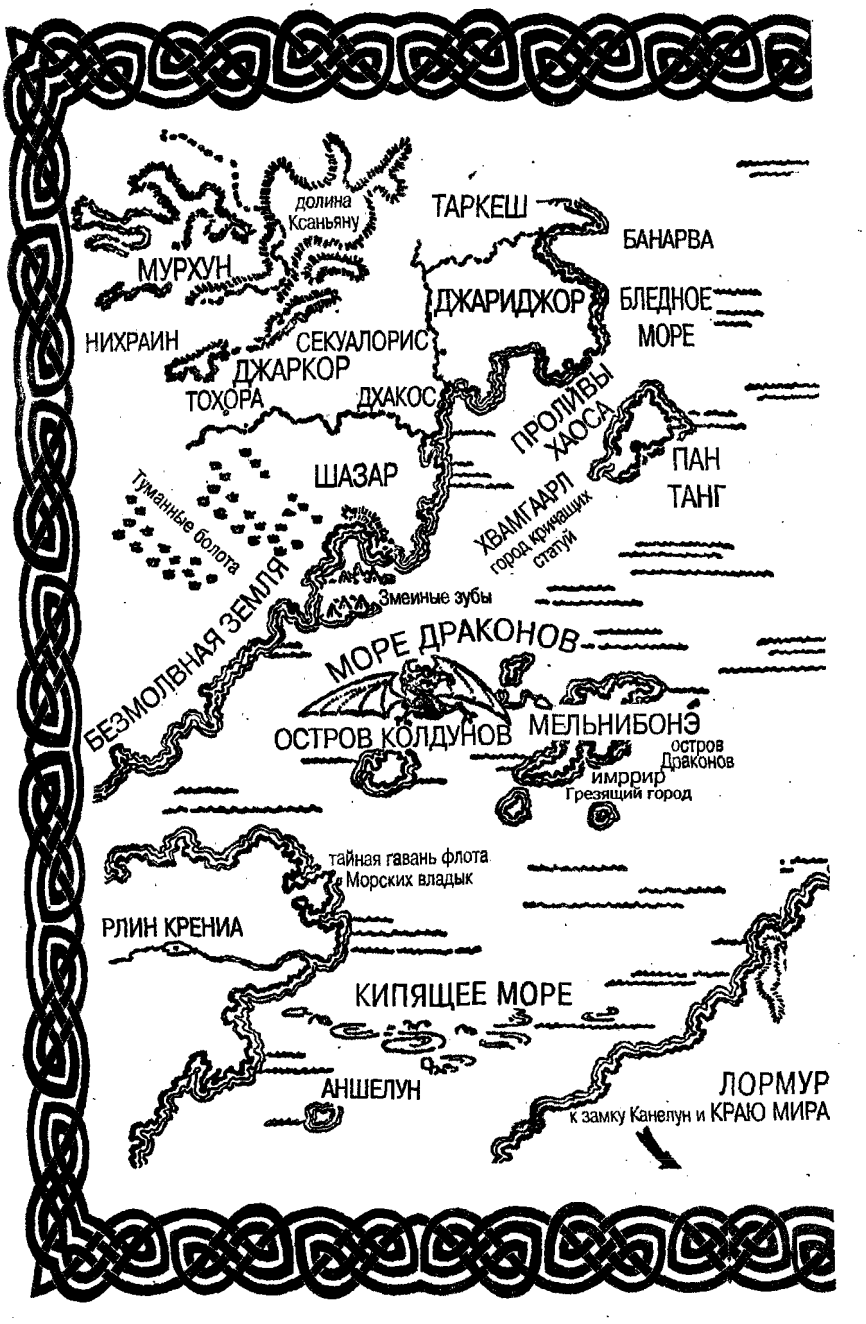
...В островном королевстве Мелнибонэ — обломке великой империи — соблюдали все древние ритуалы. Рассвет этого государства остался далеко в прошлом. Теперь оно лишь торговало с Молодыми королевствами. Столица Мелнибонэ — Имррир — начала превращаться в город торговцев. Но если древние ритуалы стали не нужны, можно ли отказаться от них и избежать гибели? Тот, кто собирался занять место императора Элрика, не думал об этом. Он утверждал, что Элрик разрушает Мелнибонэ, отказываясь выполнять древние ритуалы, но многие жители королевства по-прежнему чествовали Элрика. Так начиналась трагедия, которая произошла много лет назад и привела к гибели всего мира...

«Хроника черного меча»

Глава 1
МЕЛАНХОЛИЧНЫЙ КОРОЛЬ

Кожа короля цветом напоминала выбеленную кость. Белые волосы молочными потоками ниспадали с плеч. На вытянутом и, тем не менее, прекрасном лице сверкали раскосые глаза — темно-красные и печальные. Из широких желтых рукавов торчали тонкие кисти, тоже цвета кости. Пальцы покоились на ручках трона, вырезанного из гигантского рубина.

Беспокойство читалось в глазах альбиноса. Иногда, поднимая руку, он пальцами касался легкого шлема, закрывавшего большую часть его белоснежных волос. Сам шлем был изготовлен из темного, зеленоватого сплава. Его отлили в форме дракона, раскинувшего крылья... А на руке короля, рассеянно гладившей шлем-корону, сверкало кольцо с Акторианским камнем. Внутри драгоценности что-то медленно переливалось,


долина Ксаньяну
ТАРКЕШ
БАНАРВА
МУРХУН
ДЖАРИДЖОР
БЛЕДНОЕ МОРЕ
НИХРАИН
СЕКУАЛОРИС
ДЖАРКОР
ТОХОРА
ДХАКОС
ПРОЛИВЫ ХАОСА
ПАН ТАНГ
ШАЗАР
Туманные болота
ХВАМГАРП город кричащих статуй
Змеиные зубы
БЕЗМОЛВНАЯ ЗЕМЛЯ
МОРЕ ДРАКОНОВ
ОСТРОВ КОЛДУНОВ
МЕЛЬНИБОНЭ
остров Драконов
имррир Грезящий город
тайная гавань флота Морских владык
РЛИН КРЕНИА
КИПЯЩЕЕ МОРЕ
АНШЕЛУН
ЛОРМУР
к замку Канелун и КРАЮ МИРА

В ПХУМ
ТАНЕЛОРН
ПУСТЫНЯ ВЗДОХОВ
ЭЛВЕР ИШМИР
ИЛМАР
КАРЛААК
ПЛАЧУЩАЯ ПУСТЫНЯ
БАКШААН ИЛМИОРА
ОРГ
ЛЕС ТУРУС
ГОРДЖХАНЕ
НАДСОКОР
ДЖАДМАР
ВИЛМИР
СТАРЫЙ ГЛОМАР
ВИЛИРСКИЙ ПРОЛИВ
Мир Элрика из Мелнибонэ
ОСТРОВ ПУРПУРНЫХ БАШЕН
ТЕРПЕСАЗ
СТАГАСАЗ
ФИЛКХАРИЯ
ПИКАРАУД
ИСАЗ
АРГИМИЛИАР
ДХОЭ-КАМ
ОИН
РЕКА ЗАРА-ТЕРПАК
РЕКА АР
ЮУ

словно клубился дым, беспокойный, как и его хозяин — молодой альбинос, восседающий на Троне-Рубине.

Альбинос смотрел вниз, любуясь блеском кварцевых ступеней, у подножия которых развлекались его дворяне, танцуя с таким изяществом и грацией, что больше напоминали духов, чем людей. Альбинос же пытался решить повседневные проблемы. Только это отличало его от большинства его подданных, собравшихся в зале.

Жители Острова драконов — Мелнибонэ — правили миром десять тысяч лет.

Пятьсот лет назад империя распалась... К тому же мелнибонийцы были не совсем людьми. Жестокие и умные, они считались с «повседневными проблемами» много меньше, чем с традициями сотен столетий.

Молодой человек, ныне восседавший на троне, был прямым наследником — четыреста двадцать восьмым в роду колдунов-императоров Мелнибонэ, чья самонадеянность казалась теперь не только высокомерной, но и глупой..

Остров драконов давно потерял былое могущество, и теперь ему то и дело угрожали завоеватели. Столетие или два... и не избежать кровопролитной войны с новыми государствами, так называемыми Молодыми королевствами. Пиратские корабли уже неоднократно пытались попасть на Имррир Прекрасный, Грезящий город — столицу Мелнибонэ — Острова драконов.

Но даже самые близкие друзья императора отказывались верить в то, что Мелнибонэ суждено пасть. Им не нравилось, когда император говорил об этом. Они расценивали замечания на эту тему, как бестактность, дурной тон.

Поэтому император размышлял о гибели Империи в одиночестве. Он печалился о том, что у его отца, Садрика LXXXVI, больше не было детей и не родилось более достойного принца, который мог бы занять место на Троне-Рубине. Садрик умер год назад, и его душа обрела покой. Большую часть жизни отец Элрика оставался верен единственной женщине, своей жене, императрице, которая умерла, родив ему единственного ребенка — наследника-альбиноса. Несмотря на обычаи Мелнибонэ — в этом жители Империи сильно отличались от людей,— Садрик любил жену и после ее смерти не мог найти счастье ни

с кем. Даже сын, убивший ее,— все, что от нее осталось,— не радовал Садрика.

Волшебные лекарства, заклинания и чудодейственные травы помогли юному Элрику сохранить жизнь, искусственно поддерживая ее. Принц, а теперь уже молодой император жил... если это можно назвать жизнью... только благодаря колдовству. Он быстро уставал и без лекарств большую часть дня не мог даже поднять руку.

Если молодой император и находил какое-то преимущество в своей природной слабости, так это возможность много читать. Ему не было и пятнадцати, когда он прочитал все книги в библиотеке отца. Его колдовские знания, основы которых заложил Садрик, оказались намного глубже, чем у многих поколений его предков. Элрик хорошо знал мир за пределами Мелнибонэ, хотя никогда не бывал там. Если бы он захотел, то, пожалуй, мог бы воскресить прежнее могущество Острова драконов и править Молодыми королевствами, став неуязвимым тираном. Но книги научили его думать, прежде чем применять силу, мотивировать свои действия, спрашивать у друзей и у своей совести, как нужно поступать в том или ином случае. Книги подарили ему «повседневные проблемы». Для своих вассалов император был загадкой. Некоторым он казался угрозой. Он никогда не поступал как истинный уроженец Мелнибонэ и как император Мелнибонэ. Его двоюродный брат Юркун, например, не раз высказывал сильные сомнения относительно указов императора. «Хилый школяр принесет нам смерть»,— заявил он как-то ночью Дувиму Твару, хранителю пещер драконов.

Дувим Твар был одним из немногочисленных друзей императора, и он, как положено, доложил о разговоре с Юркуном. Однако молодой король легкомысленно отмахнулся: «всего лишь тривиальная измена»,— в то время как любой из его предков вознаградил бы преданность Дувима Твара и устроил бы изысканную и очень долгую казнь виновному.

Положение императора казалось еще более сложным от того, что Юркун, который почти не скрывал своего отношения к Элрику, был братом Циморил — девушки, которую альбинос считал своим самым близким другом и которую, в один прекрасный день, он хотел сделать императрицей.

* * *

Внизу, там, где на мозаичном полу веселились дворяне, находился и принц Юркун. Разодетый в лучшие шелка, меха и парчу, усеянные прекрасными драгоценностями, он, танцуя, поменял уже сотню партнерш, намекая то одной, то другой, что именно она его госпожа на этот вечер. Его одежды были прекрасны, но выдержаны в темных тонах, а длинные черные волосы вились и сверкали в свете факелов. Его усмешка в этот вечер, как и всегда, носила отпечаток высокомерия. Когда он танцевал, его тяжелый парчовый плащ хлестал других танцующих. Юркун носил плащ так, словно тот был броней или оружием. Большинство придворных не любило принца Юркуна. Некоторые обижались на его высокомерие, но все молчали, когда он хлестал им по ногам тяжелым плащом. Юркун считался могущественным колдуном, и его поведение укладывалось в рамки, установленные этикетом дворян Мелнибонэ. Такого же поведения подданные ожидали и от своего императора.

Элрик это знал. Он хотел поблагодарить придворных за то, что те пытались развеять его скуку, но не мог этого сделать, согласно этикету. С тоской и раздражением наблюдал он за фигурами танца. Возможно, тут он оказался высокомернее Юркуна, который выглядел грубияном.

С галерей доносилась громкая необычная музыка. Это пели рабы, специально отобранные и оперированные таким образом, что каждый из них мог петь только одну ноту. Их пение создавало необычайный музыкальный эффект. Молодой император наслаждался зловещей гармонией их голосов, не похожих на человеческие. «Почему боль порождает столь прекрасное звучание? — удивлялся император.— Почему все красивое создается через боль? Или это и есть секрет великого искусства?»

Но вот Элрик закрыл глаза.

Внизу в зале началось хаотичное движение. Гигантские двери открылись и придворные замерли, разошлись, низко кланяясь, когда в зал вступили стражники в светло-голубых мундирах. Их шлемы, украшенные всевозможными орнаментами, имели самые фантастические формы. В руках воины несли длинные нагинаты с широкими лезвиями, украшенные лента-

ми с драгоценностями. Стражники окружали юную женщину в синем платье. На ее голых руках висело пять или шесть золотых браслетов. Нитки драгоценных камней искрились в ее волосах. Она отличалась от большинства женщин двора: ни в глазах ее, ни в ее скулах не было и следа болезни, которая, казалось, свойственна всем остальным мелнибонийцам. Элрик улыбнулся. Согласно традиции, ко двору Циморил сопровождали воины ее личной гвардии. Процессия приблизилась к Трону-Рубину, Элрик медленно встал, протянув руки к принцессе.

— Циморил, я не думал, что этой ночью ты решишь осчастливить меня своим посещением.

— Мой император, я решила поговорить с тобой,— улыбнулась она.

Принцесса знала: император скучает, и она — одна из немногих, с кем ему будет интересно поговорить.

— Пожалуйста, садись, дорогая Циморил,— Элрик вернулся на свое место, но нагнулся вперед, когда девушка села, вглядываясь в его глаза со смешанным выражением насмешки и нежности... Если бы обычаи позволяли, Элрик предложил бы ей сесть рядом с собой на трон, но вместо этого девушка вынуждена была присесть на верхней ступени лестницы, у его ног.

Когда удалилась охрана, чтобы смешаться со стоящей на ее ступенях охраной Элрика, Циморил спросила так, чтобы вопрос ее мог расслышать лишь император:

— Ты поедешь завтра со мной на берег моря?

— Есть дела, которые необходимо уладить...— молодой император все еще напряженно думал о чем-то.

Несколько недель назад, покинув город, он совершил с Циморил прогулку верхом. Ее эскорт сопровождал их на некотором расстоянии.

— И охрана, как всегда, будет необходима? — спросила красавица.

Элрик пожал плечами.

— А теперь скажи: какие неотложные дела есть в Мелнибонэ? — продолжала Циморил.— За десять тысяч лет наши предки решили уже все проблемы.

Улыбка короля стала насмешливой, словно у юного школяра, который собирается прогулять занятия домашнего учителя.

— Хорошо... Мы уедем рано утром, до того, как проснется город.

— Воздух за городом чистый. Солнце хорошо греет в это время года. Небо голубое и безоблачное...

— Имея дело с колдуном, ты можешь быть спокойна! — улыбнулся Элрик.

Циморил опустила глаза, разглядывая рисунок мрамора на ступени у своих ног.

— Я не знаю. У меня же нет друзей среди элементалей...

Элрик потянулся к девушке, погладил ее густые, мягкие волосы.

— Юркун знает об этом?

— Нет.

Принц Юркун не хотел учить колдовству свою сестру. Единственными друзьями брата Циморил были темные сверхъестественные существа, но он знал, что с ними опасно иметь дело. Он давно примирился с тем, что все, связанное с колдовством,— опасно. Более того, Юркун боялся силы, которой обладал. Как и Элрик, он ненавидел ее.

— Будем надеяться, что завтра все жители Мелнибонэ обрадуются хорошей погоде и меня не будет мучить чувство вины,— продолжил Элрик.

Циморил с любопытством посмотрела на него. Она была урожденной принцессой Мелнибонэ. Для нее не имело значения, что колдовство, приятное для нее, может кому-то не понравиться. Потом она пожала нежными плечиками и легко коснулась руки своего повелителя.

— Эта «вина»...— с сомнением заметила она.— Эти происки совести... Своим примитивным разумом я не могу понять их.

— Тем не менее я должен думать о своих подданных. Это может показаться непрактичным, но один из наших предков предсказывал перемены в самой природе нашей земли: духовные и физические перемены среди людей. Возможно, я — первый изменившийся. Иногда я думаю как чужеземец, а не как житель Мелнибонэ.

Грянула музыка. Потом накатилась тишина. Придворные перестали танцевать и повернулись к Элрику и Циморил, беседовавшим на возвышении. Их разговор наводил на размышления. Когда же Элрик объявит, что Циморил станет императ-

рицей? Возродит ли Элрик обычай, который отменил Садрик: обычай, по которому двадцать девушек и их женихов закапывали, принося в жертву Повелителям Хаоса? Обряд гарантировал хорошую семейную жизнь правителям Мелнибонэ. Садрик отказался приносить жертвы и этим обрек на смерть себя и свою жену, которая, родив хилого ребенка, поставила под угрозу прямую ветвь монархов. Элрик должен был возобновить жертвоприношения. Судьба отца должна была насторожить его.

Некоторые говорили, что альбинос всегда нарушает традиции и тем самым ставит под угрозу не только собственную жизнь, но и существование самого Мелнибонэ, нерушимость его устоев. Те, кто так говорил, хорошо отзывались о принце Юркуне. Сам принц, по-видимому, не подозревал о содержании разговора своей сестры и двоюродного брата, сидевшего на самом краю Трона-Рубина. По его мнению, император забыл о достоинстве — достоинстве того, кто никогда не отвергал жестокости,— о пренебрежительной спеси, в прошлом отличавшей императоров Мелнибонэ. Вместо этого Элрик оживленно разговаривал с дамой, забыв о придворных, танцующих для его увеселения.

Внезапно, приняв какое-то решение, принц Юркун направился к императору. Его действия привлекли внимание находившегося в другом конце зала Дувима Твара, хранителя пещер драконов. Дувим Твар поднял руку к поясу, к тому месту, где обычно висел меч. Но меча на месте не оказалось — закон гласил: «Нельзя носить оружие на королевском балу». Дувим Твар видел, как принц Юркун, воспользовавшись привилегией высокородного дворянина, стал подниматься по ступеням к Трону-Рубину. Множество глаз следило за двоюродным братом императора. Никто не танцевал, хотя снова заиграла музыка, быстро набравшая дикий темп, так как надсмотрщики над поющими рабами начали подгонять своих подопечных, чувствуя напряжение, воцарившееся в зале.

Элрик заметил Юркуна, когда тот уже стоял почти у самого трона, на ступеньку ниже того места, где сидела Циморил. Юркун поклонился императору, но его поклон выглядел утонченным издевательством.

— Я в полном распоряжении нашего императора...— начал он.

Глава 2
ПРИНЦ-ВЫСКОЧКА

— Брат мой, вам нравится этот бал? — спросил Элрик, понимая, что мелодраматическим появлением Юркун хотел застать его врасплох и, если бы представилась такая возможность, унизить в глазах придворных.— Вам нравится музыка?

Юркун опустил глаза. Уголки его рта растянулись в потаенной улыбке.

— Все великолепно, мой господин. Но что с вами? Вам, видимо, что-то не нравится? Танцы больше не услаждают ваш взор?

Элрик попытался встретиться взглядом с Юркуном.

— Я наслаждаюсь танцами, брат мой. Разве можно иначе относиться к дарам моих подданных?

Юркун выглядел несколько удивленным.

Его глаза широко раскрылись. Наконец он отважился взглянуть в глаза Элрика. Но теперь уже император отвел взгляд, уставившись в пол, а потом поднял руку, указав на музыкальные галереи.

— Их боль приносит мне наслаждение. Не беспокойтесь, брат. Мне хорошо. Я доволен. Вы можете идти танцевать, и будьте уверены, императору нравится бал.

Но оказалось, Юркуна не так-то просто сбить с толку.

— Уверен, если придворные уйдут с бала опечаленными, начнутся волнения. Люди станут спрашивать друг друга: почему их танцы не понравились императору? Правитель Мелнибонэ должен демонстративно показать, что ему нравится, как его развлекают.

— Напомню вам, мой брат, император ничего не должен своим подданным,— спокойно ответил Элрик.— Я должен лишь править ими. В этом мой долг, и таковы обычаи нашего королевства.

Юркун не ожидал, что Элрик использует против него такие аргументы, но, почти сразу же оправившись, возразил:

— Согласен, мой повелитель. Долг императора — править своими подданными. Возможно, именно поэтому многие из них не могут наслаждаться балом, как вы.

— Не понимаю вас, мой брат.

Сжав кулаки, встала Циморил. Она стояла на ступеньку выше брата, напряженная, взволнованная. Шутливые нотки в голосе Юркуна встревожили ее... Его пренебрежение...

— Юркун! — воскликнула она.

Принц сделал вид, что только сейчас заметил девушку.

— Сестричка, я вижу, ты — причина, по которой император пренебрегает нашими танцами.

— Юркун! — прошипела Циморил.— Ты заходишь слишком далеко. Император терпелив, но...

— Терпелив? Или беззаботен? Может, его не волнуют традиции нашего народа? Может, он презирает то, чем гордится наш народ?

Дувим Твар уже поднимался на возвышение. Очевидно, он тоже понял, что Юркун решил проверить силу Элрика.

Циморил была поражена поведением брата.

— Юркун, если ты останешься жив...

— Меня не волнует моя жизнь, если погибнет душа Мелнибонэ. А об этом должен заботиться император. Но что же делать, если наш император не может нести такую ответственность? Что, если наш император — слаб и его не волнует величие Острова драконов?

— Гипотетический вопрос, брат мой,— спокойно ответил Элрик, чуть растягивая слова.— Такой император никогда не сидел на Троне-Рубине и сидеть не будет.

Подошел Дувим Твар и положил руку на плечо Юркуна.

— Принц, если вы хотите не уронить свое достоинство и сохранить жизнь...

Элрик поднял руку.

— Дувим Твар! Ты тут не нужен. Пусть принц Юркун продолжает развлекать нас своими интеллектуальными изысканиями. Опасаясь, что я заскучаю от танцев и музыки, он решил выступить с пламенной речью. Должен сказать, принц, вы добились своего,— последние слова Элрика прозвучали с покровительственной теплотой.— Теперь вы свободны, брат мой. Ваши слова в какой-то мере заинтересовали меня. Но в дальнейшем советую выбирать более весомые аргументы.

Юркун оглянулся, словно ища поддержки, но все его сторонники остались внизу в зале. Только друзья Элрика, Дувим

Твар и Циморил, находились рядом с императором. Принц, конечно, знал, что его сторонники слышали каждое его слово. Он потеряет лицо, если какой-нибудь дерзостью не отплатит альбиносу.

Сейчас Элрик приказал Юркуну удалиться. Но они продолжат словесную битву в другой день, в другом месте. Однако отступить было невозможно. Элрик, в свою очередь, не хотел подшучивать над Юркуном, но раз так вышло, императору хотелось сменить тему — так же, как двум сестрам, которые поссорились из-за того, кому первому играть с рабами. Император недвусмысленно намекнул, что ему не о чем разговаривать с двоюродным братом. Юркун же попытался возобновить свои нападки:

— Давайте предположим, что физически немощный император может оказаться слишком слаб, чтобы править нами, как приличествует...

Элрик поднял руку, заставив принца замолчать.

— Вы сказали достаточно, дорогой брат. Более, чем достаточно. Вы, наверное, устали от этого разговора и теперь хотите потанцевать. Я понял, что вас интересует. Чувствую, как скука и впрямь закрадывается в мое сердце.— Элрик сделал знак старому слуге, который стоял неподалеку среди воинов.— Танглебонес, подай плащ!

Элрик встал.

— Еще раз благодарю вас, мой брат, за то, что вы поделились со мной столь глубокими соображениями.— Потом император обратился к собравшимся в зале: — Мне понравились ваши танцы, а теперь я ухожу.

Танглебонес принес плащ из белого лисьего меха и накинул его на плечи своего господина. Слуга был очень стар, но казался гораздо выше Элрика, хотя его спину согнули годы. Его руки, узловатые и кривые, напоминали ветви сильного старого дерева.

Элрик спустился с возвышения и вышел в коридор, ведущий в его покои.

* * *

Юркун был рассержен. Он крутился возле трона, то и дело открывая рот, словно собирался обратиться к наблюдавшим за

ним дворянам. Некоторые из тех, кто не поддерживал его, откровенно улыбались. Уперев руки в бока, принц сердито огляделся и наконец остановил взгляд на Дувиме Тваре. Тонкогубый рот Юркуна растянулся в усмешке, принц собрался было заговорить. Однако Дувим Твар так холодно посмотрел на него, что Юркун так ничего и не сказал.

Вместо этого он запрокинул голову, так что волосы, курчавые и блестящие, хлестнули его по спине, и захохотал.

Хриплый смех принца разнесся по залу. Музыка стихла, но Юркун продолжал смеяться. А потом он начал медленно подниматься на возвышение, запахнув свой тяжелый плащ.

Ему навстречу шагнула Циморил.

— Юркун, пожалуйста, не...

Принц отодвинул сестру в сторону одним резким движением плеча.

Он направился прямо к Трону-Рубину. Стало понятно, что он хочет сесть на трон и тем самым нарушить один из самых священных запретов Мелнибонэ. Циморил метнулась вслед за ним и схватила его за руку.

Принц захохотал еще громче.

— Они бы хотели видеть на троне Юркуна,— объяснил он сестре. Девушка задохнулась и, в ужасе ища поддержки, посмотрела на угрюмого и злого Дувима Твара.

Хранитель пещер драконов жестом отдал приказ стражникам, и две шеренги вооруженных воинов встали между троном и Юркуном.

Обернувшись, принц пристально взглянул на старого воина.

— После того как погибнет твой хозяин, ты будешь мечтать о смерти,— прошипел он.

— Стражи проводят вас вниз со всевозможными почестями,— спокойно ответил Дувим Твар.— Мы все слишком распалились от ваших предположений, дорогой принц.

Юркун молчал, разглядывая Дувима Твара. Но вот он расслабился и пожал плечами.

— Время покажет. Если Элрик не отречется сам, его свергнут.

Циморил напряглась. Ее глаза засверкали.

— Если ты повредишь Элрику, я сама убью тебя,— заявила она брату.

Юркун приподнял тонкие брови и улыбнулся. В этот миг могло показаться, что он ненавидит свою сестру даже больше, чем своего царственного брата.

— Твоя любовь уже определила твою судьбу, Циморил. Я скорее убью тебя, чем дам тебе родить ребенка от этого выродка. Не хочу, чтобы кровь нашего рода ослабла, стала прокаженной... соприкоснувшись... с его кровью. Прежде чем проклинать меня, сестричка, посмотри на себя.

И Юркун промчался вниз по ступенькам, расталкивая тех, кто подходил поздравить его. Он знал, что проиграл, и нашептывания льстецов только распаляли его ярость.

Огромные двери зала с грохотом захлопнулись за его спиной.

Дувим Твар высоко поднял руки, чтобы привлечь к себе внимание.

— Танцуйте! Пусть те угощения, что приготовлены для вас, понравятся вам. Тут собрано все лучшее, что есть у императора.

Теперь в зале почти не осталось танцующих пар. Большинство дворян возбужденно разговаривали, горячо обсуждая случившееся.

Дувим Твар повернулся к Циморил.

— Принцесса Циморил, Элрик не желает признавать, что Юркун опасен. Ваш брат принесет всем нам несчастье.

— Да, и императору тоже,— вздохнула Циморил.

— Конечно. Он опасен. Но как мы можем избежать несчастья, если Элрик так и не приказал арестовать своего двоюродного брата?

— Элрик верит, что таким, как Юркун, не надо затыкать рот. Такая у него философия. Я не могу этого понять. Но император в это верит. Если он уничтожит Юркуна, то уничтожит основу своей философии. По крайней мере, он так объяснил мне свое поведение, хранитель пещер драконов.

Дувим Твар вздохнул и нахмурился, не в силах понять мотивы, которыми руководствовался Элрик. Он боялся, так как симпатизировал взглядам Юркуна. Мотивы и аргументы Юркуна были ему понятны. И еще он хорошо знал характер Элрика и верил, что действия альбиноса диктуются его вялостью и природной слабостью. Парадокс же заключался в сле-

дующем: Элрик терпел поучения Юркуна, потому что считал себя сильным и мог уничтожить мятежного принца без всяких хлопот. А Юркун должен был все время проверять силу Элрика, инстинктивно чувствуя, что если король и в самом деле окажется слаб, то прикажет его убить. Тогда Юркун выиграет. Запутанно! Больше всего Дувим Твар хотел оказаться втянутым в это дело. Он оставался преданным королевской династии Мелнибонэ, и поэтому он верой и правдой служил альбиносу и не мог не защищать интересы императора. Он даже подумывал, а не убить ли Юркуна тайно, хотя знал: такой план обречен на провал. Юркун — могущественный колдун, и сомнительно, чтобы он не опасался покушений на свою жизнь.

— Принцесса Циморил, я молю о том, чтобы ваш брат отравился ядом своей ненависти,— после затянувшейся паузы вздохнул Дувим Твар.

— Присоединяюсь, хранитель пещер драконов,— ответила девушка.

Вместе они покинули зал.

Глава 3
УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Лучи солнца едва коснулись высоких башен Имррира, и те засверкали. Каждая башня имела свой цвет, а каждый цвет — тысячи нежных оттенков: от розовых гвоздик до желтой пыльцы; от ядовитого пурпура до бледной зелени; от лиловых, коричневых и оранжевых до мутно-синих; от белого до цвета золотой пудры. В солнечном свете все башни были прекрасны.

Два всадника выехали из Грезящего города и поскакали по зеленым лугам к хвойному лесу, где среди деревьев, в тени, еще затаился ночной сумрак. Заволновались белки, лисы заползли в норы. Пели птицы, и цветы уже раскрыли бутоны, наполнив воздух пьянящими ароматами. Насекомые лениво перелетали с цветка на цветок. Контраст между городом и лесом был очень разительным. И это соответствовало настроению, по крайней мере, одного из всадников — мужчины, который уже спрыгнул с коня и теперь вел его в поводу, по колени утопая в голубых цветах. Другим всадником была девушка. Она остановила лошадь, но не спешилась. Осторожно

склонившись над передней лукой седла, типичного в Мелнибонэ, она улыбалась своему возлюбленному.

— Элрик, ты хочешь остановиться так близко от Имррира?

Король, оглянувшись через плечо, улыбнулся своей спутнице.

— Пожалуйста, не торопись. Мы же так поспешно бежали из города... Я должен собраться с мыслями, прежде чем мы поедем дальше.

— Как тебе спалось?

— Хорошо, Циморил. Кажется, я видел сон, но позабыл его, когда проснулся. К тому же вчерашняя встреча с Юркуном огорчила меня...

— Думаешь, он хочет использовать против тебя свое колдовство?

Элрик пожал плечами.

— Я не думаю, что он нападет на меня с помощью колдовства... Он знает мою силу... Сомневаюсь, что он посмеет воспользоваться чарами...

— У него есть причины поверить в твое могущество, даже не испытывая его. Он так долго следил за тобой... Разве он не может найти слабое место в твоих заклинаниях? Может, он начнет испытывать твои колдовские силы, как проверял твое терпение?

Элрик нахмурился.

— Да, думаю, это возможно. Стоит принять меры.

— Юркун не обретет покоя и не будет счастлив до тех пор, пока не уничтожит тебя, Элрик.

— Но он может и сам при этом погибнуть, Циморил.— Элрик нагнулся, сорвал цветок, а потом улыбнулся.— Твой брат не склонен внимать голосу рассудка. Ведь так? А как ослабляет слабая ненависть!

Циморил поняла, что император имел в виду. Она грациозно соскочила с коня и подошла к своему повелителю. Ее щечки раскраснелись. Элрик протянул ей цветок, и она с улыбкой приняла его дар, коснувшись нежных лепестков прекрасными губами.

— А насколько сильна твоя ненависть, моя любовь? Юркун мой брат, но я дам тебе добрый совет... Используй против него всю свою силу.

— Я не могу убить его. Не имею права.— Лицо Элрика стало задумчивым.

— Ты можешь выслать его из империи.

— Для жителя Мелнибонэ ссылка равносильна смерти.

— Ты же сам говорил, что готовишься отправиться путешествовать в земли Молодых королевств.

Элрик горько рассмеялся.

— Возможно, я не настоящий мелнибониец. Юркун сказал правду... и часть придворных думает точно так же.

— Он ненавидит тебя, потому что ты по натуре созерцатель. И отец твой был созерцателем. Но никто же не говорил, что он был плохим императором.

— Мой отец предпочитал не пользоваться выводами, которые делал, предаваясь созерцанию. Он правил как истинный император. Допускаю, что и Юркун станет править как настоящий император, хотя он тоже не намерен возрождать былое величие Мелнибонэ. Вместо этого он посадит армию на корабли и начнет завоевывать страну за страной, восстанавливая империю, предавая мечу и огню все новые и новые земли. Что принесет это большинству жителей острова? Смерть! Разве я не прав?

— Ты прав, потому что ты — император. Все законопослушные граждане думают как ты.

— Возможно, я обманываю их. Может, прав Юркун, а я, предав тех, кто служит мне, веду Остров драконов к гибели? — Печальные темно-красные глаза альбиноса смотрели прямо на Циморил, следя за выражением ее лица.— Возможно, было бы лучше, если бы я умер сразу, лишь только покинул материнскую утробу. Тогда бы императором стал Юркун. Но разве можно перечить судьбе?

— Судьбе никто не перечит. Что случилось, то и случилось. Так предопределила судьба... Если, конечно, существует такая вещь, как судьба, и если действия людей кто-то предопределяет.

Элрик глубоко вздохнул, иронично посмотрев на Циморил.

— Твоя логика приведет тебя к ереси, Циморил, если мы станем и далее блюсти традиции Мелнибонэ. Лучше будет, если ты порвешь со мной все отношения.

Девушка засмеялась.

— Ты начинаешь говорить как мой брат. Ты испытываешь мою любовь, мой повелитель?

Альбинос вскочил в седло своего жеребца.

— Нет, Циморил, но я советую тебе подумать о моих словах. Я чувствую, что наша любовь — начало великой трагедии.

Циморил выпрямилась в седле и улыбнулась.

— Ты повсюду видишь гибель. Почему ты не допускаешь, что судьба преподнесет тебе подарок? Так часто случается, мой повелитель.

— Конечно. Но не со мной,

Они повернулись, услышав за спиной стук копыт, и увидели вдали группу всадников в желтых одеждах — своих телохранителей, которых оставили далеко позади, решив прогуляться в одиночестве.

— Поехали! — воскликнул Элрик.— Отправимся через лес к тому холму. Тогда нас никогда не найдут!

Элрик и Циморил пришпорили скакунов и понеслись через пронзенный солнечными лучами лес к холму, а потом спустились по его противоположному склону и поскакали дальше по равнине, поросшей кустарником *нойдела* с сочными, ядовитыми пурпурно-синими ягодами.

На Острове драконов росло много странных ягод и трав, в том числе и те, что поддерживали жизнь Элрика. Ими часто пользовались для колдовства. Растения собирали многие поколения предков Элрика. Но ныне в Имррире осталось всего несколько человек, которые умели пользоваться волшебными травами. Большую часть острова посещали только рабы. Они собирали корешки и грибы, с помощью которых люди погружались в наркотические сны — в миры удивительных прекрасных грез. Этими сновидениями дворяне Мелнибонэ скрашивали свое существование. Большинство мелнибонийцев были угрюмыми, замкнутыми. Именно из-за корешков и грибов, которые погружали все население империи в наркотический сон, Имррир стали называть Грезящим городом. Даже самые жалкие рабы жевали ягоды в поисках забвения. Но порой рабами было трудно управлять, особенно если они принимали слишком большую дозу. Элрик же давно отказался от наркотиков. Ему и так требовалось много лекарств, чтобы поддерживать жизнь в своем хилом теле...

Телохранители в желтых одеждах остались где-то позади. Элрик с Циморил пересекли равнину. Заросли *нойдела* остались далеко позади. Беглецы выехали к утесам, у подножия которых плескалось море.

Морской берег сверкал. Волны лениво наползали на белый песок под утесами. Морские птицы кружили в чистом небе, и их крики звучали чуть приглушенно, создавая ощущение умиротворенности — как раз то, что искали Элрик и Циморил. Любовники молча направили скакунов вниз по узкой тропке. Очутившись на берегу, они стреножили животных и дальше отправились пешком. Их волосы: его — белые, и ее — черные как смоль — развевались на ветру.

Император и его возлюбленная обнаружили огромную сухую пещеру, куда доносились отголоски прибоя, которому вторило тихое эхо. Любовники сняли шелковые одежды. Они ласкали и любили друг друга. Потом они весь день лежали, взявшись за руки. День выдался теплым, и ветер почти стих. Отдохнув, любовники искупались. Они смеялись, бегая вдоль берега.

* * *

Обсохнув, Элрик и Циморил оделись. К тому времени горизонт на востоке начал темнеть.

— Перед тем как вернуться в Имррир, мы снова искупаемся...— проворчал Элрик.— Даже если мы поскачем очень быстро, буря все равно застанет нас в пути и дождь омоет нас.

— Может, лучше переждать бурю в пещере? — предложила девушка, подойдя и прижавшись к альбиносу всем телом.

— Нет,— ответил император.— Я должен вернуться в Имррир, чтобы принять лекарства. Еще час или два, и я начну слабеть. Ты же знаешь, каким слабым я бываю иногда.

Она погладила лицо альбиноса, с любовью разглядывая его.

— Конечно. Я же видела тебя слабым, Элрик. Но пойдем, поищем наших лошадей.

* * *

Когда они нашли лошадей, небо стало серым. С востока подползала кипящая черная масса. Влюбленные слышали от-

голоски грома. В небе то и дело вспыхивали молнии. Волны молотили по берегу, словно море заразилось истерией от неба. Лошади фыркали и рыли копытами песок, тоже желая вернуться. Когда Элрик и Циморил сели в седла, на них обрушились первые крупные дождевые капли, которые, сверкая в свете молнии, стали стекать по их плащам.

Затем любовники неожиданно очутились в полной темноте. Лишь в небесах сверкали молнии и где-то далеко-далеко гремел гром, словно разъяренный гигант — огромный, древний Повелитель Хаоса — пытался пробиться в их измерение.

Циморил всматривалась в бледное лицо Элрика, которое то и дело высвечивали вспышки молний. Вдруг девушке стало холодно, но не от ветра и дождя. Ей на мгновение показалось, что лицо ласкового школяра, которого она любила, превратилось в маску порожденного адом демона, в морду чудовища, лишь отдаленно напоминавшую лицо человека. Темно-красные глаза альбиноса сверкали, словно костры Девятого круга Ада. Белые волосы развевались, будто перья шлема. В неровном свете бури рот императора кривился в гримасе то ли гнева, то ли агонии.

Внезапно Циморил все поняла.

Она поняла, что утренняя прогулка была их последним свиданием. Буря — знак богов. Значит, приближаются опасности. Мирные времена закончились.

Девушка снова взглянула на своего императора. Элрик смеялся, подняв лицо навстречу теплому дождю. Вода била в его открытый рот. Его смех казался беззаботным веселым смехом счастливого ребенка.

Циморил тоже пыталась засмеяться, но потом отвернулась, чтобы император не видел ее лица. Она плакала...

Принцесса плакала, пока вдали не показался Имррир... черные гротескные башни на фоне освещенного молниями неба. Башни ничуть не портили пейзажа...

Глава 4
ПЛЕННЫЕ

Человек в желтых доспехах увидел Элрика и Циморил, когда те появились у самых маленьких восточных ворот города.

— Стража слишком поздно заметила нас,— улыбнулся Элрик, не обращая внимания на дождь.— Но уже довольно поздно, ведь так, дорогая?

Девушка, пытаясь избавиться от ощущения надвигающегося несчастья, кивнула и окликнула стражника:

— Эй, поторопись, мы промокли!

Тут, подгоняя коня, подъехал капитан стражи.

— Мой повелитель... Император, вас ждут в башне Моншана. Туда отвели шпионов, пойманных в Лабиринте.

— Шпионов?

— Да, мой повелитель,— лицо капитана побледнело. Вода потоком стекала с его шлема и тонкого темного плаща. Его конь хорошо слушался поводьев и старался не ступать в лужи, собравшиеся на дороге в колеях.— Шпионов поймали утром в Лабиринте. Южные варвары. Они носили одежды из клетчатых тканей. Мы не убили их, ожидая вашего возвращения, в надежде, что вы сами захотите допросить их.

Элрик попрощался с Циморил, а потом вновь повернулся к капитану.

— Поехали. Посмотрим на отважных дураков, которые посмели сунуться в Лабиринт Мелнибонэ.

* * *

Башня Моншана была названа в честь колдуна-архитектора, спроектировавшего Лабиринт несколько тысячелетий назад.

Лабиринт...

Только по нему можно было попасть в залив Имррира. Секреты Лабиринта оберегала бдительная стража. Лабиринт защищал город от внезапного нападения... запутанный Лабиринт, в котором было полным-полно потайных проходов. До того как построили Лабиринт, озеро Имррира, которое многие называли заливом, соединялось с морем системой естественных пещер, которые пробила вода в утесах, отделявших его от океана. Через морской Лабиринт можно было проплыть пятью различными маршрутами. Существовали лоцманы, каждый из которых знал только свой маршрут. Во внешней стене утесов строители пробили пять входных отверстий. Здесь корабли Молодых королевств ожидали, когда к ним на борт

поднимется лоцман. Потом ворота открывались. Всем морякам на борту корабля завязывали глаза, включая даже рабов на веслах, а рулевые надевали на головы большие металлические шлемы. Если корабль не повиновался инструкциям лоцманов, то он очень быстро терпел кораблекрушение. Жителей Мелнибонэ это не печалило, тем более что всех членов команды потерпевшего крушение судна хватала стража, и они становились рабами. Все, кто пытался торговать с Грезящим городом, понимали, что рискуют, но каждый месяц два десятка купеческих кораблей, презрев опасность, подплывали к Лабиринту, надеясь обменять свои жалкие товары на сокровища Мелнибонэ...

Башня Моншана, сложенная из зеленого камня, возвышалась над массивным молом, который доходил до середины лагуны. Башня выглядела приземистой по сравнению с большинством башен Имррира, хотя своим видом радовала взор: ее широкие окна располагались таким образом, что из башни можно было видеть все озеро. В Башне Моншана решались дела, связанные с морской торговлей. А в ее подвалах томились заключенные — те, кто нарушил хотя бы один из множества законов, по которым Имррир вел торговлю с Молодыми королевствами...

Когда влюбленные вернулись в город, Циморил под охраной стражников отправилась во дворец, а Элрик, нырнув под аркой в основании Башни Моншана, разогнал купцов, ожидающих разрешения начать торговлю, и въехал во внутренние помещения Башни в сопровождении телохранителей. На первом этаже Башни толпились моряки, купцы и чиновники Мелнибонэ, занимающиеся делами торговли. Сами же товары находились не здесь. Эхо вторило сотням голосов, обсуждающим тысячи аспектов различных сделок. Когда в зал горделиво въехал Элрик и его охрана, все разговоры стихли. Пока император не покинул зал, выехав через темную арку в противоположной стене, в помещении царила тишина. За этой аркой начинался пандус, ведущий в подвалы Башни.

С грохотом проскакав по пандусу, мимо рабов, слуг и чиновников, которые расступались и низко кланялись при виде императора, всадники очутились в туннеле. Подземелье освещали огромные факелы — оплывшие и отбрасывающие искаженные тени на гладкие обсидиановые стены. Воздух здесь

был холодным и сырым. По стенам стекала вода. Где-то наверху остались набережные Имррира. Император проехал по пандусу дальше вниз через туннель в оплавленной скале. Волна жара, поднимающаяся из подземелий, окатила Элрика. Теперь он очутился в зале, полном дыма. Тут витал запах страха. С низкого потолка свисали цепи. На восьми из них болтались четыре человека, подвешенные за ноги. С них сорвали всю одежду. Тела их были окровавлены. Из множества мелких порезов сочилась кровь, а палач-виртуоз стоял рядом, сжимая скальпель в руке и наслаждаясь плодами своей работы.

Высокий и очень худой, он напоминал скелет в испачканной краской одежде. У него были тонкие губы, глаза-щелки, изящные чувствительные пальцы, мягкие волосы. Крошечный скальпель в его руке лишь изредка сверкал в свете пламени, вырывавшегося из шахты в дальнем конце пещеры. Палача-виртуоза звали Доктор Шутка, и искусство, которое он практиковал, не было простым ремеслом. Оно больше напоминало искусство, хотя сам палач мог доказать и обратное. Доктор Шутка был главным палачом Мелнибонэ. Когда появился Элрик, Доктор быстро обернулся, держа скальпель между большим и указательным пальцами правой руки. Он долго стоял, позируя в ожидании, словно танцор, а потом согнулся в талии, завершив поклон.

— Мой дорогой император! — у него был очень высокий голос. Звук вырывался из его глотки, словно ища спасения.

— Доктор, этих южан поймали утром?

— Именно так, мой повелитель,— палач проделал еще один извивающийся поклон.— Все приготовлено для вашего удовольствия.

Элрик холодно осмотрел пленных варваров. Он не чувствовал к ним симпатии. Несчастные были шпионами и сами сделали выбор, зная, что может случиться, если их поймают. Однако один из них оказался мальчиком, а другой — женщиной. Кажется... Разобрать было трудно, так как все пленные, словно гусеницы, извивались на цепях. Женщина, увидев Элрика, проскрипела остатками зубов:

— Демон!

— Они рассказали, чем занимались в нашем Лабиринте, Доктор Шутка? — спросил Элрик, отступив.

— Измучили меня недомолвками. Хотят придать своей смерти драматический оттенок. Я это оценил. Думаю, они составляли карту Лабиринта, которой потом могли бы воспользоваться грабители. Они пока скрывают детали. Беседа с ними напоминает азартную игру. Но мы знаем правила...

— И когда же они заговорят, Доктор Шутка?

— Надеюсь, скоро, мой повелитель.

— Постарайся расспросить их как можно лучше, на тот случай, если они и в самом деле собираются напасть на Иррир. Чем скорее мы узнаем истину, тем меньше будут наши потери. Разве не так, Доктор?

— Ваше желание будет исполнено, мой повелитель.

— Очень хорошо.

Элрик сильно разозлился из-за того, что так грубо был нарушен его распорядок дня. История с варварами испортила ему настроение. Он снова столкнулся с «повседневными проблемами».

Тем временем Доктор Шутка вернулся к своим занятиям. Свободной рукой он схватил одного из пленных за гениталии. Сверкнул скальпель. Раздался стон. Доктор Шутка что-то швырнул в огонь. Элрик, спешившись, сел в подготовленное для него кресло. Он заскучал еще сильнее, чем обычно. Запутанные рассказы шпионов, крики боли, звон цепей, тонкий голос Доктора Шутки, который что-то нашептывал пленным, окончательно испортили Элрику настроение. Однако его присутствие было одной из его обязанностей. Император был обязан находиться в пыточной до тех пор, пока не узнает все необходимое, не поблагодарит палача и не отдаст необходимые приказания, чтобы подготовить город к отражению нападения, а потом он должен собрать на совет своих адмиралов и генералов. Совещание, возможно, займет большую часть ночи. Будут споры о диспозиции войск и флота... Не скрывая зевков, император, развалившись в кресле, наблюдал, как Доктор Шутка пальцами, скальпелем, языком и щипцами с пинцетом работал над телами пленных. Потом император задумался о другом: о философских проблемах, решить которые казался не в состоянии.

Не то чтобы Элрик был жестоким: он просто родился мелнибонийцем. Умение спокойно созерцать пытки воспитывали в нем с детства. Он не смог бы спасти пленных, не нарушив

обычаев Острова драконов, даже если бы захотел. В любом случае, это были примитивные существа, и, убивая их, Доктор Шутка поступал гуманно. Элрик просто отключил те чувства, которые мешали ему выполнять долг императора. Конечно, если бы Элрик дал знак освободить четырех шпионов, танцующих вверх ногами под опытными прикосновениями Доктора Шутки, их бы освободили. Но он не собирался отдавать такой приказ, да и пленные сильно бы удивились, если бы с ними обращались иначе. Там, где дело касалось морали, Элрик почти всегда поступал практично. Он все делал в соответствии с исполняемой ролью. И в данном случае он никого не собирался спасать. Такое поведение было его второй натурой. Он не имел желания ни проводить в Мелнибонэ реформы, ни делать что-то по личной инициативе. Он выбрал другой путь, по-другому реагировал на неприятные ему действия. Так поступать ему было легко еще и потому, что шпионы по своей сути являлись агрессорами. А Доктор Шутка, выведывая их тайны, защищал Грезящий город. Пытки же всегда считались в Мелнибонэ лучшим способом узнать истину.

— Мой повелитель?

Элрик отвлекся от своих мыслей.

— Мы узнали все необходимое, мой повелитель,— пронзительный голос Доктора Шутки разносился по пыточной камере, отражаясь эхом от ее стен. Двое пленных уже умерли. Рабы собирали с пола куски человеческой плоти и бросали в огонь. Два других шпиона остались висеть на цепях, напоминая Элрику освежеванные туши на королевской кухне. Один из кусков плоти еще немного подрагивал, другой вроде затих.

Доктор Шутка скользящим движением убрал инструменты в чехол, который носил в мешочке на поясе. Его белые одежды большей частью были залиты кровью.

— Кажется, в нашем Лабиринте уже побывали соотечественники этих варваров,— объявил Доктор Шутка своему императору.— Эти недоноски явились лишь проверить маршрут. Даже если они не вернутся вовремя, варвары все равно поднимут паруса.

— Они ожидают сопротивления? — спросил Элрик.

— Думаю, нет, мой повелитель. Среди торговцев из Молодых королевств уже поползли слухи, что стража заметила в

Лабиринте четырех шпионов и заколола их... убила, когда те пытались спастись.

— Вижу, вы поработали на славу,— улыбнулся Элрик.— Тогда лучше всего устроить ловушку для разбойников.

— Конечно, мой повелитель.

— Вы выяснили, какой из маршрутов им известен?

— Конечно, мой повелитель.

Элрик повернулся к одному из стражников.

— Соберите всех генералов и адмиралов... Сколько сейчас времени?

— Прошел час после заката, мой император.

— Скажите всем, что совет состоится перед Троном-Рубином через два часа после захода солнца.

Элрик устало поднялся.

— Как обычно, Доктор Шутка, ваша работа выше всяких позвал.

Стройный палач низко поклонился, согнувшись пополам. Тихий вздох был ответом императору.

Глава 5
БИТВА

Юркун прибыл на совет первым, весь обвешанный воинскими регалиями. Его сопровождали два могучих телохранителя, каждый из которых нес изукрашенный штандарт принца.

— Мой император! — гордо и с неким пренебрежением воскликнул Юркун.— Назначьте меня командующим. Это освободит вас от многих хлопот. Несомненно, у вас есть много других дел.

— Нет,— ответил Элрик.— Вы очень заботливы, принц Юркун, но боитесь вы не за меня... Я командую всеми войсками и флотом Мелнибонэ. Это — долг и обязанность императора.

Юркун покраснел и отступил, когда вошел Дувим Твар — хранитель пещер драконов. Он явился один и, видно, одевался наспех. Шлем он нес в руках.

— Мой император... Я был в пещерах драконов...

— Благодарю вас, Дувим Твар, но подождем остальных военачальников, чтобы все сразу услышали ваши новости.

Дувим Твар поклонился и встал напротив принца Юркуна по другую сторону трона.

Постепенно тронный зал заполнялся. Наконец у подножия лестницы, ведущей к Трону-Рубину, где восседал Элрик, собралось два десятка полководцев. Элрик тоже не успел переодеться, он оставался в тех же одеждах, в которых утром выехал на прогулку.

У него не хватило времени заняться собой. Перед военным советом он освежил в памяти схемы Лабиринта. Эти чертежи мог прочесть только альбинос, так как заклятия охраняли их от посторонних глаз.

— Южные варвары хотят добраться до богатств Имррира. Они перебьют всех нас,— начал Элрик.— Варвары считают, что знают правильный путь через Лабиринт. Флот из сотни кораблей может обрушиться на Мелнибонэ... Еще один день варвары будут ждать возвращения шпионов, а с наступлением сумерек войдут в Лабиринт. К полуночи они рассчитывают достигнуть залива и до зари хотят захватить Грезящий город. Можем ли мы допустить это?

— Нет! — в один голос воскликнули полководцы.

— Нет? — улыбнулся Элрик.— Но как мы можем выиграть эту маленькую войну?

— Давайте сами нападем на них прямо сейчас,— как всегда первым откликнулся Юркун.— Обрушим на них огонь драконов и кораблей, разобьем и погоним их до родных земель, а потом захватим их королевство! Мы завоюем и сожжем дорогие варварским сердцам города! И тем самым на долгие годы обеспечим безопасность Острову драконов.

Слово взял Дувим Твар.

— Драконов не будет,— объявил он.

— Не будет драконов? Почему? — удивился Юркун.— Почему?

— Драконов не будет, принц. Они не проснутся. Драконы истощены и спят в своих пещерах. Крылатые твари еще не восстановили силы после нашей последней кампании.

— То есть?

— Вы использовали их во время войны с пиратами Вилмира. Когда я говорил, что лучше поберечь драконов для более важных дел, вы и слушать меня не хотели. Вы вызывали их,

чтобы сжечь пламенем мелкие пиратские суденышки. Теперь драконы спят.

Юркун сердито огляделся, а потом уставился на Элрика.

— Я не знал...

Элрик поднял руку, призывая к молчанию.

— Драконы нам не нужны. Пусть они отдыхают, пока в них действительно не возникнет необходимость. Нападение южных варваров не так уж пугает меня. Не станем торопиться. Пусть наши враги считают, что мы не готовы к нападению. Пусть войдут в Лабиринт. Тогда мы закроем все входы и выходы из него. Варвары, пойманные в ловушку, не смогут нам противостоять.

Опустив глаза, Юркун разглядывал свои сапоги. Он пытался найти изъяны в плане императора. Высокий старый адмирал Магум Колим, в броне цвета морской волны, шагнул вперед и поклонился.

— Золотые корабли Имррира готовы встать на защиту города, мой повелитель. Но нам понадобится много времени, чтобы вывести флот на начальные позиции. Сомнительно, что засада в Лабиринте будет подготовлена вовремя.

— Тогда отправьте передовые отряды прямо сейчас. Пусть они выйдут в открытое море и спрячутся вдоль побережья. Они будут ждать сигнала, чтобы начать атаку и ударить в спину варварам,— посоветовал Элрик.

— Хороший план, мой император,— поклонился Магум Колим и шагнул назад, смешавшись с толпой полководцев.

Некоторое время еще продолжались споры. Когда же все были готовы разойтись, принц Юркун снова рванулся вперед.

— Я повторяю свое предложение, мой император. Невозможно рисковать такой личностью, как вы. Я же не столь уж важен для Мелнибонэ. Дайте мне армию, флот и оставайтесь во дворце в полной безопасности. Тогда опасности сражения обойдут вас стороной. Уверен, мы победим, южные варвары будут разбиты... Может, есть какая-то книга, которую император хотел бы прочитать?

— Вторично благодарю вас за ваше предложение, принц Юркун, но император должен упражнять свое тело так же, как и ум,— улыбнулся Элрик.— Завтра я сам поведу свою армию.

* * *

Вернувшись в свои покои, Элрик обнаружил, что Танглебонес уже приготовил тяжелые черные доспехи и оружие. Эти доспехи сослужили верную службу сотням императоров Мелнибонэ. Их выковали с помощью колдовства, дающего непревзойденную силу. По слухам, они даже могли противостоять ударам мистических рунных клинков: Горюна и Буреносца, которыми владели древние правители Мелнибонэ, повелевавшие всем миром. Потом эти мечи потерялись в одном из иных измерений, где в древние времена путешествовали правители Острова драконов.

Сердце слуги переполнилось радостью, когда он длинными скрюченными пальцами дотронулся до доспехов. Изборожденное морщинами лицо слуги расплылось в улыбке.

— Ах, мой повелитель! Ах, мой король! Скоро вы насладитесь радостью битвы!

— Да, Танглебонес... Будем надеяться, что все кончится хорошо.

— Я научил вас всему... искусству меча и щита... искусству лука... искусству копья... научил сражаться пешим и на коне. Вы были хорошим учеником, Ваше Величество, но вы всегда должны помнить о вашей физической слабости. Опасайтесь лишь одного человека, хотя он и не лучший воин Мелнибонэ.

— Принц Юркун может оказаться лучше меня,— задумчиво проговорил Элрик.— А может и нет...

— Я сказал, бойтесь только его...

— Юркуна! Когда-нибудь, возможно, мы посмотрим, кто из нас лучше. Но прежде чем надеть доспехи, я должен принять ванну.

— Лучше поспешите, повелитель. Как я слышал, вас ждет великая битва.

— Ничего. Сначала искупаюсь, потом высплюсь,— улыбнулся Элрик своему старому преданному другу.— Все равно я не могу сам лично разводить корабли на исходные позиции. Я должен командовать сражением, и будет лучше, если я немного отдохну.

— Если вы думаете, что так будет лучше, мой повелитель... то так будет лучше.

— Ты удивлен? Ты тоже исполнен нетерпения, Танглебонес? Ты тоже хочешь окунуть меня во все тяготы судьбы и посмотреть, выживу ли я, и Ариох...

Рука Танглебонеса метнулась, прикрыв рот, словно эти слова вырвались у него, а не у императора, и слуга попытался задержать их. Его глаза округлились от страха.

Элрик засмеялся.

— Считаешь, я говорю словно еретик? Послушай, я говорил и гораздо худшие вещи, и, как видишь, со мной ничего не случилось. В Мелнибонэ, Танглебонес, императоры властвуют над демонами, а не наоборот.

— Так говорите вы, мой повелитель...

— И это — правда.— Элрик вышел из комнаты, созывая рабов. Его обуяла боевая лихорадка, и он не мог найти себе места, предвкушая битву...

* * *

Теперь Элрик носил все черное: массивный нагрудник, набитый ватой камзол, длинные наколенники, кольчужные рукавицы. За спиной у него висел пятифутовый палаш, по легендам, принадлежащий завоевателю Аубеку. На палубе, откуда открывался отличный вид, прислоненный к золотистым перилам капитанского мостика, стоял щит Элрика, на котором был начертан знак — летящий дракон. А на голове Императора был шлем... черный шлем — голова дракона, поднимающаяся на длинной шее. Крылья дракона на шлеме выгнулись назад, а хвост опускался на спину Элрика. Шлем тоже был черным, но сквозь прорезь горели темно-красные глаза альбиноса, а из-под шлема торчала косичка белых волос — дым, струящийся из горящего здания. Когда император повернулся, свет маленького фонаря, висевшего у основания главной мачты, резко очертил его лицо. Прекрасное лицо: правильный нос, искривленные губы, чуть раскосые глаза. Император Мелнибонэ, Элрик, всматривался в темноту Лабиринта, вслушивался, пытаясь обнаружить какой-нибудь признак приближения варваров.

Император стоял на капитанском мостике огромного корабля, похожего на плавучий зиккурат, утыканный мачтами, парусами, веслами и катапультами. Корабль назывался «Сын Пу-

арая». Он был флагманом флота. Гранд-адмирал Магум Колим застыл рядом с Элриком. Как и Дувим Твар, адмирал считался одним из нескольких близких друзей Элрика. Он стал адмиралом, когда Элрик еще был ребенком, и поддержал альбиноса, когда на совете обсуждался вопрос о диспозиции кораблей и предполагаемом месте битвы. Магум Колим понимал, что Элрик по своей натуре — школяр и слишком самонадеян в управлении Мелнибонэ. Адмирал соглашался с тем, что Элрик по праву сидит на троне, но разговоры Юркуна сильно раздражали его и приводили в бешенство.

Принц Юркун тоже находился на борту флагманского корабля. Сейчас он проверял катапульты на нижней палубе.

«Сын Пуарая» замер на якоре в огромном гроте. В Лабиринте были сотни таких гротов. Их вырубили в скалах, когда строили Лабиринт, именно для таких целей... специально, чтобы в них могли спрятаться корабли. Грот был достаточно велик, выше мачт корабля, и такой широкий, что у стоящего в гроте судна свободно двигались весла. У каждого из золотых кораблей Мелнибонэ имелось несколько рядов весел, а в каждом ряду насчитывалось от двадцати до тридцати весел. Рядов могло быть четыре, пять или шесть, в зависимости от числа палуб. Флагман «Сын Пуарая» имел три палубы... Золотые корабли фактически невозможно было разрушить. Несмотря на свою массивность, они плавали очень быстро и отлично маневрировали. В первый раз поджидали они в подземных пещерах своих врагов, но не в последний, хотя в следующий раз все произошло при совершенно иных обстоятельствах...

В те дни жители Молодых королевств редко видели золотые корабли Мелнибонэ, но когда-то они бороздили океаны всего мира словно грозные плавучие горы золота. Они несли с собой ужас. В те времена флот Мелнибонэ был больше, в него входили сотни судов. Теперь их осталось менее сорока, но и этого казалось достаточно. Сейчас, прячась в сырой тьме, мелнибонийцы поджидали врагов.

Элрик хотел, чтобы у него был какой-нибудь план получше. Однако услышав глухое шлепанье весел, император понял: поздно отступать. Как император, он заранее сожалел о тех, кто погибнет в предстоящем сражении: как о воинах Мелни-

бонэ, так и о варварах-южанах. Наверное, можно было придумать и лучший план, чем сражение в Лабиринте. Флот южных варваров — не первый флот, привлеченный чудесным богатством Имррира. Южане не первые решили, что раз жители Мелнибонэ не отваживаются на далекие путешествия, они деградировали и не способны защитить свои сокровища. Но польстившиеся на богатство Мелнибонэ должны быть уничтожены, им надо преподнести хороший урок! Королевство-Империя Мелнибонэ еще достаточно сильна. Юркун вот, например, считал, что Мелнибонэ снова может завоевать весь мир... силой колдовства, если не силой своих мечей.

— Тише! — вытянулся вперед адмирал Магум Колим.— Это шорох весел?

— Думаю, да,— кивнул Элрик.

Теперь мелнибонийцы слышали регулярные всплески — множество весел погружалось и выныривало из воды. Где-то заскрипело дерево. Южане приближались. «Сын Пуарая» ближе остальных судов находился ко входу в Лабиринт и должен был первым нанести удар; первым выйти из засады, когда последние корабли варваров проплывут мимо; первым начать бой. Адмирал Магум Колим наклонился и погасил фонарь, потом быстро, но совершенно спокойно спустился вниз сообщить команде о приближении врага...

Несколькими часами раньше Юркун с помощью колдовства создал особый туман, который укрыл золотые корабли. Но сами воины Мелнибонэ хорошо видели в этом тумане. Наконец Элрик отчетливо различил свет факелов, которыми осторожные грабители-варвары освещали себе дорогу.

Через несколько минут первый корабль варваров проплыл мимо пещеры, где притаился флагман эскадры Мелнибонэ. Адмирал Магум Колим поднялся к Элрику на капитанский мостик. Его сопровождал Юркун. Принц тоже носил шлем с драконом, хотя и не такой роскошный, как шлем Элрика. Юркун натянуто улыбался. Его глаза сверкали в предвкушении приближающейся битвы. Элрик хотел, чтобы его двоюродный брат сражался на другом корабле, но принц имел право находиться на флагмане императорского флота, и император не мог запретить ему этого.

Мимо них проплыло уже с полсотни судов.

Сапоги Юркуна поскрипывали, когда он в нетерпении ходил туда-сюда по мостику. Его рука в металлической перчатке покоилась на рукоятке меча.

— Скоро,— шептал он сам себе.— Скоро...

Со стоном из воды подняли якорь, опустили в воду весла... Последний из кораблей южан проплыл мимо. Мелнибонийцы устремились из пещеры в главный канал, по пути протаранив вражескую галеру, расколов ее надвое.

Варвары дико закричали. Люди стали прыгать во все стороны с объятых пламенем обломков. Отсветы факелов заплясали на воде. Южане пытались спастись. Они ныряли в темные холодные воды. Те, кто был похрабрее, принялись швырять копья в сторону флагмана Мелнибонэ, пока тот разворачивался среди обломков. Лучники Имррира ответили ливнем стрел, и оставшиеся варвары были убиты.

Это послужило сигналом для остальных кораблей. Точно по плану вплыли они с обеих сторон в главный канал. Появление больших золотых кораблей прямо из каменных стен очень удивило варваров. Они не ожидали нападения кораблей-призраков, наполненных демонами, пускавшими стрелы, метавшими копья и факелы. Теперь весь туннель превратился в поле боя. Боевым крикам вторило эхо. Сталь звенела о сталь, и этот звук, чуть приглушенный, напоминал шипение гигантской змеи. Флот разбойников и в самом деле походил на змею, разрубленную золотыми кораблями Мелнибонэ на сотни частей. Суда империи неслись прямо на врагов. Абордажные крючья сверкали, впиваясь в деревянные палубы, в перила судов южан. Мелнибонийцы подтаскивали галеры варваров поближе, чтобы затем уничтожить их.

Южные варвары оказались отважными воинами и теперь, придя в себя после неожиданной атаки, пытались защищаться. Три галеры очутились прямо перед «Сыном Пуарая». Варвары поняли, что перед ними мелнибонийский флагман. С «Сына Пуарая» полетели огненные стрелы. Они ударили в деревянные палубы, не защищенные золотым покрытием. Там, где стрелы вонзились в дерево, взметнулись языки пламени, неся огненную смерть.

Элрик поднял над головой щит, отбив две стрелы. Те, пылая, упали на нижнюю палубу, где и потухли. Император пе-

репрыгнул через перила и очутился на палубе, где собрались воины Мелнибонэ, готовые сразиться с экипажами атакующих их галер. Глухо застучали катапульты и шары синего пламени прочертили темноту, чуть-чуть промахнувшись. Последовал еще один залп. Огненная масса задела мачту самой дальней галеры и рухнула на ее палубу, сжигая все, к чему прикасалась. Абордажные крючья впились в борт третьей галеры, подтаскивая ее ближе и ближе. Элрик оказался среди первых, кто прыгнул на палубу вражеского судна, и помчался вперед, туда, где стоял капитан-варвар, одетый в грубые, раскрашенные квадратами доспехи, издали напоминавшие длиннополый клетчатый кафтан. Обеими руками варвар сжимал широкий меч. Взревев, он приказал своим людям, чтобы те убивали псов Мелнибонэ.

Когда Элрик подскочил к лесенке, ведущей на капитанский мостик, на него набросились трое варваров с изогнутыми мечами и маленькими продолговатыми щитами. Их лица кривились от страха, но они были полны решимости. Варвары приготовились умереть, но хотели как можно дороже продать свои жизни.

Закинув щит за спину, Элрик схватил меч Аубека обеими руками и ринулся на врагов. Ударив одного из них и сбив с ног, другому он раздробил коралловое ожерелье, а заодно сломал шею. Оставшийся варвар отпрянул в сторону и рубанул Элрика мечом. Император едва увернулся, но острие меча все же оцарапало ему щеку. Крутанув свой клинок, словно косу, Элрик вогнал его в тело противника, почти разрубив варвара пополам. Дернувшись, словно не веря, что он уже мертв, несчастный упал, а Элрик рванул клинок к себе, освобождая его, потом, чуть пригнувшись, приготовился к новой схватке. Сбитый с ног воин уже встал. Элрик раздробил ему череп рукоятью меча Аубека. Теперь путь на капитанский мостик был свободен. Элрик стал подниматься по лестнице. Капитан заметил альбиноса и замер, поджидая его на верхней ступеньке.

Подняв щит, Элрик отразил первый удар варвара. Сквозь шум битвы он услышал, как капитан прокричал:

— Умри, белолицый демон! Умри! Таким как ты, нет места на земле!

Эти слова позабавили Элрика. Капитан сказал правду. Может, таким, как Элрик и правда нет места на земле. А может, дело в том, что Мелнибонэ медленно умирает. С каждым годом

рождается меньше детей, перестали размножаться драконы... Император отбил щитом еще один удар, потом нырнул вперед и рубанул противника по ногам. Но капитан южан вовремя отскочил. Тогда Элрик поднялся на мостик, оказавшись лицом к лицу с варваром.

Лицо южанина стало таким же бледным, как лицо Элрика. Он вспотел. Он задыхался. В его глазах можно было прочесть немую мольбу о милости и дикий страх.

— Оставьте нас одних,— с удивлением услышал Элрик собственный голос. Потом он повернулся к капитану южан.— Почему вы напали на нас? Мы ведь не причиняли вреда твоему народу, варвар? Когда корабли Мелнибонэ в последний раз выходили в поход против Молодых королевств?

— Вы часто вредите нам просто тем, что вы существуете, Белолицый. Вы — колдуны. Колдовство — ваш обычай. И вы очень высокомерны.

— Поэтому вы и приплыли сюда? Свое нападение вы объясняете тем, что ненавидите нас? Или вы просто хотели поживиться? Признайся, капитан... Ведь это жадность и алчность привели вас в Мелнибонэ?

— Жадность в последнюю очередь. Вы же не люди. Ваше время кончилось! Вас надо стереть с лица земли. Нужно разрушить Имррир, а ваше колдовство — забыть.

— Может, ты и прав,— кивнул Элрик.

— Я прав! Так говорят наши святые. Наши пророки давно предсказывали падение империи. Повелители Хаоса, которым вы служили, привели вас к низменному существованию.

— Повелителей Хаоса больше не интересуют дела Мелнибонэ. Они больше тысячи лет не вмешиваются в жизнь нашего измерения.— Элрик внимательно следил за капитаном, оценивая расстояние между ними.— Вы грабите нас потому, что мы обессилели.

— Может, и так,— ответил капитан, быстрым движением вытирая пот со лба.— В любом случае ваше время прошло. Вас надо уничтожить раз и навсегда...— Он закричал, когда меч Элрика, проскользнув под его клетчатым нагрудником, впился в желудок и пронзил легкие.

Встав на колено, Элрик начал вытаскивать из тела варвара свой длинный меч, глядя умирающему в лицо.

— Это нечестно, Белолицый! Мы только начали говорить, а ты оборвал разговор подлым ударом. Ты умелый воин. Ты будешь корчиться в Девятом кругу Ада. Прощай!

Элрик точно знал, почему после того, как капитан упал лицом вниз на палубу, он дважды рубанул его труп по шее, пока голова не отлетела от туловища. Она подкатилась к краю капитанского мостика, а потом свалилась за борт в холодную воду.

Тут к Элрику сзади подошел принц Юркун.

— Вы отважно сражались и победили, мой повелитель. Но этот мертвец был прав,— заметил принц.

— Прав? — Элрик удивленно посмотрел на двоюродного брата.— Прав?!

— Конечно... когда оценивал вашу доблесть.— И Юркун, хихикая, отправился добивать варваров на нижней палубе.

Элрик не знал, почему раньше он не мог возненавидеть Юркуна. Теперь же он испытывал к принцу немыслимое отвращение. В этот миг альбинос захотел его убить. Юркун словно заглянул в глубину души Элрика и оплевал то, что увидел там.

Внезапно Элрика охватила тоска. Он захотель родиться не мелнибонийцем, не императором. И еще он захотел, чтоб Юркун и вовсе никогда не родился...

Глава 6
ПОГОНЯ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Словно надменные левиафаны, огромные золотые корабли плавали среди обломков флота варваров. Одни галеры южан горели, другие — постепенно погружались в воду, но большинство уже исчезло в бездонных глубинах Лабиринта. Горящие корабли порождали странные тени, танцующие на сырых стенах пещер, словно духи убитых, отдавая последний салют тем, кто собирался отправиться в морские глубины. Там, как говорили, правил один из прежних королей Мелнибонэ — Мабелрод. Говорили, что он собирал призрачный флот. Он подбирал души тех, кто погиб в морских сражениях. А может быть, их ждала более приятная участь стать слугами Страша, повелителя элементалей воды.

И все же несколько судов южан спаслось. Им удалось проскочить между массивных боевых кораблей и выбраться в открытое море. Так доложили на флагман Мелнибонэ. На капитанском мостике «Сына Пуарая» стояли Элрик, Магум Колим и принц Юркун. Они обозревали обломки.

— Надо догнать и уничтожить разбойников,— заявил Юркун. Он вспотел. Его темное лицо блестело, а глаза возбужденно сверкали.— Мы должны догнать их и уничтожить.

Элрик пожал плечами. Он ослаб. Альбинос не взял с собой лекарств и не мог восстановить силы. Ему необходимо было вернуться назад в Имррир и отдохнуть. Он устал от кровопролития, устал от Юркуна, устал от Магума Колима, устал от самого себя. Ненависть, которую император испытал по отношению к двоюродному брату, истощилась... Элрику теперь была неприятна даже мысль о любых сильных чувствах.

— Нет,— объявил император.— Пусть уплывают.

— Дадим им сбежать? Не накажем? Но, мой повелитель! Мы не можем отступать! — Принц Юркун повернулся к престарелому адмиралу.— Разве мы не покараем негодяев, Магум Колим?

Магум Колим пожал плечами. Он тоже устал, но был согласен с Юркуном. Врагов Мелнибонэ необходимо покарать, хотя сейчас они вряд ли посмеют даже подумать о нападении на Грезящий город.

— Решать должен император,— объявил адмирал.

— Дадим им уйти,— повторил Элрик. Он замер, опершись на перила.— Пусть они в своих варварских землях расскажут о нашей победе. Пусть расскажут, как сильны принцы драконов. Пусть все узнают об этом, и я уверен, нас перестанут беспокоить.

— Молодые королевства полны дураков! — заявил Юркун.— Они никому не верят. Все они грабители. Лучший способ их предостеречь — это удостовериться, что ни один из варваров не спасся.

Элрик глубоко вздохнул и попытался побороть накатившую слабость.

— Принц Юркун, вы испытываете мое терпение

— Но, мой император, я думаю только о благе Мелнибонэ. Уверен, вы тоже не хотите, чтобы ваши подданные говорили

о вашей слабости, о том, что вы побоялись сразиться с пятью галерами южан?

Тут Элрик снова почувствовал ненависть. Это чувство вернуло ему силы.

— Кто говорит, что Элрик слаб? Вы, Юркун? — Он знал, что может потерять сознание, но сейчас ничто не могло его остановить.— Очень хорошо, давайте догоним эти бедные маленькие кораблики и потопим их. Но поспешим! Я устал. Сражение утомило меня.

Таинственно заблестели глаза Юркуна, когда он отвернулся отдать необходимые приказания.

* * *

Небо из черного стало серым.

Флот Мелнибонэ вышел из Лабиринта и повернул к Кипящему морю, за которым лежал таинственный южный континент. Но корабли варваров не поплыли в Кипящее море... Ни один корабль смертных не мог плавать в его водах. Путешественники обычно огибали его. Корабли варваров даже не добрались до его границ, столь быстроходны оказались огромные корабли Мелнибонэ. Рабов на веслах накачали наркотиками, которые на двадцать часов удесятеряли силу их мускулов. Потом, когда действие наркотиков кончится, рабы умрут, но это никого не волновало... К тому же подул сильный ветер, и на баржах подняли паруса. Золотые горы быстро скользили по морю. Их конструкция была тайной, которую забыли даже в Мелнибонэ. Жители Острова драконов давно потеряли большую часть своих тайных знаний. Легко представить, как в Молодых королевствах ненавидели Мелнибонэ и изобретения колдунов древности. Корабли империи были построены давным-давно. Казалось, что они явились из иной исторической эпохи, как и их хозяева.

«Сын Пуарая» плыл во главе флотилии. Лишь только впередсмотрящие на флагмане заметили врага, рабы начали готовить катапульты. Они закладывали вязкую массу огненных шаров в бронзовые чаши катапульт с помощью длинных щипцов с заостренными концами. В предрассветной полутьме огненная масса мерцала приятным голубоватым светом.

На капитанский мостик поднялись рабы с платиновыми подносами. Они принесли вина и еды для трех принцев драконов. У Элрика не было аппетита, но он осушил большую чашу вина. Вино оказалось крепким и оживило его. Он налил еще и выпил вторую чашу так же быстро, как и первую. Потом Элрик засмотрелся на море. Поднималась заря. На горизонте появилась пурпурная дымка.

— Первый знак солнца,— заметил Элрик.— Запускайте огненные шары.

— Я распоряжусь,— кивнул Магум Колим. Вытерев губы и положив кость с мясом на блюдо, он спустился с капитанского мостика. Элрик услышал, как заскрипела лестница под ногами адмирала. Альбинос оказался один на один с Юркуном.

Элрик попытался отогнать печальные мысли, но слабость, сомнения, неприкрытые насмешки двоюродного брата — все это заставило альбиноса почувствовать себя очень одиноким... Ему показалось, что он остался один. У него больше не было друзей. Даже Циморил и Дувим Твар были, в глубине души, мелнибонийцами и не понимали причин тех решений, которые принимал император. Они диктовали ему, что делать. «Может, стоит отречься от трона и отправиться скитаться по миру, став солдатом удачи, наемником, служить тому, кто нуждается в твоем клинке?»

Тускло-красное солнце поднялось над далекой линией горизонта. На нижней палубе флагмана раздался гром, когда катапульты выпустили заряды. Свистящий звук. Дюжина метеоров прочертила небо. Они полетели в сторону кораблей варваров.

Элрик увидел, как запылали две галеры. Оставшиеся три корабля поплыли зигзагами, избегая огненных шаров. Шары теперь падали в воду и ярко вспыхивали перед тем, как утонуть, исчезнуть в глубинах.

Большую часть огненных шаров уже израсходовали. Элрик услышал крик Юркуна. Принц приказал лучникам хорошенько целиться. Потом корабли варваров изменили тактику. Поняв, что не спасутся бегством, южане, развернувшись, поплыли прямо к «Сыну Пуарая», так же, как делали их товарищи в Лабиринте. Они были не просто храбрыми. Элрик удивился мастерству и согласованности, с которыми действовали варвары. Видимо, они решились на отчаянный поступок.

Когда корабли варваров развернулись, восходящее солнце оказалось у них за спиной. Три корабля подплыли к флагману Мелнибонэ — алые кляксы на фоне темного моря — зловещее предзнаменование предстоящей резни.

Залп катапульт с флагмана заставил галеру, которая шла первой, развернуться. Варвары попытались спасти свое судно, но два огненных шара ударили прямо в палубу, и вскоре весь корабль объяло пламя. Горящие люди выпрыгивали прямо в воду. Их расстреливали лучники Мелнибонэ, но, умирая, варвары продолжали цепляться за оснастку своего судна. Они умирали, сгорая заживо. Пылающий корабль стал постепенно погружаться в воду, но кто-то сумел, привязав руль, направить его прямо на «Сына Пуарая». Галера варваров врезалась в золотой корабль, и огонь перекинулся на палубу флагмана Мелнибонэ, туда, где были установлены главные катапульты. Языки пламени зацепили котел, где хранилось вещество для огненных шаров, и тот взорвался, разметав свое содержимое по нижней палубе. Наблюдая за происходящим, Элрик лишь усмехнулся. Может, варвары намеренно дали мелнибонийцам поджечь свой корабль. Теперь большая часть команды «Сына Пуарая» боролась с огнем, в то время как оставшиеся корабли врага приближались. Варвары начали метать абордажные крючья, намереваясь взять золотой корабль на абордаж.

— Все к бортам! Готовьтесь к бою! — закричал Элрик, предостерегая свою команду.— Варвары нападают!

Альбинос увидел, как обернулся Юркун, тоже заметивший, что происходит. Принц ринулся вниз с капитанского мостика.

— Оставайтесь на месте, мой повелитель! — бросил он Элрику перед тем, как исчезнуть.— Вы слишком слабы, чтобы принять участие в этом сражении.

Элрик, собрав остаток сил, заковылял вслед за двоюродным братом, чтобы помочь защитить корабль.

Варвары сражались не на жизнь, а на смерть. Они знали, что все равно погибнут, и теперь защищали свою честь, решив забрать с собой на дно хоть один корабль Мелнибонэ. Их решение, казалось, было совершенно непоколебимо. Но даже если они потопят флагман, другие корабли эскадры быстро нагонят и расправятся с ними. Это-то варвары знали наверняка.

Однако остальные золотые корабли были пока далеко. Многие успеют распроститься с жизнью, прежде чем флот Мелнибонэ придет на помощь своему флагману.

На нижней палубе Элрик столкнулся лицом к лицу с парой высоких варваров. Они были вооружены кривыми саблями и маленькими щитами. Альбинос бросился вперед, но доспехи сковали его движения. Щит и меч показались императору невероятно тяжелыми. Он едва мог удержать в руках меч Аубека. Две сабли одновременно опустились на шлем императора. Качнувшись назад, Элрик поймал за руку одного из нападавших, а другого ударил щитом. Кривой меч скользнул по его доспехам, и император чуть не потерял равновесие. Палубу заволокло дымом. Стало жарко. Откуда-то доносился грохот битвы. С отчаяньем Элрик крутанул мечом и почувствовал, как тот глубоко вошел в чье-то тело. Один из варваров упал. Кровь, булькая, хлестала у него изо рта и из носа. Но тут на императора напал второй варвар. Элрик обернулся, шагнул назад и споткнулся о труп южанина, которого он только что убил. Но император все-таки устоял на ногах. Свой меч Элрик держал одной рукой, вытянув ее перед собой. И когда варвар уже праздновал победу над альбиносом, тот поймал его кончиком клинка и проткнул насквозь. Варвар упал прямо на Элрика, который даже не почувствовал удара. Правитель Острова драконов уже почти потерял сознание. Не в первый раз он ощущал подобное бессилие. Действие лекарства, пополнявшего его силы, закончилось.

* * *

Элрик почувствовал соль на губах и сначала решил, что это кровь. Но оказалось, это всего лишь морская вода. Волна перехлестнула через фальшборт, приведя Элрика в чувство. Альбинос приложил массу усилий, чтобы выкарабкаться из-под мертвеца, придавившего его, но у него ничего не получилось. Потом он услышал голос, который сразу же узнал. Повернув голову, император посмотрел вверх.

Рядом с ним стоял принц Юркун. Он усмехался, чему-то радуясь. Юркун разглядывал беспомощного Элрика. Откуда-то валил черный маслянистый дым, но звуков сражения слышно больше не было.

— Э-э... мой брат, мы победили? — болезненным голосом спросил император.

— Конечно. Все варвары мертвы, а мы уже повернули назад в Имррир.

Элрик облегченно вздохнул. Если он снова не примет лекарство, то умрет.

Надо было помочь императору, но вместо этого Юркун продолжал хихикать.

— Сражение оказалось недолгим, мой повелитель, но мы лишились... своего императора.

— Помогите мне, брат мой! — Элрику было неприятно просить принца Юркуна о чем бы то ни было, но у него не осталось выбора. Он вытянул руку, прося о помощи.— Я отправился сюда и...

Юркун шагнул вперед, словно хотел помочь. А потом он заколебался и, придя к какому-то решению, отступил.

— Но, мой повелитель... Зачем мне вам помогать? Вы же сдохнете раньше, чем этот корабль снова войдет в гавань Грезящего города!

— Ерунда! Даже без наркотиков я смогу прожить некоторое время, хотя двигаться мне будет тяжело. Помогите мне, Юркун. Я приказываю вам!

— Вы не можете приказывать мне, Элрик. Теперь я — император!

— Будьте осторожны! Я могу смотреть сквозь пальцы на многие ваши выходки, но всему есть предел. У меня хватит сил...

Юркун поставил ногу на грудь Элрика и выглянул за фальшборт. Одна из его секций крепилась на задвижке. Ее снимали, когда устанавливали сходни. Отодвинув задвижку, Юркун швырнул секцию в воду.

Элрик, собрав последние силы, попытался выбраться из-под тела варвара, но не смог даже пошевелиться.

Юркун же словно обладал сверхъестественной силой. Он наклонился и легко отшвырнул в сторону труп, придавивший альбиноса.

— Юркун! — позвал Элрик.— Это глупо...

— Я всегда был глупцом. Вы это хорошо знаете.— Юркун уперся сапогом в грудь Элрика и пинками стал толкать импера-

тора к краю палубы, вкладывая в удары всю свою силу. Наконец Элрик соскользнул к бреши в фальшборте. Где-то далеко внизу император увидел темную воду.

— Прощайте, Элрик! Теперь на Трон-Рубин сядет настоящий мелнибониец. И кто знает, может быть, Циморил станет королевой? Браки между братом и сестрой часто практиковались и раньше...

И Элрик, переворачиваясь в воздухе, полетел за борт. Он упал в воду, и доспехи сразу же потянули его ко дну. Последние слова Юркуна прозвучали в ушах Элрика, но окончание фразы заглушил всплеск — волна ударила в борт золотого корабля.

Часть 2
ЗЕРКАЛО И КОРАБЛЬ

Так и не поняв, что ему предопределено, король-альбинос вынужден был прибегнуть к черному колдовству. Сев на волшебный корабль, он отправился туда, где, по его мнению, судьба приготовила ему дар, который позволил бы королю прожить жизнь так, как ему хотелось. Элрик должен был стать жестоким. Но печаль не покидала его...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ПЕЩЕРЫ МОРСКОГО КОРОЛЯ

Элрик тонул, быстро погружаясь все глубже и глубже. Он безнадежно попытался задержать последний вздох. У него не было сил плыть, а тяжелые доспехи лишали его последней надежды. Как он хотел всплыть, увидеть Магума Колима или еще кого-нибудь, кто хорошо относился к нему, и закричать так, чтобы они услышали.

Рев в ушах постепенно перешел в шепот. Элрику казалось, что кто-то говорит тоненькими голосами. Это перешептывались элементали воды, с которыми в детстве альбинос очень любил играть. Боль в руках и ногах утихла, кровавый туман отступил, и Элрик увидел лицо своего отца Садрика, потом Циморил, и наконец промелькнуло лицо Юркуна. Глупый Юркун. Он гордился тем, что уроженец Мелнибонэ. Он был таким же грубым, как варвары Молодых королевств, и таким же злым. Тут Элрик почувствовал благодарность к своему кузену. Жизнь альбиноса наконец-то закончилась. Проблемы, которые он никак не мог решить, больше не беспокоили его. Страх, богатство, любовь, ненависть — все осталось в прошлом, а будущее сулило Элрику лишь забвение. Когда остатки воздуха покинули его легкие, Элрик отдал себя на милость океана, на милость Страша — повелителя элементалей воды, который не-

когда считался другом народа Мелнибонэ. Элрик вспомнил древние заклинания, которыми его предки вызывали короля Страша.

Слова заклинания были старыми и имели символическое значение. В нем говорилось о какой-то древней истории, случившейся в Мелнибонэ. Даже Элрик ничего толком не знал об этом. Поэтому заклинание почти ничего не значило для альбиноса. Но Элрик, все глубже и глубже погружаясь в темно-зеленые воды, пробормотал его про себя. Даже когда темнота сомкнулась над головой императора, а его легкие наполнились водой, слова продолжали звучать у него в голове. Странно, что альбинос до сих пор не умер.

* * *

Прошло много времени. Глаза Элрика все еще оставались открытыми, он видел бурлящую воду, а чуть дальше скользили огромные туманные фигуры. «Наверное, смерть явилась забрать мое тело»,— подумал Элрик. У самого большого существа, напоминавшего человека, были бирюзовая борода и волосы. Бледно-зеленая кожа. Казалось, незнакомец — воплощение моря. Когда он заговорил, его голос зазвучал подобно грохоту нахлынувшего прилива. Незнакомец улыбнулся Элрику.

— Страш ответил на твои мольбы, смертный! Наши судьбы похожи. Чем я могу помочь тебе?

Рот Элрика наполняла горькая вода. Начать разговор казалось невозможно. Альбинос решил, что происходящее — предсмертный бред.

И все же Император проговорил:

— Король Страш... Картины Башни Дарпутна... в библиотеке. Когда я был маленьким, я часто смотрел картинки и перечитывал эти заклинания, поэтому и запомнил их, король Страш.

Король моря протянул Элрику руку цвета морской воды.

— Конечно. Ты вызвал меня. Ты нуждаешься в моей помощи. Мы гордимся нашим древним договором с людьми.

— Нет. Я не вызывал вас специально. Заклинание само по себе всплыло у меня в голове. Я рад тому, что умер.

— Не может быть. Если ты вспомнил заклинание, значит, ты еще жив. Я спасу тебя.

Борода короля Страша зашевелилась, словно живая, а взгляд его темно-зеленых глаз казался одновременно и ласковым и суровым.

Повелитель элементалей воды с уважением разглядывал альбиноса.

Элрик снова закрыл глаза.

— Я сплю,— прошептал он.— Я обманываю себя, суля себе надежду.

Он чувствовал, что его легкие, переполненные водой, не дают телу кислорода. Но он почему-то не умирал...

— Если вы и в самом деле существуете, если хотите помочь мне, то верните меня в Мелнибонэ. Я должен разделаться с узурпатором Юркуном и спасти Циморил. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, как она будет мучиться, как будет страдать, если ее брат хоть ненадолго станет императором Мелнибонэ.

— Это все, что ты просишь от короля элементалей воды? — удивился Страш.

— Я прошу лишь об этом! У меня остался только голос, которым я могу воспользоваться. И, хотя все это происходит на самом деле, я знаю — подобное невозможно. Скоро я умру.

— Нет, Элрик, наши судьбы переплетены. Я знаю, тебе не суждено сейчас умереть. Я помогу тебе — сделаю все, что ты просишь.

Элрик удивился. Его фантазия казалась такой невыполнимой. Альбинос уже сказал себе: «Теперь пора умирать...»

— Нет, ты не сможешь умереть.

Ласковые руки морского короля прикоснулись к Элрику, подхватили его, и Страш понес Элрика по тусклым коридорам нежно-розового коралла. Мимо плыли изящные тени, словно вокруг и не было никакой воды. Элрик почувствовал, как из его легких и желудка исчезла вода. Альбинос снова дышал. Может, он попал в легендарную долину элементалей воды...

В огромном круглом гроте, полном мерцающего розового и голубого жемчуга, они присели отдохнуть. Морской король положил Элрика на пол пещеры, на великолепный белый песок, который слегка проседал, когда кто-то шел по нему. Но следы сразу же исчезали с ровной поверхности.

Когда король Страш двигался, его одежды шуршали и казалось, что это прибой играет галькой. Морской король прошелся по белому песку и подошел к большому трону — молочного цвета жемчужине. Усевшись на свой трон, он подпер голову зеленым кулаком и принялся с состраданием изучать Элрика.

Император был очень слаб, но теперь он уже мог дышать. В голове прояснилось. Элрику казалось, что он спит.

— Я хотел бы знать, почему вы спасли меня, король Страш,— прошептал альбинос.

— Руны, которые ты повторял, заставили меня прийти тебе на помощь.

— Конечно. Но ведь для того, чтобы вызвать вас, требуются более сложные заклинания. Пентаграммы, символы, различные ритуалы. Того заклинания, которое я вспомнил, недостаточно.

— Возможно, ритуалы и необходимы, но в этом случае оказалось достаточно и древних рун. Ты говорил, что хочешь умереть. Но на самом деле ты страстно мечтал выжить, иначе твои заклятия не подействовали бы и я не успел бы спасти тебя. Забудь своих врагов. Успокоившись, ты поймешь, что помогло тебе вызвать меня.

Элрик приподнялся и сел.

— Чуть раньше вы упомянули о наших судьбах. Что вы знаете о моей судьбе?

— Мало. Наш мир очень стар. Когда-то элементали были сильны. Но сейчас, как видишь, мы почти бессильны. К тому же в нашем мире что-то начало меняться. Может, повелители Высших миров снова заинтересовались нашим измерением. Они ведь боятся, что варвары Молодых королевств забудут их. Думаю, появление Молодых королевств означает зарождение новой эпохи, где богам и существам, таким, как мы, элементали, не останется места. Я подозреваю, что и в Высших мирах не все обстоит так уж гладко.

— Больше вы ничего не знаете? Обо мне лично?

Король Страш поднял голову и посмотрел прямо в глаза Элрику.

— Мне нечего добавить, сын моих старых друзей. Твое спасение — удача. Если бы у меня было время проследить твою судьбу, тогда я рассказал бы, что ждет тебя.

Элрик вздохнул.

— Кажется, я понимаю, о чем вы говорите. Я попытаюсь последовать вашим советам.

— Теперь ты отдохнул. Пришло время вернуть тебя в мир людей.

Морской король поднялся с трона — молочного цвета жемчужины — и подплыл к Элрику, поднял его могучими руками.

— Мы встретимся снова до того, как истечет срок твоей жизни, Элрик. Я надеюсь, я смогу еще раз оказать тебе услугу. Думаю, мои братья, элементали воды и огня, тоже помогут тебе в трудный час. Помни об элементалях зверей. Они тоже станут служить тебе. Стоит только попросить о помощи. Но остерегайся богов, Элрик. Остерегайся повелителей Высших миров. Помни, за их помощь и их дары всегда надо платить.

Это были последние слова, которые услышал Элрик от морского короля перед тем, как они снова поплыли по извилистым туннелям среди кораллов. Они плыли так быстро, что Элрик не мог различить деталей. Он даже не заметил, когда они покинули легендарную долину элементалей воды и вернулись в глубины обычного моря.

Глава 2
ДВА ИМПЕРАТОРА

Странные облака ползли по небу. За ними пряталось огромное красное солнце. По черному океану тащились домой золотые корабли. Впереди очень медленно плыл «Сын Пуарая». У весел замерли мертвецы-рабы. Обугленные лохмотья парусов провисли. На палубах флагмана Мелнибонэ стояли печальные воины, а новый император застыл на капитанском мостике. Новый император казался единственным, кто радовался, радовался от всей души. Это была его битва, а не Элрика, и он выиграл ее. Он убил альбиноса-выродка и присвоил себе корону Мелнибонэ.

Для Юркуна небо явило свыше знак перемен. Возвращались старые дни, древняя слава Острова драконов должна была вернуться. Когда Юркун отдавал приказы, он мурлыкал от радости. Адмирал Магум Колим, который вел себя осторожно при Элрике, теперь подчинялся приказами узурпатора, удивляясь, насколько удобнее иметь дело с принцем Юркуном.

Дувим Твар наклонился, опершись о перила своего корабля «Удовольствия Терхали». Он тоже обратил внимание на небо, тоже заметил знаки свыше. Оплакивая Элрика, он раздумывал, как отомстить Юркуну. Он был уверен, что Юркун убил императора, чтобы занять Трон-Рубин.

На горизонте показались приземистые скалы Острова драконов, похожие на темное чудовище, притаившееся в море. Казалось, оно сидело, повернувшись спиной к Имрриру, Грезящему городу. Неясно вырисовывались огромные утесы, в которых прятались главные ворота Лабиринта. Вода забурлила, когда золотые носы кораблей нарушили покой подземных вод. Темные туннели проглотили золотые корабли. Тут на воде еще плавали обломки кораблей, разбившихся о скалы во время битвы предыдущей ночью. Кое-где в свете факелов можно было заметить плавающие на поверхности раздувшиеся трупы.

Корабли осторожно двигались среди останков своих жертв. Но никто не радовался. Они несли известие о том, что император погиб в битве. Юркун рассказал, как это случилось... Следующую ночь и еще семь ночей подряд на улицах Мелнибонэ будут исполнять Пляску Исступления. Наркотики и простейшие заклинания дадут силы жителям Острова драконов не спать семь дней и семь ночей. Сон будет забыт всеми жителями Мелнибонэ, старыми и молодыми, пока мертвый император не будет оплакан. Обнаженные дворяне будут ходить по всему городу, овладевая каждой женщиной, которая попадется им на пути. Они будут действовать согласно обычаю: когда умирает император, молодые дворяне должны зачать как можно больше детей аристократической крови. На крышах всех башен города завоют рабы. Многих рабов убьют, и их мясо, приготовленное искусными поварами, подадут на столы во дворце. А потом начнется ужасный танец — Пляска Страдания. Больше всего людей гибло как раз во время этого танца. Архитекторы снесут одну из башен, и рабы возведут за семь дней новую, назвав ее башней Элрика VIII — в честь императора Мелнибонэ, убитого в море, защищая свою страну от варваров.

Император убит в море, и тело его забрали волны — нехорошее предзнаменование. Выходит, Элрик попал на службу к Пуарае — осьминогу, нашептывающему чудовищные тайны По-

велителю Хаоса, который командовал флотом Хаоса... затонувшими кораблями с мертвыми воинами, навсегда попавшими в его сети... Неподходящая судьба для человека королевского рода Мелнибонэ. «Ах, каким невыносимо печальным будет утро»,— думал Дувим Твар. Он любил Элрика, хотя и не одобрял того, как Элрик правил королевством. Дувим Твар хотел сбежать с корабля и втайне отправиться в пещеры драконов, провести всю ночь и все утро со спящими зверями, которые теперь, когда умер Элрик, остались единственными существами, которых он любил. И еще Дувим Твар думал о Циморил, ожидающей возвращения Элрика.

Корабли поздно вечером вошли в полуосвещенную гавань. Факелы и жаровни уже горели на набережных Имррира, хотя никого на набережных не было, если исключить небольшую группу людей, собравшихся возле колесницы на конце длинного мола. Дул холодный ветер. Дувим Твар знал, что это принцесса Циморил ждет возвращения флота. Рядом с ней застыла ее стража.

Хотя флагман вошел в Лабиринт последним, остальные корабли пропустили его вперед. Он должен был первым подойти к пристани. Если бы не необходимость следовать традиции, Дувим Твар уже давно покинул бы корабль и отправился поговорить с Циморил, проводил бы ее по набережной, рассказал бы все, что знает об обстоятельствах смерти Элрика. Но это было невозможно. Еще до того, как его судно — «Удовольствия Терхали» встало на якорь, на «Сыне Пуарая» уже спустили сходни, и император Юркун с важным видом сошел на берег. Его руки взлетели в триумфальном салюте. Он приветствовал сестру, которую приметил еще издали. А она с удивлением смотрела на корабль, пытаясь отыскать взглядом своего возлюбленного.

Внезапно Циморил поняла, что Элрик погиб, и сразу решила, что Юркун каким-то образом виноват в его смерти. Разве не Юркун позволил Элрику очутиться один на один с несколькими варварами? А может, принц ухитрился собственноручно убить Элрика. Она знала своего братца и правильно поняла радость, написанную на его лице. Он был счастлив, словно получил выгоду от одной из своих постоянных склок. Яростью вспыхнули залитые слезами глаза Циморил, и, откинув голову, она закричала в бурлящее зловещее небо:

— Ах, Элрик! Юркун убил тебя!

Телохранители принцессы замерли. Капитан стражи озабоченно спросил:

— Госпожа?..

— Он умер... Это мой брат убил его. Убейте принца Юркуна, капитан!

Капитан положил руку на рукоять меча. Более порывистый молодой воин выхватил меч, прошептав:

— Я убью его, принцесса, если таково ваше желание.

Молодой воин неистово и страстно любил Циморил. Капитан предостерегающе посмотрел на своего подчиненного. Но тот словно ослеп. Еще два воина выхватили мечи. Тогда Юркун в красном плаще, в шлеме с драконьим гребнем, сверкающем в свете факелов, вышел вперед и закричал:

— Теперь император — Юркун!

— Нет! — воскликнула его сестра.— Элрик! Элрик! Где ты?

— Он служит своему новому хозяину — Пуараю. Он теперь, сестричка, матрос на одном из кораблей Хаоса. Его мертвые глаза ничего не видят. Он слышит только треск кнута Пуарая и преклоняет колени, отбивая поклоны своему новому господину. Он не боится ничего, кроме волшебного меча Повелителя Хаоса.

— Убийца! Предатель! — Циморил зарыдала.

Капитан стражи — практичный человек — тихим голосом приказал своим воинам:

— Обнажите оружие! Салютуйте новому императору!

— Что?

— Теперь император — Юркун?

— Преклоните колени или умрете!

Молодой воин, влюбленный в Циморил, закричал и рванулся вперед к Юркуну, который чуть отступил, пытаясь вытащить меч, но ему мешали складки плаща. Новый император не ожидал нападения.

Но тут капитан стражи шагнул вперед и, сделав выпад, пронзил воина, который, задохнувшись от удивления, повернулся, чтобы взглянуть на своего убийцу, и упал под ноги принца.

Капитан продемонстрировал свою силу и ловкость. Юркун удовлетворенно улыбнулся, взглянув на труп. Капитан опустился перед принцем на колено, сжимая в руках окровавленный меч.

— Мой император...— произнес он.

— Ты доказал свою верность.

— Я преданный слуга Трона-Рубина.

— Да.

Циморил с гневом покачала головой, но она оказалась бессильна. Девушка знала, что у нее не осталось друзей.

Нахмурившись, император Юркун остановился перед Циморил. Вытянув руку, он ласково погладил ее руку, шею, рот. Потом он уронил руку так, что она задела грудь красавицы.

— Теперь, сестра, ты будешь только моей,— заявил узурпатор.

Тут принцесса почувствовала слабость и, потеряв сознание, упала под ноги Юркуну.

— Поднимите ее,— приказал император.— Отнесите ее в башню, и пусть она остается там. Пусть все время при ней находятся два стража, даже когда она справляет нужду, они не должны выпускать ее из виду. Она может устроить заговор против Трона-Рубина.

Офицер поклонился и знаками приказал нескольким воинам исполнять приказ нового императора.

— Конечно, мой повелитель. Все будет исполнено.

Юркун взглянул на труп молодого воина.

— Этой ночью скормите его ее рабам. Пусть он послужит ей до конца.

Принц улыбнулся.

Капитан улыбнулся в ответ, оценив шутку нового господина. Он радовался тому, что теперь у Острова драконов будет настоящий император, который знает, как себя вести, как обращаться с врагами, и который не допустит даже намека на измену. Капитан решил, что в Мелнибонэ снова наступают времена великих войн.

Теперь золотые корабли и воины Имррира, грабя и убивая, пройдут по всему миру, заставив варваров Молодых королевств дрожать только при упоминании их имени. Мысленно капитан стражи уже считал сокровища Лормура, Аргимилиара, Пикарауда, Илмиоры, которые перепадут ему с императорского стола. Он даже мог стать правителем-наместником, например, на Острове пурпурных башен. Какие роскошные сокровища вместе с данью отберет он у морских владык, у подданных

графа Смиоргана Лысого, который правил Островом пурпурных башен — крупным торговым портом и извечным соперником Мелнибонэ. Пока капитан стражи командовал солдатами, которые должны были отнести лишившуюся чувств принцессу Циморил назад, в ее башню, его обуял сильный приступ похоти... Но ведь Юркун за преданность непременно вознаградит его. Он сам станет сторожить принцессу. Приятная приправа...

* * *

Выступая во главе армии, Юркун вошел в Башню Дарпутна — башню императоров, в центральном зале которой был установлен Трон-Рубин. Он предпочитал игнорировать тех дворян, кто не признавал его как императора. Он приказал не прогонять их, наслаждаясь каждым мигом своего триумфа. Он вошел в башню как настоящий правитель Имррира, испытывая восхитительное ощущение возвышенности и прощая все обиды, зная, что Трон-Рубин теперь его.

Юркун то и дело гордо оглядывался по сторонам. За ним шла его армия. Магум Колим и Дувим Твар вели ее. Люди высыпали на улицы и низко кланялись им. Рабы падали на землю у его ног. Даже звери склонялись, когда новый император проходил мимо.

Юркун мог попробовать свою силу, как пробуют сочный фрукт. Он глубоко дышал. Теперь даже воздух принадлежал ему. Весь Мелнибонэ! А вскоре он овладеет всем миром. Как он воспользуется своей властью! Какой великий ужас принесет в Молодые королевства, какой страх породит в сердцах непокорных! В экстазе, совершенно ослепленный, Юркун вошел в башню. У огромных дверей тронного зала он на одно мгновение заколебался, но потом подал рукой знак, и двери медленно раскрылись. Стены, увешанные гобеленами, знаменами, трофеями, носами галер, некогда служивших великой Империи,— все принадлежало ему. Сейчас тронный зал был пуст. Но скоро Юркун украсит его праздничными гирляндами и устроит настоящий пир в духе древнего Мелнибонэ. Как давно кровь не подслащала воздух в этом зале! Потом Юркун поднял глаза на Трон-Рубин. Но раньше он услышал, как вскрик-

нул Дувим Твар. Когда же принц сам взглянул на Трон-Рубин, у него отвисла челюсть от удивления. Его глаза округлились. Он не поверил тому, что увидел.

— Призрак!

— Привидение,— прошептал Дувим Твар, боясь рассеять наваждение.

— Не может быть! — закричал Юркун, качнувшись вперед. Он пальцем ткнул в сгорбившуюся на Троне-Рубине фигуру в белых одеждах.— Трон мой! Мой!

Сидящий на троне не ответил.

— Трон мой! Убирайся! Освободи трон! Теперь Юркун — император! Почему ты перечишь мне!

Капюшон незнакомца, восседающего на троне, упал на спину, открыв лицо цвета слоновой кости, обрамленное молочно-белыми волосами. Темно-красные глаза холодно взирали на толпу.

— Ты же мертв, Элрик! Я знаю — ты мертв!

Призрак ничего не сказал. Лишь его тонкие губы растянулись в усмешке.

— Ты же не мог остаться в живых! Ты утонул. Ты не мог вернуться! Пуарай должен был забрать твою душу!

— В море есть и другие короли,— заметил сидящий на Троне.— Почему же вы, мой брат, убили меня?

Свита в ужасе и смятении отхлынула от Юркуна.

— Теперь я — император! У тебя нет ни силы, ни жестокости, нет даже чувства юмора...

— Разве плохую шутку я сыграл с тобой, мой брат?

— Прочь! Прочь! Убирайся прочь! Призрак не может свергнуть меня! Мертвый император не может править Мелнибонэ!

— Посмотрим,— возразил Элрик, подзывая Дувима Твара и его солдат.

Глава 3
СУД В ДУХЕ МЕЛНИБОНЭ

— Теперь я стану править так, как хотели бы вы, брат.— Элрик посмотрел на солдат Дувима Твара, окруживших самозванца. Они отобрали оружие у Юркуна и схватили его за руки.

Юркун задыхался, словно загнанный волк. Он то и дело оглядывался, словно надеялся на чью-то поддержку, но воины и дворяне смотрели на него с нескрываемым презрением.

— И вы, принц Юркун, первым поможете мне. Вам нравится?

Юркун низко опустил голову. Он дрожал от страха, а Элрик смеялся.

— Отвечайте, брат мой.

— Пусть Ариох и все правители Ада целую вечность истязают тебя! — выкрикнул Юркун. Он откинул назад голову, его безумные глаза округлились, а губы скривились.— Ариох! Ариох! Посмотри на этого недоноска-альбиноса! Ариох! Убей его и пусть падет Мелнибонэ!

Элрик продолжал хохотать.

— Ариох не слышит тебя! Хаос нынче слаб. Необходимо великое колдовство, чтобы заручиться помощью Повелителей Хаоса, как это делали наши предки. А теперь, Юркун, скажи мне, где Циморил?

Юркун молчал. В зале стояла напряженная тишина.

— Она в своей башне, мой император,— ответил за Юркуна Магум Колим.

— Предатель, убивший во славу Юркуна, отвел ее туда,— добавил Твар.— Этот капитан был из личной стражи принцессы. Он убил воина, который пытался защитить свою госпожу от Юркуна. Я думаю, мой повелитель, принцесса Циморил в опасности.

— Тогда быстро идите в башню, но прежде возьмите с собой воинов. Приведите Циморил, того капитана и его людей.

— А что делать с Юркуном, мой повелитель?

— Пусть подождет здесь, пока не приведут его сестру.

Поклонившись, Дувим Твар выбрал воинов и покинул тронный зал. Все заметили, что хранитель пещер драконов шагает легко. На его лице играла усмешка. Она появилась, когда Твар увидел Элрика живым.

Юркун поднял голову и оглядел собравшихся дворян. Он напоминал трогательного и смущенного ребенка. Ненависть, злость исчезли. Элрик почувствовал симпатию к своему двоюродному брату, который выступил против него. Но в этот раз император подавил свои чувства.

— Могли бы поблагодарить меня, брат мой, за те несколько часов, в течение которых вы пользовались абсолютной властью. Вы в полной мере насладились своим кратким правлением?

— Как ты спасся? — вопросом на вопрос ответил альбиносу принц.— Ты не мог воспользоваться колдовством, и у тебя совсем не было сил. Ты же едва двигал руками и ногами! Твои доспехи должны были утащить тебя на дно моря. Ты должен был утонуть. Случившееся просто невероятно. Ты должен были утонуть.

Элрик пожал плечами.

— У меня еще есть друзья.

Юркун все еще пытался скрыть удивление, но его уважение к Элрику явно возросло так же, как и его ненависть.

— Друзья?

— Конечно,— согласился Элрик, слегка усмехнувшись.

— Я... Я помню. Ты же поклялся не использовать колдовства.

— А вы думаете, что пользоваться колдовством не к лицу монарху Мелнибонэ? Согласен. Видите, Юркун, тут вы одержали победу.

Прищурившись, принц взглянул на Элрика. Он явно искал тайный смысл в словах императора.

— Ты хочешь привести в наш мир Повелителей Хаоса?

— Колдовство может призвать в наш мир Повелителей Хаоса или Повелителей Закона, если слуги Хаоса не захотят появиться. Вы же знаете, вы должны знать, Юркун! Разве вы сами не пытались их вызвать? И ведь Ариох не пришел, не так ли? Разве он подарил вам то, что вы так искали... два черных меча?

— Вы знали об этом?

— Нет. Я подозревал. Теперь знаю точно.

Юркун попытался заговорить, но не смог произнести ни слова. Его душила ярость. Он зарычал, задыхаясь, и через несколько секунд забился в руках стражников.

* * *

Дувим Твар вернулся с Циморил. Она была бледна, но весело засмеялась, подбежав к Трону.

— Элрик?

— Циморил! С тобой все в порядке?

Принцесса посмотрела на печального капитана ее стражи, который стоял неподалеку. Отвращение появилось на ее лице.

— Да,— кивнула она,— со мной все в порядке.

Капитан охраны Циморил дрожал от ужаса. Он умоляюще взглянул на Юркуна, словно надеялся на помощь пленного принца. Но Юркун уставился в пол.

— Подведите его поближе,— Элрик указал на капитана. Воины подтащили и бросили несчастного на ступени, ведущие на возвышение к Трону-Рубину. Капитан застонал.— Эта тварь предала тебя после того, как трус Юркун попытался убить меня? — спросил Элрик у принцессы и, не дожидаясь ответа, добавил: — Амбиции принца все растут, а твои амбиции, капитан,— лишь часть того, чем обладает наглец королевской крови. Ты предал свою госпожу и убил преданного ей человека... Как тебя зовут?

Сначала капитан не смог ничего сказать. Лишь немного позже, взяв себя в руки, он пробормотал:

— Меня зовут Валхар. Что я сделал? Я служил трону Мелнибонэ. Точнее, тому, кто сидел на нем.

— Предатель заявляет, что он верен трону. А я думаю по-другому!

— Я не предатель, мой повелитель,— взвыл офицер. Он упал на колени.— Предайте меня быстрой смерти. Не наказывайте меня!

Сперва Элрик решил удовлетворить просьбу капитана, но потом, взглянув на Юркуна и вспомнив выражение лица Циморил, когда та посмотрела на предателя, решил, что должен показать себя с другой стороны прямо сейчас.

Император покачал головой.

— Нет! Я накажу тебя... Ты умрешь сегодня ночью, согласно традиции Мелнибонэ. Мои придворные справят начало новой эры моего правления...

Валхар зарыдал, потом, взяв себя в руки, медленно поднялся. Он был жителем Мелнибонэ, поэтому не стал умолять о пощаде, только низко поклонился, отступил на шаг и без сопротивления отдал себя в руки бывших подчиненных.

— Я должен придумать казнь.— Элрик встал с трона.— Как ты убил молодого воина, попытавшегося защитить честь принцессы?

— Мечом. Я заколол его. Простым ударом.

— А как поступили с трупом?

— Принц Юркун приказал скормить его рабам принцессы Циморил.

— Очень хорошо. Принц Юркун, вы присоединитесь к нам во время ночного пира. Мы изволим насладиться смертью офицера Валхара.

Лицо Юркуна побелело как полотно.

— Что это значит?

— Доктор Шутка будет отрезать от капитана Валхара маленькие кусочки мяса. Они станут лакомством Юркуна на нашем пиру. Наверное, вы хотели бы, чтобы мясо для вас было приготовлено каким-нибудь поваром, но, мой дорогой Юркун, вынужден вас разочаровать, вам придется съесть его сырым.

Даже Дувима Твара удивил приговор Элрика, хотя он соответствовал традициям Мелнибонэ. Чистая ирония, но император высказал мысль, промелькнувшую у принца Юркуна. Такое решение было совершенно не в духе Элрика... или, точнее, не в духе того Элрика, каким он был день назад.

Услышав об уготованной ему участи, капитан Валхар закричал от ужаса и уставился на Юркуна, словно тот уже жевал его плоть. Принц попытался отвернуться, его плечи тряслись от рыданий.

— И это будет только началом,— продолжал Элрик.— Пир начнется в полночь. До этого времени пусть арестованных держат в башне Юркуна.

* * *

Принца Юркуна и капитана Валхара увели. Дувим Твар и принцесса Циморил подошли к Элрику, который уселся на свой трон и с горечью уставился в пустоту.

— Ваш приговор слишком жесток,— заметил Дувим Твар.

— Они оба этого заслуживают,— возразила Циморил.

— Конечно,— прошептал Элрик.— Так бы поступил мой дед. А что бы сделал Юркун, окажись он на моем месте? Я же

лишь следую традициям. Больше я не стану притворяться. Теперь я целиком принадлежу своему народу. Я останусь здесь, пока не умру, здесь — на Троне-Рубине, и буду служить своему народу.

— Значит, ты и правда не подаришь им быструю смерть? — спросила Циморил.— Знаешь, я никогда не стала бы просить за Юркуна, потому что он мой брат. Я его ненавижу. Но ведь ты не сможешь выдержать это ужасное зрелище!

— А что, если смогу? Если же нет, то я, наверное, сойду с ума. Я должен сделать то, чего не смогли сделать мои предки... Иногда мне кажется, что я — кукла, подчиняющаяся велениям духов и воспоминаний, кукла, танцующая на канате, протянутом в прошлое на десять тысяч лет!..

— Может, если бы вы поспали...— заговорил Дувим Твар.

— Мне кажется, я не спал много дней и ночей... И все же твой брат должен умереть, Циморил. После того, как его накажут... после того, как он съест офицера Валхара... я хочу изгнать его. Пусть в одиночестве отправляется в земли Молодых королевств. Мы не дадим ему с собой ни одного воина, ни одного раба. Пусть он в одиночестве скитается в землях варваров. Думаю, это не слишком-то суровое для него наказание.

— Слишком мягкое,— возразила Циморил.— Ты поступил бы лучше, если бы убил его. Пошли солдат прямо сейчас. Не дай ему времени организовать новый заговор.

— Я не боюсь заговоров,— Элрик устало поднялся.— Теперь все изменится. Сейчас оставьте меня, а через час увидимся вновь. Я должен все обдумать.

— Я вернусь к себе и приготовлюсь к ночному пиру,— заявила Циморил. Она нежно поцеловала Элрика в бледный лоб. Император с любовью посмотрел на нее. Потянувшись, он прикоснулся к волосам девушки, потом к ее щеке.— Помни, я люблю тебя, Элрик,— на прощание сказала она.

— Я позабочусь, чтобы вас проводили домой,— обратился к ней Дувим Твар.— Но вы сами должны выбрать нового капитана для своей охраны. Могу ли я вам порекомендовать одного достойного воина?

— Благодарю вас, Дувим Твар.

Они оставили Элрика. Император сидел на Троне-Рубине, уставившись в пустоту, то и дело касаясь рукой головы, а его темно-красные глаза переполнились мукой.

Позже альбинос поднялся с трона и, покачивая головой, медленно пошел в свои палаты в сопровождении стражи. У двери, за которой находилась лестница, ведущая в библиотеку, император задержался. Инстинктивно он хотел поискать забвения в книгах, но внезапно возненавидел свою библиотеку. Теперь Элрик решил, что во всем виноваты его нелепые «мораль» и «справедливость». Но обвиняя их, он почувствовал свою вину и снова впал в отчаянье. Различные чувства переполняли его. Они зародились после того, как альбинос решил стать истинным королем Мелнибонэ. Пройдя мимо заветной двери, Элрик вошел в свои покои. Но теперь и они раздражали его. Обстановка тут была строго выдержана: никакой роскошной мебели, к которой привыкли жители Мелнибонэ; никакой игры красок, никаких вычурных узоров. Элрик сам выдумал призраков, которым служил. Иногда император бродил по комнатам, пытаясь отторгнуть ту часть своего «Я», которая требовала милосердия по отношению к Валхару и Юркуну... требовала просто убить их и покончить с этим делом, или, так даже лучше, выслать их из Мелнибонэ. Но теперь невозможно было отменить первоначальное решение.

Элрик прилег на кровать у окна. Отсюда открывался вид на город. В небе клубились облака. Сквозь них, словно желтый глаз неведомого небесного зверя, светила луна. С триумфом и иронией она взирала с небес на императора, словно радовалась победе совести альбиноса над разумом. Элрик обхватил голову руками.

Позже слуги пришли сказать, что гости уже собрались. Элрик велел переодеть себя в желтое платье и возложить корону дракона на голову. А потом он вернулся в тронный зал, где его приветствовали громовыми аплодисментами. Но на сердце у него было пусто, как никогда. Ответив на приветствие дворян, он расселся на Троне-Рубине, наблюдая за праздничным столом, который установили в зале. Рабы внесли и поставили столик и два кресла рядом с Троном-Рубином — для Дувима Твара и Циморил. Но ни Дувим Твар, ни принцесса в зале еще не появились. Не было также и предателя Валхара. Где же Юркун? Валхара должны были подвесить на цепях в центре зала, а Юркун сел бы рядом с капитаном. Появился Доктор Шутка. Он разжег огонь в жаровне и на специальном

столике разложил инструменты, пробуя и подтачивая ножи. Дворяне в зале разговаривали. Они ждали представления. Уже принесли угощение, но никто не посмел сесть за стол раньше, чем император отведает яства.

Элрик махнул капитану своей охраны.

— Принцесса Циморил и хранитель пещер уже пришли?

— Нет, мой повелитель.

Циморил редко опаздывала, а Дувим Твар не опаздывал никогда. Элрик нахмурился. Возможно, они решили, что предстоящее развлечение будет слишком неприятным?

— А преступники?

— Их сейчас приведут, мой повелитель.

Доктор Шутка тоже ждал. Его тощее тело напряглось от предвкушения...

Вдруг Элрик услышал рев, перекрывший шум разговоров. Он доносился откуда-то неподалеку. В зале воцарилась тишина. Рев и стоны стали громче.

Ударом распахнув дверь, в зал вошел окровавленный и задыхающийся Дувим Твар. Его одежда была изорвана, а на теле кровоточило несколько ран. И вслед за ним в зал потянулся туман... клубящийся, темно-пурпурный, колдовской туман. Ревел и стонал именно туман.

Элрик вскочил с трона и, отшвырнув в сторону стол, бросился вниз по лестнице к своему другу. Ревущий туман начал вползать в тронный зал, словно преследуя Дувима Твара.

Император обхватил своего друга за плечи:

— Дувим Твар! Чародейство?!

Лицо хранителя пещер драконов перекосило от ужаса, а губы свело в судороге. Он смог лишь произнести:

— Колдовство Юркуна. С помощью своих чар принц призвал ревущий туман и бежал. Я пытался преследовать его, но туман остановил меня, и я чуть не погиб. Все это случилось, когда я пошел за Юркуном и его сообщником. Но изменник успел завершить заклинание.

— Циморил? Где она?

— Юркун забрал ее, Элрик. С ним Валхар и сотня воинов из тех, кто предан ему.

— Мы должны догнать его. Мы его быстро схватим.

— Не сопротивляйся туману. Ах! Он приближается!

И точно, туман, заползая в зал, начал окружать собравшихся. Элрик пытался разогнать его, размахивая руками, но туман стал лишь гудеть вокруг него. Тоскливый рев тумана оглушал императора, мозаика ярких цветов слепила. Тут Элрику показалось, что сквозь рев он различил слова:

— Элрик слаб! Элрик глуп! Элрик должен умереть!

— Остановитесь! — закричал император. Наткнувшись на кого-то, он упал на колени и, не останавливаясь, пополз куда-то на четвереньках, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь разноцветные вихри. Сквозь туман проступали лица, более ужасные, чем все виденное Элриком в удушливых кошмарах.

— Циморил! — кричал он.— Циморил!

Одно из лиц превратилось в лицо Циморил... Циморил, которая злобно смотрела на альбиноса, насмехалась над ним. Потом ее лицо стало покрываться морщинами, и Элрик увидел грязную старуху. Наконец остался лишь оскалившийся череп с гниющей плотью. Император зажмурился, но чудовищный образ по-прежнему стоял у него перед глазами.

— Циморил! — шептали голоса.— Циморил...

Элрик почувствовал слабость, отчаянье и закричал, подзывая Дувима Твара, но услышал только насмешливое эхо, повторяющее имя хранителя пещер драконов, как раньше повторяло оно имя возлюбленной альбиноса. Император сжал зубы, закрыл глаза, но продолжал ползти вперед, борясь со стонущим туманом. Казалось, прошли часы, прежде чем стон тумана превратился в скулеж, а тот постепенно стих. Только тогда Элрику удалось подняться на ноги. Открыв глаза, он увидел, что туман рассеивается. Тут его ноги подогнулись, и он присел на первую из ступеней, ведущих к Трону-Рубину. Снова он игнорировал совет Циморил и не расправился с ее братом, и вот теперь она снова оказалась в опасности.

«Я недостоин жить»,— решил император.

Глава 4
ПОВЕЛИТЕЛЬ ХАОСА

Только оправившись от удара — Элрика нашли без сознания совершенно обессилевшим,— император послал за Дувимом Твором. Он жаждал новостей. Но Дувим Твар ничего не

мог ему сообщить. Юркун с помощью волшебства освободился. Колдовство помогло ему бежать.

— Принц, наверное, воспользовался каким-то заклинанием, чтобы покинуть остров. Но он не мог уплыть на корабле,— объяснил Дувим Твар.

— Мы должны отправить экспедиции,— приказал Элрик.— Пошли тысячи воинов... сколько сможешь. Пошли всех воинов Мелнибонэ. Разбуди драконов. Их тоже надо использовать. Снаряди золотые корабли. Мои посланцы пойдут по всему миру. Мы должны найти Циморил.

— Все это уже сделано,— потупился Дувим Твар.— Но Циморил пока не нашли.

Прошел месяц.

Воины Имррира побывали во всех Молодых королевствах. Они искали новости о беглом ренегате.

«Я беспокоюсь больше о себе, чем о Циморил, и считаю это естественным,— грустно подумал альбинос.— Мучаюсь от избытка чувств, а совесть тут ни при чем».

Прошел еще один месяц.

Драконы Имррира прочертили своими крыльями небеса на юге, востоке, севере и западе. Они перелетели горы, пересекли моря, промчались над лесами и равнинами, пугая жителей многих городов. Но всадники на драконах не нашли следов Юркуна и его сторонников.

«В одном только я могу обвинить себя,— думал Элрик.— Я все думаю о том, что сделал. Это было глупо и принесло лишь разрушения. Юркун был прав, когда во всем обвинял меня. Именно из-за этого я и возненавидел его».

На четвертый месяц в самых отдаленных портах появились имррирские корабли. Моряки Острова драконов расспрашивали горожан и путешественников, выискивая новости о Юркуне. Однако колдовство принца оказалось сильнее. Никто не знал о нем.

«Я должен был еще многое учесть»,— упрекал себя Элрик.

Усталые воины возвращались в Мелнибонэ. Надежды их увяли так же легко, как и появились. Только Элрик не терял надежду. Он ощущал себя сильным как физически, так и духовно, и экспериментировал с лекарствами, которые увеличивали его силы, делая самым могучим из людей. Много времени

проводя в библиотеке, Элрик изучал древние тексты, перечитывал их снова и снова.

Тексты были на тайном языке Мелнибонэ... древнем языке магии, с помощью которого предки Элрика разговаривали со сверхъестественными существами, которых вызывали в свой мир. И вот Элрик решил, что полностью разобрался в заклятиях, хотя прочитанное иногда заставляло его задуматься. Порой ему казалось, что стоит остановиться.

Когда же Элрик решился окончательно — неверно понять древние письмена равносильно тому, что подписать себе смертный приговор,— он провел три ночи в наркотическом забытьи.

И после этого император был готов отправиться дорогой отцов. Элрик приказал всем рабам и слугам покинуть его покои. Он выставил стражу и приказал никого не впускать, даже если появятся срочные дела. Очистив от мебели одну из комнат, Элрик начертил на полу пентаграмму. Потом он сел прямо на пол, раскрыл одну из книг и задумался.

Больше пяти часов прошло, прежде чем альбинос взял кисть, чернильницу и стал разрисовывать стены и пол таинственными символами. Казалось, они стояли под углом к поверхности, на которой были нарисованы. Закончив, Элрик лег на живот в центре огромной пентаграммы. В одной руке он зажал свисток, другую же руку, на которой носил кольцо с Акторианским камнем, прижал ладонью к полу.

Встала полная луна. Ее лучи, проникая сквозь окно, падали прямо на Элрика. Они посеребрили волосы альбиноса. И тогда император стал вызывать одного из Повелителей Хаоса.

Элрик мысленно прокрался по сумрачным туннелям разума, отвергая любую логику, уничтожил бескрайние ряды неиспользованных идей, преодолел горы символов и целую вселенную самых разнообразных истин. Он шел все дальше и дальше. С его дрожащих губ срывались слова, которые не могли понять его современники. Каждый звук замораживал кровь. Тело императора приподнялось над землей, словно он, собрав все силы, пытался преодолеть земное притяжение. Время от времени с губ императора срывались мучительные стоны, словно он молил о спасении.

Одно из этих слов было «Ариох».

Ариох считался главным демоном из тех, кому поклонялись предки Элрика. Один из самых могущественных герцогов Ада —

Ариох. Его еще называли Валетом пик, Рыцарем мечей, повелителем самых темных глубин Ада. Повелителем высших кругов Ада... У него было еще много других имен.

— Ариох!

Тот самый Ариох, именем которого Юркун проклял Элрика. Юркун тоже пытался вызвать его. Он хотел заручиться помощью этого демона перед тем, как захватить Трон-Рубин. Еще Ариох был известен как хранитель Двух мечей — мечей, выкованных в Аду, которыми когда-то владели императоры Мелнибонэ.

— Ариох! Я зову тебя!

Ритмическая песнь с воем вырывалась из горла Элрика. Наконец император Мелнибонэ мысленно достиг измерения земли, где обитал Ариох. Теперь осталось отыскать самого Ариоха.

— Ариох! Тебя вызывает Элрик из Мелнибонэ.

Альбинос краем глаза заметил какую-то тень, которая мгновенно исчезла. И вдруг в темноте сверкнули два глаза. Не мигая, уставились они на императора.

— Ариох! Повелитель Хаоса! Помоги мне!

Глаза мигнули и потухли.

— Ариох! Явись! Помоги мне, и я стану служить тебе!

Тень нечеловеческой фигуры медленно приблизилась к Элрику, и тогда император увидел, что у существа нет лица. Ореол красного пламени мерцал над головой незнакомца.

Потом все исчезло. Видения иного мира рассеялись, как утренний туман.

Элрик чувствовал себя полностью опустошенным. Он медленно возвращался сквозь измерения. Губы альбиноса больше не двигались. Он не произносил никаких имен. Истощенный, лежал он на полу в центре пентаграммы.

Он решил, что ничего не получилось.

И вдруг послышалось тихое жужжание. Сдерживая нарастающую боль, альбинос приподнял голову.

В комнате кружила муха. Жужжа, она пролетела вдоль колдовских надписей, которые недавно нарисовал Элрик.

Муха садилась то на одну руну, то на другую.

«Должно быть, влетела через окно»,— подумал Элрик. Отчаянье переполняло душу императора, но муха почему-то зачаровала его.

Наконец она села на лоб альбиноса: большая черная муха. Она жужжала громко, непристойно и все время потирала лапки. Казалось, у нее был особый интерес к лицу Элрика. Сев ему на лицо, насекомое стало ползать из стороны в сторону. Элрик повел плечами, но согнать муху у него не хватало сил. Когда та снова оказалась в поле зрения императора, он попытался получше разглядеть ее. Элрик чувствовал, как лапки мухи царапают кожу. Потом, взлетев и тихо жужжа, насекомое пролетело в дюйме от носа Элрика. И тут император увидел глаза мухи. В них было что-то необычное. Не просто глаза... Совсем не глаза мухи... Существо из другого измерения.

Элрик понял, что эта муха не простое насекомое. В ее повадках таилось что-то человеческое.

И тогда муха улыбнулась ему.

Из охрипшего горла императора вырвалось лишь одно слово:

— Ариох?

Прекрасный юноша появился там, где только что на полу сидела муха. Он заговорил нежнейшим голосом: мягким, приятным, но и мужественным одновременно. Его одежда казалась текучим драгоценным камнем, который не слепил, словно вовсе не отражал света. На поясе юноши висел тонкий меч, но шлема не было, лишь над головой пылал нимб красного пламени. Его мудрые глаза хранили в себе древнее зло.

— Элрик,— обратился юноша к альбиносу. Голос незнакомца придал императору сил и помог встать на колени.— Элрик!

Император встал. Теперь он вновь был переполнен энергией.

Юноша оказался выше Элрика. Он смотрел на императора Мелнибонэ сверху вниз и улыбался, точь-в-точь как муха.

— Ты годишься для того, чтобы послужить Ариоху. Прошло много времени с тех пор, как я бывал в твоем измерении, но сейчас я пришел снова, пришел к тебе, Элрик. Я стану твоим повелителем и буду помогать тебе. Ты обретешь силу и найдешь источник энергии. Я стану господином, а ты — моим рабом.

— Значит, я должен служить тебе, герцог Ариох? — спросил Элрик, пытаясь держать себя в руках. Слова Ариоха пугали его.

— Ты будешь служить мне, но сможешь делать, что пожелаешь. Потом наступит время, когда я прикажу тебе сделать кое-что для меня... Наступит время вспомнить клятвы.

Элрик заколебался.

— Ты должен поклясться,— размеренно продолжал Ариох,— или я не смогу помочь тебе в борьбе против твоего двоюродного брата Юркуна.

— Я клянусь служить тебе,— пробормотал Элрик. Его тело охватил огонь экстаза. Император дрожал от радости. Он упал на колени перед Повелителем Мечей.

— Время от времени я буду беседовать с тобой, буду и помогать тебе, когда ты будешь вызывать меня. Появляться сам я буду, если в этом возникнет необходимость. И помни: я могу принять ту форму, которая окажется наиболее подходящей, или же являюсь вовсе бесформенным существом. А теперь, до того как я уйду, ты можешь задать мне один вопрос.

— Я хочу задать два вопроса...

— Не могу ответить на твой первый вопрос. Ты должен понять, что теперь ты служишь мне. Я не стану говорить, что ждет тебя в будущем. Но ты служишь мне и не должен бояться, того, что предначертано тебе судьбой

— Второй вопрос: куда сбежал принц Юркун?

— Принц Юркун затаился на юге, в землях варваров. Он использовал колдовство, сверхъестественное оружие, разум и завоевал две страны, одну из которых вы называете Оин, другую — Юу. Сейчас твой кузен обучает воинов этих стран, готовится к походу на Мелнибонэ. Он знает, что воины Острова драконов разбрелись по всему миру.

— Как он спрятался?

— Он не прятался. Просто раздобыл Зеркало памяти. Его магическое действие заключается в том, что с его помощью можно так скрыться, что никакие маги не смогут найти его. Тот, кто взглянет в Зеркало, все забывает. Зеркало хранит миллионы воспоминаний. Память всех, кто приплывает в земли Оин и Юу, и тех, кто приезжает в город, который принц объявил своей столицей. Они видят перед собой Зеркало и забывают о том, что видели Юркуна и его армию. Это самый лучший способ, чтобы скрыться.

— Пожалуй,— согласился Элрик, сведя брови.— Стоит разбить это зеркало! Но что тогда случится? Ведь такая вещь должна обладать невероятной магической силой.

— Я уже достаточно рассказал тебе. Хотя можно доказать, что все это — один и тот же вопрос. Но все равно я тебе больше отвечать не стану. Если зеркало будет уничтожено, тебе это поможет, но лучше все-таки придумать какой-нибудь иной способ, чтобы обезвредить его. Хочу напомнить тебе: зеркало хранит память тысячелетий... Теперь мне пора. Да и тебе пора собираться в дорогу... в земли Оина и Юу, которые лежат в нескольких месяцах пути отсюда, к югу за Лормуром. Для такого путешествия лучше достать корабль, плывущий по суше и по морю. До встречи, Элрик.

Перед тем как исчезнуть, муха, жужжа, покружила у стены.

Элрик выскочил из комнаты. Он стал созывать рабов.

Глава 5
КОРАБЛЬ, ПЛЫВУЩИЙ ПО СУШЕ И ПО МОРЮ

— Сколько драконов осталось в пещерах?

Элрик стоял на галерее, разглядывая панораму Имррира. Наступило утро, но солнце не могло пробиться сквозь пелену низких облаков, плывущих над башнями Грезящего города. Жизнь столицы Мелнибонэ шла своим чередом, хотя город опустел из-за отсутствия воинов, которые еще не вернулись из бесплодных поисков и не скоро еще вернутся.

Дувим Твар тяжело оперся на перила, идущие вдоль галереи, и тоже разглядывал полупустые улицы города. Он выглядел уставшим. Руки его были скрещены на груди, словно он пытался сохранить что-то внутри себя, не дать этому выплеснуться наружу.

— Существуют два пути. Можно попытаться разбудить всех драконов, но даже тогда сомневаюсь, что они нам помогут. И что это за корабль, который может плавать по суше и по морю, о котором говорил Ариох?

— Я читал о нем в Серебряном гримоире и в других книгах. Это — волшебный корабль. В древности на нем плавали герои Мелнибонэ, до того как наше королевство превратилось в империю. Но где он находится и цел ли до сих пор, об этом я не знаю.

— А кто может знать? — поинтересовался Дувим Твар и отвернулся.

— Ариох,— Элрик пожал плечами.— Но он не сказал мне, да и не скажет.

— Ваши друзья — элементали воды. Разве они не обещали вам помочь? Может, они что-то знают об этом корабле?

Элрик нахмурился. Морщины прочертили его лицо.

— Конечно, Страш может что-то знать. Но мне не хочется снова взывать к его помощи. Элементали воды не так могущественны, как Повелители Хаоса. Их силы ограничены и они очень капризны. К тому же, Дувим Твар, я ненавижу колдовство и хотел бы использовать его лишь в крайнем случае...

— Вы, Элрик, колдун, но всегда слишком поздно используете то, чем владеете — ту огромную силу, которой обладают все колдуны. Давным-давно можно было бы вызвать Повелителей Хаоса... разве не так? Я хочу сказать, что не стоит придерживаться подобной логики. Вы решили преследовать принца Юркуна с помощью колдовства? Вам с помощью магии удалось обмануть смерть. Используйте свое умение и сейчас.

— Ты не в состоянии представить себе всю психологическую и физическую мощь...

— Представляю, мой повелитель. Я — ваш друг. Я не хочу видеть ваших мучений...

— Все дело в том, что я физически слаб, Дувим Твар,— напомнил Элрик своему другу.— Сколько я могу прожить на лекарствах и наркотиках, которые сейчас поддерживают искру жизни в моем хилом теле? Конечно, они придают мне сил и энергии... Но они же истощают меня! Я могу умереть раньше, чем найду Циморил.

— И все же...

Элрик шагнул вперед и положил белую руку на плечо Дувима Твара.

— Но разве я что-то теряю? Нет, ты прав. Я колеблюсь, хотя жизнь и честь Циморил в опасности. Я повторяю свои же ошибки... ошибки, из-за которых мы оказались в этом дурацком положении. Ты пойдешь со мной на берег?

— Конечно.

Дувим Твар почувствовал, что бремя, лежащее на душе Элрика, частично легло и на его плечи. Странное ощущение

для жителя Мелнибонэ. Дувим Твар понял, что все это ему тоже не нравится.

* * *

Последний раз Элрик посещал эту часть острова, когда он и Циморил были счастливы. Казалось, это произошло давным-давно. Альбинос оказался глупцом, доверившись счастью. Повернув белого жеребца к прибрежным утесам, император Мелнибонэ поскакал к морю. За ним следовал верный Дувим Твар. Моросил дождь. Зима в этом году выдалась мягкой.

Оставив коней у края утесов и прихватив самое необходимое для колдовства, Элрик и Дувим Твар спустились на берег. Дождь взбаламутил море. Над водой стлался туман, но он держался ровной стеной неподалеку от берега. Стояла мертвая тишина. Высокие темные утесы за спиной и стена тумана создавали впечатление некоего безмолвного мира, в котором легко можно было встретить, как в легендах, печальные души тех, кто совершил самоубийство, но продолжает томиться на земле, не попав ни в Ад, ни на Небеса. Звуки шагов звучали слишком громко, но глухо, словно туман всасывал их, питаясь звуками.

— Сейчас,— прошептал Элрик и сел на корточки.— Теперь я должен произнести заклинания, которые не так давно вспомнил с такой легкостью.

Оставив Дувима Твара, император сел возле самой кромки холодной воды. Он сидел на песке, скрестив ноги. Его невидящий взор устремился вдаль, в туман.

Дувим Твар следил за альбиносом издали. Император казался ему обиженным ребенком. Хранитель пещер драконов и впрямь считал Элрика храбрым, но капризным ребенком. И еще Дувим Твар считал, что если колдовство не подействует, им придется добираться до Оина и Юу обычным способом.

Элрик вытянул шею, словно собака, воющая на луну. Странные трепещущие звуки слетали с его губ. Слова казались простыми, но непонятными. Дувим Твар тоже начал мысленно повторять их вслед за Элриком. Но император уже забыл о том, что он не один.

Дувим Твар знал тайный язык Мелнибонэ. Как и остальные дворяне, он прошел начальный курс магического искусства, и

слова, произносимые Элриком, не казались ему необычными. Альбинос же использовал специальные спряжения и особые интонации, ударения, придающие словам тайную силу. Он связывал все это голосом, который менялся, то становясь ревущим басом, то переходя в тонкий женский крик. Неприятные звуки. Непонятно, как их могла породить глотка смертного существа. Стоя на берегу, Дувим Твар постепенно начал понимать, почему Элрик не хотел пользоваться колдовством. Хранитель пещер драконов отошел подальше, а потом вообще ушел к утесам и оттуда, сверху, следил за Элриком. У него хватило храбрости остаться на месте, пока император читал заклинания.

Заклятия разносились над пляжем. Дождь становился все сильнее и сильнее. Море потемнело. Волны хлестали по берегу, разбиваясь у ног распевающего руны альбиноса. Его волосы развевались на ветру. От этого зрелища Дувим Твар затрепетал и еще плотнее закутался в плащ.

— Страш... Страш... Страш...

Слова сливались с шорохом дождя. Теперь это были не просто слова. Больше они походили на завывание ветра или шепот моря.

— Страш...

Снова у Дувима Твара появилось желание удрать, а потом ему захотелось подойти поближе к Элрику и попросить императора остановиться, поискать другие способы достигнуть земель Оина и Юу.

— Страш!

Крик стал агонией умирающего.

— Страш!

Имя Элрика уже готово было сорваться с губ Дувима Твара, но хранитель пещер драконов обнаружил, что не может говорить.

— Страш!

Сидящий на песке альбинос начал раскачиваться. Слова звенели на ветру, словно доносились из пещер времени.

— Страш!

Дувиму Твару стало ясно, что по какой-то причине заклинания не сработали. Элрик старался изо всех сил, но безрезультатно. Он — хранитель пещер драконов — ничем не мог

помочь своему повелителю. Его язык, казалось, прилип к гортани, а ноги вросли в землю.

Потом он уставился на стену тумана. Ему показалось, или она и в самом деле наползает на берег? И что это за странное зеленоватое свечение в толще тумана?

Поднялась огромная волна. Море нависло над берегом, но вода не падала вниз, словно время остановилось. Прибой смолк. Туман отступил. Неясные огоньки заиграли в воздухе. Дувиму Твару показалось, что он видит гигантского человека, который неожиданно поднялся из глубин моря. Он понял: колдовство Элрика подействовало.

— Король Страш,— теперь Элрик заговорил нормальным голосом.— Вы пришли. Благодарю вас.

Король ответил. Его голос накатывался на Дувима Твара ленивыми тяжелыми волнами.

— Мы, элементали, обеспокоены. Ходят слухи, что ты, Элрик, пригласил в наш мир Повелителя Хаоса. Если ты и сделал это, то лишь потому, что тебе суждено так поступить. Мы не питаем к тебе зла.

— Да. Я был вынужден позвать Ариоха, король Страш. Подругому я не мог поступить. Если вы не захотите мне помочь, я пойму вас и не стану больше просить.

— Я помогу тебе, хотя теперь мне не хочется делать этого. Но то, что случится в скором будущем, и события, которые произойдут через годы, заставляют меня поступать именно так. Однако ты должен сказать, чем я могу помочь тебе.

— Вы знаете, где найти корабль, который может плавать по суше и по воде? Я должен найти этот корабль и выполнить клятву — отомстить Юркуну. Я должен найти свою любимую Циморил.

— Я знаю многое об этом корабле. Он — мой! Когда-то Кром пытался завладеть им. Но он мой! Мой — по праву!

— Кром — повелитель суши?

— Кром, который глубже корней; Кром — хозяин земли и всего, что находится в ее недрах. Кром — мой брат. Давным-давно, даже по меркам элементалей, Кром и я... мы вместе построили корабль, который мог путешествовать по суше и по воде. Но мы поссорились, разругались из-за какой-то ерунды и подрались. Случилось землетрясение... На сушу обрушилось

цунами, проснулись вулканы, тайфуны разрезали небеса. В этой битве участвовали все элементали. В результате одни континенты поднялись, а другие погрузились под воду. Не в первый раз мы сражались друг с другом, но с тех пор больше подобного не случалось. После битвы мы частично уничтожили владения друг друга, а потом заключили мир. Я отдал Крому часть своей добычи. А он отдал мне корабль. Он — Кром — отдал корабль неохотно, и с тех пор корабль плавает по воде лучше, чем по суше. Кром мешает ему, когда он плывет в его владениях. Но раз тебе нужен корабль, я отдам его.

— Благодарю вас, король Страш. Где я смогу найти его?

— Он сам приплывет к тебе. Но я устал. Я и так сильно рискую, принимая твердую форму. Всего хорошего, Элрик. Будь осторожен. Ты обладаешь гигантской силой и погубишь еще много невинных душ.

— Где мне ждать волшебный корабль? Здесь?

— Нет...— голос морского короля стал тише. Его фигура начала блекнуть. Серый туман сомкнулся вокруг него. Зеленое свечение потухло. Море снова заволновалось.— Жди... Жди в своем городе... Корабль сам приплывет к тебе.

Несколько волн разбилось о берег, а потом все стало по-прежнему. Дувим Твар протер глаза. Происшедшее показалось ему наваждением. Он медленно направился к сидящему на песке Элрику, осторожно присел рядом и взял альбиноса за руку. Император удивленно посмотрел на своего слугу.

— Дувим Твар, сколько времени прошло?

— Несколько часов. Скоро ночь. Если поторопимся, то вернемся домой еще засветло.

С помощью Дувима Твара Элрик поднялся на ноги.

— Конечно,— пробормотал он.— Морской король сказал...

— Я слышал все, что говорил морской король. Я слышал, что он посоветовал, и слышал его предостережения. Вы должны выполнить все его советы. Мне не понравилась магия, которую вы использовали, чтобы вызвать Страша. Похоже, волшебный корабль может оказаться опасен как для врагов, так и для его хозяев, словно обоюдоострый кинжал, который может заколоть и вас, и вашего брата...

— Что можно ждать там, где замешано колдовство?.. Но ведь именно ты убеждал меня воспользоваться колдовством, мой друг.

— Конечно,— подтвердил Дувим Твар, помогая Элрику подниматься по тропинке к стреноженным коням.— Конечно. Я не забуду этого, мой повелитель.

Элрик слабо улыбнулся и похлопал Дувима Твара по руке.

— Не беспокойся! Все прошло нормально, и теперь у нас будет судно, чтобы быстро добраться до Оина и Юи.

— Будем надеяться,— скептически заметил Дувим Твар. Он сомневался, что от волшебного корабля будет много пользы. Они добрались до коней, и Дувим Твар чуть замешкался, смахивая капельки воды с боков своего чалого.— Жаль,— продолжал он,— что мы уже использовали драконов. Теперь они отдыхают и бесполезно пытаться поднять их в воздух. А с отрядом драконов мы могли бы выступить против принца Юркуна без всякого колдовства. Как великолепно нестись на драконе высоко в небесах. Когда-нибудь мы еще полетаем.

— Когда все закончится и принцесса Циморил станет императрицей, мы полетаем,— согласился Элрик, забираясь в седло своего белого жеребца.— Ты можешь протрубить в Рог драконов, и братья наших драконов услышат тебя. Тогда я спою «Песню повелителей драконов» и мы поднимем в воздух всех драконов, которые еще остались в нашем измерении, а потом мы сядем на Огненного Клыка и Мягкую Лапу. Ах, тогда вернутся дни старого Мелнибонэ. Мы сможем наслаждаться собственной силой... Но пусть Молодые королевства идут своим путем и оставят нас в покое!

Дувим Твар потянул поводья.

— Давайте помолимся за то, чтобы такой день наступил, мой повелитель. Я не могу отогнать мысль о том, что дни Имррира сочтены, а моя жизнь скоро закончится...

— Нет, Дувим Твар, ты проживешь дольше меня. В этом нет сомнения, хотя ты старше меня.

— У меня есть два сына,— заговорил Дувим Твар, когда они уже мчались галопом.— Вы знаете о них, повелитель?

— Ты никогда не упоминал об этом.

— Они уже взрослые.

— Я счастлив за тебя.

— Они настоящие мелнибонийцы.

— Почему ты заговорил об этом, Дувим Твар? — Элрик пытался понять своего друга.

— Я люблю их и разрешил им пока бездельничать, наслаждаясь сокровищами Острова драконов.

— А почему бы и нет?

— Не знаю,— Дувим Твар внимательно посмотрел на Элрика.— Я могу попросить, чтобы вы присмотрели за ними, если со мной что-нибудь случится?

— Я?

— Из слов короля элементалей воды я понял, что вам суждено определить дальнейшую судьбу Острова драконов. Я прошу вас помнить о моих сыновьях, Элрик.

— Хорошо, Дувим Твар. Я постараюсь, чтобы они выросли и стали, как ты, наездниками на драконах, а может быть, один из них станет хранителем пещер драконов.

— Боюсь, вы забудете о своем обещании, мой повелитель.

Элрик печально посмотрел на своего друга и покачал головой.

— Я не забываю своих обещаний. Думаю, ты просто боишься, что когда-нибудь я стану угрозой для Мелнибонэ и всего, что связано с ним.

— Простите меня,— опустил голову Дувим Твар.— Я думал именно об этом.

Тревога его так и не рассеялась.

Прибыв в Имррир, они переоделись, выпили горячего вина и отведали кушанья, сдобренные всевозможными приправами. Элрик, несмотря на усталость, находился в лучшем расположении духа, чем за все последние месяцы. «Теперь появилась надежда. Скоро я встречусь лицом к лицу с принцем Юркуном»,— думал Дувим Твар. Но впереди их еще поджидали неведомые опасности. Как бы то ни было, раньше Дувим Твар хотел рассеять печаль Элрика, а теперь император и без его усилий был счастлив. Они говорили о снаряжении, которое им понадобится для экспедиции в таинственные земли Юу и Оина, спорили о возможностях волшебного корабля, решали, сколько людей взять на борт.

Когда Элрик отправился спать, он был весел. Тоска и усталость, которые раньше неотступно преследовали его, исчезли. Но, прежде чем уйти спать, альбинос пожелал своему другу спокойной ночи. Дувим Твар вновь испытал то же чувство, что и на берегу, когда следил за Элриком, распевающим

заклинания. Дувим Твар чувствовал, что Элрик хоть и задумывается о своем будущем, рассматривает все происходящее, как на некий аттракцион — развлечение, которое могло и не принести ему тех удовольствий, которых он жаждал.

Разогнав подобные мысли, Дувим Твар тоже отправился спать.

Элрик обвинил лишь себя в том, что произошло с Циморил по вине Юркуна, но Дувим Твар знал, что и на нем лежит часть вины. Ему следовало настойчивей стоять на своем, более неистово отстаивать свою точку зрения, приложить больше усилий и уговорить молодого императора сразу разделаться с узурпатором. Но потом, в духе истинного мелнибонийца, хранитель пещер драконов отбросил все волнения и заботы. «Существует лишь один властелин — Император... Мы должны служить ему и в этом находить удовольствие»,— повторил он себе одну из заповедей дворян Мелнибонэ. Но всегда ли таким будет Остров драконов? Дувим Твар удивился бы, увидев, как обессилевший Элрик рухнул на кровать. Может быть, альбинос и впрямь был инкарнацией кого-то из древних правителей острова? Всегда ли в характере жителей Мелнибонэ было думать только о себе и собственном благополучии?

И снова Дувим Твар отогнал гнетущие мысли. Какой толк в вопросах? Мир все равно останется таким, каков он есть. Человек останется человеком. Прежде чем отправиться спать, он зашел к своим женам, разбудил их и настоял на том, чтобы они привели к нему сыновей: Дувима Слорма и Дувима Мава. Когда его распоряжение выполнили, хранитель пещер драконов внимательно оглядел сыновей, словно прощался с ними, но ничего не сказал, лишь сурово сдвинул брови и потер лицо, потряс головой. Когда детей увели, Дувим Твар приказал своим женам Ниопале и Саромале, которые выглядели столь же озадаченными, как и их дети:

— Завтра же отправьте Слорма и Мава в пещеры драконов. Пусть они начнут учиться на всадников.

— Уже, Дувим Твар? — удивилась Ниопала.

— Да, боюсь, у них осталось мало времени на обучение.

Он больше ничего не сказал, потому что не мог. Просто у него было такое ощущение... ощущение, которое постепенно превращалось в наваждение.

* * *

Утром Дувим Твар вернулся в башню Элрика и нашел императора на галерее. Элрик мерил ее шагами, с нетерпением ожидая любых новостей о кораблях. Но никаких волшебных кораблей в окрестностях Имррира не было видно. Слуги спрашивали своего властелина, как выглядит волшебный корабль, просили описать его, чтобы они смогли сразу его узнать. Но Элрик и сам не знал, как выглядит корабль Страша, и считал, что волшебное судно может появиться не только со стороны моря, но и приплыть по суше. Элрик заранее надел свои черные доспехи.

Дувиму Твару стало ясно, что император принял чудовищную дозу лекарств, восстановивших его энергию. Темно-красные глаза альбиноса сверкали, говорил он быстро, а руки двигались с фантастической скоростью.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил Дувим Твар.

— Превосходно,— усмехнулся Элрик.— Хотя я бы чувствовал себя еще лучше, если бы волшебный корабль уже прибыл в гавань Имррира.— Император подошел к перилам и перегнулся через них, продолжая внимательно изучать море и поля за башнями и городскими стенами.— Откуда он приплывет? Хорошо было бы, если бы король Страш говорил более определенно.

— Согласен,— отозвался Дувим Твар, который так и не позавтракал, а теперь изнемогал от вида различных аппетитных блюд, расставленных на столе императора. По-видимому, Элрик тоже еще не завтракал.

Дувим Твар удивлялся, не повредили ли стимулирующие лекарства разум старого друга. А может, занятия колдовством, беспокойство за Циморил, ненависть к Юркуну чересчур захватили Элрика?

— Не лучше ли вам отдохнуть и расслабиться, ожидая волшебный корабль? — предложил Дувим Твар.

— Конечно,— согласился Элрик.— Но я не стану этого делать. Я должен как можно скорее встретиться с Юркуном, чтобы отомстить ему и спасти Циморил.

— Понимаю. Конечно...

Элрик громко рассмеялся.

— Ты беспокоишься обо мне, словно Танглебонес. Но я не нуждаюсь в няньках, хранитель пещер драконов!

Пересилив себя, Дувим Твар улыбнулся.

— Вы правы. Я молю, чтоб это волшебное судно... Что это? — вытянув руку, он показал пальцем куда-то в глубь острова.— Там в лесу что-то движется. Ветер колышет ветви? Но ведь никакого ветра нет.

Элрик проследил взглядом.

— Ты прав! Я удивлен не меньше тебя... Интересно, что...

И вдруг они увидели, как из-за леса что-то появилось. Белое, синее и черное — сверкающий волшебный корабль. Он приблизился, разрезая землю, словно плуг.

— Парус...— пробормотал Дувим Твар.— Мой повелитель, я думаю, это — ваш корабль.

— Да,— прошептал Элрик, наклоняясь вперед.— Мой волшебный корабль. Готовься, Дувим Твар. В полдень мы покинем Имррир.

Глава 6
ЖЕЛАНИЕ БОГА ЗЕМЛИ

Корабль оказался высоким и изящным. Перила, мачты и палубные надстройки оказались тонкой работы — очевидно, их вырезали руки не простого смертного плотника. Построенный из дерева естественных синих, зеленых и дымчато-красных цветов, он был украшен канатами цвета морских глубин. Жилы дерева проступали на поверхности досок полированной палубы, словно корни деревьев. Паруса на трех тонких, как свечи, мачтах напоминали густые белые облака, какие плавают в небе в светлый летний день. Корабль выглядел прекрасно. Нельзя было смотреть на него и не восхищаться. Элрик и Дувим Твар не видели судна лучше. Именно на таком судне можно отправиться спасать принцессу в опасные земли Оина и Юу.

Корабль спокойно плыл по суше, словно по речной глади. Земля под его килем раздвигалась, как бы на мгновение превращаясь в воду. Где бы ни проплыл корабль, земля на несколько футов вокруг вздымалась, а когда корабль проплывал

дальше, она снова становилась твердой. Вот почему деревья в лесу качались, когда между ними плыл корабль. Он двигался прямо к Имрриру.

Волшебный корабль оказался не особенно велик. Он выглядел значительно меньше, чем корабли Мелнибонэ, и лишь немного больше галер южных варваров. Но его изящество, изгибы линий, гордая посадка — в этом у судна не было соперников.

Его трапы спускались к земле, и он был готов к путешествию. Элрик, уперев руки в бедра, стоял и смотрел на подарок короля Страша. Тем временем из ворот города рабы выносили провизию, оружие и поднимали их вверх по сходням. Дувим Твар собрал тех воинов Имррира, что должны были отправиться в плавание, разделил их по рангам и объяснил каждому его задачу. Воинов оказалось немного. В два раза меньше, чем намечали вначале. Гарнизон Имррира оставался под командованием Магума Колима. Адмирал остался охранять город. Сомнительно, что варвары запланировали еще одно нападение после того, как мелнибонийцы наказали флот южных варваров, но осторожность никому никогда не повредит, тем более что принц Юркун готовился к походу на Имррир. И по какой-то странной причине, которую никто из придворных так и не смог понять, Дувим Твар собрал добровольцев-ветеранов, которые считались слишком слабыми для военной службы. Из них он сформировал особый отряд. Конечно, они не могли защищать город, но они были еще достаточно сильны и обладали большим опытом. Им Дувим Твар приказал в первую очередь грузиться на корабль.

Последним по сходням поднялся Элрик. Он ступал медленно, тяжело — гордая фигура в черных доспехах. Поднявшись на палубу, император обернулся, салютуя городу, и приказал поднять сходни.

Дувим Твар ожидал его на верхней палубе. Хранитель пещер драконов снял правую кольчужную перчатку и гладил рукой перила из странного дерева.

— Этот корабль создан не для войны, Элрик,— заметил он.— Я не хотел бы, чтобы его потрепали в бою.

— Не думаю, что подобное возможно,— с легкостью возразил Элрик, когда воины Имррира поставили паруса на мач-

тах.— Но, может быть, Страш отдал его именно потому, что хотел, чтобы он был разрушен? Надо бояться не за корабль, Дувим Твар. Лучше подумаем о своей безопасности и успехе экспедиции. Теперь сверимся с картой. Помнишь, Страш предупреждал относительно своего брата Крома? Думаю, нам лучше всего плыть морем...— он ткнул пальцем в обозначенный на карте порт на западном побережье Лормура.— А отсюда уже, пополнив запасы и узнав все, что можно, о землях Оина и Юу и их системе обороны, мы отправимся на встречу с принцем Юркуном...

— Некоторые путешественники отваживались заплывать дальше Лормура. Говорят, край мира находится неподалеку от границ южных стран,— нахмурился Дувим Твар.— Может, все это — ловушка? Западня Ариоха? Что, если Юркун тоже заключил союз с Рыцарем мечей? И мы, обманутые, отправляемся в экспедицию туда, где нас будет ждать засада.

— Я принял это во внимание,— ответил Элрик.— Но у нас нет выбора. Мы должны доверять Ариоху.

— Согласен, что должны,— иронично улыбнулся Дувим Твар.— Сейчас меня заботят другие вещи. Как управлять кораблем? Когда мы поднимались на борт, я не заметил якоря. Существуют ли течения в толще суши? Смотрите... ветер наполняет паруса.

Так оно и было. Паруса надулись, и мачты слабо заскрипели. Судно напряглось, но осталось на месте.

Пожав плечами, Элрик покачал головой.

— Думаю, надо просто приказать кораблю,— предположил он.— Корабль, мы готовы отправляться в путь!

Элрик обрадовался, увидев удивление Дувима Твара, когда судно, чуть кренясь, пришло в движение. Корабль плыл не качаясь, словно рассекал очень спокойную воду, но Дувим Твар, вцепившись в перила, в испуге закричал:

— Мы несемся прямо на городскую стену!

Император быстро взбежал на капитанский мостик, где было установлено рулевое колесо. Схватившись за него, Элрик чуть повернул его. Корабль откликнулся на это и, развернувшись, понесся к другой стене. Элрик вернул колесо в первоначальное положение, а потом крутанул еще дальше в другую сторону. Корабль развернулся, подчиняясь приказу, и, сильно

кренясь, заскользил в глубь острова. Альбинос восхищенно засмеялся.

— Видишь, Дувим Твар, все очень просто. Немного подумать, пораскинуть мозгами, и все встанет на место!

— Не все,— печально заметил Дувим Твар.— Я бы предпочел, чтобы мы полетели на драконах. Они — звери, их можно понять. А все это волшебство беспокоит меня.

— Такие слова не к лицу истинному дворянину Мелнибонэ! — воскликнул Элрик, перекрывая свист ветра в снастях, скрип мачт, шорох разрезаемой земли.

— Вполне возможно,— соглашался Дувим Твар.— Но, может быть, это объясняет, почему я стою рядом с вами, мой повелитель.

Элрик озадаченно бросил на своего друга короткий взгляд и направился на нижнюю палубу в поисках боцмана, которому можно было бы передать управление кораблем.

Тем временем корабль быстро мчался между скал, поросших дроком, проплывал сквозь леса и набирал скорость на травянистых равнинах. Он напоминал парящего ястреба, который скользит у самой земли, преследуя жертву, меняя курс чуть заметным движением крыла.

Солдаты Имррира собрались на палубе. Восхищенно следили они, как корабль плывет по земле. Многие из них не двигались, очарованные происходящим. Огромный боцман казался единственным, кого не захватило всеобщее удивление. Он вел себя, словно находился на борту одной из золотистых барж Мелнибонэ. Выбранный им рулевой хорошо выполнял свои обязанности, наблюдая за тем, чтобы все шло, как положено. Он стоял у руля немного испуганный, но уверенными движениями управлял кораблем. Можно представить, что он чувствовал, когда корабль скользил прямо к скалам или был готов разбиться о толстые стволы елей. Рулевой все время облизывал губы и вытирал пот со лба, хотя и был прекрасным моряком. Постепенно он приноровился вести корабль по суше, хотя ему приходилось быть более внимательным, чем обычно. Корабль плыл с невероятной скоростью, и приходилось быстро реагировать на преграды, то и дело возникавшие впереди. Судно неслось гораздо быстрее, чем могла бы скакать самая резвая лошадь, даже быстрее, чем летали излюбленные драконы

Дувима Твара. Такая скорость радовала и возбуждала воинов Имррира.

Счастливый смех Элрика звенел по всему кораблю, и радость альбиноса передалась многим.

— Хорошо, если Кром — повелитель суши не станет нас останавливать!.. И еще я боюсь даже представить, какую скорость разовьет этот корабль, когда спустится на воду! — прокричал император Дувиму Твару.

У Дувима Твара тоже изменилось настроение. Его длинные волосы развевались на ветру, он улыбался.

— Конечно. Когда мы выйдем в море, то просто опьянеем от такой гонки!

А затем, как бы в ответ на их разговор, корабль внезапно вздрогнул и стал раскачиваться из стороны в сторону, словно попал в сильное встречное течение. Рулевой побледнел и вцепился в руль. Потом с ужасным криком с центральной мачты прямо на палубу упал моряк из наблюдательного гнезда. Он погиб, переломав себе все кости. Внезапно качка прекратилась и, крутанувшись раз или два, словно попав в водоворот, корабль поплыл дальше.

Элрик осмотрел тело матроса. Прекрасное настроение оставило императора, когда он застыл над трупом, сжав руками в черных перчатках искрящиеся перила. Он заскрежетал зубами, его пурпурные глаза вспыхнули, а губы искривились в злой усмешке.

— Какой же я глупец! Неразумно искушать богов!

Хотя корабль двигался почти так же быстро, как раньше, команде казалось, что теперь он едва тащится, словно слуги Крома вцепились в дно судна. Элрик почувствовал что-то в воздухе, угроза зазвучала в шелесте деревьев, мимо которых они проплывали. Что-то зашевелилось в траве, кустах, цветах, среди которых они плыли. Какая-то опасность притаилась в скалах, в обрывистых склонах холмов. Император понял, что Кром — хозяин недр где-то поблизости. Кром — повелитель суши. Кром, который хотел владеть тем, что когда-то принадлежало ему и его брату Страшу — волшебным кораблем, из-за которого братья и поссорились. Кром хотел вернуть себе волшебный корабль. Элрик посмотрел на черную землю и почувствовал страх.

Глава 7
КОРОЛЬ КРОМ

Наконец, хотя земля и цепляла за киль корабля, они добрались до моря, скользнули в воду и помчались, набирая скорость, пока Мелнибонэ не остался у них далеко за спиной. Вскоре путешественники увидели густые облака, поднимавшиеся над Кипящим морем.

Элрик решил, что не стоит рисковать. Лучше обойти эти опасные воды. Он приказал повернуть, взяв курс к побережью Лормура, самого приятного и спокойного из Молодых королевств. Император решил заплыть в порт Рамасаз на западном побережье Лормура. Если южные варвары, с которыми недавно сражались воины Мелнибонэ, прибыли бы из Лормура, Элрик выбрал бы какой-нибудь другой порт, но варвары приплыли с юго-востока, с другой стороны континента, откуда-то из-за Пикарауда.

Жителями Лормура правил толстый, острожный король Фадан, который не любил участвовать в набегах, если успех предприятия не был гарантирован. Прибыв в Рамазас, Элрик приказал, чтобы их корабль вошел в гавань и пришвартовался, как обычное судно, ничем не выдавая своих волшебных свойств. Тем не менее корабль привлек внимание своей красотой, и местные жители удивились, узнав, что на корабле путешествуют воины Мелнибонэ. Хотя в Молодых королевствах не слишком любили мелнибонийцев, их боялись. Поэтому к Элрику и его людям отнеслись с уважением. На постоялом дворе, куда они зашли, им предложили самую лучшую пищу и вино.

Это был самый большой из постоялых дворов и при нем самый лучший в городе трактир. Местечко называлось «Последний приют, или Добро пожаловать домой». Элрика встретил заботливый хозяин, который до того, как приобрел этот постоялый двор, был процветающим купцом-капитаном и хорошо знал берега южного континента. Он знал страны Оина и Юу, но говорил о них без всякого уважения.

— Вы думаете, они готовятся к войне, господин? — трактирщик высоко поднял брови. Вытерев насухо губы, он покачал своей рыжей головой.— К войне против воробьев. Оин и

Юу — убогие страны и населены убогими людишками. У них есть только один приличный город Дхоз-Кам... Он как раз лежит на границе этих стран. Полгорода принадлежит одному королевству и находится на одном берегу реки Ар, а другая половина — на другом. А остальные земли Оина и Юу заселены крестьянами, которые необразованны, ужасно суеверны и не имеют ни гроша за душой. Не думаю, что из них получились бы приличные солдаты. Они очень миролюбивы.

— Ты не слышал ничего о ренегате из Мелнибонэ, который захватил Оин и Юу и обучает этих крестьян, готовя их к войне? — поинтересовался Дувим Твар у хозяина трактира, неторопливо потягивая вино.— Имя этого ренегата — принц Юркун.

— Это тот, кого вы ищете? — уточнил владелец гостиницы.— Принцы драконов поссорились?

— А это уж не твое дело,— высокомерно ответил Элрик.

— Конечно, господин...

— А ты ничего не слышал об огромном зеркале, которое лишает людей памяти? — вновь спросил Дувим Твар.

— Волшебное зеркало! — захохотал хозяин, запрокинув голову.— Сомневаюсь, что даже одно обычное зеркало найдется в Оине и Юу! Нет, мой господин, думаю, вы не там ищете! С этой стороны опасность вам не угрожает.

— Ты, несомненно, прав,— согласился Элрик, уставившись в свою чашу, вино в которой так и осталось нетронутым.— Но будет мудрей, если мы все проверим сами. Ведь это будет и в интересах Лормура. Если мы обнаружим угрозу, то предупредим вас.

— В Лормуре много бесстрашных воинов. Мы легко можем разбить любых глупцов, которые попытаются начать войну. Но если вы хотите сами убедиться, то вам придется три дня плыть вдоль берегов, пока вы не окажетесь у пролива, ведущего к устью реки Ар. На ее берегах стоит Дхоз-Кам — эта пародия на город, откуда правители Оина и Юу рассылают свои указы. Жители там развратны, грязны и выглядят больными, но, к счастью, они ленивы и причиняют мало беспокойства соседям. Рекомендую не снимать мечей, когда отправитесь на прогулку по Дхоз-Каму. Оказавшись там, вы поймете, что такие люди, как эти ублюдки, не могут представлять реаль-

ной угрозы. И постарайтесь не заразиться чумой,— хозяин снова весело рассмеялся. Устав сотрясаться от смеха, он добавил: — А может, вы боитесь их флота? Он состоит из дюжины рыбачьих лодок, большинство из которых не могут заплывать далеко в море, поэтому ловят рыбу на мелководье в устье реки.

Элрик отставил в сторону свою чашу с вином.

— Мы благодарим вас,— и он положил серебряную монету Мелнибонэ на прилавок.

— Будет трудно разменять,— хитро заметил хозяин.

— У нас нет монет меньшего достоинства,— надменно ответил император.

— Благодарю, господин. Вы останетесь на ночь в моей гостинице? Я могу предложить вам лучшие постели в Рамасазе.

— Думаю, что нет,— ответил Элрик.— Мы вернемся на борт судна, чтобы отплыть на рассвете.

Хозяин посмотрел вслед необычным гостям из Мелнибонэ. Инстинктивно он почувствовал неприязнь и попробовал на зуб монету, перевернул ее и снова осмотрел. «Может ли серебро Мелнибонэ оказаться ядовитым для обычного смертного?»— подумал он и решил не рисковать. Он опустил монету в кошелек и убрал две чаши, которые остались после путешественников из Мелнибонэ. Хотя хозяин трактира и не любил бесполезные траты, он решил выбросить чаши, из которых пили его гости, чтобы не навлечь на себя проклятья.

* * *

Волшебный корабль достиг входа в залив к полудню следующего дня и теперь прижимался к берегу, прячась от видневшегося в отдалении города. Столица двух отсталых государств скрывалась за узким перешейком, поросшим густым тропическим лесом. Элрик и Дувим Твар по мелководью перебрались на берег и вошли в лес. Они решили проявить осторожность. Пусть никто не знает об их присутствии, пока они не разберутся, соответствует ли презрительный отзыв хозяина постоялого двора истинному положению дел в Джхоз-Каме. Перешеек поднимался высоким холмом, на котором росло

несколько небольших деревьев. Элрик и Дувим Твар мечами прорубили тропинку через переплетение лиан и поднялись на холм. Там они остановились в тени деревьев, выбирая, кто первым полезет на дерево осмотреться. Элрик выбрал себе дерево, ствол которого шел полого от земли, а потом распрямлялся. Император вложил меч в ножны и, взявшись руками за ствол, полез на дерево. Он карабкался выше и выше, пока не добрался до толстых ветвей, которые могли выдержать его вес. Тем временем Дувим Твар залез на соседнее дерево. Они оба хорошо видели залив, неподалеку от которого находился город Дхоз-Кам. Город заслуживал того, что о нем рассказал хозяин гостиницы. Приземистый, грязный и, очевидно, бедный город. Именно поэтому Юркун и выбрал его. Земли Оина и Юу было несложно завоевать с помощью горстки хорошо снаряженных воинов Имррира, оставшихся верными узурпатору, и нескольких волшебных союзников. Несколько человек и в самом деле могли бы без всяких усилий завоевать эти страны, нищие и не представляющие своим географическим расположением никакого стратегического значения. Решив действовать втайне, Юркун хорошо все рассчитал. Однако трактирщик ошибался, оценивая флот Дхоз-Кама. Элрик и Дувим Твар смогли насчитать тридцать военных кораблей под флагами Юркуна. Множество торговых судов стояло на якорях на реке. Но не флот заинтересовал Элрика и Дувима Твара, а мерцающее и сверкающее зеркало над городом. Оно было установлено на гигантских колоннах, поддерживающих ось, на которой зеркало свободно вращалось во все стороны. Видно было, что создали его не смертные, как и корабль, на котором приплыл император Мелнибонэ. Гигантское круглое зеркало. Не оставалось сомнений, что это — Зеркало памяти, и любой корабль, вошедший в залив, сразу становился беспомощным, так как его матросы мгновенно все забывали, превращаясь в малых детей. Люди Юркуна заново учили их, воспитывая в них преданность к своему повелителю.

— Мне кажется,— заговорил Дувим Твар, сидя на ветке неподалеку от Элрика,— было бы глупо входить в залив Дхоз-Кам. Мы попадем прямо в фокус зеркала. Сейчас же оно находится под углом к нам. Видите, там есть механизм, который может повернуть его в любую сторону. Спасение в одном:

зеркало нельзя развернуть на сто восемьдесят градусов. В этом нет нужды. Кто придет в Оин и Юу из пустынь юга?

— Мне кажется, я понял твою мысль, Дувим Твар. Ты хочешь, чтобы мы использовали возможности нашего корабля и...

— ...и приплыли в Дхоз-Кам по суше. Мы нападем внезапно! Пусть впереди пойдут наши ветераны. Мы легко победим. Нас не остановят никакие чары. Мы схватим принца Юркуна и его соратников. Ворвемся в город и освободим Циморил! Поспешим?

— У нас не хватит людей для такого нападения. Это опасно. Но преимущество внезапности... Мы попытаемся... Однако, если первая атака не удастся, повторить ее мы не сможем. Попробуем пробраться в город ночью и схватим Юркуна, когда он останется один, но тогда мы не сможем использовать наше единственное оружие — волшебный корабль. Думаю, твой план лучше. Давай поплывем в глубь материка, будем надеяться, что Кром не задержит нас... Я боюсь, что он попытается отобрать корабль.— Элрик стал спускаться на землю...

* * *

Поднявшись на верхнюю палубу корабля, Элрик приказал рулевому повернуть судно в глубь суши. Поставив паруса, корабль грациозно выскользнул из воды и, пробившись сквозь густые заросли, нырнул в темную зелень джунглей. Закаркали, закричали испуганные птицы, и маленькие зверьки задрожали в испуге и удивлении, забившись в норы, когда волшебный корабль поплыл через лес, огибая самые толстые деревья.

Они направлялись в глубь земли Оина, взяв чуть западнее от реки Ар, разделяющей земли Оина и Юу. Большую часть Оина покрывали джунгли и выжженные равнины, где жили крестьяне, боявшиеся лесов. Они не заходили в джунгли, хотя именно там скрывались все богатства страны.

Волшебный корабль беспрепятственно пересек джунгли и выбрался на равнину. Вскоре путешественники увидели большое сверкающее озеро, и Дувим Твар, взглянув на весьма сомнительную карту, которой обзавелся в Рамазасе, предположил, что теперь они могут снова повернуть на восток, направ-

ляясь к Дхоз-Каму. Элрик с ним согласился, и корабль лег на другой галс.

Тут земля начала вздыматься. Огромные волны поросшей травой земли поднялись вокруг корабля, прокатившись по всей равнине, насколько хватало глаз. Корабль сильно качало из стороны в сторону, вверх-вниз. Еще два воина сорвались с вант и разбились о палубу. Боцман громко выкрикивал команды. А земляные волны двигались совершенно бесшумно... И из-за этого происходящее казалось еще более опасным. Боцман приказал своим людям, чтобы они привязали себя к такелажу, а потом повернулся к тем, кто начал было спускать паруса:

— Оставьте все как есть... спускайтесь!

Элрик привязал к перилам один конец своего шарфа, а другим концом обмотал его вокруг запястья. Дувим Твар для тех же целей использовал свой длинный ремень. Корабль бросало во все стороны. Путешественники то и дело теряли опору под ногами, корабль сильно подбрасывало. Элрику казалось, что все его кости переломаны, а тело — единый синяк. Корабль трещал, сопротивлялся и угрожал развалиться от ужасных ударов вздымающейся и опадающей земли.

— Элрик, это работа Крома или колдовство Юркуна? — задыхаясь, спросил Дувим Твар.

Элрик покачал головой.

— Юркун тут ни при чем. Это — Кром. И нет способа умиротворить его. Кром — самый могущественный из всех королей элементалей.

— Но не станет же он нарушать свой договор с братом?

— Не думаю. Но Король Страш предостерегал меня. Нам остается лишь надеяться, что Кром израсходует всю свою энергию, а корабль выдержит, как выдержал бы он настоящий морской шторм.

— Это похуже, чем буря на море, Элрик.

Император кивнул. Ему нечего было сказать. Палуба тем временем страшно раскачивалась. Элрику приходилось держаться за поручни обеими руками, чтобы устоять на ногах.

Вдруг грохот и рев, напоминающий смех, разорвали тишину.

— Король Кром! — закричал Элрик.— Король Кром! Не трогай нас! Мы не сделали тебе ничего плохого!

Но смех стал лишь громче. Волшебный корабль задрожал, когда земля поднялась и опала. Деревья, холмы и скалы словно метнулись к кораблю, а потом провалились в бездну. Вне всякого сомнения, Кром хотел получить свой корабль в целости и сохранности.

— Кром! Ты же никогда не ссорился со смертными! — вновь закричал Элрик.— Не трогай нас! Будь снисходителен.

На самом деле он не очень-то надеялся получить ответ бога земли, не ожидал, что Кром услышит его, если элементали земли вообще могут слышать людей.

— Кром! Послушай меня!

Элрику ответил лишь громкий хохот, который заставил бы задрожать любого смертного. Земля вокруг продолжала вздыматься. Корабль закружило, и альбинос окончательно потерял ощущение направления.

— Король Кром! Почему ты хочешь убить тех, кто никогда не причинял тебе вреда?

Медленно опала земля. Волшебный корабль остановился. Огромная коричневая фигура поднялась из земли рядом с ним. Тело короля Крома напоминало землю, и выглядел он, словно большой старый дуб. Волосы и борода цветом походили на опавшую листву. Глаза — золотые самородки. Зубы — гранит. Ноги — корни. Тело, словно волоски, покрывали крошечные зеленые побеги. От короля пахло свежевспаханной землей и плесенью. Король элементалей земли — Кром — нахмурился, а потом заговорил мягким, тягучим голосом, звучавшим хрипло и тяжело:

— Я хочу мой корабль!

— Не ты дал нам этот корабль,— возразил Элрик.

— Я хочу свой корабль,— медленно повторил Кром. В его голосе слышалось раздражение и нетерпение.— Я хочу получить его назад. Он — мой.

— Ты хочешь отобрать его у нас?

— Отобрать? Он — мой. Мой!

Кром затопал ногами, и земля затряслась.

Элрик с отчаянием сказал:

— Этот корабль принадлежит твоему брату, королю Страшу! Он отдал тебе часть своих владений, а ты отдал ему корабль. Такое у вас было условие!

— Я не знаю ни о каких условиях. Этот корабль мой!

— Но ведь ты знаешь, что, если заберешь его обратно, король Страш заберет свои земли. Те, что отдал тебе в обмен на это судно.

— Я хочу получить свой корабль.

Огромная фигура качнулась, и куски глины посыпались на землю, разбиваясь с глухими хлопками о палубу корабля.

— Тогда ты должен убить нас, чтобы получить его,— вздохнул Элрик.

— Убить? Кром не убивает смертных! Он никого не убивает! Кром строит! Кром дарит жизнь!

— Но ты уже убил трех матросов,— возразил Элрик.— Трое мертвы, король Кром, из-за того, что ты поднял бурю на земле.

Брови Крома сдвинулись, и он почесал затылок.

— Кром не убивает,— опять повторил он, но в его словах не было прежней уверенности.

— Кром убил! — возразил Элрик.— Оборвались три жизни.

— Но я хочу свой корабль,— усмехнулся Кром.

— Этот корабль нам одолжил твой брат. Мы не можем отдать его тебе. Кроме того, мы плывем с определенной, благородной целью. Могу сказать...

— Не знаю я никакой вашей цели... Мне нет до вас дела. Я хочу получить назад свой корабль, который у меня отобрал брат. Я уже почти забыл о нем. Но теперь я вспомнил и хочу его.

— А вы не возьмете что-нибудь другое вместо волшебного корабля, король Кром? — неожиданно спросил Дувим Твар.— Что-нибудь другое?

Кром покачал головой.

— Как может смертный дать мне что-нибудь? Ведь вы только и знаете, как брать у меня. Вы крадете мои кости, мою плоть, мою кровь. Можешь ты отдать мне назад все, что забрали у меня люди?

— Что именно?

Кром закрыл глаза.

— Благородные металлы? Драгоценности? — предположил Дувим Твар.— У нас их много.

— Этого добра у меня самого в избытке.

Элрик в отчаянии пожал плечами.

— Как мы можем заключить удачную сделку с богом, Дувим Твар? — альбинос чуть-чуть улыбнулся.— Что может по-

желать повелитель земных недр? Больше солнца, больше дождя? Но этого мы не можем ему дать.

— Я — подобие бога,— объявил Кром.— Если вообще существуют создания, называемые богами. И я не хотел убивать твоих товарищей. У меня появилась одна мысль. Похороните их в землю, подарите мне их тела.

Сердце Элрика екнуло от радости.

— Это все, что ты хочешь получить от нас?

Этого мне будет достаточно.

— Тогда ты позволишь нам плыть дальше?

— Да, но только по воде,— пробурчал Кром.— Не вижу, почему я должен разрешить вам плавать по моей земле. Вы можете доплыть на нем до того озера, и после этого ваш корабль будет обладать только теми свойствами, которые ему подарил мой брат Страш. Никогда больше не пересечет он мои владения.

— Но, король Кром, мы плывем по очень важному делу. Мы должны доплыть до города,— Элрик показал в направлении Дхоз-Кама.

— Доберетесь до озера, а потом по реке попадете в город. И отдайте мне то, что я просил.

Элрик позвал боцмана и приказал:

— Принесите тела трех мертвых моряков.

Тела спустили на землю. Кром сгреб их огромными руками.

— Благодарю вас,— проворчал он.— Прощайте!

И Кром начал медленно погружаться в землю.

Потом корабль медленно поплыл прямо к озеру — последний раз плыл он по суше.

— Это нарушило наши планы,— заметил Элрик.

Дувим Твар печально посмотрел на сияющее впереди озеро.

— Да, ничего не получилось. Я не решусь утверждать, но, боюсь, теперь нам придется прибегнуть к колдовству.

— Боюсь, придется,— согласился Элрик, печально вздохнув.

Глава 8
ГОРОД И ЗЕРКАЛО

Принц Юркун был доволен. Все шло так, как он задумал. Он любовался творением своих рук — смотрел сквозь высокую изгородь, идущую по краю плоской крыши его дворца,

лучшего трехэтажного дома в Дхоз-Каме. Принц любовался своим великолепным флотом. Каждый корабль, который приходил в Дхоз-Кам, даже если он принадлежал могущественным государствам, Юркун легко присоединял к своей эскадре после того, как команда смотрела в огромное зеркало, повернутое к заливу. Демоны построили гигантские колонны, на которых покоилось зеркало, и принц Юркун расплатился с ними душами тех жителей Оина и Юу, кто пытался сопротивляться его тирании. Теперь принцу осталось лишь удовлетворить свое последнее желание. И потом он и его армия отправятся в Мелнибонэ...

Юркун повернулся и заговорил с сестрой. Циморил лежала на деревянной скамье, ничего не видящим взором уставившись в небеса. На ней были грязные лохмотья — остатки того платья, которое она надела перед тем, как Юркун похитил ее.

— Посмотри на наш флот, Циморил! Пока золотые корабли рассеяны по всему миру, я без помех захвачу Имррир и вновь объявлю себя императором. Элрик не сможет защититься. Он легко попался в мою ловушку. Дурак-альбинос! И ты дура, раз дарила ему свою любовь!

Циморил не ответила. Юркун регулярно подмешивал наркотики в ее пищу и питье. Теперь она была слаба, как Элрик, лишенный лекарств. Сам принц сильно похудел, и во взгляде его появилось что-то дикое — звериное. К тому же он стал совершенно нечувствителен к боли. Циморил же была просто истощена, но ее прежняя красота сохранилась. Казалось, убогий Дхоз-Кам наложил на них обоих несмываемое клеймо своей нищеты.

— Не бойся за будущее, сестричка,— продолжал Юркун.— Ты станешь императрицей и будешь сидеть на Троне-Рубине рядом с императором. Только императором буду я. Элрик умрет, и смерть его будет более изощреннее, чем та, которую он придумал для меня.

— Ты сумасшедший,— голос Циморил прозвучал глухо. Она говорила не поворачивая головы.

— Сумасшедший? Послушай меня, сестричка, разве это слово допустимо по отношению к мелнибонийцу? Мы, уроженцы Острова драконов, не можем судить о людях — безумны ли они или в здравом рассудке. Если человек есть... он

есть... Он делает то, что делает. Возможно, жизнь в Молодых королевствах повлияла на тебя. Но скоро все станет на свои места. Мы с триумфом вернемся на Остров драконов, а потом ты все позабудешь, взглянув в Зеркало памяти.— Тут Юркун нервно дернулся, как будто ожидал, что зеркало вот-вот повернется в его сторону.

Циморил закрыла глаза. Она тяжело дышала и мужественно переносила окружающий ее кошмар, веря, что рано или поздно Элрик спасет ее. Если бы она потеряла надежду, тогда бы она не смогла больше жить и умерла, покончив с Юркуном и его угрозами.

— Я рассказывал тебе о своих успехах прошлой ночью. Я вызвал демонов, Циморил, могучих злых демонов, и узнал от них все, что хотел узнать. Теперь я отопру врата теней и пройду через них, чтобы найти то, что ищу. Я стану самым могущественным из смертных на земле. Я говорил тебе об этом, Циморил?

Он уже несколько раз за утро возвращался к этому разговору, но раньше принцесса не обращала внимания на его слова. Циморил очень устала и пыталась уснуть. Поэтому теперь она заговорила медленно, сберегая свои силы.

— Я ненавижу тебя, Юркун...

— Ах, ну конечно! Ничего, скоро ты полюбишь меня, Циморил. Скоро...

— Элрик придет...

— Элрик! Элрик! Ха! Он сидит, бездельничает в своей башне и ждет новостей, которые никогда до него не дойдут — пока я сам не принесу их ему.

— Элрик придет! — повторила принцесса.

Юркун фыркнул. Рабыня из жителей Оина — девушка с личиком маленького звереныша принесла ему утреннюю чашу вина. Юркун взял чашу и сделал маленький глоток. Потом плюнул в рабыню, которая задрожала от страха, и, взяв кувшин, вылил его содержимое на белую пыль крыши.

— Слабое, как кровь альбиноса. Вот так кровь выльется из его слабых вен.

Но Циморил не слушала своего мучителя. Она попыталась вспомнить своего возлюбленного и те приятные дни, когда они были вместе, дни, когда они были детьми.

Юркун швырнул пустой кувшин в голову рабыни. Но девушка знала привычки своего господина. Уклонившись от удара, она пробормотала стандартный ответ, которым отвечала на все выходки и оскорбления господина.

— Благодарю вас, повелитель демонов,— прошептала она.— Благодарю вас, повелитель демонов...

— Повелитель демонов,— засмеялся Юркун.— Твой народ прав, называя меня так, потому что я управляю демонами. Силы мои растут с каждым днем.

Девушка поспешила уйти, чтобы принести принцу еще вина. Потому что знала: он потребует выпивку через несколько минут.

Тем временем Юркун пересек крышу, чтобы полюбоваться другими доказательствами своего могущества. Смогут ли жители Оина и Юу победить воинов Мелнибонэ? Ведь отряд, сопровождавший Юркуна во время бегства из Имррира, так мал.

Принц вернулся, прошел мимо Циморил, которая уже забылась в тревожном сне. И снова посмотрел вниз на город.

— Огонь? — прошептал он.— Откуда огонь?

Улицы города пылали. И это был не обычный огонь. Огненные шары катились по улицам, поджигая ветхие соломенные крыши и деревянные двери домов — все, что легко воспламенялось, как будто неведомая армия огненных духов решила превратить город в пылающий факел.

Юркун нахмурился. Он оказался слишком небрежен, и какое-то заклинание обернулось против него самого.

Взглянув на горящие дома у реки, принц заметил странный корабль, спускавшийся вниз по течению. Корабль был неописуемой красоты и поражал изяществом линий. Казалось, он создан природой, а не руками человека. Юркун понял, что на него кто-то напал. Но кому нужен Дхоз-Кам? Тут не было добычи, которая стоила бы таких усилий. Нападать могли только мелнибонийцы...

Но ведь не Элрик же!

— Этого не может быть! Элрик! — прошептал Юркун.— Зеркало! Надо повернуть против них зеркало!

— И обратить его против себя? — покачиваясь, Циморил встала и замерла, склонившись над столом. У нее не было сил

подойти к перилам, но она улыбалась.— Наконец ты понял, что был слишком самоуверен, Юркун. Элрик идет.

— Элрик! Не может быть! Просто какие-нибудь варвары-грабители, живущие у края мира. Они прорвались в центр города. Сейчас мы развернем Зеркало памяти.— Юркун побежал к люку, ведущему на нижние этажи дворца.

— Капитан Валхар! Валхар, где ты?

Валхар появился в комнате внизу. В одной его руке, одетой в перчатку, был зажат затупившийся меч. Но выглядел капитан так, словно и не собирался сражаться.

— Валхар, приготовь зеркало. Поверни его на атакующих.

— Но мы не можем...

— Поторопись, говорю я тебе! Мы присоединим этих варваров к моему войску... И их корабль тоже.

— Варвары, мой повелитель? Как могут варвары повелевать элементалями огня? Мы сражаемся с духами огня. Их нельзя убить, пока они горят.

— Огонь тушится водой,— объяснил капитану принц Юркун.— Мне кажется, капитан, ты забыл об этом!

— Нет, принц Юркун! Мы пытались тушить огонь водой, но вода не выливается из наших ведер. Только могущественный чародей может повелевать одновременно элементалями двух противоборствующих стихий. Ему помогают духи огня и воды.

— Ты сошел с ума! — заявил Юркун.— Ты сошел с ума! Приготовь Зеркало памяти и не болтай ерунды.

Валхар облизал пересохшие губы.

— Конечно, мой повелитель.

Капитан поклонился и спустился вниз, решив исполнить приказ принца.

Юркун вернулся к перилам и посмотрел вниз. Теперь на улицах столицы появились воины. Они сражались с его ратниками, но дым не давал разглядеть происходящее и определить, кто же нападает.

— Наслаждайтесь мнимой победой, потому что скоро зеркало поглотит вашу память, и вы станете моими рабами,— хихикнул Юркун.

— Элрик! — спокойно проговорила Циморил.— Элрик пришел отомстить тебе.

Юркун лишь фыркнул.

— Это ты так думаешь! Даже если и так, он не сможет найти меня. Я не собираюсь встречаться с ним. А тебя он найдет в таком состоянии, что вряд это ли доставит ему удовольствие. Нет, это не Элрик! Какой-нибудь шаман-варвар, живущий на краю мира. Скоро он окажется в моей власти.

Циморил подошла к перилам и стала напряженно всматриваться в затянутое дымом поле битвы.

— Элрик! — пробормотала она.— Я вижу его!

— Что?! — Юркун оттолкнул девушку в сторону. Внизу, на улицах города, воины Мелнибонэ сражались с варварами и ренегатами Мелнибонэ. Армия Юркуна отступала. Нападающих вел воин в черном шлеме, выполненном в форме дракона. Такой шлем носил только один человек в Мелнибонэ — Элрик. И в руках у него был меч Аубека из Маладора. Меч взлетал и падал. В утреннем солнечном свете на лезвии сверкала кровь.

На мгновение Юркуном овладело отчаяние. Он застонал.

— Элрик! Элрик! Элрик! Значит, мы опять недооценили друг друга. Что за проклятие лежит на нас!

Циморил откинула голову назад.

— Я же говорила, что он придет!

Юркун повернулся к ней.

— Да, он явился сюда... Но зеркало избавит его от ненужных воспоминаний. Он станет моим рабом, будет верить тому, что я вколочу в его дурную голову. Такая месть окажется даже слаще, чем я думал, сестричка.— Юркун посмотрел вверх и закрыл руками глаза, поняв, что сейчас произойдет.

— Быстро вниз! В дом! Зеркало начало поворачиваться!

Раздался ужасный скрежет шестерней, блоков и цепей. Зеркало памяти разворачивалось.

— Еще немного, и Элрик и все его люди окажутся в моей власти. Что за ирония судьбы! — Юркун взял на руки сестру и отнес ее вниз по ступенькам, прикрыв за собой люк.— Элрик сам поведет мою армию на Имррир. Он сам отречется от Трона-Рубина.

— Ты думаешь, Элрик не знает о Зеркале памяти? — презрительно проговорила Циморил.

— Конечно, знает... Но это ему не поможет. Он должен сражаться с открытыми глазами, иначе его убьют. А ни один человек с открытыми глазами не сумеет противостоять силе

зеркала.— Принц осмотрел грубо обставленную комнату.— Где же Валхар? Где этот негодяй?

Вбежал Валхар.

— Зеркало разворачивают, мой повелитель, но, боюсь, оно подействует и на наших людей.

— Не бойся. Что случится, если наши люди попадут под воздействие Зеркала памяти? Мы сможем быстро восстановить все, что им положено знать... зато враг наш будет уничтожен. Ты нервничаешь, капитан?

— Их ведет Элрик...

— Тем лучше, ведь глаза Элрика тоже глаза... хотя они и темно-красные. И даже похожи на рубины. Он не сможет противостоять колдовству дольше остальных.

* * *

Элрик, Дувим Твар и воины Имррира спешили вперед, уверенно продвигаясь по улицам города в поисках дворца принца Юркуна, разгоняя по пути вражеские отряды. Нападавшие потеряли всего одного человека, в то время как рекруты Оина и Юу десятками гибли на улицах вместе с ренегатами Имррира. Элементали огня, которых Элрик использовал с таким эффектом, рассеялись. Большую цену пришлось заплатить Элрику за то, чтобы использовать их, но явное преимущество в сражении он получил. Сомнений в победе войска альбиноса не оставалось.

Сотня домов пылала. Огонь расползался все дальше и дальше. Большая часть защитников и горожан боролись с огнем. Корабли в заливе тоже пылали.

Дувим Твар первым предупредил Элрика, что Зеркало памяти поворачивается. Заметив его движение, хранитель пещер драконов протрубил в рог, приказывая выступить вперед воинам, ранее не участвовавшим в сражении.

— Теперь вы должны вести нас! — закричал он, опуская свой шлем так, чтобы полностью закрыть глаза. Все щели в шлеме были заткнуты, и увидеть зеркало было невозможно.

Элрик тоже опустил забрало шлема. Однако сражение продолжалось. Старые воины, приплывшие из Мелнибонэ, сражались вслепую. Многие из них гибли, но враги отступали.

Император молился Ариоху, чтобы его план увенчался успехом.

* * *

Юркун осторожно выглянул через дырочку в тяжелых бархатных занавесях и раздраженно спросил:

— Валхар, они продолжают сражаться и побеждают. Почему? Разве зеркало не развернуто в их сторону?

— Все сделано, как вы приказали, мой повелитель.

— Но посмотри, воины Имррира продолжают теснить наши отряды... Битва проиграна. Что случилось, Валхар? В чем же ошибка?

Валхар присвистнул сквозь зубы. Он восхищался воинами Имррира.

— Они сражаются вслепую,— объяснил он Юркуну.— Они дерутся на ощупь, ориентируются на звуки, прикосновение, запахи. Они ничего не видят, мой повелитель... Они слепы и по трупам прокладывают дорогу Элрику.

— Слепы? — пробормотал Юркун.— Слепые разгромили мою армию?!

— Да. Слепые воины... ветераны Мелнибонэ, участвовавшие во многих кампаниях. Они, без сомнения, бывалые бойцы. Элрик перехитрил ваше зеркало, мой повелитель.

— А-а-а! Нет! Нет! — Юркун ударил капитана, и тот отступил.— Элрик не мог сам догадаться! Какой-то могучий демон подсказал ему путь к победе!

— Возможно, мой повелитель. Но разве существуют демоны более могущественные, чем те, что служат вам?

— Нет,— согласился Юркун.— Могущественнее их нет. Если бы только я мог призвать сейчас хотя бы одного их них! Но я потратил все свои колдовские силы на то, чтобы открыть врата теней. Я должен был предвидеть... Нет, я не мог этого предугадать!.. Элрик! Я уничтожу тебя, когда завладею рунными мечами! — Затем Юркун нахмурился.— Но как Элрик узнал о зеркале? Какой демон помог ему? Не мог же он вызвать самого Ариоха! Даже я не смог отыскать дорогу к нему!

И тут Юркун услышал боевую песнь Элрика. Слова песни послужили ответом на вопрос:

— Ариох! Ариох! Кровь и души моему господину Ариоху!

— Значит, рунные мечи нужны мне прямо сейчас. Я должен пройти сквозь врата теней. Тогда у меня появятся союзники... сверхъестественные союзники, которые легко разделаются с Элриком и его армией. Но мне нужно время...— прошептал Юркун, меряя комнату шагами.

Валхар продолжал наблюдать за битвой.

— Они подошли совсем близко,— пробормотал капитан.

Циморил улыбнулась.

— Слышишь, Юркун, Элрик близко. Так кто же дурак? Элрик? Или ты?..

— Замолчи... Я думаю... Думаю.

Потом в глазах Юркуна вспыхнул огонек и он хитро посмотрел на Циморил и на капитана Валхара.

— Валхар! Ты должен уничтожить Зеркало памяти!

— Уничтожить?! Но ведь это наше единственное оружие, мой повелитель!

— Его необходимо разбить... Ведь оно теперь бесполезно!

— Да, мой повелитель.

— Разбей его, и оно вновь послужит нам.

Юркун махнул рукой в сторону двери:

— Иди! Разбей его!

— Но, принц Юркун... Император... Я знаю... Что произойдет, если мы разобьем наше единственное оружие?

— Делай то, что я тебе приказал, Валхар. Или ты умрешь прямо здесь!

— Но как разбить зеркало, мой повелитель?

— Ты должен забраться на колонну, держась позади зеркала. Потом, не глядя на него, ты изо всех сил размахнешься мечом и ударишь по зеркалу с другой стороны. Оно очень хрупкое. Ты же знаешь, сколько предосторожностей я предпринимал, чтобы оно не разбилось раньше времени.

— Это все, что я должен сделать?

— Да. Когда уничтожишь зеркало, беги... Можешь идти, куда захочешь, и делать все, что тебе вздумается.

— Значит, мы не поплывем штурмовать Имррир?

— Нет. Я открыл другой путь, чтобы захватить Остров драконов.

Валхар пожал плечами. Выражение его лица говорило, что он никогда серьезно не верил в обещания Юркуна. Но что ему

оставалось делать, как не следовать за Юркуном, ведь Элрик приговорил его к ужасной смерти? Опустив плечи, капитан отправился выполнять поручение принца.

— А теперь, Циморил...— Юркун гнусно усмехнулся и крепко обнял свою сестру за плечи.— Пора подготовить тебя к приходу Элрика.

* * *

— Мой повелитель, враги больше не сопротивляются,— закричал один из слепых воинов.— Они стали безвольными. Мы просто режем их как свиней. Почему так?

— Зеркало превратило их в малых детей,— объяснил Элрик, повернув голову на звуки голоса.— Теперь надо зайти в какое-нибудь здание, где мы сможем не опасаться зеркала.

Наконец они оказались в каком-то помещении, и Элрик, сняв шлем, обнаружил, что они попали на склад, достаточно большой, чтобы вместить весь отряд. Когда все вошли внутрь, Элрик закрыл двери, решив обсудить дальнейшие планы.

— Нам надо найти Юркуна,— начал Дувим Твар.— Попробуем допросить одного из его воинов...

— Они ничем не смогут помочь нам,— напомнил ему Элрик.— Они же ничего не помнят, даже своих имен. Подойдика к тому окну, так, чтобы зеркала не было видно, и посмотри, нет ли поблизости здания, в котором мог бы поселиться принц Юркун.

Дувим Твар подошел к окну и осторожно выглянул наружу.

— Да. Почти прямо перед нами находится здание значительно больше остальных, и я вижу внутри какие-то движения, как будто там собирается отряд уцелевших защитников. Похоже на то, что это и есть дворец Юркуна. Его будет легко захватить.

Элрик подошел к Дувиму Твару.

— Согласен. Юркун наверняка там. Но нужно поспешить, пока он не решился убить Циморил. Мы должны попытаться прорваться туда.

Один из старых воинов неожиданно запрокинул голову.

— Что это за странный звук? Похоже на отдаленный удар в гонг.

— Я тоже слышал,— поддержал другой воин.

И Элрик тоже услышал этот звук — зловещий звон. Он исходил откуда-то сверху, с неба.

— Зеркало! — Дувим Твар посмотрел вверх.— Может, у зеркала есть какое-то свойство, о котором мы не знаем?

— Возможно...— Элрик попытался вспомнить, что рассказал ему о зеркале Ариох. Но демон говорил слишком мало и неопределенно. Он упоминал о чем-то ужасном...

— Юркун разбил зеркало! — воскликнул альбинос.— Но зачем?..

Звук усилился. Он словно пытался проникнуть людям в мозг, что-то сказать им, словно был живой.

— Может, Юркун уже мертв и его колдовство умирает вместе с ним,— начал было Дувим Твар, но замолчал и застонал.

И тогда Элрик все понял. Он заткнул уши. Воспоминания в зеркале! Они хлынули ему в мозг... Зеркало было разбито, и все воспоминания разом освободились. Память многих-многих тысячелетий, впитанная зеркалом. Многие из них не принадлежали простым смертным. Многие были украдены у животных и разумных существ, живших до появления Мелнибонэ. И все эти воспоминания обрушились на Элрика и на воинов Имррира, хлынули в головы людей на улицах, сводя с ума. Они захлестнули и капитана Валхара, гнусного предателя, который, сорвавшись с огромной колонны, упал вниз вместе с осколками.

Элрик не слышал предсмертного крика капитана, не слышал, как его тело ударилось о край крыши, а потом свалилось на улицу.

Император Мелнибонэ лежал на каменном полу и корчился от боли. Он, как и его спутники, пытался изгнать из своего разума миллионы чужих воспоминаний, которые переплелись с его собственными; освободиться от мыслей о любви, ненависти, удивительных случаях, странных поступках, о войнах и путешествиях; забыть лица родственников, людей, которых он никогда не знал; избавиться от воспоминаний о мужчинах и женщинах, о детях, животных, кораблях и городах, о поединках, страхах и желаниях... Ментальные потоки боролись друг с другом, пытаясь овладеть его разумом. Они угрожали лишить его собственной памяти, сделать другим человеком. Пока Элрик корчился на земле, зажимая уши руками, он шептал одно и то же слово, пытаясь остаться самим собой.

— Элрик! Элрик! Элрик!

И постепенно альбинос погасил все чужие воспоминания, вытеснил их из головы. Трясущийся и слабый, Элрик замолчал, потом встал и осмотрелся.

Больше двух третей его воинов погибли — они ослепли или сошли с ума. Огромный боцман умер. Его широко раскрытые глаза уставились в пустоту, а губы скривились в безмолвном крике, правая глазница превратилась в озеро засыхающей крови — перед смертью он пытался вырвать себе глаз... Все трупы лежали в неестественных позах, у всех — широко открыты глаза. Смерть изуродовала их, превратила в чудовищ. Дувим Твар был жив, но он скорчился в углу, бормоча что-то себе под нос, и Элрик подумал, что хранитель пещер драконов сошел с ума. Несколько выживших солдат превратились в тихих идиотов. Только пятерым, включая Элрика, удалось противостоять чужим воспоминаниям и сохранить собственную память. Элрик с трудом шел от трупа к трупу и наконец понял, что его люди в основном погибли от разрыва сердца.

— Дувим Твар? — Элрик положил руку на плечо своего друга.— Дувим Твар?

Хранитель пещер драконов поднял голову и посмотрел в глаза Элрику. В его глазах застыла тоска тысячелетий, но он сохранил рассудок.

— Я жив, Элрик.

— Нас осталось очень мало.

Они вышли из склада, так как опасаться зеркала больше не было надобности, и увидели, что улицы завалены мертвецами, вобравшими в себя чужие воспоминания. Повсюду сведенные судорогой тела. Мертвые губы навсегда застыли в немой мольбе о помощи. Элрик пробирался вперед, пытаясь не смотреть на мертвецов. Его желание отомстить двоюродному брату стало еще сильнее.

Наконец они добрались до дворца, в котором обитал Юркун. Открыв двери, Элрик и его спутники обнаружили горы трупов.

Элрик, Дувим Твар и оставшиеся в живых воины Имррира поднялись на второй этаж. Там они нашли Циморил.

Принцесса лежала на кровати совершенно обнаженная. Ее кожу покрывали руны, выглядевшие непристойными. Она лежала с закрытыми глазами и не заметила появления своих

спасителей. Элрик бросился к Циморил и взял ее на руки. Тело девушки показалось ему странно холодным.

— Он... он... усыпил меня...— проговорила Циморил.— Колдовской сон... который... только Юркун... только он сможет разбудить меня,— она зевнула.— Я пытаюсь не уснуть... до тех пор... пока... пока не придет Элрик.

— Я здесь,— мягко сказал ее возлюбленный.— Я — Элрик, Циморил!

— Элрик? — Девушка сразу расслабилась.— Ты... ты... должен найти Юркуна... Только он сможет разбудить меня...

— Куда он делся? — В темно-красных глазах альбиноса вспыхнула ярость.— Куда он сбежал?

— Он ищет два черных меча... рунные мечи наших предков... Горюн и...

— ...и Буреносец,— хмуро произнес Элрик.— Эти мечи прокляты. Но куда скрылся Юркун? Как ему удалось уйти от нас?

— Он ушел через... врата теней... Он отворил их... Он заключил ужасный договор с демонами и прошел через врата... в той... комнате...

Циморил уснула, и на лице ее появилось странное умиротворенное выражение.

Элрик посмотрел вслед Дувиму Твару, который пересек комнату, держа меч наготове, и открыл дверь в соседнюю комнату. Оттуда потянуло ужасной вонью. Комната была погружена в темноту, но что-то мерцало в дальнем углу.

— Да, это волшебство,— пробормотал Элрик.— Юркун снова обыграл меня. Он открыл врата теней и через них удрал в *лимб* — пространство между измерениями. Но куда именно он направляется, я никогда не узнаю. Ах, Ариох, многое бы я дал, чтобы последовать за своим братом!

— Тогда последуй за ним,— раздался нежный и иронический голос в его голове.

Сначала альбинос подумал, что это отголоски чужих воспоминаний, которые задержались в его голове, но потом понял, что с ним действительно говорит Ариох.

— Отошли своих спутников, чтобы я мог поговорить с тобой,— приказал бог-демон.

Элрик заколебался. Он хотел остаться один, но не с Ариохом, а с Циморил. Ему хотелось заплакать от собствен-

ной беспомощности. Слезы уже текли из его темно-красных глаз.

— То, что я скажу тебе, поможет вернуть Циморил в прежнее состояние,— продолжал шептать голос.— Более того, это поможет победить Юркуна и отомстить ему. Это сделает тебя самым могущественным смертным, который когда-либо жил на земле.

Элрик повернулся к Дувиму Твару.

— Оставьте меня одного на несколько минут.

— Конечно.

Дувим Твар подождал, пока выйдут все воины, потом вышел сам и прикрыл за собой дверь.

Ариох появился совершенно неожиданно. Он застыл, прислонившись к той же самой двери. Он снова явился в облике прекрасного юноши, божественное происхождение которого выдавали только глаза глубокого старца.

— Пришло время отыскать черные мечи, Элрик,— заговорил Ариох.— Нужно торопиться, чтобы Юркун не добрался до них первым. Я хочу предупредить тебя: обладая рунными мечами, твой двоюродный брат станет таким могущественным, что сможет разрушить полмира и даже не заметит этого. Из-за этих мечей твой двоюродный брат рискнул отворить врата теней и вошел в мир, лежащий за ними. Если Юркун найдет эти мечи до того, как найдешь их ты, погибнешь и ты, и принцесса Циморил, падут Молодые королевства и, возможно, даже Мелнибонэ. Я помогу тебе пройти между мирами. Хочу, чтобы ты нашел мечи.

— Меня часто пугали опасности, подстерегающие тех, кто станет искать мечи... Но еще большей опасности подвергается тот, кто владеет ими. Думаю, надо придумать другой план, господин мой Ариох.

— Другого плана нет. Если ты не станешь искать мечи, их найдет Юркун. С Горюном и Буреносцем он станет непобедим. Мечи отдадут ему свою силу. Несокрушимую силу.— Ариох сделал паузу.— Ты должен сделать то, что я тебе велю. Это в твоих интересах.

— Я растерян. Слишком много сверхъестественного произошло за последнее время. Мне кажется, что боги просто играют со мной. Мне это не нравится. Остановить Юркуна — одно. Стать таким же тщеславным, как он, забрать вместо него волшебные мечи — совсем другое.

— Такова твоя судьба.

— А разве я не могу изменить свою судьбу?

— Даже я не в силах изменить судьбу,— покачал головой Ариох.

Элрик погладил волосы Циморил.

— Я люблю ее. Она — все, что есть у меня.

— Ты не разбудишь ее, если Юркун найдет мечи раньше тебя.

— А как могу я найти эти мечи?

— Войди во врата теней... Я сделал так, чтобы они остались открытыми, хотя Юркун думает, что закрыл их за собой. Перебравшись в *лимб,* ты должен будешь найти туннель под болотом. Он приведет тебя в пульсирующую пещеру. Там хранятся рунные мечи. Они лежат там с тех самых пор, как твои предки отказались от них.

— Почему они отказались от мечей?

— У твоих предков не хватало мужества.

— Мужества для чего?

— Чтобы встретиться с собой.

— Ты говоришь загадками, господин мой Ариох.

— Так говорят все повелители высших миров. А теперь поспеши. Даже я не могу держать врата теней слишком долго открытыми.

— Хорошо, я иду!

Ариох немедленно исчез.

Элрик позвал Дувима Твара. Тот тут же вошел.

— Элрик, что происходит? Что-нибудь с Циморил? Вы выглядите...

— Дувим Твар, я отправлюсь в погоню за Юркуном. Ты должен вернуться в Мелнибонэ с оставшимися людьми. Возьмите с собой Циморил. Если я не вернусь в определенные, более или менее разумные сроки, ты должен провозгласить Циморил императрицей. Если она будет все еще спать, ты должен править как регент, пока она не проснется.

— Элрик, вы сами-то понимаете, что делаете? — недоуменно поинтересовался Дувим Твар.

Император покачал головой.

— Нет, мой друг.

Он поднялся и, спотыкаясь, отправился к вратам.

Часть 3
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛИМБУ

Теперь пути назад не было. Судьба Элрика оказалась предопределена, она уже не могла измениться, как не могли измениться судьбы двух адских мечей, выкованных много сотен веков назад. Удастся ли Элрику свернуть с дороги отчаяния, проклятия и разрушения? Или отмеченный печатью судьбы альбинос проклят с колыбели, проклят в тысячах инкарнаций, чтобы не знать ничего, кроме печали, и борьбы, и сожаления,— вечный герой, служащий какой-то неведомой цели?

«Хроника черного меча»

Глава 1
ЧЕРЕЗ ВРАТА ТЕНЕЙ

Элрик сделал шаг и очутился в мире теней. Он повернулся, но врата, через которые он прошел, уже растаяли, исчезли. Император сжал в руке старинный меч Аубека. Тело императора защищали черные доспехи, а на голове возвышался шлем. Элрику казалось, что только он реален в измерении тьмы и уныния. Он словно попал в огромную пещеру, стены которой невидимы, но осязаемы. Они словно давили со всех сторон. Элрик пожалел о своем слишком поспешном решении; о том, что послушался бога-демона Ариоха и шагнул сквозь врата. Но сожалеть теперь было бессмысленно, поэтому он выкинул эти мысли из головы.

Юркун прятался где-то здесь. Хотя брат Элрика вряд ли стал бы ждать своего императора у выхода из врат. Скорее всего, он вошел в этот мир в другой точке соприкосновения. Говорят, что все измерения медленно вращаются. Юркун мог оказаться ближе или дальше, чем Элрик, от их общей цели. Воздух *лимба* оказался соленым и очень густым. Элрику даже дышать было трудно. Создавалось впечатление, что ноздри

забиты солью, будто он шел под водой, но при этом мог дышать. Видно было плохо. Вокруг танцевало множество теней. Небо напоминало потолок пещеры. Элрик вложил меч в ножны. Поблизости не было ничего опасного. Альбинос огляделся, пытаясь привыкнуть к воздуху.

Возможно, то, что он видел с одной стороны, было зазубренной горной цепью. С другой стороны темнел лес. Ни звезд, ни солнца, ни луны... Трудно было определить направление и расстояние.

Элрик стоял на каменистой равнине, свистел холодный ветер. Он играл плащом императора, словно хотел сорвать его. В сотне шагов от альбиноса росло несколько чахлых деревьев без листьев. Мир с затухающей жизнью. Похоже, здесь сражались Хаос и Порядок, и их поединок изуродовал мир. «Интересно, много ли еще существует измерений, похожих на это?» — подумал Элрик. И тут его переполнило предчувствие относительно судьбы его собственного мира.

Отогнав печальные мысли, Элрик встряхнулся и пошел в сторону деревьев. Добравшись до них, он прошел мимо, но краем плаща задел ветку. Она сломалась и мгновенно рассыпалась в прах, который тут же унес ветер. Элрик плотнее закутался в плащ.

Подойдя к скале, возвышавшейся посреди равнины, Элрик решил, что слышит какой-то звук, исходящий от скалы. Император замедлил шаг и положил руку на рукоять меча.

Звук не прекращался... тихий и ритмичный. Элрик осторожно заглянул за скалу, пытаясь определить его источник.

Но тут все изменилось... звуки, напоминающие тихое шарканье, приглушенные шаги, а потом тишина. Элрик отступил и вытащил меч. По-видимому, за скалой кто-то спал, и когда подошел Элрик, он проснулся и приготовился к нападению или защите.

Тогда император Мелнибонэ громко сказал:

— Я — Элрик из Мелнибонэ. Я чужеземец и никому не причинил вреда.

Стрела пролетела мимо шлема альбиноса, и только потом до него донесся звон тетивы. Элрик спрятался за выступ скалы.

Из-за камня послышался твердый мужской голос:

— Я не хочу убивать тебя, но я показал свое искусство на случай, если ты захочешь причинить мне вред. В этом мире полным-полно демонов, а ты выглядишь самым опасным из них, белолицый!

— Я простой смертный,— объяснил Элрик, выпрямившись и решив, что если уж ему суждено умереть, то умрет он, по крайней мере, достойно.

— Ты говоришь, что ты из Мелнибонэ. Я слышал об этом острове, населенном демонами.

— Тогда ты ничего не знаешь о Мелнибонэ. Я смертный, как и мои земляки.

— Может, и так... Я — воин-священник из Пхума, наследник правящей династии. До недавнего времени я служил Повелителям Хаоса. Потом я отказался служить им, и они сослали меня в это измерение. Возможно, та же судьба постигла и тебя. Мелнибонийцы служат Хаосу?

— Да... Я слышал о Пхуме... Он лежит где-то на востоке, в тех краях, которые еще не нанесены на наши карты... где-то за Плачущей пустыней, за городом Элвером. Пхум — одно из старейших Молодых королевств.

— Все это так, хотя я готов поспорить с тобой. Восточные государства не нанесены на карту, разве что страны западных варваров. Значит, я не ошибся — ты тоже отправлен в ссылку, как и я?

— Нет. Я ищу одну вещь. Когда я отыщу ее, то вернусь в свое измерение.

— Говоришь, вернешься? Это становится интересно, мой друг. Я думал, что вернуться отсюда невозможно.

— Может, ты и прав, а меня обманули. Если ты не смог найти пути назад, я, возможно, тоже не сумею и застряну в этом мире.

— Не смог найти?! Меня преследуют неудачи с тех самых пор, как я оставил службу Хаосу. Ну, ладно, друг, собираешься ли ты биться со мной или нет?

— В этом измерении есть только один человек, с которым я стану сражаться, но это не воин-священник Пхума.

Элрик вложил меч в ножны. В тот же миг его собеседник вышел из-за скалы, подобрал стрелу с красным оперением и спрятал ее в алый колчан.

— Я Ракхир,— представился незнакомец.— Меня зовут Красным лучником. Обычай воинов-священников Пхума — выбирать для одежды какой-нибудь простой цвет. Я всего лишь придерживаюсь традиций.

Ракхир носил алый камзол, алые штаны, алые сапоги с загнутыми носами и алую шапочку с алым пером. Его лук был алого цвета, а рукоять меча сияла рубином. Его худое, с орлиным носом лицо казалось вырезанным из кости, а обветренная кожа приобрела темно-коричневый оттенок. Ракхир был высоким и худым, но мускулы рельефно проступали на плечах и руках. В его глазах светилась ирония, а губы кривились в едва заметной усмешке.

— Странное место для поисков,— заметил Красный лучник, уперев руки в бока и оглядывая Элрика.— Но я готов договориться с тобой.

— Если этот договор устроит меня, лучник, то я соглашусь, потому что ты знаешь этот мир гораздо лучше меня.

— Хорошо. Ты хочешь здесь что-то найти. А потом покинуть этот мир, а мне хочется поскорей убраться отсюда. Если я помогу тебе, ты возьмешь меня с собой, когда отправишься в наш мир?

— Согласен, но я не могу обещать того, что не в силах исполнить. Скажем так, если меня заберут отсюда, я постараюсь протащить тебя с собой.

— Пусть так,— согласился Ракхир.— Теперь скажи мне, что ты ищешь.

— Я ищу два меча, оставленные здесь моими предками. Они спрятали их где-то здесь. Мечи большие, тяжелые, черные, на их лезвиях вырезаны руны. Я должен отыскать их в пульсирующей пещере, куда можно попасть через туннель, идущий под болотом... Ты слышал о таких местах?

— Нет. Но я слышал о двух черных мечах.— Ракхир потер скулу.— Помнится, я читал о них в одной из книг Пхума, и то, что я читал, мне очень не понравилось.

— Легендарные мечи. Многие книги упоминают о них... хотя все говорят загадочно и непонятно. Есть одна книга, в которой содержатся истории всех мечей и всех, кто владел ими и будет владеть. Никто не знает, когда эта книга написана, некоторые называют ее «Хроникой черного меча». Рассказывают, что многие люди могут прочитать в ней свою судьбу.

— Я ничего не знаю об этом. Боюсь, Элрик, нам придется отправиться в город Амирон и расспросить обо всем местных жителей.

— Город в *лимбе*?

— Да, город... Я жил там, но недолго, потому что люблю уединение. Но если ты не один, то можно задержаться там чуть подольше.

— Почему тебе не понравился Амирон?

— Там живут несчастные люди. Они раздавлены судьбой. У всех она почти одинаковая. Они изгнанники. Беженцы или путешественники между мирами, которые сбились с пути и не могут снова найти правильную дорогу. Никто из них не может оттуда уйти и никто не хочет жить в Амироне по собственной воле.

— Город проклятых?

— Так сказал бы поэт,— Ракхир подмигнул Элрику.— Но иногда я думаю, что все города *лимба* похожи на Амирон.

— Возможно, таков порядок вещей в этом мире. Ведь здесь, насколько я могу судить, нет ни луны, ни звезд. *Лимб* напоминает огромную пещеру.

— Действительно, я где-то читал, что *лимб* — мир внутри огромной скалы. Другие книги говорят: это мир далекого будущего, когда вселенная погибнет. Я слышал множество предположений, когда жил в Амироне. Все эти теории схожи только в одном — любая из них может оказаться правильной. Есть люди, которые верят, что все эти теории ложные, а есть такие, кто говорят: все теории истинны.

— Значит, ты и лучник, и философ,— с иронией заметил Элрик.

— Пусть так! — рассмеялся Ракхир.— Именно подобные мысли заставили меня отказаться от службы Повелителям Хаоса. Им это очень не понравилось. Моя преданность им ослабла, в результате чего я и оказался здесь. Я слышал, существует город Танелорн, который расположен на краю Поющей пустыни. Если я вернусь в наш мир, Элрик, я отыщу этот город, потому что говорят, что только там можно обрести покой... Разговоры же о природе *лимба* бессмысленны. Люди в том городе счастливы от того, что живут в Танелорне.

— Тогда я завидую тем, кто там живет,— вздохнул Элрик.

— Конечно. Но можно разочароваться, даже найдя его. Лучше, если легенды останутся легендами. Попытка превратить свою заветную мечту в реальность очень редко дает желаемый результат. Пойдем, вон там расположен Амирон. Он похож на большинство городов этого измерения.

Двое высоких мужчин, два изгнанника быстро зашагали по унылой пустыне.

Глава 2
В АМИРОНЕ

Город Амирон показался вдали, и Элрик понял, что никогда раньше не видел такого места. Дзох-Кам по сравнению с Амироном казался чистым и уютным городом.

Амирон раскинулся в трещине, пересекавшей равнину, в долине, над которой все время висел густой дым, укрывая ее от взоров как людей, так и богов.

Все здания в городе выглядели полуразрушеными, а поверх руин стояли либо палатки, либо дощатые сараи. Мешанина архитектурных стилей... некоторые привычные, некоторые совершенно чуждые человеку. Элрик не нашел двух одинаковых зданий.

Хижины и замки, особняки, башни и крепости, простые деревенские дома и деревянные срубы, украшенные орнаментами. Иные строения выглядели просто нагромождением камней. Все здания казались отвратительными, они не могли нравиться, так как возвышались на фоне отвратительного ландшафта под вечно сумрачным небом.

То тут, то там сверкали огоньки костров. Когда Элрик и Ракхир достигли окраины города, они почувствовали зловоние нечистот.

— Гордыня, а не гордость — отличительное качество почти всех жителей Амирона,— сказал Ракхир, сморщив свой орлиный нос.— Это единственное человеческое качество, которое осталось у местных жителей.

Элрик осторожно пробирался сквозь отбросы и грязь.

— Здесь есть какой-нибудь постоялый двор? Может быть, там мы сможем порасспросить о туннеле под болотом?

— В городе нет ни одного постоялого двора. Каждый обитатель старается водить компанию только с самим собой.

— А городская площадь, где собираются люди?

— В этом городе нет площадей. Каждый вновь прибывший или группа новичков строят собственные жилища. Люди собрались сюда из всех измерений и всех веков. Это порождает страшную неразбериху, путаницу. Отсюда всеобщая беспомощность и грязь.

— Но как они уживаются?

— Стараются не трогать друг друга. Торгуют с демонами, которые частенько навещают Амирон...

— Демоны?

— Конечно. Самые храбрые из жителей охотятся на крыс, обитающих среди руин.

— Что это за демоны?

— Да так... Разные существа, в основном слуги Хаоса, которым требуется то, что может предложить житель Амирона... Душу ребенка или парочку душ, хотя в этом мире мало новорожденных. Можешь вообразить, что ценят жители города, если знаешь, что обычно демоны требуют за свои услуги.

— Ты видел хоть одного демона?

— Конечно. Гнусные скоты. Грубые, глупые и могучие... Большинство из них было людьми до того, как они решили служить Хаосу. Теперь они неполноценны умственно и физически, превратились в демонов.

Элрику слова Ракхира пришлись не по вкусу.

— Неужели это судьба всех, кто заключает договор с Хаосом? — спросил он.

— Ты должен и сам знать, если жил в Мелнибонэ. Но мне кажется, что чем выше ставка, тем больше изменений происходит в человеке, когда Повелитель Хаоса соглашается заключить с ним договор.

Элрик вздохнул.

— Но у кого тогда мы узнаем о туннеле под болотом?

— Есть тут один старичок...— начал было Ракхир, но ворчание за спиной заставило его замолчать.

Лицо с клыками высунулось из-под давно обвалившегося балкона особняка. Незнакомец вновь заворчал.

— Кто ты? — воскликнул Элрик, приготовившись выхватить свой меч.

— Боров! — ответила рожа с клыками. Элрик не понял, то ли его оскорбили, то ли существо просто назвало себя.— Боров!

Еще две рожи появились из темноты.

— Боров! — хрюкнула одна из них.

— Гадюка! — заявил кто-то с противоположной стороны.

Элрик обернулся, а Красный лучник продолжал следить за демонами-боровами. Гадюка оказалась многоглавым чудовищем. Ее пятнадцать змеиных голов внимательно следили за Элриком. Высовывая языки, они открывали маленькие пасти, чтобы одновременно произнести:

— Гадюка!

— Чудовище,— добавил третий голос. Элрик взглянул на еще одного противника, скривился и вытащил меч.

Боровы, змеи и чудовище разом напали на Элрика и Ракхира.

Ракхир подождал, пока между ним и первым боровом останется шага три. Тогда он выхватил стрелу с красным оперением и выпустил ее из лука — все это он успел проделать за какую-то долю секунды. Ракхир успел подстрелить еще одного борова, а потом отбросил лук в сторону и выхватил меч. Спина к спине Элрик и Ракхир приготовились отбить нападение демонов. Гадюка оказалась самым неприятным противником. Ее пятнадцать жалящих голов шипели, пытаясь укусить, из каждой пасти капал яд. Элрик, не надеясь на собственные силы, поменялся с Ракхиром местами. Чудовище же, как выяснилось, умело менять форму. Сначала появились руки, из бесформенного комка плоти возникло лицо. Тварь подбиралась все ближе и ближе.

— Чудовище! — кричало это создание. Два меча появились невесть откуда в ее руках, и тварь сделала выпад в сторону Элрика, однако не причинив ему вреда. Альбинос прикончил оставшегося борова и уклонился от двойного удара. Чудовище тем временем отрастило копье, но Элрик спокойно отбил его удар плоскостью меча. Ракхир сражался с гадюкой. Две ее головы подобрались совсем близко, и Красный лучник отсек их одним ударом. Половина голов змеи уже валялась на земле, когда Элрик отсек чудовищу одну из рук. Но у демона наготове было еще три руки. Выглядело все так, словно он не одно существо, а несколько. Элрик удивился. Раз он заключил сделку с Ариохом, то такое будущее могло стать и его судьбой. Он тоже мог превратиться в демона — бесформенное чудови-

ще. Но может, демоны появляются не от этого? Разве люди по ошибке не принимали за демона его самого?

Эти мысли придали альбиносу сил. Продолжая сражаться, он крикнул:

— Элрик!

— Чудовище! — взвыл его противник.

Еще одна отсеченная рука отлетела прочь. Меч Аубека впился в тело твари. Но существо отрастило еще одно копье, удар которого альбиносу едва удалось отбить, и еще один меч, который обрушился на шлем Элрика с ошеломляющей силой. А потом чудовище швырнуло альбиноса на Ракхира. Красный лучник с трудом удержался на ногах, промахнулся, и его чуть было не ужалили сразу несколько голов. Элрик отсек руку с копьем и щупальце с мечом, но они тотчас стали отрастать заново. Тогда альбинос вонзил в тварь меч, и она завопила:

— Чудовище! Чудовище! Чудовище!

Элрик воткнул меч глубже. Четыре меча и два копья мелькнули перед ним, пытаясь защититься от ударов меча Аубека.

— Чудовище!

— Работа Юркуна,— прошептал Элрик.— Без сомнения. Он узнал, что я преследую его, и послал мне навстречу своих союзников-демонов.— Альбинос усмехнулся сквозь зубы и добавил: — Используем одного из них против самого же Юркуна. Чудовище, тебя послал мой кузен?

— Чудовище...— голос существа теперь казался жалким и тихим.

Руки и щупальца твари еще подергивались, пытаясь дотянуться до Элрика.

— Или, мой друг, тебя послал кто-нибудь другой?

— Чудовище...

Элрик снова и снова наносил удары. Густая, скверно пахнущая кровь испачкала меч Аубека. Альбинос не мог понять, почему им так легко удалось отбить нападение демонов.

— Эй! — крикнул кто-то сзади.—Быстрее!

Элрик оглянулся и увидел незнакомца с красным лицом и белой бородой. Он размахивал руками.

— Не смотри на меня, дурак! Добей!

Элрик сжал меч обеими руками и вонзил его как можно глубже в бесформенное существо, которое заревело, заплакало

и тихим шепотом произнесло: «Душа моя...», а потом замерло, распластавшись на земле.

Ракхир ударил в тот же самый миг, и его меч отсек оставшиеся змеиные головы.

Седой старик вылез из руин, где сидел все это время, и засмеялся:

— Колдовство Ниуна действует даже здесь! Я слышал, как один высокий господин созвал демонов и приказал им встретить вас. Мне показалось это странным, ведь пятерым демонам было приказано напасть на двух смертных... Поэтому я остался у стены и понемногу вытягивал силу многорукого демона. Я могу вытягивать силу. Теперь его мощь — моя. Я чувствую себя намного лучше. Мне не было так хорошо уже много-много лун.

— Чудовище прошептало «Душа моя...»,— заметил Элрик, нахмурившись.— Как ты думаешь, что оно имел в виду?

— Не знаю,— ответил старый Ниун.— Не знаю. Бедное существо. Теперь оно мертво. Но вы не из Амирона. Тебя-то, красный, я видел здесь и раньше.

— И я видел тебя,— с улыбкой заметил Ракхир. Он стер кровь демона со змеиными головами с лезвия своего меча, использовав одну из отрубленных голов.— Ты — Ниун, который знает все?

— Да, который знает все. Но знаю я очень мало. Скоро все кончится, и тогда я вообще все забуду. Я не смогу вернуться из этой ужасной ссылки. Такой договор я заключил с Орландом — хранителем посоха. Я был дураком, когда хотел знать все. Сюда меня привело мое любопытство. Я встретился с Орландом, и он показал мне, что мой путь ложен, и послал сюда, чтобы я мог все забыть. Как это ни печально, но я все еще помню кое-что. Я знаю, вы ищете черные мечи. Я слышал о тебе, Элрик из Мелнибонэ. Рад приветствовать последнего императора.

— Ты знаешь мою судьбу? — нетерпеливо спросил Элрик.— Ответь мне, Ниун.

Ниун открыл рот, словно собираясь заговорить, но потом опять закрыл его и твердо сжал губы.

— Нет,— покачал он головой.— Я забыл.

— Нет?! — закричал Элрик, собравшись схватить старика и вытрясти из него правду.— Нет?! Ты помнишь, ты все помнишь!

— Я забыл,— старик печально опустил голову.

Ракхир взял Элрика за руку.

— Он забыл, Элрик.

Альбинос кивнул:

— Очень хорошо.— А потом добавил: — Но может быть, ты помнишь, где находится туннель под болотом?

— Да. Он неподалеку от Амирона. Идите в том направлении и увидите статую орла, высеченного из черного мрамора. У основания статуи вход в тоннель,— Ниун, словно попугай, повторил это два раза. Потом он поднял голову, и лицо его осветилось радостью.— Что я вам только что рассказывал?

— Ты рассказал, как нам найти туннель под болотом,— ответил Элрик.

— Неужели? — удивился Ниун.— Чудесно! Я уже забыл это. А кто вы?

— Нас тебе тоже лучше забыть,— ответил Ракхир с вежливой улыбкой.— Всего хорошего, Ниун. Спасибо!

— Спасибо за что?

— За то, что ты вспомнил, и за то, что забыл.

Элрик и Ракхир пересекли Амирон, оставив счастливого старика, который долго провожал их взглядом, тяжело вздыхая по утраченным знаниям. Путники оставили позади жалкий город Амирон, стараясь как можно реже вдыхать отравленный воздух.

— Наверное, из всех обитателей Амирона я мог бы позавидовать только Ниуну,— вздохнул Ракхир.

— А мне его жалко,— ответил Элрик.

— Почему?

— Мне кажется, когда он забудет все, то забудет и то, что ему позволено покинуть Амирон.

Ракхир засмеялся и хлопнул Элрика по плечу.

— Ты мрачный спутник, друг Элрик!

— У меня нет причин радоваться,— ответил Элрик, едва заметно улыбнувшись.

Глава 3
ТУННЕЛЬ ПОД БОЛОТОМ

Элрик и Ракхир брели по печальному и тусклому миру, пока не добрались до болота.

— Я забыл,— старик печально опустил голову.

Ракхир взял Элрика за руку.

— Он забыл, Элрик.

Альбинос кивнул:

— Очень хорошо.— А потом добавил: — Но может быть, ты помнишь, где находится туннель под болотом?

— Да. Он неподалеку от Амирона. Идите в том направлении и увидите статую орла, высеченного из черного мрамора. У основания статуи вход в тоннель,— Ниун, словно попугай, повторил это два раза. Потом он поднял голову, и лицо его осветилось радостью.— Что я вам только что рассказывал?

— Ты рассказал, как нам найти туннель под болотом,— ответил Элрик.

— Неужели? — удивился Ниун.— Чудесно! Я уже забыл это. А кто вы?

— Нас тебе тоже лучше забыть,— ответил Ракхир с вежливой улыбкой.— Всего хорошего, Ниун. Спасибо!

— Спасибо за что?

— За то, что ты вспомнил, и за то, что забыл.

Элрик и Ракхир пересекли Амирон, оставив счастливого старика, который долго провожал их взглядом, тяжело вздыхая по утраченным знаниям. Путники оставили позади жалкий город Амирон, стараясь как можно реже вдыхать отравленный воздух.

— Наверное, из всех обитателей Амирона я мог бы позавидовать только Ниуну,— вздохнул Ракхир.

— А мне его жалко,— ответил Элрик.

— Почему?

— Мне кажется, когда он забудет все, то забудет и то, что ему позволено покинуть Амирон.

Ракхир засмеялся и хлопнул Элрика по плечу.

— Ты мрачный спутник, друг Элрик!

— У меня нет причин радоваться,— ответил Элрик, едва заметно улыбнувшись.

Глава 3
ТУННЕЛЬ ПОД БОЛОТОМ

Элрик и Ракхир брели по печальному и тусклому миру, пока не добрались до болота.

Его поверхность казалась черной. Зловещие шипастые растения росли на кочках. Было сыро и холодно. Над водой клубился туман, и в нем копошились какие-то тени. Вдали возвышалось что-то огромное, черное — это могла быть лишь статуя, о котором говорил Ниун.

— Памятник,— тихо произнес Ракхир, остановившись. Он осмотрел свой лук.— Там должен быть туннель, но как туда добраться?

Элрик осторожно ступил в болото. Он почувствовал, как его обдало холодом, и отступил.

— Тут должна быть тропа,— продолжал Ракхир.— Иначе как тут мог пробраться твой двоюродный брат?

Элрик глянул на Красного лучника и пожал плечами.

— Кто знает? Его могли сопровождать демоны, которые спокойно перенесли бы его через болото.

Неожиданно Элрик опустился на сырой камень. Зловоние болота ошеломило его. Он почувствовал слабость. Действие лекарств, которые он принимал перед тем, как пройти врата теней, кончалось.

Ракхир подошел и встал рядом с Элриком. Он добродушно улыбнулся.

— Ну, господин колдун, разве ты не можешь попросить кого-нибудь о помощи?

Элрик отрицательно качнул головой.

— Я плохо знаю мелких демонов. С ними предпочитал иметь дело Юркун. Это было его любимое занятие — путешествия в мир демонов. Придется нам поискать тропинку.

Воин-священник из Пхума вытащил из кармана красный платок и вытер лоб. Затем он протянул руку и помог Элрику встать на ноги. Они пошли по самому краю болота, не выпуская из виду черный монумент.

Вскоре они обнаружили дорожку — скользкие плиты черного мрамора, покрытые плесенью, которые вели в глубь болота.

— Боюсь, что это — обманная тропка, ловушка, которая приведет нас к гибели,— заметил Ракхир, когда они остановились, с недоверием разглядывая скользкие плиты.— Однако что мы теряем?

— Пошли,— согласился Элрик и осторожно ступил на каменную плиту. В руке он держал связку пылающего тростни-

ка — жалкое подобие факела, который давал неприятный желтый свет и сильно дымил, но это было лучше, чем ничего.

Ракхир осторожно пробовал ногой первую из плит. Он держал лук наготове и шел следом за Элриком, насвистывая какую-то ему одному известную мелодию. Любой другой воин-священник сразу бы узнал, что это «Песня героя, который приносит свою жизнь в жертву во имя любимой» — мелодия, популярная в Пхуме среди членов касты воинов-священников.

Песня раздражала Элрика, но он ничего не сказал Ракхиру. Он сосредоточился на том, чтобы не споткнуться и сохранить равновесие на скользких плитах. Эти плиты плавали на поверхности болота. Путешественники преодолели уже полпути. Теперь монумент был отчетливо виден. Огромный орел расправил крылья и выпустил когти, готовясь принести смерть неведомому врагу. Орел был высечен из черного мрамора, похожего на тот, из которого были сделаны плиты. Может, здесь похоронили какого-нибудь древнего героя? Или склеп построили для того, чтобы обозначить вход в хранилище черных мечей — темницу, где их заточили, чтобы они никогда не вернулись в мир людей и не пили души.

Плиты закачались сильнее. Элрик попытался устоять на ногах, но сначала одна, потом вторая нога соскользнули в грязь. Альбинос потерял равновесие и почувствовал, что его ноги увязли в болоте по колено. Он начал тонуть.

Однако он ухитрился удержать в руке факел. В тусклом свете он видел, как Ракхир медленно приближается к тому месту, где поскользнулся Элрик.

— Элрик?

— Я здесь, Ракхир.

— Ты тонешь?

— Болото засасывает.

— Ты можешь лечь плашмя на воду?

— Я могу лечь, но ноги уже плотно увязли,— Элрик дернулся в черной жиже. Что-то промелькнуло в воздухе и шлепнулось перед лицом альбиноса, громко заквакав.— Боюсь, тебе придется покинуть меня здесь, друг Ракхир.

— Что? И лишиться единственного шанса сбежать из этого мира? Ты должен думать обо мне, мой милый друг. Я сейчас помогу тебе...— Ракхир осторожно опустился на плиту и про-

тянул Элрику руку. Оба они были с ног до головы измазаны вонючей слизью. Оба дрожали от холода. Ракхир тянулся к Элрику, и тот всем телом подался навстречу руке помощи. Но, казалось, спастись невозможно. С каждой секундой Элрик все глубже и глубже погружался в зловонную трясину.

Тогда Ракхир снял свой лук и протянул его Элрику.

— Хватайся за лук. Дотянешься?

Рванувшись вперед, напрягая каждый мускул своего тела, Элрик с трудом ухватился за тетиву.

— Теперь я... Ах! — Ракхир потянул лук и понял, что его ноги тоже увязли. Каменная плита, на которой он лежал, начала сильно раскачиваться. Ракхир освободил одну руку и ухватился за кромку плиты. Другой рукой он держал лук.— Торопись, Элрик! Торопись!

Элрик начал выползать из трясины. Каменная плита качалась, и орлиное лицо Ракхира было так же бело, как и лицо Элрика. Красный лучник ухватился за край плиты и крепко сжал лук. Наконец Элрик, весь в грязи, добрался до плиты и заполз на нее. Факел по-прежнему мерцал в его руке. Он лежал, хватая ртом воздух и постанывая.

Ракхир тяжело вздохнул, а потом засмеялся.

— Вон какую рыбу поймал! — наконец сказал он.

— Спасибо, Ракхир, Красный лучник. Благодарю тебя, воин-священник из Пхума. Я обязан тебе жизнью,— отдышавшись, проговорил Элрик.— Клянусь: удачлив ли я буду в этом путешествии или нет, но я использую все свое могущество, чтобы провести тебя через врата в тот мир, откуда мы оба пришли.

— Ты — Элрик из Мелнибонэ, поэтому я и спас тебя,— спокойно ответил альбиносу Ракхир.— На свете осталось слишком мало настоящих мужчин.— Он вздрогнул и усмехнулся.— Теперь нам придется ползти на четвереньках. Хотя и не слишком благородно, зато безопасно. Тем более, ползти придется совсем недолго.

Элрик согласился.

Вскоре они выбрались на поросший мхом островок, посреди которого высилась статуя Орла — огромный, тяжелый памятник, закрывающий полнеба. У основания фундамента они увидели темный дверной проем.

— Западня? — предположил Ракхир.

— Или Юркун решил, что мы погибнем в Амироне? — в тон ему сказал Элрик, стирая грязь со своих доспехов.— Войдем?

Они вошли и оказались в небольшой комнатке. Элрик осветил ее тусклым факелом, и они увидели еще одну дверцу, за которой была лестница. По ней они стали спускаться в кромешную тьму.

Долгое время шли они в молчании, пока лестница не закончилась. Перед ними открылся узкий туннель, который казался созданием природы, а не рук человеческих. Грязная вода капала с потолка туннеля, и гулкое эхо подхватывало каждый звук, унося его далеко-далеко, словно туннель был бесконечен.

Элрик услышал, как Ракхир откашлялся.

— Без сомнения, это тот тоннель,— заявил Красный лучник.— И ведет он в глубь болота.

Альбинос почувствовал, что Ракхиру очень не хочется лезть в тоннель. Император немного постоял, подняв над головой чадящий факел. Он слушал, как капли, срываясь с потолка, разбиваются о земляной пол, и пытался распознать другие звуки, доносившиеся издалека.

Собравшись с духом, он шагнул вперед. Его уши внезапно наполнились грохотом и ревом — эхо многократно усилило шорох его одежд. Альбинос услышал за спиной шаги Ракхира. Император обнажил меч Аубека.

Элрик дрожал всем телом, но не останавливался.

В туннеле было тепло. Пол под его ногами пружинил. Запах соли казался не таким сильным. Теперь Элрик видел, что стены туннеля стали гладкими. Они вибрировали. Элрик услышал, как позади него удивленно вскрикнул Ракхир, почувствовавший, как изменился туннель.

— Похож на живую плоть,— прошептал воин-священник из Пхума.

Элрик не мог заставить себя говорить. Все его внимание было приковано к стенам. Ужас овладел им. Его трясло. Он вспотел. Ноги не слушались его, руки казались такими слабыми, что он едва мог удерживать меч. Потом Элрику показалось, что он проходил здесь раньше... Может, это гигантская материнская утроба? От такой мысли альбиноса стошнило. Он споткнулся, но устоял на ногах, удержал в руках меч и факел.

Мягкий барабанящий звук становился громче. Наконец Элрик увидел впереди маленькое круглое отверстие. Туннель закончился. Император Мелнибонэ, покачиваясь, остановился перед отверстием.

— Конец туннеля,— прошептал Ракхир.— Дальше пути нет.

Маленькое отверстие пульсировало.

— Пещера,— прошептал Элрик.— Именно ее мы должны были обнаружить в конце туннеля под болотом. Это вход, Ракхир!

— Человек здесь не пролезет,— проворчал Красный лучник.

— Нет...

Элрик нагнулся, шагнул к отверстию. Он вложил меч в ножны и протянул факел Ракхиру. Прежде чем воин-священник успел остановить его, Элрик нырнул в отверстие головой вперед и, изгибаясь, протиснулся вперед. Стены отверстия пропустили его, а потом сомкнулись, оставив Ракхира с другой стороны.

Элрик медленно встал на ноги. Бледный розоватый свет струился от стен. Впереди виднелось еще одно отверстие, чуть больше того, через которое альбинос проник в пещеру. Воздух был теплым, густым и солоноватым. Альбинос едва дышал. Кровь стучала у него в висках. На подкашивающихся ногах он направился к следующему отверстию. Приглушенные пульсирующие звуки становились все громче и громче.

— Элрик!

Позади него из отверстия появился бледный Ракхир. Он оставил факел снаружи.

Элрик облизал пересохшие губы и обратился к нему:

— Ракхир, тебе не следовало идти за мной.

Красный лучник подошел ближе.

— Я обещал помочь...

— Да, но...

— Когда нужно будет, я помогу.

У Элрика не было сил, чтобы спорить, поэтому он просто покачал головой и раздвинул мягкую стену второго отверстия. Оно привело в пещеру с круглыми пульсирующими стенками. В центре пещеры висели в воздухе два меча. Два одинаковых меча: огромные, черные и красивые.

А рядом с мечами стоял ликующий принц Юркун из Мелнибонэ. Он мог взять их в любую секунду. Но он не двигался.

Элрик прополз через второе отверстие и, поднявшись на ноги, выдавил только одно слово:

— Нет!

Юркун услышал. Он с ужасом повернулся и взвыл, когда увидел Элрика. С его губ сорвалось тоже только одно слово, которое было криком ненависти:

— Нет!

С трудом вытащил Элрик меч Аубека. Но оружие казалось слишком тяжелым, чтобы альбинос мог его удержать. Острие меча опустилось, воткнувшись в мягкий пол пещеры. Элрик задыхался. В голове все поплыло. Юркун превратился в тень. Только два черных меча спокойно висели в центре комнаты. Элрик почувствовал, как в пещеру вполз Ракхир, Красный лучник, и встал рядом с ним.

— Юркун,— вновь заговорил Элрик после долгого молчания,— эти мечи — мои.

Принц улыбнулся и потянулся к мечам. И тут мечи застонали, словно просыпаясь. Призрачное черное свечение окружило их. Элрик увидел выкованные на них руны и затрепетал от страха.

Ракхир прицелился в принца Юркуна.

— Если он должен умереть, только скажи мне.

— Убей его! — крикнул Элрик.

Ракхир пустил стрелу. Но она полетела тяжело, медленно и упала на полпути между лучником и его жертвой. Юркун повернулся, лицо его искривилось в злобной усмешке.

— Оружие смертных здесь бессмысленно и бесполезно.

— Должно быть, он прав,— вздохнул альбинос.— Твоя жизнь в опасности, друг. Уходи.

Ракхир бросил на альбиноса удивленный взгляд.

— Нет, я останусь здесь и помогу тебе.

— Ты не сможешь мне помочь. Ты будешь только мешать, если останешься.

Красный лучник неохотно закинул лук за спину, подозрительно посмотрел на два черных меча и, протиснувшись сквозь отверстие, исчез.

— А теперь, Юркун,— произнес Элрик, покрепче взявшись за рукоять меча Аубека,— мы решим этот спор. Только ты и я.

Глава 4
ДВА ЧЕРНЫХ МЕЧА

И тогда рунные мечи — Буреносец и Горюн — покинули места, где так долго хранились. Буреносец лег в правую руку Элрика, а Горюн — в правую руку принца Юркуна.

Два человека стояли посреди Пульсирующей пещеры и смотрели друг на друга и на мечи, которые держали в руках.

А мечи пели. Голоса их звучали слабо, но слышны были очень отчетливо. Элрик легко поднял огромный меч и восхищенно повертел его, любуясь неземной красотой.

— Буреносец! — прошептал он.

Все произошло совершенно неожиданно. Альбинос почувствовал себя заново рожденным на свет.

— Буреносец!

Меч сладко вздохнул, а император вздрогнул.

— Буреносец! — закричал Элрик и бросился на своего двоюродного брата.— Буреносец!

Элрика переполнили страх и удивительно сладкое возбуждение. А потом императора охватило демоническое желание сражаться и убивать. Ему было все равно, кто перед ним. Он хотел лишь вонзить меч в сердце противника. Он хотел отомстить, пролить кровь, послать душу Юркуна в ад.

Принц Юркун неожиданно завопил, и крик его заглушил песню мечей:

— Горюн!

И меч взлетел, встретил удар Буреносца, отбил его и попытался добраться до Элрика, который отскочил в сторону. Потом альбинос, в свою очередь, ударил Юркуна. Горюн отразил удар. И следующий, и еще один. Если Элрик и Юркун не уступали друг другу в фехтовании, то и мечи были одинаковыми: каждый из них обладал собственной волей, хотя они слушались своих владельцев.

Лязг металла превратился в дикий металлический звон — мечи пели свою песню. Радостную песню! Они были счастливы, сражаясь друг с другом.

Элрик почти не видел двоюродного брата. Лишь иногда случайно за вихрем металла он замечал темное, дикое лицо

Юркуна. Внимание Элрика почти целиком было приковано к двум черным мечам, потому что, казалось, мечи вели поединок сами по себе и ставкой была жизнь одного из бойцов. Не соперничество Элрика и Юркуна стало здесь главным, а единоборство между мечами, которые искрились от удовольствия, желая свести счеты после долгих лет ожидания.

Элрик понял — мечи бились за их души, а не только за их жизни. Поэтому, воспользовавшись крошечной передышкой, Элрик задумался. Да, он убьет брата, но не по чужой воле, пусть даже и могущественной, а по своей собственной... Нельзя целиком отдаваться во власть черных мечей.

Острие Горюна мелькнуло возле глаз Элрика, но Буреносец взлетел, отразив удар.

Элрик теперь сражался не со своим двоюродным братом, а со своим черным мечом.

Буреносец скользнул к открывшемуся на мгновение горлу Юркуна. Но Элрик не пустил его и тем самым спас жизнь принцу драконов. Меч жалобно и раздраженно взвыл, словно собака, которой не дали укусить вора.

Элрик проговорил сквозь крепко сжатые зубы:

— Рунный меч, я не буду твоей марионеткой! Если нам суждено быть вместе, если наши судьбы соединятся, тогда мы должны научиться понимать друг друга.

Меч заколебался и Элрик едва отбил яростную атаку Юркуна, который мгновенно почувствовал слабину в защите альбиноса.

Свежий поток энергии вливался в тело Элрика через руку, которой он сжимал волшебный меч. Вот что мог сделать этот меч. С ним Элрик не нуждался ни в каких лекарствах, с ним он никогда больше не будет слабым. Он станет могущественным правителем Острова драконов. Теперь он сможет путешествовать в одиночестве, никого и ничего не боясь. Казалось, сам меч подсказал Элрику эту мысль, отражая молниеносные атаки Юркуна.

Но что меч захочет взамен?

Меч сам сказал Элрику об этом. Буреносцу нужны были битвы, поединки — в них заключался источник его энергии. В жизнях и душах людей, демонов... и даже богов.

Элрик заколебался, и в этот момент Юркун издал жуткий вопль и метнулся к императору. Горюн обрушился на шлем дракона. Элрик упал и увидел, как Юркун поднимает обеими

руками свой меч, чтобы воткнуть его рунный клинок в тело соперника.

Альбинос понял, что должен что-то сделать для спасения своей жизни. Горюн выпьет его душу и душу принца Юркуна. Элрик откатился в сторону и, встав на колено, повернул Буреносец плоскостью вверх и схватился рукой в кольчужной перчатке за клинок, а второй рукой продолжал сжимать рукоять волшебного меча. Элрику с трудом удалось отбить страшный удар Юркуна. Два черных меча застонали, словно от боли, и задрожали. Их клинки сверкали. Черный свет тек по ним, как льется кровь из человека, пронзенного множеством стрел. Элрик отскочил в сторону, отодвинувшись от этого сияния. Он задыхался и оглядывался в поисках Юркуна, спрятавшегося за светящейся завесой.

Элрик понимал, что Буреносец снова обратился к нему. Если Элрик не хочет сломать один из волшебных мечей, он должен принять те условия, которые предложит ему черный меч.

— Юркун не должен умереть! — объявил Элрик.— Я не дам ему умереть тебе на забаву.

И вот сквозь завесу черного сияния протиснулся Юркун. Он ревел, размахивая своим рунным мечом.

Снова Буреносец ринулся к незащищенному месту, и вновь Элрик удержал его, позволив только задеть Юркуна.

А Буреносец рвался из рук альбиноса.

— Ты не будешь моим господином,— заявил Элрик мечу.

И Буреносец успокоился, покорившись. Тогда альбинос засмеялся, подумав, что теперь он хозяин меча. Он знал, что меч сделает только то, что ему прикажут.

— Мы разоружим Юркуна,— продолжал Элрик.— Мы не убьем его.

Буреносец мелькнул с такой скоростью, словно был тонкой шпагой. Ложный выпад, другой, атака, удар. И Юркун, который скалился в предвкушении триумфа победы, вновь зарычал, а лицо его скривилось от ненависти.

Буреносец полностью подчинялся Элрику. Меч делал то, что приказывал его господин. Юркун и Горюн не ожидали такого поворота событий. Горюн стонал, удивляясь поступку своего брата. Элрик рубанул по руке Юркуна, державшей меч, рассек одежду, плоть, кость. Кровь хлынула потоком вниз по

рукоятке меча. Хватка Юркуна ослабела, ему пришлось перехватить меч другой рукой.

Элрик сжимал Буреносец двумя руками. Неземная сила наполняла его тело. Элрик обрушил страшный удар по Горюну, рассчитывая ударить ближе к рукояти. Рунный меч вылетел из рук Юркуна и покатился по полу Пульсирующей пещеры.

Горюн остановился у дальней стены и затих.

Альбинос улыбнулся. Он победил собственный меч и победил его брата-близнеца.

Укрощенный рунный меч перестал стонать. Ужасный крик заполнил Пульсирующую пещеру. Темнота стала надвигаться со всех сторон.

Когда снова стало светло, Элрик увидел, что у его ног лежат ножны. Черные ножны, как и меч. Они были созданы нечеловеческими руками. Потом Элрик увидел Юркуна. Рыдающий принц стоял на коленях, но взгляд его шарил по Пульсирующей пещере в поисках Горюна. Когда взгляд Юркуна наткнулся на Элрика, в нем вспыхнула такая ненависть, словно Юркун считал, что его ждет немедленная расправа.

— Горюн? — безнадежно позвал Юркун. Он уже понял, что обречен.

Но Горюн исчез.

— Ты потерял свой меч! — объявил Элрик.

Юркун завыл и пополз к выходу из пещеры. Но отверстие сжалось, стало меньше монеты. Тогда Юркун заплакал.

Буреносец дрожал, готовый выпить душу Юркуна, однако Элрик не собирался убивать двоюродного брата.

— Пощади меня, Элрик... Если хочешь меня убить, то сделай это не рунным мечом,— быстро заговорил Юркун.— Я сделаю все, что ты пожелаешь. Я согласен умереть, но не хочу принимать смерть от рунного меча.

— Мы оба с тобой жертвы, Юркун,— спокойно объявил Элрик.— Жертвы игры, которая так увлекает богов, демонов и эти ужасные мечи. Если мы умрем, выиграют только они, и по этой причине, Юркун, я не хочу убивать тебя сейчас.— Он подобрал ножны и вложил в них Буреносца. Меч был спокоен. Потом Элрик подобрал старые ножны, огляделся в поисках меча Аубека. Но его нигде не было. Тогда Элрик отбросил старые ножны, повесил на пояс новые. Альбинос

положил левую руку на рукоять Буреносца и без симпатии глянул на дрожащее создание — своего двоюродного брата.

— Ты жалкий червяк, Юркун! Чего тебе не хватало?

Юркун изумленно смотрел на Элрика.

— Я думаю об одном: если бы все твои желания исполнились, ты перестал бы быть червяком, а, брат мой?

Юркун медленно поднялся с пола. В его глазах загорелся проблеск надежды.

Элрик усмехнулся и глубоко вздохнул.

— Ладно, посмотрим,— продолжал он.— Ты должен снять чары с Циморил.

— Ты победил мня, Элрик,— пробормотал Юркун жалостливым голосом.— Я разбужу ее. Если...

— Что, ты не сможешь сделать этого?

— Мы не можем выбраться из Пульсирующей пещеры. Время упущено.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не думал, что ты последуешь за мной. Я считал, что демоны легко разделаются с тобой. А теперь слишком поздно. Вход в пещеру открывается лишь на короткий срок. Я не мог допустить, что кто-то последует за мной в Пульсирующую пещеру, но теперь никто не войдет и не выйдет отсюда — сила заклятия закончилась.

— Ты многого не учел,— ответил Элрик. Он подошел к отверстию и, раздвинув его, прополз наружу. Красный лучник ожидал Элрика с явным нетерпением.

— Воин-священник из Пхума, кажется, мы попали в ловушку,— обратился альбинос к своему спутнику.— Мы не сможем выйти отсюда.

Потом альбинос потрогал теплую сырую поверхность стен. Второе отверстие, ведущее в тоннель, не открылось.

— Мой двоюродный брат остается со мной, отверстие не пропустит нас. Но ты волен в своем выборе.

— Не слишком веселая перспектива ждет меня, если я вернусь в Амирон,— ответил Ракхир.— А какие у вас шансы?

— Один-единственный,— ответил Элрик.— Я вызову своего повелителя.

— Повелителя Хаоса? — скривился Ракхир.

— Да, я говорю об Ариохе.

— Вот как, Ариох! Не думаю, чтобы его волновала судьба ренегата Пхума.

— Так что ты выбираешь?

Ракхир шагнул вперед. Элрик через дыру вернулся в пещеру. Вслед за ним через отверстие просунулись голова, плечи, а потом пролез и весь Ракхир. Вход в пещеру немедленно закрылся.

— Я решил испытать судьбу... рискнуть всем, чтобы выбраться с *лимба*,— заявил Красный лучник. Тут он увидел Юркуна и удивился.— Так ты не убил его?

— Как видишь, нет.

— Ты и в самом деле милосерден.

— Возможно. Или упрям. Я не убью его лишь потому, что какие-то сверхъестественные силы используют его как пешку в своей игре, убив которую, я должен победить, а следовательно, победят и они. Повелители высших миров и так слишком часто заставляют меня делать то, что мне не хочется. Я надеюсь, у меня хватит сил, чтобы противостоять им.

Ракхир усмехнулся.

— Я разделяю твои взгляды, хотя я и не такой оптимист. Я вижу, что один из черных мечей висит у тебя на поясе. Можем ли мы прорубить себе дорогу из этой пещеры?

— Нет,— отозвался принц Юркун, сидящий у стены.— Ни одно оружие в мире не сможет повредить Пульсирующей пещере.

— Я поверю тебе на слово,— ответил Элрик.— Я не собираюсь часто вытаскивать свой меч из ножен. Мы должны сначала привыкнуть друг к другу.

— Тогда пора вызвать Ариоха,— вздохнул Ракхир.

— Если это получится,— ответил Элрик.

— Он, конечно, уничтожит меня...— проговорил Ракхир словно бы в пустоту, а потом поглядел на Элрика с надеждой

Элрик вздохнул.

— Надеюсь, мне удастся заключить с ним определенный договор,— с этими словами Элрик повернулся спиной к Ракхиру и Юркуну. Он тщательно все обдумал, а потом прокричал:

— Ариох! Ариох! Помоги мне! Ариох!

Элрику показалось, что его зов услышан.

— Ариох!

Что-то зашевелилось в тех измерениях, которые пронзала мысль Элрика.

— Ариох...

Бог-демон услышал его. Элрик понял, что Ариох идет к нему.

Когда правитель седьмого круга Ада появился, Ракхир страшно закричал, Юркун завизжал от ужаса. Элрик обернулся и увидел, что из стены появилось что-то неописуемо мерзкое и гадкое. Оно было черным и выглядело отвратительно. «Ариох? Как такое может быть? Ведь Ариох прекрасен! Но может, это и есть настоящий лик Ариоха? — подумал Элрик.— В этом измерении, в этой странной пещере Ариоху неважно, что о нем подумает тот, кто обратился к нему за помощью?»

Но гнусное чудовище исчезло, и на его месте возник прекрасный юноша с древними очами.

— Ты заслужил этот меч,— объявил Ариох, словно не замечая остальных.— Поздравляю! Но ты почему-то оставил в живых своего двоюродного брата. Странный поступок!

— На это у меня есть много причин,— ответил Элрик.— Он нужен мне живой, чтобы разбудить Циморил.

По лицу Ариоха скользнула ехидная усмешка, Элрик понял, что попал в неведомую ловушку. Но если бы он действительно убил Юркуна, Циморил никогда бы не проснулась.

— А что здесь делает этот мелкий предатель? — Ариох повернулся к Ракхиру, который внимательно следил за Повелителем Хаоса.

— Он — мой друг,— объяснил Элрик.— Я заключил с ним сделку. Он помог мне найти черный меч, а я должен помочь ему вернуться домой.

— Это невозможно. Ракхир в изгнании. Таково его наказание.

— Он вернется вместе со мной,— заявил Элрик, отстегивая ножны с Буреносцем. Потом он протянул их Ариоху.— Или Ракхир вернется с нами, или я оставлю меч здесь, и мы трое навсегда останемся здесь.

— Это неразумно, Элрик, подумай, чем это грозит.

— Я свое решение принял.

Прекрасный лик Ариоха исказила тень гнева.

— Я так и понял. Только я могу носить этот меч. Но ты, Ариох, не можешь заставить меня сделать это. Только я... или другой смертный вроде меня может забрать его из Пульсирующей пещеры. Разве не так?

— Ты прав, Элрик из Мелнибонэ,— с грустью ответил ему Ариох.— Ты достойный слуга Хаоса. Хорошо... этот предатель пойдет с тобой, но предупреди его, чтобы он вел себя осторожно. Повелители Хаоса ничего не забывают и не прощают...

— Я это знаю, Ариох,— отозвался Ракхир.

Ариох не обратил внимания на слова лучника.

— Ладно, отступник из Пхума не так уж и важен. И если ты, Элрик, хочешь сохранить жизнь своему двоюродному брату, пусть будет так. Судьбу можно переписать. Стереть старые и начертать новые страницы в книге судеб.

— Что ж, прекрасно,— кивнул Элрик.— Так выведи нас отсюда.

— Куда вас перенести?

— Если можно, в Мелнибонэ, в мою башню.

С улыбкой Ариох посмотрел на Элрика и ласковой рукой потрепал альбиноса по щеке:

— Ты самый желанный из всех моих рабов,— прошептал Повелитель Хаоса, после чего, отступив, принял свою прежнюю чудовищную форму.

Внезапно все закружилось. Раздался ревущий звук. Накатила дурнота... И три человека очутились в тронном зале Имррира. Зал оказался пуст, только в одном углу, словно клубы дыма, мелькнула и тут же растаяла черная тень.

Ракхир пересек зал и уселся на первую ступень лестницы, ведущей к Трону-Рубину. Юркун и Элрик, поняв, где они очутились, в удивлении переглянулись. Затем Элрик рассмеялся и пристегнул к поясу черный меч.

— А теперь, брат мой, вы должны исполнить все данные мне обещания. Затем мы решим, как вас наказать.

— Напоминает базар,— заявил Ракхир, ни к кому не обращаясь. Он сидел, опираясь на ступени и изучая лепной потолок.— Сплошная торговля.

Глава 5
МИЛОСТЬ КОРОЛЯ-АЛЬБИНОСА

Юркун отступил от кровати сестры. Он был измучен, черты лица обострились. Когда он заговорил, то в тоне его не слышалось никакого воодушевления.

— Сделано.

Он отвернулся и посмотрел в окно на башни Имррира, возвышающегося над заливом. В заливе стояли золотые корабли, а рядом с ними волшебный корабль, который подарил Элрику король Страш.

— Она проснется через мгновение,— добавил Юркун.

Дувим Твар и Ракхир, Красный лучник, с интересом следили за Элриком, который опустился на колени перед кроватью, глядя в лицо Циморил. Ее лицо было так же спокойно, как и раньше. На мгновение Элрик подумал, что принц обманул его, убив Циморил. Но вот ее веки дрогнули, глаза открылись. Она увидела императора и улыбнулась.

— Элрик! Сон... Ты в безопасности?

— Все в порядке, Циморил. Как ты?

— А... Юркун?

— Он разбудил тебя.

— Но ты же поклялся убить его...

— Я тоже попал под власть волшебства. В голове все смешалось. Мысли путались. Я и сейчас еще не пришел в себя. К тому же Юркун изменился. Он больше не сомневается в моем могуществе. И больше он не мечтает узурпировать трон.

— Ты милосерден, Элрик.— Она откинула с лица золотистую прядь волос.

Элрик обменялся взглядом с Ракхиром.

— Не знаю, может быть, мною движет не милосердие,— ответил Элрик.— Я просто вспомнил, что Юркун мой брат.

— Брат? Ты же не можешь испытывать к нему?..

— Оба мы смертные. Оба — жертвы чужой игры, которая ведется повелителями высших миров. Я должен быть верен своему роду... Вот почему я перестал ненавидеть Юркуна!

— Это и называется милосердием,— ответила Циморил.

Юркун направился к двери.

— Я могу уйти, мой император?

Элрику показалось, что он заметил странный свет в глазах двоюродного брата. Но, может быть, это было всего лишь смирение или отчаяние. Альбинос кивнул, и Юркун вышел из комнаты, мягко прикрыв за собой дверь.

Дувим Твар проворчал ему вслед:

— Император, не доверяйте Юркуну ни в чем. Он снова вас предаст.

— Нет,— заверил его Элрик.— Даже если он и не боится меня, то боится меча, который я ношу на поясе.

— Вы сами боитесь этого меча,— возразил Дувим Твар.

— Нет,— тут же откликнулся Элрик.— Я — его повелитель.

Дувим Твар хотел что-то добавить, но потом лишь печально покачал головой и вышел вместе с Ракхиром, оставив Элрика и Циморил вдвоем.

Циморил обняла Элрика. Они поцеловались и заплакали.

* * *

Всю неделю в Мелнибонэ продолжался праздник. Уже все корабли, воины и драконы вернулись домой. Элрик пока оставался в столице, доказывая свое право на управление государством и право иметь собственные причуды, в частности «милосердие», которое многие мелнибонийцы находили странным.

В тронном зале был устроен бал — самый прекрасный бал из всех, что только помнили придворные. Элрик танцевал с Циморил. Только Юркун не танцевал, предпочитая оставаться в темном углу, под галереей, где пели музыканты-рабы. Ракхир отплясывал с прекрасными дамами Мелнибонэ и договаривался с каждой из них провести ночь вместе. Сегодня он был героем Острова драконов. Дувим Твар тоже танцевал, хотя всякий раз, когда его взгляд натыкался на принца Юркуна, тревога сжимала его сердце.

Позже все приглашенные сели за стол. Элрик объявил, что сегодня он сядет на Трон-Рубин вместе с Циморил.

— Ты будешь моей императрицей, Циморил?

— Ты ведь знаешь, что я выйду за тебя замуж, Элрик. Мы давно об этом договорились.

— Значит, ты станешь моей женой?

— Да.

Она засмеялась, потому что решила, что Элрик шутит.

— Но если ты станешь моей женой, но не будешь императрицей?

— Что это значит, мой повелитель?

— Я должен покинуть Мелнибонэ. Я отправляюсь в путешествие по Молодым королевствам, посмотрю, как живут другие народы. Я думаю, Мелнибонэ должен измениться. Мы ведь хотим, чтобы наше государство выжило. Оно должно стать реальной силой в этом мире, доброй силой.

— Доброй силой? — удивилась Циморил.— Мелнибонэ никогда не выступал ни во вред, ни во благо. Империя существовала сама по себе, удовлетворяя только собственные желания.

— Я должен узнать, как это можно изменить.

— Ты хочешь все изменить?

— Я хочу просто побродить по миру, а потом уж решу, есть ли в переменах необходимость... Повелители высших миров имеют какие-то планы относительно нашего мира. Конечно, они помогают мне, но я боюсь их. Я хочу знать, можно ли справиться со своими страхами.

— Значит, ты уедешь? — В глазах Циморил стояли слезы.— Когда?

— Завтра... Вместе с Ракхиром. На корабле короля Страша мы отправимся на Остров пурпурных башен, где у Ракхира есть друзья. Ты поедешь с нами?

— Я не могу представить... Я не могу... Ах, Элрик, зачем ты отказываешься от счастья?

— Я не обрету счастья, пока не узнаю своего предназначения.

Циморил нахмурилась.

— Если таково твое желание, ты должен исполнить его,— проговорила она.— Но ты должен сделать это один, Элрик, потому что у меня такого желания нет. Ты направишься в земли варваров один...

— Ты не поедешь со мной?

— Это невозможно. Я... я родилась в Мелнибонэ...— вздохнула Циморил.— Но я люблю тебя, Элрик.

— И я тебя, Циморил.

— Тогда мы можем пожениться после твоего возвращения... Через год.

Печаль заполнила Элрика, но его решение невозможно было поколебать. Если он не уедет, то опять станет беспомощным. Он может даже возненавидеть Циморил за то, что она поймала его в ловушку супружества.

— Тогда ты должна править как императрица, пока я не вернусь,— сказал альбинос.

— Нет, Элрик. Я не могу взять на себя такую ответственность.

— Тогда кто? Дувим Твар?

— Я знаю Дувима Твара. У него не хватит сил на это. Может, Магум Колим?..

— Нет!

— Тогда ты должен остаться.

Взгляд Элрика скользнул по толпе. Наконец он отыскал одинокую фигуру, сидящую под галереей, на которой пели рабы-музыканты.

— Тогда, может, Юркун? — насмешливо улыбнувшись, предложил Элрик.

Циморил испугалась.

— Нет, Элрик! Он будет злоупотреблять властью, которую ты ему дашь.

— Только не сейчас. Это будет справедливо. Он единственный, кто хочет быть императором. Он будет править как император целый год, пока меня не будет. Если он будет править хорошо, я подумаю об отречении в его пользу. Если он будет править плохо, это докажет, что его тщеславие было необоснованным.

— Знаешь, Элрик,— заявила Циморил.— Я люблю тебя. Но ты — дурак... если еще раз доверишься Юркуну.

— Нет,— просто ответил альбинос.— Я не дурак! Я... Элрик. И ничего не могу поделать с этим, Циморил.

— Я люблю Элрика, но не того, кем ты ныне стал! — воскликнула она.— Ты обречен. Мы все будем обречены, если ты покинешь Мелнибонэ.

— Не могу поступить иначе. Не могу, потому что люблю тебя.

Принцесса встала. Она заплакала, поняв, что проиграла.

— Ты Элрик, а я — Циморил! Ты убьешь нас обоих. Ты уничтожишь нас обоих, Элрик!

— Нет,— возразил он.— Вернувшись, я создам нечто лучшее. Мне предстоит многое узнать. Когда я вернусь, мы поженимся и будем жить долго и счастливо.

И все-таки Элрик солгал три раза. Первая ложь касалась Юркуна, второй раз он солгал, говоря о черном мече, третий

раз — о свадьбе с Циморил. Эти три неправды предопределили дальнейшую судьбу Элрика — императора Мелнибонэ.

* * *

Порт Мении был одним из небольших и дружелюбных портов Острова пурпурных башен. Как и все остальное на острове, порт был выстроен из пурпурного камня, поэтому башни и назывались пурпурными. Дома были покрыты темно-красными крышами. В заливе стояли корабли с яркими парусами. Корабль с Элриком и Ракхиром, Красным лучником, вошел в залив ранним утром, как раз когда моряки, отдыхавшие на постоялых дворах, возвращались на свои корабли.

Корабль Страша, на котором приплыли Элрик и Ракхир, лег в дрейф за молом, и путешественники на маленькой лодочке отправились в город. Поднявшись на причал, они последний раз взглянули на волшебный корабль. Они приплыли на нем вдвоем, без команды, ведь кораблем Страша легко было управлять.

— Я должен отправиться на поиски легендарного Танелорна,— заявил Ракхир, посмеиваясь над своими словами. Он потянулся и зевнул. Колчан со стрелами и лук танцевали у него за спиной.

Элрик был одет в простой костюм, какой мог носить любой солдат удачи. Выглядел альбинос довольным и спокойным. Он улыбался, глядя на солнце. Единственной вещью, отличавшей костюм Элрика от костюма искателя приключений, был рунный меч. С тех пор как Элрик повесил меч на пояс, ему не приходилось прибегать к помощи лекарств и стимуляторов.

— А я отправляюсь на поиски нового в земли, которые обнаружил на твоих картах,— ответил Элрик.— Я должен многое узнать и через год принести свои знания в Мелнибонэ. Тогда, я надеюсь, Циморил станет моей женой... Я понимаю, почему она не хотела отпускать меня.

— Ты вернешься назад через год?

— Ради Циморил! — засмеялся Элрик.— Боюсь лишь того, что мне не хватит сил, и я вернусь домой раньше, чем закончу свое путешествие.

— Хотелось бы мне отправиться с тобой,— вздохнул Ракхир.— Но я очень устал. Я могу быть хорошим проводником,

каким был тебе на *лимбе*. Но я поклялся найти Танелорн, хоть и не знаю, существует ли он на самом деле.

— Надеюсь, ты найдешь его, Ракхир, воин-священник из Пхума,— сказал Элрик.

— Я никогда больше не буду воином-священником,— возразил Ракхир, а потом его глаза округлились.— Посмотри... твой корабль!

Элрик оглянулся и увидел, что волшебный корабль медленно тонет. Король Страш забирал свой дар.

— Элементали — мои друзья,— ответил Элрик.— Но, боюсь, они становятся все слабее и слабее. Как и Мелнибонэ. Жителей Острова драконов считают в Молодых королевствах воплощением Зла. У нас слишком много общего с элементалями воздуха, земли, огня и воды.

Когда мачты корабля скрылись под водой, Ракхир заговорил снова:

— Я завидую тебе, Элрик. Ты можешь доверять своим друзьям-элементалям.

— Да.

Ракхир посмотрел на рунный меч, висящий на поясе Элрика.

— Но ты поступишь мудро, если больше никому не будешь доверять.

Элрик рассмеялся.

— За меня не бойся, Ракхир. Я сам себе хозяин...: по крайней мере, на год. К тому же я — повелитель этого меча!

Казалось, меч шевельнулся, но Элрик сжал его рукоятку твердой рукой, а другой рукой хлопнул Ракхира по плечу. Он продолжал смеяться и встряхнул головой так, что его белые кудри разметались на ветру. А потом альбинос поднял глаза к небу и объявил:

— Когда я вернусь в Мелнибонэ, я буду новым человеком!

Часть 4
ГЛАЗА НЕФРИТОВОГО ЧЕЛОВЕКА

...И оставив своего двоюродного брата Юркуна править Мелнибонэ, восседая на Троне-Рубине, покинув безутешную принцессу Циморил оплакивающую его судьбу, Элрик уплыл из Имррира — Грезящего города и отправился на поиски неведомого в мире Молодых королевств, где к жителям Мелнибонэ относились с недоверием и неприязнью... Одним же из спутников Элрика стал граф Смиорган — ренегат и искатель приключений. Именно он привел Элрика на борт судна герцога Авона...

...Не давая покоя, судьба погнала Элрика в землю, откуда пришли его предки, и там ему суждено было совершить непоправимое.

«Хроника черного меча»

Глава 1
СОКРОВИЩА ЗАБЫТОГО ГОРОДА

Элрик сел в удобное мягкое кресло и принял чашу с вином из рук хозяина. Пока Смиорган поглощал горячую пищу, Элрик и герцог Аван разглядывали друг друга.

Герцогу было около сорока лет. Он носил позолоченные доспехи и белый плащ. Штаны из оленьей кожи заправлял в высокие сапоги, доходившие до колен. На маленьком столике перед герцогом лежал шлем с гребнем из алых перьев.

— Я горжусь тем, что вы — мой гость,— начал герцог Аван.— Я знаю, вы — Элрик из Мелнибонэ. Я искал вас несколько месяцев, с тех пор как узнал, что вы покинули Мелнибонэ и отправились в Молодые королевства.

— Вы многое знаете.

— Я тоже путешествовал, следуя зову внутреннего голоса. Я почти настиг вас в Пикарауде, но там у меня возникли

проблемы. А потом вы исчезли. Я потерял ваш след. Мне хотелось встретиться с вами, чтобы попросить о помощи. И вот он — величайший подарок судьбы! Я обнаружил вас в этих землях! — засмеялся герцог Аван.

— У вас есть преимущество,— заметил Элрик.— Вам не надо задавать вопросы.

— Он — Аван Астран из старого Гломара,— улыбнулся граф Смиорган, обгладывая огромную кость.— Он — известный путешественник... исследователь... купец. У него прекрасная репутация. Мы можем доверять ему, Элрик.

— Я тоже слышал о вас,— сказал герцогу Элрик.— Но почему вы ищете моей помощи?

Запах еды, разложенной на столе, был очень аппетитным, и Элрик обратился к герцогу:

— Вас не обидит, если я буду есть, пока вы будете рассказывать?

— Ешьте сколько угодно. Я повторяю, я горжусь тем, что вы — мой гость.

— Вы спасли мою жизнь. Меня никогда не спасали с такой учтивостью.

— А мне никогда еще не доводилось вылавливать такую вежливую рыбу,— улыбнулся герцог Аван.— Я суеверен, принц Элрик, и скажу, что существуют высшие силы, которые и свели нас.

— Я думаю, это просто совпадение,— заметил альбинос, приступая к трапезе.— Теперь рассказывайте, зачем я вам понадобился.

— Я не хочу заключать никаких сделок, потому что спас вашу жизнь,— усмехнулся герцог.— Пусть ваша благодарность ляжет в основу наших отношений.

— Договорились.

Герцог Аван провел ладонью по перьям на своем шлеме.

— Я изучил большую часть этого мира. Я бывал даже у вас в Мелнибонэ, объездил все земли от Элвера до Молодых королевств. Я посетил Мурхун, где живут крылатые люди. Я путешествовал к краю мира и, надеюсь, как-нибудь отправлюсь еще дальше. Но я никогда не пересекал Кипящее море и смог изучить только часть, совсем небольшую часть западного континента... континента, у которого нет названия. Вы бывали там?

Альбинос покачал головой.

— Я искал следы иных культур забытых цивилизаций — именно это — цель моих путешествий. Но я забрался очень далеко и ничего не нашел. Западный континент оказался почти необитаемым. Там живут только дикари...

— Повсюду?

— Ну... как сказать...

— У вас есть другие сведения?

— Принц Элрик, вы же понимаете... Очевидно, что ваши предки бывали в тех краях,— замялся герцог Аван.

— И почему это вам очевидно? — Элрик с интересом смотрел на собеседника.— У нас существует несколько легенд, связанных с этими землями, но не более...

— Да, и одна из этих легенд рассказывает о городе, который старше Имррира. Город этот расположен далеко в джунглях запада.

— Вы говорите о Рлин Креиа?

— Да. Непонятное название...— герцог Аван Астран посмотрел на Элрика с любопытством.— Вы правильно назвали его... Вы говорите на тайном языке Мелнибонэ?

— Конечно.

— И вы не намерены никого учить ему. Так?

— Разумеется. Вы очень хорошо знакомы с обычаями Мелнибонэ, герцог Аван,— заметил Элрик. Он откинулся на спинку кресла и взял кусок вкусного свежего хлеба.— Знаете, что означает это название?

— «Где встречаются Высшие»... Так это звучит в переводе с древнего языка Мелнибонэ,— ответил герцог Аван.

Элрик кивнул.

— Да, так. Думаю, там существовал какой-нибудь небольшой городок, где собирались наместники... примерно раз в год.

— И вы верите в это, Элрик?

Элрик положил себе говядины, намеренно затянув паузу. Наконец он ответил:

— Нет.

— Тогда, может быть, существовала некая древняя цивилизация, еще до появления вашей культуры? Вы сами верите, что Рлин Креиа скрыт где-то в джунглях запада?

Элрик покачал головой.

— Нет. Я не верю в его существование.

— Вам, наверное, неинтересно раскрывать загадки прошлого?

— Почему вы так думаете?

— Говорят, те люди, жители Рлйн Креиа, отличались от основателей Мелнибонэ... были более человечными...— герцог Аван говорил медленно, наблюдая за выражением лица альбиноса.

Элрик рассмеялся.

— У вас очень тонкий ум, герцог Аван из старого Гролмара. Очень тонкий, острый и очень изворотливый.

Герцог Аван усмехнулся.

— Сознайтесь, вы слышали эти легенды и знакомы с ними лучше, чем пытаетесь нам представить.

— Возможно,— вздохнул Элрик. Наевшись, он почувствовал себя комфортно.— Но вы же знаете, чем славятся мелнибонийцы. Мы очень скрытные люди.

— Да,— согласился герцог Аван.— Но вы-то очень отличаетесь от всех мелнибонийцев. Кто еще мог бы покинуть империю, оставить Трон-Рубин и отправиться в земли, где его ненавидят?

— Герцог Аван, императору будет легче, если он узнает мир, которым правит.

— Но Мелнибонэ уже не правит миром, не правит Молодыми королевствами...

— Сила империи еще очень велика. Но я говорил о другом. Мне кажется, Молодые королевства обрели то, что утратил Мелнибонэ.

— Жизнестойкость? Способность подстраиваться под условия изменяющегося мира?

— Это можно назвать и так.

— Человечность...— усмехнулся граф Смиорган.— Вот что потеряла ваша раса, Элрик. Не скажу этого о тебе...

— Кое-кто говорил, что человечность убьет меня,— пожал плечами Элрик.— Но, может быть, именно ее мне нужно вернуть в Мелнибонэ.

— По-моему, проще уничтожить ваше королевство! — прямо сказал граф Смиорган.— Только это может его спасти.

— Может, я помогу вам найти то, что вы ищете, принц Элрик,— заявил герцог Аван.— Наверное, пришло время спа-

сать Мелнибонэ, если вы считаете, что такая могущественная раса в опасности.

— Опасность угрожает ей изнутри,— поправил его Элрик.— Хотя я не уверен в этом.

— Для Мелнибонэ, к сожалению, да...

— Что вы хотите узнать о Рлин Крениа? — вернулся Элрик к теме разговора.— Я никогда не встречал человека из Молодых королевств, который знал бы о его существовании.

— Ну, у меня даже есть карта, где отмечено его местонахождение.

— Карта наверняка поддельная.

— Может быть. Что вы знаете о Рлин Крениа?

— Вы хотите узнать историю о существе, проклятом жизнью? — Элрик отодвинул тарелку в сторону и налил себе вина.— Говорят, город получил свое имя, когда повелители Высших миров собрались в нем перед битвой. Один из жителей подслушал их разговор. Высшие узнали об этом, нашли этого человека и прокляли его, приговорив к вечной жизни, чтобы он многие века хранил свои знания.

— Я тоже слышал эту историю. Но меня больше интересует, почему обитатели Рлин Крениа никогда не могли вернуться в свой город. Легенды говорят, что они отправились на север и пересекли океан. Иные из них достигли острова, который теперь называют Колдовским, другие поплыли дальше, и их настиг ужасный шторм, который выкинул их на остров, где жили только драконы, чей яд воспламенял все, на что попадал... Надеюсь, вы понимаете, что я говорю о Мелнибонэ?

— И вы хотите узнать, насколько правдива эта история? У вас любопытство малого ребенка, вам до всего есть дело.

Герцог Аван рассмеялся.

— Может, вы и правы. Но больше всего мне хочется добраться до Рлин Крениа. Ваши предки оставили там величайшее сокровище. Как видите, меня интересует и материальная сторона этого дела. Я хочу найти статую Ариоха, повелителя Хаоса... чудовищное изображение, высеченное из нефрита. Глаза его — два огромных драгоценных камня-близнеца. Подобных им нет на земле. Это драгоценности из другого измерения. Эти камни могут открыть все секреты Высших миров прошлого и будущего, секреты всех измерений Вселенной...

— Все народы имеют легенды и мифы. Неужели вы во все это верите, герцог Аван?

— Друг мой, Мелнибонэ стоит особняком от всех стран. Жители Мелнибонэ не совсем люди, и уж кому-кому, но вам-то это хорошо известно. Ваши силы необычны, а знания — безграничны...

— Согласен,— подтвердил Элрик.— Но ни этими силами, ни знаниями я не обладаю. Я могу использовать только отдельные крупицы...

— Я искал вас в Бакшаане и в Джадмаре, потому что был уверен: вы поможете мне. Я пересекал моря, плавал в Филкхарию, Аргимилиар, потому что был уверен: вы поможете мне... Да, я искал вас и здесь, зная, что нам суждено встретиться. Ведь вы единственный человек, который может захотеть составить мне компанию в путешествии, итог которого докажет или опровергнет истинность легенд...

Элрик склонил голову.

— А почему вы не отправились на поиски сами? Почему вы хотите, чтобы я сопровождал вас в этой экспедиции? Ведь вы не тот человек, который нуждается в спутниках...

Герцог улыбнулся.

— В одиночку я добрался до Элвера, когда мои люди покинули меня в Плачущей пустыне. Во мне никогда не было страха, но выжил я только потому, что всегда был предельно осторожным и предусмотрительным. Но сейчас я могу столкнуться с опасностями, которые не в состоянии предвидеть... Вполне возможно, что встречусь с колдовством. Оно может уничтожить меня, поэтому мне и нужен союзник, который владеет магией. Я не говорю о трюках жалких шаманов какого-нибудь там Пан Танга. Нет, мне нужны вы... Вы, принц Элрик, обладаете знанием, которое необходимо мне... Если бы не ваши знания, друг мой, вашему кузену никогда не удалось бы занять ваш трон в Мелнибонэ...

— Вот как? — горько ответил Элрик.— Что ж, поговорим об экспедиции. Где карта?

— Вы будете сопровождать меня?

— Покажите мне карту!

Герцог Аван вытащил свиток.

— Вот она.

— Где вы ее нашли?

— В Мелнибонэ.

— Когда вы там были? — Элрик почувствовал, как в нем поднимается волна гнева.

И герцог Аван начал рассказ:

— Я проник туда с караваном купцов. Я много заплатил за шкатулку, которая не открывалась целую вечность. Мне удалось взломать замок, и внутри оказалась эта карта.— Он протянул свиток через стол. Элрик узнал стиль древнего тайного языка Мелнибонэ. На пергаменте оказалась начертана карта части западного континента, гораздо более подробная, чем любая, которую видел альбинос. На карту была нанесена линия реки, вытянувшейся на многие сотни миль. Реку окружали джунгли. В одном месте русло реки раздваивалось, омывая с двух сторон остров. Островок был обведен черным кружком. Рядом с ним на древнем языке Мелнибонэ значилось: «Рлин Креиа». Элрик внимательно осмотрел свиток, который казался подлинным.

— И это все? — спросил альбинос.

— Свиток скрепляла печать с вот этой эмблемой,— ответил герцог Аван и протянул Элрику что-то еще.

Элрик взял непонятный предмет. Это оказался темно-красный рубин, настолько темный, что казался почти черным, но когда Элрик поднес камень к свету, то понял, в чем дело. Тогда альбинос нахмурился:

— Я согласен, герцог Аван. Я могу оставить это себе?

— Вы знаете, что это такое?

— Пока нет... Он напоминает мне...

— Договорились. Берите камень себе, но карту я все-таки оставлю у себя.

— По-моему, вы знаете ее уже наизусть.

Герцог Аван насмешливо улыбнулся.

— Принц Элрик, вы когда-нибудь плавали к южному материку, вокруг Кипящего моря?

— Да. Всего несколько человек вернулись из этого плавания,— с горечью произнес Элрик.

Он глянул на Смиоргана и заметил, что граф не сводит глаз с карты герцога Авана. Элрик улыбнулся.

— Цель моей жизни — приключения,— обратился он к своему другу.

— Кажется, не скоро я попаду на Остров Пурпурных башен,— отозвался Смиорган Лысый...

Глава 2
ЧЕРЕЗ КИПЯЩЕЕ МОРЕ

Теплый туман скрывал побережье Лормура. Шхуна герцога Авана Астара развернулась и взяла курс на запад к Кипящему морю.

Команда, набранная в Вилмире, привыкла к более холодному климату и менее тяжелой работе, но она справлялась со своей задачей, так, по крайней мере, казалось Элрику.

Граф Смиорган Лысый стоял рядом с Элриком на полуюте и вытирал пот с лысины.

— Все жители Вилмира — лентяи, Элрик. Герцогу Авану для такого путешествия надо было набирать команду из настоящих моряков. Я сам мог бы подобрать ему матросов...

Элрик улыбнулся.

— У тебя никогда не будет такой возможности, граф Смиорган. Герцог Аван — умный и самостоятельный человек.

— В этих делах я не глупее его, но, к сожалению, он не дал нам права голоса. Свободный человек — лучший спутник для свободного человека, так говорят у меня на родине.

— Почему же ты не высадился на берег, когда еще было можно?

— Потому, что мне посулили сокровища,— искренне ответил купец.— И тогда я с честью вернусь на Остров Пурпурных башен. Не забывай, что я командовал погибшим флотом...

Элрик задумался.

— Я все предусмотрел,— заявил Смиорган.— Не надо усложнять. Ты, кажется, любишь опасность, как другие люди любят женщин или крепкое вино... Мне думается, ты забываешь обо всем, встречаясь с трудностями и упиваясь своей победой.

— Разве не это же чувствует настоящий солдат удачи?

— Ты не настоящий солдат, Элрик. И ты знаешь об этом.

— Я согласен, что опасности, с которыми мне пришлось столкнуться, помогли мне многое забыть. Более того, они напоминают мне, что я — в тупике. Мои желания не совпадают

с традициями моего народа,— Элрик вздохнул.— Я иду туда, где опасность, надеясь найти там ответ. Мне нужно понять, в чем причина всех этих трагедий и парадоксов. Однако боюсь, я никогда не узнаю этого.

— Почему ты согласился отправиться в путь к Рлин Креиа? Ты думаешь, твои далекие предки дадут ответы на твои вопросы?

— Пойми, Рлин Креиа — миф. Хотя карта... Это, конечно, весомое доказательство. Если мы что-то и найдем, то только заросшие руины. Имррир построен десять тысяч лет назад. Его воздвигли через два столетия после того, как мой народ обосновался в Мелнибонэ. Вот и считай, когда опустел тот легендарный город.

— А эта статуя, нефритовый человек?.. Он действительно существует?

— Смиорган, я же сказал, сколько прошло лет. Даже если она и существовала, то ее могли украсть, разбить, изуродовать...

— А существо, проклятое жизнью?

— Тоже миф...

— Но ты же надеешься, что все будет иначе. Не так, как говорил герцог Аван?

Элрик долго смотрел вперед в бурлящее море. Наконец он покачал головой.

— Нет, граф Смиорган. Я боюсь, что все именно так и будет. Боюсь, что герцог Аван прав.

* * *

Шхуна медленно продвигалась вперед. Стало теплее. Команда очень уставала, все были недовольны.

Только герцог Аван сохранил свою жизнерадостность. Взывая к сердцам моряков, он говорил, что осталось плыть совсем немного. Команда глухо роптала. Моряки ходили без рубах, их кожа стала красной. Герцог Аван посмеивался над этим. Но моряки Вилмира недолго вторили его шуткам, они требовали вернуться назад, в средние широты.

Море вокруг корабля пузырилось. Судно плыло, окутанное паром.

Однажды какая-то зеленая тварь вынырнула из моря и долго следила за кораблем.

Путешественники мало ели, плохо спали. Элрик редко покидал полуют. Граф Смиорган легко переносил жару, да и герцог Аван не замечал неудобств, бодро шагая по кораблю.

Смиорган был очарован этими водами. Он слышал о них, но никогда не решался здесь плавать.

— Это лишь внешний край Кипящего моря, Элрик. Представляешь, что ждет нас дальше?

Элрик улыбнулся.

— Не хочется мне плыть дальше. Боюсь, что мы погибнем в кипящих водах.

К ним подошел герцог Аван. Он хлопнул альбиноса по плечу.

— Вздор, принц Элрик! Это вам надоела жара, но пар, кстати, очень полезен для здоровья.

Граф Смиорган глянул на герцога Авана.

— Радуйтесь, граф Смиорган, я открою вам свои карты... Все как есть. Еще пара дней и мы увидим берега западного континента.

— Неужели? — удивился граф Смиорган.

Вскоре воздух стал прохладнее, пар рассеялся, и жара уже не донимала людей.

А потом корабль очутился в спокойных водах под сумеречным небом, на котором словно застыло, мерцая, золотисто-красное солнце.

За все время путешествия умерли всего три матроса, а четверо лежали в каюте, сильно кашляя днем и страшно крича по ночам.

Судно попало в штиль, но потом подул слабый теплый ветерок. Он наполнил паруса, и вскоре моряки увидели землю — маленький островок, на котором команда пополнила запасы свежей воды и набрала фруктов.

Когда шхуна бросила якорь в бухте острова, герцог Аван вызвал Элрика в свою каюту и еще раз показал ему древнюю карту.

Золотистый лучик, просочившийся в иллюминатор, осветил старый пергамент. Элрик и герцог Аван склонились над ним.

— Посмотрим вот на этот остров,— показал герцог.— Карта выполнена мастерски. Еще три дня и мы окажемся в устье этой реки.

— Лучше бы немного задержаться здесь, пока мы не отдохнем и не улучшится настроение команды. Из-за усталости и страха перед Кипящим морем люди уже многие столетия избегают этих мест...

— А я слышал, из-за дикарей. Некоторые утверждают, что обитатели этих земель даже и не люди вовсе... Но я уверен, что мы преодолеем все опасности. Я бывал уже в таинственных землях.

— Вы сами говорили, что боитесь некоторых вещей...

— Естественно... Ну ладно, Элрик, как вы скажете, так и будет. Отдыхайте...

* * *

На четвертый день с востока подул сильный ветер, и путешественники подняли якорь. Матросы поставили половину парусов, и шхуна понеслась по волнам. Команда приободрилась — это была хорошая примета.

— Они идиоты,— пробурчал граф Смиорган, тыча пальцем в матросов.— Скоро наступит время, когда они будут мечтать о водах Кипящего моря. Элрик, это путешествие никому не принесет радости, даже если мы доберемся до цели и Рлин Крениа окажется там, где мы рассчитываем.

Элрик промолчал. Он размышлял. Необычные мысли приходили ему в голову. Он вспоминал свое детство, отца и портрет матери. Они были последними настоящими правителями Мелнибонэ — гордыми, беззаботными и жестокими. Отец надеялся, что Элрик сможет возродить былое величие Мелнибонэ. А оказалось, что альбинос разрушил все, что оставалось от былой славы империи. Император Садрик, как и Элрик, не нашел своего места в мире Молодых королевств, но он не пожелал признать это. И поэтому путешествие на западный континент — землю их предков — имело для Элрика особое значение. Здесь не было Молодых королевств. Континент, как думал Элрик, был почти необитаем с тех пор, как предки мелнибонийцев покинули Рлин Крениа. Эти земли воспитали необычную расу,

сформировали их сложный характер, породили печальное искусство, вызвали порочные желания. Может, предки Элрика бежали отсюда, осознав, что жизнь их бесцельна?

Почему они построили свою цивилизацию, взяв за основу Зло? Почему они пренебрегли другими духовными ценностями человеческой философии? Элрик знал, что многие Молодые королевства жалеют народ Мелнибонэ. Но если жители острова драконов и впрямь безумны? Что же делать? Возможно, ответ скрыт в Рлин Крениа. Может быть, именно там Элрик станет самим собой.

Элрик провел пальцами по молочно-белым волосам, и сильная боль резанула его глаза. Наверное, он последний в роду и поэтому не похож на своих предков. Смиорган ошибался. Элрик знал: в джунглях их ждет что-то иное. Но в опасности он находил себе покой, а в покое таилась опасность. Оригинальный парадокс. В мире, лишенном войн, его народу не было места.

Утром третьего дня показалось побережье, и шхуна, удачно миновав песчаные отмели огромной дельты, встала на якорь в устье безымянной реки.

Глава 3
ТУЗЕМЦЫ

Наступил вечер.

Солнце садилось за черные вершины массивных деревьев. Резкие запахи поднимались над джунглями, и крики странных зверей и птиц в этом хрустальном сумеречном свете казались голосами призраков. Элрику не терпелось отправиться вверх по реке.

Альбинос стоял на палубе. Уставившись в одну точку, он словно ожидал, что с ним вот-вот что-то случится. Лучи заходящего солнца залили лицо Элрика, отбрасывая на палубу густые тени. А потом тени слились и в небе ярко засияли луна и звезды.

Альбинос хотел, чтобы джунгли поглотили его. Он хотел слиться с деревьями, кустами и ползущими тварями, хотел мысленно раствориться в окружающем мире. Он вдыхал воздух, пропитанный миазмами джунглей. Вокруг Элрика вились

насекомые, и их жужжание казалось голосом, зовущим человека в сердце старого леса. Элрик не двигался... не отвечал, когда к нему обращались.

Граф Смиорган поднялся на палубу, похлопал Элрика по плечу и что-то сказал. Не получив ответа на свой вопрос, он отвел покорного Элрика в каюту, завернул его в плащ и уложил спать, но альбинос продолжал прислушиваться к голосу джунглей.

Даже герцог Аван хмурился больше обычного, когда на следующий день путешественники снялись с якоря и начали медленно пробираться вперед, вверх по реке. Кое-где сквозь листву просвечивало солнце, но людям казалось, что они попали в большой унылый туннель, проложенный где-то в морских глубинах. Яркие растения вились среди виноградных лоз, создавая растительный свод, дыры в котором казались глазами. Русло реки повернуло, и море исчезло. Блики солнечного света прыгали по палубе, но были какими-то зеленоватыми. Элрик насторожился. Он проявлял самый живой интерес к каждой мелочи пейзажа окружавших их джунглей и черной реки, по которой они плыли.

Их сопровождали тучи насекомых — колышущееся облако тьмы, которое искрилось, словно капли крови в чернилах. Отовсюду доносился шелест и пронзительные крики животных, охотящихся и обеспокоенных веслами корабля, которые врезались в огромные заросли водорослей и иногда попадали по снующим по поверхности реки мелким существам. Многие моряки жаловались на укусы насекомых, которые почему-то не беспокоили Элрика. Насекомые чувствовали, что испорченная кровь последнего потомка жителей Рлин Креиа не пойдет им на пользу.

Вот герцог Аван подошел к Элрику:

— Вы, кажется, приободрились, принц Элрик.

Элрик улыбнулся.

— Возможно.

— Представляю, что я обнаружу в этом заброшенном краю... Скорей бы мы достигли города.

— Вы так уверены, что мы найдем его?

— Если я не найду его, тогда, может быть, моя уверенность и иссякнет...

Мысленно слившись с джунглями, Элрик не думал ни о корабле, ни о своих спутниках.

Корабль плыл по реке очень медленно.

Прошло несколько дней, но Элрик по-прежнему не обращал внимания на своих спутников. Джунгли не менялись, но река постепенно стала шире, шатер леса распался. Над моряками разверзлось небо, заполненное огромными птицами, которых побеспокоило появление корабля. Элрик обрадовался, очутившись под открытым небом. Настроение его улучшилось. Он направился к себе в каюту.

Нападение на корабль произошло совершенно неожиданно. Свистящий шорох, крик... И моряк, корчась от боли, упал на палубу. В животе у него торчал тонкий серый серп. Верхняя рея с треском полетела на палубу вместе с парусом. Тело без головы сделало четыре шага, а потом рухнуло поверх паруса. Кровь фонтаном ударила из шеи. Снова раздался тихий свистящий звук. Элрик услышал его и быстро отступил, вынимая меч. Первым, кого он увидел, был Смиорган. Граф сидел на корточках, укрывшись за фальшбортом. Элрик заметил, как мимо него просвистело что-то серое, разрывающее плоть и оснастку корабля, дерево и паруса. Несколько таких предметов упало не палубу, и Элрик с удивлением обнаружил, что это тонкие каменные диски около фута в диаметре. Они летели в корабль с обеих сторон реки, и от них не было спасения.

Элрик попытался рассмотреть метателей дисков, но заметил только какое-то движение среди деревьев на правом берегу. Потом наступила тишина. Некоторые моряки метались по палубе, высматривая надежные укрытия. Внезапно на корме появился герцог Аван. В руке у него сверкал меч.

— Всем вниз! Наденьте доспехи. Принесите стрелы. Вооружайтесь, иначе мы все погибнем.

Пока он говорил, с деревьев в воду стали прыгать туземцы. Они плыли к кораблю.

— Быстрей! — закричал Аван.— О боги! Это люди или колдовские создания?

Дикари чем-то походили на рептилий, но на груди у них росли перья. Их конечности напоминали руки и ноги людей, но ноги были непропорционально длинны. Туземцы пробирались на своих журавлиных ногах по воде, таща на плечах огромные дубины, сверкающие осколками камней. Разглядывая их лица, Элрик испугался. Чем-то лица тварей напоминали

ему жителей Мелнибонэ. Может быть, эти существа — деградировавшие родственники мелнибонийцев? Он перестал задавать себе эти вопросы, когда понял, что этих существ переполняет ненависть. Элрик вытащил Буреносец.

Черный меч завыл и заискрился черным светом. На его клинке загорелись руны, запульсировали кроваво-красным.

Существа брели по воде на ногах-ходулях, но когда они увидели меч, то остановились, переглядываясь.

Но не только меч испугал их. И герцог Аван и его моряки тоже побледнели от страха.

— Боги! — воскликнул герцог.— Я даже не знаю, кого мне стоит больше опасаться — тех, кто нападает на нас, или того, кто нас защищает!

— Не приближайтесь к этому мечу,— предупредил граф Смиорган.— В нем скрыт убийца более могущественный, чем хотел бы его хозяин.

Дикари все-таки решились атаковать судно. И тогда из кают вышли моряки, полные мрачной решимости отразить любое нападение.

Дубинки дикарей обрушились на Элрика, но Буреносец взвыл и отразил все удары. Элрик держал меч в обеих руках и наносил противникам глубокие раны.

Твари шипели, умирая. Они разевали красные пасти и бесновались, а их густая кровь стекала в воды реки. Из-за непропорционально длинных ног они были выше людей и гораздо живучее. Глубокие раны не приносили им больших страданий, даже если это были раны, нанесенные Буреносцем. Элрика удивило, что туземцы с таким бесстрашием сопротивляются колдовству меча. Мгновения хватало мечу, чтобы выпить человеческую душу... Но, может, у этих тварей не было души?

Элрик боролся, точно рассчитывая свои силы.

Вскоре почти вся команда была перебита. Дикари срывали оснастку корабля, крушили доски и борта. Они собирались разрушить корабль.

— Во имя всех богов, Элрик, помоги нам! — закричал герцог.— Используй какое-нибудь колдовство. Иначе мы все погибнем!

Элрик понимал это. Все пространство вокруг альбиноса было завалено шипящими агонизирующими рептилиями. Боль-

шинство из них получило ужасные раны, но сдохли пока только две.

Отступая, Элрик нащупал полуразбитую дверь. Прижавшись к ней спиной, он попытался вызвать помощь.

Цепляясь за канаты, чтобы удержаться на ходящем ходуном корабле, альбинос отогнал все посторонние мысли и сосредоточился на нужном заклинании. Он не был уверен, что оно сработает, но попытаться все же следовало. Его предки заключили договор со всеми элементалями, которые когда-то управляли природой этого мира. Раньше Элрик пользовался помощью сверхъестественных духов, но никогда не прибегал к помощи тех элементалей, к которым взывал сейчас. В воздухе зазвенели древние и прекрасные слова тайного языка Мелнибонэ.

— Крылатый король! Повелитель всех, кто работает и не видит, Нурс из маленького народа, я вызываю тебя!

Элрик ничего не слышал — грохот сражения остался где-то в стороне. Он медленно скользил из одного измерения в другое, в поисках мира, где правил король насекомых, Нурс — владыка маленького народа.

Наконец Элрика услышали, до него донеслось жужжание:

— Кто ты, смертный? Почему ты зовешь меня?

— Я — Элрик, император Мелнибонэ. Мои предки помогали тебе, Нурс.

— Но это было давным-давно.

— Но мы очень долго не просили тебя о помощи.

— Верно. Что ты хочешь от нас, Элрик из Мелнибонэ?

— Загляни в наше измерение. Ты видишь, я в опасности. Помоги мне, повелитель маленького народа!

Тут же на корабль упала призрачная тень, словно кто-то появился за колышущимся полупрозрачным шелком реальности. Элрик пытался уследить за колебаниями тени. Он знал, что заглядывает в другое измерение.

— Нурс, ты не хочешь помогать мне?

— Почему ты не обратился к своему господину? Повелители Хаоса помогут тебе.

— Мой господин — Ариох. Он один из высших демонов. Но он откажется помогать мне.

— Ну что ж, я пошлю к тебе свой народ. Но не беспокой меня больше, смертный.

— Я обещаю тебе...

Тень растаяла.

Шум битвы опять обрушился на Элрика. Он слышал крики моряков и шипение туземцев. Когда же он вышел из своего укрытия, к нему бросился Смиорган.

— Элрик! Я думал, что ты убит! Где ты был?

— Я пытался найти помощь в другом измерении... Но, кажется, у меня ничего не получилось...

— Тогда мы обречены. Может, попытаемся уплыть вниз по течению или спрячемся в джунглях?

— А что с герцогом Аваном. Он убит?

— Нет, жив. Но эти твари почти неуязвимы для нашего оружия. Они скоро разнесут наш корабль в щепки.— Смиорган чуть пригнулся.— Они не поднимаются сюда, это мы медленно погружаемся в воду.

— Я заключил сделку с герцогом Аваном и не могу его покинуть.

— Тогда все пропало.

— Прислушайся, что это? — Элрик поднял голову.

— Я ничего не понимаю...

Глухой вой медленно перешел в гудение. Смиорган наконец услышал этот звук и начал оглядываться. Вдруг он вздрогнул и ткнул пальцем вверх.

— Это та помощь, о которой ты просил?

Над кораблем кружило облако, затмившее голубое небо. Когда на него попадали солнечные лучи, оно сверкало то густо-синим, то зеленым, то красным. Закручиваясь гигантской воронкой, оно приближалось к кораблю, распадаясь на две части.

Летающие твари сильно напоминали огромных стрекоз. Их крылья издавали тот самый гудящий звук, который становился все выше и выше. Когда туземцы поняли, что на них нападают насекомые, они, спотыкаясь, кинулись к берегу.

Но бежать было уже поздно.

Стрекозы облепили дикарей. Шипение усилилось, и жертвы насекомых стали падать один за другим. Тела тварей, погибших столь страшной смертью, исчезали под водой.

Иногда из воды высовывалась подергивающаяся конечность, но тут же исчезала. Туземцы, облепленные насекомыми, ужасно кричали. От их воплей в жилах стыла кровь.

Герцог Аван выбежал на палубу.

— Ваша работа, принц Элрик?

— Да,— ответил альбинос. Он наблюдал за происходящим, но оставшиеся в живых люди не скрывали своего отвращения.

— Благодарю за помощь. Этот корабль пробит в дюжине мест. Вода заливает трюм. Я удивляюсь, что мы до сих пор не утонули. Я приказал грести изо всех сил. Надеюсь, скоро мы доберемся до острова.

— А что, если и там мы встретимся с дикарями? — спросил Смиорган.

Аван угрюмо смотрел на далекий берег.

— Там видно будет. Но мне кажется, они больше не нападут на нас.

Он мрачно улыбнулся, заметив, как оставшиеся в живых туземцы скрываются в джунглях.

Огромные стрекозы поднялись в воздух, и герцог Аван отвернулся, увидев, что они не последовали за кораблем.

— Ты и впрямь умеешь творить страшные вещи, принц Элрик!

Альбинос улыбнулся и пожал плечами.

— Я рад, что смог помочь вам, герцог Аван.

Он вложил рунный меч в ножны.

Смиорган следил за волшебным оружием Элрика.

— Клинок, похоже, жаждет крови, хочешь ты этого или нет.

— Думаю, он найдет ее на острове,— ответил альбинос. Он пошел, перешагивая через обломки мачты и бортов.

Граф Смиорган смотрел на багровый след, тянущийся за кораблем, и вздыхал.

Глава 4
ДЖУНГЛИ

Палубу разбитой шхуны заливала вода, когда остатки команды — несколько матросов — выскочили на берег и, подхватив многочисленные канаты, выволокли судно на мелководье. Смиорган следовал за Элриком, стараясь оставаться в тени. Они медленно побрели по грязи к берегу.

Выбравшись на твердую землю, Смиорган принялся разглядывать лес. Ветер не колыхал верхушки деревьев. На острове

царила странная тишина — не пели птицы, не жужжали насекомые, не трещали ветки под лапами зверей.

— Твои колдовские друзья, похоже, уничтожили всех туземцев,— пробормотал Смиорган.— Это место кажется мне безжизненным.

Элрик кивнул.

— Удивительно!

Герцог Аван подошел к ним. Он сбросил все украшения и надел мягкую кожаную куртку. На боку у него висел меч.

— Мы оставим наших людей у корабля, чтобы они занялись ремонтом. А сами отправимся на поиски Рлин Креиа.— Он запахнулся в теплый плащ.— Мне это показалось... или здесь есть что-то странное?

— Мы это тоже заметили,— кивнул Смиорган.— Кажется, жизнь покинула этот остров.

Герцог Аван усмехнулся.

— Если мы останемся у корабля, то никогда не испытаем настоящего страха. Я уверен, принц Элрик, что нас бы сейчас не было в живых, если бы не появились те, кого вы вызвали... Теперь прошу вас быть всегда рядом. Мы бы все погибли, если бы не вы!

— Я сделал то, что умею. Мы ведь договаривались с вами о моих обязанностях,— устало ответил Элрик.— Давайте немного отдохнем, прежде чем продолжим наш путь.

Казалось, герцог Аван чем-то обеспокоен. Его насторожили слова Элрика.

* * *

Шесть матросов прорубали дорогу в джунглях. Лишь звон топоров нарушил зачарованную тишину острова.

За день они прошли всего полмили и совсем выбились из сил. Лес оказался настолько густым, что путешественники с трудом нашли полянку, где поставили палатку. Матросы сразу же уснули.

Элрик не мог спать, хотя джунгли и убаюкивали его. Альбинос удивлялся тишине. Он понимал, что не духи разогнали зверей и птиц. На острове не было ни птиц, ни зверюшек, не было даже их следов. Остров казался пустынен — одни рас-

тения. Может, они росли здесь сотни и тысячи лет. Альбинос припомнил вторую часть легенды о Рлин Крениа. Там говорилось, что, когда высшие боги собрались на встречу, из города ушли не только люди, но и звери. Никто не смел смотреть на высших правителей, никто не смел слушать их разговоры. Элрик вздрогнул и отвернулся.

Утром они продолжили свое путешествие.

Шум, с которым они пробирались через лес, казался единственным звуком на острове.

Герцог Аван вел их, указывая своим людям, где прорубать тропу. Уже много веков по этой земле не ступала нога живого существа.

На четвертый день они обнаружили скалу, у подножия которой бил источник. Соблюдая меры предосторожности, путники разбили лагерь. Элрик умылся водой из источника. Вдруг где-то сзади раздался крик. Альбинос вскочил и заметил, что один матрос положил стрелу на тетиву лука.

— Что случилось? — спросил герцог Аван.

— Там что-то мелькнуло, мой господин.

— Здесь ничего не может быть...

— Смотрите! — матрос пустил стрелу в лес. Там что-то зашумело, и Элрику показалось, что он заметил серую тень среди деревьев.

— Ты рассмотрел, кто это? — спросил Смиорган у матроса.

— Нет. Я испугался, что это опять дикари...

— Они побоятся следовать за нами,— успокоил матроса герцог Аван.

— Надеюсь, вы правы,— нервно отозвался Смиорган.

— Но что это могло быть? — удивился Элрик.

— Я... Мне кажется, это человек,— запинаясь произнес матрос.

Элрик вглядывался в лесную чащу.

— Человек?

— Ты тоже так думаешь, Элрик? — спросил его Смиорган.

— Не знаю...

— По-моему, это была тень облака,— вступил в разговор герцог Аван.— Кстати, мы находимся где-то рядом с границей города.

— Вы еще верите в его существование? — удивился Элрик.

— Ну, уже намного слабее.— Герцог посмотрел на крону высокого дерева, потом отвел в сторону ветвь, которая мешала ему.— Что нам делать? Наш корабль непригоден к плаванью. Веселенькое место... Не думал, что буду скучать по насекомым, которые досаждали нам на реке.

Матрос выпустил еще одну стрелу и закричал:

— Там!.. Я видел его! Это — человек!

Пока остальные пытались рассмотреть хоть что-то в глубине леса, герцог Аван продолжал изучать дерево.

— Вы ничего не видите, Элрик?

Альбинос повернулся к нему.

— Дайте мне карту, герцог Аван. Я чувствую, мне придется самому вести вас дальше.

Герцог пожал плечами. На его красивом квадратном лице было написано недоверие, но он все же протянул Элрику древний свиток.

Они отдохнули, а утром Элрик возглавил экспедицию.

В полдень они вышли из леса и увидели руины Рлин Креиа.

Глава 5
ГОРОД НЕФРИТОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Среди развалин ничего не росло. Тротуары были разломаны, стены домов разрушились, но трещины не заплела паутина. И только одна вещь оставалась нетронутой временем и возвышалась над руинами. Гигантская статуя из белого, черного и зеленого нефрита — статуя обнаженного юноши с красивым лицом, который обратил на север взгляд слепых глаз.

— Глаза! — закричал герцог Аван.— Их нет!

Остальные молчали, рассматривая статую и руины. Город оказался небольшим. Некогда здесь жил примитивный народ, совсем не похожий на урожденцев Мелнибонэ. Элрик понял, что обитатели Рлин Креиа — не его далекие предки.

— Камни-близнецы украдены,— продолжал бушевать герцог Аван.— Наше путешествие оказалось напрасным.

Элрик захохотал.

— Вы в самом деле надеялись заполучить глаза нефритового человека?

Статуя была высокой, выше любой башни грезящего города, и ее голова сама могла стать огромным зданием. Герцог Аван поджал губы, пытаясь не обращать внимания на насмешливый голос Элрика.

— Однако какие-никакие, но результаты все-таки есть,— наконец вновь заговорил Герцог.— Я думаю, в Рлин Креиа найдутся и другие сокровища. Пойдемте...

Они вошли в город.

Несколько зданий оказались почти целыми, но в них не сохранилось ничего, что привлекло бы внимание путешественников. Дома были выстроены из камня, который люди раньше никогда не видели.

Многоцветные, выцветшие от времени, красные, желтые и синие камни перемежались в бесконечной последовательности.

Элрик прикоснулся к стене и удивился, что ее гладкая поверхность такая холодная. Это был не камень, не дерево, не металл. Может, строительный материал доставили из другого измерения?

Альбинос попытался представить, как выглядел город, пока не опустел. Широкие улицы, дома приземистые, с отдельными дворами, и никаких крепостных стен. Если это действительно город его предков, то что случилось? Почему мирные граждане Рлин Креиа превратились в безумных строителей имррирских сверкающих башен? Элрик хотел найти здесь разгадку одной тайны, а нашел другую.

И вдруг каменный диск просвистел в воздухе у него над головой и врезался в разрушенную стену.

Следующий диск раскроил череп одному из матросов, а третий отсек ухо Смиоргану.

— Ох уж эти мстительные твари! — воскликнул герцог Аван.— Они многим рискуют, напав на нас после гибели своих соплеменников.

На путешественников посыпался град из дисков. Ужас был написан на лицах матросов, страх исказил лицо герцога.

Туземцы пока не показывались.

Смиорган подобрался поближе к Элрику.

— По-моему, пора вызывать твоих ужасных друзей...

— Я не смогу. Их повелитель сказал, что не будет больше помогать мне.— Элрик посмотрел на маленький домик с целыми стенами.

— Ну так позови кого-нибудь! — выкрикнул Смиорган. — Хоть кого-нибудь...

— Я попробую...

Элрик кинулся к убежищу. Он прыгнул в окно и упал на пол, на кучу камней, сильно ударившись ладонями и коленями.

Потом он взглянул на огромную слепую статую бога, которого называли Ариохом... Эта статуя не походила на Ариоха, каким его видел Элрик. Действительно ли это был покровитель Рлин Креиа? Кто-то закричал. Элрик выглянул в окно и увидел, что диск отсек руку одному из матросов.

Альбинос вытащил меч и, подняв его, нацелил на нефритовую статую.

— Ариох,— позвал он.— Ариох... спаси меня!

Черный свет заструился с клинка, меч запел, помогая Элрику.

— Ариох!

Появится ли демон? Часто повелитель королей Мелнибонэ отказывался помогать, заявляя, что занят более важными делами... делами, касающимися борьбы Хаоса и Порядка.

— Ариох!

Вокруг человека и меча начал образовываться пульсирующий черный туман. Лицо Элрика исказилось, меняясь вместе с туманом.

— Ариох! Я зову тебя, мне нужна твоя помощь. Я — Элрик из Мелнибонэ, и я зову тебя!

И альбинос услышал мягкий, неизвестно откуда идущий голос:

— Элрик! Я люблю тебя больше других смертных... но я не могу помочь тебе сейчас.

— Мы обречены. Мы погибнем здесь.

— Ты должен остаться живым! Беги в лес. Брось остальных, пока у тебя есть время. Твоя судьба...

— Я не брошу своих друзей.

— О, как ты глуп, дорогой Элрик...

— Ариох... Ты помогал королям Мелнибонэ с момента основания империи. Так помоги же ее последнему королю!

— Я не могу, Элрик. Начинается великая битва Хаоса и Порядка. И она занимает меня больше, чем спасение твоего рода. Беги! Ты должен спастись! А другие могут умереть.

И герцог ада замолчал. Элрик нахмурился, вцепившись в пояс, и попытался разобраться в том, что услышал. Он вложил в ножны меч. В дверном проеме появился Смиорган.

— Помощь будет?

— Нет! — в отчаянии выкрикнул Элрик.— Ариох отказался помочь мне. Он опять говорил о великих предначертаниях...

— Твои предки могли выбрать более сговорчивого демона. Наши друзья туземцы уже совсем близко...— Смиорган показал на руины неподалеку. Дикари входили в город, держа наготове дубины.

К Элрику пробрался герцог Аван, а вслед за ним и остальные. Герцог чертыхался.

— Боюсь, на этот раз нам никто не поможет,— огорчил его Элрик.

— Похоже, эти твари знают больше нашего,— грустно улыбнулся герцог.

— Да, наверное...

— Может, спрячемся? — предложил Смиорган.— Мы не сдержим их натиска.

Маленький отряд, оставив домик, медленно направился к центру города, к статуе нефритового человека.

Резкий свист сзади заставил путешественников пуститься бегом к красному многоэтажному зданию с крышей. Один моряк Вилмира упал, перерубленный каменным диском.

— Скорей за мной! — закричал герцог Аван.

Не колеблясь, люди бросились вверх по ступеням и пробежали несколько коридоров, прежде чем попали в огромный зал.

Комната была пуста, свет сочился из трещин в стенах.

— Это место сохранилось лучше, чем остальные,— заметил герцог Аван.— Интересно, для чего нужно здание, напоминающее бастион?

— Не думаю, что обитатели Рлин Креиа были воинственными людьми. Я убежден в обратном. А это зачит, что здание предназначалось для чего-то другого.

Трое оставшихся в живых моряков осторожно оглядывались.

Элрик прошел через зал, но потом остановился, заметив что-то у дальней стены.

Смиорган подошел к альбиносу.

— Что это, друг Элрик?

Альбинос разбирал символы, похожие на древний язык Мелнибонэ.

— Вы поняли, что там написано? — шепотом спросил герцог Аван, приближаясь к ним.

— Да... но это какая-то бессмыслица. Надпись гласит: «Если ты пришел убить меня — добро пожаловать. Если ты пришел разбудить нефритового человека, тогда...»

— Думаю, это написано для нас,— задумчиво произнес герцог Аван.— Или все-таки это сделано давным-давно?..

Элрик пожал плечами.

— Надпись могли начертить в любое время в течение последних десяти тысяч лет...

Смиорган подошел к стене и потрогал надпись.

— Мне кажется, ее сделали недавно. Краска еще влажная.

— Тогда кто-то здесь живет. Но почему он не показался нам?

— Может, в Рлин Креиа обитают туземцы? — спросил герцог Аван. — Ничто в легендах не указывает, что местные жители были людьми...

Элрик нахмурился. Он был готов ответить, но Смиорган перебил его:

— Может, здесь обитает только один человек. Что ты думаешь об этом, Элрик? Например, существо, проклятое жизнью? Такие слова...

Элрик ничего не сказал и закрыл руками лицо.

— Пойдемте,— позвал Аван.— У нас нет времени обсуждать легенды.

Он пересек зал и вошел в другую дверь. Спустившись по лестнице, он остановился в удивлении.

Остальные последовали за ним и увидели, что герцог застыл на пороге другого зала. Его ноги по щиколотку утопали в какой-то дряни, они запутались в обрезках тончайшего металла, который казался более гибким, чем пергамент. В стенах зала чернело множество маленьких одинаковых дыр. Они шли ровными рядами, и каждая была обведена кольцом определенного цвета.

— Что это? — спросил Смиорган.

Элрик наклонился и подобрал один из обрезков металла.

— Кто-то пытался все уничтожить. Раньше здесь была библиотека,— прошептал он.— Библиотека моих предков. И кто-

то пытался ее уничтожить. Но эти свитки почти не поддавались разрушению. Понадобилось очень много сил, чтобы сделать их совершенно непригодными для чтения.

Аван пнул ногой обрывки на полу.

— Мой друг,— обратился Элрик к герцогу,— вы не цените знания...

— Наоборот,— озлобленно заметил Аван.— Эти свитки были бы находкой для ученых! И все уничтожено!

— Это пригодилось бы ученым лимба... Только там эти книги оценили бы по достоинству.

Смиорган положил руку на плечо Элрика, но тот легким движением сбросил ее.

— Я надеюсь...

Смиорган покачал лысой головой.

— Дикари идут за нами, слышишь?

Путешественники услышали отдаленный гул шагов в коридоре. Маленький отряд молча отправился дальше, осторожно ступая по обрывкам рукописей. Они вышли в другой коридор, ведущий наверх.

Неожиданно их ослепил солнечный свет.

— Впереди коридор разрушен. Крыша обрушилась, но, может, нам удастся выбраться через ту дыру.

Они начали карабкаться по сыплющимся камням, то и дело оглядываясь.

Наконец они выбрались на поверхность, оказавшись в одном из центральных кварталов города. За последним домом этого квартала виднелись ноги огромной статуи.

Перед ними возвышались две странные конструкции, не похожие на остальные здания города. Это были куполообразные, фасетчатые арки, сделанные, казалось, из зеркал.

— Мы спрячемся в одном из этих куполов,— выдохнул Смиорган.— Боги! Я никогда не видел ничего более прекрасного. Но для чего нужны эти купола?

Казалось, коридоры шли во все стороны... Конечно, это могли быть всего лишь отражения. Элрик прошел по зеркальному лабиринту. Пять его товарищей последовали за ним.

— Здесь воняет колдовством,— прошептал Смиорган, когда они зашли вглубь.— Я не удивлюсь, если окажется, что это ловушка.

Элрик вытащил меч, и клинок раздраженно заворчал. Что-то изменилось, и фигуры спутников альбиноса стали таять...

— Смиорган! Герцог Аван!

Он услышал шепчущие голоса, но это не были голоса его друзей.

— Граф Смиорган!

Потом плотная фигура мореплавателя Смиоргана полностью растворилась, и Элрик остался один.

Глава 6
ГЛАЗА НЕФРИТОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Элрик обернулся, но сверкающая стена, появившаяся позади него, ослепила альбиноса.

Элрик закричал. Его голос зазвенел, отражаясь от стен. Тогда он решил идти вперед.

Элрик шел некоторое время, но не мог понять, стоит ли он на месте или двигается.

Вдруг кто-то возник в нескольких ярдах от Элрика. Незнакомец был скрыт экраном из множества прозрачных драгоценных камней.

Незнакомец напоминал Элрика, только лицо его выглядело более человечным, а волосы были почти черными.

— Кто ты? — громко спросил Элрик.

— У меня много имен. Одно из них Эрикозе. Я был многими людьми, может быть, всеми.

— Ты похож на меня!

— Я — это ты!

— Нет!

На глаза призрака навернулись слезы. Он грустно посмотрел на Элрика.

— Не плачь от жалости, когда смотришь на меня! — взревел Элрик.— Я не нуждаюсь в твоем сострадании.

— А вдруг я плачу о себе, так как знаю твою судьбу?

— Ну и что с того?

— Ты не понимаешь...

— Так объясни мне!

— Спроси своих богов...

Элрик поднял меч.

— Я заставлю тебя говорить! — выкрикнул альбинос, но призрак растаял.

Элрик испугался. Коридор стали заполнять тысячи фантомов. И каждый шептал свое имя. И каждый был похож на Элрика.

— Убирайтесь! — закричал альбинос.— Боги! Что за место?!

Призраки исчезли.

— Элрик?

Альбинос повернулся, держа меч наготове. Но перед ним стоял герцог Аван Астран из старого Гролмара. Ощупывая трясущимися руками свое лицо, он монотонно бормотал:

— Я должен сказать вам, принц Элрик, что сошел с ума...

— Что случилось?

— Лучше не надо об этом говорить. Я не в состоянии это описать...

— Где Смиорган и команда?

— В этом лабиринте каждый из нас выбрал свой путь...

Элрик поднял Буреносец и ударил им по стеклянной стене. Меч взвыл, зеркало разлетелось вдребезги.

Через брешь в стене хлынул солнечный свет.

— Пойдемте, герцог Аван... Там спасение!

Аван ошеломленно последовал за Элриком. Они выбрались из купола и поняли, что очутились на центральной площади Рлин Креиа.

Послышался странный шум. Мимо Элрика и Герцога проезжали двуколки и колесницы. На одной стороне площади стояли ларьки. Ходили люди. И нигде не было видно нефритового человека. Его просто не существовало.

Элрик разглядывал лица людей с характерными чертами жителей Мелнибонэ. Конечно, были кое-какие отличия, и альбинос скоро понял, в чем дело. Люди вели себя спокойно. Элрик подошел к одному и дотронулся до руки.

— Скажи мне, друг, какой сейчас год?

Но человек не видел и не слышал Элрика. Он прошел мимо. Альбинос с изумлением понял, что невидим для обитателей Рлин Креиа.

— Где мы? — удивленно спросил герцог Аван.— А ведь они похожи на вас, принц Элрик...

Элрик фыркнул и повернулся к герцогу.

— Замолчите!

Герцог Аван вздрогнул.

— Может, это только иллюзия.

— Может быть,— печально согласился Элрик.— Но я уверен, они живут здесь... жили, пока не пришли боги...

— Вы обвиняете богов?

— Я обвиняю отчаянье, которое принесли боги!

Герцог Аван кивнул.

— Понимаю.

Он повернулся к огромному кристаллу, а потом остановился, прислушиваясь.

— Слышите, принц Элрик? Нас кто-то зовет.

Элрик прислушался. Голос, казалось, исходил из кристалла. Говорили на древнем языке Мелнибонэ, но с каким-то странным акцентом.

— Сюда,— звал голос.— Сюда.

Элрик остановился.

— Мне не хочется возвращаться тем же путем.

— Что говорят? — спросил Аван.

Вместе они шагнули назад, сквозь отверстие в стене и опять очутились в коридоре. Они остановились, не зная, куда идти. Голос стал громче.

— Два раза поверните направо!

Аван посмотрел на Элрика.

— Что будем делать? — спросил Элрик.

— Может, именно так и поступим?

— Конечно,— смирение прозвучало в голосе альбиноса.

Путешественники пошли вперед и дважды повернули направо.

— Теперь сверните четыре раза налево,— предложил голос.

Они сделали это.

— А теперь — вперед!

Элрик с герцогом Аваном выскочили из лабиринта в разрушенный квартал Рлин Креиа.

Там их ждали Смиорган и один из матросов.

— А где остальные? — поинтересовался Аван.

— Спросите его,— Смиорган устало махнул рукой.

Элрик и герцог повернулись и увидели человека, который был то ли альбиносом, то ли прокаженным. Почти голый, он

чем-то напоминал Элрика. Сначала император Мелнибонэ подумал, что это — фантом, но потом заметил, что незнакомец отличается от призраков. Что-то неправильное было в теле этого человека. Чуть позже Элрик понял, что его очень смущает обломок стрелы, торчавшей из-под третьего ребра незнакомца.

Человек кивнул.

— Да... стрела. Оригинальная метка, но она не смогла убить меня. Я — Джоси Крелн Реур...

— Вы — существо, проклятое жизнью?..— прошептал Элрик.

— Да,— улыбнулся Реур.— Я не обманываю вас...

АЭлрик посмотрел на обломок стрелы и покачал головой.

— Вам десять тысяч лет? — Аван смотрел на Реура.

— Что он говорит? — спросил Джоси Крелн Реур у Элрика, и тот перевел.

— Да,— вздохнул старец. Потом он внимательно осмотрел Элрика.— Ты принадлежишь к нашей расе?

— По-видимому, да.

— А какого ты рода?

— Я королевской крови.

— Тогда, наверное, ты — последний в роду. Я тоже королевской крови.

— Я верю вам.

— *Олабы* еще ищут вас.

— *Олабы*?

— Да. Те убогие существа с дубинами...

— Мы столкнулись с ними во время путешествия по реке.

— Я проведу вас в безопасное место. Пойдемте!

Элрик позволил Джоси Крелну Реуру перевести их через площадь, туда, где возвышались каменные стены. Потом новый знакомый сдвинул угловой камень и показал людям ступени, ведущие вниз в темноту. Путешественники осторожно вошли в комнату, освещенную светильником. Если не считать ложа из сухой травы, в комнате ничего не было. Реур поставил камень на место и спустился вслед за маленьким отрядом.

— Не очень-то роскошно,— заметил Элрик.

— А мне больше ничего не нужно. Моя голова и так достаточно забита...

— Откуда взялись *олабы*? — спросил Элрик.

— Они недавно появились в этих краях. Лет тысячу назад... или пятьсот?.. Они спустились с верховьев реки, поссорившись с другим племенем. Но обычно они не забираются на остров. Должно быть, вы крепко им насолили, раз они последовали за вами в город...

— Да, мы убили много их воинов...

Джоси Крелн Реур махнул рукой.

— Ну и ладно! Они примитивны и убоги. И не принадлежат нашему народу.

— Но погибло много и наших людей...

— О чем вы говорите? — спросил герцог Аван.

— Он сказал, что воины-дикари зовутся *олабами*,— объяснил Элрик.

— А кто украл глаза нефритового человека? *Олабы*?

Когда Элрик перевел вопрос, проклятый жизнью рассмеялся.

— Так вы не поняли?..

— Чего?

— Вы же были внутри глаз нефритового человека! Те огромные кристаллы, в которых вы блуждали... Это и есть глаза нефритового человека!

Глава 7
СМЕРТЬ ПРОКЛЯТОГО ЖИЗНЬЮ

Когда Элрик перевел слова Реура герцогу Авану, отважный путешественник расхохотался. Он запрокинул голову и радостно смеялся, пока остальные с унынием смотрели на него. Печаль исчезла с чела герцога Авана, и он опять стал таким же, как тогда, когда впервые встретился с Элриком.

Постепенно заулыбался Смиорган, и даже альбинос развеселился, поняв, что произошло на самом деле.

— Эти кристаллы-слезы скатились из глаз статуи, когда ушли высшие,— продолжал рассказ Джоси Крелн Реур.

— Так высшие действительно были здесь?

— Конечно... Нефритовый человек принес весть об их приближении, и все люди ушли, оставив ему свою удачу.

— Значит, нефритовый человек не скульптура, созданная вашим народом?

— Нефритовый человек — герцог Ариох из ада. Однажды он вышел из леса, остановился на площади и объявил людям, что их ожидает... Якобы наш город лежит в некоем центре и только здесь могли встретиться повелители высших миров...

— Значит, нефритовый человек заключил с людьми какую-то сделку?

— Да. Согласно ей люди королевской крови могли использовать силу Ариоха, а еще он подарил людям знания, потребовав взамен оставить город и построить где-нибудь в другом месте новый.

— И люди согласились?

— У них не было выбора.

Элрик опустил голову, рассматривая пыльный пол.

— И это знание развратило их,— прошептал альбинос.

— Я один отказался выполнять условия договора и не доверился Ариоху. Когда все отправились вниз по реке, я остался здесь... и я слышал, как собрались повелители высших миров; слышал, о чем говорили они; слышал, как они решали, нужно ли Порядку и Хаосу продолжать бессмысленную борьбу. Когда они ушли, я выбрался из убежища, но Ариох — нефритовый человек — еще был здесь. Он увидел меня и проклял. А потом глаза-слезы выпали из глазниц бога. Теперь они лежат у его ног. Дух Ариоха ушел, а его нефритовый образ остался здесь.

— И вы помните все, что произошло между повелителями Хаоса и Порядка?

— Да, такова моя судьба.

— Может быть, ваша судьба оказалась менее ужасной, чем судьбы тех, кто ушел отсюда,— медленно сказал Элрик.— Я — последний, кто несет на себе печать этого рока...

Джоси Крелн Реур удивленно посмотрел в глаза Элрика. Жалость была написана у него на лице.

— Я не думал, что кому-то может выпасть худшая доля. Но я верю...

Элрик перебил его:

— Успокойте мою душу. Я должен знать, что произошло в те дни между высшими. Я понимаю, для чего существую... Как вы, наверное, понимаете свою участь. Расскажите мне все, прошу вас!

Джоси Крелн Реур нахмурился и опять посмотрел в глаза Элрика.

— Ты знаешь мою историю...

— Да, но дальше...

— Я могу вспомнить все, что было в те времена... Но когда я пытаюсь рассказать или написать об этом... Я не могу...

Элрик приобнял несчастного за плечи.

— Вы должны попробовать! Вы должны попробовать!

— Я знаю, что не смогу.

Смиорган увидел муку на лице Элрика и подошел ближе.

— Друг мой, что происходит?

— *Наше путешествие оказалось бесполезным,*— случайно ли или намеренно, но Элрик сказал это на древнем языке Мелнибонэ.

— Так и должно быть,— подытожил Джоси Крелн Реур.— По крайней мере, моя судьба доказывает это... У вас была карта?

Элрик достал карту.

— Ну конечно, это — она! Много столетий назад я положил ее в шкатулку, которую спрятал в небольшом сундучке. Его я спустил вниз по реке, надеясь, что когда-нибудь карта попадет в руки потомкам моего народа, и они догадаются, что она означает.

— Сундук действительно нашли жители Мелнибонэ, но они не открывали его,— объяснил Элрик.— Откуда вы узнали, что случилось с народом, который ушел отсюда...

Старый человек кивнул, перебивая альбиноса:

— На карте была печать?

— Да. Она у меня.

— Один из образов могущественного Ариоха, вплавленный в рубин.

— Да. Я узнал его, но не был до конца уверен.

— Образ в драгоценности,— прошептал Джоси Крелн Реур.— Когда я молился, он вернулся... Он привел с собой одного из королевской семьи.

— Что это означает?..

Смиорган прервал разговор:

— Элрик, этот парень поможет нам? Мы должны что-то сделать?

— Подожди, Смиорган,— отмахнулся альбинос.— Я расскажу вам все...

— Образ в драгоценности — только он может освободить меня,— заявил проклятый жизнью.— Если ты действительно королевской крови, тогда ты сможешь командовать нефритовым человеком.

— А почему вы не воспользовались своим правом?

— Ты забыл, что я проклят? У меня есть сила, чтобы приказывать, но я не могу общаться с демонами. Высшие здорово подшутили надо мной.

Элрик увидел затаенную печаль в глазах Джоси Крелн Реура. Альбинос смотрел на голого старика, разглядывал его белоснежные волосы... смотрел на тело, которому не суждено умереть... и обломок стрелы, вызывающе торчащий из-под левого третьего ребра...

— Что я должен сделать? — спросил Элрик.

— Ты должен вызвать Ариоха. Ты должен приказать ему, чтобы он вошел в свое каменное тело, вставил глаза в глазницы и открыл путь из Рлин Креиа.

— И потом он уйдет?

— Да, и проклятье вместе с ним...

Элрик задумался. Если он вызовет Ариоха... А ведь тот не захотел в последний раз приходить... И станет командовать им, чтобы тот делал то, чего не хочет, он рискует заработать врага — могущественного и непредсказуемого. Конечно, они находятся в ловушке — снаружи их поджидают *олабы* и избавиться от них невозможно. Если же нефритовый человек оживет, то дикари сбегут и путешественники смогут вернуться на корабль и отправиться назад, к морю. Элрик рассказал обо всем своим спутникам. Смиорган и герцог Аван задумались, а матрос из Вилмира перепугался еще больше.

— Я вынужден сделать это,— решил Элрик.— Ради этих людей. Я вызову Ариоха и сниму проклятье с Рлин Креиа.

— И наложишь это проклятье на нас? — удивился герцог Аван, кладя руку на эфес меча.— Нет. Я думаю, не все так плохо. Мы еще поборемся с *олабами*. Оставьте этого человека. Он сошел с ума... он бредит. Мы пойдем другим путем.

— Идите, если таков ваш выбор,— ответил Элрик.— Но я остаюсь с проклятым жизнью.

— Тогда вы останетесь здесь навсегда! Вы не должны верить в эту историю.

— А я верю...

— Элрик, вы должны идти с нами дальше. Ваш меч поможет нам. Без вас *олабы* уничтожат нас.

— Вы же видели, Буреносец бесполезен в битве с *олабами.*

— И все равно... Принц Элрик, вы не должны бросать нас!

— Я и не собираюсь расставаться с вами. Но я должен вызвать Ариоха. Он поможет и вам.

— Не уверен.

— Вы же сами хотели, чтобы я помогал вам колдовством. Сейчас я хочу воспользоваться своими знаниями.

Герцог Аван отступил. Казалось, он чего-то боится — боится того, что страшнее *олабов.* Герцог увидел на лице Элрика то, чего сам альбинос еще не понял.

— Мы должны будем выбраться отсюда,— заметил Джоси Крелн Реур.— Мне нужно встать за спиной нефритового человека.

— А как мы выберемся из Рлин Креиа?

— Здесь есть судно. И хотя на нем нет запасов продовольствия, но в городе есть, чем поживиться. Судно находится на западном конце острова.

— Что ж, все складывается вполне удачно,— вздохнул Элрик.— А почему вы не воспользовались этим кораблем?

— Я не смог.

— Проклятье?..

— Оно сделало меня робким.

— На целых десять тысяч лет?

— Да.

Путешественники покинули тайное убежище и выбрались на площадь.

К тому времени наступила ночь. В небе повисла огромная луна.

Элрику казалось, что вокруг головы нефритового человека светится нимб. Над руинами по-прежнему царила тишина. Элрик вынул образ в драгоценности и зажал его между указательным и большим пальцами левой руки, в правой руке он держал Буреносца. Герцог Аван, Смиорган и моряк из Вилмира отвернулись.

Элрик глянул на огромные нефритовые ноги, бедра, торс, руки, голову и, подняв свой меч, прокричал:

— Ариох!

Меч затянул суровую песнь, помогая Элрику.

— Ариох!

Люди увидели, как ожил, засветился меч, отбрасывая тени на белое лицо альбиноса. Темно-красные глаза Элрика засверкали в темноте.

— Ариох!

И вдруг голос, не похожий на голос Ариоха, зазвучал в ушах Элрика, словно это говорил сам меч.

— Мой господин... Ариох должен получить кровь и души. Кровь и души...

— Нет. Здесь находятся только мои друзья, а *олабы* неподвластны Буреносцу. Ариох должен появиться без жертв.

— Только пролив кровь, можно вызвать его! — продолжил голос. Он звучал насмешливо и исходил откуда-то сзади...

Альбинос заметил, как изменилось лицо герцога Авана. Меч вырвался из рук Элрика и рванулся к герцогу.

— Нет! — закричал Элрик.— Не смей!

Но Буреносец впился в сердце герцога Авана и утолил жажду. Матрос замер, наблюдая, как умирает его хозяин.

— Элрик! Зачем вы это сделали? — кричал Аван.— Нет!

Он корчился от боли.

— Пожалуйста... Моя душа...

И умер.

Элрик вытащил меч и убил моряка, прежде чем тот бросился на помощь своему господину.

— Теперь Ариох получил кровь и души,— холодно произнес неведомый голос.— Пускай приходит Ариох!

Смиорган и проклятый жизнью в ужасе отступили, наблюдая за Элриком. Лицо альбиноса стало жестоким.

— Ариох, явись!

— Я здесь, Элрик.

Элрик заметил, что у ног статуи кто-то стоит... Тень в тени.

— Ариох, ты должен вернуться в свой образ и покинуть Рлин Креиа навсегда.

— Я не хочу этого, Элрик.

— Тогда я приказываю тебе, герцог Ариох!

— Ты мне приказываешь? Лишь тот, у кого есть образ в драгоценности, может приказывать Ариоху... И то он может сделать это только один раз.

— У меня есть образ в драгоценности,— Элрик поднял над головой рубин.— Смотри!

Тень исказилась от ярости.

— Я отказываюсь исполнять твой приказ... Иначе произойдут события, нежелательные для тебя,— заговорил Ариох на общем языке, чтобы придать своим словам особый вес.

— Пусть будет так. Я приказываю тебе войти в нефритового человека, вставить назад глаза и покинуть Рлин Креиа навсегда. И еще я хочу, чтобы ты ушел, унося с собой проклятье высших.

— Когда нефритовый человек перестанет охранять место, где встречались высшие, в этом мире начнется битва богов высших сфер.

— Я приказываю тебе, Ариох! Войди в нефритового человека!

— Ты глупый упрямец, Элрик.

— Выполняй! — Элрик занес Буреносец. Меч запел в безумном веселье. Сейчас он казался более могущественным, чем сам Ариох, более могущественным, чем все повелители высших миров, вместе взятые.

Земля задрожала. Огни полыхнули у ног огромной статуи. Тень бога исчезла.

И нефритовый человек шевельнулся.

Его тело нависло над Элриком. Его руки начали шарить по земле в поисках кристаллических сфер. Когда нефритовый человек нашел свои глаза, он вставил их на место.

Элрик отошел в дальний угол площади, где дрожали от страха Смиорган и Джоси Крелн Реур.

Глаза нефритового человека сверкнули, каменные губы раздвинулись:

— Я ухожу!

Джоси Крелн Реур зарыдал.

— Иди, Ариох!

— Я ухожу. Проклятье снято с Рлин Креиа и с Джоси Крелн Реура... Но страшное проклятье легло на это измерение.

— Какое, Ариох? Объясни! — закричал Элрик.

— Скоро ты сам это увидишь. Прощай!

Огромные нефритовые ноги сдвинулись с места. Одним шагом преодолев руины, чудовище шагнуло в джунгли. Еще мгновение — и нефритовый человек исчез.

И вдруг проклятый жизнью захохотал. Безумное веселье слышалось в его голосе. Смиорган зажал уши.

— А теперь...— кричал Джоси Крелн Реур.— Теперь твой меч должен забрать мою жизнь. Я могу умереть!

Элрик закрыл руками лицо. Он только что понял, что произошло.

— Нет,— прошептал он.— Нет, я не могу...

Но Буреносец вырвался из рук Элрика и пронзил тело проклятого жизнью.

Умирая, Джоси Крелн Реур смеялся. Он упал на землю, его губы двигались, словно он что-то шептал. Элрик наклонился над телом старика, чтобы услышать его последние слова.

— Меч понял меня... Наконец моя жизнь закончилась...

Глаза старца закрылись.

Жизнь длиной в десять тысяч лет — жизнь Джоси Крелн Реура закончилась.

Обессилевший Элрик поднял меч и спрятал его в ножны. Альбинос посмотрел на тело проклятого жизнью, потом повернулся к Смиоргану.

Почтенный купец отвернулся.

Занималась заря.

Элрик повернулся к руинам. Альбинос прошел через площадь к поверженному телу герцога Авана и встал около него на колени.

— Вас, герцог Аван Астран из старого Гролмара, предупреждали, что проклятье падет на тех, кто свяжет свою судьбу с Элриком из Мелнибонэ. Но вы думали иначе. Теперь вы знаете правду.

Смиорган подошел к Элрику. Солнце поднималось. Граф положил руку на плечо своего друга.

— *Олабы* сбежали..Думаю, они тоже потеряли колдовскую силу.

— Когда-нибудь я буду так же уничтожен, Смиорган. Навсегда ли я привязан к проклятому мечу? Мне нужно избавиться от него, иначе произойдет непоправимое.

Смиорган откашлялся, но ничего не сказал.

— Мы оставим тело герцога Авана здесь,— продолжал Элрик.— Ты должен вернуться к кораблю и привести всех, кто там остался.

Смиорган пересек площадь и исчез в лесу.

Элрик осторожно поднял тело погибшего друга и направился к подземелью, где десять тысяч лет провел проклятый жизнью.

Вся безумная ночь казалась Элрику сном, но он знал, что все происходило наяву, ведь нефритовый человек ушел. Его следы еще виднелись в джунглях.

Альбинос спустился по лестнице и положил тело герцога Авана на ложе из сухих трав. Потом он вытащил кинжал и, обмакнув его в кровь, написал на стене:

Герцог Аван Астран из Старого Гролмара.

Он изучал мир и принес много знаний и богатств своей стране. Он грезил, но забылся во сне и умер. Он обогатил Молодые королевства... но попытался познать чужие грезы и умер, чтобы мог умереть проклятый жизнью...

Элрик остановился, опустил кинжал. Он не мог выразить чувств по отношению к человеку, которого убил.

Он постоял, потом опять поднял кинжал.

Он умер, потому что Элрик из Мелнибонэ тоже хотел мира и знания, которых так и не получил. Герцог Аван умер, пронзенный черным мечом...

* * *

Был полдень. На площади лежало тело матроса из Вилмира. Никто не плакал над ним. Моряк из Вилмира погиб не во имя высшей цели, не в погоне за чудесным сном. Смерть не изменила его.

На этом острове не было пожирателей падали. А пыль города — не очень-то плодородная почва.

Элрик смотрел на тело моряка. На мгновение этот труп стал для Элрика символом всего, что он обнаружил в мертвом городе.

— Все бессмысленно,— прошептал он.

Наверное, его далекие предки знали все это. Виноват был нефритовый человек, который, заботясь о народе Мелнибонэ,

отравил его безумием. Знания помутили рассудок древнего народа.

— Элрик!

Вернулся Смиорган. Элрик повернулся к мореплавателю.

— *Олабы* уничтожили оставшуюся команду и корабль. Они явились сразу же, как мы ушли. Все люди убиты.

Элрик вспомнил, что ему говорил проклятый жизнью.

— Здесь есть судно,— вздохнул альбинос.

* * *

Весь остаток дня и целую ночь искали они, где Джоси Крелн Реур прятал свое судно. Наконец они нашли его, спустили корабль на воду и осмотрели.

— Крепкое судно,— одобрительно заметил граф Смиорган.— Посмотри на него. Оно сделано из того же материала, который мы видели в библиотеке Рлин Креиа.

Элрик посмотрел на город и подумал о человеке, который мог бы стать его другом, как граф Смиорган. У альбиноса не было друзей, кроме Циморил из Мелнибонэ и Смиоргана Лысого с Острова Пурпурных башен. Элрик вздохнул.

Смиорган осмотрел запоры трюмов и усмехнулся.

— Я буду благодарить богов, если без происшествий вернусь на Остров Пурпурных башен... мы нашли то, что я искал! Элрик, посмотри! Здесь сокровища! Сокровища! После всего, что произошло, мы все-таки извлекли выгоду из этого рискованного предприятия.

— Конечно...— Голова Элрика была занята другими вещами. Он обдумывал более насущные проблемы.— Мы не будем сыты драгоценностями, граф Смиорган,— сказал альбинос.— Боюсь, путешествие домой будет долгим...

— Домой? — Граф Смиорган выпрямился, держа в руках ожерелье из крупного черного жемчуга.— В Мелнибонэ?

— В Молодые королевства. Ты же приглашал меня погостить.

— Живи у меня, сколько пожелаешь.

— Скажи, Смиорган, ты не боишься моего меча? Ты же видел, что он может делать... и с врагами, и с друзьями?

— Обитатели Пурпурных башен никогда долго не думают,— ответил граф Смиорган.— Мы никогда не изменяем нашей

дружбе. Ты знаешь, что такое мучительная боль, друг Элрик, а я никогда ее не испытывал... никогда не понимал... Но я доверяю тебе. Почему я должен не верить тебе? Так нас воспитали на Острове Пурпурных башен.— Граф Смиорган почесал свою черную бороду.— Я видел на разломанной шхуне герцога Авана запасы продовольствия. Мы подберем их на обратном пути.

Элрик попытался очиститься от черной грязи, но она крепко въелась в его костюм — кровь человека, который тоже верил в него. Уверенность Смиоргана сделала ношу Элрика еще тяжелее.

Они пустили судно по заросшей водорослями воде. Элрик посмотрел на молчаливый лес и вздрогнул. Он вспомнил о надеждах, которые питал, отправляясь в это путешествие вверх по реке. Элрик проклял себя, называя глупцом.

Он мысленно попытался вернуться назад, чтобы понять, как он очутился в этом месте, но прошлое сплелось с какими-то странными снами о путешествиях, которые часто снились ему... Теперь Элрика радовал мир, предлагаемый Островом Пурпурных башен.

Близилось то время, когда Элрик должен был вернуться в Грезящий город к Циморил и признать вину империи Мелнибонэ перед человечеством. Но до того момента он должен побыть гостем своего друга Смиоргана и попытаться лучше понять людей.

Путешественники подняли парус и поплыли по течению. И вдруг Элрик спросил графа Смиоргана:

— Ты доверяешь мне, граф?

Мореплаватель не удивился. Он запустил пальцы в бороду.

— Да, как и любому человеку. Но мы живем в жестокие и грубые времена. Даже боги забыли, что такое верность, друг Элрик.

— Ты думаешь, я предам тебя... как... как предал герцога Авана?

Смиорган покачал головой.

— Это не в моих привычках. Ты — верный товарищ, Элрик. И лишь притворяешься жестоким и бессердечным человеком. Думаю, я еще ни разу не встречал такого совестливого и мягкого человека.— Он улыбнулся.— Как думаешь, твой меч должен уничтожить тебя?

— Он служит мне, так я, по крайней мере, думаю.

— Ну, да. В этом скрыта определенная ирония. Человек вынужден довериться магии, но, боюсь, мы никогда не узнаем, что такое нормальный мир, пока не станем доверять друг другу. А это означает конец колдовства, друг Элрик.

И Элрику показалось, что рунный меч вздрогнул и слабо застонал, словно слова Графа Смиоргана встревожили его.

Часть 5
ПАДЕНИЕ ИМРРИРА

...И наконец Элрик вернулся в
Имррир, где злой рок настиг его...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

— Который час? — вздрогнул чернобородый человек. Сбросив позолоченный шлем, он даже не посмотрел, куда тот упадет. Потом чернобородый стащил с рук кожаные рукавицы и подсел ближе к ревущему огню, чтобы жар костра согрел его замерзшее тело.

— Полночь давно прошла,— проворчал один из вооруженных людей, расположившихся вокруг костра.— Ты уверен, что он придет?

— Говорят, он человек слова, если тебе от этого легче.

Это произнес высокий юноша с бледным лицом. Его тонкие губы злобно выплевывали слова. Он растянул рот в волчьей ухмылке и вызывающе уставился на вновь прибывшего.

Тот отвернулся.

— Это так... и твоя ирония излишня, Яарис. Он придет,— произнес человек так, словно хотел убедить в этом самого себя.

Около костра теперь собралось уже шесть человек. Шестым был Смиорган — граф Смиорган Лысый с Острова Пурпурных башен — невысокий крепкий человек лет пятидесяти, с испещренным шрамами лицом и густой черной бородой. Его глаза под нависшими бровями были полны тревоги, а толстые пальцы нервно смыкались на рукояти длинного меча. На позолоченные доспехи граф накинул широкий теплый плащ с пурпурным подбоем.

— Элрик не любит своего кузена, который, едва усевшись на Трон-Рубин, объявил Элрика изменником и человеком вне закона. Мы нужны альбиносу, чтобы помочь ему вернуть Трон-Рубин и защитить его честь. Мы можем доверять ему.

— Ты слишком доверчив, граф,— ехидно улыбнулся Яарис.— А это не такое уж большое достоинство в наши смутные времена. Я вот что скажу...— Он сделал паузу, поглядывая на своих товарищей. Его взгляд скользнул с Дхармита из Джаркора на Фадана из Лормура, который, поджав толстые губы, смотрел на огонь.

— Говори же, Яарис,— раздраженно произнес Нэкон из Вильмира.— Вдруг это действительно стоящая мысль...

Яарис глянул на Джику — фатоватого парня, который невежливо зевал и почесывал свой длинный нос.

— Ну? — нетерпеливо спросил Смиорган.— Что ты хочешь нам сказать, Яарис?

— Я хочу сказать, что нам пора приступать к делу, а не ждать Элрика. Кто знает, может, он сейчас сидит в какой-нибудь таверне в сотне миль отсюда или готовит нам ловушку, сговорившись с повелителями драконов. Мы и так плохо подготовлены — наш флот очень велик и привлекает слишком много внимания. Даже если Элрик и не предаст нас, шпионы скоро обо всем узнают и предупредят воинов острова драконов. И тогда мы сможем победить только в случае невероятного везения... Если мы отправимся сейчас же, то покорим самый богатый город... захватим бесценные сокровища... Мы погибнем, если будем сидеть и ждать. Не стоит терять время, если мы хотим захватить повелителей драконов врасплох.

— Ты всегда очень поспешен в выводах и никому не доверяешь, Яарис,— медленно и с неприязнью произнес король Нэкон из Вилмира.— Мы не сможем достичь Имррира без знаний Элрика. Нам неизвестен путь по лабиринту каналов, которые ведут в порт. Если Элрик не последует с нами, то наши попытки окажутся бесплодными... бесполезными. Элрик нужен нам. И мы подождем его... или откажемся от нашей затеи и вернемся домой.

— Думаю, можно рискнуть,— вспыхнул Яарис, гневно сверкая раскосыми глазами.— Вы постарели и стали осторожными... А сокровища не наживают, действуя осторожно. Только быстрые, смелые поступки помогают достичь желаемого!

— Дурак! — загремел Дхармит. Затем он рассмеялся.— Я думал так же, когда был молод, но, потеряв прекрасный флот, я протрезвел. Знания и ум Элрика помогут нам захватить Им-

ррир.... У нас самый могучий флот, который когда-либо плавал по Вздыхающему морю. Я, конечно, не имею в виду времена, когда стяги Мелнибонэ развивались над всеми странами мира. Сейчас мы — самые могущественные мореплаватели. У каждого из нас более сотни быстрых судов. Наши имена наводят ужас... наши корабли опустошают и завоевывают десятки стран. Мы могучи! — Он сжал свой огромный кулак и потряс им перед лицом Яариса. Продолжая гневно улыбаться, он заговорил более спокойно: — И все равно это ничего не значит без тех сил и знаний, которыми обладает Элрик. У него есть колдовство, как ни неприятно произносить мне это слово. Предки альбиноса знали лабиринт, охраняющий Имррир от нападения с моря. Они передали этот секрет Элрику. Имррир... Грезящий город... Все наши мечты останутся мечтами, пока у нас не будет проводника, который покажет нам путь через предательские воды в залив Имррира. Нам нужен Элрик... Мы знаем это, и он знает тоже.

— От такого доверия, господа, становится тепло на душе,— донеслось от входа. Мореплаватели повернулись к двери.

Яарис отвел глаза, встретившись взглядом с Элриком из Мелнибонэ. У альбиноса были старые глаза, хотя лицо его казалось молодым. Алые глаза смотрели в вечность. Яарис вздрогнул и повернулся спиной к принцу, предпочитая смотреть на яркие язычки пламени.

Элрик тепло улыбнулся графу Смиоргану и снисходительно кивнул остальным. Когда альбинос подошел к огню, Яарис отодвинулся в сторону. Элрик был высокого роста и поджарый. Длинные волосы он стягивал в хвостик на затылке. По неведомой причине он был одет в платье южного варвара: длинные, закрывающие колени сапоги из ослиной шкуры, куртка в бело-синюю клетку, штаны из алой шерсти и плащ из зеленого бархата. На поясе у Элрика висел черный меч — знаменитый Буреносец, выкованный в глубокой древности магическими силами.

Яркий наряд альбиноса выглядел безвкусно и вызывающе. Элрик словно подчеркивал, что не принадлежит этой компании, что он вне людей — всюду чужеземец, всюду изгнанник. Но ему даже не нужно было обряжаться в наряд южного варвара — алые глаза и белая кожа сразу же выдавали его.

Элрик, последний император Мелнибонэ, был альбиносом и черпал силы из тайного, ужасного источника.

Смиорган вздохнул.

— Ну что, Элрик, когда мы отправляемся в Имррир?

Элрик пожал плечами.

— Когда вы решите. Мне это безразлично. Только предупредите меня, чтобы я успел подготовиться.

— Может, завтра?..— нерешительно предложил Яарис, чувствуя ту странную силу, которой обладал этот человек.

Элрик улыбнулся, не обращая внимания на вопрос юноши.

— Три дня,— объявил он.— Три дня... или даже больше.

— Три дня! Но Имррир успеет подготовиться к нашему приходу,— озабоченно произнес толстый Фадан.

— Я позабочусь, чтобы ваши корабли не обнаружили,— пообещал Элрик.— Но сначала мне надо съездить в Имррир.

— Невозможно совершить такое путешествие за три дня... Даже самый быстроходный корабль не успеет,— выдохнул Смиорган.

— Я буду в Грезящем городе завтра,— мягко, но уверенно произнес Элрик.

Смиорган пожал плечами.

— Ну, если ты так говоришь, я верю... Но зачем тебе перед нашим рейдом совершать это путешествие?

— У меня есть свои соображения, граф Смиорган. Не сомневайся... я не предам вас. Я сам поведу флот.— Его бледное лицо освещалось пламенем костра, глаза мрачно сверкали. Элрик положил руку на рунный меч.— Имррир покойник... уже пять столетий... Он еще кое-как держался, но теперь он падет навсегда... навечно! У меня остался один неоплаченный должок. И это одна из причин, почему я помогаю вам! Вы знаете мои условия — город нужно разрушить до основания, но два человека не должны пострадать от этого. Я говорю о моем двоюродном брате Юркуне и его сестре Циморил...

Яарис почувствовал неприятную сухость во рту. Вызывающий тон и неприятные манеры он приобрел потому, что рано умер его отец, оставив совсем юного Яариса править своими землями и флотом. Яарис вовсе не был уверен, что справится с таким огромным королевством... и поэтому пытался казаться более твердым, чем был на самом деле.

— Как же мы спрячем флот, господин Элрик? — спросил он.

— Я спрячу его,— пообещал мелнибониец.— Сейчас я пойду и спрячу его... Но пусть ваши люди сойдут на берег. Ты присмотришь за этим, Смиорган?

— Конечно,— ответил граф.

Он и Элрик вышли, оставив пятерых союзников у костра: пять человек, которых в жарко натопленной комнате коснулась ледяная рука судьбы.

— Как он сумеет спрятать такой огромный флот, когда этого не сумели сделать мы — те, кто отлично знает эти места? — пробормотал Дхармит из Джаркора.

Ему никто не ответил.

Они ждали, пока мерцал и умирал без присмотра огонь. Вернулся Смиорган, громко протопав по деревянному полу. Он явился, окруженный клубами тумана, словно настоящей аурой. Граф дрожал от страха и выглядел страшно измученным.

— Все в порядке? Элрик спрятал флот?.. Как он это сделал? — нетерпеливо начал задавать вопросы Дхармит, словно бы не замечая состояния Смиоргана.

— Он спрятал корабли,— это было все, что произнес граф Смиорган, и голос его звучал как у больного человека, изнуренного лихорадкой.

Яарис подошел к выходу и попытался рассмотреть фиорд, костры на берегу и очертания кораблей и мачт, но ничего не смог увидеть.

— Какая темная ночь,— прошептал он.— Я не вижу, вошли наши корабли в фиорд или нет.

Когда из густого тумана возник Элрик, Яарис задохнулся от удивления.

— Вновь приветствую вас, господин Элрик,— пробормотал он и заметил капельки пота на напряженном лице альбиноса.

Элрик, пошатываясь, вошел в помещение.

— Вина! — хриплым голосом попросил он.— Я сделал все, что требовалось, но очень устал.

Дхармит принес кувшин крепкого вина из Кадсанды и налил вино в деревянную чашу. Молча протянул он чашу Элрику, и альбинос залпом осушил ее.

— Теперь мне нужно отдохнуть,— объявил Элрик и, завернувшись в свой зеленый плащ, опустился в кресло. Он закрыл

свои темно-красные глаза и погрузился в сон, порожденный страшной усталостью.

Фадан побежал к двери, закрыл ее и опустил тяжелый железный засов.

Никто из шестерых не спал в эту ночь, а утром, когда открыли дверь, они увидели, что в кресле Элрика нет. Снаружи стоял такой густой туман, что мореплаватели не видели друг друга, хотя и стояли рядом.

* * *

Широко расставив ноги, Элрик стоял на узком берегу, покрытом галькой. Он смотрел на вход в фиорд и видел, что туман становится все гуще и стелется над фиордом, скрывая флот. За пределами фиорда была ясная погода, бледное солнце освещало черные скалы и неровные утесы, часовыми возвышавшиеся над побережьем. Мерно вздымалось и опадало море, словно грудь уснувшего гиганта — серое и пурпурное в утренних лучах солнце. Элрик коснулся рун, выбитых на рукоятке его черного меча, позволяя северному ветру трепать полы своего темно-зеленого плаща.

Альбинос почувствовал, что прошлой ночью ему все удалось. Недаром он потратил столько сил, чтобы вызвать этот туман. Элрик был очень опытным в искусстве колдовства, но не обладал силами, которые имели колдуны — императоры Мелнибонэ — в те дни, когда империя правила всем миром. Знания его предков дошли до него... но не их таинственная сила. Многие заклятия и секреты оказались не нужны альбиносу, потому что у него не хватало сил — ни физических, ни духовных — сотворить их. И все же Элрик знал одного человека, который обладал теми же знаниями. Это был его двоюродный брат — принц Юркун. Рука альбиноса сжала рукоять меча, когда он вспомнил брата, который уже дважды обманул доверие Элрика...

Потом Элрик задумался о предстоящем... Он должен сотворить чары, которые помогут ему перенестись на Остров драконов, где находился Имррир Прекрасный — предмет давних вожделений варваров Молодых королевств.

На берегу стояла небольшая парусная лодка Элрика — крепкая и очень древняя. Она была намного старше, чем казалась

на первый взгляд. Тихо плескался прибой. Элрик понял, что у него осталось очень мало времени.

Тело альбиноса напряглось, когда он воззвал к темным тайным силам своей души. Уставившись в никуда, Элрик вытянул вперед руки и, совершая ими ритуальные движения, забормотал. Его голос звучал все выше и выше, послышались неясные крики... Внезапно голос поднялся еще выше и пронзил небеса диким воем, а воздух вокруг альбиноса задрожал и затрепетал. Воющие тени заплясали вокруг Элрика, когда он направился к лодке.

Его голос, вызывающий *сильфов* бризов и *шарнáхов* — повелителей штормов, уже ничем не напоминал человеческий. Бесформенные элементали кружили вокруг альбиноса, пока он обращался к ним, прося о помощи на языке, которым пользовались его предки столетия назад, заключая договоры со всеми элементалями.

На негнущихся ногах Элрик поднялся в лодку, развернул парус. Затем огромная волна, явившаяся из глубин спокойного моря, нависла над лодкой. С грохотом обрушилась она на сушу и понесла суденышко Элрика по морю. Уставившись невидящими глазами на корму, Элрик приглушенно напевал ужасную колдовскую песнь, и духи воздуха наполнили ветром паруса его лодки, которая мчалась по морю намного быстрее любого корабля. И все время звучали оглушительные, но невнятные вопли элементалей. Берег исчез, и теперь вокруг простиралось бесконечное море.

Глава 2
НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Духи ветра, наполнившие парус лодки, несли судно Элрика — последнего принца королевской династии Мелнибонэ — в город, откуда он раньше правил своим народом... Последний оплот культуры Мелнибонэ — нежно-розовые и изменчиво-желтые башни — возникли в поле зрения Элрика через несколько часов. Когда показались берега Острова драконов, элементали покинули альбиноса и вернулись в тайные места, в недоступные человеку края, скрывающиеся среди величайших вершин мира. Элрик очнулся и начал рассматривать возвышающиеся

в отдалении башни, отгороженные от берега непроходимыми скалами. Среди утесов темнели пещеры, ведущие в подземный лабиринт. Это был единственный путь в залив Имррира.

Элрик знал, что он ничем не рискует, входя в лабиринт. Он хорошо помнил несколько безопасных маршрутов. И все же он решил пристать к берегу в маленькой бухточке. Уверенно повел он маленькое судно к потайной бухте, берега которой заросли кустами с прозрачными ягодами. Он сока этих ягод люди сначала слепли, а потом сходили с ума. Эти ягоды — плоды кустарника *нойдел* — росли только в окрестностях Имррира на смертоносных равнинах.

Светлые низкие облака медленно проплывали по небу, словно паутина, погоняемая резкими порывами бриза. Весь мир, казалось, был соткан из синего и золотого, зеленого и белого.

Элрик, пристав к берегу, вдыхал чистый прохладный зимний воздух, смакуя запах прелой листвы. Где-то залаяла лисица, подзывая своего лиса, и альбинос с сожалением подумал, что его вымирающий народ не ценит красоту природы, предпочитая оставаться поблизости от города, проводя большую часть времени в наркотической дреме. Имррир назывался Грезящим городом потому, что его утонченные обитатели все время пребывали в грезах. Элрик же наслаждался сладким чистым зимним воздухом и был счастлив, что, имея королевское происхождение, не правил в городе, как предназначено ему по праву рождения.

На Троне-Рубине Имррира сейчас восседал двоюродный брат Элрика — Юркун, который ненавидел альбиноса, поскольку понимал, что альбинос со всем своим отвращением к короне и власти был настоящим королем-императором Острова драконов, а сам Юркун оказался узурпатором, избранным Элриком на царствование.

Но у Элрика существовали куда более веские причины ненавидеть двоюродного брата. По этим причинам должна была пасть древняя столица во всем своем великолепии — последняя цитадель империи, со своими розовыми, желтыми, пурпурными и белыми башнями... Если, конечно, Элрик решится и удача будет сопутствовать мореплавателям.

Элрик направился к Имрриру. Несколько миль он шел по мягкому торфу. Солнце утонуло в море, уступив место темной

безлунной ночи, навевающей раздумья; ночи, полной загадочных предзнаменований.

Наконец альбинос подошел к городу. Тот возвышался застывшим черным силуэтом — город фантастического великолепия, как по замыслу, так и по воплощению. Это был древнейший город в мире, построенный художниками и задуманный скорее как произведение искусства, нежели место для жилья. Но Элрик знал, какая грязь царит на многих узких улочках. К тому же повелители Имррира покинули многие башни. Население города резко сокращалось. Мало оставалось повелителей драконов, в жилах которых текла настоящая мелнибонийская кровь.

Льнущий к земле город вздымался в небеса у основания холма, на вершине которого стоял королевский замок — гордый, устремленный ввысь пик со множеством башен: шедевр неведомого художника — древнего и забытого. Но никаких признаков жизни не было на улицах прекрасного Имррира. Город спал... Спали повелители драконов, спали их женщины, рабы были погружены в наркотические сны — так проводили свое время те, кто еще жил в Имррире, постоянно мечущиеся создания, пытающиеся хотя бы иногда вырваться из забытья.

Положив руку на рукоять меча, Элрик проскользнул в неохраняемые врата и начал острожно пробираться по темным улочкам к огромному дворцу.

Ветер свистел в пустых комнатах башен. Элрику приходилось прятаться, когда он слышал шаги стражей, следивших за покоем города. Часто он слышал смех, который доносился из какой-нибудь башни. В огне факелов на стенах плясали беспокойные тени. Альбинос часто слышал громкие крики и дикие завывания несчастных рабов, корчившихся в агонии, дабы усладить своих господ.

Элрик оставался равнодушным к этим воплям и неприглядным сценам, открывавшимся ему порой. Он понимал их, потому что был императором Мелнибонэ... повелителем этих людей... Хотя что-то неопределенное, сокрытое в глубине души подвигло его отправиться в путешествие, заставило отказаться от десяти тысяч лет блистательной и жестокой культуры, все же в его жилах текла кровь его предков.

Альбинос нетерпеливо постучал в тяжелую дверь из черного дерева. Он уже добрался до дворца и теперь стоял у его

заднего входа, настороженно озираясь. Он знал, что Юркун прикажет убить его, если он появится в Имррире.

Заскрипел засов, и дверь медленно отворилась. Тонкое, изборожденное морщинами лицо появилось перед Элриком.

— Король? — прошептал человек, вглядываясь в темноту. Он был высокий, очень худой, с длинными костлявыми руками и ногами. Его крошечные глаза пытались рассмотреть Элрика.

— Я — принц Элрик,— заявил альбинос.— Ты что, забыл, мой друг, что новый король сидит на Троне-Рубине?

Танглебонес покачал головой. Жидкие волосы упали ему на лицо. Резким движением он отбросил их назад и отступил в сторону, давая Элрику войти.

— У Острова драконов только один король, и его имя — Элрик. Любой другой будет самозванцем.

Элрик тихо улыбнулся, ожидая, пока старик задвинет засов.

— Она спит, господин,— прошептал Танглебонес, когда они поднимались по неосвещенным ступенькам.

— Я так и думал,— ответил Элрик.— Нельзя недооценивать возможностей моего дорогого кузена.

Они молчали, пока не вышли в коридор, который был освещен танцующим светом факелов. Мраморные стены отражали пламя, отбрасывая светлые блики на Элрика и Танглебонеса, пока те пробирались вперед, прячась за колоннами. Чтобы попасть в интересующую альбиноса комнату, надо было миновать массивную арку, охраняемую евнухом. Он был лысым и толстым, его черно-синие доспехи ярко блестели. Его пальцы сжимали короткий костяной лук со стрелой, заранее положенной на тетиву. Элрик догадался, что это один из безумных стрелков-евнухов Молчаливой стражи — лучших воинов Имррира.

Танглебонес, который в свое время учил молодого человека искусству фехтования и владения луком, знал, что эта комната охраняется. Предвидя появление Элрика, он спрятал за колонной небольшой лук. Теперь слуга молча достал его и, опустившись на колено, натянул тетиву. Слуга прицелился в стражника и выстрелил, когда евнух повернулся лицом к нему. И промахнулся. Стрела ударилась в металлический воротник стража и упала на тростниковую циновку, закрывающую каменный пол.

Элрик рванулся вперед. Его рунный меч выскользнул из ножен, и сверхъестественная сила потекла по телу альбиноса. Меч взвыл и, прочертив в воздухе дугу, разрубил костяной лук, которым евнух надеялся отразить удар. Страж задохнулся: его толстые влажные губы раскрылись в безмолвном вопле, и Элрик увидел, что у евнуха отрезан язык. Страж тем временем выхватил короткий меч и ухитрился отбить следующий удар альбиноса. Искры вылетели из-под стали, когда Буреносец отсек кончик лезвия меча евнуха. Покачнувшись, стражник упал. Грохот металла эхом разнесся по короткому коридору, и Элрик проклял судьбу, которая в критический момент не пощадила его. Добивая врага, альбинос обрушил меч на поверженного стража-евнуха.

Евнух видел лишь смутный силуэт противника за черным несущимся мечом, который скользил, рассекая воздух, столь легко, хотя и был вдвое больше его собственного меча. Стражник удивился, пытаясь понять, кто на него напал, и ему показалось, что он разглядел чье-то лицо. Затем весь мир стал для него алым. Он забился в агонии, сжав руками голову, а потом философски, поскольку евнухи поневоле становятся фаталистами, понял, что должен умереть...

Элрик задержался над распростертым телом евнуха, высвобождая свой меч. Плащом стража он вытер кровь и мозги с клинка. Танглебонес, проявив известную мудрость, исчез. Альбинос осторожно приоткрыл дверь и вошел в комнату, освещенную двумя маленькими свечами, расположенными в противоположных концах широкой кровати. Он подошел ближе и увидел девушку с волосами цвета воронова крыла, которая лежала на кровати.

Рот Элрика сжался, слезы потекли из его странных красных глаз. Отвернувшись к двери, он задрожал и трясущейся рукой вложил меч в ножны, потом запер комнату на засов. Он вернулся к кровати и встал на колени рядом со спящей девушкой. У нее было нежное лицо, отдаленно напоминающее лицо Элрика. Она была прекрасна. Но она едва дышала, погруженная в волшебный сон, который навеял ее брат.

Элрик бережно взял руку красавицы и нежно ее поцеловал.

— Циморил,— прошептал он, страстное желание прозвучало в его голосе.— Циморил, проснись!

Девушка не шевельнулась. Ее дыхание оставалось ровным, а глаза закрытыми. Белое лицо Элрика исказилось, его красные глаза сверкнули. Он с силой сжал руку девушки, такую же податливую и бесчувственную, как рука трупа, а потом испугался, что раздавит ее нежные косточки.

В дверь забарабанили.

Элрик положил руку девушки на ее крепкую грудь и встал, с непониманием уставившись на дверь.

Резкий холодный голос оборвал крики солдат.

— Что случилось?.. Кто-то пытался увидеть мою бедную спящую сестру?

— Юркун — гнусное отродье,— прошептал Элрик.

Беспорядочное бормотание солдат прекратилось, когда принц-узурпатор закричал, пытаясь узнать, что происходит:

— Кто там спрятался? Ты будешь умирать тысячу раз, когда мы схватим тебя. Тебе не удастся спастись. Если моей сестре причинят хоть какой-нибудь вред... ты вообще никогда не умрешь. Я тебе это обещаю. Можешь молиться своим богам!

— Юркун, ты — презренный трус... Ты не можешь угрожать тому, кто превосходит тебя в черном искусстве. Это я — Элрик, истинный повелитель Имррира. Беги в свою кроличью нору, пока я не наслал на тебя злые силы. Но даже под землей я достану тебя!

Юркун рассмеялся.

— Можешь кричать сколько угодно, это не поможет разбудить Циморил. И такая попытка, кстати, наверняка убьет ее... А ее душа отправится в глубины ада... Только там вы сможете соединиться!

— Клянусь шестью душами Арнары... ты умрешь тысячу раз, прежде чем смерть придет к тебе.

— Неужели? — повысил голос Юркун.— Солдаты... я приказываю вам — сломайте эту дверь... и схватите бродягу. Элрик... существует всего две вещи, которые ты никогда не получишь снова... любовь моей сестры и Трон-Рубин. Попытайся забыть о них. Скоро ты будешь валяться у моих ног и молить, чтобы я даровал тебе смерть!

Элрик, проигнорировав угрозы Юркуна, посмотрел в узкое окно. Оно было достаточно большое, чтобы в него мог про-

тиснуться человек. Альбинос наклонился и поцеловал Цимо-рил в губы. Потом подошел к двери и открыл засов.

Солдаты навалились на дверь, и та с грохотом распахнулась. Один из воинов полетел на пол. Элрик выхватил меч, высоко поднял его и одним махом перерубил шею солдата. Голова свалилась с плеч, и Элрик громко воззвал:

— Ариох! Ариох! Я дам тебе кровь и души, но помоги мне сейчас! Этих людей я приношу тебе в жертву, могущественный герцог ада... помоги своему слуге, Элрику из Мелнибонэ!

Еще три солдата ворвались в комнату. Элрик рубанул одного из них и отсек у него пол-лица. Несчастный ужасно кричал.

— Ариох! Повелитель Тьмы... Я даю тебе кровь и души! Спаси меня! — взывал альбинос.

В дальнем углу тускло освещенной комнаты сгустились тени. Солдаты наступали, но альбинос отогнал их.

Он выкрикивал имя Ариоха — повелителя высших кругов ада. Тем временем воинов в комнате прибавилось. Позади них метался Юркун. Он требовал, чтобы Элрика взяли живым. Это давало альбиносу небольшое преимущество...

А рунный меч, Буреносец, мерцая таинственным черным светом, выл и стонал, требуя новых душ. Еще два воина мертвыми упали на застеленный коврами пол. Их кровь впитывалась в дорогие ткани.

— Кровь и души для моего господина Ариоха!

Сгустившиеся темные тени постепенно принимали четкую форму. Элрик глянул в угол и вздрогнул, хотя и привык ко всевозможным кошмарам ада. Воины сейчас стояли спинами к твари, появившейся в углу, а Элрик переместился к окну. Аморфная масса, возникшая за спинами воинов, была одной из ужасающих форм бога-демона, которому служил Элрик. Желчь капала из пасти чудовища, и альбинос погнал солдат к твари, которая, в свою очередь, извиваясь, потекла к ним навстречу. Элрик пытался побороть безумие, охватившее его.

Внезапно солдаты почувствовали, что у них за спиной кто-то есть. Они оглянулись, и из их глоток вырвался нечеловеческий вопль ужаса, когда черное чудовище, нахлынув, поглотило их, высасывая души. Затем медленно, с хрустом ломая кости, оно стало отпускать безумно кричащих. умирающих

стражников, которые падали на пол бесформенными тушами. Элрик отвернулся, довольный тем, что Циморил не видит этого. Он прыгнул на подоконник, глянул вниз и с отчаяньем понял, что бежать этим путем невозможно. До земли было несколько сотен футов. Альбинос рванулся к двери, где стоял Юркун, пытавшийся изгнать Ариоха.

Элрик проскочил за спиной двоюродного брата, бросил последний взгляд на Циморил и кинулся к лестнице. Его ноги скользили в крови. Танглебонес встретил его в конце темного коридора.

— Что случилось, король Элрик?.. Что там произошло?..

Элрик посмотрел на Танглебонеса, на его покатые плечи и потянул вниз по лестнице.

— Нет времени,— задыхаясь ответил он.— Мы должны торопиться, пока Юркун занят. Через пять дней Имррир вступит в новую фазу своей истории... возможно, в последнюю. Но я хочу быть уверен, что Циморил останется невредимой. Тебе ясно?

— Конечно, мой повелитель...

Они спустились вниз. Танглебонес отодвинул засов и распахнул дверь.

— Нет времени что-то объяснять. Я должен уйти. В ближайшие пять дней я вернусь... с друзьями. В свое время ты все поймешь. Проследи за Циморил, перенеси ее в башню Дарпутна... Жди меня там.

Потом, мягко ступая, Элрик скрылся в ночи, и вдогонку ему раздавались крики умирающих людей.

Глава 3
УБИЙЦА ЖЕНЩИН

Молча стоял Элрик на носу флагмана графа Смиоргана. С тех пор как он вернулся в фиорд и вывел флот в открытое море, он только отдавал приказы. Мореплаватели перешептывались, что альбинос переполнен великой ненавистью, которая терзает его душу и делает его опасным как для друзей, так и для врагов. Даже граф Смиорган избегал хмурого альбиноса.

Грабители повернули на восток, и море потемнело от многочисленных кораблей, танцующих на воде. Казалось, тень

невероятно огромной птицы легла на воду. Пять сотен боевых кораблей плыли по океану... Многие из них были построены на скорую руку. В спешке мореплаватели переделали плоскодонки и купеческие суда, превратив их в транспорты. Бледное солнце осветило паруса, и они засверкали: оранжевые, синие, черные, пурпурные, красные, желтые, светло-зеленые и белые. На каждом корабле было по шестнадцать и более гребцов... и каждый гребец был воином. Моряки-воины, готовые напасть на Имррир. Хотя приморские народы теряли сотни воинов каждый год, совершая регулярные набеги друг на друга, недостатка в людях не было.

В центре флота плыло огромное судно, которое было больше остальных. На нем стояли огромные катапульты, предназначенные для штурма укреплений у входа в подземный лабиринт. Граф Смиорган и остальные флотоводцы с гордостью оглядывали флот, но Элрик, не двигаясь, неотрывно смотрел только вперед. Его белое лицо орошали соленые брызги, его белая рука покоилась на рукояти меча.

Корабли упорно плыли на восток к Острову драконов и его фантастическому богатству — или навстречу всем ужасам ада. Неуклонно ведомые роком, плыли они вперед, и весла равномерно опускались в воду, а паруса были наполнены попутным ветром.

Они плыли прямо к Имрриру Прекрасному, чтобы ограбить самый древний город мира.

Спустя два дня после отплытия флота показался берег Острова драконов, и звон оружия сменил плеск весел. Могучий флот начал приближаться к берегу. Моряки готовились сделать то, что нормальный человек счел бы невозможным.

Приказы передавались с корабля на корабль. Флот начал перестраиваться в боевой порядок, потом весла тяжело заскрипели в уключинах. Корабли поплыли дальше, убрав паруса.

День выдался ясный: холодный и свежий. Все люди были возбуждены. На носу идущей впереди галеры моряки видели прямую фигуру альбиноса. Но что он принесет им? Корабли подошли к огромному утесу, в котором находились одни из восьми врат, ведущих в залив Имррира. Утес поднимался на сотни футов, а над ним возвышались башни, более прочные, нежели кружевные шпили города, которые мерцали в отдале-

нии. Корабли Имррира были единственными судами, которым разрешалось входить в огромные ворота и путешествовать по лабиринту, план которого хранился в тайне от чужеземцев.

На вершине скалы, возвышавшейся над входом, удивленные стражники быстро занимали боевые посты. Для них угроза нападения оказалась слишком неожиданной... Огромный флот, какого они никогда не видели, шел на Имррир! Вот стражники заняли свои места. Их желтые плащи и кильты шелестели на ветру, бронзовые доспехи бряцали, но двигались воины неохотно, будто отказывались верить своим глазам. Они были переполнены отчаянием, зная, что даже если корабли грабителей не войдут в лабиринт, сами они умрут раньше и не увидят гибели вражеского флота.

Дувим Таркан — начальник караула — был изнеженным человеком. Он любил жизнь и удовольствия. Красивый мужчина с густыми бровями, небольшой бородкой и тонкими усиками, он великолепно смотрелся в бронзовых доспехах и шлеме с плюмажем. Он не хотел умирать. Отдавая короткие приказы своим людям, Дувим Таркан с интересом прислушивался к отдаленным крикам на кораблях и удивлялся: на что рассчитывают грабители? Вскоре он получил ответ на свой вопрос.

Громко зазвенела катапульта на одном из судов. Чаша катапульты подскочила, выбросив огромный обломок скалы, который полетел с удивительной легкостью к укреплениям Мелнибонэ, но, ударившись о скалу, упал в пенящееся море.

Пытаясь сдержать дрожь в голосе, Дувим Таркан приказал стрелять своей катапульте. С глухим звуком лопнул перерезанный канат, и металлический шар полетел к вражеским кораблям. Корабли грабителей стояли так густо, что шар не мог не попасть. Он ударил в палубу флагмана Дхармита из Джаркора и пробил ее насквозь. Несколько секунд в воздухе висели крики изувеченных захлебывающихся людей. Затем корабль затонул, и Дхармит вместе с ним. Часть команды перешла на другие суда, но первый удар был нанесен.

Снова зазвенела катапульта, и на этот раз камень ударил прямо в башню, заполненную лучниками. Посыпалась каменная кладка, полетели вниз те, кто остался жив, когда обрушилась башня. Те, кто не погиб под развалинами башни, приняли смерть в пенящихся требнях моря, ринувшегося в пролом.

Разозлившиеся и напуганные смертью товарищей, лучники Иррира послали вниз, прямо в гущу врагов, поток тонких стрел. Грабители завыли, когда красные стрелы стали пробивать их тела, и тут же засыпали стрелами защитников. Лишь жалкая кучка людей оставалась на стене, когда еще одна каменная глыба ударила в башню, убив несколько человек и разрушив катапульту Мелнибонэ.

Дувим Таркан остался жив, хотя кровь залила его желтую тунику — обломок стрелы торчал из его левого плеча. Он еще был жив, когда первый корабль захватчиков двинулся к огромным деревянным воротам лабиринта и ударил в них тараном, круша запоры. Рядом с первым встал второй корабль. Они вместе проломили врата и проскользнули в них. Впервые корабль варваров вошел в подземный лабиринт без разрешения мелнибонийцев. Возможно, ужаснувшись такому крушению древних традиций, Дувим Таркан оступился и с криком упал вниз на палубу флагманского корабля графа Смиоргана, когда тот триумфально входил в лабиринт.

Корабли, протаранившие врата, пропустили вперед корабль графа Смиоргана и пошли следом. Элрик повел врагов через лабиринт. Впереди перед грабителями оказалось пять высоких входных отверстий. Черные утробы пещер были как две капли воды похожи друг на друга. Элрик ткнул в третий слева вход. Короткими взмахами весел гребцы направили корабль к темной пасти входа. Через несколько минут корабль плыл уже в полной темноте.

— Факелы! — закричал Элрик.— Зажгите факелы!

Когда свет факелов разогнал темноту, люди увидели, что плывут по широкому туннелю, от которого ответвлялось множество боковых ходов.

— Держитесь ближе друг к другу,— приказал Элрик. Его голос, усиленный эхом, пронесся по пещерам. Свет факелов замерцал, и лицо альбиноса, казалось, превратилось в маску смерти. Стоявшие позади принца люди слышали благоговейное бормотание, и, когда уже большая часть судов вошла в лабиринт, Элрик понял, почему так дрожит пламя — это в ужасе тряслись те, кто держал факелы. Альбинос почувствовал тревогу, вглядываясь в прыгающие тени. Его глаза, следившие за мерцанием факелов, лихорадочно сверкали.

С ужасной монотонностью весла шлепали по воде, туннель постепенно становился все шире, и вот варвары снова очутились в зале, откуда в разные стороны уходило несколько туннелей.

— Тот, что посредине,— направил эскадру Элрик.

Рулевой кивнул и повел корабль к пещере, на которую указал Элрик. Кроме невнятного перешептывания и шлепания весел, в огромной пещере стояла зловещая тишина.

Элрик глянул в холодную темную воду и содрогнулся. Когда они вновь выбрались на яркий солнечный свет, люди замерли, повернувшись назад, удивляясь огромным скалистым стенам, которые теперь оказались у них за спиной. На стенах стояло множество одетых в желтое, закованных в бронзу лучников, и, когда судно графа Смиоргана вышло из черных пещер, стрелы со свистом понеслись вниз, пронзая тела моряков.

— Быстрее! — закричал Элрик.— Гребите быстрее... Скорость — наше единственное оружие!

С бешеной энергией гребцы взялись за весла, и корабль проскочил сквозь поток стрел Имррира. Но стрелы все же сыграли похоронный марш на доспехах многих грабителей. А канал с высокими стенами вел все дальше, и Элрик уже видел набережные Имррира.

— Быстрей! Быстрей! Наша цель близка!

Внезапно корабль выскочил в спокойные воды залива, но на набережной их уже ждали защитники Имррира. Корабль остановился, ожидая подкрепления. Двадцать кораблей вышли из туннеля, и лишь тогда Элрик приказал атаковать набережную. Буреносец, завыв, выскользнул из ножен. Борт флагмана с глухим стуком врезался в причал, и стрелы осыпали его. Они свистели и вокруг Элрика, но каким-то чудом альбинос остался невредим. Он повел грабителей вперед. К ним навстречу вышли имррирские воины с топорами. Нападение оказалось для них полной неожиданностью.

Черный меч Элрика яростно впился в горло имррирского офицера, и альбинос отрубил ему голову. Демонически завывая, отведав крови, меч забился в руках Элрика. Зловещая улыбка заиграла на бесцветных губах альбиноса, его глаза сузились. Он без разбора крушил воинов Мелнибонэ.

Он хотел, чтобы точно так же сражались те, кого он привел в Имррир. Однако ему нужно было заняться другими вещами...

и как можно быстрее. За спинами воинов, одетых в желтое, поднимались высокие башни Имррира, прекрасные своими сверкающими цветами: от розово-кораллового до нежно-голубого, от золотого до бледно-желтого, белого и изумрудного. Одна из таких башен была целью Элрика — башня Дарпутна, куда он приказал Танглебонесу отнести Циморил, зная, что во время неразберихи это станет возможным.

Элрик прорубил кровавую дорогу сквозь строй тех, кто хотел остановить его. Дико крича, воины падали, когда рунный меч выпивал их души.

Наконец оставив битву за спиной, альбинос побежал по сумрачным улицам. Черный меч разил всякого, кто пытался остановить Элрика, напоминавшего сейчас белолицего вампира. Его одежда превратилась в лохмотья и была залита кровью, доспехи исцарапаны и помяты, но альбинос не останавливаясь бежал по мощеной мостовой сумрачных улиц, направляясь к изящной башне туманно-синего и нежно-золотистого цветов — башне Дарпутна. Ее двери были распахнуты настежь, указывая, что внутри кто-то есть. Элрик вбежал в большой зал первого этажа. Никто не встретил его...

— Танглебонес! — взревел Элрик.— Танглебонес!.. Ответь мне, ты здесь?

Он помчался вверх по ступенькам огромными прыжками, время от времени выкрикивая имя своего слуги. На третьем этаже Элрик внезапно остановился, услышав глубокий вздох.

— Танглебонес, это ты?

Элрик метнулся в комнату и, распахнув двери, почувствовал, как оборвалось его сердце, когда он увидел старика, лежавшего на голом полу и тщетно пытавшегося остановить поток крови, которая хлестала из огромной раны у него в боку.

— Что случилось?.. Где Циморил?

Лицо старого Танглебонеса исказилось от боли и горя.

— Она... Я... Я принес ее сюда, господин, как вы и приказали... Но...— Он закашлялся, кровь закапала из его рта.— Но... Принц Юркун... он догадался... Он, должно быть, следовал за мной. Он ранил меня и забрал принцессу... Сказал, что она... она будет в безопасности в башне Балнесбета. Господин... Простите меня...

— Пусть будет так,— отрезал Элрик. Затем его тон смягчился.— Не беспокойся, старый друг... я отомщу за тебя и за себя. Я настигну принца Юркуна, ведь теперь я знаю, где он спрятал Циморил. Спокойно отправляйся в свое последнее путешествие по реке вечности.

Резко развернувшись на каблуках, Элрик вышел из комнаты, сбежал вниз по ступенькам и выскочил на улицу.

Башня Балнесбета была самой высокой башней в королевском дворце. Элрик хорошо это знал, ведь именно в этой башне его предки изучали темное колдовство. Он вздрогнул, представив, что может сделать Юркун со своей сестрой.

Улицы города казались тихими и безлюдными, но у Элрика не было времени, чтобы разобраться в том, что происходит. Примчавшись во дворец, альбинос увидел, что ворота не охраняются. Никто не сторожил главный вход — уникальное событие. Но это оказалось на руку Элрику, который, не встречая препятствий, побежал дальше. Потом он стал подниматься на самую высокую башню.

Наконец он добрался до двери из мерцающего черного кристалла, у которой не было ни засова, ни ручки. Разъяренный Элрик ударил по кристаллу волшебным мечом, но кристалл лишь заструился, меняя форму. Альбинос ударил еще раз, но безрезультатно.

Элрик задумался, пытаясь вспомнить единственное тайное слово, которое открывало эту дверь. Он не рискнул погрузиться в транс, который помог бы ему произнести нужное заклятие. Вместо этого Элрик обшаривал свое подсознание, пытаясь припомнить слово. Но ничего подходящего в голову не приходило. Поняв, что все его попытки тщетны, Элрик задрожал, лицо его исказилось, а разум замутился. Слово пришло, когда спазмы уже сжимали его горло. Грудь альбиноса тяжело вздымалась.

Элрик выдохнул слово и напрягся как струна. Потом альбинос крикнул:

— Я приказываю тебе... Откройся!

Он знал, что, едва дверь отворится, двоюродный брат узнает о его появлении. Но альбинос пошел на этот риск. Кристалл распух, запульсировал. Его поверхность забурлила, и он начал таять. Он превращался в нечто, лежащее по ту сторону

реалий этой вселенной, по ту сторону времени. Элрик вошел в башню Белнесбета!

Там, в свете сверхъестественного пламени, от которого мурашки бежали по коже, которое сводило с ума, Элрик начал подниматься вверх по лестнице в центральный зал. В башне звучала странная музыка, неприятная музыка — словно кто-то рыдал, всхлипывал, стучал по тонким жестяным листам.

Наверху Элрик увидел Юркуна, сжимавшего в руке рунный меч, такой же, как и у Элрика.

— Исчадие ада! — прошипел Элрик.— Вижу, ты раздобыл Горюн... Хорошо, попробуй его силу против его же брата, если сумеешь. Я пришел убить тебя, Юркун!

Буреносец рванулся вперед со странным стонущим звуком — криком, заглушившим неземную музыку холодного пламени. Рунный меч дрожал в руке Элрика, которому стало тяжело сдерживать свой черный клинок. Собрав воедино все силы, Элрик сделал несколько шагов и нанес Юркуну страшный удар. За спиной альбиноса из языков пламени вырвалась желто-зеленая лава. Казалось, она стремится затопить все: полы, стены, потолок. Двух людей окружали лишь пламя и лава, которая булькала за ним... Принцы драконов были уже вне земли. Они сошлись в последней битве. Лава кипела и грозно поднималась, разгоняя пламя.

Два меча встретились, издав ужасный визг. Элрик почувствовал, как онемела его рука, и меч отвратительно завибрировал. В какой-то миг альбинос почувствовал себя марионеткой. Больше он не был хозяином... Меч сам решал, что делать. Меч, за который держался Элрик, пугающе ревя понесся на своего брата — Горюна, но в последний момент, извернувшись, глубоко рассек левую руку Юркуна. Тот закричал, и страх появился в его глазах. Горюн отразил удар Буреносца и пытался пронзить Элрика, нанести такую же рану, как та, что появилась у его хозяина. Юркун рыдал от боли, но продолжал поединок. Теперь Буреносец ранил его в правый бок. Удар такой силы убил бы любого человека, но не принца драконов. А потом Юркун засмеялся... Он смеялся, словно безумный демон в самых глубоких и грязных глубинах ада. Он сошел с ума... Элрик оказался сильнее Юркуна. Но великое колдовство, которое сотворил кузен альбиноса, сработало: Элрику

показалось, что его сжала гигантская рука. Она сдавливала его, словно желая отомстить за его победу. Из ран Юркуна продолжала хлестать кровь. Он стал отступать, и альбинос увидел вход в главный зал башни. Позади его двоюродного брата что-то зашевелилось. Элрик затаил дыхание. Проснувшаяся Циморил! Ее лицо было перекошено от ужаса, она что-то кричала Элрику.

Меч описал черную дугу, врезавшись в меч Юркуна и отшвырнув узурпатора в сторону.

— Элрик... убери Буреносца! Спрячь его в ножны, или мы опять будем разлучены!

Но даже если бы Элрик мог приказывать свистящему клинку, он бы не убрал его в ножны. Ненависть овладела всем его существом, и он хотел пронзить злое сердце Юркуна мечом, прежде чем спрятать клинок в ножны.

Циморил плакала, умоляя. Но Элрик ничего не мог поделать. Несвязно бормочущий идиот, который недавно был Юркуном из Имррира, повернулся на крик сестры и злобно глянул на нее. Хихикая, он протянул трясущуюся руку к плечу девушки. Она пыталась увернуться, но Юркуном все еще владела злая сила. Воспользовавшись безумием противника, Элрик нанес еще один страшный удар, разрубивший Юркуна почти напополам.

И хотя это и невероятно, после этого удара Юркун остался жив, черпая жизненную силу своего рунного меча. Одним движением узурпатор толкнул Циморил вперед, и она умерла, напоровшись на острие Буреносца.

Только тогда Юркун последний раз зашелся смехом, и его черная душа отлетела в ад.

Башня вернула свои прежние размеры, пламя и лава исчезли. Элрик был ошеломлен... раздавлен... Он смотрел на мертвые тела брата и сестры. И видел только то, что они мертвы... Мужчина и женщина.

Когда до него дошла черная истина, он, словно дикий зверь, взревел от горя. Он убил девушку, которую любил. Рунный меч, выпивший жизненную силу Циморил, выпал из его рук и покатился вниз по ступенькам. Всхлипывая, Элрик присел возле тела своей возлюбленной и взял ее на руки.

— Циморил,— застонал он, дрожа всем телом.— Циморил... Я убил тебя.

Глава 4
ПРЕДАТЕЛЬ

Элрик смотрел на ревущее, вздымающееся и опадающее пламя, охватившее руины Имррира, и подгонял вспотевших гребцов. Судно с поднятым парусом раскачивалось, вздымаясь на волнах, когда встречный ветер бил ему в лоб. Элрик держался за перила, чтобы не вылететь за борт. Он смотрел назад на Имррир и чувствовал, как комок подкатывает к горлу. Альбинос уже осознал, что стал ренегатом и убийцей женщин, хотя и невольным. Он потерял женщину, которую любил, потерял из-за своего слепого желания отомстить. Теперь все кончено... все. Элрик не мог смотреть в лицо будущему, плотно связанному с прошлым, которое сейчас, в настоящем, горело в руинах у него за спиной. Рыдания сотрясали его грудь, но у него не осталось слез, чтобы плакать.

Он думал о Циморил.

Элрик положил ее тело на постель, а потом пламя уничтожило башню. Альбинос вернулся на набережную, нашел тех воинов, которым повезло больше тех, что в беспорядке возвращались на свои корабли, таща добычу и девушек-рабынь, ликуя и приветствуя разрушающее пламя, уничтожающее высокие и прекрасные здания.

Альбинос был причиной гибели последнего осязаемого знака грандиозного великолепия, оставшегося от великой империи. Элрик чувствовал, что большая его часть погребена под развалинами вместе с Имрриром.

Элрик смотрел на Имррир. Великая печаль захлестнула его, когда башня с прекрасным шпилем, пожираемым огнем, рухнула на пылающую землю...

Он стер с земли последний великий монумент древней расы... его собственной расы. Жители Молодых королевств могли когда-нибудь научиться строить крепкие стройные башни, похожие на башни Имррира, но древнее знание погибло в гремящем хаосе рушащегося Грезящего города — города, где обитала раса Мелнибонэ.

А как же повелители драконов? Почему золотые корабли не встретили грабителей? Только пешие солдаты обороняли

город. Может, корабли спрятались в какой-нибудь из потайных пещер и не успели выйти на исходные позиции, когда грабители вошли в бухту? Может, они решили вступить в бой, но были разбиты? Но ведь сделать это было не так-то легко. Теперь разбойничьи корабли уходили. Может, золотые корабли еще только готовили неожиданное нападение? Элрик решил, что такое возможно... А возможно, весь план обороны города строился на появлении драконов? Элрик пожал плечами. Он ничего не рассказывал грабителям о чудовищах, которые столетиями приручались жителями Мелнибонэ. Даже сейчас кто-то мог открыть врата подземных пещер драконов. Он попытался думать о чем-нибудь другом...

* * *

Когда флот варваров выходил в открытое море, Элрик все еще смотрел на Имррир, одновременно отдавая молчаливую дань городу предков и мертвой Циморил. Он снова почувствовал горячие слезы на щеках, когда вспомнил о смерти своей возлюбленной. Циморил предостерегала его, но, оставив ее, он отправился путешествовать по Молодым королевствам, посадив Юркуна на Трон-Рубин. Он покинул Циморил на год. Теперь Элрик проклинал себя. Но тут где-то вдали ударил гром. А потом снова и снова. Эти звуки становились все ближе и ближе. Альбинос обернулся, пытаясь разглядеть источник звуков.

Тридцать золотых боевых кораблей Мелнибонэ появились по обе стороны залива, когда еще десятка два кораблей варваров оставались в лабиринте. Элрик понял, что корабли Имррира прятались в других каналах подземного лабиринта, выжидая, пока флот грабителей пойдет назад, чтобы напасть на него. Огромные боевые галеры — последние корабли Мелнибонэ, тайна постройки которых давно утрачена. Каждое судно имело четыре или пять рядов весел. Флот Мелнибонэ постепенно окружал корабли грабителей.

Флот Элрика отступал, напоминая разлетающиеся в разные стороны стружки, если сравнивать его корабли с великолепными плавающими башнями искрящихся боевых кораблей. Суда Мелнибонэ были хорошо вооружены и готовы к сражению, а

нагруженные корабли грабителей пытались избежать битвы. Существовала только одна возможность спасти хотя бы маленькую часть флота — это Элрик хорошо знал. Он должен призвать волшебный ветер. Большая часть флагманских кораблей собралась вокруг него. Сам он находился на корабле Яариса, юноши, который мертвецки пьяный погиб от ножа имррирской шлюхи из таверны. Рядом с кораблем Элрика шло судно графа Смиоргана. Коренастый мореплаватель хмурился, хорошо зная, что он и его корабли не выстоят в битве против золотых кораблей.

Но вызывать сильный ветер, который мог нести множество судов, было опасно, это высвобождало колоссальные силы, и элементали ветра могли повернуть заклятия против колдуна, если тот будет недостаточно осторожен. Существовал только один шанс... В противном случае тараны, установленные на носах золотых кораблей, разобьют вдребезги кораблики грабителей.

Собравшись с духом, Элрик произнес древние и ужасные руны со множеством гласных — назвал имена существ, повелевающих воздухом. И опять Элрик не рискнул впасть в транс. Он начал различать первые признаки появления элементалей. Альбинос звал их, иногда переходя на крик и завывания, заставляющие содрогаться окружающих. И вот элементали ветра закружили в воздухе. Сердце сильно заколотилось в груди альбиноса, ноги его ослабли. Он призвал все свои силы и произнес заклинание ветра, который тут же забушевал вокруг него, отбросив назад огромные корабли Мелнибонэ. Потом Элрик направил ветер в паруса сорока варварских кораблей. Остальные он спасти не мог.

Но сорок судов спаслись. Среди завывающих звуков ветра альбинос слышал треск мачт. Весла были вырваны из рук гребцов и остались далеко позади — сломанные щепки на белых пенящихся тропинках, которые проложили по морской глади корабли грабителей.

Внезапно грабители вырвались из медленно сжимающегося кольца кораблей Мелнибонэ и с безумной скоростью понеслись в открытое море. Теперь все почувствовали, как изменился воздух, заметили скользящие призрачные тени. В воздухе повисла тревожная напряженность. Люди испытывали недоверие к чужеродным существам.

Смиорган, стоя на палубе своего корабля, улыбнулся Элрику.

— Мы спаслись благодаря тебе, Элрик! — крикнул он через разделяющую их полосу воды.— Я знал, ты принесешь нам удачу!

Элрик молчал.

Повелители драконов, ведомые жаждой мести, бросились в погоню. Золотые корабли Имррира мчались по морю. Их мачты трещали и раскачивались от сильного ветра.

Элрик видел, как могучие абордажные крюки, тускло отсвечивая металлом, полетели с палуб имррирских галер и с глухим стуком, со стоном раздираемого дерева вонзились в борта тех кораблей, которые немного отстали. С кораблей повелителей драконов полетели огненные шары. Опаляющее зловонное пламя лавой зашипело на палубах. Оно прожигало доски, как кислота бумагу. Люди кричали, тщетно пытаясь сбросить горящие одежды. Некоторые кидались в воду и тонули, не переставая полыхать. Горящие корабли и объятые пламенем люди опускались на морское дно, словно рой светлячков.

Палубы кораблей грабителей, которых не тронуло пламя, были залиты красной кровью захватчиков, когда ожесточившиеся воины Имррира перебрались на суда пиратов. Воины Имррира с легкостью орудовали огромными мечами и боевыми топорами, сметая все на своем пути. Имррирские стрелы и дротики летели с нависающих палуб золотых кораблей, сея панику в рядах грабителей.

Элрик видел все это.

Тем временем его судно медленно уходило все дальше, миновав флагман имррирских кораблей, на котором находился адмирал Магум Колим, командующий флотом Мелнибонэ.

Теперь Элрик в свою очередь закричал графу Смиоргану:

— Мы вырвались! Сохраняй прежний курс корабля, иначе мы можем погибнуть!

Но Смиорган не ответил. Он смотрел в небо, ужас застыл в его глазах, в глазах человека, который никогда не знал страха. Элрик с тревогой проследил за взглядом Смиоргана. И тогда он увидел их.

Драконы! Гигантские рептилии были в нескольких милях, но Элрик узнал их силуэты. Размах крыльев этих уже вымирающих чудовищ достигал тридцати футов. Их змеиные тела, от узкой головы до гигантского хвоста-хлыста, достигали со-

рока футов. И хотя из их пастей не вырывались легендарные струйки дыма и языки огня, Элрик знал, что яд драконов легко воспламеняется, когда попадает на дерево или материю.

На спинах драконов сидели воины Имррира. Вооруженные длинными пиками, они хлестали драконов по рогам, управляя гигантскими крылатыми тварями. Драконы пролетели над бушующим морем к ближайшему золотому кораблю. Они стали кружить над огромной флагманской галерой. Крылья чудовищ били по воздуху, издавая похожие на сухой треск звуки.

Драконы в серо-зеленой чешуе парили над золотым кораблем, и казалось, что именно из-за них вскипает в море пена. Элрик четко видел всадника дракона, зависшего над флагманским кораблем. К пике, которой воин управлял драконом, был прикреплен штандарт с черно-желтыми молниями.

Это был Дувим Твар, друг Элрика, хранитель драконьих пещер. Он прилетел, чтобы отомстить за разрушенный Имррир.

Элрик крикнул Смиоргану:

— Вот это действительно опасно! Постарайся отразить это нападение!

Доспехи загрохотали, когда грабители стали готовиться к новой атаке. Волшебный ветер почти не давал преимущества перед быстро летящими драконами. Дувим Твар, очевидно, посовещался с Магумом Колимом, а потом его копье хлестнуло дракона по шее. Огромная рептилия дернулась вверх и начала набирать высоту. Еще одиннадцать драконов присоединились к ней.

С кажущейся медлительностью драконы догоняли флот грабителей, а воины Молодых королевств молились богам об избавлении от опасности.

Но они были обречены. Спастись, казалось, было невозможно. Все грабители должны были погибнуть...

Элрик видел отчаяние на лицах друзей. Мачты пиратских кораблей по-прежнему сгибались под ударами колдовского ветра. Грабители ничего не могли сделать — только умереть.

Альбинос попытался сосредоточиться. Он вновь вытащил меч и почувствовал, как пульсирует рунное лезвие. Злые силы таились в украшенном рунами Буреносце. Но теперь Элрик ненавидел эту силу... Колдун знал, как много сил черпает он из черного меча своих предков и насколько слаб без колдовского клинка. Горько и одиноко было ему, когда страх развеял

туман в мозгу. Он проклял свое желание отомстить; проклял день, когда согласился повести грабителей на Имррир, и с ненавистью предал проклятью Юркуна и его двойную измену, которая послужила причиной этого разрушительного рейда.

Но поздно было сыпать проклятиями. Громкие хлопки крыльев драконов наполнили воздух. Чудовищные тени легли на корабли грабителей. Элрик не знал, как поступить. Хотя ему была безразлична жизнь, он не хотел погибнуть от руки своего же соплеменника...

— Я убью себя сам,— пробормотал Элрик. Он принял это решение, потому что ненавидел себя.

Когда драконий яд хлынул вниз и поджег один из спасшихся кораблей флота грабителей, Элрик вновь призвал колдовские ветры.

Он старался вложить все силы, посылая ветер в парус своего корабля, тогда как его товарищи, внезапно оказавшиеся в полосе штиля, недоумевали, пытаясь понять, что произошло. Корабль Элрика стал набирать скорость. Корабль альбиноса мог бы даже скрыться от драконов. Во всяком случае, альбинос очень на это надеялся.

Элрик покинул людей, которые доверяли ему, и смотрел, как на их суда с неба льется яд, окутывая корабли зеленым и красным пламенем. Элрик, спасаясь бегством, старался не думать о будущем и горько рыдал — гордый император руин. Он проклинал богов за тот черный день, когда, пресытившись обычными забавами, они создали человека.

Позади Элрика ярко вспыхнул последний из кораблей грабителей. Команда корабля Элрика, благодаря его за счастливое спасение, осуждающе смотрела на альбиноса. А Элрик рыдал. Великое горе терзало его душу.

* * *

Поздно ночью у берегов Пан Танга, где корабль укрылся от ужасного возмездия повелителей драконов и их тварей, Элрик, стоя на корме, размышлял, а воины его корабля со страхом и ненавистью поглядывали на него, называя за глаза предателем и бессердечным трусом. Они словно забыли о собственных страхах и о том, что он спас их.

Элрик, размышляя, сжимал двумя руками черный рунный меч. Буреносец был необычным оружием. Альбинос знал это, но не подозревал, что рунный меч чувствует гораздо больше, чем считал его хозяин. Меч сам использовал своего владельца, принудив Элрика убить Циморил. Конечно, альбинос сильно зависел от меча и сознавал это. Элрик боялся своего меча... и горько ненавидел его за хаос, который тот породил в душе колдуна. Элрик держал меч в руках, пытаясь обдумать все возможности. Без зловещего клинка он рано или поздно проиграет... возможно, погибнет... но зато сможет обрести покой; с мечом он имеет великую силу и власть... Но из-за меча проклятие обрушится на его душу. Приобретая власть, он навсегда лишит себя покоя.

Альбинос печально вздохнул и бросил меч в залитое лунным светом море.

Меч не утонул и даже не поплыл по воде. Он вонзился в волну и застрял в ней. А потом Буреносец издал неземной визг и злорадно завыл.

Проклиная весь мир, Элрик протянул руку, пытаясь достать рунный клинок. Он наклонялся все ниже и ниже, перегибался через перила, но не мог дотянуться до меча. Задыхаясь, Элрик лег на бок, опустил руку в ледяную воду, поражаясь тем усилиям, которые прилагает, чтобы вытащить меч. Альбинос был побежден... меч выиграл!

Элрик схватил меч за рукоять. Снова держал он Буреносца в руках и чувствовал, как силы медленно вливаются в его измученное тело. Потом колдун понял, что он и меч прочно связаны друг с другом. Хотя он сам нуждается в мече, Буреносец тоже должен иметь определенного хозяина... Без этого человека меч теряет свою силу.

— Значит, будем держаться друг друга, скованные цепями ада и судьбы. Пусть будет так... И люди будут дрожать от страха и прятаться, едва заслышав об Элрике из Мелнибонэ или Буреносце — его верном мече. Нас двое... Так пусть нас ненавидят!

Вновь обретя силу, Элрик засунул Буреносца в ножны, и меч успокоился у колдуна на боку. А потом, прыгнув в воду, Элрик могучими гребками поплыл к берегу. Люди, которых он оставил на корабле, с облегчением вздохнули, размышляя, доплывет ли альбинос до берега или погибнет в суровых водах этого странного безымянного моря...

Часть 6
КОГДА БОГИ СМЕЮТСЯ

...Элрик вновь попытался узнать, чтб ждет его, но боги посмеялись над ним...

«Хроника черного меча»

Глава 1
КНИГА МЕРТВЫХ БОГОВ

Однажды ночью, когда Элрик сидел в таверне, напиваясь в одиночестве, вдруг, выскользнув из бури, бушующей снаружи, в зал вошла бескрылая, но грациозная женщина из Мурхуна. Она уселась за стол напротив альбиноса.

У нее было узкое лицо с такой же белой кожей, как у Элрика. Она носила светло-зеленые одежды, красиво гармонировавшие с ее темно-красными волосами.

В таверне, освещенной множеством свечей, звучали заунывные песни и громкий смех, но слова женщины из Мурхуна перекрыли остальной шум.

— Я искала тебя двадцать дней,— сказала она Элрику, который, откинувшись на спинку жесткого стула, безучастно глядел на женщину. Его правая рука с длинными пальцами сжимала серебряную винную чашу, а левая лежала на эфесе рунного меча — Буреносца.

— Двадцать дней,— тихим шепотом повторил мелнибониец, словно разговаривал сам с собой.— Красивые и одинокие женщины всегда удивляли мир.

Он внимательно посмотрел на женщину.

— Я — Элрик из Мелнибонэ, как ты, очевидно, знаешь. Для всех людей я чужой, никого не интересую. Заруби это себе на носу. А теперь скажи, зачем ты искала меня двадцать дней?

Женщина ответила спокойно, словно не замечая грубого тона альбиноса:

— Ты, Элрик,— злой человек. Я это знаю. Ты приносишь несчастья. Об этом уже сложены легенды. Я не ищу твоей помощи и пришла к тебе с предложением. Что ты хочешь больше всего на свете?

— Покоя,— просто ответил Элрик. Потом он иронично улыбнулся и добавил: — Я — злой человек, и моя судьба — судьба проклятого адом. Я не мудрый и не порядочный человек. Давай я расскажу тебе немного правды. Потом, если захочешь, можешь рассказывать это как легенду, меня это не волнует. Год назад мой меч убил женщину.— Тут Элрик провел пальцами по мечу, и взгляд его внезапно стал жестоким и насмешливым.— С тех пор я не ухаживал ни за одной женщиной и не собираюсь этого делать. Почему я должен менять свои привычки? Если я и рассказываю это тебе, то лишь потому, что ты показалась мне чувствительной дамой, красивой и грациозной. Но я не желаю обременять черным грузом своей души такую изысканную женщину, как ты. Если вдруг отношения между нами лишатся чисто делового интереса, то я невольно взвалю на тебя часть своей ноши.— Он сделал паузу, а потом медленно продолжал: — Признаюсь, что иногда кричу во сне и часто становлюсь отвратительным и жестоким из-за своих воспоминаний... Уходи и забудь Элрика, иначе он принесет тебе несчастье.

Он опустил взгляд и, взяв свою серебряную чашу, осушил ее. И вновь наполнил ее из кувшина.

— Нет,— печально заявила бескрылая женщина из Мурхуна.— Я не хочу покидать тебя. Пойдем со мной.

Она поднялась и нежно потянула Элрика за руку. Не понимая почему, Элрик позволил ей вывести себя из таверны туда, где бушевала буря. Дождя на улице не было. Только ветер бесчинствовал в городе Расчила в стране Филкхарии. Снисходительная ироничная улыбка играла на губах альбиноса, когда женщина повлекла его к морю. На набережной она сказала ему свое имя — Шари из племени танцующих в тумане, бескрылая дочь умершего колдуна, занимавшегося оживлением мертвых... калека в своей земле и изгнанница.

Элрик почувствовал себя неуютно под взглядом печальных глаз девушки, которая сказала ему всего несколько слов. Он почувствовал, как внутри него поднимается какое-то чувство, о котором он думал, как об утерянном навсегда. И тогда он захотел прикоснуться к ее хрупким плечам, прижать к себе ее стройное тело. Но он подавил это желание и стал внимательно рассматривать Шари, ее мраморное, изящное тело, ее длинные волосы, которые развевались на ветру.

Тишина повисла в воздухе, тогда как безумный ветер, рыдая о какой-то неведомой беде, завывал над морем. Здесь Элрик мог забыть запахи городского зловония и расслабиться. Девушка перевела взгляд с альбиноса на бурлящее море и спросила:

— Ты, конечно, слышал о книге мертвых богов?

Элрик кивнул. Ее слова заинтересовали его. Живущий в ненависти альбинос почувствовал, насколько стал нелюдимым. О книге мертвых богов говорили, что в ней записаны знания, которые могли помочь решить множество проблем, столетиями мучивших людей. Книга содержала множество могущественных заклятий и заклинаний, которые любой чародей хотел бы заполучить. Но книга была уничтожена. Ее забросили на солнце, когда умерли старые боги... Другая легенда, появившаяся позже, туманно намекала, что Темные перехватили книгу в ее пути на солнце. Большинство людей не были согласны с этой легендой, полагая, что если бы эта книга существовала, то это уже давно стало бы известно.

Элрик прямо спросил Шари:

— Почему ты заговорила о книге?

— Я точно знаю, что она существует! — воскликнула девушка.— Я даже знаю, где она. Мой отец выяснил это перед смертью. Я... и книга... если ты поможешь мне ее достать, она будет нашей общей.

«Может быть, в этой книге находится ответ на мой вопрос: как обрести покой? — подумал Элрик.— Может быть, если я найду ее, то смогу расстаться с Буреносцем?»

— Если ты так хочешь ее заполучить, почему же ты не попыталась сама достать ее? — спросил альбинос.

— Потому что я боюсь в одиночку владеть такой вещью. Это слишком большая ценность для одинокой женщины, а ты, кажется, последний чародей в этом мире. Тебе она будет нужней. С другой стороны, ты просто мог бы убить меня, чтобы завладеть такой книгой... Никогда бы я не была в безопасности, владей я этой книгой. К тому же мне нужна всего лишь малая часть того, что содержится в ней.

— Что именно? — спросил Элрик, любуясь утонченной красотой Шари и чувствуя, как в нем пробуждаются новые силы.

— Когда мы получим книгу... тогда ты узнаешь ответ на свой вопрос. Но не раньше.

— Хороший ответ,— отозвался Элрик, поняв, что большего не узнает.— Такой ответ устраивает меня.

Прежде чем он понял, что делает, он обнял Шари за плечи своими бледными руками и поцеловал ее.

* * *

Элрик и Шари ехали на восток к Безмолвной земле по покрытым буйной растительностью равнинам королевства Шазар, куда приплыли двумя днями раньше. Не заселенные человеком плодородные земли. Жители Шазара намеренно не расширяли границ своего государства, хотя в Безмолвной земле за Туманными болотами вообще никто не жил. Жители Шазара испытывали суеверный страх перед теми местами.

Их путешествие проходило гладко и быстро, хотя несколько встретившихся им путников, ничего не знавших о цели Элрика и Шари, предупреждали их об опасности. Элрик много размышлял, временами замечая зловещие знаки судьбы, но ничего не говорил своей спутнице, которая, казалось, была довольна молчанием альбиноса. Они мало разговаривали днем, а ночью любили друг друга с безумной страстью.

С глухим стуком копыта их коней ступали по мягкому торфу, скрипела и шуршала упряжь — единственные звуки, которые нарушали тишину ясного зимнего дня, когда путешественники выехали к полным предательских тропинок Туманным болотам.

* * *

В один из мрачных вечеров они достигли границы Безмолвной земли и остановились, поднявшись на возвышенность. Там они разбили лагерь, поставили шелковый шатер на вершине холма, откуда хорошо были видны затянутые туманом болота.

Словно черные подушки, по небу плыли зловещие облака. Вскоре луна скрылась за ними. Иногда она выглядывала, чтобы бросить бледный луч вниз на сверкающие болота или обрывистые, поросшие травой берега. Один раз лунный луч затанцевал серебром на черном силуэте Элрика, словно высве-

чивая его, чтобы объявить о его появлении живым существам, живущим на отрогах далеких безрадостных гор. Когда луна вновь скрылась за облаками, Элрик глубоко задумался.

Над отдаленными горами гремел гром, и его звуки напоминали альбиносу смех далеких богов. Но вот Элрик пожал плечами и поплотней закутался в голубой плащ, продолжая разглядывать туманные земли, лежащие внизу.

К альбиносу подошла Шари. Она встала рядом с ним, завернувшись в толстый шерстяной плащ, который не мог уберечь ее от сырого холодного воздуха.

— Безмолвная земля,— прошептала она.— Элрик, неужели то, что о ней говорят,— правда? Что знали об этих землях в древнем Мелнибонэ?

Элрик нахмурился. Ему не понравилось то, что Шари сбила его с мысли. Повернувшись, он взглянул на девушку. Помолчав мгновение, он ответил:

— Здесь обитают нелюди, которых все боятся. Это я точно знаю. Несколько человек отважились путешествовать по этим землям, но, насколько мне известно, никто не вернулся. Даже в те дни, когда Мелнибонэ был могущественной империей, на эти земли власть моих предков не распространялась. Мои предки не пожелали править этой страной. Те, кто живут в Безмолвной земле, обречены на тяжелую борьбу за выживание. Они — еще большее зло, чем мои предки, наслаждавшиеся своим господством над всем человечеством. В наши дни нелюди не рискуют покидать свои владения, окруженные этими болотами и горами.

Шари засмеялась, заметив:

— Значит, они — нелюди? Тогда что можно сказать о моем народе? И обо мне, а, Элрик?

— Для меня ты — человек,— беззаботно ответил альбинос, посмотрев в глаза девушки.

Она улыбнулась.

— Не надо комплиментов. Мне хватит, если ты будешь следить за тем, что говоришь.

Этой ночью они спали беспокойно. Как Элрик и опасался, он задыхался во сне, словно в агонии, взывая к Циморил, чем наполнил сердце Шари болью и ревностью. Хотя Элрик и спал, глаза его были широко открыты. Он бормотал какие-то слова

на непонятном языке, от звуков которого Шари била дрожь. Она затыкала уши, чтобы не слышать этих слов.

* * *

На следующее утро, когда путешественники собирали шатер, складывая шуршащую желтую ткань, Шари старалась не смотреть на Элрика, но позже, когда он даже не сделал попытки заговорить с ней, она задала ему вопрос, который ей необходимо было задать, но который она выдавила из себя с большим трудом:

— Почему ты ищешь книгу мертвых богов, Элрик? Что ты хочешь найти в ней?

Элрик вздрогнул, пропустив ее вопрос мимо ушей, но она повторила его более медленно, настаивая на ответе.

— Ладно,— наконец отозвался альбинос.— Мне тяжело ответить в нескольких словах... Я хотел бы узнать одну вещь.

— Какую?

Альбинос наклонился и положил свернутый шатер на траву, потом глубоко вздохнул. Его пальцы нервно теребили рукоять меча.

— Можно избежать приговора богов... или нет? Вот что я должен узнать, Шари. Пойдет ли моя жизнь и дальше наперекосяк?

— Но повелители Хаоса и Порядка больше не правят нашими судьбами! Хотя, может, существует что-то более важное...— Шари положила руку на плечо Элрика.— Что тебя беспокоит?

— Порой я впадаю в отчаяние. Я ищу милости богов, Шари. Иногда просыпаюсь ночью и ловлю себя на мысли, что схожу с ума, занимаясь поисками неведомого по ту сторону черных бесплодных земель воображения... Я ищу кого-то... что-то, что даст мне тепло, поможет мне, подскажет, что делать в этой несущейся кувырком вселенной. Может, согласует мои действия с движением планет. Я устал идти от приключения к приключению в этом злорадном хаосе жизни,— Элрик вздохнул. Теперь в его спокойном голосе зазвучали нотки беспомощности и бессилия.— Не имея никаких указателей, единственное, что мне остается — принять Хаос. Но если я стану

пировать среди Хаоса, я хочу знать, что это мне предопределено звездами... Что наше краткое существование обречено и бессмысленно! Я допускаю такое положение вещей. Допускаю, что мы просто покинуты богами. Я взвешивал доказательства этого и должен был бы поверить в самоопределение судеб человеческих, вопреки всем законам, которые установили мои предки, вопреки колдовству и логике. В мире я видел лишь Хаос! Если книга скажет мне иное, я буду только рад поверить ей. А до тех пор я буду полагаться лишь на себя и свой меч.

Шари странно посмотрела на Элрика.

— Разве такая философия не повлияла на результаты событий в твоем прошлом? Разве твои страхи не следствие твоих преступлений и знаний? Разве не проще тебе было бы верить в Хаос?

Элрик повернулся к девушке. Его темно-красные глаза сверкали от ярости, но, когда он заговорил, ярость покинула его. Он опустил взгляд.

— Возможно,— устало согласился он.— Я не знаю. Это правда, Шари. Я не знаю ответа на свой вопрос.

Шари кивнула. На ее лице было написано понимание, но Элрик не разглядел этого. Его глаза наполнились слезами, которые потекли по его белому лицу. Но это оказалась лишь минутная слабость.

— Я проклят судьбой,— продолжал альбинос.— Без дьявольского меча я и вовсе не человек.

Глава 2
МУНГЛУМ ИЗ ЭЛВЕРА

Элрик и Шари сели на вороных коней и, пришпорив их, быстро понеслись вниз с холма. Плащи развевались у них за спиной. Оба ехали со спокойными твердыми лицами, забыв про боль, которая затаилась в их душах.

Копыта лошадей завязли в дрожащем мху болот.

Сыпля проклятиями, Элрик натянул поводья, поворачивая коня назад на твердую почву. Шари тоже развернула коня и последовала за альбиносом на безопасное место.

— Как нам пересечь болота? — нетерпеливо спросил у девушки Элрик.

— Есть карта...— заколебавшись, начала Шари.

— Где она?

— Она... Она потерялась... Я потеряла ее. Но я хорошо ее запомнила. Думаю, я смогу найти безопасную дорогу.

— Как ты ее найдешь... И почему ты не сказала об этом раньше? — возмутился Элрик.

— Извини, Элрик... Я обнаружила это в тот самый день... перед тем, как встретила тебя в таверне. Тогда прошел целый день, прежде чем я обнаружила пропажу, а потом уже было поздно.

Элрик нахмурился.

— Некие силы пытаются помешать нам, я уверен,— прошептал он.— Но какие, я не знаю.— Потом он заговорил своим обычным голосом: — Будем надеяться, что у тебя хорошая память. Эти болота обладают весьма гнусными свойствами, хотя, по общему мнению, впереди нас ждут только естественные препятствия.

Он скорчил гримасу и провел пальцами по рукояти рунного меча.

— Давай, двигай первой, Шари, но держись ближе ко мне. Вперед!

Она кивнула и, повернув коня на север, галопом поскакала вдоль болота, пока не подъехала к неясно вырисовывающемуся силуэту скалы. Здесь начиналась поросшая травой дорожка в четыре фута шириной, которая вела в сердце туманной топи. Видимость была плохой из-за густого тумана, но дорожка казалась достаточно надежной. Шари повела своего скакуна вперед. Элрик последовал за ней.

Кони брели через клубящийся туман, отсвечивающий белизной. Всадники держали их на короткой узде. Туман был мягким и мерцал. Над болотом царила полная тишина.

Болотная вода в лужицах у дорожки страшно воняла. Не было видно животных. Птицы не кричали над головами путешественников.

Элрик и Шари углублялись все дальше и дальше в туманные болота. Их глаза настороженно вглядывались в белую муть, а ноздри раздувались от запаха опасности, пронизывающего зловонные болота.

Через час, когда солнце находилось почти в зените, конь Шари, заржав, встал на дыбы. Девушка закричала. Ее лицо

исказилось от страха, когда она увидела что-то впереди в тумане. Альбинос хлестнул своего коня, поскакал вперед, поровнявшись с Шари.

Что-то медленно, лениво двигалось в туманной белизне. Правая рука Элрика метнулась к поясу и сжала рукоять Буреносца.

Клинок, взвыв, выскользнул из ножен. Черное пламя замерцало по всей его длине, и чужая сила потекла в Элрика. Колдовской нечестивый свет вспыхнул в темно-красных глазах альбиноса, его рот скривился в жуткой ухмылке, пока он боролся с конем, заставляя его идти дальше в туман.

— Ариох, повелитель седьмого круга ада, будь со мной! — воскликнул Элрик, когда заметил впереди расплывчатые контуры фигуры. Тварь была белесой, как туман, и имела примерно восемь футов в высоту и столько же в ширину. Но альбинос видел лишь контур. Казалось, у чудовища нет ни морды, ни конечностей. Но как стремительно оно двигалось! А Ариох, бог, которому поклонялся Элрик, похоже, не слышал зова своего слуги.

Шари что-то кричала позади, но альбинос не слышал ее слов. Со всего размаха рубанул он белую тень. Но его меч рассек лишь туман и поэтому злобно взвыл. Обезумевший от страха конь не желал сдвигаться с места, и Элрику пришлось спешиться.

— Оставайся в седле! — прокричал он Шари и легким шагом направился к смутной фигуре, которая, покачиваясь впереди, загораживала дорогу.

Теперь ему удалось рассмотреть чудовище. Два глаза цвета сухого вина располагались в верхней части тела, ниже зияла огромная пасть, полная клыков. Ни носа, ни ушей Элрик не заметил. Четыре придатка выступали из верхней части тела чудовища, которое скользило по земле без помощи конечностей. Глаза Элрика заныли от напряжения, ему приходилось пристально всматриваться, чтобы различить черты чудовища, скрывающегося в тумане. Тварь представлялась невыразимо омерзительной. От ее расплывшегося тела несло гнилью. Борясь со страхом, альбинос осторожно пошел вперед, высоко занеся меч, чтобы отразить любое нападение чудовища. Элрик узнал его по описанию, которое прочел в одной из колдовских

книг. Великан тумана... возможно, единственный великан тумана — Белбан. Даже самые мудрые колдуны не знали, сколько их существовало... один или много. Призрак бесплотных земель, он питался душами и кровью людей и животных. Но эти болота находились далеко от тех мест, где встречали Белбана.

Теперь Элрик понял, почему животные покинули эти болота.

Небо над головой начало темнеть.

Буреносец задрожал в руке альбиноса, когда тот начал выкрикивать имена древних богов-демонов своего народа. Омерзительный упырь Белбан, казалось, тоже узнал некоторые имена. Тварь снова отпрянула назад. Элрик подался следом за ней. Теперь он понял, что тварь не совсем белесая. Но он так и не смог точно распознать, какого она цвета. Тошнотворная смесь оранжевого и зеленовато-желтого. Альбинос не мог рассмотреть цвет твари... он лишь чувствовал чуждые человеку оттенки. Тогда Элрик бросился вперед, выкрикивая имена, которые сами всплывали в его сознании.

— Балаан... Мартим! Эсма! Аластор! Саэбос! Верделет! Низилкам! Габорум из огней, которые разрушают!

Его разум раскололся на две части, одна из которых хотела унести Элрика прочь. Но альбинос уже покорился вызванным силам, овладевшим им и толкавшим навстречу кошмару. Его меч кромсал тварь. Но это было то же самое, что резать воду... чувствительную, пульсирующую воду. Буреносец не мог разделаться с этой тварью. Тело упыря трепетало, словно тот испытывал сильнейшую боль. Одна из конечностей твари, обвившись вокруг торса Элрика, подняла его над землей, и он забился в воздухе. Теперь он ничего не видел... только рубил и резал тварь, схватившую его.

Пот градом катился по лицу альбиноса. Ослепший Элрик продолжал бороться.

Сильная, ужасная боль... Она переполнила все его существо, и альбинос захрипел, словно в агонии, продолжая крушить вонючий студень, который, сжав Элрика, медленно подтаскивал его к разинутой пасти. Принц боролся, вырываясь из грубых лап чудовища. Тварь же держала Элрика могучими конечностями и сладострастно тянула альбиноса все ближе и ближе, как грубый любовник притягивает девушку. Даже мо-

гучая сила, сокрытая в рунном мече, не могла убить чудовище, хотя, казалось, тварь несколько ослабела.

Элрик опять воззвал к богам. Буреносец танцевал и пел злую песню в его правой руке. Теряя последние силы, альбинос умолял, просил, сулил, но дюйм за дюймом приближался к скалящейся пасти.

Озверев, он продолжал борьбу, но теперь звал только Ариоха. И вдруг почувствовал прикосновение бога... насмешливое, могучее, злое... Он понял, что Ариох ответил ему! Почти сразу же хватка великана тумана ослабла. Элрик понял — упырь теряет силы. Ослепленный, с каждым нервом, пронзенным болью, альбинос рубил и рубил.

Потом внезапно он начал падать...

Ему показалось, он падал часами. Его невесомое тело парило в воздухе, пока не опустилось на упругую поверхность, и та разверзлась. Элрик начал тонуть.

Далеко, вне времени и пространства, кто-то кричал, звал его. Но Элрик ничего не хотел слушать. Он лежал на чем-то мягком, холодном и медленно погружался...

Потом некое чувство подсказало ему, что это голос Шари. Девушка звала именно его. Альбинос собрал все силы, пытаясь разобрать ее слова.

— Элрик... болото! Ты в трясине... Не двигайся!

Он улыбнулся. Зачем ему двигаться? Он тонет — медленно, постепенно... погружается в спокойное болото...

Затем Элрик мысленно встряхнулся, просыпаясь, и постепенно понял, что происходит. Он открыл глаза. Вокруг стелился туман... Недалеко от Элрика медленно испарялась лужа неопределенного цвета. От нее исходил запах гнили и тлена. Затем альбинос увидел Шари, которая отчаянно махала руками. Позади нее темнели силуэты двух коней.

Шари... А он...

А он в болоте.

Вязкая зловонная жижа засасывала Элрика. Он, раскинувшись, лежал на болотной постели. Буреносец был зажат в его правой руке. Альбинос увидел это, слегка повернув голову. Он попытался осторожно вытащить тело из болота, приподнял туловище, но ноги мгновенно завязли еще глубже. Усевшись, Элрик прокричал:

— Шари! Быстрее... веревку!

— У меня нет веревки, Элрик!

Она судорожно рванула подол своего одеяния.

Элрик тонул. Его ноги не могли найти твердой опоры.

Шари спешно связывала куски ткани крепкими узлами, а потом неумело бросила веревку тонущему альбиносу. Но та не долетела до цели. Девушка торопливо повторила бросок. На этот раз Элрик поймал веревку левой рукой. Девушка стала тянуть. Элрик уже чувствовал, что вот-вот освободится, но Шари неожиданно отпустила веревку.

— Не получается, Элрик... у меня не хватает сил!

Мысленно проклиная ее, Элрик закричал:

— Конь... привяжи веревку к седлу!

Девушка подбежала к одному из коней и затянула веревку вокруг луки седла, потом дернула за поводья, и конь пошел по тропинке.

Элрика вытянуло из трясины. Он по-прежнему крепко сжимал в правой руке Буреносец.

Оказавшись на краю тропинки, он попытался встать, но ноги не держали его. Наконец альбинос, покачиваясь, поднялся и тут же упал опять. Шари кинулась к нему.

— Ты ранен?

Элрик улыбнулся.

— Не думаю.

— Это так ужасно! Я ничего толком не могла рассмотреть... Ты исчез, а потом... потом ты закричал... Это... это имя...

Она задрожала, ее лицо побледнело и напряглось.

— Какое имя? — удивился Элрик.— Чье имя я выкрикивал?

Она помотала головой.

— Это неважно... Там еще что-то было... Оно спасло тебя... Ты неожиданно появился в воздухе и упал в болото...

Силы из Буреносца продолжали вливаться в тело альбиноса. Он почувствовал себя гораздо лучше.

Элрик поднялся и, пошатываясь, побрел к коням.

— Уверен, что великан тумана обычно не охотится в этом болоте. Что-то пригнало его сюда. Что... или кто... Не знаю. Надо поскорее выбираться на твердую почву.

— Куда пойдем? — спросила Шари.— Назад или вперед?

Элрик нахмурился.

— Конечно, вперед. Почему ты спрашиваешь?

Она лишь сглотнула.

— Тогда поспешим,— наконец смогла произнести она.

Путешественники сели на своих скакунов и быстро помчались по болоту, вскоре оставив его за спиной. Зная, что некие силы пытаются помешать им, путешественники, выбравшись из болота, немного передохнули, а потом опять помчались вперед, не щадя усталых коней.

На пятый день пути, когда они преодолели границу горной страны, усталых путников ждали новые испытания.

Неожиданно пошел дождь.

Твердая почва стала скользкой, и теперь им приходись ехать, прижавшись к шеям скакунов. Путешественники кутались в плащи, но те не спасали от моросящего дождя. Они ехали не разговаривая, пока не услышали призрачный лай впереди и цокот копыт.

Элрик направился к огромной скале.

— Спрячемся здесь,— приказал он.— Что-то приближается... Возможно, это враги. Если повезет, они не заметят нас.

Шари молча согласилась с ним, и они, притаившись за скалой, стали ждать. Лай раздавался все ближе и ближе.

— Один всадник... несколько зверей,— объявил Элрик, прислушиваясь.— Звери преследуют всадника.

Потом путешественники увидели человека, неистово пришпоривавшего обезумевшую лошадь. А следом за ним неслась стая зверей, которых альбинос сначала принял за собак. Но это были не собаки, а удивительные полупсы-полуптицы с тощими лохматыми телами и лапами собак, но с птичьими когтями и жуткими кривыми клювами.

— Охотничьи собаки *дхарзи*! — выдохнула Шари.— Я думала, они, как и хозяева, больше не существуют.

— Я тоже так думал,— отозвался Элрик.— Что они делают в здешних краях? Ведь между *дхарзи* и обитателями этих земель никогда не было никаких ссор.

— Их привели сюда для...— Шари замолчала на полуслове.— Я уверена: эти собаки-дьяволы искали нас.

Элрик потянулся к рунному мечу.

— Тогда мы ничего не потеряем, если поможем их жертве,— решил он, пришпоривая жеребца.— Подожди здесь, Шари.

В это время дьявольская стая и человек, которого они преследовали, промчавшись мимо скалы, где укрылись путешественники, понеслись по узкому ущелью. Элрик поскакал за ними.

— Эй! — окликнул он всадника.— Остановитесь, мой друг... Я помогу вам!

Альбинос вытащил поющий меч и налетел на огрызающихся, завывающих дьявольских псов. Копыта его коня ударили, сломав хребет одному из зверей. Оставалось пять или шесть тварей. Незнакомец повернул свою лошадь и вытащил из ножен длинную саблю. Маленький человечек с широким уродливым ртом облегченно усмехнулся.

— Как удачно, что мы встретились.

Это было все, что успел сказать незнакомец, прежде чем две собаки прыгнули на него. Он использовал всю свою ловкость, чтобы увернуться от их острых когтей и огромных клювов.

Другие три собаки кинулись на Элрика. Одна из них высоко подпрыгнула, целясь в горло альбиноса. Принц, почувствовал на лице дыхание твари, описал мечом дугу и разрубил собаку на две части. Грязная жижа забрызгала Элрика и его коня. Запах крови разъярил остальных собак, но эта же кровь заставила танцевать и петь рунный меч, который рвался из рук Элрика. Черный клинок заколол другую чудовищную собаку, войдя ей под ребра, когда та бросилась сзади на альбиноса. Тварь завыла в агонии и защелкала клювом, пытаясь выхватить меч из рук принца. Когда клюв коснулся сверкающего черного металла, запахло горелым. Зверь пронзительно завизжал.

Вступив в схватку с оставшимися дьявольскими псами, Элрик бросил мимолетный взгляд на обуглившийся труп. Конь альбиноса встал на дыбы, ударив первого приближающегося зверя мощными копытами. Собака отскочила в сторону и подобралась к Элрику с левой стороны. Альбинос изогнулся в седле, и меч, со свистом разрезав воздух, обрушился на череп пса. Кровь и мозги брызнули на землю. Остававшийся в живых пес попытался огрызнуться, но Элрик, не обращая внимания на эту тщетную атаку, помчался на подмогу маленькому человеку, который, расправившись с одним из своих противников,

с трудом сдерживал натиск второго пса, схватившего его саблю клювом, зажав ее возле рукояти.

Когти твари тянулись к горлу маленького человека, тогда как тот старался вырвать оружие. Элрик ринулся вперед, нацелив рунный меч на пса, повисшего на сабле. Буреносец вонзился в нижнюю часть брюха зверя и дернулся вверх, разрезая тварь пополам. Чудовище разжало клюв и, извиваясь, упало на землю. Конь Элрика втоптал собаку в грязь. Тяжело дыша, альбинос спрятал Буреносец и настороженно приветствовал человека, которого спас. Элрик не любил случайных знакомств и постарался избежать благодарности коротышки.

Незнакомец, однако, обманул ожидания альбиноса. Его большой уродливый рот растянулся в улыбке. Человек склонился в седле, засовывая кривую саблю в ножны.

— Благодарю,— легко произнес он.— Без твоей помощи битва могла затянуться. Но ты лишил меня хорошего развлечения. Надеюсь, ты действовал из благородных побуждений. Меня зовут Мунглум.

— А я — Элрик из Мелнибонэ,— представился альбинос, не уловив никакой реакции на маленьком лице своего нового знакомого. Это было странно. Имя Элрика знали во всем мире. История о его предательстве, о том, как он убил своего двоюродного брата и свою возлюбленную Циморил, передавалась из уст в уста в Молодых королевствах. Ах, как Элрик ненавидел эти разговоры! А то, что он — альбинос, не давало ему затеряться среди людей.

Заинтригованный равнодушием Мунглума, Элрик почувствовал странную симпатию к дерзкому маленькому всаднику и принялся разглядывать того, пытаясь определить, из каких земель тот родом. Мунглум не носил доспехов, его одежды были из полинявшей синей материи, испачканные и изношенные за время путешествий. На крепком кожаном поясе висели сабля, кинжал и вязаный кошель. Мунглум носил высокие сапоги из хрустящей кожи. Упряжь на его лошади была старой, хотя и хорошего качества. Сам же коротышка, уверенно сидящий в седле, был не более пяти футов роста, с очень длинными, по сравнению с его хрупким телом, ногами. Курносый нос, серо-зеленые глаза, большие и невинные. Ничем не сдерживаемая копна темно-рыжих волос падала на лоб и закрывала

шею. Он уверенно сидел в седле. Увидев приближающуюся к ним Шари, он улыбнулся.

Мунглум галантно поклонился, когда девушка остановилась рядом с ним.

Элрик холодно представил:

— Госпожа Шари... Господин Мунглум из...

— Из Элвера...— подсказал Мунглум.— Из торговой столицы востока... крупнейшего города мира.

Теперь Элрик все понял.

— Ты из Элвера? Я не знаю о тех местах. Это новый город, построенный несколько столетий назад?.. Далеко же ты забрался.

— И впрямь...

— Зачем же ты отправился в эти края? Разве ты не знаком с легендами об этих местах? — настороженно спросила Шари.

— Эти легенды и привели меня сюда. Я как раз пытался разобраться, что в них правда, что вымысел, когда противные ублюдки накинулись на меня. Понятия не имею, почему они решили погнаться за мной. Воистину, это — варварские земли...

Элрику стало не по себе. Легкая беседа, которой наслаждался Мунглум, не понравилась альбиносу. Но вопреки этому Элрик понял, что этот человек симпатичен ему все больше и больше.

Мунглум предложил, чтобы они продолжили путешествие вместе. Шари возражала, бросая на Элрика недвусмысленные взгляды, но альбинос не обращал на них внимания.

— Договорились, Мунглум, ведь трое сильнее двоих. Мы принимаем тебя в компанию. Мы направлялись вон к тем горам.

Элрик почему-то находился в приподнятом настроении.

— А что вы там ищете? — поинтересовался Мунглум.

— А вот это — секрет,— ответил Элрик, и их новый товарищ благоразумно воздержался от дальнейших расспросов.

Глава 3
ДХАРЗИ

Путешественники скакали вперед. Дождь усилился. Небо над путниками оставалось тускло-серым, а завывания ветра напоминали панихиду. Три маленькие фигурки быстро при-

ближались к горам, возвышавшимся над всем миром, словно задумавшийся бог. Может, это и впрямь был бог, который смеялся, наблюдая за путешественниками, а может, это ветер шуршал в темных таинственных каньонах и пропастях. Грозовые тучи собирались над горами, и тени камней, высвеченных молниями, прыгали по земле, словно тени чудовищных пальцев. Над головой гремел гром...

Шари заговорила с Элриком, когда горы уже были близко:

— Элрик... пойдем назад, я прошу тебя. Забудь о книге... Могущественные силы пытаются остановить нас. Не игнорируй знамений свыше! Элрик, мы обречены!

Но Элрик угрюмо молчал. Он заметил, что девушка уже давно потеряла интерес к поискам, которые сама же и затеяла.

— Элрик, пожалуйста. Мы никогда не добудем книгу. Элрик, поверни назад.— Она подъехала к принцу, потянула его за одежды, но он вырвался.

— Предзнаменований слишком много, чтобы остановить нас. Мы продолжим наше путешествие... Или ты можешь рассказать мне все, что знаешь, и остаться здесь в одиночестве. Ты хотела узнать что-то из книги, но твари, встретившиеся нам, напугали тебя. Что ты хотела узнать, Шари?

Девушка не ответила на вопрос. Вместо этого она набросилась на альбиноса:

— Что ты хочешь, Элрик? Покоя, сказал ты. Хорошо, но я предупреждаю — ты не найдешь покоя в этих сумрачных горах! Ты лишь встретишь силы, которые попытаются остановить тебя.

— Ты не была откровенна со мной, Шари,— холодно упрекнул ее Элрик, глядя на темные линии гор.— Ты что-то знаешь о силах, которые препятствуют нам.

Девушка пожала плечами.

— Ничего я не знаю... Мой отец говорил о каких-то опасностях, перед тем как умереть. Вот и все.

— Что он говорил?

— Он сказал: «Некто охраняет книгу. Он использует все возможности, чтобы остановить человека, пытающегося отнять у него это сокровище».

— Что еще?

— Ничего. Но теперь я согласна с моим отцом. Он не зря предупреждал. Он говорил правду! Стражи книги убили его,

Элрик... А может, это был один из их вассалов. Я не хочу повторять его судьбу даже ради того, что может дать мне книга. Я думала, у тебя хватит сил пережить все невзгоды, но теперь вижу, что ошибалась.

— До сих пор я благополучно справлялся со всеми неприятностями,— просто сказал альбинос.— Может, ты все-таки скажешь мне, что ты хочешь узнать из книги?

— Мне стыдно...— Элрик не настаивал, но после долгой паузы Шари сама все объяснила: — Я хочу найти свои крылья...

— Крылья?.. Ты хочешь сказать, что книга откроет тебе заклинание, которое поможет вырастить крылья? — Элрик иронично улыбнулся.— И ради этого ты ищешь книгу, содержащую величайшую мудрость мира?!

— Если бы ты считался уродом у себя на родине, тебя бы это тоже волновало! — вызывающе выкрикнула девушка.

Элрик повернулся к ней. Его темно-красные глаза сверкнули. Усмешка искривила его бледные губы.

— У себя на родине я чувствовал примерно то же самое,— спокойно заметил он. Больше он ничего не сказал.

Шари снова поехала сзади, чувствуя себя униженной.

Они ехали молча, пока Мунглум, державшийся впереди, резко не натянул поводья.

Элрик догнал его.

— В чем дело, Мунглум?

— Я услышал стук копыт и голоса, которые показались мне очень знакомыми,— ответил коротышка.— Множество дьявольских псов, Элрик, и на этот раз в сопровождении всадников.

Вскоре Элрик тоже расслышал стук копыт и цокот когтей и крикнул, предупреждая Шари:

— Может, ты и права! Приближаются неприятности.

— Что теперь? — нахмурившись, спросил Мунглум.

— Поехали к горам,— приказал Элрик.— Мы можем там скрыться.

Они пришпорили жеребцов и быстрым галопом понеслись к холмам.

Но вскоре путники поняли, что их заметили. На горизонте показалась черная стая, резкие птичьи вопли дьявольских псов стали ближе. Элрик посмотрел на преследователей. Опуска-

лась ночь, и с каждым мгновением видимость ухудшалась, но альбинос разглядел неясные фигуры всадников, скачущих вслед за псами. Они были закутаны в темные плащи и держали в руках длинные пики. Их лица скрывали тени капюшонов.

Теперь Элрик и его спутники погнали коней вверх по склону, ища убежища среди скал.

— Мы поднимемся повыше и попытаемся их остановить,— заявил Элрик.— На открытом месте они легко окружат нас.

Мунглум кивнул, согласившись с предложением Элрика, и они направили своих взмыленных скакунов вверх по склону, выбирая место для битвы с завывающей стаей и ее хозяевами.

Вскоре первый из дьявольских псов выскочил из-за камней. С его клюва капала слюна, а когти скребли по камню. Встав меж двух скал и закрывая проход своими телами, Элрик и Мунглум встретили первую атаку, быстро разделавшись с тремя псами. Еще несколько тварей приняло смерть, и вот показался первый из всадников. К тому времени почти стемнело.

— Ксирос! — вырвалось у Элрика, когда он разглядел всадника.— Это *дхарзи* — мертвецы... Мы сражаемся с мертвецами, Мунглум! Я надеялся, что мы одолеем их колдовством, но теперь, боюсь, мы обречены.

Зомби подъехали ближе, но пока не собирались нападать. Они выжидали. Их мертвые глаза светились в ночной тьме, а псы пытались сломить оборону поющей стали, защищавшей Элрика и его спутников. Альбинос постарался извлечь из памяти заклинания, которые могли бы остановить оживших мертвецов. Слова неожиданно вспомнились, и, надеясь, что силы, которые он призовет, смогут ему помочь, альбинос запел.

Однако ничего не произошло.

— Спасения нет,— беспомощно прошептал Элрик, пронзая мечом одного из псов.

Но вдруг земля заколыхалась и вздыбилась под копытами лошадей, на спинах которых сидели мертвецы. Дрожь продолжалась несколько секунд, а потом земля осела.

— Заклинание оказалось слишком слабым,— вздохнул Элрик.

Земля снова задрожала, и маленькие кратеры стали появляться на склоне холма, но *дхарзи* оставались невозмутимыми. Камни начали проваливаться в пропасть, лошади вставали на дыбы. Потом что-то загрохотало.

— Назад! — предостерегающе крикнул Элрик.— Назад... или мы погибнем вместе с ними!

Мужчины начали отступать, пятясь к Шари, а земля проседала у них под ногами. Лошади *дхарзи* ржали и фыркали, а оставшиеся в живых собаки недоуменно смотрели на своих хозяев. Глухой стон вырвался из груди живых мертвецов. Внезапно по склону холма зазмеились трещины. Элрик и его спутники вновь вскочили в седла. Тем временем мертвецов поглотила земля, возвращая их в глубины, из которых те появились.

Глубокое нечестивое хихиканье вырвалось из разверзшейся пропасти — смех королей земли, забравших свою законную добычу. Подвывающие дьявольские псы столпились на краю пропасти, расколовшей землю, и обнюхивали ее. Потом в едином порыве черная стая бросилась в бездну вслед за своими повелителями.

Мунглум вздрогнул.

— Ты страшный человек, господин Элрик, раз имеешь таких приятелей,— заметил он.

* * *

На следующий день путешественники добрались до черных гор, и испуганная Шари повела их по тому маршруту, который, как она помнила, был нанесен на пропавшую карту. Больше она не просила Элрика вернуться... Девушка покорилась судьбе, которая ожидала их. Во время схватки с преследователями в Элрике что-то перегорело... Это укрепило его веру в существование книги мертвых богов. А Мунглум оставался весьма скептически настроен, Шари же одолевали плохие предчувствия.

Шел дождь, буря ревела у путников над головой. Когда же дождь хлынул с новой силой, они вышли к темной зияющей пропасти огромной пещеры.

— Я не могу вести вас дальше,— слабым голосом проговорила Шари.— Книга лежит где-то там, в глубине пещеры.

Элрик и Мунглум переглянулись. Но ни тот, ни другой не знали, что делать. Им не верилось, что они уже близки к цели, но вход в пещеру был свободен и никто его не охранял.

— Невероятно,— пробормотал Элрик.— Наверняка впереди нас поджидает какая-нибудь опасность. Но почему никто

не останавливает нас? Шари, ты уверена, что это та самая пещера?

Девушка показала на нависшую над входом скалу, на которой был выбит странный символ, который Элрик сразу же узнал.

— Эмблема Хаоса! — воскликнул альбинос.— Следовало мне догадаться раньше.

— Что ты имеешь в виду, Элрик? — спросил Мунглум.

— Это символ вечного разрушения и анархии,— ответил Элрик.— Мы находимся на территории, принадлежащей Повелителям Энтропии или одному из их приспешников. Так вот кто наши противники! Это означает лишь одно: книга — крайне важная вещь в этом измерении, а возможно, и во всех остальных бесчисленных измерениях вселенной. Вот почему Ариох не хотел мне помогать. Ведь он тоже Повелитель Хаоса!

Мунглум пристально посмотрел на альбиноса.

— Что это все значит, Элрик?

— Ты знаешь, что всем миром правят две силы... две силы, ведущие вечную битву? — спросил у него Элрик.— Порядок и Хаос. Если все государства поддерживают Хаос, то он правит всем миром. И в таком мире возможно все! Противники Хаоса — те, кто поддерживает Порядок,— говорят, что без сил Порядка ничто материальное невозможно. Некоторые остаются в стороне, так как считают, что равновесие между этими двумя силами — неотъемлемая часть мироздания. А мы оказались вовлечены в спор этих двух противоборствующих сил. Книга ценна для каждой из сторон. Очевидно, приспешники Хаоса служат тем силам, которые мы можем подчинить, если добудем книгу. Порядок и Хаос редко вмешиваются в жизнь людей... Именно поэтому мы порой даже не подозреваем об их существовании. Теперь, возможно, я найду ответ на последний вопрос, интересующий меня: есть ли сила, управляющая как Хаосом, так и Порядком?

Элрик вошел в пещеру, пристально вглядываясь в темноту. Мунглум и Шари, чуть поколебавшись последовали за ним.

— Пещера, по-видимому, очень глубокая. Мы будем идти, пока не доберемся до самого конца,— объявил Элрик.

— Будем надеяться, что здесь есть запасной выход и мы в конце концов выберемся на поверхность,— иронично заметил Мунглум, направляясь за альбиносом.

Они пошли вперед. Их голоса звучали громко и звонко. В пещере становилось все темнее и темнее, а ее пол полого уходил вниз.

— Это не пещера, а какой-то туннель, но не представляю, куда он ведет,— прошептал Элрик.

* * *

Несколько часов они шли вперед в полной темноте, пробираясь друг за другом. С трудом переставляя ноги, шатаясь от усталости, они пробирались все дальше и дальше. Элрик потерял ощущение времени. Ему казалось, что он спит. Он не мог представить, что ждет их впереди. Туннель оказался длинным, темным и холодным. Внезапно альбиносу показалось, что он стоит на месте... что пол сам по себе скользит назад, когда человек делает шаг вперед. Его разум оцепенел. Иногда Элрику казалось, что он стоит на краю пропасти. Несколько раз он, споткнувшись, падал на твердые камни.

Элрик заставлял себя шагать вперед, хотя был уверен, что стоит на месте. Теперь время ничего не значило для него. Здесь оно стало бессмысленным.

И вдруг принц драконов заметил неестественное синее сияние над головой и понял, что все-таки продвигается вперед. Тогда он бегом бросился вперед, но вскоре понял, что бежит слишком быстро, и умерил темп. В холодном воздухе висел запах чего-то неземного, и страх затопил душу колдуна.

Остальные тоже почувствовали тревогу, хотя ничего не говорили.

Медленно путники продвигались вперед к синему мерцающему свету, шагая, словно заведенные.

Вот они выбрались из туннеля и остановились, разглядывая причудливое видение, открывшееся перед ними. Они стояли на выступающей из утеса каменной плите, и, хотя было сумрачно, странное мерцание высвечивало серебряное побережье. Лениво плескалось море, словно жидкий гигант в беспокойном сне. Там, где волны разбивались о серебряный берег, лежали обломки — остовы странных судов, не похожие друг на друга. Море терялось во тьме, и не было видно горизонта — только темнота. Стало значительно холоднее.

Хотя море плескалось рядом, не чувствовалось ни сырости, ни запаха соли. Ничто не двигалось в этом мире, кроме моря, а единственным звуком был безостановочный шорох прибоя.

— Что теперь? — дрожа всем телом, прошептал Мунглум.

Элрик покачал головой и не сдвинулся с места. В этом чужеродном свете альбинос со своей бледной кожей казался призраком.

— Ты считаешь, что это море — непреодолимая преграда? Мы переплывем через него?

Ответ альбиноса прозвучал отчужденно. Казалось, он сам не слышит, что говорит:

— Переплывем.

Ступени, выбитые в скале, вели на берег, и Элрик начал спускаться. Остальные, озираясь, последовали за альбиносом. Люди зачарованно и испуганно смотрели на открывшуюся перед ними страну.

Глава 4
ПОДЗЕМНАЯ СТРАНА

Шаги путешественников кощунственно разрушали тишину. Но вот люди добрались до серебряного берега, усеянного обломками хрусталя. Темно-красные глаза Элрика широко раскрылись, когда он заметил на берегу то, что искал. Лицо его расплылось в улыбке. Потом он потряс головой, словно пытаясь отогнать видение. Волнуясь, он указал на одно из судов, не похожее на остальные. Желтое с красным, вызывающе-пестрое для этого оцепеневшего места. Приблизившись, путешественники увидели, что суденышко сделано из дерева, неизвестного им. Мунглум ощупал борта.

— Твердое, как железо,— выдохнул он.— Не удивительно, что оно не сгнило, как остальные.

Он заглянул внутрь суденышка и вздрогнул.

— Надеюсь, хозяева не станут возражать, если мы воспользуемся им,— криво усмехнулся он.

Элрик и Шари поняли, что он имеет в виду, когда увидели искривленный скелет, лежавший на дне лодки. Альбинос забрался на борт и выбросил скелет на прибрежные камни. Кости

застучали, покатившись по мерцающей гальке, а череп, остановившийся у самой воды, казалось, любовался беспокойными просторами.

Шари отошла в сторону и погрузила руку в воду, потом отскочила, стряхивая жидкость.

— Это не вода! — вскрикнула она. Мужчины услышали ее слова, но ничего не сказали.

— Нам нужен парус,— пробормотал Элрик. Холодный ветер дул над морем.— Сгодится плащ! — Он сдернул свой плащ и прикрепил его к мачте.— Двое из нас будут держать его концы,— объяснил он.— Так мы будем управлять судном. Нелепое сооружение, но лучшего все равно нет.

Они спихнули лодку в море.

Ветер наполнил парус, и судно заскользило по воде гораздо быстрее, чем предполагал альбинос. Оно неслось вперед, и Элрику с Мунглумом пришлось напрячься, чтобы удержать парус.

Вскоре серебристый берег растаял за кормой. Путешественники почти ничего не видели... Слабое синее мерцание небес почти не давало света. Потом они услышали сухие хлопки кожистых крыльев над головой и посмотрели вверх.

К ним спускались три молчаливых существа, похожие на обезьян с гигантскими крыльями. Шари вскрикнула, узнав их:

— *Клакары*!

Мунглум пожал плечами и быстренько потянулся за саблей.

— Мне безразлично, как их зовут... Что это такое?

Но он не получил ответа, так как предводитель крылатых обезьян стремительно понесся вниз, оскалив длинные клыки. Мунглум отпустил край плаща и рубанул зверя, но тот ускользнул. Его огромные крылья забили по воздуху, тварь рванулась вверх.

Элрик вынул из ножен Буреносец и удивился. Меч молчал и дрожал в руке альбиноса, высасывая из него энергию, которую обычно вливал в Элрика. Колдун испугался — без меча он потеряет всю свою силу. Пытаясь подавить страх, Элрик взмахнул клинком, отражая атаку одной из крылатых обезьян.

Та, вцепившись в меч, потянула было Элрика вверх, но завопила от боли, когда клинок отсек ее узловатую лапу, которая, извиваясь, упала на узкую палубу. Альбинос на мгно-

вение потерял точку опоры, потом схватился за борт судна и выпрямился. Злобно крича, крылатая обезьяна атаковала снова, но теперь она действовала более осторожно. Элрик собрал все силы и, сжав меч обеими руками, отсек одно из крыльев твари. Обезьяна шлепнулась на палубу лодки. Элрик вонзил меч в грудь извивающейся твари. Чудовище затихло.

Мунглум яростно отражал атаку двух оставшихся крылатых противников. Он опустился на колено, тщетно пытаясь достать обезьян острием сабли. Потом одним ударом он отсек часть головы одного из зверей, но, несмотря на рану, чудовище бросилось на альбиноса. Обезьяна судорожно схватилась скрюченными пальцами за клинок Буреносца. Рванув на себя, она вырвала смертоносный меч из рук альбиноса и швырнула его за борт. Клинок начал медленно тонуть. Элрик очень удивился. Когда-то он бросил свой рунный меч в океан, но тот не утонул. Теперь же меч погружался в воду, как любое простое оружие. Метнувшись вперед, Элрик поймал рукоять и вытащил меч из моря, а потом не разворачиваясь вонзил его в тело крылатой обезьяны.

Силы постепенно покидали тело альбиноса. Какие же чуждые человеческим существам силы и законы правили в этом подземном мире? Альбинос никак не мог этого понять. Все его сознание сосредоточилось на том, чтобы восстановить силы, но без подпитки рунного меча это было невозможно.

Кривая сабля Мунглума прикончила последнюю обезьяну, и коротышка попытался спихнуть за борт мертвую тварь. Потом, торжествуя, он повернулся к Элрику.

— Хорошая схватка,— объявил он.

Элрик покачал головой.

— Мы должны поскорее пересечь это море,— сказал он.— Если мы здесь долго задержимся — конец. Мои силы уходят.

— Как? Почему?

— Здесь правят таинственные безымянные силы энтропии. Поторопимся, нет времени для болтовни.

В глазах Мунглума появилось беспокойство. Он ничего не понял, но поступил, как сказал Элрик.

Альбинос уже терял сознание от слабости, едва удерживая свой край паруса. Шари придвинулась поближе, чтобы помочь ему. Ее тонкие руки ухватили парус, в глубоко сидящих глазах светилось сочувствие.

— Что это были за твари? — спросил Мунглум. Его белые зубы сверкнули.

— *Клакары*,— ответила Шари.— Они предки моего народа. Танцующие в тумане считают, что они — древнейшие обитатели нашей планеты.

— Тем, кто пытается остановить нас, лучше придумать что-нибудь пооригинальней,— усмехнулся Мунглум.— Старые методы не срабатывают.

Но его спутники даже не улыбнулись шутке коротышки. Выждав паузу, Мунглум хмыкнул и стал смотреть вперед.

Элрик очень ослабел, и девушке приходилось самой удерживать парус.

Вскоре Мунглум снова заговорил, и в его голосе зазвучали радостные нотки:

— Мы приближаемся к земле!

Это действительно оказалась земля. Путешественникам надо было поскорее пристать к берегу. Элрик приподнялся и с трудом прошептал:

— Отпускаем парус.

Мунглум повиновался. Судно на большой скорости ткнулось в серебряный берег. Нос прорезал глубокую борозду на сверкающей поверхности пляжа. Лодка резко остановилась, накренилась, и трое путешественников повалились друг на друга.

Шари и Мунглум поднялись и вытащили обессилевшего альбиноса на берег. Взяв его под руки, они пошли по густому мху, заглушавшему шаги. Потом они уложили альбиноса на мягкую «постель» и стали с беспокойством разглядывать его, обдумывая, что же делать дальше.

Элрик попытался встать, но не смог.

— Подождите немного,— задыхаясь, прошептал он.— Я не умираю, хотя сейчас мне очень плохо. Я надеюсь, что на твердой земле силы снова вернутся ко мне.

С трудом он вытащил Буреносца из ножен и облегченно улыбнулся, услышав злой стон рунного меча, его зазвеневшую песнь, которая становилась все громче и громче. Вскоре клинок замерцал черным пламенем, и сила полилась в альбиноса.

Но когда силы полностью вернулись к Элрику, его темно-красные глаза потускнели.

— Без этого черного меча я — ничто,— вздохнул альбинос.— Но что он дает мне? Неужели наши судьбы сплетены навечно?

Его спутники не могли ответить ему. Но их встревожило проявление этого слепого страха, ненависти и отчаяния...

Окончательно придя в себя, Элрик встал и молча повел своих спутников вверх по покрытому мхом холму к источнику естественного света, который сиял в вышине. Они видели, что свет исходит из большого отверстия в своде гигантской пещеры, по-видимому, выходящего на поверхность. Значит, они скоро покинут этот мир тусклых беспорядочных теней. Перед путешественниками открылось ущелье.

Когда они подошли ближе, то увидели замок из черного камня. Его высокий фундамент оброс темно-зеленым лишайником. По обе стороны ущелья возвышались башни. В них не было окон, только дверные проемы, закрытые толстыми плитами тусклого красноватого металла. Над воротами между башен сверкал янтарный знак повелителей энтропии: изображение восьми стрел, разлетающихся из одной точки во все стороны. Знак висел в воздухе, не касаясь черного, поросшего лишайником камня.

— Я думаю, книга где-то здесь,— пробормотал Элрик.— Она должна храниться где-то здесь или ее вовсе не существует.

— Прежде чем пойти дальше, Элрик, я хотел бы узнать, что вы ищете? — прошептал Мунглум.— Мне кажется, я заслужил право знать правду.

— Мы ищем книгу,— ответил Элрик.— Книгу мертвых богов. Она лежит в этом замке. В этом я не сомневаюсь. Мы добрались до конечного пункта нашего путешествия.

Мунглум пожал плечами.

— Мог бы и не спрашивать,— улыбнулся он.— Я все равно ничего не понял. Надеюсь лишь, мне выделят небольшую часть сокровищ, если мы обнаружим их.

Элрик усмехнулся, досадуя на холод, который пробирал его до самых костей, но ничего на это не ответил.

— Сначала мы должны войти в замок,— через некоторое время заметил альбинос.

Словно услышав его слова, металлические плиты засверкали бледно-зеленым светом, а потом, вновь став красными,

медленно растаяли в воздухе. Вход был открыт и путь свободен.

— Мне это не нравится,— пробормотал Мунглум.— Слишком легко. Впереди нас ждет ловушка. Разве мы можем рассчитывать на благородство тех, кто обитает в замке?

— Что нам остается делать? — спокойно спросил Элрик.

— Вернуться назад или пойти вперед...

— Давайте обойдем замок и не будем искушать того, кто охраняет книгу! — Шари схватила альбиноса за руку. Ее лицо дрожало от страха, в глазах застыл ужас.— Элрик, забудь о книге!

— Сейчас? — иронично улыбнулся альбинос.— После такого путешествия? Нет, Шари, никогда истина не была так близко. Легче умереть, чем не попытаться разыскать книгу мудрости.

Шари сжала кулаки, и ее плечи беспомощно опустились.

— Мы не сможем сражаться с Повелителями Энтропии!

— Вдруг это и не понадобится,— Элрик сам не верил своим словам.

Мунглум посмотрел на Шари.

— Девушка права,— хмуро сказал он.— Ты ничего не найдешь, если войдешь в этот замок. Разве что злую смерть. Давайте-ка лучше заберемся на утесы и попытаемся выбраться на поверхность.— Он показал на выщербленные ступени, которые вели к дыре в своде пещеры.

Элрик покачал головой.

— Я никуда отсюда не уйду. А вы ступайте, если хотите.

Мунглум скорчил гримасу.

— А ты упрям, друг Элрик. Значит, или все, или ничего? Ладно, я с тобой. Хотя я всегда предпочитаю компромисс.

Элрик медленно пошел к темному входу в холодный замок.

В обширном, полном теней дворе замка стояло высокое существо, окруженное алым пламенем.

Элрик первым увидел его.

Громкий смех вырвался изо рта гиганта, и алое пламя стало танцевать вокруг него. Великан был невооружен и гол, но мощь, исходившая от него, заставила путешественников остановиться. Тело гиганта покрывала чешуя пурпурно-дымчатого цвета. Его массивные мускулы перекатывались, когда он двигался. У него

была большая вытянутая голова и серебристо-голубые глаза без зрачков. Все его тело сотрясалось от могучего хохота.

— Приветствую тебя, Элрик из Мелнибонэ... Ты невероятно упрям!

— Кто ты? — процедил Элрик и положил руку на меч.

— Меня зовут Орунли Эранитель, и я слуга Хаоса,— гигант улыбнулся.— Да не хватайся ты за меч, я слишком слаб и не стану сражаться с тобой. В этом измерении я не могу причинить тебе вреда.

— Значит, ты не сможешь задержать нас? — взволнованно заговорил Элрик.

— Даже не стану останавливать. Мои попытки не пустить вас сюда оказались тщетными. Хотя твое поведение не перестает удивлять меня. Эта книга важна для нас, но зачем она тебе? Я охраняю ее триста столетий и даже ни разу не удосужился поинтересоваться, почему мои повелители придают ей такое значение. Почему они рисковали, спасая ее, когда ее попытались забросить на Солнце, и почему они спрятали ее здесь, в недрах этого глупого мира, заселенного безмозглыми клопами, величающими себя людьми?

— Я ищу в книге истину,— осторожно начал Элрик.

— Истина — в вечной борьбе,— убежденно произнес гигант из алого пламени.

— А что стоит над силами Порядка и Хаоса? — спросил Элрик.— Что управляет вашими судьбами и моей в том числе?

Гигант нахмурился.

— Это вопрос, на который я не могу ответить. Я не знаю. Существует Равновесие...

— Тогда, может быть, об этом расскажет книга,— продолжал Элрик.— Дай нам пройти и скажи, где она лежит.

Орунли отошел в сторону и иронично улыбнулся.

— Книга находится в главной башне, в маленькой комнатке. Я никогда не заходил туда. Идите, если хотите... Я лишь исполнял свой долг.

Элрик, Мунглум и Шари направились к башне, но, прежде чем они вошли в нее, гигант предостерег их:

— Говорят, что знания, содержащиеся в книге, могут нарушить Равновесие в пользу Порядка. А это может привести к гибели многих людей и богов.

— А что еще может произойти? — спросил альбинос.

— Самые ужасные вещи... Может случиться и всплеск энтропии. Мои хозяева не знают этого. Извлечение на свет секретов книги может привести к разрушению всего материального в этом мире. Единственный выход — борьба... Не победа, а вечная борьба.

— Мне все равно,— отмахнулся Элрик.— Мне нечего терять, Орунли.

— Тогда иди.— Гигант пересек двор и скрылся в темноте.

За дверями башни путников ждала тускло освещенная лестница. Стертые ступени вели наверх. Элрик молча начал подниматься по лестнице, приближаясь к роковой цели. Не колеблясь ни секунды, Мунглум и Шари последовали за ним. На их лицах была написана покорность судьбе.

Наконец путешественники вошли в комнатку, залитую ослепительным светом, многоцветным и мерцающим.

Прикрывая темно-красные глаза рукой, Элрик прошел вперед и глянул сквозь пальцы на источник света, лежащий на невысоком каменном помосте в центре комнаты. Шари и Мунглум, тоже ослепленные ярким светом, вошли в комнату вслед за альбиносом и остановились, удивленные тем, что увидели.

Свет излучала огромная книга — книга мертвых богов. Ее переплет был инкрустирован неземными драгоценностями, которые ослепительно сияли. Они мерцали, переливались и сверкали ярче бриллиантов.

— Наконец-то,— вздохнул Элрик.— Сейчас я узнаю истину!

Словно пьяный, он шагнул вперед. Его бледные руки потянулись к вещи, которую он искал с таким бешеным упорством. Элрик коснулся пульсирующей обложки книги и, задрожав, отдернул руки.

— Теперь я все узнаю,— ликуя, прошептал он.

С сухим шорохом на пол упал переплет, и драгоценные камни разлетелись в разные стороны.

На месте книги ничего ни было. Только груда желтоватой пыли лежала на камне.

— Нет!!! — крик альбиноса был переполнен болью.— Нет!!!

Слезы потекли по исказившемуся лицу Элрика, и он погрузил пальцы в пыль. Со стоном рухнул он лицом вперед и уткнулся в останки древней рукописи. За триста веков время

уничтожило книгу, оберегаемую от нескромных рук и пытливой человеческой памяти. Давно погибли мудрые и всесильные боги, создавшие ее... А теперь, вслед за ними, в небытие ушли их знания.

* * *

Путешественники стояли на склоне огромной горы, разглядывая зеленую долину, лежащую внизу. Сверкало солнце, небо было чистым и голубым. В склоне горы зияла дыра, из которой выбрались Элрик со своими спутниками, покинув королевство энтропии.

Элрик печально смотрел на мир. Он не сказал ни слова с тех пор, как товарищи вывели его, плачущего, из комнаты, где раньше хранилась великая книга. Теперь же, повернув к солнцу бледное лицо, на котором отразилась горечь потери и поражения, принц заговорил, и голос его был криком одинокой морской птицы, кружащей в воздухе над безрадостным пустынным побережьем:

— Я вновь потерял цель жизни. Не знаю, для какой цели я был рожден, имело ли смысл мое появление на свет... Книга могла рассказать мне об этом. Я поверил бы ей. По жизни я — проклятый скептик... И теперь я никогда не буду уверен, правильно ли я поступаю. Ничто в нашем мире не сможет управлять мною. Но разве можно быть уверенным, когда речь идет об обитателях иных миров? Как я завидую тем, кто все знает наперед. Единственное, что я могу теперь сделать, это продолжать свой путь в надежде, что мне повезет и истина откроется мне.

Шари взяла безвольную руку альбиноса. По ее щекам текли слезы.

— Элрик... позволь мне утешить тебя...

Альбинос горько усмехнулся.

— Зачем мы только встретились, Шари из танцующих в тумане? Ты подарила мне надежду... Я думал, что наконец-то обрету покой. Но из-за тебя моя жизнь стала еще безнадежней, чем была. Нет спасения в этом мире, есть лишь недоброжелательный рок! Прощай!

Он высвободил свою руку и стал спускаться по склону.

Мунглум переводил взгляд с Шари на Элрика. Затем он что-то достал из своего кошеля и протянул девушке.

— Удачи тебе,— пожелал он ей и побежал следом за альбиносом.

Элрик оглянулся и, отвлекшись от горьких мыслей о своей судьбе, спросил:

— Что тебе, Мунглум? Почему ты идешь за мной?

— До сих пор мы шли вместе, господин Элрик, и я не вижу причин, по которым я должен остановиться,— усмехнулся коротышка.— Будем дополнять друг друга. Я ведь оптимист. А кушать надо всем, и ты это знаешь.

Элрик нахмурился, чувствуя, как его сердце переполняет тепло.

— Чего ты хочешь, мой друг?

Мунглум ухмыльнулся.

— Я извлекаю выгоду из подобных приключений,— ответил он и, потянувшись к своему кошелю, достал что-то сверкающее. Это был один из драгоценных камней с переплета книги.— Их в моем кошельке достаточно,— объяснил коротышка.— И каждый стоит целое состояние. Пойдем, Элрик... Какие новые земли мы посетим и сколько вина мы купим на эти побрякушки?

На склоне горы несчастная Шари смотрела им вслед, пока они не исчезли вдали. Потом она разжала пальцы, и камень, подаренный Мунглумом, упал, покатился, переливаясь, пока не затерялся где-то среди обломков скалы. Затем девушка повернулась, и темный зев пещеры открылся перед ней...

Часть 7
ПОЮЩАЯ ЦИТАДЕЛЬ

И вот Элрик впервые встретился с королевой Ютаной из Джаркора, колдуном Телеб Каном из Пан Танга, а кроме того, узнал кое-что о Высших Мирах...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ТРИРЕМА ПАН ТАНГА

Бирюзовое море мирно золотилось в лучах вечернего солнца. Двое молча стояли у перил корабля и смотрели на север, на затянутую туманом линию горизонта. Один — высокий и стройный, с длинными молочно-белыми волосами, закутанный в тяжелый черный плащ с капюшоном. Второй — маленький и рыжеволосый.

— Она была хорошей женщиной и любила тебя,— произнес коротышка.— Почему ты так внезапно покинул ее?

— Она славная женщина,— ответил высокий.— Но она любила меня, и это не принесло бы ей радости. Пусть уж лучше она вернется в свои земли и останется там. Я уже убил женщину, которую любил, Мунглум. Я не хочу убивать еще одну.

Мунглум пожал плечами.

— Не удивлюсь, Элрик, если окажется, что твой рок — плод твоего же воображения.

— Возможно,— безучастно ответил Элрик.— Но я не собираюсь выяснять это. Давай прекратим подобные разговоры.

Море пенилось, когда весла разбивали его поверхность. Корабль спешил в порт Дхакос, столицу Джаркора, одного из самых могущественных Молодых королевств. Еще не прошло и двух лет с тех пор, как умер король Дхармит. Он погиб во время рейда на Имррир, и Элрик слышал, что жители Джаркора беспричинно обвиняют его в смерти своего короля. Однако альбиноса не волновало их мнение. Ему было безразлично, что о нем думают.

— Через час стемнеет,— проворчал Мунглум.— Пойду-ка я спать.

Элрик не ответил.

Вдруг раздался вопль впередсмотрящего:

— Судно по левому борту!

Впередсмотрящий, должно быть, дремал и пропустил появление «незнакомца», потому что приближающийся корабль уже ясно был виден с палубы.

— Похоже, они собираются протаранить нас! — завопил капитан и кинулся дальше, отдавая приказы команде, чтобы изменить курс своего корабля и не допустить столкновения.

Элрик и Мунглум подошли к левому борту, пытаясь получше рассмотреть трирему. У нее были черные паруса, да и само судно тоже казалось выкрашенным в черный цвет и местами покрыто позолотой. Это был большой изящный корабль с высокой изогнутой кормой и низким носом. Три ряда весел против их двух. Путешественники видели, как мощный, обитый медными пластинами таран разрезает волны. Трирема шла под двумя треугольными парусами, и ветер помогал ей.

Гребцы торгового судна в панике пытались развернуть корабль, как приказывал их капитан. Весла беспорядочно вздымались и опадали.

Мунглум, улыбаясь, повернулся к Элрику:

— Бессмысленные попытки. Приготовь-ка меч, друг.

Пан Танг считался островом колдунов, людей, которые стремились превзойти былую мощь Мелнибонэ. Их флот слыл лучшим в Молодых королевствах, и их корабли было легко узнавать. Рассказывали, что теократ Пан Танга — глава священников-аристократов — Яагрин Лерн заключил договор с силами Хаоса и хотел править всем миром.

Элрик презирал жителей Пан Танга и считал, что им никогда не удастся достичь славы его предков. Однако принц был вынужден признать, что корабль, идущий на них, мог легко выиграть битву с таркешской галерой.

Вскоре огромная трирема оказалась совсем рядом. Капитан и боцман купеческого судна замолчали, поняв, что им не избежать столкновения.

Не двигаясь, Элрик наблюдал, как железные крюки с триремы вонзились в палубу галеры. Моряки Таркеша, понимая,

что не смогут отбить нападение хорошо вооруженных людей Пан Танга, все равно побежали на нос, готовясь к бою.

Мунглум взволнованно прокричал:

— Элрик... мы должны помочь!

Альбинос кивнул. Испытывая отвращение, он вытащил из ножен рунный меч.

Воины в алых доспехах надвигались на воинов Таркеша. Первый отряд воинов с палашами и боевыми топорами накинулся на моряков, тесня их назад.

Рука Элрика сжала рукоять Буреносца. Он поднял меч, который издал странный завывающий стон, предвкушая кровь, и причудливо засверкал, задрожал в руке Элрика, словно живой.

Половина защитников галеры уже погибла, изрубленная топорами, а оставшиеся в живых отступали, когда Элрик с Мунглумом вышли вперед. Выражение триумфа на лицах воинов в алых доспехах сменилось испугом, когда огромный меч Элрика, пронзительно закричав, разрубил ближайшего пирата от шеи до живота.

Очевидно, воины узнали и хозяина, и меч, которые давно стали легендой. На Мунглума воины Пан Танга не обратили внимания, хотя он был опытным бойцом. Они бросили все свои силы против альбиноса, понимая, что в случае победы над ним исход схватки будет решен.

Древний дикий инстинкт убийства, унаследованный от предков, обуял Элрика, чей меч жал ниву душ. Альбинос и его меч превратились в единое существо, и меч, а не альбинос, правил бал. Люди падали, крича больше от ужаса, чем от боли, понимая, что меч пьет их души. Размахивая топорами, на Элрика одновременно набросились четыре воина, и берсеркер-альбинос отрубил одному голову, другому разворотил живот, отсек руку третьему и пронзил мечом сердце четвертого. Теперь воины Таркеша, аплодируя, следовали за Элриком и Мунглумом, очищая от врагов палубу тонущей галеры.

Вот, зарычав как волк, Элрик схватил канат, один из тех, что крепился к черно-золотой трирeме, и перескочил на вражеский корабль.

На носу триремы стоял капитан в великолепных ало-голубых одеяниях. Внимательно наблюдал он за боем, и такой

поворот событий ошарашил его. Он рассчитывал на легкую добычу, но теперь все оборачивалось так, что он сам становился добычей!

А Буреносец выводил победную песнь, и Элрик вторил ему в экстазе смерти. Оставшиеся воины Пан Танга не решались сражаться с ним, а сосредоточили свои усилия на Мунглуме, который вел команду матросов Таркеша вслед за Элриком к капитанскому мостику.

Капитана триремы победить казалось гораздо сложнее, чем его людей. Подойдя поближе, Элрик увидел, что доспехи капитана излучают особое мерцание — они были заколдованы.

Капитан являлся типичным представителем своего народа: коренастый, с окладистой бородой, злыми черными глазами и резко очерченным горбатым носом. Губы его были толстыми и красными. Он криво усмехался, сжимая в одной руке топор, а в другой меч, и готовился встретить Элрика, взбежавшего вверх по ступеням.

Элрик схватил Буреносца обеими руками и сделал выпад. Но капитан отскочил, парируя удар мечом, и попытался задеть топором голову принца. Альбинос увернулся, но, поскользнувшись, растянулся на палубе. Чтобы избежать удара капитана, ему пришлось откатиться в сторону. Буреносец пронзительно взвыл и самовольно рванулся вперед, разрубая топорище. Капитан отбросил бесполезное теперь оружие и сжал обеими руками свой меч. Снова Буреносец среагировал быстрее и сам метнулся к сердцу капитана. Заколдованные доспехи лишь на секунду остановили его, а потом, издав леденящий душу злобный вой, он разбил броню, словно скорлупу ореха, и оставил противника Элрика с незащищенной грудью. Руки капитана были подняты для удара, а в глазах его застыл ужас. Вот капитан качнулся назад и уставился на Буреносец, вонзившийся ему под ребра. Капитан застонал и выронил меч, а потом схватился рукой за клинок, пьющий его душу.

— Во имя Чардриса... нет... нет... а-ах!

Он умер, зная, что даже его душа не спасется от адского клинка альбиноса с волчьим лицом.

Элрик выдернул Буреносца из трупа, чувствуя, как возрастает его сила, подкрепленная высосанной энергией. Он забыл, что нуждается в мече чаще, чем пользуется им.

Из экипажа триремы в живых остались только рабы, прикованные к веслам. Но палуба опасно накренилась из-за тарана триремы, который застрял в борту тонущего таркешского корабля.

— Перерубайте канаты и гребите изо всех сил! Быстро! — закричал Элрик.

Моряки, поняв, какая опасность грозит им, кинулись исполнять приказ. Рабы принялись грести изо всех сил, и таран высвободился со скрипом ломающегося дерева. Канаты были перерублены, и обреченную галеру стало относить в сторону.

Альбинос продолжал командовать. В живых осталось меньше половины команды судна Таркеша, а их капитан погиб во время первой атаки воинов Пан Танга.

— Если хотите стать свободными, гребите к Дхакосу,— объявил Элрик рабам.

Когда солнце село, альбинос приказал держать курс по звездам.

— Почему ты пообещал им свободу? — недовольно воскликнул Мунглум.— Мы бы продали их в Дхакосе и неплохо заработали бы на этой битве!

Элрик пожал плечами.

— Я дарую им свободу, потому что мне так хочется.

Рыжеволосый коротышка вздохнул и принялся осматривать карманы погибших и раненых воинов, а потом помог очистить палубу от окровавленных тел. «Никогда мне не понять этого альбиноса,— думал он.— Хотя, возможно, это и к лучшему».

Элрик привел корабль в гавань Дхакоса. Здесь он ускользнул с судна, стараясь быть незамеченным.

Мунглум же повел переговоры о продаже триремы и поделил вырученные деньги между оставшимися в живых членами команды купеческого судна. Кое-что он оставил и себе. Элрик же, натянув капюшон на лицо, пробрался через толпу на пристани, на постоялый двор, который, как он знал, расположен у западных ворот города.

Глава 2
КОРОЛЕВА И КОЛДУН

Поздно ночью, когда Мунглум уже лег спать, Элрик все еще сидел в таверне, потягивая вино. Даже самые последние вы-

пивохи, даже шлюхи оставили его, когда разглядели, с кем имеют дело. Теперь Элрик, освещаемый тростниковым факелом, закрепленным над входной дверью, был один.

Внезапно дверь распахнулась и в зал вошел богато одетый юноша.

— Я ищу Белого Волка,— объявил он, не видя лица альбиноса.

— Иногда именно так меня называют в этих краях,— печально ответил Элрик.— Ты ищешь Элрика из Мелнибонэ?

— Да. У меня есть к тебе послание.

Молодой человек прошел через зал, так и не скинув плаща.

«Наверное, здесь прохладно»,— подумал Элрик.

— Я — граф Яолан, заместитель начальника городской стражи,— высокомерно объявил юноша, подходя к столу, за которым сидел Элрик, и вызывающе разглядывая альбиноса.— У тебя хватило смелости открыто явиться сюда? Ты считаешь, что у людей Джаркора короткая память? Думаешь, они забыли, как ты заманил в ловушку их корабли?

Элрик отхлебнул вина, а потом ответил, не отрывая глаз от чаши:

— Это все пустая болтовня, граф Яолан. Что тебе поручили передать мне?

Самоуверенность покинула юношу.

— Может быть, для тебя это болтовня. Но разве не был бы сегодня жив король Дхармит, если бы ты не затеял поход, в котором погибло столько людей? Разве не ты сбежал, использовав колдовство, вместо того чтобы помочь тем, кто считал тебя своим другом?

Элрик вздохнул.

— Слушай, ты ведь пришел сюда не для того, чтобы изводить меня разговорами. Дхармит умер на борту своего корабля во время первой атаки на ворота, закрывающие вход в лабиринт, а не во время бегства из Имррира.

— Ты высмеиваешь меня, а потом хочешь неубедительной ложью оправдать свою трусость,— с горечью произнес Яолан.— Но если я буду упорствовать в своих обвинениях, ты скормишь меня своему адскому мечу. Я слышал, такое случалось и раньше.

Элрик медленно поднялся.

— Ты невыносим. Когда будешь готов передать послание, оставь его у хозяина...

Альбинос обошел стол и направился к лестнице, но Яолан схватил его за руку.

Белый как труп альбинос повернулся к молодому дворянину. Зло сверкнули темно-красные глаза принца.

— Я не привык к фамильярности, молодой человек.

Рука Яолана отдернулась.

— Извини. Я пошел на поводу у своих эмоций... Я явился к тебе с поручением от королевы Ютаны. Она ищет твоей помощи.

— У меня нет желания помогать кому бы то ни было,— нетерпеливо проговорил Элрик.— Тем более что мои услуги не всегда помогали тем, кто искал их. Дхармит, сводный брат вашей королевы, испытал это на себе.

— Ты слово в слово повторяешь мои предостережения,— угрюмо заметил Яолан.— И все же она хочет увидеть тебя... тайно... в полночь...

Юноша нахмурился и отвел взгляд.

— Добавлю еще, что имею приказ арестовать тебя, если ты откажешься.

— Все может быть,— Элрик неопределенно махнул рукой и направился к лестнице.— Передай Ютане, что я буду ночевать здесь и уеду на заре. Если ее дело настолько важное, она может посетить меня.

Он поднялся по лестнице, покинув изумленного Яолана.

* * *

Телеб Кан нахмурился. При всем его мастерстве в черном искусстве, он оставался дилетантом в любви, и Ютана, раскинувшаяся на убранной мехами кровати, знала это. Ее радовала власть над мужчиной, который мог простым заклинанием уничтожить ее. Хотя Телеб Кан стоял высоко в иерархии Пан Танга, королева знала, что этот чародей для нее не опасен. Ее интуиция подсказывала: этот человек любит властвовать над другими, но сам нуждается в хозяине. И Ютана всеми силами поддерживала в нем эту зависимость. А ему это нравилось...

Телеб Кан продолжал хмуро смотреть на нее.

— Как может этот колдун, распевающий заклинания, помочь тебе там, где я оказался бессилен? — прошептал он, присаживаясь на кровать и поглаживая ноги королевы, украшенные драгоценными камнями.

Ютана была женщиной немолодой и вовсе не хорошенькой. Но что-то манящее скрывалось в ее высоком полном теле, буйных черных кудрях и в нежном лице. У нее было одновременно несколько фаворитов, и ни один из них не мог ей ни в чем отказать.

В королеве таилось нечто мягкое, мудрое, хотя ничего не напоминало о ее жертвенности. Летописцы не присоединили к ее имени никакого аристократического прозвища. Было в ней что-то отрицающее обычные стандарты, по которым составляют мнение о человеке. Но все, кто знал ее, восхищались ею и любили ее. Причем любили, скорее, как своенравного ребенка, но любили крепко.

Вновь Ютана спокойно рассмеялась, потешаясь над своим любовником-чародеем.

— Может, ты и прав, Телеб Кан, но Элрик — легенда... о нем очень много говорят, но толком никто ничего не знает. А мне предоставился случай узнать его истинное лицо; узнать то, о чем другие только догадываются.

Телеб Кан раздраженно потряс длинной черной бородой и поднялся с ложа. Он подошел к столу и наполнил вином две чаши.

— Если ты хочешь заставить меня опять ревновать, ты, конечно, преуспеешь. Но я не понимаю этого твоего стремления. Предки Элрика — полудемоны... его раса — нелюди, и нельзя судить о его поступках нашими мерками. Мы годами изучаем колдовство... А у Элрика — врожденный дар. Тебе может не хватить жизни, чтобы узнать все его тайны. Циморил, его возлюбленная сестра, умерла от черного меча... а ведь она была обручена с Элриком!

— Ах-ах-ах, кажется, мы коснулись твоего больного места.— Томным движением королева приняла чашу, поданную Телеб Каном.— Но я хочу сделать то, что задумала. Ты, увы, не достиг особых успехов в исследовании природы этой цитадели...

— Конечно, но все дело в твоем коварстве!

— Я надеюсь, интуиция Элрика подскажет ответы там, где ты ничего не понял,— улыбнулась она.— Что-то Яолан задерживается. Если бы все пошло как надо, он давно привел бы Элрика.

Телеб Кан поднялся и посмотрел на небо, где полная луна сияла над шпилями и башнями Дхакоса.

— Ты не должна была посылать Яолана. Он был другом Дхармита. Боюсь, мы скоро узнаем, что он вызвал Элрика на дуэль и убил его.

Королева опять не смогла сдержать смех.

— Ах, вот чего ты хочешь... Твоя ревность помутила твой рассудок. Я послала Яолана потому, что знаю: он нагрубит альбиносу и это, возможно, нарушит обычную безмятежность Элрика. Яолан — своеобразная приманка, он должен завлечь альбиноса!

— Может, Элрик догадался об этом?

— Не знаю, любовь моя... Но моя интуиция редко меня подводит. Скоро увидим.

Чуть позже раздался тихий стук в дверь и появилась камеристка.

— Ваше Величество, вернулся граф Яолан.

— Один? — улыбка появилась на лице Телеб Кана. Но она исчезла, когда Ютана оделась и покинула комнату.

— Безумная! — фыркнул чародей, когда дверь за королевой захлопнулась. Потом чародей уронил свою чашу.

Он уже потерпел неудачу с цитаделью, и если Элрику улыбнется удача, альбинос заменит его у трона Ютаны. Тогда Телеб Кан многое потеряет. Колдун глубоко задумался.

Глава 3
ТАИНСТВЕННАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Хотя Элрик и утверждал, что у него нет совести, его усталые глаза говорили об обратном. Он сидел один у окна в своей комнате, потягивая крепкое вино и размышляя о прошлом. С тех пор как пал Имррир, Элрик странствовал по всему миру в поисках смысла своего бытия.

Он не нашел ответа в книге мертвых богов, не нашел его в любви Шари, бескрылой женщины из племени танцующих

в тумане, когда пытался забыть Циморил. Но принцесса по-прежнему являлась ему в кошмарах. Однако был у Элрика и другой повод для печали — слишком много думал он об уготованной ему судьбе.

«Покой — вот что я ищу»,— твердил альбинос. Но покой, обретенный после смерти, он отрицал. Поддавшись настроению, принц размышлял о своей судьбе, когда раздался тихий стук в дверь. Альбинос нахмурился. Его темно-красные глаза сузились, плечи распрямились, и, поднявшись, он стал холоден и высокомерен. Поставив чашу на стол, он произнес ледяным голосом:

— Войдите!

Вошла женщина, закутанная в темно-красный плащ. В темноте узнать ее было невозможно. Она закрыла за собой дверь и молча остановилась посреди комнаты.

Когда она наконец заговорила, ее голос дрожал, хотя в нем сохранилась капля иронии:

— Ты сидел в темноте. Я думала, ты уже спишь.

— Сон — довольно скучное занятие. Я зажгу факел, если темнота тебе неприятна.— С этими словами альбинос снял крышку с маленького горшка с углями, стоящего на столе. Взяв тонкую лучину, он сунул ее в горшок и осторожно подул. Угли замерцали, лучина занялась, и Элрик зажег ею тростниковый факел, висевший на стене.

Факел загорелся, рассыпая тени, которые запрыгали по стенам маленькой комнаты. Женщина скинула капюшон, и пламя высветило ее тяжелые черты и густые темные волосы. Ее фигура являла собой контраст изящному альбиносу, который стоял, высоко подняв голову, и бесстрастно рассматривал свою гостью.

Видно, женщина не привыкла к равнодушным взглядам, но новизна отношений понравилась ей.

— Ты велел мне прийти, Элрик... И, как видишь, я здесь...— она сделала насмешливый реверанс.

— Королева Ютана,— альбинос ответил ей легким поклоном.

Стоя перед принцем драконов, королева чувствовала его мощь, намного превосходившую ее силу. Более того, она видела, что альбиноса ни в коей мере не взволновало ее появ-

ление. Тогда Ютана подумала, что все складывается гораздо интереснее, чем она ожидала.

Элрик же был заинтригован появлением этой женщины. Его чувства подсказывали, что Ютана может вернуть его жизни прежнюю остроту. Это взволновало его и привело в смятение.

Расслабляясь, он пожал плечами.

— Я слышал о тебе, королева Ютана. Присаживайся, если хочешь,— он указал на скамью, а сам устроился на кровати.

— Ты более вежлив, чем пытаешься показать,— улыбнулась она, присев на скамью. Затем она скрестила ноги, а руки положила перед собой.— Означает ли все это, что ты выслушаешь меня?

Элрик улыбнулся. Это была редкая для него улыбка — легкая усмешка, но без обычной горечи.

— Возможно. Ты необычная женщина, королева. Мне даже в какой-то момент показалось, что в тебе есть капля мелнибонийской крови.

— Не все «выскочки из Молодых королевств» — как ты нас называешь — лишены привлекательности.

— Согласен.

— Теперь, встретившись с тобой, я понимаю, что темные легенды о тебе не слишком правдивы...— Королева склонила голову набок, разглядывая альбиноса.— Мне казалось, легенды рассказывают о демоне...

— Это свойственно легендам.

— Ах,— прошептала она.— Твое могущество мы могли бы использовать вместе...

— Мне неприятно слышать подобные слова, королева Ютана. С какой целью ты явилась сюда?

— Хорошо... Я и не надеялась, что ты выслушаешь меня.

— Я выслушаю. Но ничего более не обещаю.

— Тогда приготовься. Думаю, эту историю оценишь даже ты.

Как и рассчитывала Ютана, ее история не оставила Элрика равнодушным.

* * *

Несколько месяцев назад, как рассказала альбиносу королева Ютана, крестьяне из провинции Гхаравиан, что находится

в Джаркоре, начали болтать о таинственных всадниках, которые похищают молодых мужчин и женщин.

Подозревая появление разбойников, королева Ютана послала отряд Белых леопардов — лучших воинов Джаркора — уничтожить возмутителей спокойствия.

Никто из Белых леопардов не вернулся. Вторая экспедиция даже не обнаружила следов первого отряда, но в долине, недалеко от города Тохора, наткнулась на странную цитадель. Описание цитадели вызывало недоумение. Скорее всего, Белые леопарды из первого отряда вступили в бой с обитателями цитадели и были разбиты. Но офицер, командовавший ими, перед атакой предусмотрительно оставил несколько наблюдателей, которые вернулись в Дхакос. Определенно можно было сказать только одно: цитадели не было в долине несколько месяцев назад.

Ютана и Телеб Кан отправились туда с большим войском. Когда Телеб Кан увидел цитадель, он отсоветовал королеве атаковать ее.

— Она слишком необычно выглядит, господин Элрик,— продолжала свой рассказ королева.— Цитадель переливается всеми цветами радуги... цветами, которые постоянно меняются, перетекают один в другой. Цитадель выглядит невесомой... Иногда ее четко видно, иногда же ее будто затягивает туман. Телеб Кан сказал, что у нее волшебное происхождение. Я в этом не сомневаюсь. Еще он добавил, что цитадель, скорее всего, из реальности Хаоса.— Тут Ютана поднялась и развела руками.— Мы не пользуемся колдовством в нашей стране. Телеб Кан лучше разбирается в таких вещах, он приехал из Города Кричащих статуй с острова Пан Танг. Ему часто приходилось сталкиваться с подобными вещами, но тут даже он бессилен.

— Значит, вы отвели войска? — в Элрике проснулось нетерпение.

— Мы отступили. Телеб Кан и я уже повернули назад, когда зазвучала музыка... Она была удивительно нежной, прекрасной, неземной, полной боли. Телеб Кан закричал мне, чтобы я скорее убиралась прочь, но я заслушалась, завороженная музыкой. Тогда Телеб Кан схватил поводья моей лошади, и мы унеслись оттуда со скоростью летящего дракона. Те

воины, которые были рядом с нами, спаслись. Мы успели заметить, как остальные повернули к цитадели, подчиняясь музыке. Затем они исчезли.

— А что было потом? — спросил Элрик.

Королева Ютана пересекла комнату и села на кровать рядом с альбиносом. Элрик отодвинулся.

— Телеб Кан пытался изучить природу цитадели... понять ее предназначение, узнать, кто ее хозяева. На сегодняшний день мы знаем чуть больше. Из Реальности Хаоса цитадель переместилась в нашу реальность. Теперь она постепенно расширяет сферу своего влияния. Все больше и больше юношей и девушек похищают слуги Хаоса.

— Кто эти слуги?

Ютана придвинулась ближе, и на этот раз Элрик не отодвигался.

— Никто не может ответить на этот вопрос, и никто не может остановить их.

— Поэтому ты и искала встречи со мной?

— Помоги нам.— Она пристально посмотрела ему в глаза, а потом, вытянув руку, коснулась его запястья.— Ты знаешь и Порядок, и Хаос... Древние знания вложены в тебя с рождения, если, конечно, Телеб Кан не обманул меня. Тем более, насколько я знаю, твои боги — повелители Хаоса.

— Все это так, королева Ютана. Именно потому, что мои боги — повелители Хаоса, не в моих интересах бороться с любым из них.

Теперь Элрик в свою очередь придвинулся к королеве и улыбнулся, глядя ей в глаза. Потом он обнял ее.

— Может, ты станешь сильнее от этого,— загадочно проговорил альбинос, перед тем как их губы соприкоснулись.— О цитадели мы поговорим позже.

* * *

В глубине зеленоватого темного зеркала Телеб Кан наблюдал сцену, разыгравшуюся в комнате Элрика, и злился на собственное бессилие. Он дернул себя за бороду, и изображение растаяло. Никакими заклинаниями ему не удавалось вернуть Ютану. Сев в кресло, Телеб Кан принялся обдумывать свою

месть. «Впрочем не буду торопиться»,— решил он. Если Элрик поможет разобраться с цитаделью, то месть придется отложить — на время...

Глава 4
ШУТ БАЛО

На следующий день три всадника выехали в направлении Тохора. Элрик и Ютана скакали рядом, а третий — Телеб Кан, нахмурившись, держался чуть в отдалении. Если Элрика и смущало, что он занял место этого человека, то он ничем не выдавал свои чувства.

Элрик нашел Ютану очень привлекательной и согласился выполнить ее просьбу: посмотреть на цитадель и попытаться выяснить, что она собой представляет и как с ней бороться. Прежде чем уехать из столицы, альбинос перекинулся несколькими словами с Мунглумом.

Королева со своей немногочисленной свитой, состоящей из двух колдунов, ехала по прекрасной, поросшей травой равнине Джаркора. Тохор находился в двух днях езды, и Элрик собирался насладиться путешествием.

Сбросив все тяготы с души, альбинос скакал рядом с Ютаной, радостно смеясь. Конечно, несмотря на уверенность в себе, он все-таки испытывал некоторое беспокойство, усиливающееся по мере приближения к таинственной цитадели. Альбинос хорошо запомнил один из самодовольных взглядов Телеб Кана. Поймав этот взгляд, Элрик почувствовал себя очень неуютно.

Один раз Элрик даже крикнул чародею:

— Эй, старина волшебник, разве ты не рад сбросить груз придворных забот ради красот природы? Э, у тебя вытянулось лицо, Телеб Кан... Дыши чистым воздухом и радуйся вместе с нами!

Телеб Кан ничего не ответил, лишь что-то пробормотал себе под нос. Ютана расхохоталась и посмотрела на Элрика.

Так они подъехали к Тохору и обнаружили вместо города тлеющие руины, которые воняли, как глубины ада.

Элрик фыркнул.

— Это работа Хаоса. Ты оказался прав, Телеб Кан. Огонь, разрушивший город, был неземным огнем. Тот, кто это сделал,

несомненно, силен. Как ты знаешь, колдун, силы повелителей Порядка и Хаоса обычно находятся в равновесии и никто из них напрямую не вмешивается в земные дела. Очень редко та или иная сторона позволяет себе подобные штучки. Странно, что на Земле появилась такая сила, и странно то, что она, судя по вашим рассказам, набирает мощь. Может, Повелители Хаоса хотят завоевать наш мир и постепенно наканливают силы?

— Это ужасно,— прошептал волшебник Пан Танга, искренне испугавшись. Хотя Телеб Кан и пользовался иногда помощью Хаоса, но не хотел, чтобы Хаос управлял его миром.

Элрик снова вскочил в седло.

— Лучше поспешим к цитадели,— предложил он.

— Ты уверен, что это мудрое решение? Особенно после всего, что произошло здесь? — нервно поинтересовался Телеб Кан.

Элрик засмеялся.

— Что? И ты называешь себя колдуном Пан Танга... острова, который претендует на звание острова волшебников, таких же искусных, как мои предки-императоры?! Нет, нет — вперед! Сегодня у меня ощущение вседозволенности.

— И у меня! — закричала Ютана, хлопая своего жеребца по крутому боку.— Поехали, господа... к цитадели Хаоса!

Еще было светло, когда они остановились на вершине одного из холмов, окружавших долину, и увидели внизу таинственную цитадель.

Ютана очень точно описала ее. У Элрика заболели глаза, когда он постарался рассмотреть цитадель внимательнее. Казалось, она протянулась по ту сторону реальности в иное измерение, а возможно, в несколько разных измерений одновременно.

Она мерцала всеми цветами, известными на Земле, и искрилась цветами, которые, как знал Элрик, существовали лишь в других измерениях. Долина, окружавшая цитадель, казалась морем темного пепла, который то клубился, то вздымался волнами, то посылал вверх столбы сероватой пыли, словно основные физические законы были нарушены и все перемещалось из-за присутствия загадочной цитадели.

— Ну как? — Телеб Кан придержал лошадь, которая пыталась умчаться прочь от цитадели.— Ты видел что-нибудь подобное раньше?

Элрик кивнул.

— Да. Но не в этом мире. Я видел эту цитадель в Мелнибонэ, когда мысленно путешествовал по измерениям Хаоса в поисках моего повелителя Ариоха, из седьмого круга...

Телеб Кан вздрогнул.

— Ты путешествовал по измерениям Хаоса? Значит, эта цитадель Ариоха?

Элрик покачал головой:

— Это?! Это — постоялый двор повелителей Хаоса.

— А кто его хозяин? — спросила Ютана.

— Насколько я помню, в цитадели жил один полубог. Мысленно путешествуя в тех краях, я узнал, что он не повелитель Хаоса, а один из слуг. Хотя и...— нахмурился альбинос,— могущественный слуга...

— Ах! Ты говоришь так загадочно.— Телеб Кан развернул свою лошадь, чтобы съехать с холма, оказаться подальше от цитадели.— Знаю я уроженцев Мелнибонэ! Умирая от голода, вы предпочтете получить парадокс, а не кусок хлеба!

Элрик и Ютана последовали за ним на некотором расстоянии, но потом Элрик остановился.

— Тот, кто обитает в цитадели, молод и обожает парадоксы. Он что-то вроде шута при дворе Хаоса. Повелители Хаоса уважают его... Возможно, немного побаиваются... Хотя он только развлекает их. Он восхищает их космическими головоломками, сатирическими философствованиями, в которых содержится объяснение природы космической руки, удерживающей в равновесии силы Хаоса и Порядка; он специально путает загадки, словно карты, насмехаясь над всем, что дорого Хаосу, и очень серьезно относится к тому, над чем потешаются повелители высших миров.

— Почему же он здесь?

— А почему бы ему не быть здесь? Я могу догадываться о мотивах, которыми руководствуются Хаос и Порядок. Но даже повелители высших миров не всегда могут понять, что движет шутом Бало. Говорят, что ему одному позволено перемещаться между измерениями Хаоса и Порядка по собственной воле, хотя я никогда не слышал, чтобы он бывал на Земле. Никогда я не слышал и о том, что он может опустошать земли. Я озадачен... и, несомненно, это порадовало бы его, если бы он только догадывался об этом.

— У нас есть только один путь узнать о цели его появления здесь,— с загадочной улыбкой сказал Телеб Кан.— Кто-то должен войти в цитадель...

— Вот и сходи, чародей,— усмехнулся Элрик.— Я мало ценю свою жизнь, но есть некоторые вещи, которыми я дорожу. Например, моя душа.

Телеб Кан поскакал дальше, но Элрик, задумавшись, остался на том же месте. Ютана остановилась рядом с ним.

— Ты кажешься более обеспокоенным, чем хочешь показать, Элрик,— заметила королева.

— Верно. Если мы и дальше будем исследовать цитадель, то, возможно, встрянем в какой-нибудь конфликт между Бало и его повелителями... Не исключаю, что в нем могут оказаться замешаны повелители Порядка. Но это, скорее всего, погубит нас, так как силы, действующие здесь, более опасны и могущественны, чем те, к которым мы привыкли на Земле.

— Но мы же не можем просто так наблюдать, как Бало превращает наши города в руины и истребляет наш народ. За такое короткое время он стал серьезной угрозой королевской власти Джаркора.

Элрик вздохнул, но ничего не ответил.

— Элрик, ты мог бы с помощью своего колдовства отправить Бало назад, в Хаос, к которому он принадлежит, и заделать брешь, пробитую им в нашем измерении?

— Даже уроженцы Мелнибонэ не могут состязаться с повелителями высших миров... Хотя мои предки и лучше меня разбирались в подобных делах. Мои лучшие союзники не служат ни Хаосу, ни Порядку. Они — элементали: повелители огня, земли, воздуха, воды; они сродни животным и растениям. Прекрасные союзники для войн с тварями земными... Но использовать их в борьбе с Бало невозможно. Я должен подумать. Если я все-таки выступлю против Бало, нужно быть готовым ко всему. Однако я уверен...

Холмы переходили в поросшую сочной зеленой травой долину. Солнце пылало в чистом небе над бескрайней равниной. В вышине кружила большая хищная птица. Телеб Кан уже так далеко отъехал, что казался Элрику и королеве крошечной фигуркой. Неожиданно он повернулся и что-то прокричал им, но они не расслышали его слов.

Ютана погрустнела. Ее плечи поникли, и она, не глядя на Элрика, медленно направила коня к колдуну Пан Танга. Элрик ехал следом, сознавая, что своей нерешительностью и беспомощностью навлек на себя недовольство королевы.

Неожиданно зазвучала музыка. Сначала тихо, но потом звуки усилились, стали остро-сладкими, вызывая ностальгические воспоминания, суля покой и полное понимание смысла жизни. Если эту музыку рождали инструменты, то они поистине были неземными. Музыка принуждала альбиноса повернуть и устремиться к ее источнику, но он воспротивился этому зову. Ютана, видимо, не смогла перебороть призыва. Она развернула коня. Лицо ее светилось, губы дрожали, а в глазах стояли слезы.

Элрик в своих путешествиях по иным мирам и раньше слышал подобную музыку... Ее отзвуки звучали во многих виртуозных симфониях древнего Мелнибонэ... Она не могла иметь роковой власти над альбиносом, но Ютану она заворожила. Элрик быстро понял, что королева подвергается опасности, и, когда та проезжала мимо, подгоняя коня, альбинос потянулся и ухватил поводья ее скакуна.

Королева ударила хлыстом по руке принца, и, чертыхаясь от резкой боли, Элрик отпустил поводья. Королева промчалась мимо него, направляясь к вершине холма, а потом исчезла по другую сторону гребня.

— Ютана! — отчаянно закричал Элрик, но его голос не смог соперничать с чарующей мелодией. Он оглянулся, надеясь, что Телеб Кан поможет ему, но колдун из Пан Танга уже ускакал в противоположном направлении. Очевидно, заслышав музыку, он сразу же принял решение.

Тогда Элрик поехал за Ютаной, крича ей, чтобы она повернула назад. Его конь поднялся на вершину холма, и альбинос увидел королеву, которая, прижавшись к шее своего жеребца, гнала его к сияющей цитадели.

— Ютана! Ты мчишься к своей гибели!

Королева уже добралась до границ цитадели, и копыта ее коня ударили по мерцающим волнам света, окружавшим обитель Бало. Элрик понял, что ему не удастся догнать ее раньше, чем она достигнет поющей цитадели.

Но когда он попал в радужные смерчи, то увидел дюжину Ютан, которые через дюжину ворот въезжали в крепость. Стран-

ный искаженный свет создал миражи, не давая возможности определить, которая из Ютан настоящая.

Едва королева исчезла, музыка стихла, и Элрику показалось, что он слышит слабые отголоски смеха. Его конь упрямился, не желая сдвинуться с места. Альбинос спешился. Ноги принца тут же утонули в сияющем тумане, он отпустил коня, и тот умчался, пофыркивая от страха.

Левая рука альбиноса потянулась к рукояти рунного меча, но Элрик не решился его обнажить. Он знал, что меч, покинув ножны, потребует душу, не дав убрать себя в ножны. К тому же это было единственное оружие Элрика. Сейчас меч вздрагивал под рукой альбиноса, словно сердился, что ему не предоставляют свободу.

— Нет, Буреносец, внутри цитадели есть многое, с чем тебе не справиться!

Элрик пошел дальше, пробираясь сквозь вихри света, которые отливали темно-синим, серебряным и красным, иногда золотым, светло-зеленым, янтарным. Колдун почувствовал, что теряет ощущение пространства — расстояние, глубина, ширина перестали иметь смысл. Альбинос понял, что попал в одну из астральных форм — странное место, где нет ни времени, ни пространства,— созданных в одном из измерений Хаоса.

Альбинос стремился вперед, проталкивая свое тело к тому месту, где, как он считал, исчезла Ютана. Но теперь он не видел ни ворот, ни их отражений.

Элрик понял, что если он не хочет обречь себя на вечное блуждание, он должен обнажить черный клинок. Рунный меч мог повлиять на окружающий Хаос, внеся в него элемент Порядка и тем самым уничтожить иллюзии.

Когда принц взялся за рукоять меча, то почувствовал всплеск энергии, которая, пробежав по руке, наполнила его тело жизненной силой. Меч легко вышел из ножен. От огромного клинка, покрытого древними рунами, исходило черное свечение, которое, сталкиваясь со сверкающим Хаосом, уничтожало его.

Тогда Элрик, выкрикнув древний боевой клич своего народа, направился к цитадели, рубя с плеча неосязаемые образы, которые вращались вокруг него. Вход находился где-то впереди, и Элрик это знал, надеясь, что меч приведет его к настоящим воротам. Когда Элрик достиг цитадели, ворота ока-

зались открытыми. На мгновение колдун остановился. Одними губами он повторил заклинание, которое могло ему пригодиться. Ариох, повелитель Хаоса, бог-демон его предков был ненадежным и капризным покровителем... Элрик не стал бы полагаться на его помощь в этом деле, однако...

Медленно, грациозно в проходе появился золотистый зверь с пылающими глазами, похожими на рубины. Но, хотя глаза ярко сверкали, они казались слепыми. Огромная пасть была закрыта. Тварь, почуяв Элрика, направилась прямо к нему. Приблизившись, она внезапно оскалила коралловые клыки и двинулась вперед. Его слепые глаза уставились на альбиноса, а потом тварь прыгнула.

Элрик отшатнулся и, защищаясь, поднял меч. Зверь сбил принца с ног и навалился на него. Казалось, он сотворен из льда. Зверь даже не пытался растерзать Элрика или искусать. Чудовище просто навалилось на альбиноса, и его холод постепенно начал просачиваться в тело колдуна.

Элрик задрожал. Буреносец стонал и рвался из руки своего хозяина. Вот он задел зверя, и холодная сила хлынула в тело альбиноса. Элрик рванулся, пытаясь подняться. Зверь продолжал его сдавливать, но теперь издавал тихие, едва слышные звуки. Элрик догадался, что даже маленькая рана, нанесенная Буреносцем, причинила чудовищу боль.

Альбинос вновь ударил мечом. И зверь опять тихо взвыл, и снова холодная энергия потекла в тело принца, и снова Элрик рванулся. Ему удалось отпихнуть зверя, который пополз назад, в глубь цитадели. Элрик поднялся, высоко занес Буреносец и обрушил его на золотистую голову таинственного существа. Та раскололась на массу мелких кусочков, словно ледяной шар.

Элрик кинулся вперед, и, когда он уже миновал ворота, цитадель наполнилась стонами и воем, которые подхватило и усилило эхо. Казалось, рев ледяного зверя рвался наружу.

Коридор вел наверх, и вскоре Элрик выбежал к пандусу, спиралью уходившему вверх и вниз. Посмотрев вниз, альбинос вздрогнул, по достоинству оценив бездонную пропасть, заполненную коварной, опасной, переливающейся завораживающей субстанцией. Элрик почувствовал, как его ноги сами понесли его к краю бездны. Но Элрик лишь крепче сжал меч и отправился в противоположнукю сторону.

Вокруг преобладали зеленые, голубые и желтые тона, но встречались также вкрапления темно-красного, черного, оранжевого и многих других цветов, которых не существовало на Земле.

Элрик понял, что не ошибся — цитадель, без сомнения была творением Хаоса.

Когда Элрик добрался до конца пандуса, оказалось, что никаких ловушек там нет. Элрик ступил на мост, перекинутый над сверкающей ямой. Он вел к арке, мерцавшей синим светом.

Альбинос осторожно перешел мост и так же осторожно шагнул под арку. Здесь все было выдержано в синих тонах. Даже кожа альбиноса приобрела голубоватый оттенок. Чем дальше шел Элрик, тем сильнее сгущались синие тени.

Буреносец опять завел тихую песню. Предупрежденый мечом, Элрик взглянул направо. Он увидел другую арку, от которой исходил ярко-красный свет. Там, на границе синего и красного, царил исполненный всевозможных оттенков пурпурный цвет. Элрик с трудом оторвал взгляд от этого великолепия и продолжил свой путь. Спокойствие вернулось к нему. Он направился прямо к красной арке и тут заметил еще одну арку слева. Она излучала зеленый свет, а дальше открывалась желтая арка, потом еще одна — розовато-лиловая. Элрик принялся рубить воздух Буреносцем, и черное свечение меча притушило лучи, хотя вскоре они вновь засияли с прежней яркостью.

Потом в переплетении цветов возникла какая-то тень, и Элрик подумал, что перед ним стоит человек.

Да, если судить по фигуре, это был человек... Но каким же огромным он казался! Когда существо приблизилось, выяснилось, что это далеко не гигант. Однако беснующиеся цвета исказили его пропорции, сделав исполином.

Существо споткнулось, наткнувшись на Элрика, и прошло сквозь него. Оно не казалось бесплотным, зато Элрик ощущал себя призраком. Существо оглянулось и растянуло в злобной усмешке пухлые губы. Элрик сделал выпад и удивился, когда рунный меч заколебался, изогнулся, так и не коснувшись странного создания.

Когда тварь схватила Элрика, ее руки прошли сквозь альбиноса. Усмехаясь, Элрик просто пошел прочь и вдруг с ужасом

заметил, что свет проникает сквозь него. Он оказался прав — это он стал призраком!

Существо догнало альбиноса и, схватив, попробовало удержать.

Элрик понимал, что этот противник не представляет для него опасности. Однако он поспешил удалиться, чувствуя, что вот-вот сойдет с ума.

Наконец принц вошел в зал, стены которого изменяли цвет, как и остальной дворец. В центре зала в кресле, держа в руках каких-то крошечных существ, суетливо сновавших по ладони, сидел карлик. Хозяин цитадели — а это, несомненно, был именно он — смотрел на Элрика и весело улыбался.

— Добро пожаловать, император Мелнибонэ. Как поживает последний правитель моей любимой земной расы?

Карлик был одет в пестрый сверкающий балахон. Он нахлобучил на глаза высокий, с острыми зубцами венец — пародию на корону. Его угловатое лицо кривилось, а широкий рот расплылся в усмешке.

— Приветствую тебя, Бало,— Элрик отвесил насмешливый поклон.— Ты негостеприимный хозяин.

— Ха-ха... Разве мой прием не позабавил тебя? Люди более примитивны, чем боги. Или ты так не считаешь?

— Люди любят шутки проще. Где королева Ютана?

— Служит для моего развлечения, смертный. Кажется, это она,— Бало подхватил одно из крошечных существ, сидевших у него на ладони. Элрик шагнул вперед и увидел, что это действительно Ютана. На ладони Бало сидело множество людей. Бало глянул на альбиноса и подмигнул.— Они такие миленькие, когда стали такими крохами.

— Не сомневаюсь. Хотя, я думаю, все наоборот — они остались прежними, а изменились мы...

— А ты не дурак, смертный. Тогда, может, ты догадаешься, как это было сделано?

— То существо, которое я оставил между арок, твои ямы, беснующиеся цвета — они все искажают реальность. Зачем?

— Они изменяют массу, Элрик. Тебе этого не понять. Даже повелители Мелнибонэ, самые близкие к богам и самые мудрые из смертных умели только манипулировать элементами в ритуалах, заклинаниях и чарах, никогда не понимая, чем они

манипулируют. Оценить мое искусство способны лишь повелители высших миров. В этом-то и заключается основное различие.

— Но я без особого труда смог избежать твоих чар.

— Ты забываешь, что тебе помог рунный меч, которым ты порой пользуешься, чтобы уладить свои крошечные проблемки. Это так же нелепо, как, например, отправить могучие боевые галеры ловить рыбу. А ведь твой меч — могучая сила в любом измерении!

— Возможно, но меня это не интересует. Что тебе нужно в нашем мире, Бало?

Хозяин цитадели хихикнул, громко и мелодично.

— Я впал в немилость, поссорившись со своими хозяевами, запретившими мне отпускать шуточки по поводу их незначительности и эгоизма, их судеб и их гордыни. У них плохо с чувством юмора. Каждый из них находил в моих шутках что-то обидное для себя. И мне пришлось бежать из высших миров на Землю, ведь здесь Повелители Хаоса и Порядка редко появляются по своей воле. Ты, Элрик, подходишь для моих целей, как и любой другой мелнибониец... Я намерен создать свое собственное измерение... Измерение парадоксов... Возьму немножко от Порядка, немножко от Хаоса... Вот и готово измерение противоположностей, парадоксов и шуток.

— Я думаю, Бало, нет необходимости создавать давно существующее...

— Слишком серьезно для беззаботного мелнибонийца.

— Возможно. Но в подобных ситуациях я не люблю быть слишком легкомысленным. Ты отпустишь Ютану?

— Зачем она тебе? Мы ведь с тобой — гиганты. Я подарю тебе знания и возвеличу как бога. Мы с тобой сможем вместе править новым миром!

— Это невозможно, Бало. У меня несколько иное чувство юмора. Боюсь, я все испорчу. Кроме того,— Элрик внезапно усмехнулся,— мне кажется, что повелители высших миров вмешаются в твои планы, которые наверняка не совпадают с их намерениями.

Бало засмеялся.

— Но, Элрик, ты ведь не откажешься? Я могу придумать столько очаровательных шалостей и испробовать их на тебе...

— Неужели? А черный меч?

— Хм, да...

— Бало, когда ты шалишь, ты забываешь хорошенько обдумать свои поступки. Тебе нужно было приложить все силы, чтобы не пустить меня в цитадель.

Глаза Элрика сверкнули, и он, подняв меч, закричал:

— Ариох! Господин мой! Вызываю тебя, Повелитель Хаоса!

Бало приподнялся.

— Прекрати, Элрик!

— Ариох! Здесь душа, которую ты ищешь!!!

Бало сбросил свои крошечные игрушки на пол и вскочил на ноги.

— Зря кричишь, он не слышит тебя! — засмеялся карлик и попытался схватить альбиноса. Но Буреносец застонал и задрожал в руке Элрика. Бало отдернул руку. Лицо его вмиг стало серьезным.

— Ариох — повелитель седьмого круга Ада... Твой слуга зовет тебя!

Мерцающие стены задрожали и потускнели. Взгляд Бало заметался из стороны в сторону. Теперь он напоминал загнанного зверя.

— Господин Ариох, приди и забери этого плута Бало!

— Он не может! — Бало бросился к стене, краски на которой уже полностью увяли, открыв лежавшую за ней тьму.

— Рыдай, маленький шут, он может...— раздался насмешливый и прекрасный голос. Из темноты возникла высокая фигура. Это была не бесформенная тварь, а самое прекрасное из воплощений Ариоха, в котором он обычно являлся на Землю. Совершенная красота, бесстрастное выражение лица, на котором оставили следы гордыня и сострадание, жестокость и печаль, не могли принадлежать человеку. Он был одет в камзол из мерцающей материи и чулки причудливых оттенков. Длинный золотистый меч висел у него на поясе. Большие раскосые глаза, золотистые волосы.

— Ариох! — Бало отшатнулся, когда Повелитель Хаоса направился к нему.

— Это была твоя ошибка, Бало,— сказал Элрик шуту.— Ты забыл, что императоры Мелнибонэ могут вызвать Ариоха в это измерение. Это их древняя привилегия.

— И многие твои предки злоупотребляли ею,— с улыбкой произнес Ариох и глянул на пресмыкающегося Бало.— Однако на этот раз ты оказал мне хорошую услугу, Элрик. Я давно не развлекался. Пожалуй, с тех самых пор, когда по твоей милости встретился с великаном тумана...

Даже Элрик трепетал перед невероятной мощью Повелителя Хаоса. К тому же альбинос до последнего момента не был уверен, что Ариох появится.

Ариох протянул руку к Бало и поднял его за шиворот. Шут задергался, затрепыхался в воздухе, его лицо исказила гримаса страха.

Придерживая Бало, Ариох сжал ему голову. Удивленный Элрик наблюдал, как смялась голова шута. Ариох схватил Бало за ноги и скомкал их. Потом он скатал шута в маленький твердый шарик и наконец бросил этот шарик себе в рот и проглотил.

— Я не съел его, Элрик,— пояснил бог-демон, чуть улыбнувшись.— Это самый легкий способ доставить его в измерение, из которого он сбежал. Он преступник и должен понести наказание. Все это,— бог-демон обвел рукой цитадель,— неудачная шутка, которая противоречит нашим планам относительно Земли. Помни, воплощение наших планов принесет тебе могущество.

Элрик поклонился.

— Большая честь для меня, господин мой Ариох, хотя я никогда не искал власти.

Мелодичный голос Ариоха потерял музыкальность. На лицо бога набежала тень:

— Ты обещал служить Хаосу, Элрик, как и твои предки. И ты будешь служить Хаосу! Время решающей битвы между Хаосом и Порядком приближается... Хаос победит! Земля присоединится к нашему измерению, а ты займешь свое место на нижней ступени иерархии Хаоса. Ты станешь бессмертным, как все мы!

— Бессмертие мало значит для меня, мой господин.

— Ох, Элрик, неужели ты хочешь, чтобы мелнибонийцы стали похожи на тех полуобезьян, которые расселились сейчас по всей Земле, превознося свою убогую «цивилизацию»? Разве Мелнибонэ не лучше Молодых королевств? Подумай, что мы предлагаем тебе!

— Да, мой повелитель, я приму решение... когда придет время,— ответил Элрик, склоняя голову.

— Надеюсь,— Ариох поднял руки к небу.— А теперь пора отправить все игрушки Бало в их собственное измерение и исправить все, что он здесь натворил, чтобы известия об этих беспорядках не дошли до наших противников.

Элрику показалось, что его тело взрывается, распадаясь на мельчайшие части, разбухая и расползаясь. Он словно плыл в воздухе. Вскоре окружающий воздух стал сгущаться. Тело Элрика снова приняло нормальные размеры. Вокруг него закружились световые вспышки. Со всех сторон доносились невообразимые звуки. Потом нахлынула темнота. Закрыв глаза, альбинос попытался понять, что скрывается во мраке.

Когда же Элрик вновь открыл глаза, оказалось, что он стоит в долине, а поющей цитадели нигде не видно. Только королева Ютана и несколько десятков солдат бесцельно бродили там, где раньше возвышалась обитель Бало. Королева подбежала к альбиносу:

— Элрик, это ты спас нас?

— Я выполнил лишь часть этой работы,— ответил он.

— Но здесь не хватает многих моих солдат! — воскликнула королева, пересчитав людей.— Где остальные? Куда делись горожане и крестьяне, которых похитили раньше?

— Бало, по-видимому, ставил на них магические опыты. Твои солдаты удостоились чести послужить для развлечения демонов-богов. Конечно, повелители Хаоса не едят человечины, как и все существа высших миров, но они любят лакомиться человеческими душами.

Ютана сжалась, словно ей стало холодно.

— Он был таким огромным... Я не могу понять, как он помещался в цитадели.

— Крепость служила не только для того, чтобы в ней жить. Она изменяла формы и размеры тех, кто в ней находился. Ариох отправил Бало и цитадель туда, откуда они явились.

— Ариох! Но он один из шести высших богов! Каким образом он смог прийти на Землю?

— По договору с моими древними предками. Вызывая его, они давали ему возможность в очень короткий срок добраться до нашего измерения.

Элрик очень устал от пережитых приключений и едва мог идти. Ютана поддерживала его. Вместе с ошеломленными воинами, бредущими следом за ними, они направились к ближайшей деревне, чтобы передохнуть, раздобыть лошадей, на которых можно было бы вернуться в Дхакос.

Глава 5
НОВЫЙ ВРАГ

Едва они покинули руины Тохора, Ютана подняла руку, тыча в небо:

— Что это?

Крылатое существо летело прямо к ним. Оно походило на бабочку, но было таким огромным, что его крылья застилали солнце.

— Может, это существо, позабытое Бало? — удивилась королева.

— Не думаю,— отозвался Элрик.— Сдается мне, что своим появлением чудовище обязано колдуну-человеку.

— Телеб Кан!

— Он превзошел самого себя,— скривился Элрик.— Не думал, что он способен сотворить нечто подобное.

— Может, это его месть, Элрик?

— Разумное объяснение. Но я очень слаб, Ютана... Буреносцу нужны души, чтобы напоить меня энергией.

Он оценивающе пригляделся к воинам, которые глазели на приближающееся чудовище. Теперь было ясно видно, что у бабочки человеческое тело, то ли заросшее волосами, то ли покрытое павлиньими перьями.

Чудовище начало снижаться. Сорокофутовые крыля несли тело в семь футов длиной. Из головы существа торчали два изогнутых рога, на пальцах твари росли длинные когти.

— Мы обречены, Элрик! — закричала Ютана. Она видела, как разбегаются ее воины, хотя она приказала им вернуться. Элрик же спокойно стоял на месте, зная, что один не сможет победить эту бабочку.

— Лучше беги с остальными, Ютана,— прошептал он.— Думаю, тварь удовлетворится мною.

— Нет!

Элрик, не обращая внимания на королеву, подался вперед, когда существо снизилось и заскользило по направлению к альбиносу. Он достал притихший Буреносец и почувствовал, как тяжел меч. Еще немного силы оставалось в теле принца, но этого казалось слишком мало. Оставалась единственная надежда — нанести удар по жизненно важным органам противника и выпить его силу.

Существо пронзительно кричало. Безумное лицо твари было искажено гримасой ненависти. Элрик понял, что это не создание Ада, а человек, искаженный колдовством Телеб Кана. Что ж, создание оказалось смертным, и с ним можно расправиться, используя простую физическую силу. Если бы альбинос находился в лучшей форме, то дело оказалось бы пустяковым... Однако теперь...

Крылья ударили по воздуху, и когтистые лапы схватили Элрика, который, сжав Буреносец обеими руками, обрушил рунный меч на шею твари. Крылья сомкнулись, защищая шею. Буреносец застрял в вязкой плоти. Коготь твари задел руку Элрика и распорол плоть до кости. Пронзительно закричав от боли, альбинос еще раз рубанул мечом по свернутым крыльям.

Он попытался ударить тварь еще раз, но чудовище сжало раненую руку альбиноса, потянуло его тело к изогнутым рогам.

Элрик отчаянно сопротивлялся. Ему удалось ударить мечом по рукам твари, и сила вернулась к нему вместе с дыханием смерти.

Затем он услышал крик и краешком глаза заметил человека, который выпрыгнул вперед. В каждой руке его сверкало по сабле. Клинки ударили по когтям чудовища, и тварь, злобно вереща, отпустила Элрика и кинулась на его спасителя.

Это был Мунглум. Элрик же упал навзничь и, тяжело дыша, наблюдал, как его маленький друг борется с чудовищем.

Но без поддержки Мунглум долго бы не выстоял.

Элрик попытался вспомнить какие-нибудь подходящие заклинания, способные помочь им, но он был слишком слаб, чтобы колдовать.

И тут его осенило — Ютана! Лишь бы она сумела сделать все необходимое...

Альбинос оглянулся. Воздух выл под ударами крыльев. Мунглум с трудом сдерживал чудовище. Его сабли звенели, отбивая атаки твари.

— Ютана! — позвал Альбинос.

Королева подбежала к нему и схватила принца за руку.

— Мы еще можем убежать. Если нам повезет, мы скроемся.

— Нет. Мы должны помочь Мунглуму. Послушай... ты хоть понимаешь, насколько безнадежно наше положение? Теперь выкинь все мысли из головы и повторяй за мной заклинание. Будем надеяться, что вместе нам удастся сделать это. Да, кстати, мне казалось, что в этих краях обитают ящерицы?

— Верно...

— Тогда слушай и повторяй... Помни, что все мы погибнем от руки Телеб Кана, если ты не добьешься успеха.

* * *

В краях, где обитали многие из повелителей живых существ, одно из них, пресмыкающееся, услышало свое имя. Его звали Хашастак — и это было чешуйчатое и холоднокровное существо с нечеловеческим разумом, не похожим на разум людей и богов, однако осознававшее, что лучше откликнуться на зов. Из другого измерения его звал брат, такой же как Мирклар — повелитель котов, Руфдрак — повелитель псов, Нуру-ах — повелитель сов и многие-многие другие. И этот брат звал его — Хашастака. Хоть Хашастак и не слышал слов, но воспринимал ритмы, которые много значили для него. Ритмы повторялись и повторялись, хотя казались слишком слабыми, чтобы он удостоил их внимания. Но вот существо пошевелилось, зевнуло...

* * *

Это было причудливое зрелище — Элрик и Ютана с отчаянием вновь и вновь распевали руны, а Мунглум сражался с чудовищем, постепенно теряя силы.

* * *

Вот Хашастак вздрогнул и зашевелился. Хотя ритмы и не усилились, но стали более настойчивыми. Он должен отправиться в путешествие, решено. Ему надо попасть туда, где живет тот, кто хочет его увидеть. Элементаль знал: если он

откликнется на ритмы, то обязан выполнить приказ того, кто зовет его. Он не осознавал этого определенно, но это были правила, внушенные ему давным-давно, в те времена, когда Земля еще не была создана, когда Повелители Порядка и Хаоса обитали в одной реальности, носили другие имена и наблюдали за сотворением материальных основ, вкладывая в них причинность и логику. А потом прозвучал вердикт космического равновесия — голоса, который никто не слышал с тех пор...

Наконец Повелитель ящериц отправился на Землю.

* * *

Элрик и Ютана хрипло распевали заклинания, когда внезапно перед ними возник Хашастак. Он напоминал гигантскую игуану: многоцветные глаза, похожие на многогранные драгоценные камни, чешуя из золота, серебра и других благородных металлов. Элементаля окутывала легкая дымка, словно он принес с собой частицу своего измерения.

У Ютаны от изумления открылся рот, а Элрик с облегчением вздохнул. С детства знал он языки всех элементалей, и сейчас альбиносу следовало вспомнить тот примитивный язык, на котором следовало общаться с Повелителем ящериц Хашастаком.

Наконец слова сами пришли к нему в голову.

— Хашастак,— закричал альбинос, показывая на бабочку,— *токик анкхух*!

Повелитель ящериц перевел взгляд глаз-драгоценностей на гигантское насекомое, а потом у него из пасти выстрелил огромный язык. Бабочка закричала от ужаса, когда язык Повелителя ящериц обвился вокруг нее. Как она билась, пока он подтаскивал ее поближе. Творение Телеб Кана еще подрагивало, когда Хашастак захлопнул пасть. Он сделал несколько глотательных движений, и бабочка оказалась в желудке Повелителя ящериц. Потом элементаль повел головой и исчез.

Боль пронзила рассеченную руку альбиноса. Мунглум присел рядом с Элриком и облегченно вздохнул.

— Я следовал за вами, держась на некотором расстоянии, как ты и просил,— объяснил он.— Когда Телеб Кан бросил

вас, я последовал за ним. Он добрался до пещеры вон в тех холмах, а потом из пещеры вылетела эта бабочка,— тут у Мунглума вырвался нервный смешок.— Я решил проследить за ней, тем более что мне показалось, она полетела в вашу сторону.

— Рад, что ты оказался столь проницательным,— заметил Элрик.

— Да нет, заслуга здесь целиком твоя,— возразил Мунглум.— Разве не из-за тебя, предвидевшего предательство Телеб Кана, я оказался тут в самый подходящий момент? — Мунглум расхохотался, а потом устало присел на землю.

— Не думаю, что стоит опасаться твоего колдуна, Ютана,— обратился Элрик к королеве.— Давайте останемся здесь и отдохнем. Может, вернутся твои трусливые солдаты, и мы пошлем их в деревню, чтобы они привели нам лошадей.

Они растянулись на траве и уснули.

* * *

Проснувшись в мягкой кровати, Элрик очень удивился. Он открыл глаза и увидел склонившихся над ним Ютану и Мунглума.

— Как давно я здесь?

— Больше двух дней. Ты не проснулся, когда привели лошадей. Мы соорудили носилки, в которых доставили тебя сюда, в Дхакос. Ты в моем дворце.

Элрик осторожно пошевелил туго забинтованной рукой. Рука болела.

— Мои вещи остались в гостинице?

— Возможно, если их не украли.

— У меня там был мешочек с травами, которые быстро бы излечили меня, прибавили бы мне немного сил, в которых я так нуждаюсь.

— Я схожу и проверю, целы ли твои вещи,— предложил Мунглум и вышел из комнаты.

Ютана погладила молочно-белые волосы Элрика.

— Я много думала о тебе,— сказала она.— Ты спас мое королевство... а, может быть, и все Молодые королевства. На мой взгляд, ты искупил гибель моего брата.

— Благодарю, мадам,— насмешливо ответил Элрик.

Женщина рассмеялась.

— Ты истинный мелнибониец.

— Конечно.

— Ты очень странный — чуткий и жестокий, насмешливый и преданный. И ты настолько доверяешь своему маленькому другу — Мунглуму... Я хотела бы получше узнать тебя...

— Не уверен, что тебе представится такая возможность.

Королева удивленно посмотрела на альбиноса.

— Почему?

— Ты перечисляла мои достоинства и недостатки, но забыла главное, королева Ютана... Я безразличен к миру, но мстителен. На мне висит кое-какой должок. Думаю, твой любимчик-колдун будет не очень рад, что я помню об этом.

— Но ты сам сказал, что нам не стоит его опасаться.

— Я же мелнибониец, и моя надменная кровь требует отмщения.

— Забудь Телеб Кана. Я пошлю к нему Белых леопардов. Даже его колдовство не поможет ему в борьбе с этими свирепыми зверями!

— Забыть его? Ну, нет!

— Элрик, Элрик... Я отдам тебе королевство, провозглашу правителем Джаркора, если ты согласишься стать моим супругом.

— Нет, королева, ты — не политик. Если ты сделаешь это, в стране начнется бунт! Ведь для твоего народа я — предатель из Имррира!

— Но не теперь... Теперь ты — герой Джаркора!

— Почему? Твой народ не знал об опасности, угрожавшей ему, и поэтому не будет испытывать никакой благодарности. Лучше всего будет, если я расквитаюсь с мерзким колдуном и отправлюсь восвояси. Город уже наверняка полон слухов, что ты пустила к себе в постель убийцу своего брата.

— Меня это не волнует.

— И тебя это не будет волновать, даже когда твои придворные станут во главе взбунтовавшегося народа и распнут тебя на городской площади?

— Ты знаешь наши обычаи?

— Мы в Имррире обучались многим вещам, Ютана.

— Да уж, мастера на все руки!

Снова он почувствовал, как вскипела кровь его расы, когда королева поднялась и вышла, хлопнув дверью. В этот момент он не нуждался в травах, на поиски которых отправился Мунглум.

* * *

Выйдя ночью на цыпочках из комнаты, Элрик наткнулся на Мунглума, терпеливо ожидавшего его. Он протянул альбиносу мешочек с травами, но это не улучшило настроение Элрика. Альбинос достал связку трав и выбрал те, которые ему были нужны.

Мунглум поморщился, наблюдая, как Элрик жует и глотает траву. Потом они вместе покинули дворец.

Вооруженный Буреносцем Элрик сел на коня и, держась за Мунглумом, направился прямо к холмам, расположенным за Дхакосом.

— Насколько я знаю колдунов Пан Танга, Телеб Кан должен быть еще более истощен, чем я,— прошептал альбинос.— Если нам повезет, мы найдем его спящим.

— В таком случае я подожду снаружи,— заявил Мунглум.

Он не хотел стать свидетелем медленной смерти Телеб Кана.

Они быстро домчались до холмов, и Мунглум показал Элрику вход в пещеру.

Спешившись, альбинос проскользнул внутрь, держа наготове рунный меч.

Нервничая, Мунглум ожидал первого вопля Телеб Кана, но криков не было. Когда занялась заря, из пещеры выбрался Элрик с перекошенным от ярости лицом.

Он рванул поводья коня и вскочил в седло.

— Ты удовлетворен? — робко поинтересовался Мунглум.

— Удовлетворен? Нет! Эта скотина исчезла!

— Он сбежал? Но как же...

— Он оказался хитрее, чем я думал. Здесь несколько пещер, и я обыскал все. В самой дальней я обнаружил следы колдовских рун на полу и стенах. Колдун где-то скрылся, но я не смог определить, где именно. Зло источали эти руны. Сдается мне, следует искать Телеб Кана в Пан Танге.

— Обидно, что мы съездили сюда напрасно. Ну что, вернемся в Дхакос и воспользуемся гостеприимством Ютаны?

— Нет... Мне хочется поскорее завершить дела с Телеб Каном.

— Но у тебя нет твердой уверенности, что он отправился в Пан Танг!

— Неважно!

Элрик пришпорил своего скакуна и помчался, словно одержимый или скрывающийся от ужасной опасности... Возможно, он и впрямь был одержим. Мунглум остался на месте, задумчиво глядя вслед другу. Размышляя, он удивлялся тому, что Ютане удалось произвести на альбиноса более сильное впечатление, чем хотелось бы Элрику. Мунглум не думал, что месть Телеб Кану стала главной причиной нежелания Элрика возвращаться в Дхакос.

Наконец Мунглум пожал плечами и, пришпорив жеребца, пустился догонять Элрика. Он не понимал, как они попадут в Пан Танг.

Разгорался холодный день.

Элрик был переполнен противоречивыми чувствами. Его белоснежные волосы развевались на ветру, прекрасное бледное лицо застыло. Его изящные руки крепко держали поводья скакуна. И только в странных красных глазах горела боль, переполнившая его душу.

В это утро в Дхакосе еще одни глаза наполнились страданием, хотя и ненадолго. Ютана была практичной королевой.

Часть 8
СПЯЩАЯ ВОЛШЕБНИЦА

...И альбинос покинул Джаркор в погоне за колдуном, который, как считал Элрик, должен был быть наказан...

«Хроника черного меча»

Глава 1
АЛЬБИНОС НА БЕРЕГУ, ЗАЛИТОМ ЛУННЫМ СВЕТОМ

По небу плыли облака, время от времени открывая холодную луну, которая посылала на землю призрачные лучи, высвечивая угрюмое море и корабль, стоящий на якоре около пустынного побережья.

Две фигуры, закутанные в длинные плащи, наблюдали, как моряки спускают шлюпку, и одновременно успокаивали коней, перебиравших копытами на шаткой палубе. Вскоре та закачалась на волнах.

Человек поменьше ростом, крепко сжимая поводья своего скакуна, проворчал:

— Зачем нам это нужно? Почему мы не высадились в Терпесазе? Или, на худой конец, в заливе, у тех рыбаков, которые хвастались своим постоялым двором? Вместо этого мы...

— Потому, друг Мунглум, что я решил тайно прибыть в Лормур. Если Телеб Кан узнает о моем появлении — а это непременно произошло бы, если бы мы высадились в Терпесазе,— он снова сбежит, и охоту придется начинать заново. Ты этого хочешь?

Мунглум пожал плечами.

— Сдается мне, ты просто пытаешься оттянуть время. Ты ищешь этого колдуна, потому что не хочешь покориться своей судьбе.

Элрик повернул белое, как кость, лицо и внимательно посмотрел на Мунглума.

— И что из этого? Можешь не ехать со мной, если не хочешь...

Мунглум опять пожал плечами.

— Ну конечно... Я знаю, что волен в выборе. Но может, я остаюсь с тобой по той же причине, по которой ты преследуешь колдуна из Пан Танга,— он усмехнулся.— Так стоит ли нам спорить, а, Элрик?

— Действительно, спорить не о чем,— согласился Элрик.

Он похлопал своего коня по крупу, в то время как моряки, разодетые в разноцветные одежды, приблизились, чтобы забрать скакунов и спустить их в качающуюся на воде лодку. Кони не хотели покидать палубу. Они вставали на дыбы, приглушенно ржали, но их все же спустили вниз. Морякам пришлось действовать очень осторожно, чтобы кони, коснувшись дна лодки, от испуга не пробили его копытами. Следом за лошадьми Элрик и Мунглум соскользнули по канатам в качающуюся лодку. Моряки оттолкнули лодку от корабля и стали грести к берегу.

Стояла поздняя осень. Воздух был холодным. Мунглум поежился, взглянув на безжизненные утесы.

— Приближается зима. Я бы сейчас предпочел засесть в каком-нибудь теплом местечке, а не бродить по пустынному берегу. Как ты отнесешься к тому, что по завершении всех дел мы отправимся в Джахмир или еще какой-нибудь большой вилмирский город и попытаемся отдохнуть и расслабиться?

Но Элрик ничего не ответил. Его странные темно-красные глаза уставились во тьму, но, казалось, ничего не видели.

Мунглум вздохнул и поджал губы. Он плотнее закутался в плащ и принялся растирать руки, пытаясь согреться. Где-то вдалеке печально кричали птицы и повизгивали мелкие прибрежные твари. Моряки налегали на весла.

Из-за облаков показалась луна. Ее лучи превратили белое угрюмое лицо Элрика в лик демона. Глаза альбиноса засветились, как адские угли. Он обвел взглядом прибрежные утесы.

Когда дно лодки заскрипело по песку, моряки подняли весла. Кони, почуяв землю, зафыркали и стали стучать копытами, но Элрик и Мунглум смогли их удержать. Потом гребцы прыгнули в холодную воду и подтащили утлое суденышко ближе к берегу. Рулевой, успокаивающе похлопывая коня Элрика по шее, заговорил с альбиносом:

— Капитан сказал, что вы заплатите мне, когда мы доберемся до берега Лормура, мой господин.

Элрик усмехнулся и достал из-под плаща драгоценный камень, который ярко сверкнул в ночной тьме. Моряк вздохнул от восхищения и протянул руку, чтобы забрать камень.

— Кровь Ксиомбарг! Я никогда не видел такой великолепной вещицы.

Элрик повел коня по мелководью. Мунглум торопливо последовал за ним, чертыхаясь про себя и поглядывая по сторонам. Оживленно переговариваясь, моряки столкнули лодку на глубину.

Элрик и Мунглум оседлали скакунов, и рыжеволосый коротышка заметил:

— Драгоценным камнем, который ты отдал, можно было расплатиться за проезд сотни пассажиров!

— Что там? — не обращая внимания на его слова, спросил Элрик, направляя своего коня к тропинке, ведущей на вершину утеса. Альбинос приподнялся в стременах, чтобы поправить плащ и поудобнее устроиться в седле.— Вон тропинка, взгляни. По-моему, мы легко поднимемся по ней на гребень.

— Должен заметить,— с горечью продолжал Мунглум,— если бы камень остался у нас, не возникло бы проблемы с деньгами. Хорошо еще, я принял меры предосторожности и приберег свою долю от продажи триремы Пан Танга. А то теперь мы бы остались без гроша в кармане.

— Да-да,— беззаботно отмахнулся Элрик и, пришпорив коня, поскакал по тропинке к вершине утеса.

Расстроенный Мунглум покачал головой и последовал за альбиносом.

* * *

На заре они ехали уже по холмистой местности — типичному пейзажу северной части полуострова Лормур.

— Телеб Кан любит высшее общество, так что он наверняка отправился в столицу Исаз, где находится дворец короля Монтана,— рассуждал вслух Элрик.— Скорее всего, он поступит на службу к кому-то из дворян, а может, к самому королю.

— А когда мы доберемся до столицы, Элрик? — Мунглум посмотрел на нависшие над землей облака.

— Через несколько дней.

Коротышка вздохнул. Все говорило о том, что скоро пойдет снег. На случай непогоды у коротышки к седлу была привязана палатка из шелка, правда, рассчитанная на более теплый климат.

Мунглум благодарил богов, что надел толстый стеганый жилет под доспехами, и радовался, что, прежде чем покинуть корабль, поменял свои нарядные штаны из красного шелка на более теплые. На голову он надел шапку из меха с толстыми кожаными наушниками, которые прикрывали большую часть щек и шею.

Элрик же, казалось, не замечал холода. Альбинос носил тонкие синие штаны, рубашку с высоким воротником из черного шелка, нагрудник из черной стали, такой же, как и его шлем — их украшала серебряная чеканка. К седлу альбинос привязал лук и колчан с дюжиной стрел. На боку Элрика висел огромный рунный меч — Буреносец, источник его силы и его тайны. За пояс альбинос засунул длинный кинжал.

Мунглум вооружился луком и двумя саблями, одна из которых была короткой и прямой, другая — длинной и кривой. Такие сабли использовали в Элвере. Клинки томились в прекрасных ножнах из Илмиры, расшитых алыми и золотыми нитями.

Оба путешественника выглядели как преуспевающие странствующие купцы.

Кони — крупные скакуны из Шазара, известные во всех Молодых королевствах выносливостью и кротким нравом,— неутомимо несли друзей вперед.

Путешественники проехали несколько маленьких деревушек с приземистыми каменными домами с гнилыми соломенными крышами.

Лормур считался одним из древнейших Молодых королевств, и множество событий мировой истории произошло именно здесь. Даже жители Мелнибонэ слышали легенды о древних героях Маладора, об Аубеке, который, оказавшись на краю земли, отвоевал у Хаоса новые земли. Но дни могущества Лормура уже прошли. И хотя Лормур до сих пор считался

одним из наиболее сильных королевств юго-запада, он постепенно утратил былую мощь.

Элрик и Мунглум миновали несколько прекрасных хуторов, окруженных хорошо возделанными полями, виноградниками и фруктовыми садами, где росли деревья с золотистыми листьями. Ограды садов поросли мхом, приветливые ухоженные земли представляли собой отрадное зрелище по сравнению с необработанными землями северо-западных королевств — Джаркора, Таркеша и Дхариджора.

Мунглум с интересом поглядывал по сторонам и сдерживал своего жеребца, который то и дело переходил на рысь.

— Этот пейзаж навевает воспоминания о мирных холмах моей родины. Обидно, если Телеб Кан принесет зло в эти земли.

Элрик кивнул.

— Расцвет Лормура близится к концу. А ведь когда-то это королевство первым сбросило путы Мелнибонэ и провозгласило себя свободным. Мне тоже нравятся эти мирные ландшафты. Вот и еще одна причина, чтобы найти Телеб Кана, прежде чем он успеет натворить что-нибудь в этих землях.

Мунглум спокойно улыбнулся.

— Будь осторожен. Ты когда-нибудь опять поддашься влиянию своего характера, хотя сам так ненавидишь...

Элрик обернулся.

— Поехали быстрее. Поспешим в Исаз.

— Чем скорее мы доберемся до города, где есть приличная таверна, тем лучше,— с этими словами Мунглум поплотнее натянул шапку.

— Тогда молись, чтобы душа колдуна как можно скорее отправилась в небытие, господин Мунглум. Только тогда я спокойно проведу остаток зимы у очага.

И Элрик подхлестнул коня, заставив того перейти на галоп.

Серый вечер надвигался на серые холмы.

Глава 2
КРЫЛАТЫЕ ЧУДОВИЩА

Лормур был известен широкими реками. Они принесли королевству богатство и поддерживали его мощь.

На третий день путешествия Элрик и Мунглум увидели мутный Счлан — приток реки Зарфы-Трепек, несущей воды мимо Исаза к морю.

По Счлану не плавали корабли. Его течение было быстрым, и через каждые несколько миль встречались водопады. Там, где Счлан впадал в Зарфу-Трепек, стоял древний город Стагасаз. Элрик планировал отправить в город Мунглума, чтобы тот, не привлекая внимания, купил маленькую лодку, на которой они смогли бы отправиться вниз по Зарфе-Трепек до самого Исаза, где, по мнению альбиноса, находился Телеб Кан.

Шел легкий снег.

Путешественники ехали по берегу Счлана, надеясь добраться до города до наступления темноты. Они миновали несколько рыбачьих деревушек и небольшие замки небогатых дворян. С ними пытались заговорить рыбаки, тянущие сети, но путешественники не стали останавливаться... Рыбаки были типичными представителями местного населения — крепкие мужики с огромными усами. Они носили красные балахоны с вышивкой и кожаные штаны. Увидев путешественников, они бросили сети на землю и, схватив мечи и алебарды, попытались задержать всадников.

— Мы не обижали их, почему же они не хотят дать нам спокойно проехать мимо? — удивился Мунглум.

Но Элрик лишь покачал головой:

— Погоняй лошадь! Нам нельзя здесь останавливаться. Эти люди обожают сплетни и всевозможные пересуды. Известие о нашем появлении может опередить нас, и Телеб Кан будет начеку или, хуже того, опять сбежит.

— Но, кажется, нет причины...

— Я и так недооценил его.

И всадники подстегнули коней, оставив рыбаков позади.

Впереди показались огромные черные скалы. Ревущая вода с грохотом падала с огромной высоты. Дома и деревни остались далеко позади. Тропинка, идущая вдоль берега, становилась все уже и уже. Кони Элрика и Мунглума перешли на шаг.

Мунглум крикнул альбиносу, перекрывая рев падающей воды:

— Мы не доберемся до Стагасаза до наступления ночи!

— Придется разбить лагерь ниже порогов,— кивнул Элрик.

Шел снег. Ветер бил в лицо путникам, затрудняя путь. Они ехали по узкой тропе, оставив водопад далеко внизу.

Постепенно шум начал стихать, река стала спокойней. Путешественники очутились на равнине, где можно было разбить шатер.

...Мунглум увидел их первым.

Он ткнул пальцем в небо и крикнул:

— Элрик! Это твоя работа?

Альбинос повернулся, смахивая тающий снег с лица.

Он удивился и прищурил глаза.

Черные тени в небе...

Крылатые тени...

На таком расстоянии определить размеры существ казалось невозможным, но летели они не как птицы. Элрик вспомнил других летающих тварей... Тех, что видел, когда морские разбойники разрушили Имррир; когда народ Мелнибонэ отомстил грабителям.

Та месть была ужасна — сначала появились золотые галеоны, которые в ожидании нападения покинули Грезящий город. Во время атаки пиратов они находились слишком далеко и не успели подойти на помощь защитникам города.

Потом прилетели огромные драконы.

Силуэты, которые появились в небе, чем-то напоминали драконов.

Может, кто-то из жителей Мелнибонэ придумал, как разбудить драконов, как вывести их из обычного сонного состояния? Может быть, повелители драконов спустили своих цепных псов на Элрика, который уничтожил народ, породивший его, чтобы отомстить Юркуну, захватившему Трон-Рубин?

А потом лицо альбиноса застыло, превратившись в насмешливую маску. Его темно-красные глаза двумя углями сверкнули в полутьме. Левая рука альбиноса упала на рукоять его огромного черного меча — рунного клинка, носившего имя Буреносец. Усилием воли принц подавил нарастающее чувство страха.

Теперь приближающихся существ можно было рассмотреть получше. Они уже не казались драконами. Отдаленно они напоминали разноцветных лебедей, чьи сверкающие перья искрились в последних лучах заходящего солнца.

Когда твари подлетели еще ближе, Мунглум потрясенно пробормотал:

— Какие они огромные!

— Обнажи сабли, Мунглум. Приготовь их и молись богам, что правят в твоем Элвере. Эти твари — создания Хаоса, и их послал Телеб Кан, решивший уничтожить нас. Я начинаю проникаться уважением к этому колдуну.

— Что это за твари, Элрик?

— Я же сказал: «создания Хаоса». В Мелнибонэ их называли *онаями*. Они могут изменять форму. Только колдун, обладающий высшей духовной властью, очень могущественный колдун, знает, как вызвать их и как управлять ими. Кое-кто из моих предков мог проделать подобное. А я-то думал, что колдунам Пан Танга такое не по силам.

— А ты не знаешь какого-нибудь заклинания против них?

— Ничего подходящего не приходит на ум. Только Повелители Хаоса, такие, как мой покровитель Ариох, могут остановить их.

— Позови Ариоха! — взмолился Мунглум.

Элрик удивленно посмотрел на своего товарища.

— Эти существа и впрямь сильно напугали тебя, если ты просишь об этом, Мунглум.

Коротышка вытащил из ножен длинную кривую саблю:

— Может, они летят не к нам. Но лучше быть наготове.

— Все может быть,— улыбнулся Элрик.

Потом Мунглум вытащил вторую саблю и закрутил поводья коня вокруг кисти руки.

Кони били копытами.

Пронзительные крики доносились с неба. Твари перекликались.

Теперь было ясно видно, что это не просто гигантские лебеди. Их клювы покрывала колючая щетина. Твари, словно гигантские змеи, то и дело высовывали наружи длинные раздвоенные языки, как будто собираясь ужалить кого-то.

Они летели прямо к двум путешественникам.

Элрик обнажил меч, а потом поднял его над головой. Буреносец застонал, завибрировал. Черный свет потек по клинку, оттеняя бледные черты альбиноса.

Шазарские кони ржали, вставая на дыбы.

— Ариох! Ариох! Ариох! — поднявшись на стременах, завопил Элрик.— Повелитель седьмого круга Ада, герцог Хаоса, помоги мне! Спаси меня, Ариох!

Конь Мунглума захрапел от страха, и коротышке потребовались все силы, чтобы удержаться в седле. От страха маленький воин побледнел, став похожим на альбиноса.

— Ариох!!!

Онаи кружились над их головами.

— Ариох! Я дам тебе кровь и души, если ты поможешь мне!

И тут в нескольких ярдах от путешественников сгустился черный туман. Клубящая мгла, в глубине которой копошилась какая-то странная, вызывающая отвращение тень.

— Ариох!!!

Туман сгустился...

— Ариох! Я прошу тебя... помоги!!!

Конь альбиноса бил копытами, фыркал и ржал. Глаза животного налились кровью. Элрик казался бешеным волком. Вокруг него клубился темный туман, в котором неожиданно проглянуло странное нечеловеческое лицо. Лицо удивительно прекрасное — лик совершенного зла. Мунглум отвернулся, не в силах перенести взгляд бога-демона.

Томно клубился туман, испещренный темно-красными и изумрудными светящимися точками. А потом послышался сладкий шипящий голос:

— Привет тебе, Элрик. Что опять нужно моему любимцу?

— Спаси меня, Ариох!

— Увы,— произнес бог голосом, полным сожаления.— Боюсь, в этот раз ничего не получится...

— Ты должен помочь мне!

Онаи спустились еще ниже, высматривая путешественников, отчасти скрытых в волшебном тумане.

— Это невозможно, лучший из моих рабов. Есть более важные дела в измерениях Хаоса. Дела, которыми я сейчас занят. Я могу помочь тебе только своим благословением.

— Ариох, прошу тебя!..

— Вспомни свою клятву Хаосу и оставайся верным мне, несмотря на свою обиду. Всего хорошего, Элрик.

И темный туман рассеялся.

Онаи стали снижаться.

Элрик тяжело вздохнул. Рунный меч по-прежнему жалобно подвывал в руке альбиноса. Он дрожал, но постепенно искры на черном клинке стали меркнуть.

Мунглум сплюнул.

— Могущественный повелитель... Будь проклято его непостоянство!..— Затем коротышка соскочил с лошади, а нацелившаяся на него тварь, промахнувшись, промчалась мимо. В этот раз когти *оная* ударили по воздуху. Конь, лишившись всадника, встал на дыбы и ударил копытами крылатое чудовище.

Клыки *оная* щелкнули.

Кровь фонтаном ударила из того места, где раньше находилась голова коня. Тело животного рухнуло, и снег обагрился кровью.

Выплюнув остатки головы, *онай* поднялся повыше.

Мунглум приготовился к новому нападению. В его глазах светилось предчувствие неминуемой смерти.

Элрик соскочил с коня и шлепнул его по боку. Животное галопом понеслось прочь от реки.

Еще один *онай* устремился вниз. Крылатая тварь вцепилась в круп коня Элрика и вскоре растаяла в небесах со своей добычей.

Снег повалил сильнее, но Элрик и Мунглум не замечали этого. Они ожидали новой атаки.

— Элрик, ты знаешь еще какие-нибудь подходящие заклинания? — поинтересовался Мунглум.

Альбинос покачал головой:

— Да нет, ничего стоящего. Правда, *онаи* некогда служили жителям Мелнибонэ. Но они никогда не угрожали нам, поэтому не было необходимости в защитных заклятиях... Я попытаюсь что-нибудь придумать.

Один из *онаев* отвратительно закаркал, зависнув над головами путешественников. Другой отделился от стаи, метнувшись к земле.

— Они всегда атакуют поодиночке,— объяснил Элрик.— Не знаю почему.

Онай опустился на землю и принял форму слона с головой крокодила.

— Не слишком-то изящное создание.

Земля содрогнулась, когда чудовище направилось к путешественникам.

Друзья стояли плечом к плечу. Чудовище приближалось. Оно уже нависало над ними...

...В последний момент путешественники бросились в разные стороны: Элрик — в одну, Мунглум — в другую.

Чудовище проскочило между ними, и тогда альбинос изо всех сил рубанул тварь рунным мечом. Буреносец сладострастно запел, глубоко врезаясь в плоть. Тело твари стало медленно изменяться, а потом вспыхнуло, словно соприкоснувшись с ядом дракона.

Онай был тяжело ранен.

Кровь хлестала из глубокой раны. Тварь закричала, вновь и вновь изменяя формы, словно от этого зависело ее спасение.

Черная кровь фонтаном била из глубокой раны в боку. Из-за многочисленных перевоплощений она текла в венах твари под большим давлением.

Вот *онай* рухнул на колени. Его жизнь угасала. Мерцающая чешуя потускнела. Тварь дернулась и замерла. Но перед самой смертью она превратилась в огромное, черное, напоминающее свинью существо — самое омерзительное создание, которое когда-либо видели Элрик и Мунглум.

— Немудрено, что такая тварь любит менять форму своего тела,— усмехнулся Мунглум.

Потом он вновь посмотрел вверх.

Снижалась следующая тварь. Она размахивала множеством крыльев, заканчивающихся изогнутыми когтями, словно созданными для ловли рыбы. Хвост *оная* напоминал гигантский штопор.

Приземлившись, существо стало меняться.

Оно приняло человеческий облик. Огромная, прекрасная фигура, раза в два выше Элрика. Обнаженный гигант с отсутствующим взглядом. Из его рта великана капала слюна. Существо побежало к путешественникам, вытянув руки и собираясь схватить их.

На этот раз Элрик и Мунглум остались стоять плечом к плечу.

Острая сабля рыжеволосого коротышки глубоко вонзилась в руку чудовища, а Элрик отсек твари два пальца. Тогда *онай*

вновь стал изменяться, сначала превратившись в осьминога, а потом в гигантского тигра. Затем он принял облик скалы, которую пересекала глубокая трещина, обнажавшая белые щелкающие клыки.

Переводя дыхание, два человека ждали новой атаки. Вот у основания скалы появилась небольшая лужица крови. Тогда у альбиноса появилась интересная идея.

Решив рискнуть, он размахнулся и обрушил меч на вершину скалы, разрубив чудовище надвое.

Черный меч издал звук, похожий на смешок, когда рассеченное существо забилось, обернувшись в свиноподобное создание. Почти разрезанное пополам, оно истекало кровью. Его внутренности вывалились на землю.

Потом из снежной мглы появился следующий *онай*. Он напоминал извивающуюся оранжевую крылатую змею.

Элрик ударил мечом, но тварь промчалась мимо слишком быстро. Остальные чудовища наблюдали за альбиносом, оценивая свою добычу. Неожиданно кольца змеиного тела обвили руки альбиноса, и он почувствовал, как его поднимают в воздух. В тот же миг еще одна тварь, приняв змееподобную форму, рухнула на Мунглума.

Элрик приготовился к смерти, собираясь разделить участь коня Мунглума. Он предпочитал погибнуть в лапах чудовищ, лишь бы избежать мучительной смерти, обещанной ему Телеб Каном.

Чешуйчатые крылья захлопали над головой альбиноса. Но ни одного крика не вырвалось из пасти чудовищ.

Принц почувствовал отчаянье, когда *онаи* понесли его и Мунглума на север над великой равниной Лормура.

Сомневаться не приходилось, их тащили на встречу с Телеб Каном.

Глава 3
ЛЕДЯНАЯ ПУСТЫНЯ

Наступила ночь, а *онаи* без устали летели вперед. Пленники смутно различали их темные тела сквозь пелену падающего снега. Хватка тварей не ослабевала, хотя Элрик и старался вырваться. Он по-прежнему сжимал в руках рунный меч и пытался

придумать, как со связанными руками достать клинком пленившее его чудовище. Если бы он только вспомнил заклинание...

Элрик пытался понять, как Телеб Кан вызвал этих чудовищ, если, конечно, их вызвал именно он. Занимаясь колдовством, альбинос основную часть времени посвящал способам общения с элементалями воздуха, огня, земли, воды.

Вскоре принц понял, что помочь ему может только Филит — повелительница птиц, которая обитала в ином измерении. Но он никак не мог вспомнить необходимого заклинания.

Даже если бы альбинос вспомнил нужные слова, он не смог бы без подготовки произнести руны, чтобы заручиться помощью Филит. Она считалась могущественнее остальных элементалей, и вызвать ее было так же сложно, как и Ариоха.

Элрик услышал, как сквозь пелену падающего снега его зовет Мунглум.

— В чем дело, мой друг? — откликнулся Элрик.

— Я только... пытаюсь узнать... есть ли... способ остаться в живых?

— Конечно.

У альбиноса заиндевело лицо. Его шлем и нагрудник покрылись корочкой льда. Все тело ныло от сдавливающих объятий *онаи* и порывов холодного ветра.

Они летели все дальше и дальше на север. Элрик расслабился и погрузился в транс, восстанавливая по памяти древние руны. На заре рассеялись тучи и лучи красного солнца залили снег. Внизу простиралась равнина — снежное поле от горизонта до горизонта. Небо казалось синим полотном, на котором сияло красное пятно солнца.

По-прежнему неутомимые, *онаи* летели вперед. Элрик постепенно пришел в себя и поблагодарил своих неправедных богов, надеясь, что вспомнил необходимые слова.

У него замерзли губы. Он облизал их. Ему показалось, что плоть заменил лед. Однако колдуну удалось заставить губы зашевелиться. В приоткрытый рот ударил поток холодного воздуха. Альбинос закашлялся и запрокинул голову. Его кроваво-красные глаза яростно сверкнули.

Он стал произносить заклятие, тщательно выговаривал странные слова — слова тайного древнего языка Мелнибонэ, мало приспособленного для гортани человека.

— Филит,— наконец прошептал он.— Филит, приди... — А потом принялся распевать заклинания.

Когда зазвучали древние руны, Элрик почувствовал, как потеплел меч. Клинок вновь стал наполнять тело альбиноса энергией. Древние заклинания все громче и отчетливей звучали в ледяном небе.

Элрик снова и снова повторял руны. В его голове мелькали образы и символы, которые мешали ему сосредоточиться. Может, поэтому зов альбиноса оставался безответным.

Столетия назад колдуны — императоры Мелнибонэ — заключили договор с Филит — повелительницей птиц, тех птиц, которые обосновались на имррирских стенах. Никто, в чьих жилах текла мелнибонийская кровь, не смел убить ни одной птицы. Люди выполнили свою часть договора, и небеса над Грезящим городом были полны всевозможными птицами, которые порой укутывали своими телами, как плащом, городские башни...

Элрик распевал руны, напоминавшие о договоре, пытаясь заставить королеву птиц выполнить свои обязательства.

Не первый раз призывал Элрик элементалей и их сородичей. Не так давно альбинос обращался к Повелителю ящериц, чтобы погубить мерзкое создание Телеб Кана. Да и раньше он не раз прибегал к помощи элементалей ветра — *сильфов* и *шарнахов*, а также просил о помощи элементалей земли.

Конечно, Филит была весьма непостоянна... тем более теперь, когда Имррир лежал в руинах. Королева могла и забыть о древнем договоре...

— Филит...

Альбинос вновь начал слабеть. У него не осталось сил на борьбу с Телеб Каном, если бы они сейчас встретились.

— Филит...

И вдруг воздух вздрогнул. Огромная тень упала на *онаев*, несущих на север Элрика и Мунглума.

Голос альбиноса задрожал. Но, подняв взгляд, он облегченно прошептал:

— Благодарю, Филит...

Небо было черно от птиц — орлы и малиновки, грачи и скворцы, павлины и фламинго, голуби и попугаи, горлицы и сороки, вороны и совы. Их перья сверкали, словно сталь, а крики наполняли воздух.

Онай, который нес Элрика, поднял змеиную голову и зашипел. Длинный раздвоенный язык высунулся меж передних клыков клюва, а хвост, извиваясь, стал бить из стороны в сторону. Одна из тварей изменила форму, превратившись в гигантского кондора, и ринулась к обширному воинству птиц.

Но те ожидали ее.

Онай исчез, погребенный под массой птиц. Раздались крики, а потом что-то черное и свиноподобное по спирали полетело к земле.

Следующее чудовище приняло форму дракона, немного похожего на тех, что служили Элрику, когда он правил Мелнибонэ. Но этот дракон был больше мелнибонийских и не обладал грацией Огненного Клыка и остальных.

В воздухе повис запах горелой плоти и перьев. Огненный яд хлынул на союзников Элрика.

Но птиц становилось все больше. Они кричали, свистели, каркали и ухали. Воздух стонал под ударами миллионов крыльев. Вот и этот *онай* исчез, и снова послышался приглушенный крик, снова искалеченный труп твари рухнул на землю.

Полчище птиц разделилось надвое и ринулось в атаку на чудовищ, которые несли Элрика и Мунглума. Стаи птиц напоминали две гигантские стрелы. Во главе каждой группы летели десять огромных золотистых орлов. Они нацелились когтями достать глаза *онаев*. Птицы приблизились. Колдовские твари стали менять форму, и в какой-то миг Элрик почувствовал, что падает. Его тело больше не повиновалось ему. Он казался себе вытесанной из камня статуей. Теперь он думал только об одном: как удержать в руках Буреносец. И еще альбинос проклинал себя за недальновидность. Выходило так, что он вырвался из лап созданий Хаоса, чтобы разбиться о заснеженную землю.

Но тут его плащ натянулся, и падение замедлилось. Запрокинув голову, альбинос увидел, что несколько орлов сжимают в клювах его плащ, замедляя падение. Упав на землю, Элрик ощутил всего лишь сильный удар.

Орлы взмыли вверх.

В нескольких метрах от альбиноса приземлился Мунглум. Его опустила на землю другая стая орлов. Тут же птицы взмыли

в небо, чтобы присоединиться к своим сородичам, сражавшимся с последними *онаями*.

Мунглум подобрал саблю, которая в момент приземления выпала у него из руки, убрал ее в ножны, а потом принялся растирать правую икру.

— Больше никогда не стану есть птиц,— заявил он, а потом повернулся к Элрику.— Значит, тебе все-таки удалось вспомнить заклинание?

— Конечно.

Еще две свиноподобные туши рухнули на землю неподалеку от путешественников. Какое-то время птицы еще кружили в воздухе, словно танцевали, частично отдавая салют людям, частично веселясь после победы. Потом они разделились на стаи и быстро разлетелись. Вскоре ни одной птицы не осталось в синем ледяном небе.

Только тогда Элрик убрал в ножны Буреносец. Потом альбинос глубоко вздохнул и посмотрел вверх.

— Благодарю, Филит!

— Как тебе удалось ее вызвать, Элрик? — удивился Мунглум.

Альбинос снял шлем и вытер пот.

— Существует древний договор, который заключили с ней мои предки. Хотя должен сознаться: я едва вспомнил нужные слова.

— Что я могу сказать? Я рад, что тебе это удалось!

Элрик отрешенно кивнул. Он водрузил шлем на голову и осмотрелся.

Во все стороны простиралась засыпанная снегом равнина.

Мунглум понял, о чем размышляет Элрик, и, задумавшись, почесал щеку.

— Да... Мы заблудились. Не знаешь, куда нас могло занести?

— Даже не представляю, Мунглум. Не знаю, как далеко затащили нас эти твари, но думаю, что мы находимся где-то к северу от Исаза. Теперь мы гораздо дальше от него, чем были до нападения.

— Но тогда и Телеб Кан должен быть где-то здесь! И если мы действительно хотим найти его...

— Пожалуй, это логично. Я согласен с тобой.

— Направимся на север?

— Нет-нет...

— Почему?

— На то есть две причины. Может быть, Телеб Кан специально приказал унести нас как можно дальше от того места, где он сейчас находится, чтобы мы не расстроили его планы. Ему ведь гораздо удобнее отнести нас подальше от цели нашего путешествия, чем встретиться с нами лицом к лицу.

— Ну, да... А вторая причина?

— Нам нужно попасть в Исаз, чтобы запастись провизией для дальнейшего путешествия. Вдобавок мы точно выясним, что Телеб Кана в столице нет. И потом, надо быть полнейшими идиотами, чтобы направиться на север без лошадей. В Исазе мы подыщем выносливых коней и, надеюсь, купим сани, на которых легче путешествовать по такому снегу.

— Отличная идея. Но я не уверен, что мы сумеем добраться до Исаза.

— Мы должны идти и надеяться, что нам встретится река, на берегу которой мы сможем раздобыть лодку. Тогда мы в два счета доберемся до столицы.

— Верится с трудом, Элрик.

— И все же стоит попытаться.

Альбинос очень ослабел. Энергия, появившаяся в нем в тот миг, когда он понял, что Филит пришла на его зов, угасла. Он знал, что скоро погибнет. Но это будет смерть, о которой он мечтал — безболезненная смерть.

Путники с трудом тащились по снегу. Медленно брели они на юг — две крошечные фигурки на замерзшей равнине; два маленьких комочка теплой плоти в огромной ледяной пустыне.

Глава 4
СТАРЫЙ ОДИНОКО СТОЯЩИЙ ЗАМОК

Прошел день.

Наступила ночь.

Вечером следующего дня два человека по-прежнему брели вперед, уже давно утратив всякое ощущение пространства.

Снова наступила ночь.

Теперь путники пробирались вперед ползком. Они молчали. Ледяной ветер пронизывал их тела насквозь. Холод и опустошенность переполняли их. Наконец они упали в снег и замерли, даже не сознавая, что перестали двигаться. Для них стерлась грань между жизнью и смертью.

А когда поднялось солнце и чуть согрело их тела, они зашевелились, подняв головы, быть может, для того, чтобы последний раз взглянуть на мир, который уже готовы были покинуть.

И тут они увидели замок.

Он высился посреди равнины и казался очень древним. Снег припорошил мох и лишайник, прикрывавшие его истертые каменные стены. Казалось, он стоял тут века, но никогда ни Элрик, ни Мунглум не слышали о замке, в одиночестве возвышающемся посреди равнины Лормура. Трудно было понять, как такой замок мог существовать в землях, некогда считавшихся краем мира.

Мунглум поднялся первым. Он побрел через глубокий снег к тому месту, где лежал Элрик. Трясущимися от холода руками коротышка помог своему другу встать.

Жидкая кровь альбиноса уже почти перестала пульсировать в хилом теле принца. Элрик вздохнул, когда Мунглум склонился над ним. Он попытался что-то сказать, но губы не слушались его.

Поддерживая друг друга, то шагая, то передвигаясь ползком, они дотащились до ворот замка.

Те оказались открыты. Путники вошли. Тепло, идущее из внутренних покоев, оживило их. Им удалось подняться по лестнице и зайти в огромный зал.

Пустой зал.

Почти пустой, потому что в дальнем углу высился огромный камин из кварца, в котором полыхал огонь. Путешественники направились к камину по полу, вымощенному лазуритовыми плитами.

— Кажется, замок необитаем.

Голос Мунглума эхом разнесся по залу. Немного придя в себя, коротышка осмотрел стены, облицованные базальтовыми пластинами. Потом он громко произнес:

— Приветствуем владельцев этого замка. Мы — Мунглум из Элвера и Элрик из Мелнибонэ — просим у вас пристанища. Мы заблудились в этих землях.

Вдруг у альбиноса подкосились ноги и он упал.

Мунглум споткнулся о тело принца. Эхо его слов замерло где-то в глубинах замка. Молча путешественники доползли до источника тепла.

Мунглум подтолкнул альбиноса к пламени, а сам растянулся рядом.

— Согрей кости, друг Элрик. Я же поищу тех, кто обитает здесь.

Коротышка встал, пересек зал и по каменной лестнице поднялся на второй этаж.

Там было много комнат, но все — пустые. У Мунглума возникло неприятное ощущение, словно кто-то, прячась, следит за ними. Может, они попали в замок Телеб Кана?

Кто же обитает здесь? Ведь развел же кто-то огонь и вовремя открыл ворота, чтобы замерзающие путники смогли войти. Хозяева не покидали замок, потому что снаружи Мунглум не заметил никаких следов.

Коротышка остановился, затем развернулся и медленно начал спускаться по лестнице. Вернувшись в зал, он увидел, что Элрик подобрался поближе к камину и постепенно приходит в себя.

— Ну... что-нибудь обнаружил? — тихим голосом спросил альбинос.

Мунглум покачал головой

— Ничего. Нет хозяев, нет слуг. Если они отправились на охоту, то, по-видимому, улетели на каких-то крылатых созданиях. На снегу возле замка не было никаких следов. Должен сказать, это меня несколько беспокоит.— Тут он улыбнулся.— Похоже, теперь нам грозит голодная смерть. Я искал кладовую... Возникни какая-нибудь опасность, мне хотелось бы встретить ее лицом к лицу. Но тяготы легче переносить с полным желудком.

В зале было еще две двери — одна рядом с камином. Мунглум отодвинул засов, и дверь открылась. Он вошел в коридор. Сжимая обнаженную саблю, он отворил дверь в противоположном конце коридора. За ней оказалась гостиная, пустая, как и остальные комнаты замка. За гостиной Мунглум обнаружил кухню замка, но там не было никаких продуктов. Все убрано и вычищено. Никаких признаков съестного. Наконец Мунглум добрался до кладовой.

Там он нашел огромный кусок оленины, висящий на крюке, шкаф, уставленный рядами сосудов с вином. На полке Мунглум обнаружил черствый хлеб и всевозможные приправы.

Первое, что сделал Мунглум,— встал на цыпочки и достал бутыль вина, вытащил пробку и понюхал.

Никогда в жизни он не ощущал такого восхитительного запаха.

Попробовав вино, он забыл о синяках, обморожении и усталости, но не забыл, что Элрик ждет в зале его возвращения.

Короткой саблей коротышка отрезал кусок оленины и зажал его под мышкой. Он выбрал несколько баночек со специями и засунул их за пояс, а напоследок прихватил хлеб и бутыль с вином.

Вернувшись в зал, он разложил добычу на столе и угостил Элрика вином. Удивительная жидкость подействовала на альбиноса самым положительным образом.

— Ты верный друг...— улыбнулся он.— Удивляюсь почему...

Мунглум отвернулся со смущенной улыбкой. Он посыпал мясо специями, решив зажарить его на огне.

Коротышка никогда не задумывался о причинах своей дружбы с альбиносом — этом удивительном переплетении сдержанности и верности, которые рождали полную гармонию. Оба скитальца оставались верны друг другу даже в совершенно безвыходных ситуациях.

Элрик, помня, что его страсть привела к смерти Циморил и уничтожению города, который он любил, боялся проявлять нежную привязанность к кому бы то ни было.

Он покинул Шари из племени танцующих в тумане — ту, которая любила его. Он бежал от королевы Ютаны из Джаркора, хотя она предложила альбиносу свое королевство. Мунглум, однако, оставался с Элриком постоянно. Он мог умереть за Элрика, но при этом знал: принц пойдет на любые жертвы, если Мунглум окажется в опасности. Было ли в их дружбе что-то дурное? Может, разумнее было бы разойтись в разные стороны? Впрочем Элрик, как и сам Мунглум, никогда не задумывался об этом. С некоторых пор коротышка стал неотъемлемой частью его жизни.

Принц не понимал, почему это произошло, хотя и догадывался об истинных причинах. Но уроженцам Мелнибонэ трудно найти ответ на подобные вопросы.

Элрик размышлял над всем этим, пока Мунглум жарил мясо на огне, используя свою длинную саблю вместо вертела.

Выпив еще вина, Элрик постепенно пришел в себя, хотя его обмороженная кожа зудела и местами покрылась волдырями.

Потом путешественники молча съели мясо. Отсутствие хозяина замка ставило их в тупик. Насытившись, они уснули, подкинув в камин новых дров. И к утру путешественники чувствовали себя совсем неплохо.

Они позавтракали холодной олениной и хлебом, запив все это волшебным вином.

Мунглум нашел котел и согрел воду, после чего путешественники привели себя в порядок. Элрик, скатав несколько кусков теста, приложил их к наиболее обмороженным участкам кожи.

— Я осмотрел конюшню,— рассказывал Мунглум, заканчивая бриться.— Там тоже никого нет. Но я нашел странные следы. Совсем недавно там содержались какие-то звери.

— Что ж, ничего не поделаешь, придется идти пешком,— вздохнул Элрик.— Хотя может статься, на конюшне мы найдем сани. Тогда считай, нам повезло — ведь снег в этих землях будет лежать еще полгода. На санях мы быстро доберемся до Исаза. Хорошо бы, конечно, найти еще и карту.

Мунглум согласился.

— Я еще раз осмотрю верхние этажи,— предложил коротышка.

Элрик поднялся.

— Пойдем вместе.

Они долго бродили по пустым комнатам, но ничего не нашли.

— Ничего ценного,— нахмурился Элрик.— И это постоянное ощущение, что замок необитаем и, возможно, проклят...

Путешественники обошли два этажа, но в комнатах ничего не было.

— Думаю, нам пора двигаться дальше,— устало сказал Мунглум.— Эх, взять бы какую-нибудь доску и попробовать соорудить хоть что-то похожее на сани. Давай-ка заглянем еще раз в стойло...

Они добрались до узкой лестницы, которая вела в самую высокую башню замка.

— Пойдем глянем, что там... Тогда можно будет считать, что мы осмотрим весь замок,— предложил Элрик.

Они поднялись по лестнице и подошли к приоткрытой двери. Альбинос широко ее распахнул, но не стал заходить внутрь.

— Что такое? — поинтересовался Мунглум, который стоял у Элрика за спиной.

— Это комната — не пустая,— произнес альбинос.

Мунглум приподнялся на носки, глянул через плечо альбиноса и задохнулся от удивления.

— Там кто-то есть!

Это была прекрасная комната. Сквозь тонкие кристаллы слюды, закрывавшие окна, в комнату тек бледный свет. Сверкали пестрые шелка, гобелены казались настолько сочны, что создавалось впечатление, что они сотканы всего лишь мгновение назад.

В центре комнаты возвышалась кровать под балдахином, убранная горностаями. А на кровати лежала девушка.

Ее волосы цветом напоминали крыло ворона. Она была одета в темно-красный наряд. Ее руки и ноги, казалось, выточены из слоновой кости, а лицо выглядело удивительно бледным. Губы девушки едва заметно подрагивали. Красавица спала.

Элрик сделал пару шагов по направлению к постели, а потом резко остановился и отвернулся.

Мунглум встревоженно посмотрел на альбиноса и заметил слезы в его глазах.

— В чем дело, Элрик?

Альбинос пошевелил белыми губами, но не смог ничего ответить. Глухой стон вырвался из его груди.

— Элрик...

Мунглум положил руку на плечо друга. Элрик скинул ее.

Потом он медленно повернулся к кровати, пытаясь убедить себя в невозможности этого ужасного зрелища. Глубоко вздохнув, он положил руку на рукоять рунного меча.

— Мунглум...

Он через силу заставил себя говорить. Мунглум посмотрел на девушку, потом перевел взгляд на Элрика. Может, альбинос узнал красавицу?

— Мунглум... Это колдовское наваждение...

— Ты уже видел что-то подобное?

— Она... она... На нее наслали такой же сон, каким мой кузен Юркун заколдовал Циморил...

— Боги! Ты думаешь, что...

— Я ничего не думаю!

— Но это не...

— Нет, это не Циморил. Я знаю. Я уверен в этом. Я... Она похожа на Циморил... Удивительно похожа. Но она не... Она не та единственная, которую я не смог сберечь.

Элрик покачал головой.

— Пойдем отсюда,— позвал он глухим голосом.

— Но она, наверное, хозяйка этого замка. Если мы разбудим ее, то сможем...

— Она не проснется. Я же сказал, Мунглум... Это не просто сон...— Элрик вздохнул.— Я не смог разбудить Циморил, даже использовав все свои колдовские силы. Здесь бесполезно все волшебство, если не знаешь специальных заклинаний. Поторопись, Мунглум! Пойдем отсюда!

Едва слышно Мунглум возразил:

— Но...

— Тогда я пойду один!..

С этими словами Элрик выбежал из комнаты. Мунглум услышал, как шаги альбиноса прогремели по лестнице. Коротышка подошел к спящей девушке и посмотрел на нее.

Он коснулся ее кожи и вздрогнул, почувствовав неземной холод. Он вышел из комнаты, задержавшись лишь на мгновение, чтобы осмотреть древние щиты и оружие, висящие на стене за кроватью. Странные украшения для комнаты прекрасной женщины. Потом Мунглум обратил внимание на деревянный стол, на котором что-то лежало. Коротышка приблизился к столу и увидел карту, на которой были отмечены и Зарфа-Трепек, и замок.

С краю, прижимая карту к столу, лежал магнетит в серебряной оправе на длинной цепочке.

Схватив карту одной рукой, а магнетит другой, Мунглум выбежал из комнаты.

— Элрик! Элрик!

Он спустился по ступенькам и очутился в зале, но Элрика здесь уже не было — входная дверь была распахнута.

Мунглум последовал за альбиносом.

— Элрик!

Альбинос обернулся. Его лицо кривилось от душевных мук.

Мунглум показал ему карту и магнетит.

— Теперь мы спасены!

Элрик безразлично разглядывал снежную равнину.

— Да... Мы спасены...

Глава 5
СОН ПРИНЦА ДРАКОНОВ

Через два дня Элрик и Мунглум достигли устья Зарфы-Трепек. Там располагался город Алораз. Его башни и дома были сделаны из восхитительного резного дерева.

В Алоразе собирались охотники за пушниной, рудокопы, торговцы из Исаза и Терпесаза. Веселый, суматошный город Алораз... Освещенные улицы, горящие жаровни на каждом углу. Алоразцы, закутанные в толстые шерстяные одежды, радостно приветствовали Элрика и Мунглума, вошедших в город.

Путешественники с трудом прокладывали себе дорогу через веселящуюся толпу.

Пока они пробирались по улицам, смеющиеся розовощекие женщины и бородатые, закутанные в меха мужчины, чье дыхание клубилось в воздухе, смешиваясь с дымом жаровен, не раз угощали их легким вином. Потягивая вино прямо из мехов, горожане тут же, прямо на улице, заключали сделки с торговцами, восседавшими на двуколках, запрудивших весь город.

Элрик же хотел узнать последние новости. Он решил, что для этого стоит зайти в таверну. Мунглум безошибочно определил месторасположение лучшего постоялого двора Алораза и вернулся за альбиносом, чтобы проводить его туда.

Путешественники зашли в шумную таверну. Зал оказался загромождён большими деревянными столами и скамьями. Сюда набилось множество торговцев, и многие из них оживленно спорили, тряся мехами и демонстрируя друг другу их качество. Порой они насмехались над мехами соседей, считая, что их товар скажет сам за себя.

Оставив Элрика у входа, Мунглум направился к стойке, чтобы переговорить с хозяином — толстым человеком с лоснящимся красным лицом.

Элрик увидел, что хозяин согнулся в поклоне, услышав слова Мунглума. А потом трактирщик взмахом руки пригласил путешественников следовать за ним.

Пока Элрик пробирался через зал, какой-то оживленный торговец наступил ему на ногу, но, вежливо извинившись, предложил альбиносу вина.

— Не беспокойтесь,— безучастно откликнулся принц.

— Это была моя ошибка, господин, не пригласить вас за стол...— продолжал настаивать купец.

Но, случайно встретившись взглядом с альбиносом, он замолчал. Пробормотав еще раз слова извинения, он сел, прошептав что-то одному из своих собутыльников.

Элрик последовал за Мунглумом. Хозяин проводил их по лестнице в отдельную комнату, где, по его словам, имелось все необходимое.

— Такие комнаты дорого стоят в зимнее время,— пояснил хозяин. Мунглум вздрогнул, когда Элрик вложил в руку трактирщика небольшой рубин, стоивший целое состояние.

Хозяин с благодарностью посмотрел на альбиноса, а потом рассмеялся.

— Эта гостиница полностью в вашем распоряжении. Большое спасибо! Должно быть, торговля приносит большую прибыль в этом сезоне? Я пришлю вам выпивку и закуску.

— Все самое лучшее,— распорядился Мунглум, пытаясь извлечь хоть какую-то выгоду из неразумного поступка своего товарища.

— Да-да... я пришлю все самого лучшего качества.

Элрик уселся на одну из кроватей, скинул плащ и перевязь с мечом.

— Я хочу, чтобы ты отдал мне все наши сбережения,— заявил Мунглум, вытянув ноги к огню.— Ты расходуешь их совершенно неразумно, а деньги нам еще пригодятся.

Но Элрик пропустил его замечание мимо ушей.

Плотно поужинав, они узнали у хозяина таверны, что послезавтра в Исаз отправляется корабль. Потом путешественники легли спать.

Сон Элрика был тревожным. Множество фантомов бродило по темным коридорам его разума.

Он видел кричащую Циморил, и черный меч вновь пил ее душу. Альбинос вновь гулял по улицам горящего Имррира, наблюдал, как рушатся прекрасные башни. В бессилии смотрел он на хихикающего Юркуна — своего двоюродного брата, который, восседая на Троне-Рубине, наслаждался властью. И еще Элрик видел то, чего не было на самом деле.

Ныне некогда полноправный повелитель жестокого народа Мелнибонэ, Элрик долго скитался по землям Молодых королевств, понимая, что ему нет места среди людей. А тем временем Юркун восседал на троне, силой пытаясь заставить Циморил подчиниться ему. Когда же она отказалась, Юркун погрузил ее в колдовской сон, из которого никто, кроме него, не мог ее вывести.

Потом Элрику приснилось, что он нашел *нанорион* — мистическую драгоценность, которая могла разбудить даже мертвых. Ему приснилось, что Циморил жива, но спит. Тогда он возложил *нанорион* ей на лоб, и она проснулась, поцеловала его, и они вместе покинули Имррир, улетев на Огненном Клыке — самом большом боевом драконе Мелнибонэ. Они перебрались в мирный замок, утонувший в снегу.

Тут альбинос проснулся.

В комнате было тихо.

Даже шум внизу поутих.

Альбинос открыл глаза и увидел Мунглума, спокойно спящего на соседней кровати.

Элрик попытался заснуть опять, но не смог. Он чувствовал, что в комнате есть еще кто-то. Протянув руку, он схватил Буреносец, приготовившись отразить нападение. Может, воры узнали, что он расплатился с хозяином постоялого двора драгоценным камнем, и решили ограбить альбиноса, пока он спит?

Услышав шорох, он открыл глаза.

Волосы незнакомки словно черные реки струились по плечам. Одета она была в алое платье. Ее губы кривились в ироничной улыбке, а глаза внимательно следили за Элриком.

Это была та самая девушка, которую он видел в замке. Спящая девушка. А может, все это сон? Может, он еще не проснулся и незваная гостья грезится ему?

— Прости меня за это вторжение, господин, но мне нужна твоя помощь. У меня мало времени.

Элрик видел, что Мунглум не просыпается.

Альбинос сел.

Буреносец вздохнул было, но потом затих.

— Кажется, ты знаешь меня, но я не...

— Меня зовут Мишелла.

— Императрица зари?

Она улыбнулась:

— Некоторые называют меня так. Другие же нарекли темной дамой Канелуна.

— Вы — любовница Аубека? Как вам удалось сохранить свою молодость, госпожа Мишелла?

— В этом нет моей заслуги. Так и должно быть. Я бессмертна, хотя не всегда уверена в этом. Знаю лишь, что время обманчиво...

— Откуда вы взялись?

— Неважно... Я не смогу долго оставаться здесь. Мне нужна твоя помощь.

— Что случилось?

— Мне кажется, у нас общий враг.

— Телеб Кан?

— Ну да.

— Это он усыпил тебя?

— Да.

— И послал за мной *онаев*? Это как...

Темная дама подняла руку, прервав Элрика:

— *Онаев* послала за тобой я. Мне хотелось, чтобы они принесли тебя ко мне. Они не причинили бы тебе никакого вреда. Но к тому времени, как ты со своим товарищем попали в мой замок, чары Телеб Кана уже подействовали. Я сопротивлялась его колдовству, но оно оказалось сильнее меня. Я смогла пробудиться лишь на очень короткое время. Очень ненадолго. Дело в том, что Телеб Кан нашел себе нового союзника — принца Умбду, повелителя воинов Келма. Они строят планы завоевания Лормура, а потом всех южных стран!

— Кто такой Умбда? Я никогда не слышал о нем, о воинах Келма... Это какой-то аристократ Исаза, который...

— Принц Умбда служит Хаосу. Он пришел из земель, расположенных по другую сторону края мира. Воины Келма — нелюди, хотя внешне и походят на людей.

— Значит, Телеб Кан сейчас далеко на юге?

— Поэтому я и пришла к тебе.

— Вы сказали, что вам нужна моя помощь...

— Мы оба хотим, чтобы Телеб Кан был уничтожен. Его колдовство помогло принцу Умбде пересечь край мира. Теперь Телеб Кан стал еще более могущественным... Принц Умбда — посланник Хаоса. Я оказывала поддержку Лормуру и служила Порядку... Мне известно, что тебе помогают темные силы Хаоса, но, надеюсь, ты ненавидишь Телеб Кана достаточно сильно и сможешь на время отказаться от своих обязательств перед Ариохом.

— Богам Хаоса больше нет до меня дела, госпожа. Так что можно считать, что я уже забыл свои обещания. Я должен отомстить Телеб Кану, и новый союзник придется весьма кстати.

— Значит, договорились.

Девушка вздохнула, и ее глаза заблестели. Затем ее голос стал меняться, в нем послышались сонные нотки.

— Чары Телеб Кана опять берут верх над моими заклинаниями. Скакун для тебя приготовлен. Он ждет у северных ворот города. Он отнесет тебя на остров в Кипящем море, где находится дворец, называемый Ашенелун. Там я жила, пока опасность не нависла над Лормуром.— Мишелла приложила руку ко лбу и тяжело вздохнула.— Телеб Кан уверен, что я вернусь туда, поэтому оставил у врат замка стража. Когда ты убьешь его, ты должен пойти...

Темная дама закачалась.

Элрик вскочил, чтобы поддержать Мишеллу. Она отшатнулась.

— Не прикасайся ко мне... Значит, ты пойдешь в восточную башню. Там в сундуке хранится мешочек. Довольно большой мешочек, из золотой ткани. Ты должен отнести его в Канелун, потому что Умбда и воины Келма в первую очередь отправятся к моему замку, чтобы разрушить его... и уничтожить меня. Умоляю тебя, сделай все, о чем я тебя прошу, иначе все южные королевства погибнут и ты никогда не сможешь победить Телеб Кана.

— А как же Мунглум? — Элрик посмотрел на спящего друга.— Он должен сопровождать меня?

— Лучше не надо. Хотя он мне очень нравится. Сейчас я не стану будить его...— Темная дама зевнула, прикрыв рот очаровательной ладошкой.— У тебя нет времени, поспеши.

Альбинос стал поспешно одеваться. Он нацепил перевязь с мечом, потом накинул на плечи плащ. Наконец Элрик вновь подошел к Мишелле, но она опять остановила его движением руки.

— Отправляйся в дорогу, пожалуйста...

И исчезла.

Сонный Элрик открыл дверь и спустился вниз. По темным ночным улицам отправился он к северным воротам Алораза и, выйдя из города, стал медленно пробираться по снегу, высматривая дорогу. Холод сковывал его движения. Вскоре альбинос увяз в снегу.

Пытаясь выбраться, Элрик вдруг в изумлении замер, увидев скакуна, которого приготовила ему Мишелла.

— Что это? Еще одна химера?

Альбинос осторожно приблизился к странному созданию.

Глава 6
ПТИЦА ИЗ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА

Это была птица, но не из плоти и крови.

Птица из серебра, золота и меди. Когда Элрик подошел ближе, птица захлопала крыльями и стала переминаться на огромных лапах с гигантскими когтями. Изумрудные глаза металлического чудовища внимательно разглядывали альбиноса.

На спине птицы было седло, вырезанное из оникса и инкрустированное золотом и медью.

— Ладно. Если уж я обещал участвовать в этом деле, то самым разумным будет завершить его как можно скорее,— пробормотал Элрик себе под нос.

Он подошел к птице и забрался в седло.

Крылья из золота и серебра забили, словно сотни литавр. Потом металлическая птица стала подниматься в ночное небо Алораза. Она повернула голову к седоку и открыла клюв, украшенный драгоценностями.

— Господин, мне приказали доставить тебя в Ашенелун.

Элрик махнул белой рукой:

— Вот и неси, куда приказано. Потом я должен буду отблагодарить тебя и твою госпожу.

Принц откинулся в седле. Крылья птицы с новой силой ударили по воздуху. Птица летела все быстрее, унося Элрика в морозную ночь. Они летели над снежной равниной, над горами, над реками. Наконец на западе показалось Кипящее море.

Сквозь смолистую тьму летела птица из золота и серебра. Вскоре Элрик почувствовал, как на смену сухому холодному воздуху пришел сырой и теплый. Снизу до альбиноса доносились загадочные булькающие звуки. Он понял, что они уже летят над удивительным Кипящим морем.

Пар окружил птицу и ее всадника. Духота стала невыносимой. Но вот Элрик заметил силуэт острова — маленького скалистого клочка суши, на котором возвышалось здание со стройными башнями и куполами.

— Дворец Ашенелун,— объявила птица из золота и серебра.— Я высажу тебя на какую-нибудь плоскую крышу, но боюсь, страж может напасть на тебя до того, как ты выполнишь поручение моей госпожи. Я буду ждать тебя здесь. Если ты останешься жив, я отнесу тебя в Канелун. А если погибнешь, я одна вернусь к своей госпоже, чтобы рассказать ей о твоем поражении.

Очутившись над дворцом, птица зависла в воздухе.

Альбинос перебросил ногу через седло. Он осмотрелся по сторонам и, не заметив ничего опасного, спрыгнул на плоскую крышу.

Птица торопливо нырнула в черное небо.

Элрик остался один.

Вокруг царила тишина, которую нарушал лишь грохот тяжелых волн далекого прибоя.

Сориентировавшись, Элрик направился к дверям восточной башни. У него еще оставался шанс выполнить задание, не повстречавшись со стражем замка.

Но тут за спиной альбиноса раздался чудовищный рык, извещавший, что страж знает о появлении в замке незваного гостя.

Тварь приближалась, и ее глаза злобно светились.

— Значит, ты — слуга Телеб Кана,— вздохнул Элрик. Он потянулся к Буреносцу, и меч, казалось, сам прыгнул в руку Элрика.— Я должен убить тебя, или ты сам уйдешь с моего пути?

Существо снова взревело, но не сдвинулось с места.

— Я — Элрик из Мелнибонэ, последний в роду великих императоров,— продолжал альбинос.— Этим клинком я не просто убью тебя, друг мой. Меч выпьет твою душу и накормит меня. Может, ты слышал мое другое имя? Меня еще называют похитителем душ.

Существо хлестало себя по бокам тонким хвостом. Ноздри его раздувались. Оно мотало рогатой головой на короткой шее. Длинные клыки сверкали во тьме. Вот тварь стала подбираться к принцу Мелнибонэ.

Элрик сжал меч обеими руками и широко расставил ноги. Он был готов к схватке с чудовищем. Зловонное дыхание твари ударило ему в нос. Послышался рев, и тварь кинулась на человека.

Буреносец взвыл и полыхнул черным светом. Руны, выгравированные на клинке, замерцали. Чудовище ударило Элрика лапой, разодрав рубаху альбиноса и оцарапав ему грудь.

Колдовской меч обрушился на чудовище.

Демон, чешуйчатым плечом отразив удар, взвыл и отскочил в сторону, чтобы тут же напасть снова. Элрик покачнулся. Алая кровавая полоса протянулась по всей его руке, от плеча до запястья.

Элрик ударил снова, задев мечом морду демона. Тот пронзительно закричал и вновь отскочил. И опять лапы твари коснулись альбиноса, и кровь из многочисленных порезов залила грудь Элрика.

Воин отпрянул назад и потерял равновесие. Едва не упав, он чудом удержался на ногах. Чудовище попыталось снова ударить, но Буреносец оттолкнул лапы твари в сторону.

Альбинос начал задыхаться, испытывая отчаяние. Но глаза его по-прежнему сверкали ненавистью.

— Ты же знаешь, что я Элрик! — закричал альбинос.— Я — Элрик!

Тварь бросилась вперед.

— Я — Элрик... и я больше демон, нежели человек! Убирайся вон, выродок!

Завывая, тварь прыгнула. Элрик с трудом отбил эту атаку. А потом его лицо исказила гримаса гнева. Крутанувшись на месте, он молниеносно развернулся и вонзил меч в разверстую пасть чудовища.

Альбинос с силой вогнал черный меч в горло демона. Словно кол он пропихивал его все дальше и дальше. Обычный меч давно бы уже сломался, но колдовской клинок лишь подвывал от удовольствия.

Потом Элрик изо всех сил рванул клинок в сторону, и тот изнутри рассек челюсть, шею, грудь и пах твари. Рунный меч начал пить жизненную энергию обитателя преисподней. Лапы твари еще пытались дотянуться до Элрика, но силы уже покинули чудовище, утолив голод Буреносца.

Меч пульсировал, вливая в альбиноса грозную энергию, и Элрик задохнулся, закричав в зловещем экстазе. Демоническая сила переполняла его. Выдернув меч из глотки своей жертвы, Элрик стал рубить тело твари. Со стоном чудовище рухнуло на каменные плиты.

И умерло.

Белолицый демон застыл над чешуйчатым демоном. Темно-красные глаза Элрика сверкали, и из его бледного рта вырывался безумный хохот. Наконец альбинос поднял Буреносец, мерцавший ужасным черным пламенем, и потряс им над головой, словно угрожая небесам. А меч выл — пел хвалебную песнь Повелителям Хаоса.

Внезапно наступила тишина.

Демон Элрик опустил голову и зарыдал.

* * *

Элрик вошел в восточную башню и, пошатываясь, побрел по темному коридору к нужной ему комнате. Дверь этой комнаты оказалась заперта. Буреносец, вновь покинув ножны, с первого же удара разнес дверь вдребезги, и последний повелитель Мелнибонэ вошел в слабо освещенную комнату, в центре которой стоял низенький сундук, обитый металлом.

Разбив запоры сундука, Элрик откинул крышку и увидел, что внутри сундука хранится множество диковинок, в том числе и мешочек из золотой ткани. Альбинос вытащил мешочек и засунул его за пояс, потом, покинув восточную башню, вернулся на крышу, где его уже ждала птица из золота и серебра. Она клевала металлическим клювом останки слуги Телеб Кана.

Когда птица заметила Элрика, в ее глазах вспыхнули веселые огоньки.

— Отлично, господин. Теперь поспешим в Канелун.

— Да, конечно...

Элрика мутило. Он печально глянул на мертвого стража и задумался об украденной душе твари. Альбиносу показалось, что в душе демона таилась отрава — зло, которое влилось в его тело вместе с похищенной энергией.

Альбинос взобрался в седло и заметил, что среди растерзанных останков демона что-то ярко блестит. Присмотревшись внимательнее, Элрик увидел камень неправильной формы, причудливо мерцавший синим, пурпурным и изумрудным. Сердце твари еще пульсировало, хотя тело уже погибло.

Элрик вернулся к трупу и подобрал сердце чудовища. Оно показалось альбиносу твердым и удивительно горячим. Альбинос положил находку в свой кошель, а потом уселся в седло.

Когда они вновь пролетали над Кипящем морем, Элрик принялся осматривать свои раны.

Но думал он о другом. Мысленно возвращаясь в прошлое, Элрик пытался предугадать свое будущее. Неприятные мысли роились у него в голове. Дважды он горько рассмеялся. А потом глаза его наполнились слезами и он воскликнул:

— Ах, эта мучительная агония — жизнь!

Глава 7
КОГДА СМЕЕТСЯ КОЛДУН

Они прилетели в Канелун на заре. Еще издалека Элрик увидел огромную армию, расположившуюся на заснеженной равнине неподалеку от стен замка. Он понял, что это — воины Келма, которых привели Телеб Кан и принц Умбда, чтобы захватить одинокий замок.

Птица из золота и серебра села у ворот замка, и Элрик выпрыгнул из седла. Птица тут же поднялась в воздух и улетела.

Огромные ворота Канелуна оказались заперты. Запахнувшись в разодранный плащ, Элрик забарабанил кулаками в ворота и сдавленным голосом позвал:

— Мишелла! Мишелла!

Но ответа не было.

— Мишелла! Я принес то, что ты просила!

В какой-то миг альбинос испугался, решив, что волшебница снова погрузилась в колдовской сон. Глянув на юг, он заметил, что темные тени теперь намного ближе к замку.

— Мишелла!!!

Тут он услышал, как заскрипели засовы, и ворота открылись. За воротами стоял Мунглум. В глазах коротышки застыли страх и тоска.

— Мунглум?! А ты как здесь очутился?

— Не знаю, Элрик.— Мунглум отступил, чтобы альбинос смог войти в замок. Потом он задвинул засов.— Я спал, когда ко мне пришла та женщина, ну, которую мы видели спящей. Она сказала, что я должен куда-то отправиться вместе с ней. Я начал собираться, но каким чудом я оказался здесь, не знаю.

— А где эта женщина?

— Там же, где мы видели ее в первый раз. Она спит, и я не смог ее разбудить.

Элрик глубоко вздохнул и кратко рассказал другу то, что он узнал о Мишелле и о воинстве, которое окружало замок Канелун.

— Ты знаешь, что хранится в этом мешочке? — поинтересовался Мунглум.

Элрик покачал головой и, открыв мешочек, заглянул в него.

— Здесь ничего нет, кроме розового тумана. Видимо, в нем заключено могучее колдовство, если Мишелла уверена, что с его помощью победит воинов Келма.

Мунглум нахмурился:

— Что ж, если Мишелла надеется на помощь этого тумана, она, наверное, знает, какими свойствами он обладает...

— Не сомневаюсь в этом.

— И она думает, что сможет разрушить чары Телеб Кана?

— Да.

— Боюсь, уже поздно что-то предпринимать. Умбда под стенами замка.

— Увы...

Руки Элрика задрожали, когда он достал из своего кошеля камень, найденный в останках демона.

— Знаешь, я долго думал об этом камне...

— И?

— Существует легенда, повествующая о демонах, использовавших вместо сердец такие вот удивительные камни.— Элрик повернул камень к свету, и синие, пурпурные, изумрудные огоньки заискрились на его поверхности.— Я никогда не видел ничего подобного, но уверен: это именно та вещь, которую я долго искал, когда пытался разбудить Циморил, вытащить ее из колдовского сна. Эти камни называют *нанорионами*, и они обладают большой магической силой. Они даже мертвого могут вернуть к жизни... или пробудить ото сна, похожего на смерть.

— Значит, этот *нанорион* разбудит Мишеллу?

— Если и может ее что-то разбудить, так только этот камень. Пойдем.— Элрик пересек зал и поднялся по лестнице в комнату Мишеллы. Казалось, здесь ничего не изменилось.

— Теперь понятно, почему в ее комнате столько оружия,— заметил Мунглум.— Предание гласит: всякий, кто любил императрицу зари, совершал подвиги в ее честь. Все эти щиты и мечи некогда принадлежали рыцарям Мишеллы.

Элрик кивнул и вполголоса заметил:

— Да, именно так. Когда-то она была врагом Мелнибонэ...

Осторожно держа в руке мерцающий камень, альбинос подошел к изголовью и возложил его на лоб девушки.

— По-моему, ничего не произошло,— некоторое время спустя заметил Мунглум.— Она даже не шелохнулась.

— Надо было еще прочитать заклинания, но я их не помню,— Элрик сжал виски.— Я не помню их...

Мунглум отошел к окну.

— Может, спросим у Телеб Кана? — иронично предложил он.— Скоро он будет здесь.

Вдруг Мунглум заметил, что глаза альбиноса наполнились слезами. Элрик отвернулся, чтобы его друг не заметил этого.

Мунглум откашлялся.

— Похоже, у меня появилось одно дельце внизу,— пробормотал коротышка.— Позови, если понадобится помощь.

Он вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Элрик остался один на один с женщиной, которая казалась ожившим кошмаром из мрачных снов альбиноса.

Элрик собрался и, пытаясь направить мысли в нужную сторону, вспоминал крестовидные руны тайного языка Мелнибонэ.

— Боги! — прохрипел он.— Помогите мне!

Но альбинос знал: сейчас повелители Хаоса не помогут ему. Наоборот, они попытаются помешать. Ведь Мишелла была одной из самых главных среди слуг порядка на Земле и всячески препятствовала распространению Хаоса.

Элрик опустился на колени. Его руки вцепились в край кровати. Лицо исказилось от душевных мук.

А потом Элрик неожиданно вспомнил нужные слова. Он поднял голову и, вытянув правую руку, коснулся переливающегося камня, а левую руку он простер над животом Мишеллы. Потом он запел заклинание на древнем языке, возникшем еще в те времена, когда на Земле не было людей.

* * *

— Элрик!

Мунглум ворвался в комнату, и Элрик очнулся.

— Элрик! Замок скоро будет захвачен! Они послали всадников...

— Что?..

— Они уже ворвались в замок. Я обнаружил это и заложил вход в башню. Они сейчас ломятся сюда. Я думаю, их послали убить Мишеллу, до того как она проснется. Встреча со мной их озадачила.

Элрик поднялся и взглянул на спящую волшебницу. Он успел дважды пропеть заклинания, когда его прервал Мунглум. Но Мишелла по-прежнему не шевелилась.

— Заклинания Телеб Кана продолжают действовать,— заметил коротышка.— Конечно, Мишелла не способна сама защититься, но колдун ведь не рассчитывал, что здесь появимся мы.

Элрик торопливо покинул комнату и спустился к содрогающейся от ударов и уже потрескавшейся двери.

— Держись сзади, Мунглум.

Элрик обнажил тихо замурлыкавший меч, поднял его и рубанул по двери.

Она рассыпалась, и вместе с ней раскололись два черепа странной формы — черепа воинов Келма.

Остальные нападавшие отшатнулись назад с криками удивления и ужаса, когда белолицый колдун атаковал их. Его огромный меч пил души врагов и пел странную песнь.

Элрик погнал противников вниз по ступеням, в зал, где те, сбившись в кучу, попытались противостоять принцу драконов и его адскому мечу.

Альбинос смеялся, а его противники дрожали. И мечи у них в руках тоже дрожали.

— Значит, вы и есть великие воины Келма? — усмехнулся альбинос.— Неудивительно, что вы нуждаетесь в колдовстве, раз вы такие трусливые. Неужели по другую сторону края мира вы не слышали об Элрике?

Но, видимо, воины Келма не понимали речей альбиноса, хотя он говорил на общем языке, известном всем жителям Земли.

У воинов Келма были золотистая кожа и странные квадратные глаза. Их лица казались вырубленными из камня — настолько резко выпирали скулы, подбородок, челюсти, лоб... Их броня тоже изобиловала острыми углами.

Элрик в улыбке оскалился. Воины Келма отступали, даже не пытаясь защищаться. Поняв, что победил, альбинос расхохотался. Мунглум отвернулся, не желая смотреть на предстоящую резню.

Рунный меч взвыл. Головы, руки, ноги полетели в разные стороны. Хлынули потоки крови. Черный меч с наслаждением пил души несчастных. На улицах убитых воинов застыл ужас — перед смертью они успевали понять, какая судьба ожидает их.

А Буреносец пировал, пытаясь утолить свою адскую жажду.

Вот Элрик почувствовал, как жизненная энергия хлынула по его жилам, но в ней таилось что-то злое, как и в силе демона Телеб Кана. Зал задрожал от безумного хохота альбиноса. Перешагивая через распростертые тела, принц подо-

шел к открытым вратам, где в ожидании застыла вражеская армия.

— Телеб Кан! Телеб Кан! — закричал Элрик, призывая своего врага.

Мунглум кинулся следом за своим другом, умоляя его остановиться. Но альбинос не замечал коротышку. Он шагал по снегу как одержимый, а стекающая с меча кровь оставляла на белоснежном полотне снега алую дорожку.

В свете холодного солнца армия Келма выступила к замку Канелун. Элрик вышел встретить ее.

Над воинами, красуясь на стройной лошади, возвышался ликующий колдун Пан Танга, разодетый в мерцающие волшебные одежды. Рядом с ним сидел принц воинов Келма — Умбда. Он был закован в великолепную броню, а на голове носил шлем со сверкающим плюмажем. Он торжествующе улыбался.

Воины Келма тащили за собой странные боевые машины, выглядевшие очень внушительно. Они казались более могучими, чем все, что Лормур мог противопоставить им.

Одинокая фигура отделилась от стен замка Канелун. Телеб Кан поднял руку, приказывая остановиться. От удивления он даже приподнялся в стременах, а разглядев, кто перед ним, расхохотался.

— Откуда взялся здесь этот мелнибонийский шакал, во имя всех богов Хаоса?! Может, он вспомнил, кто его повелители, и пришел помочь мне?!

Элрик приблизился, но Телеб Кан продолжал смеяться.

— Сюда, сюда, Элрик... Встань на колени перед своим господином!

Элрик, казалось, не слышал криков колдуна Пан Танга.

В глазах принца Умбды появилось беспокойство, и он что-то произнес на странном языке. Телеб Кан фыркнул и ответил ему на том же языке.

Тем временем альбинос приблизился к вражеским воинам.

— Остановись, Элрик! — крикнул Телеб Кан. Его лошадь беспокойно перебирала копытами.— Идиот, неужели ты заключил договор с Мишеллой? Канелун и его хозяйка будут уничтожены раньше, чем падет Лормур... А Лормур очень скоро будет нашим.

Элрик остановился и посмотрел на колдуна. Холодная улыбка заиграла на его бледных губах.

Телеб Кан встретился взглядом с Элриком, но быстро отвел взор. Его голос дрогнул, когда он снова заговорил:

— Ты не сможешь в одиночку противостоять воинам Келма!

— Я не боюсь твоих прихвостней. Станет их больше или меньше, меня это не волнует. Но я хочу получить твою жизнь!

Лицо колдуна скривилось.

— Неужели? Ты не получишь ее! Люди Келма, хватайте его!

Колдун развернул лошадь и умчался, скрывшись за рядами воинов, откуда продолжал выкрикивать приказы на странном языке.

Из замка выбежал еще один человек.

Это был Мунглум из Элвера. В руках коротышка сжимал сабли.

— Элрик, мы умрем вместе!

Принц драконов обернулся.

— Уходи, Мунглум!

Коротышка заколебался.

— Прошу тебя, уходи, если ты любишь меня!

Мунглум нерешительно отступил к воротам замка.

Вперед вылетели всадники Келма, размахивая палашами. Вражеские воины окружили альбиноса. Они боялись Элрика, но рассчитывали, что их противник бросит ужасный меч и взмолится о пощаде. Но Элрик по-прежнему улыбался.

А потом Буреносец завел смертоносную песнь. Элрик сжал меч обеими руками и обрушил его на ближайшего всадника. Он крушил врагов, очерчивая мечом круг за кругом, словно танцовщица Таркеша, двигающаяся в танце. Его меч двигался все быстрее и быстрее, унося жизни и души воинов Келма.

Через мгновение всадники кинулись врассыпную, бросив своих мертвых товарищей около альбиноса. Но принц Умбда, посоветовавшись с Телеб Каном, снова направил воинов в атаку.

Альбинос опять принялся крутить меч, но всадники Келма на этот раз вели себя осторожнее. Однако все равно закованные в броню тела падали с коней. Кровь умирающих пропитала снег. Кони скидывали мертвых всадников. А Элрик ос-

тавался невредим. Но меч, выпивший слишком много душ, подвел альбиноса. Энергия, переполнявшая Буреносец, пульсировала в металле, но не могла прорваться к хозяину меча. А собственные силы Элрика уже начали иссякать.

— Будь ты проклят, Буреносец! Дай же мне силы!

Воины старались задеть Элрика, но альбинос оставался неуязвим для них. Он отбивал все атаки и рубил своих врагов.

— Дай мне силы!!!

Альбинос был много сильнее обычного человека, но дикая ярость постепенно оставляла его, и он подумал, что может не справиться с таким числом врагов, и почувствовал, как спадает с глаз кровавая пелена. Он потряс головой и глубже задышал.

— Дай же мне их силы, черный меч!

Он рубил ноги, руки, тела и головы и весь был залит кровью врагов. Но смерть теперь уже не казалась Элрику хуже, чем жизнь. Повсюду валялись трупы. Принц драконов то и дело спотыкался о них.

— Что с тобой случилось, рунный меч? Ты отказываешься помогать мне? Ты не хочешь сражаться потому, что они, как и ты, служат Хаосу?.. Нет, этого не может быть!

Но меч не желал больше питать тело Элрика.

Альбинос сражался еще час, прежде чем руки, сжимавшие меч, ослабели и одному из всадников, полуобезумевшему от ужаса, удалось нанести альбиносу удар, отшвырнув Элрика на груду мертвых тел. Принц драконов попытался подняться. Ему нанесли еще один удар, и он потерял сознание.

Глава 8
АРКАН ПЛОТИ

— Что ж, все получилось даже лучше, чем я надеялся,— удовлетворенно прошептал Телеб Кан.— Но мы оставим его в живых.

Элрик открыл глаза и с ненавистью уставился на колдуна, который умиротворенно отдыхал и поглаживал черную бороду.

Альбинос помнил, как его принесли сюда. Ему запали в душу потоки крови, громовые раскаты смеха, смерть, витавшая над обагренной кровью равниной. Но эти воспоминания притупились, словно все происходящее он видел во сне.

— Ну, подонок, твоя глупость удивила меня. Я-то думал, у тебя за спиной армия. Но теперь вижу, что у тебя просто нелады с головой... Мне предначертана великая судьба. Я заключил сделки с существами иных миров. Всех тех миров, которые посетил. Но мне нужно твое тело — я должен продемонстрировать королеве Ютане, чего стоит ее любовник, прежде чем ты умрешь.

Элрик печально усмехнулся и посмотрел по сторонам.

Воины Келма ждали приказаний. Они так и не вошли в Канелун. Солнце уже висело над горизонтом. Альбинос увидел гору трупов, а потом заметил страх и ненависть на лицах воинов с золотистой кожей.

— Я не люблю Ютану,— отчужденно объявил Элрик, словно его не заботило присутствие Телеб Кана.— Твое сердце, полное ревности, заставило тебя думать так. Я оставил Ютану для тебя. Элриком из Мелнибонэ никогда не движет любовь... Им всегда движет ненависть.

— Я не верю тебе,— хмыкнул Телеб Кан.— Когда мы покорим все королевства юга, я поставлю Ютану на колени, а потом сделаю ее королевой всего запада, который мы тоже завоюем. Мы могущественны! Мы станем повелителями Земли!

— Люди Пан Танга размножились, как тараканы, и теперь мечтают завоевать для себя весь мир, не думая о том, что могут нарушить равновесие, сложившееся среди Молодых королевств...

— Когда-нибудь,— зафыркал Телеб Кан,— Пан Танг станет империей, которая затмит своим величием империю Мелнибонэ. И тогда память о Мелнибонэ сгорит на кострах истории. Но сейчас я действую не во имя славы Пан Танга...

— А ради Ютаны? Во имя всех богов, колдун, я радуюсь, что мною всегда двигала ненависть, а не любовь! Я не настолько жалок, чтобы делать что-то во имя любви...

— Я брошу все южные страны к ногам Ютаны, и она отблагодарит меня!

— Меня утомили эти разговоры. Что ты сделаешь со мной?

— Сначала я буду развлекаться, терзая твое тело. Мне придется действовать очень осторожно. Поначалу я причиню тебе незначительную боль, потом постепенно буду усиливать ее, пока ты не сойдешь с ума. Затем я поторгуюсь с повели-

телями высших миров и отдам тебя тому, кто подороже оценит твою душу.

— А что будет с Канелуном?

— Воины Келма захватят Канелун. А мне хватит столового ножа, чтобы перерезать горло Мишелле, пока она спит.

— Она будет защищаться.

Телеб Кан на мгновение нахмурился, а потом опять рассмеялся:

— Да-да, конечно... Врата замка скоро разобьют, и твой маленький рыжеволосый друг погибнет, как и Мишелла.

Он провел рукой по волосам.

— Я исполню просьбу принца Умбды. Воины Келма останутся здесь, пока не захватят замок. И Канелун будет гореть всю ночь.

Элрик посмотрел на замок. К нему вели утоптанные снеговые дорожки.

— Я...— заговорил альбинос, но осекся.

Он увидел что-то золотисто-серебряное. Птица, усевшаяся на стену одного из бастионов замка, заставила Элрика замолчать.

— Что?..— резко повернулся в сторону замка Телеб Кан.

— Ничего... Просто мне любопытно, куда девался мой меч.

Колдун пожал плечами:

— Он там, где ты его бросил. Мы не прикасались к нему, потому что не пользуемся подобными адскими штучками. Ни один из нас...

Элрик обдумывал, что может произойти, если он позовет меч. Конечно, самому ему не удастся воспользоваться Буреносцем, так как его руки стянуты шелковыми шнурами, но все же стоит попытаться...

Элрик поднялся.

— Хочешь сбежать? — встревоженно поинтересовался Телеб Канн.

— Я хочу видеть, как твои воины ворвутся в Канелун,— улыбнулся альбинос.— Больше ничего.

Колдун вытащил кривой кинжал.

Элрик, прикрыв глаза, что-то зашептал.

Телеб Кан подскочил к альбиносу. Обхватив его за шею, колдун приставил кинжал к горлу принца драконов.

— Заткнись, шакал!

Но Элрик знал, что это — его единственный шанс. Альбинос продолжал шептать, надеясь, что Телеб Кан, раз решив предать его мучительной смерти, сразу его не убьет.

Сыпя проклятиями, Телеб Кан пытался заткнуть Элрику рот.

— Первое, что мне нужно сделать, так это вырезать твой поганый язык!

Элрик укусил колдуна за руку, и его рот наполнился кровью чародея. Альбинос сплюнул.

Телеб Кан взревел то ли от боли, то ли обиды.

— Пусть меня проклянут, если я не буду наслаждаться твоим мучениями долгие-долгие месяцы. Я...

И вдруг около замка раздались крики. Вопли удивления. Кричало разом несколько человек. Телеб Кан вновь повернулся в сторону замка. Какая-то огромная тень мелькнула вдалеке.

А Элрик все звал.

— Буреносец! Буреносец! — кричал он.— Иди ко мне!

Телеб Кан едва успел отскочить от альбиноса. Он бросился под защиту воинов Келма.

— Буреносец!

Черный меч взвыл в воздухе рядом с Элриком.

А воины Келма, те, что столпились около замка, безумно кричали. Еще одна тень отделилась от стен Канелуна.

— Принц Умбда! — завопил Телеб Кан.— Скорее ломайте ворота! Мы в опасности!

Умбда не понял колдуна, и Телеб Кану пришлось перевести свои слова на таинственный язык Келма.

— Не дайте альбиносу взять меч! — кричал колдун. Потом он приказал что-то на языке Келма, и несколько воинов выбежали вперед, чтобы схватить меч, прежде чем тот окажется в руках своего хозяина.

Но Буреносец увернулся и сразил одного из воинов. После этого никто не рискнул приблизиться к рунному клинку.

— Элрик! — вновь кричал Телеб Кан.— Даже если тебе удастся скрыться, я все равно настигну тебя.

— Если я спасусь, то непременно сам найду тебя, Телеб Кан,— выкрикнул в ответ Элрик.— Уж будь уверен!

Существо, отделившееся от стен Канелуна, было из золота и серебра. Оно промчалось над головами воинов Келма и зависло над альбиносом. Элрик хорошо видел птицу, но ему

никак не удавалось рассмотреть ее седока. И все-таки он решил, что это Мунглум пытается спасти его никчемную жизнь.

— Не приземляйся! — закричал Элрик.

— Не давайте птице сесть! Она прилетела, чтобы спасти альбиноса! — вопил Телеб Кан.

Но воины Келма не понимали его. Они готовили таран для штурма замка.

Телеб Кану снова пришлось повторить приказ на их языке, но воины не слушали его. Они, не обращая внимания на металлическую птицу, кружившую у них над головами, готовились к штурму.

— Буреносец! — все еще звал Элрик.

Наконец меч, слегка задев запястье правой руки альбиноса, рассек путы. Элрик вновь был свободен, но воины Келма не торопились вступать с ним в новую схватку и не обращали внимания на разъяренного Телеб Кана, требовавшего, чтобы они немедленно схватили альбиноса.

Несколько мгновений Элрик стоял не шевелясь.

Потом принц Умбда что-то крикнул.

Огромный отряд воинов направился к Элрику, который пытался понять, чего добивается сидящий на птице Мунглум.

Хотя птица продолжала кружить над воинами, создавалось впечатление, что бедственное положение альбиноса не волнует ее седока.

Может, его предали?

Альбинос парировал несколько ударов. Воины Келма сгрудились вокруг белолицего чародея, мешая друг другу. На какое-то время птица из золота и серебра скрылась из поля зрения альбиноса.

А где же Телеб Кан? Элрик попытался найти взглядом колдуна Пан Танга, но тот прятался за спинами воинов.

Альбинос убил одного солдата Келма, перерубив ему шею. Сила вновь потекла в жилы Элрика. Сделав глубокий выпад, он пронзил сердце другого воина. Но противникам не было числа. Однако неизвестно, чем закончится эта схватка, если принцу драконов на помощь не придет Мунглум из Элвера.

Птица из золота и серебра приближалась, но очень медленно. Может, коротышка ждал приказаний от спящей волшебницы? Или птица перестала его слушаться?

Элрик прорубал себе дорогу, вновь оставляя позади себя на грязном, залитом кровью снегу горы трупов. Он мужественно отражал все атаки, но надежда на спасение угасала с каждой минутой.

Птица забирала вправо.

Альбинос мрачно подумал, что он, наверное, ошибался. Вероятно, птица покинула стены замка, чтобы спастись. Тогда ему суждено очень скоро погибнуть... Мунглуму и Мишелле тоже...

Тогда Канелун обречен.

Лормур и все Молодые королевства — обречены.

И сам он — обречен...

А потом птица пронеслась над сражающимися воинами, которые в ужасе отступили. Воздух наполнился странным шумом.

Элрик вздохнул с облегчением, когда металлические крылья птицы подняли в воздухе бурю, повалившую большую часть воинов Келма с ног. Элрик увидел, что в седле сидит не Мунглум, а Мишелла. Волосы волшебницы развевались на ветру.

— Быстрее, Элрик! Садись, пока они вновь не сомкнули ряды!

Элрик спрятал меч в ножны и вскочил в седло позади Мишеллы. Когда они поднялись в воздух, на них обрушился град стрел. Но стрелы с мелодичным звоном ударялись о металлические перья птицы и падали вниз.

— Покружи еще над воинами Келма,— приказала волшебница птице, а потом обернулась к Элрику.— Твои заклинания и *нанорион* развеяли чары Телеб Кана, хоть те и оказались сильнее, чем мы думали. Смотри, принц Умбда приказал своим воинам седлать коней и скакать к замку Канелун. А у Канелуна сейчас только один защитник — Мунглум.

— Зачем же мы теряем время и кружим над армией принца Умбды?

— Позже ты поймешь.

И тут волшебница запела. Это были странные, волнующие кровь заклинания на языке, не похожем на тайный язык Мелнибонэ, хотя альбинос и разобрал несколько слов, произнесенных с незнакомым акцентом. Птица сделала круг над враже-

ским лагерем. Элрик видел, как противник строится в боевые ряды. Несомненно, принц Умбда и Телеб Кан решили взять Канелун штурмом.

Обогнув замок, огромная птица села на бастион замка, и Элрик с Мишеллой соскочили на каменные плиты. Мунглум выбежал встречать их. Втроем они подошли к бойнице, чтобы взглянуть на наступающих врагов.

И увидели, что воины Келма замерли, словно статуи.

— Что происходит? — удивился Элрик, но Мишелла подняла руку, призывая к тишине.

— Может быть, еще ничего и не происходит. Колдовство могло и не сработать.

— А что вы сделали?

— Я развеяла по ветру содержимое твоего мешочка.

— А если это колдовство не подействует? — спросил Мунглум, а потом вздрогнул.— О боги, что это?

Тогда довольная Мишелла объявила кровожадным голосом:

— Это — аркан плоти.

На снегу что-то росло. Призрачное, розовое, колеблющееся. Поразительно огромное. Масса расползалась, окружая замерших воинов Келма. Фыркали лошади, неспособные сдвинуться с места. А потом закричали люди.

Аморфное создание росло очень быстро, и скоро вся армия Келма была охвачена арканом плоти. Над снежной равниной понеслись безумные вопли. Вот плоть сомкнулась над воинами, и Элрик услышал звук, который, как ему показалось, он никогда не забудет.

Чуть позже послышался голос...

Нет, голоса. Голоса тысяч людей, напуганных одним и тем же и умирающих одной и той же смертью. Это был стон безысходности, бессилия, ужаса. Стон столь могучий, что затряслись стены замка Канелун.

— Это не смерть для воина,— прошептал Мунглум отворачиваясь.

— Но это — наше единственное оружие,— возразила Мишелла.— Я владею им с давних пор, но еще никогда не возникало нужды использовать его.

— Похоже, только Телеб Кан мог избежать смерти,— заметил Элрик.— Если, конечно, ему удалось вовремя удрать...

Наступила ночь.

Аркан плоти продолжал сжимать в своих объятиях воинов Келма. Лишь несколько лошадей, находившихся за пределами лагеря, когда начало действовать колдовство, остались невредимы.

Аркан уничтожил воинство принца Умбды, которое не знало языка Молодых королевств и явилось завоевать этот мир, призвав на помощь силы Хаоса.

Аркан уничтожил всех воинов нечеловеческой расы Келма. Он поглотил их.

А потом, задрожав, он рассыпался, став прахом.

Ни единого кусочка плоти не осталось ни от людей, ни от животных. На снегу валялись одежды, оружие, доспехи, арканы, упряжь, монеты — они покрывали равнину до самого горизонта.

Мишелла удовлетворенно кивнула.

— Это — настоящий аркан плоти...— проговорила она.— Благодарю тебя, Элрик, за то, что ты принес его мне. Думаю, тебе пришлось немало потрудиться, чтобы исполнить мою просьбу. Благодарю тебя за спасение Лормура.

— Пустяки,— отмахнулся Элрик.— После разговора с вами я сделал все, что мог.

На него навалилась усталость, и он отвернулся.

Вновь пошел снег, саваном покрывая поле надавней битвы.

— За что вы благодарите меня, госпожа Мишелла? Я удовлетворил свои темные желания, удовлетворил жажду мести. Я уничтожил Телеб Кана. А все остальное меня не волновало — ни Лормур, ни Молодые королевства. Даже к вашей участи я был совершенно безразличен.

Мунглум заметил, что Мишелла оценивающе окинула альбиноса взглядом и едва заметно улыбнулась.

Элрик направился к лестнице, чтобы спуститься в зал.

— Подожди,— остановила его Мишелла.— Этот замок — волшебный. Он исполняет желания всякого, кто вошел в него...

— Послушайте, я вполне доволен. Мой враг — Телеб Кан погиб. А сейчас я хочу уйти.

— Значит, ты больше ничего не хотел получить от жизни?

Альбинос в упор посмотрел на Мишеллу.

— Я понял вас... Ваше появление, я...— Принц вздрогнул всем телом.— А чего хотите вы?

Она потянулась к нему.

— Не надо задавать никаких вопросов.— Мишелла поманила альбиноса к себе.— Посмотри, в этом замке есть все, что только можно пожелать. Разве это не то, что ты хотел получить от жизни?

Элрик внимательно огляделся. Его глаза широко открылись. Он закричал. В ужасе он упал на колени. Он смотрел на Мишеллу, умоляя смягчить приговор.

— Нет, Мишелла! Нет! Я не хочу!!!

Волшебница опять поманила альбиноса.

Мунглум помог своему другу подняться.

— Что это? Что со мной?

Элрик выпрямился и положил руку на меч, а потом твердым голосом объявил:

— Госпожа, я убью вас, если пойму, что вы пытаетесь очаровать меня.

Он опустил взгляд, и на некоторое время воцарилось молчание.

— Мишелла,— неожиданно заговорил Мунглум.— Элрик никогда не обретет того, чего хочет. Его желание невыполнимо. Женщина, которую он любил, мертва. Он преисполнен печалью, раскаянием и ненавистью ко всему миру.

— Он мог получить все, чего ни пожелал бы.

Волшебница закрыла лицо ладонями и поспешно направилась в комнату, где альбинос впервые увидел ее. Элрик пошел за ней.

Мунглум посмотрел им вслед, но остался на месте.

Он видел, как они вошли в комнату и как за ними закрылась дверь.

Потом коротышка вернулся на стену замка и застыл, вглядываясь в темноту. Он видел сверкающую точку далеко в небе — птицу из золота и серебра, уносящуюся прочь. Ее оперение подобно драгоценному камню сверкало в лунном свете. Но птица становилась все меньше и меньше, и постепенно сияние, исходившие от нее, померкло. Птица исчезла.

Мунглум вздохнул. Было холодно.

Он вернулся в замок и уселся на пол, прислонившись к колонне. Он попытался заснуть.

Вдруг из комнаты на вершине башни донесся смех.

И этот смех заставил Мунглума вскочить на ноги. Стремглав побежал он по коридорам, через огромный зал, где в камине уже давно потух волшебный огонь,— он бежал прочь из замка...

А жуткий смех преследовал его.

До утра звенел он в его ушах.

Часть 9
ЛОВУШКА ДЛЯ ПРИНЦА ДРАКОНОВ

...Надсокор — город нищих. В нем Элрик встретил старого друга и старого недруга.

«Хроника черного меча»

Глава 1
ГОРОД НИЩИХ

Надсокор — город нищих — считался одной из самых неприятных столиц Молодых королевств. Он раскинулся близ шумной реки Варкоуки, неподалеку от королевства Орг, прославившегося ужасным лесом Турус, который распространял зловоние на десятки миль.

Город нищих слыл местом неприятным. Сюда стекались нищие всего мира. Они пробирались сюда, попрошайничая по дороге и воруя все, что плохо лежало. С добычей являлись они в Надсокор и передавали награбленное королю, рассчитывая на его покровительство.

Король нищих правил в Надсокоре уже много лет. Его прозвали Урих Шестипалый, потому что на правой руке у него было всего четыре пальца, а на левой — два.

Грязные, давно нечесанные волосы обрамляли лицо этого короля — лицо, покрытое сеткой морщин и вздувшихся вен, нездоровый цвет которого не могли скрыть ни пудра, ни грим. На этой маске, некогда бывшей лицом, сверкали два выцветших глаза.

Символом королевской власти считался огромный мясницкий нож, который король Урих носил на поясе. Его трон был вырезан из грубо обработанного черного дуба и украшен кусочками золота, кости и полудрагоценными камнями. Под троном, в сундуке, хранились сокровища Надсокора.

Большую часть дня Урих бездельничал, развалясь на троне в унылом грязном зале, где собирались его придворные — толпа вонючих оборванцев. Между ними вечно разгорались склоки. Было неудивительно, что именно эти люди оседали в

Надсокоре, потому что ни одно другое королевство не хотело иметь таких граждан.

Для того чтобы согреть и осветить тронный зал, постоянно горел огонь на медных жаровнях. В них сжигались всевозможные отбросы. Поэтому здесь под потолком всегда витали клубы маслянистого дыма и стоял прогорклый запах.

* * *

Но теперь при дворе короля Уриха появился гость. Он стоял у подножия трона. Время от времени он подносил к лицу платок, обильно политый духами.

Его темное лицо посерело, а в пронзительных глазах застыла мольба, свойственная всем нищим. Этот человек носил шелковые свободные одежды Пан Танга. У него был крючковатый нос и иссиня-черные волосы и борода. Какое-то время гость изучал старую закопченную жаровню у подножия трона, а потом, низко кланяясь, поднялся к трону Уриха.

Корыстолюбие, старческая немощь и зависть читались на лице короля, пока он разглядывал таинственного чужеземца. К тому же Уриху понравилось имя гостя, и он решил, что попытается заключить какую-нибудь выгодную сделку с уроженцем Пан Танга.

— Я слышал, Телеб Кан, ты был убит где-то в Лормуре, неподалеку от края мира...— начал повелитель города нищих. При этом Урих усмехнулся, обнажив черные пеньки давным-давно сгнивших зубов.

Телеб Кан опять поднес платок к лицу. В его голосе прозвучала боль, словно колдун только сейчас вспомнил о своих ошибках.

— Мое искусство не настолько слабо, чтобы я не мог избежать чар, обрушившихся на меня в тот день, когда аркан плоти уничтожил воинов Келма. В тот раз я скрылся под землей.

— Ты забился в нору?

Глаза волшебника гневно сверкнули.

— Нет. Я просто не стал бороться с...— Тут он замолчал, глубоко вздохнул и насторожился. Он посмотрел по сторонам, разглядывая придворных, проживавших в этом убогом городе.

Все они в глубине души насмехались над ним. Нищие Надсокора знали силу бедности и болезни...

Король Урих закашлялся.

— А сюда тебя тоже привела твоя магия?

— Я пересек несколько морей и долго странствовал по Вилмиру,— объяснил Телеб Кан.— Потом я услышал, что вы ненавидите остальную часть человечества.

— Да, мы ненавидим всех остальных — всех тех, кто не нищие,— напомнил волшебнику Урих и снова захихикал. Он хихикал до тех пор, пока опять не зашелся в кашле.

— Значит, вы ненавидите и Элрика из Мелнибонэ?

— Ну конечно. Это еще слабо сказано! Он побывал в Надсокоре в те времена, когда еще не был прозван Убийцей женщин и Разрушителем Имррира. Он прикинулся прокаженным из восточных земель, лежащих за Карлааком. А потом, подло обманув меня, украл одно из моих сокровищ. А мои сокровища — священны! Я никому не позволяю даже смотреть на них!

— Да, я слышал, альбинос украл у тебя какую-то рукопись с заклинаниями,— кивнул Телеб Канн.— Потом он использовал эти чары в борьбе со своим двоюродным братом. И чем все это кончилось? Элрик вернулся в Имррир и уничтожил свой народ.

— Ага. А ты знаешь, как все началось? Юркун умышленно отдал ту рукопись одному из моих подданных, просившему милостыню у ворот Имррира. Потом двоюродный брат альбиноса распустил слух, что у меня есть свиток с заклинаниями, способными погубить Имррир... И что же? Альбинос явился сюда, а потом с помощью колдовства и обмана ограбил меня...

Телеб Кан внимательно посмотрел на короля нищих. Он-то знал, что рассказанное Его Величеством — ложь.

— Некоторые считают, что альбинос в этом не виноват. Другие утверждают, что именно он причина всех наших бед. Кстати, ведь он еще до того рокового похода на Имррир понял, что та рукопись ему не нужна. Разве не так?

— Может быть. Но у нас в Надсокоре есть закон...

Урих поднял нож и провел пальцами по сточенному ржавому клинку. Нож был его единственным оружием.

— Этот закон гласит, что любого человека, заглянувшего в священные сокровища короля Уриха, должна постигнуть мучительная смерть... например, от руки бога огня.

— А кто-нибудь из твоих подданных, блуждающих по всему свету, пытался отомстить альбиносу?

— По закону я лично должен зачитать Элрику приговор, прежде чем его убьют. А для этого нужно, чтобы он вернулся в Надсокор. Только здесь он узнает, что ему уготовано.

— Я тоже не люблю Элрика,— заявил Телеб Кан.

— Конечно...— насмешливо произнес король Урих.— Я слышал, что он гонялся за тобой по всем Молодым королевствам. А ты не раз пытался остановить его, используя очень могущественное колдовство. Но всякий раз он одерживал над тобой верх.

Телеб Кан нахмурился.

— Мне просто не везло. Я — один из величайших колдунов Пан Танга.

— Ты быстро растрачиваешь свои силы и слишком много требуешь от Повелителей Хаоса. Они помогают тебе, но ты уповаешь только на них, а это неправильно.

Король, поджав грязные губы, продолжал изучать лицо Телеб Кана.

В зале засуетились. Застучали костыли и посохи, зашуршали оборванные одежды. Даже в маслянистом дыме появилось что-то необычное. Телеб Кану показалось, что он стоит на краю бездонной пропасти.

Король Урих положил одну руку на рукоять ножа, а другой потер подбородок. Обгрызенные ногти заскребли по щетине. За спиной Телеб Кана громко захихикала какая-то нищенка.

Колдун вновь прижал ко рту платок и весь сжался, готовясь к нападению.

— Если у тебя есть могущественные амулеты, я заберу их,— резко заявил Урих, меняя интонацию.— Или ты не взял их с собой?

— Мои силы значительно возросли...

— Я заберу у тебя все, если соглашусь помочь тебе уничтожить Элрика,— продолжал Урих. Напряжение спало, но Телеб Кан чувствовал себя неуютно. Король усмехнулся.— Мне

приятно, что ты предложил нам свою помощь, мы ведь тоже ненавидим белолицего грабителя из Мелнибонэ.

— Так вы поможете осуществить мой план? — кивнул Телеб Кан.

— Почему бы и нет? — оживился Урих.— Эй, вы, подойдите сюда...

Телеб Кан посмотрел по сторонам. Он выглядел так жалко в окружении этой озлобленной, хихикающей толпы. К тому же ему очень хотелось узнать какое-нибудь заклинание, уничтожающее запахи.

Прижимая платок к лицу, он заговорил...

Глава 2
ПОХИЩЕННОЕ КОЛЬЦО

В таверне расположилась пьяная компания мелких торговцев. Время от времени кто-нибудь из них с любопытством поглядывал на Элрика, сидящего в углу.

Альбинос прекрасно понимал, что его обсуждают, но не это волновало его сейчас. Он устал и с беспокойством ожидал возвращения Мунглума. И все-таки порой альбиносу хотелось подняться и сказать молодому повесе, чтобы тот заткнулся. Элрик жалел, что заехал в старый Гролмар.

Богатый город стал местом встреч купцов всех Молодых королевств. Сюда съезжались путешественники, авантюристы, купцы, ремесленники, наемники, художники, поэты.

Некогда этим городом правил герцог Аван Астран, который объездил почти весь свет и привез в город великие богатства, чем упрочил славу старого Гролмара. Город процветал, привлекая богатством и высокой культурой множество купцов и высокообразованных людей.

Но там, где богатство и культура, обычно процветают слухи, ибо не существует больших любителей посплетничать, чем торговцы и моряки, поэты и живописцы. И естественно, многие сплетни не могли не коснуться альбиноса — Элрика, героя множества легенд.

Элрик же приехал в старый Гролмар в надежде поправить денежные дела. Беззаботное отношение Элрика к богатству уже не раз превращало его в нищего. А сейчас аль-

бинос и его товарищ нуждались в запасе провизии и свежих лошадях.

Альбинос завернул в старый Гролмар по пути в Танелорн. Мунглум доказывал, что им нужны лошади, большие запасы пищи и снаряжения, чтобы пересечь равнины Илмиоры и Вилмира и добраться до границы Поющей пустыни, где по слухам находился вечный Танелорн. Элрик выбрал этот путь после встречи с Мишеллой, став свидетелем смерти, принесенной арканом плоти. Теперь альбинос чувствовал себя усталым и жаждал покоя. Поэтому-то он и искал Танелорн.

* * *

Зал таверны был хорошо освещен, и Элрик находился у всех на виду. Он предпочитал останавливаться в дешевых заведениях, где можно было не отвечать на вопросы и не остерегаться перешептываний за спиной. Но Мунглум счел, что лучше потратить последний драгоценный камень, зато поселиться в хорошей гостинице и не беспокоиться о качестве пищи.

Элрик доверил Мунглуму все их сбережения. Не возникало сомнений, что коротышка где-нибудь смошенничает, но альбинос не хотел заниматься текущими земными делами.

Принц драконов вновь вздохнул и покосился на шумную компанию, делая вид, что не слышит слов юного богача. Альбинос еще хлебнул вина и съел кусочек холодного мяса, отрезав его от ломтя говядины, который принес ему Мунглум перед своим исчезновением.

Потом Элрик сжался и поднял высокий воротник своего плаща. Но черная ткань лишь подчеркивала странную бледность его лица и молочную белизну его длинных волос. Искоса альбинос разглядывал шелка, меха и гобелены — образцы товаров, которые перекочевывали со стола на стол.

Но сердцем он был уже в Танелорне — в городе, где люди говорили мало, потому что им многое пришлось испытать.

* * *

— ...убил мать и отца... а еще любовника матери, так я слышал...

— ...поговаривают, что живым девушкам он предпочитает мертвых...

— ...да-да, и повелители высших миров прокляли его, наградив белой кровью...

— ...все дело в кровосмешении. Я узнал об этом у одного моряка, который плавал с ним...

— ...а мать его спала с Ариохом...

— ...это произошло после того, как он уничтожил свой народ...

— ...только поглядите, какой он мрачный! Ему бы не понравились наши разговоры...

* * *

Элрик, сдерживаясь, выпил еще вина. Но разговоры за дальним столом не утихали.

— ...а еще говорят: у него половое бессилие, и поэтому в Имррире он убил...

— ...я вот что вам скажу: настоящий принц Мелнибонэ оделся бы побогаче. А этот...

Взрыв хохота.

Элрик поднялся, откинул плащ, выставив на всеобщее обозрение свой огромный меч. Жители старого Гролмара слышали о Буреносце и его ужасном таланте похищать души.

Альбинос приблизился к столу, за которым сидели болтуны:

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы прекратили состязаться в остроумии. В конце концов, есть более простой способ узнать истину. Вы могли бы поинтересоваться, например, у меня, что в ваших словах ложь, а что — правда... Кстати, вы слышали, что Элрик — вампир? Мне показалось, вы не упоминали об этом в своем разговоре...

Молодой повеса прочистил горло и нервно пожал плечами.

— Ну что? — Элрик, казалось, был самой невинностью.— Вам помочь, господа?

Сплетники молчали, усиленно поглощая вино и пищу.

Элрик улыбнулся — у болтунов задрожали руки.

— Так что вы хотели узнать, господа? После того как я утолю ваше любопытство, я докажу вам, что меня не зря называют убийцей.

Купец и один из дворян судорожно стали собираться. Они вскочили и попятились к выходу. Богатый бездельник последовал за ними.

Смеясь, Элрик загородил им дорогу. Его рука легла на рукоять Буреносца.

— Как?! Вы не хотите побеседовать со мной, господа? Только подумайте, сколько можно будет порассказать об этой встрече своим друзьям...

— Боги, только не это! — прошептал молодой богач и задрожал.

— Мы не хотели никого обидеть,— тихо пробормотал купец из Шазаара.

— Вы неправильно поняли наши слова.— У молодого дворянина задергалась щека.— Мы говорили, что восхищаемся вами,— нагло соврал он через мгновение, при этом его лицо стало белым, как у Элрика.

Купец облизал красные губы и попытался повести себя достойнее своих собутыльников.

— Господин, старый Гролмар — цивилизованный город. Здесь не устраивают шумных ссор...

— ...а предпочитают сплетничать, подобно торговкам с базара,— закончил Элрик.

— Да...— согласился юноша.— О нет!

Он метнулся к выходу.

Альбинос шагнул в сторону. Молодой богатый бездельник проскочил к двери, а потом, вылетев из таверны, помчался прочь. Дворянин последовал за ним. Элрик тоже вышел на темную улицу и долго прислушивался к топоту сапог, пока тот не стих вдали. Затем альбинос расхохотался...

Какое-то время Элрик стоял и рассматривал улочки старого Гролмара, затем перевел взгляд на звезды. В это время появился Мунглум. Насмешливый житель востока вернулся к товарищу в сопровождении двух женщин в убогих одеждах, но искусно накрашенных. Без сомнения, это были проститутки. Мунглум обнимал женщин за талии и мурлыкал им какую-то непристойную песенку. Затем он прервал свой куплет на полуслове, и одна из женщин влила ему в рот вино прямо из горлышка фляги.

Подойдя ближе, Мунглум заметил альбиноса и, подмигнув, приветствовал его:

— Я не забыл о тебе, принц. Одна из этих красоток — твоя.

Элрик кивнул.

— Они слишком хороши для меня. Кстати, мне казалось, что ты отправился раздобыть денег. Или ты забыл, зачем мы свернули в старый Гролмар?

— Ну что ты! — Мунглум чмокнул одну из женщин. Она фыркнула и захихикала.— Я, конечно, помню, что нам нужны деньжата... или что-то столь же приятное. Я спас этих молодых дам от жестокого хозяина. Это произошло на другом конце города. Я обещал дамам, что верну их хозяину только за хорошую мзду при условии, что впредь он будет поласковее. Девушки согласились.

— Ты украл рабынь?!

— Ну, если тебе так хочется, то да — украл. Я украл этих девиц... избавив от жизни, которую они вели прежде. По-моему, очень благочестивый поступок. Теперь девушкам не придется торговать своим телом, и они могут начать новую жизнь...

— Они как жили раньше, так и продолжат жить. Ты что, не понимаешь, что их хозяин, обнаружив пропажу, поднимет тревогу. Вообще, где ты их нашел?

— Они сами нашли меня... Когда я спас от грабителей купца, недавно прибывшего в этот город, он попросил меня сопровождать его по темным улочкам Гролмара, посулив хорошо наградить за это. Кстати, заплатил он гораздо больше, чем я рассчитывал. Затем я зашел в кабачок, чтобы пропустить кружечку-другую. Там эти красотки подсели ко мне и поведали о своих невзгодах. Поэтому я и прихватил их с собой...

— Ловко,— насмешливо произнес Элрик.

— А как же! Кстати, они очень сообразительные...

— Слушай, давай-ка быстренько проводим девушек обратно, пока нас не схватила городская стража.

— Но, Элрик!..

— Но сначала...— Элрик схватил своего друга за ворот и поволок к набережной. Там альбинос несколько раз окунул Мунглума в вонючую воду, потом встряхнул хорошенько и поставил на землю. Мунглума трясло, и он с укором смотрел на Элрика.

— Я могу заболеть...

— И чтобы поправиться, тебе придется напиться... Мунглум, нас и так не слишком любят. Горожанам нужен лишь предлог для того, чтобы схватить нас. Надо поскорее уладить все дела и покинуть город. Неровен час, нас арестуют, отберут оружие и посадят в тюрьму, а может, и убьют.

Они вернулись к таверне, около которой их ждали девушки. Одна из них выбежала вперед и, упав на колени, взяла Элрика за руку, прижалась губами к его бедру.

— У меня к тебе послание!

Элрик рывком поднял ее с земли.

Женщина закричала. Ее глаза наполнились ужасом. Альбинос с недоумением посмотрел на нее и понял, что она смотрит ему за спину. Он повернулся и увидел группу людей, вывернувших из-за угла и бегущих в его сторону. Элрику показалось, что позади храбрецов он заметил молодого богача, которого выгнал из таверны. Видно, тот решил отомстить и нанял профессиональных убийц. Богатый бездельник, по-видимому, обладал большим состоянием, потому что убийцы в старом Гролмаре стоили дорого, а здесь их было человек двенадцать.

Мунглум обнажил обе сабли, а Элрик, оттолкнув испуганную женщину, положил руку на рукоять Буреносца. Рунный меч выскочил из ножен, и по клинку заструилось черное сияние. Меч взвыл, издав боевой клич.

Альбинос услышал, как один из наемников выдохнул:

— Элрик!

Тогда принц догадался, что убийцам не объяснили, с кем именно им предстоит разбираться. Элрик парировал удар одного из наемников, а потом отсек ему кисть руки. Меч и сжимавшая его рука отлетели в сторону, а профессиональный убийца взвыл от боли.

В темном переулке засверкали клинки. Холодные глаза мерцали под черными капюшонами. Буреносец пел свою песню — горестную и победную. Теперь лицо Элрика ожило. Темно-красные глаза вспыхнули, когда альбинос рванулся вперед.

Выкрики, проклятия, визг женщин и рев мужчин; сталь, ударяющая по стали; кованые каблуки, стучащие по брусчатке; мечи, разрубающие плоть, скребущие по кости... Свалка, и в центре нее — сжимающий обеими руками меч Элрик. Он не

видел Мунглума, но надеялся, что уроженец востока сумеет постоять за себя. Время от времени он видел одну из женщин и удивлялся, почему они не убежали.

Несколько наемников в плащах уже лежали на брусчатке, остальные, спотыкаясь о трупы, с трудом сдерживали натиск альбиноса. Они видели, как кривились лица их товарищей, когда адский клинок выпивал их души. С каждым поверженным врагом Элрик становился сильнее. Черное сияние исходило от меча. А сам альбинос, ощущая свою непобедимую мощь, смеялся.

Его смех звенел под крышами старого Гролмара. Горожане, уже лежавшие в постелях, затыкали уши и думали, что им снится кошмар.

— Подходите, друзья, мой меч еще не насытился!

Наемники в ужасе отступали, и только один из них решился напасть на альбиноса. Элрик высоко поднял черный меч и обрушил его на убийцу. Колдовской клинок рассек меч из стали, разрезал капюшон, разрубил шею и вонзился в грудь. И, оставаясь в плоти, он выпил темную человеческую душу.

А остальные убийцы бежали...

Элрик глубоко вздохнул и, стараясь не смотреть на последнего противника, вложил меч в ножны. Только тогда он повернулся, чтобы взглянуть, как дела у Мунглума.

В это мгновение что-то ударило Элрика сзади по шее. Его замутило, и все поплыло перед глазами. Что-то кольнуло альбиноса в запястье, и принцу драконов удалось рассмотреть лишь чью-то стройную фигуру. Ему показалось, что это Мунглум... а может, женщина?.. Потом его дернули за левую руку. Чего еще от него хотят?

У Элрика подкосились ноги, и он упал на брусчатку. Он попытался заговорить, но язык не слушался его. Женщина опять дернула альбиноса за руку, словно звала куда-то за собой... Он не мог пойти с ней... Он был очень слаб...

Элрик лежал на спине и смотрел на низкое мглистое небо...

* * *

...А когда занялся новый день, Элрик понял, что с момента схватки прошло много времени.

Он посмотрел на Мунглума, который с облегчением следил за Элриком.

— Мунглум?..

— Жив, благодаря заботливым богам Элвера! Я так боялся, что этот отравленный нож убил тебя!

Элрик быстро приходил в себя. Вот он приподнялся, опираясь на локти:

— На меня напали сзади... Кто?

— Боюсь, те красотки выдавали себя не за тех, кем были на самом деле...— смущенно пробормотал Мунглум.

Элрик вспомнил, как женщина дергала его за левую руку, и посмотрел на пальцы.

— Мунглум!!! Кольцо королей исчезло! Акторианский камень украден!!!

Многие столетия предки Элрика передавали кольцо королей от отца к сыну. Кольцо считалось символом королевской власти, источником колдовской силы императоров Острова драконов.

Лицо Мунглума помрачнело.

— Наверное, его украла одна из этих шлюх. Они хотели ограбить нас, поэтому и сочинили душераздирающую историю. Вот болван, надо ж было так купиться!

— Ладно, Мунглум... Больше они ничего не украли? Только кольцо? В моем кошельке оставалось еще немного золота...

Мунглум показал на лежавшую около стены ближайшего дома женщину. Она была измазана в грязи и истекала кровью.

— Наверное, ее задели во время побоища. Она очень мучилась, пока не впала в беспамятство, и шептала твое имя, хотя я не говорил ей, как тебя зовут. Боюсь, этих шлюх подослали специально, чтобы они украли твое кольцо.

Элрик быстро подошел к умирающей женщине, опустился рядом с ней на колени и осторожно коснулся ее щеки. Она приоткрыла глаза и посмотрела на альбиноса. Ее губы зашевелились.

— Почему вы хотели меня ограбить? — спросил Элрик.— Кто твой хозяин?

— Урих...— еле слышно шепнула женщина, словно ветерок, заблудившийся в траве.— Украсть кольцо... отвезти в Надсокор...

Мунглум тоже опустился на колено возле умирающей. Он подобрал с земли флягу с вином и попытался напоить женщину. Тонкая струйка вина потекла по ее шее, заливая рану.

— Ты из Надсокора? — спросил Мунглум.

Едва заметно женщина кивнула.

— Урих всегда был моим врагом,— заметил Элрик.— Я забрал у него одну вещицу, а он никак не может забыть об этом. Может, поэтому он решил украсть у меня Акторианский камень? — Альбинос посмотрел на женщину.— Твоя подруга... она вернулась в Надсокор?

Женщина снова кивнула. Потом ее глаза потухли, веки опустились. Она перестала дышать.

Элрик поднялся. Он нахмурился и то и дело тер палец, на котором раньше носил кольцо королей.

— Забудь о кольце,— в отчаянном бессилии предложил Мунглум.— Урих получил твое кольцо взамен украденных тобой сокровищ Надсокора.

Элрик покачал головой.

Мунглум откашлялся.

— На этой неделе из Ядмара уходит караван под предводительством Ракхира из Танелорна. Если мы сейчас же поспешим на корабль, плывущий вдоль побережья, то успеем добраться до Ядмара, пока караван не тронулся в путь. Ты же знаешь, насколько редко караваны ходят в Танелорн. Мы должны радоваться, что...

— Нет,— глухо возразил Элрик.— Забудь о Танелорне, Мунглум. Кольцо королей — единственная ниточка, связывающая меня с моими предками... Оно помогает мне в колдовстве. Поэтому мы не мешкая отправимся в Надсокор, хотя я надеюсь перехватить воровку прежде, чем она доберется до цели. Если она уйдет от нас, нам придется отбирать кольцо у Уриха Шестипалого.

Мунглум вздрогнул:

— Это очень опасно, Элрик. Король нищих убьет нас.

— Надеюсь, мы не попадемся ему в лапы... Мунглум, мне нужно вернуть это кольцо!

Рыжеволосый коротышка молча склонился над трупом женщины и тщательно обыскал его.

— Нам ведь нужны деньги, чтобы купить лошадей для этого путешествия,— объяснил он потом.

Глава 3
ДУХИ ХОЛОДА

Издали, высвеченный заходящим солнцем, Надсокор походил на заброшенное кладбище — покосившиеся башенки, полуобвалившиеся лачуги, осыпавшиеся стены.

На крепких шазаарских лошадях, за которых путешественники отдали все свои деньги, Элрик и Мунглум выехали на вершину холма и увидели Надсокор... Нет, они почуяли его... Город был окутан зловонием, и этот смрад заставил друзей сразу же закрыть лица платками. Сдерживая отвращение, путешественники направили лошадей вниз в долину.

— Мы остановимся здесь,— решил Элрик.— В Надсокор мы отправимся чуть позже.

— Элрик, боюсь, мы не сможем торчать тут слишком долго. Эта вонь нас доконает. Мы выдадим себя с головой.

Элрик улыбнулся и полез в свою сумку. Достав две маленькие пилюли, он протянул одну из них Мунглуму. Коротышка подозрительно покосился на нее.

— Что это?

— Я использовал их во время предыдущего посещения Надсокора. Это средство полностью притупит твое обоняние... а в остальном ты будешь вполне здоров...

Мунглум засмеялся и проглотил пилюлю.

Моментально зловоние стало слабеть. Уже потом, когда друзья жевали сухой хлеб — последнее, что осталось от их запасов,— Мунглум заметил:

— Я ничего не чувствую. Это сделала та маленькая штучка?

Элрик кивнул и хмуро посмотрел на расстилавшийся перед ним город. Опускалась ночь.

Мунглум вытащил сабли и принялся натачивать их специальным камешком, изредка поглядывая на своего друга и пытаясь представить, что тот задумал.

После длительного молчания альбинос сказал:

— Мы оставим лошадей здесь. Нищие не ездят верхом.

— Они гордятся своим убожеством,— пробормотал Мунглум.

Элрик не обратил внимания на слова друга.

— Теперь пора переодеться.

— Слушай, Элрик, ведь наше оружие будет привлекать внимание.

— Не думаю. Наши одежды будут достаточно просторны, чтобы заметить под ними меч и сабли.

Мунглум брезгливо отвязал от седла узел с тряпьем...

Переодевшись, друзья стали выглядеть просто омерзительно: один был высок, но сильно горбился и приволакивал ногу. Второй — очень маленький, с неестественно вывернутой рукой и перевязанной лодыжкой. Они вошли в Надсокор через пролом в городской стене.

Несколько столетий назад Надсокор покинули почти все жители, спасаясь от неведомой болезни, унесшей массу жизней. Оставшиеся в городе люди не были хорошими хозяевами, и ничто уже не могло остановить разрушения зданий, уничтожить мусор на улицах и площадях. Ныне же мусорные кучи служили более надежной защитой, чем крепостные стены.

Никто не заметил двух чужестранцев, которые, перебравшись через груды отбросов, вступили на темные, скользкие от гнили улицы города нищих. Лишь огромные крысы, сидя на задних лапах, с любопытством поглядывали на двух путников, направлявшихся к древнему зданию сената, где ныне обитал король Урих. Только тощие ободранные псы следовали за путешественниками в надежде чем-нибудь поживиться.

Один раз дорогу друзьям преградили слепцы, шедшие гуськом. Каждый из них держался за плечо предыдущего калеки. Проходя мимо полуобвалившегося здания, Элрик и Мунглум услышали дикие визги и хохот, потом увидели ужинавших мерзких людишек — увечного попрошайку и слабоумного выродка с их девками.

Когда друзья приблизились к центральной площади, до них донеслись жуткие вопли, а потом в одном из домов отворилась рассохшаяся дверь и на улицу выскочила голая грудастая девка. Следом за ней появился заплывший жиром калека с обрубленными ногами и с удивительным проворством принялся гоняться за несчастной, опираясь на костыли. Мунглум было рванулся на помощь женщине, но Элрик равнодушно отвернулся и, крепко держа друга за руку, пошел прочь. Наконец обрюзгший

нищий настиг жертву и, отбросив костыли в сторону, принялся насиловать несчастную.

Мунглум попытался вырваться и помочь женщине, но Элрик не пустил его.

— Ни во что не вмешивайся,— прошептал альбинос.— Это — Надсокор, и обитают в нем только ущербные создания — твари с уродливыми телами или пустыми душами.

Слезы навернулись на глаза Мунглума, когда он посмотрел на своего друга.

— Ты циничен и омерзителен, как все, живущие здесь!

— Ладно-ладно... Только не кричи! Нам бы только поскорее вернуть кольцо и по-тихому убраться из города.

— Разве для тебя не имеет значения...

Но Элрик, не дослушав Мунглума, отправился в сторону центральной площади. Мунглум, постояв в нерешительности, последовал за ним.

Они подошли ко дворцу Уриха и остановились. Хотя здесь здание и пытались подправить, но несколько колонн, украшавших фасад, обрушились, открыв высокие двери в форме арки, на которых были грубо воспроизведены представители всех народов Молодых королевств. Венчала двери пара перекрещенных костылей, символизировавших оружие нищих, их силу — ужасную и отвратительную. Ведь нет ничего противнее, чем нищие.

Элрик настороженно огляделся здание.

— Почему-то нет стражи,— пробормотал он, обращаясь к Мунглуму.

— А она должна быть? Что здесь охранять?

— Когда я был в Надсокоре в предыдущий раз, дворец хорошо охраняли. Король Урих как зеницу ока бережет свои сокровища. Еще бы — имея таких подданных, заподозришь кого угодно.

— Может, он их больше не боится?

Элрик улыбнулся:

— Человек, похожий на короля Уриха, всегда настороже. Будь бдительным, когда войдешь в зал. И держи сабли наготове. Мы можем угодить в ловушку.

— По-моему, Урих и не подозревает, что мы знаем, куда девалось кольцо.

— Надеюсь. Нам крупно повезло, что одна из воровок все нам рассказала. Однако никто не может предугадать всех уловок Уриха.

— Ну зачем ему нужно, чтобы ты явился сюда... Да еще и с Буреносцем на боку?

— Не знаю...

Друзья направились к зданию. Было очень темно и очень тихо. Лишь изредка с дальних улиц доносились то ли крики, то ли смех.

Элрик и Мунглум добрались до двери центрального входа и остановились под скрещенными костылями.

Принц драконов коснулся рукояти меча, скрытого под драными одеждами, а потом левой рукой толкнул дверь, которая со скрипом приоткрылась. Друзья посмотрели по сторонам, однако не заметили ничего подозрительного. Элрик надавил на дверь посильнее.

Она опять заскрипела. Путешественники протиснулись в образовавшуюся щель.

Они попали в тронный зал. Курящиеся жаровни давали слабый свет. Маслянистый дым клубами поднимался к стропилам. Путешественники долго разглядели возвышение в дальнем конце зала. На помосте стоял грубо сколоченный огромный трон Уриха. Зал казался пустым, но Элрик продолжал сжимать рукоять Буреносца.

Альбинос остановился, услышав шорох. Но это оказалась всего-навсего огромная крыса, пересекавшая зал.

Снова воцарилась тишина.

Элрик пошел дальше, постепенно приближаясь к трону. Мунглум неотступно следовал за альбиносом.

Когда они остановились около трона, альбиноса одолели сомнения. Не может быть, что Урих стал настолько самоуверенным, ведь Элрику оставалось только открыть сундук, стоявший под троном, достать кольцо, а потом покинуть город нищих.

Элрик несколько расслабился, но двигался по-прежнему осторожно. Неожиданно Мунглум остановился и склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Что, что-то услышал? — повернулся к нему альбинос.

— Может, мне показалось. Это было похоже на тот шорох, что издавала крыса, которую мы только что видели. Поэтому...

Серебристо-синий свет хлынул из-за нелепого трона. Элрик, прикрывая глаза рукой, попытался вытащить меч из-под своих лохмотьев. Повернувшись к источнику сияния спиной, он все равно не мог ничего рассмотреть. А Буреносец стонал в ножнах в предвкушении новых жертв. Откуда-то издалека донесся смешок. Потом еще один... Кто-то прочистил горло...

Зрение вернулось к альбиносу, когда его уже крепко держали за руки. Рассмотрев стражей, Элрик содрогнулся. Тени существ с *лимба* держали его... духи, вызванные колдовством. Их мертвые лица расплылись в улыбках, а в глазах таилась смерть. Элрик почувствовал, что тепло и силы оставляют его тело, словно духи высасывали их. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног.

Опять кто-то захихикал. Альбинос посмотрел на трон и увидел там Телеб Кана, которого считал мертвым.

Колдун из Пан Танга усмехнулся. Элрик попытался вырваться из тисков духов.

Потом по другую сторону трона появился Урих Шестипалый. В руке он сжимал нож.

Элрик с трудом держал голову поднятой. У альбиноса почти не осталось сил, но он все же улыбнулся своей наивности — быть готовым к любой неприятности и добровольно забраться в ловушку...

А где же Мунглум? Коротышки нигде не было видно.

Урих важно уселся на трон и положил нож себе на колени. Король буравил Элрика выцветшими глазами-бусинками.

Телеб Кан застыл рядом с троном. Его глаза сверкали, словно похоронные свечи.

— Добро пожаловать в Надсокор,— улыбнулся Урих.— Ты вернулся покаяться, так я понимаю?

Элрик дрожал — ему было очень холодно. Буреносец вибрировал у него на боку, но ничем не мог помочь своему хозяину. Альбинос понял, что должен умереть.

— Я пришел за тем, что принадлежит мне,— выдавил Элрик сквозь плотно сжатые зубы.— Мне нужно мое кольцо.

— Ах да! Кольцо королей! Оно ведь твое, не так ли? Моя девочка что-то говорила по этому поводу.

— Разве не ты посылал ее выкрасть мое кольцо?

Урих фыркнул.

— Не буду отрицать очевидное... Единственное, я не ожидал, что ты так легко попадешься в мою ловушку.

— Я бы легко выбрался из нее, если бы не этот колдун-самоучка!

Телеб Кан нахмурился:

— Мои духи обидели тебя?

Элрик затрясся, чувствуя, как уходят последние искорки тепла из его тела. Ноги не держали его. Он повис на руках мертвых чудовищ. Было ясно, что Телеб Кан тщательно спланировал свою месть. Он воспользовался очень сложными заклинаниями и заключил множество договоров со стражами *лимба*, чтобы провести этих существ в свой мир.

— Значит, я умру...— прошептал Элрик.— Что ж, думаю, на этот раз вам в самом деле повезло...

Урих разгладил свои драные одежды.

— Так просто ты не умрешь, Элрик из Мелнибонэ! Тебе еще зачитают приговор! Все формальности должны быть соблюдены. Держа в руках нож, я должен перечислить твои преступления против Надсокора и против священных сокровищ короля Уриха!

Элрик хорошо расслышал слова короля нищих и сжался. Демоны еще крепче вцепились в него.

Тут в зал повалил нищий сброд — придворные Уриха. Они явно выжидали этот момент где-то поблизости. Может, Мунглум погиб от их рук, пытаясь покинуть зал?

— Поднимите ему голову! — приказал мертвым слугам Телеб Кан.— Пусть он увидит Уриха, короля нищих, который прочтет сейчас свой указ.

Элрик почувствовал, как холодная рука коснулась его подбородка и подняла его голову. Он будто сквозь туман следил, как поднимается Урих и вытягивает четырехпалую руку вперед, сжимая в ней нож.

— Элрик из Мелнибонэ, ты признан виновным во множестве преступлений против нижайшего из низших — меня, короля Уриха из Надсокора. Ты так же подло поступил по отношению к другу короля Уриха — величайшему негодяю Телеб Кану...

Услышав это, колдун из Паг Танга поджал губы, но ничего не сказал.

— ...и более того. Ты вторично явился в город нищих, чтобы повторить свое преступление. Именем моего великого ножа, символа власти и силы, я приговариваю тебя к наказанию — встрече с богом огня.

Раздались шумные аплодисменты королевских придворных.

Элрик вспомнил легенды о Надсокоре, жители которого когда-то были поражены болезнью... В тот раз они попросили Хаос очистить город. И Повелители Хаоса охотно откликнулись на просьбу людей, послав бога огня, уничтожившего все подряд. Потом в дело вмешались силы порядка, и повелитель Донблас заточил бога огня в темницу. Из-за спора Повелителей высших миров люди покинули город... Но неужели бог огня до сих пор находится здесь, в Надсокоре?

Элрик с трудом разбирал слова Уриха.

— Отведите его в лабиринт и отдайте богу огня!

Телеб Кан что-то торопливо забормотал, но Элрик уже не слышал его. Потом до него донесся ответ короля Уриха:

— Его меч?.. Разве он защитит этого воришку от мощи повелителя Хаоса? Пустое, не беспокойся. Даже если меч и покинет ножны, еще неизвестно, чем это кончится...

Телеб Кан на чем-то настаивал, но потом, как понял Элрик, уступил королю Уриху.

Неожиданно голос Телеб Кана загремел по всему залу:

— Твари *лимба*... отпустите его! Жизненные силы альбиноса — ваша награда! А теперь — пошли прочь!

Обессилевший Элрик рухнул на грязные плиты пола. Нищие приблизились к нему. Альбинос почувствовал, как его подняли и понесли прочь из зала. Откуда-то издалека до него донеслись голоса короля Уриха и колдуна Пан Танга. И хотя Элрик не слышал, о чем они разговаривают, он явственно ощущал их радостность. Скоро Эльрик из Мелнибонэ будет мертв!

Глава 4
ГИБЕЛЬ БОГА ОГНЯ

— Почему тело этого колдуна такое холодное? — услышал Элрик скрипучий голос одного из нищих.

Альбинос был очень слаб. Нищим пришлось нести его на руках, так как сам он не мог идти. Прикосновение теплых

человеческих рук согревало его, и холод, сковавший все его тело, уже не был таким мучительным.

— Вот главный вход...

Элрик открыл глаза. Он чувствовал, что его опускают, но ничего не увидел, потому что его окружала тьма кромешная.

Неожиданно впереди что-то замерцало.

Это напоминало шкуру какого-то неземного существа, которой завесили проход.

Альбинос резко дернулся, но нищие, раскачав, бросили его прямо в мерцающую шкуру. Он ударился о нее. Шкура оказалась очень липкой. Элрик увяз в ней и почувствовал, что шкура засасывает его. Альбинос попытался вырваться, но у него не хватило сил, и он покорно затих.

Проходила минута за минутой — он не умирал. Проскользнув сквозь волшебную шкуру, Элрик рухнул на каменный пол, где и остался лежать.

Перед Элриком расстилался темный туннель. Надо понимать, тот самый Лабиринт, о котором говорил король Урих. Альбиносу казалось, что камни, на которых он лежал, были горячими. Неужели он настолько замерз, что даже обычный булыжник в темном подвале греет его?

Эти размышления утомили Элрика. Главное, что ему было тепло. Альбинос раскинул руки и плотно прижался к полу. Постепенно он стал приходить в себя. Он с удовольствием глотал воздух. Силы медленно возвращались к нему.

— Боги,— прошептал Элрик.— Даже снега Лормурских равнин были теплее.

Он еще раз вздохнул и закашлялся, чувствуя, что к нему возвращается обоняние. Элрик прикрыл нос тыльной стороной ладони и сплюнул, ощутив зловоние Надсокора. Собравшись с силами, альбинос пополз назад, к мерцающей шкуре и прижался к ней. Волшебная шкура упруго прогнулась, не поглотив его руки. Элрик навалился на нее всем телом, но она не поддалась. Наверное, этой особой пленкой Повелители порядка запечатали туннель, заманив в ловушку бога огня. Единственным источником света в лабиринте была та же самая удивительная шкура.

— Клянусь Ариохом, я разорю владения короля нищих,— бормотал Элрик. Он сорвал с себя лохмотья и положил руку

на рукоять Буреносца. Клинок заурчал. Элрик вытащил меч из ножен, и тот затянул мирную песню. Альбинос застонал от удовольствия, когда сила из меча потекла в его тело. Буреносец наполнил альбиноса энергией, но Элрик знал, что скоро этот источник иссякнет, если черный меч не напьется крови и не отведает чью-нибудь душу. Элрик, размахнувшись, ударил мечом по мерцающей шкуре.

— Я прорублю себе дорогу и заодно напущу на город нищих бога огня! Бей, Буреносец! Я хочу, чтобы адский огонь вырвался из этой пещеры и уничтожил всю дрянь, скопившуюся в этом мерзком Надсокоре!

Буреносец взвыл, увязнув в удивительной пленке. Ни единой трещинки не появилось на ее поверхности. Элрик с трудом вытащил клинок и, задыхаясь, отошел в сторону.

— Печать выдерживает всю мощь Хаоса,— прошептал альбинос.— Мой меч бессилен. Что ж, если я не могу вернуться назад, остается одно — идти вперед.

Сжимая в руке колдовской меч, Элрик пошел по петляющему коридору. Он свернул раз, другой, третий... Теперь его окружала кромешная тьма. Вот Элрик достал огниво из кошеля, который почему-то не срезали нищие, пока тащили его в лабиринт. Он осмотрелся по сторонам и решил, что все-таки лучше вернуться к мерцающей шкуре и там подумать, как выбраться из ловушки. Но оказалось, что, плутая в темноте, Элрик заблудился.

— Кажется, я потерял последнюю возможность найти выход, но зато я не встретил бога огня, что тоже не так уж плохо. Может быть, здесь все-таки есть другой вход, закрытый обычной дверью. Тогда Буреносец прорубит мне путь на свободу.

И Элрик зашагал дальше. Он долго блуждал по лабиринту, а потом неожиданно остановился. Ему показалось, что стало много теплее. Более того, сейчас, поборов тот жуткий холод, альбинос почувствовал необычный жар. Ему жутко хотелось пить.

Свернув еще в один коридор, Элрик увидел свет.

— Ну, Буреносец, может, теперь мы выберемся на волю.

Альбинос побежал к источнику сияния, но вскоре понял, что это был не солнечный свет и даже не мерцание удивительной шкуры.

Элрик понял, что на стены туннеля бросает блики свет костра или факела. В этом коридоре оказалось чисто — только красный отблеск огня лежал на ровных стенах и серых каменных плитах пола.

Элрику было очень жарко, пот струился по всему его телу.

— А-а!

Громкий вопль внезапно наполнил туннель. Свернув за угол, Элрик увидел огонь. До него оставалось ярдов тридцать.

— Ну, наконец-то!

Голос исходил из огня.

Элрик понял, что наконец нашел бога огня.

— Я не ссорился с тобой, Повелитель Хаоса! — крикнул альбинос.— Я тоже служу Хаосу!

— Но я хочу есть,— отозвался бог.— Чекалак должен кого-то есть.

— Мною ты не наешься,— возразил Элрик, отступая назад и сжимая обеими руками эфес Буреносца.

— Жалкий вымогатель. Упрашивать и уламывать — твое ремесло. Но ты, к сожалению, единственное блюдо, что мне послали эти выродки.

— Я не нищий!

— Какая разница, нищий ты или нет. Я съем тебя!

Огонь вздрогнул и обрел определенную форму — из языков пламени возник человек. Обжигающие огненные руки протянулись к Элрику.

Альбинос отступил...

И бросился прочь по коридору.

Чекалак погнался за ним. Он двигался быстро и бесшумно — как огонь.

Элрик, чувствуя боль ожога на плече, заметил, что одежды начали тлеть. Он заметался по коридорам в поисках какой-нибудь ниши.

Бог огня гнался за альбиносом.

— Остановись, смертный! Я все равно съем тебя! Ты не сможешь спрятаться от Чекалака из Хаоса!

Тогда Элрик крикнул своему преследователю:

— Из меня уже пытались сделать обед. И будь уверен, я не позволю сожрать себя даже богу!

Словно пламя, ревущее в печи, Чекалак ответил:

— Не сопротивляйся, смертный! Это честь — стать пищей бога!

Жара утомила Элрика, но он продолжал бежать по лабиринту, надеясь, что сможет придумать какой-нибудь выход из создавшейся ситуации. Когда Чекалак приблизился к альбиносу, тот резко повернулся лицом к опасности.

— Ты слаб и медлителен для слуги Хаоса! — фыркнул Чекалак.— Но сейчас я поймаю тебя и утолю голод.

Буреносец жалобно выл, не рискуя сражаться с Повелителем Хаоса. Но вот, направленный рукой альбиноса, он все же задел пылающую голову и пронзил левую щеку бога огня. Пламя на голове Чекалака начало меркнуть, и энергия потекла из черного меча прямо в сердце Элрика, которое затрепетало. Альбинос испытывал одновременнно ужас и наслаждение, когда жизненная сила бога огня наполнила его тело.

Горящие глаза бога уставились на черный меч. Потом Чекалак, переведя взгляд на Элрика, нахмурился и остановился.

— Ты не обычный нищий! Ты не лгал мне!

— Я — Элрик из Мелнибонэ, и я хозяин черного меча. Герцог Ариох — мой господин. И он сильнее и могущественнее тебя, Чекалак!

Удивление мелькнуло на лице бога, сплетенном из язычков пламени.

— Верно, есть существа, которые сильнее меня, Элрик из Мелнибонэ.

Элрик утер пот со лба. Он с трудом вдыхал обжигающий воздух.

— Тогда почему... почему бы нам не объединиться? Мы могли бы выбраться наружу и отомстить тем, кто запер нас здесь.

Чекалак покачал головой, и маленькие язычки пламени заплясали по всему его телу.

— Печать исчезнет, только когда я умру. Так повелел Донблас, заключивший меня в темницу. Даже если мы сможем разрушить заслон — я погибну. А теперь, смертный, я все-таки зажарю тебя и съем.

И снова Элрик помчался по лабиринту. Он отчаянно искал выход, хотя и понимал, что даже если он убьет бога огня, то никогда не сможет выбраться из этого подземелья.

А потом Элрик увидел волшебную шкуру, запечатавшую вход в туннель.

— Это единственный путь наружу,— подтвердил Чекалак.— Но ни мне, ни тебе не удастся преодолеть эту преграду.

— Знаю!..— зло выкрикнул Элрик и повернулся к существу из пламени.

Его меч лихо отбивал все атаки бога огня. Элрик отчасти даже сочувствовал этому существу.

Одежды Элрика дымились, а Буреносец неутомимо вливал в своего хозяина энергию, отобранную у огненного создания. Жара была невыносимая. Кожа альбиноса пересохла и потрескалась. Волдыри покрыли его белые руки, и Элрик с трудом удерживал меч.

— Ариох! — выдохнул он.— Останови это существо, объясни ему, что я друг Повелителей Хаоса! Помоги мне одержать победу!

Но Ариох не слышал Элрика. В иных измерениях порой решаются судьбы целых миров, и в такие моменты герцогу Хаоса нет дела до своей любимой игрушки среди смертных.

Уже не уповая на помощь свыше, Элрик все равно продолжал шептать им Ариоха и яростно отбивал огненные руки Чекалака.

Элрику казалось, что Буреносец светится уже сам по себе. Обожженные руки нестерпимо болели — и это было единственным, что сейчас чувствовал альбинос. Он отступил к мерцающей шкуре и уперся спиной в вещество, похожее на плоть. Опаленные волосы елозили по его шее...

Было ли у Чекалака уязвимое место? И хотя бог огня сиял уже не так ярко и на лице его появилось жертвенное выражение, Элрик не верил в свою победу. Потом, с трудом пересиливая боль, он обрушил Буреносец на голову бога.

Пламя начало гаснуть. Когда меч разрубил Чекалака, Элрик захлебнулся в накатившем вале энергии. Его сбило с ног, и он, извиваясь на полу, застонал, чувствуя, что его тело не выдерживает такого напора. Потом Элрика подбросило в воздух, и он, воздев к потолку обоженные руки, взмолился об избавлении. Пусть прервется этот чудовищный поток энергии. В глазах принца не было слез. Ему казалось, что даже кровь высохла в его теле.

— Ариох! Спаси меня! — кричал он, вздрагивая всем телом.— Ариох, останови этот кошмар! Спаси меня!

Элрик был переполнен энергией бога и чувствовал, что его смертная плоть не выдержит этого.

— А-а-а-а!!! Освободи меня!..

И вдруг над Элриком склонилось печальное, прекрасное лицо. Продолжая корчиться в непереносимых муках, альбинос заметил, что человек дивной красоты и мощи возвышается над ним. Элрик понял, что это бог!

— Пусть сила уйдет! — прозвучал ясный ласковый голос.

Красавец принялся поглаживать измученное тело Элрика. И боль стала уходить. Она становилась все слабей и слабей...

А ласковый голос продолжал звучать в голове альбиноса:

— В незапамятные времена Донблас-Судья прибыл в Надсокор, дабы вырвать этот город из огненных объятий Хаоса. Мне довелось побывать здесь, и, похоже, я понял, что зло породило еще большее зло. Горько мне было, но я не смел вмешиваться в дела смертных. Мы, Повелители Порядка, поклялись, что дадим человеческому роду самому вершить свою судьбу. И в тот момент качнулось великое равновесие, что привело к появлению на Земле ужасных сил... Ты, Элрик,— слуга Хаоса... но почти всегда ты служишь делу Порядка. И было пророчество о том, что судьба человечества зависит от твоей судьбы. Это может оказаться истиной. Я помогу тебе... хотя и нарушу этим свою клятву...

Элрик закрыл глаза, испытывая умиротворение.

Боль ушла, но невероятная энергия все еще бурлила в нем. Когда же он открыл глаза вновь, рядом никого не было. Мерцающая шкура, закрывавшая выход, исчезла. Подле Элрика валялся мерцающий Буреносец. Альбинос поднял меч и сунул его в ножны. Оглядев свои руки, Элрик с радостью заметил, что ожоги самым волшебным образом исчезли.

Может быть, ему все пригрезилось?.. Или приснилось?

Элрик потряс головой. Он был свободен, он был силен. И в ножнах у него покоился меч — клинок отмщения. Пришла пора вернуться в тронный зал и поквитаться с королем Урихом и Телеб Каном.

Из отверстия в потолке лился солнечный свет, отгоняя мрак в глубь лабиринта. Вдруг Элрик услышал чьи-то торопливые

шаги и отступил в тень. Альбинос сразу узнал появившегося человека.

Коротышка Мунглум, улыбаясь во весь рот, спрятал в ножны свои сабли.

— Я тут пришел помочь, а оказывается, мои услуги никому не нужны...

— Нужны, но не здесь. Бога огня больше нет, но мне не хочется сейчас ни о чем рассказывать. Лучше объясни мне, как ты здесь очутился?

— Когда там, в зале, я понял, что мы попали в западню, я попытался пробраться к выходу, рассудив, что одному из нас лучше остаться на свободе, тем более что им нужен был ты. Так как я вскоре понял, что меня могут поймать, то я предпочел отсидеться в темном уголке. Поэтому, заметив приоткрытую дверцу в боковой стене, я юркнул туда. Оказалось, что эта комнатка набита разнообразным барахлом. Я притаился в пыльной каморке и слышал все, что происходило в зале. Но лишь у меня появилась возможность выбраться оттуда, я отправился на поиски тебя и вот — наткнулся на этот туннель. Мне очень хотелось помочь тебе...

— Где сейчас Урих и Телеб Кан?

— Я слышал, что они задумали... Знаешь, Урих никак не мог успокоиться, когда тебя утащили в лабиринт. Он очень боится тебя...

— ...И правильно делает!

— Согласен. Так вот, этот нищий король прослышал о караване, отправляющемся в Танелорн. И хотя этот грязный подонок не так уж много знает об этом городе, а может быть, знает гораздо больше, чем я думаю... Короче говоря, по каким-то непонятным причинам он ненавидит Танелорн и его обитателей... Может быть, потому, что Танелорн — полная противоположность Надсокору.

— Они решили напасть на караван Ракхира?

— Ну да... Телеб Кан хочет снова вызвать чудовищ с *лимба*, чтобы захватить караван. Ракхир ведь не владеет искусством магии...

— Некогда он служил Хаосу, но потом переметнулся в противоположный лагерь. К тому же, живущие в Танелорне не прибегают к помощи сверхъестественных сил.

— Скажу честно, не так уж много я извлек из разговора этих подонков...

— Но когда они собираются в путь, ты хоть понял?

— Они уже покинули Надсокор... Едва только расквитались с тобой...

— Не свойственная нищим поспешность.

— Ну, раньше ведь эти нищие не имели поддержки могущественного колдуна...

— Верно...— нахмурился Элрик.— Мои колдовские силы весьма ограничены из-за отсутствия кольца королей. Сейчас я могу воспользоваться только услугами элементалей, с которыми мои предки, императоры Мелнибонэ, заключили множество договоров. Поэтому для начала нам нужно найти мое кольцо и лишь потом отправляться на помощь Ракхиру.

Мунглум опустил взгляд:

— Урих просил Телеб Кана, чтобы тот колдовскими чарами оградил сокровища от грабителей, и тот призвал в зал несколько стражников.

Элрик улыбнулся.

— Сейчас нам никто не страшен. Во мне вся сила бога огня. Думаю, я смог бы погубить целую армию, Мунглум.

Коротышка повеселел.

— Тогда скорее пошли в тронный зал.

Мунглум повел Элрика по коридору. Они подошли к маленькой дверце, отворили ее и оказались в центральном зале, ярко освещенном утренним солнцем. Никаких стражей-нищих не было видно. Зато на троне короля Уриха восседала толстая тварь, покрытая желтыми, зелеными и черными чешуйками. Мутно-коричневая желчь стекала с ее ухмыляющегося рыла. Увидив Элрика и Мунглума, чудовище подняло одну из своих многочисленных лап.

— Приветствую вас и предостерегаю,— прошипело чудовище.— Я — страж сокровищ короля Уриха.

— Это демон из преисподней,— заметил Элрик.— Телеб Кан хорошо подготовился к схватке, раз навербовал себе таких слуг.

Альбинос нахмурился и положил руку на Буреносца. Меч не откликнулся на это прикосновение.

— Я предостерегаю тебя,— вновь прошипел демон.— Меня нельзя убить... даже этим мечом...

— Но почему? — прошептал Мунглум, внимательно разглядывая чудовище.

— Это страж — очень могучий демон, который никогда не нападает первым. Он действительно неуязвим для любого оружия вне зависимости от того, обладает ли оно волшебной силой или нет. Если мы попытаемся убить эту тварь, на нас обрушатся все силы *лимба*. Он непобедим.

— Но ты же смог победить бога! Неужели справиться с демоном сложнее?!

— Я убил слабого бога,— возразил Элрик.— А это — сильный демон... В нем соединилась мощь множества созданий преисподней, и эта мощь охраняет его.

— Значит, мы уйдем, даже не попытавшись забрать то, что принадлежит нам по праву?

— Если бы этим мы могли помочь Ракхиру, то стоило бы рискнуть. Но сейчас самым разумным будет сесть на лошадей и поспешить на выручку каравану. А уж потом мы вернемся и решим, что поможет нам одолеть этого демона.

Насмешливо поклонившись демону, Элрик сказал:

— Счастливо! Боюсь, ты отсидишь себе задницу, ожидая, пока вернется твой хозяин!

— Мой повелитель — Телеб Кан,— брызгая слюной, с гордостью произнес демон.— Он один из самых могущественных чародеев в этом мире.

Элрик покачал головой.

— Не знаю, но он не ровня мне. Я убью его, а ты останешься сидеть здесь, пока я не придумаю, как тебя прикончить.

Демон сложил руки на груди и демонстративно отвернулся.

Элрик и Мунглум покинули зал.

Их сразу же замутило, едва они ступили на площадь. Действие пилюль давно закончилось, а все запасы этого снадобья потерялись, когда Элрика волокли к лабиринту. Мунглума вывернуло на ступени. Он исступленно помотал головой, чтобы прийти в себя, а потом, глянув по сторонам, вскрикнул и схватился за сабли.

На площадь выскочило несколько нищих, размахивающих дубинками и ножами.

Элрик радостно засмеялся.

— Какой лакомый кусочек для тебя, Буреносец!

Он выхватил завывающий меч и пошел навстречу нищим. Некоторые оборванцы бросились наутек, но многие направились к путешественникам.

И вот Элрик кинулся в бой. Играючи, он отсек голову одному из нападавших и, прежде чем из обрубка шеи ударил фонтан крови, рассек плечо следующего головореза.

Мунглум, искусно орудуя двумя саблями, ранил двух врагов. Элрик пронзил еще одного бродягу, и тот, истошно голося, долго извивался на клинке меча, в то время как Буреносец вытягивал его душу, кровь и жизнь.

Вот черный меч завел победную песнь, и уцелевшие оборванцы, побросав оружие, попытались спастись бегством. Мунглум преследовал их и поразил еще двоих бродяг. Элрик же, тоже бегом пустившийся за противниками, настиг троих и принялся беспощадно рубить, не обращая внимания на их вопли.

Потом Элрик спрятал в ножны Буреносец и, холодно оглядев окровавленные трупы, плотоядно облизал губы. Мунглум содрогнулся и похлопал своего приятеля по плечу:

— Поспешим! Надо помочь Ракхиру!

Мунглум с опаской поглядывал на альбиноса. Он понимал, что Элрик, вобравший в себя силу бога огня, стал похож на бездушных Повелителей Хаоса.

Сегодня Элрик был истинным сыном древнего Мелнибонэ.

Глава 5
ТВАРИ, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ ЖЕНЩИНАМИ

Телеб Кан и король Урих, упиваясь победой над альбиносом, поглощенные планом захвата каравана, не подумали о лошадях, на которых Элрик и Мунглум добрались до Надсокора.

Поэтому путешественники нашли своих лошадей там, где и оставили их. Прекрасные шазаарские лошади щипали траву и выглядели отдохнувшими.

Путешественники вскочили в седла и помчались туда, где, по их мнению, сейчас находился караван Танелорна.

Вскоре после полудня Элрик и Мунглум заметили его. Длинная вереница фургонов, крытых яркими шелками, растянулась

в долине, зажатой меж крутых холмов. Караван был окружен подданными короля Уриха — нищими Надсокора.

Элрик с Мунглумом пришпорили лошадей.

В первый момент они не заметили ни короля, ни колдуна из Пан Танга, но потом альбинос увидел их, стоящих в отдалении на пригорке. Телеб Кан вытянул руки к ярко-синему небу. Элрик понял, что колдун призывает могущественные силы, собираясь обрушить их на караван.

Затем Элрик разглядел Ракхира — Красного лучника, а неподалеку от него еще нескольких своих старых приятелей — Брута из Лашмара, башней возвышающегося над остальными воинами; Каркана, уроженца Пан Танга, одетого в клетчатый наряд южных варваров, мечущегося около фургонов. Сам Ракхир некогда был воином-священником в стране, которая, как и родина Мунглума, лежала за Плачущей пустыней.

Все эти люди оставили своих богов ради спокойной жизни в Танелорне, куда не могли войти повелители высших миров. Танелорн — вечный город — уже просуществовал множество исторических циклов и, вероятно, должен был пережить Землю...

Появление нищих орд оказалось полной неожиданностью для Ракхира, а уж об участии в этом нападении колдуна Телеб Кана он даже не догадывался.

— Мы должны пробиться через этот сброд и поговорить с Ракхиром,— объявил Мунглум.

Элрик кивнул, но не двинулся с места. Он смотрел на вершину холма, туда, где Телеб Кан продолжал взывать к неведомым духам. Элрик мучительно пытался понять, какое заклинание использует его враг, чтобы знать, к чьей помощи хочет прибегнуть колдун на этот раз.

Так ничего и не выяснив, Элрик пришпорил лошадь и помчался к каравану. Мунглум последовал за ним.

При помощи клинков они легко пробили себе дорогу. Буреносец вновь замерцал черным светом, отведав крови и душ нищих. За своими спинами друзья оставили груды мертвецов.

Лошадь Мунглума была по самое брюхо заляпана кровью. Она фыркала и норовила свернуть в сторону, не желая скакать по пятам демона с белой кожей и черным воющим мечом в руке. Но Мунглум, опасаясь, что может оказаться отрезанным от Элрика, то и дело пришпоривал свою лошадь.

Вдруг в караване кто-то прокричал имя альбиноса. Оказалось, его звал Ракхир, Красный лучник. Облаченный в алые одежды, он держал в руках костяной лук и стрелы. Некогда, еще до падения Имррира, он сопровождал Элрика в поисках черного меча. Вместе с альбиносом он проник в пульсирующую пещеру и стал свидетелем схватки Элрика с двоюродным братом альбиноса — Юркуном. Потом пути друзей разошлись. Ракхир отправился искать Танелорн — вечный город — и нашел его.

С тех давних пор Элрик не виделся с Ракхиром. Сейчас он с завистью поглядывал на лучника, который когда-то был воином-жрецом и служил Хаосу. Теперь же он был свободен и считался вольным человеком.

— Элрик! Ты пришел нам помочь? — Ракхир засмеялся. Он был рад встретить старого друга.— А, Мунглум... Давненько мы с тобой не виделись! По-моему, с тех пор, как ты покинул восточные страны!

— Да, много воды утекло с тех пор...— усмехнулся Мунглум.

Ракхир наморщил свой орлиный нос.

Элрик быстро спешился:

— Времени предаваться трогательным воспоминаниям нет. Ракхир, вашему каравану угрожает большая опасность, чем ты думаешь.

— Ты шутишь! С каких это пор нищие оборванцы Надсокора стали грозными противниками?

— Вместе с ними колдун из Пан Танга. Посмотри, вон он, стоит на вершине холма.

Ракхир нахмурился.

— Колдовство... Перед ним я бессилен. Он действительно опасный соперник?

— Он — один из самых могущественных чародеев Пан Танга.

— Так ты считаешь, что его колдовская мощь равна мощи колдунов твоего народа?

— Боюсь, сейчас он даже сильнее меня. Нищие похитили мое кольцо с Акторианским камнем.

Ракхир с недоумением посмотрел на Элрика, но ничего не смог прочесть на лице альбиноса.

— Я приложу все свое умение, чтобы защитить вас,— продолжал альбинос.

— Не будь у вас столько груза, вы могли бы скрыться раньше, чем Телеб Кан призовет своих загадочных союзников.

К ним подъехал Брут из Лашмара, который считался героем у себя на родине, пока сам не возненавидел себя за свои «подвиги». Элрик сердечно приветствовал этого великана.

— Боюсь, вам придется оставить караван,— пробормотал Элрик.

— Мы не можем бросить фургоны,— покачал головой Ракхир.— Танелорн нуждается в продовольствии.

— Посмотрите! — закричал Мунглум.

На вершине холма, рядом с Телеб Канном, появилось большое красное облако, словно в чистой воде разлили кровь.

— Ему сопутствует удача,— прошептал Ракхир.— Брут, пусть все будут наготове, пусть седлают лошадей.

Герой Лашмара отдал приказ воинам Танелорна, и те спешно принялись выпрягать лошадей из фургонов.

Красное облако медленно сгустилось, и из него начали появляться какие-то фигуры. Элрик не смог разобраться, что за существа в этот раз прибыли на Землю, потому что пока они находились слишком далеко. Тогда, развернув лошадь, Элрик принялся наблюдать за воинами Танелорна, построившимися в боевом порядке. Ряды нищих надвигались с удивительным проворством. И вот Ракхир повел свой отряд в самую гущу врагов. Элрик и Мунглум тоже возглавили отряд из дюжины воинов, вооруженных боевыми топорами и копьями.

Над головами нищих разнесся торжествующий вопль короля Уриха:

— Вперед, мои храбрецы! Ваш противник обречен!

Нищие оборванцы потоком хлынули в долину.

Ракхир, скача во весь опор, посылал стрелу за стрелой в ряды неприятеля.

Раздавались вопли. Всадники Танелорна клином врезались в толпу нищих.

Элрик заметил Каркана, орудовавшего в самом центре схватки. Он видел и светловолосого Брута, крушащего грязных бродяг.

— Эти оборванцы не чета воинам Танелорна! — радостно воскликнул Мунглум.

Элрик мрачно усмехнулся:

— Тогда, может, они легко справятся и со своими новыми противниками? — и принц указал на вершину холма.

Мунглум от удивления привстал в стременах:

— Элрик, но это же — женщины!!!

Элрик рывком обнажил Буреносец.

— Это не женщины! Это — *эленоины*! Они явились сюда из восьмого мира. Ну, неужели ты не видишь, что они — нелюди?!

— Ты знаешь их?

— Моим предкам когда-то уже доводилось сражаться с ними.

Неприятное пронзительное улюлюканье доносилось со склона холма, на котором стоял Телеб Кан. Появившиеся из другого мира существа и впрямь походили на женщин. К каравану танцующими походками приближались женщины, чью наготу скрывали лишь длинные красные волосы. Женщины с легкостью размахивали мечами, имевшими длину футов по пять.

— Телеб Кан умен,— пробормотал Элрик.— Ни один из воинов Танелорна не сможет убить женщину. А *эленоины* не станут ждать. Они нападут на них и беспощадно уничтожат наших героев.

Ракхиру раньше тоже доводилось встречаться с *эленоинами*, поэтому он не был обескуражен.

— Не обманывайте себя, воины Танелорна! — прокричал он.— Эти существа — демоны!

Потом он посмотрел на Элрика и понял все то, о чем думал альбинос. Элрик знал силы *эленоин*. Пришпорив лошадь, Ракхир подскакал к своему другу.

— Что мы можем предпринять?

Элрик вздохнул.

— Что смертные могут противопоставить *эленоинам*?

— Но ты же колдун! Неужели ты не знаешь никаких заклинаний, которые смогут помочь нам?

— Будь при мне кольцо королей, я бы просто вызвал *грахлаков* — заклятых врагов *эленоин*. Они бы появились очень быстро — Телеб Кан открыл врата в восьмой мир...

— Так, может быть, ты все-таки попытаешься? — спросил Ракхир.

— Нет, лучше я помогу вам своим мечом. Сегодня тот день, когда мне приходится уповать на силу колдовского клинка, а не на могущество заклинаний.

Ракхир пожал плечами и развернул лошадь, на ходу отдавая приказы своим людям. Он понял, что все они, скорее всего, погибнут.

Нищие бросились врассыпную, испугавших *эленоин* и клинков воинов Танелорна.

Пронзительно вереща победную песню, от которой кровь стыла в жилах, *эленоины* с улыбкой шли на врага.

— Что они могут...— осекся Мунглум, увидев глаза чудовищ — огромные, горящие желтые глаза диких зверей.— О боги! — воскликнул он чуть позже, разглядев зубы тварей — огромные клыки, блестевшие, словно они были выкованы из металла.

Воины Танелорна отступили за фургоны. Ужас и смятение были написаны на лицах этих бесстрашных воинов. Но только не у Элрика. Его темно-красные глаза гневно сверкали, а его руки сжимали завывающий Буреносец.

Пение чудовищ стало на октаву ниже, и у воинов Танелорна заложило уши. Все они разом внутренне содрогнулись. Тогда *эленоины* подняли мечи и, размахивая ими, уставились на противников *хищными глазами* — бесчувственными и немигающими.

Каркан из Пан Танга — его меховая шапка где-то потерялась, а клетчатый плащ развевался за спиной — подгоняя свою могучую лощадь, поскакал прямо на *эленоин* с воплями.

— Назад, демоны! Прочь, исчадья ада!

— О-о-о-о! — в предвкушении добычи разом выдохнули *эленоины*.— О-о-о-ох! — пропели они.

И на Каркана со свистом опустились огромные мечи, в мгновение ока искромсавшие человека и его лошадь. Долину затопил смех демонов. *Эленоины* двинулись вперед, и некоторые из них, проходя мимо останков воина, подхватывали куски плоти и отправляли их в клыкастые пасти.

Вздох ужаса и гнева прокатился по рядам воинов Танелорна. Люди, истерично крича и содрогаясь от страха и отвращения, накинулись на *эленоин*. Буреносец жалобно взвыл, заслышав звуки битвы, но Элрик не двинулся с места. Он наблюдал

за схваткой и видел, что *эленоины* побеждают воинов Танелорна так же легко, как до этого убили Каркана.

— Элрик... сделай же что-нибудь!..— мучительно простонал Мунглум.

— Но я не могу вызвать *грáхлаков*...— Элрик учащенно дышал, его разум был в смятении.— Я ничего не могу сделать, Мунглум!

— Ты должен попытаться... чтобы спасти Танелорн!

И тогда Элрик выехал вперед. Буреносец задрожал, почуяв демонов, и альбинос закричал, как кричали его предки со времен основания Имррира:

— Ариох! Ариох! Кровь и души моему повелителю Ариоху!

Он отбил страшный меч *эленоины* и заглянул в звериные глаза бестии. Буреносец содрогнулся в руках принца. Элрик ударил снова, но его атаку парировал демон, который только внешне походил на женщину.

Красные патлы взметнулись в воздухе и обвились вокруг шеи альбиноса. Эрик рубанул по прядям и, освободившись, рванулся к *эленоине*. Она встретила Элрика мощным выпадом, и он едва успел отшатнуться, но при этом выпал из седла. Успев вскочить на ноги, он отразил очередную атаку, а потом рубанул *эленоину* черным мечом.

Бестия завизжала, когда зеленая, дурно пахнущая жижа хлынула из раны. Вот *эленоина*, корчась, упала наземь, и Элрик отсек ей голову. Волосы твари еще раз хлестнули по лицу альбиноса, но он, не обращая внимания, схватил голову чудовища и опрометью бросился бежать к нищим оборванцам, которые столпились на склоне холма и с радостным возбуждением следили, как демоны уничтожают воинов Танелорна. Когда перед этим сбродом предстал Элрик, никчемные вояки кинулись в разные стороны, но альбинос ловко пронзил одного из них.

Нищий рухнул на колени, а потом упал на обагренную кровью траву. Элрик, взвалив несчастного на плечо, побежал назад к фургонам.

Воины Танелорна отважно отражали нападение, но *эленоины* уже уничтожили больше половины защитников.

Элрик увидел Мунглума, орудовавшего двумя саблями. Он заметил Ракхира, отдававшего приказы оставшимся воинам.

Брут из Лашмара доблестно защищал подступы к каравану. Элрик же проскочил к ближайшему фургону, где, добив раненого нищего, срезал волосы с головы мертвой *эленоины*, а потом окунул их в человеческую кровь. Потом принц драконов выпрямился и замер, глядя на запад. Окровавленные волосы он держал в одной руке, а Буреносец — в другой. Элрик поднял обе руки и запел на тайном языке Мелнибонэ:

— Ступайте на восток и выпейте кровь врагов! *Эленоины* призывают своих заклятых врагов *грахлаков*!

Всю энергию бога огня вложил альбинос в свой зов. Но он не был уверен, подействует ли заклинание без помощи кольца королей.

— *Грахлаки*, я вызываю вас! *Грахлаки*, настало время отомстить своим врагам!

Воздух вокруг Элрика задрожал, сгустился, превратившись в облако. Оно становилось то коричневым, то зеленым, а потом окрасилось в черный цвет.

— *Грахлаки*, придите и убейте *эленоин*! — Элрик сорвал голос, а причудливый ветерок заиграл орошенными кровью волосами эленоины. В воздухе разлилось пурпурное сияние. Альбинос упал на колени и прохрипел:

— *Грахлаки*...

Кто-то шумно прочистил глотку. Кто-то заворчал. Элрика замутило от волны страшного зловония.

Появились *грахлаки* — обезьяноподобные существа — такие же демоны, как *эленоины*. Они несли сети и веревки. Когда-то *грахлаки* и *эленоины* были разумны и являлись единым биологическим видом, который выродился и раскололся...

Грахлаки выходили из пурпурного тумана. Они остановились перед Элриком, стоящим на коленях. Альбинос ткнул пальцем в самую гущу баталии:

— Там...

С боевыми криками *грахлаки* направились к *эленоинам*, которые, заметив заклятых врагов, пронзительно заверещали и пустились наутек.

Вскочив на ноги, Элрик с трудом прохрипел:

— Ракхир, отзови воинов. Пусть *грахлаки* занимаются своим делом...

— Ты помог нам! — воскликнул Ракхир, разворачивая лошадь. Его одежда была изодрана в клочья, а из ран сочилась кровь.

Воины Танелорна издали наблюдали, как *грахлаки* набрасывали сети и петли на *эленоин*, заставляя тех кричать от ужаса. Мечи *эленоин* не могли пробить щиты их заклятых врагов. Люди видели, как смяли отряд женщин-демонов, как душили этих бестий, а потом обезьяноподобные существа пожрали внутренности павших врагов.

Позже, когда все *эленоины* были перебиты, *грахлаки* подобрали их мечи и покончили с собой согласно древнему ритуалу их народа.

— Почему они убивают себя? — удивился Ракхир.

— Они живут ради одного — уничтожения *эленоин*. Когда их враги попали в ловушку нашего измерения, не смогли скрыться и оказались повержены, у *грахлаков* не осталось цели в жизни.

У Элрика от усталости подкосились ноги, но Ракхир и Мунглум заботливо поддержали его.

— Посмотрите! — засмеялся Мунглум.— Нищие улепетывают, только пятки сверкают!

— Телеб Кан...— с трудом пробормотал Элрик.— Мы должны расправиться с Телеб Каном... Я должен... Я должен забрать кольцо королей...

— А может, не так уж оно тебе и необходимо? — спросил Ракхир.

— Может быть...— Элрик внимательно посмотрел на Ракхира, опустившего взгляд.

— Мы вместе с тобой отправимся в Надсокор, чтобы забрать твое кольцо,— решил Ракхир.— Этих жалких нищих бояться нечего.

— Надеюсь...

Элрик, еле живой от усталости, взобрался в седло и дернул поводья лошади, направляя ее назад, к городу нищих.

— Может, твои стрелы уничтожат то, чего не смог победить мой меч...

— Я не понимаю тебя,— пожал плечами Ракхир.

— Мы все расскажем тебе по дороге...— объявил Мунглум, залезая в седло.

Глава 6
НАСМЕХАЮЩИЙСЯ ДЕМОН

По грязным улицам Надсокора ехали воины Танелорна.

Элрик, Мунглум и Ракхир возглавляли отряд, но они ничуть не напоминали триумфальное шествие победителей. Улицы Надсокора были пустынны. Нищие, как тараканы, попрятались по щелям.

Снадобья Ракхира помогли Элрику восстановить силы, и теперь он уже не припадал к шее лошади, а прямо сидел в седле. Вот воины пересекли площадь, направившись прямо ко дворцу короля нищих.

Элрик не стал спешиваться перед входом, а въехал верхом прямо в тускло освещенный тронный зал.

* * *

— Телеб Кан! — закричал Элрик.

Его голос разнесся по всему залу, но Телеб Кан не отозвался. Ветер, ворвавшийся с улицы, загасил пламя в жаровнях. Но в конце зала продолжал мерцать какой-то огонек.

— Телеб Кан!

Но не колдун стоял около трона на коленях. Нищий в лохмотьях, поскуливая, о чем-то умолял тварь, развалившуюся на троне.

Элрик подъехал ближе.

В огромном кресле из черного дуба сидел демон-страж. Он сложил лапы на груди и закрыл глаза, не слушая стоявшего перед ним на коленях человека.

К альбиносу присоединились остальные воины Танелорна. Вместе приблизились к трону. Нищий повернулся в их сторону. Это оказался король Уриш. Он съежился, увидев Элрика, и потянулся за топором, лежавшим неподалеку.

— Не бойся, Уриш,— вздохнул альбинос.— Я устал от крови. Мне не нужна твоя жизнь.

Демон, сидевший на троне, открыл глаза.

— Принц Элрик, ты все-таки вернулся,— пробормотал он странным голосом.

— Я же обещал тебе... А где твой господин?

— Мне кажется, он навсегда покинул Надсокор...

— ...и оставил тебя сидеть здесь целую вечность.

Демон склонил голову.

— Господин Элрик... помогите мне! — Уриш дотронулся грязной рукой до ноги альбиноса.— Я должен вернуть свои сокровища. Там — все, что у меня есть! Прогоните демона, а я верну вам кольцо королей.

— Ты так щедр, король Уриш...— улыбнулся Элрик.

Слезы потекли по замызганному изуродованному лицу Уриша.

— Пожалуйста, господин Элрик, я прошу вас.

— Я уничтожу демона, но...

Уриш как затравленный зверь посмотрел на альбиноса.

— Но... что еще?

— Твоя судьба в руках воинов Танелорна, которых ты хотел ограбить. Ты обрек на мучительную смерть многих их друзей.

— Это не я! Это все придумал Телеб Кан!

— Где колдун сейчас?

— Не знаю! Когда ты вызвал обезьян, он сбежал. По-моему, он направился к Варкаке, реке, текущей через Турус.

— Ракхир, не хочешь ли испытать силу своих стрел? — бросил Элрик через плечо. Зазвенела тетива и стрела вонзилась в грудь демона. Она задрожала, впившись в плоть, но чудовище безразлично глянуло на нее и тихонько вздохнуло. Стрела втянулась глубже в тело демона-стража. Так он сидел и вздыхал, пока его плоть полностью не поглотила стрелу.

— Ох-хо-хо! — Уриш нервно сжал свой нож.— И это не действует...

Вторая стрела, выпущенная Ракхиром, также оказалась поглощена телом чудовища.

Уриш что-то быстро и невнятно забормотал.

— Он неуязвим для мечей, Уриш.— предостерег Элрик короля нищих.

— Что вы тут называете мечом? — зашуршал чешуей демон.

Уриш задрожал, а потом в бешенстве завопил:

— Демон... убирайся! Эти сокровища — мои!

Яростно размахивая ножом, Уриш бросился на чудовище. Клинок опустился на голову адской твари и разлетелся на

мелкие куски. По залу разнесся странный металлический звук. Король нищих замер. Демон-страж протянул к Уришу четыре лапы и схватил его. Пасть чудовища распахнулась, а само оно стало увеличиваться в размерах. Потом тварь засунула короля в рот. Несколько мгновений ноги Уриша молотили по воздуху. Но вот демон глотнул, и король нищих Уриш перестал существовать.

— Красиво...— пожал плечами Элрик.

— Конечно,— улыбнулся демон.— И, главное, вкусно.

Его голос показался альбиносу до странности знакомым, Элрик, прищурившись, внимательно пригляделся к твари на троне.

— Неужели?..

— Поверь мне, я очень люблю смертных.

— Я узнал тебя,— неожиданно объявил Элрик.

Лошадь Элрика зафыркала, когда демон начал меняться. Раздалось странное жужжание, и черные клубы дыма полностью окутали трон. Потом, когда рассеялись черные облака, оказалось, что в кресле сидит человек. Он был прекрасен неземной красотой.

— Ариох,— альбинос склонил голову перед повелителем Хаоса.

— Да, Элрик. Я занял место демона.

— Но ведь ты отказался помогать мне...

— Я был очень занят. Скоро Хаос сразится с Порядком, а после битвы такие, как Донблас, навеки отправятся в *лимб*.

— Ты знаешь, что Донблас говорил со мной в лабиринте? В темнице бога огня...

— Знаю. Поэтому-то я и появился на Земле. Не хочу, чтобы тебе помогали Донблас и существа вроде него. Надеюсь, ты не нуждаешься в доказательствах того, что я сильнее Повелителей Порядка...

Ариох посмотрел на стоявших за спиной Элрика Ракхира, Брута, Мунглума и остальных воинов Танелорна, на всех тех, кто некогда отверг его.

— Сдается мне, вы все совершили ужасную ошибку, сделав выбор не в пользу Хаоса...

— Я никогда не служил ни Хаосу, ни Порядку,— мрачным голосом пробормотал Ракхир.

— Когда-нибудь ты поймешь, что оставаться в стороне много опасней, нежели поддерживать одну из борющихся сторон,— зло прошипел Ариох.

— Зато ты никогда не причинишь мне вреда,— парировал Ракхир.— А если Элрик отправится в Танелорн, он тоже выйдет из вашей грязной игры...

— Элрик — уроженец Мелнибонэ... Народ Мелнибонэ всегда служил Хаосу... за что и был достойно награжден. Никто, кроме Повелителя Хаоса, не смог бы изгнать демона Телеб Кана!

— Очень может статься, в Танелорне кольцо королей Элрику и не понадобилось бы...— пробормотал Ракхир.

Раздался неприятный журчащий звук, словно где-то вода прорвала запруду. Прогремел гром, и тело Ариоха стало увеличиваться. Но, вырастая, оно бледнело, расплывалось. Наконец оно и вовсе растворилось. Запахло выгребными ямами.

Элрик спешился и поднялся по ступеням к трону. Потом он выволок из-под кресла сундук проглоченного Урища и разрубил крышку Буреносцем. Меч глухо зарычал, возмущенный тем, что его применили для такой плебейской работы. Драгоценности и золото полетели в грязь. Элрик искал свое кольцо.

Наконец альбинос нашел его и с гордостью водрузил на палец. Легким шагом он вернулся к своей лошади.

Мунглум, тем временем тоже спешившийся, подбирал наиболее ценные из сокровищ короля нищих и прятал их в свой кошель, подмигивая при этом ухмыляющемуся Ракхиру.

— А теперь я отправляюсь в Турус,— заявил Элрик.

— Но Турус — густой лес,— заметил Мунглум.

— Послушай, друг, если Телеб Кан ненавидит тебя так же сильно, как ты его, он обязательно объявится снова. Зачем же тогда тратить время на его поиски? — с этими словами Ракхир положил руку на плечо альбиноса.

Элрик улыбнулся своему старинному другу.

— Мудрые слова, Ракхир. Я очень устал... от богов... и от демонов, принявших смерть от моего меча... от всей грязи, которую мне пришлось пережить с тех пор, как я попал в Надсокор...

— Поехали в Танелорн... Прекрасный Танелорн, куда не может попасть ни один из Повелителей высших миров...

Элрик взглянул на свое кольцо и объявил глухим голосом:

— Я поклялся уничтожить Телеб Кана...

— Придет время, и ты исполнишь свою клятву,— пробормотал Мунглум.

Элрик пригладил свои молочно-белые волосы, и его друзьям показалось, что слезы навернулись на глаза альбиноса.

— Да...— прошептал он.— Да... Придет время.

И они покинули Надсокор, оставив нищих в грязи и зловонии сожалеть, что они ничего не могут сделать с Элриком из Мелнибонэ.

Они отправились в Танелорн — вечный город. Танелорн, который рад всем; Танелорн, где забывается все. Все, кроме одного.

Проклятье, грусть, отчаянье... Элрик из Мелнибонэ молил, чтобы Танелорн когда-нибудь помог и ему...

Часть 10
ИСЧЕЗАЮЩАЯ БАШНЯ

...Элрик, единственный из всех инкарнаций вечного воителя, не нашел успокоения в Танелорне. Повинуясь зову сердца, он покинул вечный город...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ТАНЕЛОРН — ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Танелорн существует в каждом из миров, имеет множество форм, и все эти формы прекрасны. В мире Элрика Танелорн тоже был прекрасен. Башни пастельных цветов, витые купола с развевающимися стягами — боевыми знаменами тех, кто нашел Танелорн и остался в нем навсегда.

Танелорн существовал вечность. Никто не знал, когда его построили, но было известно, что существует он с начала времен и останется невредим даже тогда, когда погибнет вселенная. Поэтому его и назвали Танелорн — вечный город.

Танелорн играл важную роль в жизни многих героев и многих богов, потому что существовал вне времени. Его ненавидели и неоднократно пытались разрушить повелители Хаоса. К северу от Танелорна лежали равнины Илмиоры, где царило правосудие, а на юг простирались бедные земли Пустыни вздохов — бесконечной пустоши, на которой пел свою печальную песню ветер.

Обитатели Танелорна не подчинялись ни силам Порядка, ни силам Хаоса. Они отрицали даже космическое равновесие, вершащее судьбы Повелителей высших миров. В Танелорне не было вождей, хотя в нем нашли приют многие великие воины. Об их подвигах слагали песни и рассказывали легенды. Одного из них звали Ракхир, и он был воином-жрецом из Пхума, прозванный Красным лучником за то, что у его стрел было красное оперение, а сам он всегда носил алый костюм. Обосновавшись в Танелорне, Ракхир не сменил своего одеяния, хотя и отверг прежние убеждения.

Неподалеку от городской стены в зарослях диких растений стоял двухэтажный дом из розового и желтоватого мрамора. Всем обитателям Танелорна дом казался непомерно огромным. Всем, кроме Ракхира, который жил в нем. Сейчас Красный лучник сидел на деревянной скамье и поглядывал на гостя, прогуливающегося перед домом. Гостем Ракхира был альбинос — принц драконов из Мелнибонэ.

Элрик был одет в белую рубаху и штаны из тяжелого черного шелка. Свои молочно-белые волосы он перехватил черной лентой.

Ракхиру не хотелось мешать раздумьям друга, но ему не нравилось, когда Элрик пребывал в подобном настроении. Красный лучник надеялся, что Элрику понравится в Танелорне и он сможет выкинуть из головы сомнения и призраки прошлого. Но оказалось, что даже Танелорн бессилен перед альбиносом.

— Уже месяц, как ты приехал в Танелорн, друг мой, и до сих пор ты мечешься из угла в угол, не находя себе места,— наконец нарушил тишину Ракхир.

Элрик посмотрел на своего друга и грустно усмехнулся:

— Верно, я не обрел покоя. Не ломай голову, Ракхир, над тем, как мне помочь. Я гость, приносящий несчастье.

— К чему ты ведешь?

— Кажется, я не могу успокоиться, даже попав в такое мирное место, как Танелорн. Только ярость и приключения могут на время избавить меня от меланхолии. Этот город не для меня, Ракхир.

— Но ведь ярость у тебя все равно сменяется меланхолией?

— Да. Мне сложно что-либо решить. Я все время в сомнениях, с тех пор как уничтожил Имррир... А может быть, я начал сомневаться и раньше.

— Подобный выбор, наверное, трудно сделать каждому человеку.

— Возможно... Хотя и удивительно, если подобные мысли есть еще у кого-то кроме меня...

— Танелорн очистил мои помыслы,— объяснил Ракхир.— И я надеялся, что и тебя он сможет избавить от этого. Может, тебе стоило бы переехать в тень городских стен?

— У меня другие планы. Я хочу отомстить Телеб Кану, но не знаю, где он. А ты, как и Мунглум, пытаешься убедить меня, что колдун объявится сам — рано или поздно. Помню, когда я впервые прибыл в Танелорн, ты предложил, чтобы я вместе с Циморил переехал сюда и забыл о Мелнибонэ. Я очень жалею, что не послушался тебя тогда. Жил бы сейчас в мире с самим собой и образ мертвой возлюбленной не преследовал бы меня.

— Помнишь, ты рассказывал мне о волшебнице? Ведь она была очень похожа на твою возлюбленную?

— Ты говоришь о Мишелле? Та, которую называют императрицей зари? Я впервые увидел ее, когда она была погружена в колдовской сон. Тогда мы помогли друг другу и достигли общей цели.

— Но если она...

— Я никогда с ней больше не увижусь, Ракхир.

— Это еще неизвестно.

Два друга замолчали. Неподалеку пели птицы. Звенели фонтаны. Элрик опять принялся мерить сад шагами.

Вдруг он резко развернулся и ушел в дом. Ракхир следил за альбиносом беспокойным взглядом. Когда Элрик вышел из дому, он был одет по походному. На его плечи был наброшен широкий белый плащ, на ноги альбинос натянул высокие сапоги. На поясе Элрика висел рунный меч — Буреносец.

— Я покидаю Танелорн,— объявил альбинос.— Я отправлюсь через Пустыню вздохов. Буду скакать, пока хватит сил. Может, это как раз то, что мне нужно.

— Будь осторожен в пустыне, друг мой,— предупредил Ракхир.— Это малоизвестные, дикие места.

— Я постараюсь быть осторожным.

— Возьми большую кобылу золотистого цвета. Она специально подготовлена для таких путешествий, очень выносliва.

— Спасибо. Наверное, я вернусь утром, а может быть, раньше.

— Не мучай себя. Не слишком полагайся на свои лекарства и не впадай в меланхолию.

Ракхир печально посмотрел на своего друга, который направился к конюшне. Белый плащ альбиноса развевался, словно внезапно поднявшийся морской туман.

Затем Ракхир услышал, как по булыжнику процокали копыта. Он приподнялся, чтобы получше рассмотреть всадника на золотистой лошади, направлявшегося к северным воротам города.

Мунглум вышел из дома, держа в руках большое яблоко и какую-то рукопись.

— Куда это отправился Элрик?

— Он поехал в пустыню, чтобы успокоиться.

Мунглум нахмурился и откусил кусок яблока.

— Он ищет покоя и боится, что не найдет его?

Ракхир кивнул.

— Мне кажется, Элрик ищет что-то иное. Он сам не всегда может объяснить свои поступки.

— Думаешь?

— Не уверен.

Глава 2
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛШЕБНИЦЫ

Песчаная равнина подернулась рябью, когда подул ветер. Теперь дюны казались волнами застывшего моря. Клыки скал торчали повсюду. Это были остатки горной гряды, разрушенной ветром и временем. Элрик прислушивался к вздохам пустыни. Порой ему казалось, что песок бормотал о тех далеких временах, когда сам был частью скал, камней, городов, людей, зверей, и страстно желал вернуться в изначальную форму. Пустыня рыдала, вспоминая прежнюю жизнь.

Элрик натянул на голову капюшон, чтобы солнце, пылающее в сине-стальном небе, не так яростно пекло ему голову. «Когда-нибудь я тоже обрету смерть и, возможно, тоже стану сожалеть об этом»,— думал он. Потом Элрик позволил золотистой кобыле перейти на рысь и сделал небольшой глоток воды из фляги.

Сейчас альбиноса со всех сторон окружала пустыня. Она, казалось, не имела ни конца, ни края. Вокруг не было видно ни одного растения. В этой пустыне не жили ни животные, ни птицы.

Элрик вздрогнул, почувствовав в воздухе неуловимую перемену, которую всегда ощущал, когда оставался один. Так

было и сейчас. Пустынные земли отделили его от всего остального мира. Но Элрик заставил себя прогнать печальные мысли и больше не задумывался о своей судьбе. Ветер постепенно стих.

Неожиданно принц драконов сжал рукоять своего черного меча... Все свои дурные предчувствия альбинос по непонятным для него причинам связывал с Буреносцем. Вдруг Элрик услышал странные звуки. Было ли это завываниями ветра или же эти звуки издавал его меч? Элрик прислушался.

Кобыла взбиралась по осыпающемуся склону горы. Ее копыта ежеминутно вязли в песке. Элрик внимательно огляделся.

Достигнув вершины дюны, альбинос натянул поводья. Элрик понял, что вернуться в Танелорн невозможно, так как и он, и лошадь очень устали и заблудились. Альбинос сбросил капюшон и вытер пот со лба.

«Вот она — смерть,— подумал Элрик.— Жизнь моя невыносима. Мне кажется, я сам ищу смерти. Но почему смерть отказывается от меня? Неужели я обречен на вечную жизнь?»

Затем Элрик подумал о лошади. Неужели нужно губить и это существо? Альбинос спешился.

Ветер подул сильнее, снова послышались рыдания пустыни. Песок заструился по дюнам. Горячий ветер рвал широкий плащ альбиноса. Лошадь нервно пофыркивала и трясла головой.

Элрик повернулся на северо-восток. Туда, где лежал край мира...

...И поехал вперед.

* * *

Лошадь тихонько заржала, но Элрик даже не обернулся. Он не замечал ничего вокруг. Вскоре он обнаружил, что не взял с собой даже флягу с водой. Однако это его ничуть не огорчило. Альбинос ровным шагом продолжал идти вперед, упорно и целеустремленно, словно вел за собой целую армию.

Может, так оно и было... Ведь за его плечами находились полчища мертвых — всех тех друзей и врагов, которых

он погубил во время своих скитаний по Молодым королевствам.

Но один его враг оставался живым. Враг сильный и более враждебный, чем Телеб Кан — темный враг, частица его «я», обретшая четкую форму в виде меча — Буреносца. И этот враг погибнет, когда погибнет Элрик, и тогда силы зла покинут это измерение.

Несколько часов Элрик из Мелнибонэ шел по пустыне, и постепенно печаль покинула его. Альбинос слился с ветром и песком.

Наступили сумерки, но он не видел, как солнце исчезает за горизонтом. Пришла ночь, а альбинос упорно шагал вперед, даже не чувствуя холода. Он очень ослабел, но силы могли вернуться к нему только в одном случае — если бы он убил кого-нибудь черным мечом.

Когда в небе засияла бледная луна, ноги Элрика подкосились и он упал.

* * *

— Принц Элрик! — это был женский голос — глубокий, но дрожащий.

Альбинос узнал его, но даже не шевельнулся.

— Элрик из Мелнибонэ!

Элрик почувствовал, как кто-то прикоснулся к его руке, и повернулся. Он быстро поднялся на ноги, попытался что-то сказать, но так и не смог. У него пересохло во рту. Мишелла стояла рядом. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне зари. Длинные черные волосы обрамляли прекрасное лицо девушки. На ней было сине-золотистое с зелеными искрами одеяние.

Выплюнув песок, набившийся в рот, Элрик заговорил:

— Я мертв? Или у меня начались видения?

— Конечно, нет. Ты — живой человек, и я тоже.

— Но ты осталась далеко-далеко отсюда, в замке Канелун, моя госпожа. Ты должна быть на другом конце света.

— Я искала тебя, Элрик.

— Ты нарушила данное мне слово. Когда мы расставались, то решили, что нам не следует больше встречаться. Наши судьбы не должны переплестись.

— Когда мы так решили, я думала, что Телеб Кан мертв, погиб в объятиях аркана плоти. Ответь мне, что ты ищешь здесь, в этой пустыне?

— Я ищу свою смерть.

— Ты же знаешь, что тебе уготована другая смерть.

— Мне говорили об этом, но никто не сказал, как я погибну.

Мишелла вытащила флягу из складок плаща и протянула ее Элрику.

— Пей! — приказала волшебница.

Элрик обхватил флягу обеими руками.

— Я не хотел больше встречаться с тобой, госпожа Мишелла...

— Ты боишься полюбить меня?

— Если тебе это льстит, то да...

— Это не очень радует меня. Я ведь знаю, что ты все время думаешь о Циморил. Я совершила большую ошибку, когда заманила тебя в замок Канелун, хотя тогда у меня не было выбора. Лишь потом я поняла, чего ты боишься.

Элрик опустил голову.

— Замолчи!

— Извини. Ты же знаешь, что я это сделала не нарочно. Может, стоит попытаться как-нибудь изменить наши судьбы и избавиться от страхов?

Только теперь Элрик отважился встреться взглядом с Мишеллой.

— Наши судьбы?

— Наши судьбы.

— Ты делаешь все, чтобы навязать мне свою волю,— тяжело вздохнул альбинос.

— Нет. Это должно оживить тебя немного, вот и все...

Элрик глотнул из фляги чудесного вина. В голове у него прояснилось. Он отпил еще немного и почувствовал, как сила наполняет его измученное тело.

— Ты все еще жаждешь смерти? — поинтересовалась Мишелла.

— Если смерть успокоит меня, то да.

— А если не успокоит... ты постараешься остаться в живых?

— Как ты нашла меня?

— Для этого существует множество способов, в том числе и волшебных. Но сюда меня принесла моя птица.

Элрик обернулся и увидел птицу из золота и серебра, на которой ему однажды пришлось летать, чтобы выполнить поручение Мишеллы.

— Ты хочешь отвезти меня в Танелорн?

— Нет,— покачала головой девушка.— Я искала тебя, чтобы рассказать, где находится наш старинный враг Телеб Кан.

— Он снова представляет для тебя угрозу? — улыбнулся альбинос.

— Ну, в общем-то, да...

— Я хорошо знаю тебя, Мишелла,— произнес Элрик, отряхивая свой плащ.— Тебя бы ничуть не беспокоила моя судьба, если бы она не была как-то связана с твоей. Ты верно заметила, что я боюсь полюбить тебя. Я боюсь полюбить любую женщину. Но ты... Ты пользуешься мужчинами, которые одаривали тебя своей любовью. Ты заставляешь их служить себе.

— А я и не отрицаю этого. Верно, я люблю только героев, да и то лишь тех, которые служат силам Порядка, исполняя их волю на Земле...

— Но меня не интересует ни Хаос, ни Порядок. Ведь даже моя ненависть к Телеб Кану основана лишь на личной неприязни. Меня не волнует противоборство повелителей высших миров.

— А как ты отнесешься к тому, что Телеб Кан угрожает сейчас обитателям Танелорна?

— Это невозможно, ведь Танелорн вечен.

— Вечен город, но не его обитатели. Уж можешь мне поверить. Не один раз обрушивались напасти на жителей вечного города. Ты знаешь, насколько велика ненависть повелителей Хаоса, хотя они не нападают на Танелорн в открытую. Они готовы воспользоваться любым смертным, чтобы уничтожить тех, кого считают предателями.

Элрик нахмурился. Он знал о ненависти повелителей Хаоса, но лишь однажды они прибегли к услугам смертных, чтобы напасть на город.

— Мишелла, неужели правда, что Телеб Кан собирается уничтожить всех жителей Танелорна?

— Конечно. После того как сорвались его планы относительно Надсокора и каравана Ракхира, Телеб Кан просто не мог не возненавидеть всех обитателей Танелорна. В лесу Турус он обнаружил несколько древних скрижалей — книг по магии, которые сохранились там еще со времен проклятия.

— Как такое может быть? Они что, просуществовали весь временной цикл и даже старше Мелнибонэ?

— Да... Турус значительно древней Мелибонэ, и во времена проклятия там жили люди, очень мудрые и владевшие великими тайнами...

— Ну ладно. Допустим, Телеб Кан нашел эти скрижали. Какой ему от них прок?

— Он узнал, почему существуют барьеры между измерениями и как преодолеть их. Для нас другие измерения — загадка... Даже твои предки только догадывались о существовании того, что называется «мультивселенная», да и я знаю об этом немногим больше тебя. А Повелители высших миров только время от времени могут свободно перемещаться между измерениями. Обычные смертные — нет, во всяком случае, не в этом цикле их существования.

— Тогда что же такого может сделать Телеб Кан? Уверен, ему понадобятся гигантские силы, чтобы прорвать барьер между мирами. Но ведь таких сил у него нет?

— Ты прав. Но зато у него есть могущественные союзники. Повелители Хаоса того, кто стремится уничтожить Танелорн. Поэтому они сами предложили Телеб Кану свою помощь. Колдун нашел в лесу Турус не только старинные рукописи, но и волшебные механизмы, которые были изобретены обреченным народом и которые его же погубили. Они были бесполезны для Телеб Кана до тех пор, пока Повелители Хаоса не объяснили ему, для чего эти механизмы предназначены и где взять для них энергию.

— Он уже запустил их? Где?

— Колдун перенес эти механизмы в место, где, по его мнению, их невозможно обнаружить.

— Сюда, в Пустыню вздохов?

— Да. Если бы ты продолжал скакать на своей лошади, то, наверное, уже бы обнаружил Телеб Кана... или он тебя. Сдается мне, сама судьба направила тебя в пустыню, принудив пуститься на поиски неведомого.

— Ты не должна была мне помогать! Я хотел умереть! — зло выкрикнул Элрик.

— Это может скоро случиться, если...— Волшебница замолчала, недоговорив, и широко улыбнулась.

— Ты опять играешь моей судьбой?

— А как ты думаешь?

Элрик помрачнел. Он не мог найти ответа.

— Что руководит мною? Как я могу положить этому конец?

— Ты сам должен понять это.

— Опять хочешь повернуть меня против Хаоса? Но ведь именно Хаос помогает мне... Я дал клятву верности Ариоху.

— Ты — *смертный. Да и Ариох не всегда помогает тебе,* зная, что сокрыто для тебя.

— Ты говоришь о будущем? Что ты знаешь о нем?

— Очень мало. Но даже этого я не могу рассказать тебе. Смертные должны выбирать, кому служить!

— Я уже выбрал! Я служу Хаосу!

— Почти все твои беды происходят от того, что на самом деле ты на другой стороне.

— Наверное...

— Ты не можешь бороться с Порядком, если противостоишь Телеб Кану. И ты не можешь направить на своего врага силы Хаоса. Не забудь, что именно они объявили тебе войну.

— Ну, нет. Я всего лишь ненавижу Телеб Кана и хочу уничтожить его, независимо от того, служит он Порядку или Хаосу.

— Я думаю, ты не вовремя вспомнил об этом. В борьбе с колдуном силы Хаоса не будут помогать тебе.

— Расскажи-ка мне лучше о планах Телеб Кана.

— Ты сам все увидишь. Вот твоя лошадь,— волшебница махнула рукой, и Элрик разглядел неподалеку свою золотистую кобылу.— Но будь осторожен, Телеб Кан наверняка настороже. Он даже мог приготовить какую-нибудь ловушку.

— Мне кажется, я скоро вернусь в Танелорн... Если только не решу покончить с собой.

— Я знаю, что этого не случится. Ты должен спасти своих друзей.

— Когда-то на мне лежало бремя ответственности, но я думал только о себе. В те времена я вспоминал Мелнибонэ, испытывая лишь отчаяние. Я отправляюсь в путь, Мишелла.

— Еще раз напоминаю, будь осторожен. Телеб Кан пользуется колдовством, которого ты не знаешь. Оно способно изменить исход борьбы.

Волшебница строго посмотрела на альбиноса, и он шагнул к ней, обнял и поцеловал. Скупая слеза скатилась по его белой щеке. Элрик подождал, глядя, как Мишелла усаживается в седло, укрепленное на птице из золота и серебра. Металлические крылья ударили по воздуху с огромной силой. Изумрудные глаза птицы сверкнули и открылся украшенный драгоценностями клюв.

— Удачи, Элрик! — крикнула птица.

Мишелла даже не посмотрела на альбиноса.

Очень скоро птица стала лишь сверкающей точкой в синем небе, и Элрик повернул лошадь на северо-восток.

Глава 3
БАРЬЕР РАЗРУШЕН

Элрик осторожно обогнул огромную одинокую скалу, торчащую из песка посреди равнины, и за ней обнаружил лагерь Телеб Кана. Большой шатер из желтого шелка прятался за каменным выступом. Сама же скала была частью горного массива, не разрушенного ветром пустыни. Фургон с двумя запряженными лошадьми стоял неподалеку от шатра, над ним возвышалось сооружение из металла, в которое была вделана огромная чаша из сверкающего кристалла. Все сооружение хотя и казалось почти идеально круглым, было асимметричным — странная композиция из множества полусформировавшихся лиц, тел животных и стеблей растений, контуры которых резко проступали, когда Элрик смотрел на них, и исчезали, стоило альбиносу отвести взгляд. Это сооружение, сделанное из необычного для измерения Земли металла и какой-то неземной субстанции, смотрелось очень нелепо и непривычно. Все творения проклятого народа походили на творения Хаоса. В особенности тем, что сами уничтожали себя.

И все же сооружение жило отдельной жизнью. В глубине его что-то робко пульсировало, словно сердце умирающего. Элрик, повидавший в жизни много жестокости, смутился, вмиг разгадав планы Телеб Кана.

Отвращение переполнило альбиноса при виде чудовищного механизма. И в этот момент полог шатра откинулся и появился сам Телеб Кан.

Колдун Пан Танга изменился — кожа его стала бледнее, и он заметно высох с тех пор, как Элрик виделся с ним в последний раз перед битвой между нищими Надсокора и воинами Танелорна. Но на лице колдуна светилась улыбка радости, в темных глазах сверкал грозный огонь.

Уверенным шагом направился Телеб Кан к адской машине.

— Сейчас, сейчас, сейчас,— услышал Элрик его бормотания.— Скоро, очень скоро умрет проклятый альбинос, погибнут все, кто выступал против меня. Помни, альбинос, наступит день, когда ты сполна хлебнешь из чаши моей ненависти и наконец-то поймешь, что я уже не тот колдун-неудачник, каким был раньше. Когда ты, ненавистный, погибнешь, королева Ютана вернется ко мне. Ну как, как могла она полюбить это жалкое бледное создание, полюбить так, как никогда не любила меня — человека талантливого и по-своему великого? Как?!

Элрик уже успел забыть, что королева Ютана так много значила для Телеб Кана, что она полностью подчинила себе разум колдуна, владевшего могущественной магией. Именно из-за королевы Ютаны Телеб Кан возненавидел Элрика. Эта ненависть заставила неудачливого чародея стать одним из самых могущественных мастеров черного искусства.

Элрик наблюдал, как Телеб Кан пробежал пальцами по неровностям чаши из кристалла. И вся поверхность чаши засияла, высвечивая причудливые руны. Машина загудела. Необычные цветовые лучи потекли изнутри. В чаше что-то тяжело загрохотало, возвращая механизму жизнь. Странный запах поплыл по воздуху. Свет, исходящий из глубин чаши, стал ярче, и машина неуловимо принялась изменяться.

Кобыла альбиноса нервно подрагивала и еле слышно пофыркивала. Элрик прижался к ее шее, ласково похлопывая животное, чтобы успокоить его. Теперь Телеб Кана было уже трудно различить на фоне пылающей чаши. Он продолжал что-то бормотать, и слова его разносились эхом среди скал. Правая рука колдуна скользила по причудливым рунам, нанесенным на кристалл.

Небо потемнело, налилось густой синевой, хотя солнце по-прежнему ярко светило. Казалось, воздух стал вязким, а тучи закрыли светило перед ликом разворачивающейся сцены.

Телеб Кан отступил назад. Его лицо было озарено странным светом. В глазах таилось безумие.

— Придите! — проревел он.— Придите же! Барьер между мирами не помешает вам!

Элрик заметил тень, скользнувшую из чаши, постепенно принимающую форму разинутой пасти. И вот на свет появилась голова огромного чудовища, отдаленно напоминавшего дракона из пещер Мелнибонэ. Когда чудовище полностью выбралось из чащи, Элрик заметил, что по спине твари протянулся костяной гребень. Клыкастая пасть была широко разинута. Земля затряслась, когда чудовище подошло к колдуну. Еще одна тварь выбралась из чащи, а потом еще третья — огромные рептилии из чужого измерения. Следом за чудовищами появились их повелители. Кобыла Элрика тонко заржала и встала на дыбы, пытаясь сбросить седока и умчаться прочь. Но альбинос сдержал лошадь и продолжил наблюдать за существами, усевшимися на рептилий. Эти создания были еще более отвратительными, нежели их скакуны, хотя, как обыкновенные люди, имели по две руки и две ноги. Но чем-то они напоминали ящериц и были очень высокими. В руках всадники сжимали причудливо выглядевшее оружие, прикрепленное к предплечьям созданий спиралями из золотистого сплава. Кожа ужасных существ была иссиня-черной, лишь на голове приобретая зеленоватый оттенок. Красные глаза злобно сверкали.

Телеб Кан засмеялся:

— Мне удалось! Я разрушил границу между измерениями. Я вызвал могучих союзников, которых не сможет уничтожить даже колдовство Элрика, потому что они не подчиняются никому в этом измерении! Они непобедимы, и они служат мне, Телеб Кану!

Чудовища рычали и фыркали, также как и их всадники.

— А теперь пришло время свести счеты с Танелорном! — возбужденно прокричал Телеб Кан.— Потом я отправлюсь в Джаркор, и ветреная Ютана станет моей, только моей!

Элрик на мгновение даже почувствовал жалость к Телеб Кану. Повелители Хаоса подняли этого колдуна очень высоко,

но сам он пошел на подобный договор только из-за безнадежной страсти к немолодой королеве Джаркора. Элрик понимал, что не сможет в одиночку выступить против чудовищ и их всадников, и поэтому решил вернуться в Танелорн, чтобы предупредить своих друзей об опасности. А затем попытаться изгнать чудовищ назад в их собственное измерение. Кобыла опять заржала. Ужас наполнил ее новыми силами. Ржание лошади прозвучало в тишине пустыни как колокол. И Телеб Кан услышал его. Он направился к тому месту, где прятался Элрик.

Альбинос понял, что удрать от чудовищ он не сможет. Он сразу понял, что оружие из другого измерения легко может уничтожить его и на большом расстоянии. Тогда Элрик обнажил меч, и тот, оказавшись на воле, взвыл. Пришпорив лошадь, принц драконов поскакал прямо к чаще, рядом с которой стояли новые союзники Телеб Кана. У альбиноса оставалась одна-единственная надежда — разрушить машину, чтобы чудовища вернулись в свое измерение. На скаку Элрик бормотал защитные заклинания. Его меч громко взвыл, а потом обрушился на кристалл-чашу.

Черный меч ударил по сверкающей поверхности и утонул в ней. Элрик вслед за мечом скользнул в кристалл, даже не разбив его. Он пронесся сквозь мертвые миры, миры, искаженные обреченным народом еще в неведомые времена. Тело альбиноса скользнуло между измерениями, и Элрик почувствовал, как распадается на мельчайшие частицы...

* * *

...Очнувшись, он обнаружил, что лежит на мягкой траве. Не было пустыни; не было Телеб Канна; не было пульсирующей машины, ужасных тварей и их повелителей. Элрика ласкал теплый солнечный свет. Альбинос услышал шорох листвы, пение птиц и голос:

— Буря прошла. Кто ты? Ведь ты — Элрик из Мелнибонэ?

Альбинос поднялся. Перед ним стоял высокий воин в серебристом шлеме и серебряной одежде. На поясе незнакомца висели мягкие ножны, в которых покоился длинный меч. Элрик обратил внимание, что незнакомец похож на уроженца

Мелнибонэ. Левая рука его была затянута в перчатку, усыпанную драгоценными камнями, и на ней было шесть пальцев. Правый глаз воина из нескольких драгоценных камней напоминал глаз насекомого, а левый — с желтым зрачком и пурпурной оболочкой вокруг радужки глаза — производил непривычное впечатление.

— Я Элрик из Мелнибонэ,— представился альбинос.— Могу ли я выразить благодарность за то, что вы спасли меня от чудовищ, которых вызвал Телеб Кан?

Незнакомец покачал головой.

— Я дважды вызывал тебя, но не знаю никакого Телеб Кана. Мне велено заручиться твоей помощью. Мое имя Корум Джайлен Ирси, а еще меня называют принцем в алых одеждах. Я приехал сюда по очень важному делу.

Элрик нахмурился. Имя Корума показалось ему знакомым. Альбинос припомнил какой-то полузабытый сон. Колдуны иного мира... Корабль, плывущий по океану, лежащему между измерениями...

— Где мы? Я никогда не видел таких странных деревьев.

— Как и я, ты попал в другое измерение. Я прошу тебя о помощи. Двух повелителей мечей — Ариоха и Ксиомбарг — мне удалось изгнать из их владений, но третий...

— Ариоха... и Ксиомбарг? Ты победил двух самых могущественных Повелителей Хаоса? Но не более чем месяц назад я разговаривал с Ариохом, который является моим покровителем.

— Измерениям нет числа,— прервал его принц Корум.— В некоторых из них повелители Хаоса сильны, а в других нет. Если верить тому, что я слышал, многие миры вообще обходятся без богов. Я не солгал тебе — Ариох и Ксиомбарг изгнаны мною из нашего мира навсегда. Но остался самый могущественный повелитель мечей — король Мабельрод.

Элрик нахмурился.

— В моем измерении Мабельрод не столь могуществен, как Ксиомбарг, и уж точно не обладает той силой Ариоха. Как странно! Все мои представления о...

— Я тебе все объясню,— остановил его принц Корум.— Не знаю почему, но судьба обрекла меня избавить пятнадцать измерений от владычества Хаоса. Я отправился на поиски

Танелорна в надежде найти там союзников, но мой проводник попал в плен, и, прежде чем продолжить путь, я должен выручить его из беды. Мне велели передать тебе, что, помогая мне, ты помогаешь самому себе, а если я добьюсь успеха, твое желание исполнится.

— Кто тебе это сказал?

— Один мудрец.

Элрик присел на ствол поваленного дерева и обхватил голову руками.

— В недобрый час вызвал ты меня, друг Корум,— вздохнув, произнес альбинос.— Хотя надеюсь, что твои слова сбудутся.— Потом Элрик поднял голову.— Скажи, почему мы разговариваем с тобой на одном языке?

— Мне говорили, что мы — части одного целого. И не расспрашивай меня более, принц Элрик, потому что я знаю не больше твоего...

— Может, я сплю? — Элрик вздрогнул всем телом.— Или я все-таки лишил себя жизни? А может, Телеб Кан похитил мою душу? В любом случае, я помогу тебе и буду надеяться, что желание мое исполнится.

Принц Корум куда-то исчез, но скоро вернулся с двумя лошадьми: белой и черной. Он протянул поводья черной лошади Элрику.

Альбинос вскочил в непривычное для него седло.

— Ты что-то говорил о Танелорне. Но ведь я попал сюда из мест, лежащих близ вечного города.

— Ты знаешь, где находится Танелорн? — удивился принц Корум.

— Конечно. Но только в моем мире. Почему ты думаешь, что он есть и здесь?

— Танелорн существует в каждом измерении. Вечный город один, но у него множество инкарнаций...

* * *

Они долго ехали по мирному лесу.

Элрик обдумывал все то, что ему сказал Корум. Происходящее больше напоминало сон — особенно его появление в этом мире.

— Куда мы направляемся? — поинтересовался альбинос.— В какой-нибудь замок?

— Мы должны найти третьего,— покачал головой Корум.

— Ты пытался вызвать его с помощью колдовства?

— Нет. Он сам придет к нам, чтобы «трое в одном» могли соединиться.

— Что это означает? Как понимать — «трое в одном»?

— Я ведь уже говорил, что знаю не больше твоего, Элрик. Но сдается мне, что только втроем нам удастся освободить моего проводника и друга, ныне попавшего в плен.

— Возможно,— пробормотал Элрик.— Но мне-то еще необходимо спасти Танелорн от чудовищ Телеб Кана. Сейчас они, должно быть, штурмуют город.

Глава 4
ИСЧЕЗАЮЩАЯ БАШНЯ

Постепенно дорога стала шире. Миновав лесистую долину, два воина увидели на западе утесы, а за утесами — глубокую синеву океана. В чистом небе кружили птицы. Тихий, мирный пейзаж. Элрик не мог поверить, что им предстоит сражаться с силами Хаоса. Пока они ехали, Корум поведал альбиносу, что перчатка на его руке вовсе не перчатка, а рука мертвого бога, правый же глаз, больше напоминающий драгоценный камень, мог видеть миры, лежащие за пределами пятнадцати измерений.

— Все, что ты рассказал мне, превращает все колдовство моего мира в пустой звук,— улыбнулся Элрик.

— Это лишь часть одного целого,— заявил Корум.— Просто тебе непонятно то, о чем я говорю. Окажись я в твоем мире, многое показалось бы мне странным и загадочным. И, тем не менее, судьбы наши схожи, принц Элрик. Мы оба обречены играть решающую роль в вечной борьбе между Хаосом и Порядком, хоть и не понимаем, кому нужно это противоборство и почему оно длится уже целую вечность. Мы сражаемся, переживаем, терпим физические и душевные муки, но оправданы ли наши страдания? Боюсь, ни ты, ни я не сможем ответить на этот вопрос.

— Ты прав,— с печалью согласился альбинос.— У нас с тобой действительно много общего, принц Корум.

Корум промолчал. Внезапно он натянул поводья, потому что увидел всадника. Незнакомец неподвижно сидел в седле, словно поджидая их.

— Наверное, это и есть тот третий, о котором говорил Болорайг.

Элрик и Корум медленно приблизились к незнакомцу.

У человека, поджидавшего их, оказалось приятное лицо. Он был выше обоих воинов и носил черные кожаные одежды. На голове его красовался шлем с поднятым забралом, изображавшим морду оскаленного медведя, а на поясе висел огромный меч в черных ножнах. Незнакомец сидел на массивном чалом жеребце, и тяжелый круглый щит был прикреплен к его седлу. Когда Элрик и Корум оказались рядом, незнакомец печально вздохнул:

— Я вас знаю.

Элрик понял, что этого человека он тоже когда-то видел. Сон о мире синего солнца. Плавание на корабле по морям между мирами... Порой альбиносу снились странные сны.

— Как ты попал в Балвун Мур? — спросил Корум.

— Балвун Мур? Это Балвун Мур? Я попал сюда всего несколько секунд назад. До этого я... я... О боги! Память опять отказывается служить мне! — Всадник в черных одеждах прикрыл рукой глаза.— Имя... Другое имя... Нет-нет, прошу вас, не надо!.. Ну конечно... Элрик! Корум! Но ведь сейчас...

— Откуда ты знаешь, как нас зовут? — удивился Элрик. Ощущение сна наяву не покидало альбиноса.

— Неужели ты не помнишь? Я — Элрик, и я же — Корум... Ох, ну что за мука... Я был или еще буду и Элриком, и Корумом, и многими, многими другими...

— А каково твое имя? — поинтересовался Корум.

— У меня тысячи имен... Джон Дейкер... Эрикезе... Улрик... и еще, и еще, и еще. Как мне спастись от этих бесконечных воспоминаний? Я — Элрик из Мелнибонэ... Я — принц Корум. Мы все трое, да и еще множество существ — единое целое. Неизвестно, за что, но я проклят навеки. Ох! У меня раскалывается голова. За что такие пытки? За что?

Элрик кашлянул.

— Так ты утверждаешь, что ты — моя инкарнация?

— Понимай, как хочешь! Но вы оба — мои инкарнации.

— Так вот в чем дело,— задумчиво протянул Корум.— Мы встретились в незнакомом для нас мире, попали в него из разных измерений, разных времен. Теперь понятно, что говорил Болораиг, когда заявил, что «трое должны воссоединиться». Наверное, только совместными усилиями мы сможем победить Войлодиона Гагнасдиака из исчезающей башни.

— Это тот, кто взял в плен твоего проводника? — поинтересовался Элрик, не отводя глаз от человека в черном, который ему определенно нравился.

— Да. Исчезающая башня перемещается из одного измерения в другое, из одного времени в другое, не оставаясь больше нескольких минут на одном месте. Мне кажется, что втроем мы быстро отыщем ее, а затем освободим моего проводника и отправимся в Танелорн.

— Танелорн? — воин в черном внимательно посмотрел в глаза Корума.— Я тоже ищу Танелорн. Я тяжело болен тем, что помню все свои инкарнации и перехожу помимо своей воли из одного измерения в другое. Говорят, мой недуг можно излечить только в вечном городе.

— Я тоже должен вернуться в Танелорн,— заявил Элрик.— Мне нужно помочь своим друзьям, которым грозит смертельная опасность. Без меня они погибнут.

— Значит, цель у нас одна,— подытожил Корум.

— Я готов помочь вам,— заявил гигант в черном.

— Скажи, как нам называть тебя, герой со многими именами?

— Зовите меня Эрикезе, хотя я и нахожусь сейчас в другом облике — в теле человека, который на мгновение позабыл, что проклят, и познал настоящую любовь.

— Тебе можно позавидовать,— пробормотал Элрик.— По крайней мере, ты хоть на мгновение ощутил покой...

— Ты даже представить себе не можешь, что именно мне нужно забыть,— ответил гигант в черном. Он натянул поводья.— Корум, куда нам ехать, чтобы найти исчезающую башню?

— Эта дорога сама приведет нас. Вперед, в темную долину.

* * *

Элрик не мог точно определить источник звуков, которые он слышал. Он думал о том, что вселенная... или мультивсе-

ленная, как назвала ее Мишелла — разделена на бессчетное количество пластов существования.

Время — сложная концепция, которую нельзя измерить одной человеческой жизнью или коротким периодом истории. И наверняка существуют измерения, неподвластные космическому равновесию, как предполагал Корум. Существуют и измерения, где Повелители Хаоса обладают большой силой. Какое-то время Элрик думал, а не позабыть ли ему о Телеб Кане, Мишелле и Танелорне. Ему захотелось пожить в прекрасном мире, где волею судеб он оказался. А что, если Эрикезе говорит правду и он... он, Элрик, неотъемлемая часть чего-то цельного и ему подойдет это измерение. Неведомые силы, которые Эрикезе называл судьбой, принесли его в это измерение ради важной цели, заставив промчаться через тысячи миров и соединиться с двумя другими инкарнациями вечного воителя. Альбинос с интересом поглядывал на гиганта в черном, который ехал по левую руку, и на человека, на руке которого было шесть пальцев. Неужели они реальны?

Вскоре Элрик понял, что испытывает муки, подобные отчаянию Эрикезе. Как, должно быть, тяжело помнить обо всех инкарнациях, обо всех преступлениях, обо всех потерях; и никогда не быть уверенным, что все это случилось на самом деле.

— Темная долина! — воскликнул Корум, показав рукой куда-то вперед.

Это место и впрямь выглядело необычайно сумрачно.

— Мне кажется, что это та долина,— объяснил Корум своим спутникам.— Привлекательное место, не правда ли?

— Мне плохо видно,— прошептал Эрикезе.— Поехали дальше.

Он натянул поводья лошади и, опередив остальных, поскакал галопом. Элрик и Корум последовали за ним и вскоре, миновав низкие утесы, выехали на дорогу, извивающуюся среди теней.

Элрик увидел руины, поднимающиеся у основания утесов с другой стороны. Странные руины, не похожие на те, что оставляет война... Они были оплавлены, словно их коснулась рука Хаоса.

Корум внимательно осмотрел развалины.

— Туда,— махнул он остальным.— Там — яма. Подождем.

Элрик огляделся по сторонам и подъехал к Коруму.

— Подождем, друг Корум?

— Да, дождемся появления башни,— ответил принц Корум.— В этом измерении она материализуется именно здесь.

— А когда это произойдет?

— Не знаю. Она может появиться в любую минуту. Нам нужно будет успеть проникнуть в нее, пока она не отправится дальше.

Лицо Эрикезе оставалось невозмутимым. Он спешился, сел на землю, прислонившись спиной к обломку скалы. Его лошадь осталась стоять рядом.

— Мне кажется, ты самый терпеливый из нас, Эрикезе,— заметил Элрик.

— Я научился ждать. Время мало значит для человека, который не знает, что такое смерть.

Элрик тоже спрыгнул с коня, а Корум направился к яме.

— Ты уверен, что мы именно здесь должны ожидать башню?

— Да. Я узнал об этом у своего проводника. Он служит Порядку, как и я, и я верю ему, так как судьба обрекла меня на вечный бой с Повелителями Хаоса.

— И меня тоже,— вздохнул Эрикезе.

— И меня,— подхватил Элрик из Мелнибонэ.— Хотя я дал клятву верности Хаосу.

Элрик еще раз оглядел на своих спутников. Он верил, что они являются его инкарнациями. Их жизни, их личности и привычки были ему знакомы.

— Почему ты ищешь Танелорн, Эрикезе? — спросил он.

— Мне предсказали, что я обрету там покой; увижу женщину, которую люблю; узнаю, как вернуться в родной мир. Вечный город существует во всех измерениях, но я должен найти свой Танелорн. А почему ты стремишься попасть туда, принц Элрик?

— Я знаю Танелорн и думаю, ты прав, что ищешь его. Моему вечному городу грозит опасность. Мои друзья могут погибнуть. Если Корум прав, то в исчезающей башне я найду средство уничтожить Телеб Кана и его чудовищ.

Корум поднес руку, затянутую перчаткой, к своему необычному глазу.

— Я искал Танелорн, потому что там мне помогут в борьбе против Хаоса.

— Но Танелорн никогда не встанет на сторону Порядка или Хаоса. Это — одна из причин, по которой боги не властны управлять вечным городом,— объяснил Элрик.

— Конечно. Как и Эрикезе, я никогда не искал битв, я искал лишь знание и покой.

Наступила ночь. Темная долина погрузилась во тьму. Пока дежурили его спутники, Элрик пытался уснуть, но ему это не удавалось, так как он волновался за судьбу жителей Танелорна. Поможет ли Мишелла горожанам? Что станет с Мунглумом и Ракхиром? Удастся ли ему найти исчезающую башню? А если он найдет ее, что обнаружит в ней? Альбинос услышал, как его спутники, перебрасываясь тихими репликами, неожиданно заспорили о происхождении темной долины.

— Я слышал, Хаос напал на город, который лежал в мирной долине, похожей на эту,— рассказывал Корум Эрикезе.— Город принадлежал одному рыцарю и служил прибежищем всякому, кто ненавидел Хаос. Повелители Хаоса бросили против темной долины невероятно огромную армию. Но рыцарь попросил помощи у сил Порядка, которые перенесли этот город в другое измерение. Тогда Хаос сделал так, чтобы город уже никогда не смог вернуться назад. И получилось так, что город оказался между измерениями, в каждом из которых находился от нескольких минут до нескольких часов. Рыцарь и его люди сошли с ума и перебили друг друга. Город превратился в руины, которые оказались разбросаны по многим мирам, так как не могли долго оставаться в каком-то одном мире. От всего города осталась только одна башня. Ее нашел Войлодион Гагнасдиак и поселился в ней. Вскоре он осознал свою ошибку, но проклятие Хаоса завладело им, и теперь он скитается между мирами. Поэтому он боится выходить из башни, так как она может исчезнуть. Но в то же время он нуждается в общении. Он вечно завлекает кого-нибудь в исчезающую башню, а когда человек надоедает ему, он убивает его.

— Твой проводник тоже, может быть, убит? Что за существо этот Войлодион Гагнасдиак?

— Хозяин башни очень злобное создание, которое повелевает огромными и невероятно разрушительными силами. Это все, что я знаю о нем.

— Так вот почему боги собрали здесь три инкарнации вечного воителя,— заметил Эрикезе.— Должно быть, исчезающая башня очень мешает им.

— Мне очень нужно найти ее,— заговорил Корум.— Проводник — мой друг. Пятнадцать измерений окажутся под угрозой, если я не найду Танелорн.

Элрик услышал, как горько рассмеялся Эрикезе.

— Почему мы не можем заниматься обычными делами? Почему мы вечно вынуждены определять судьбу вселенной?

Корум долго не отвечал, и Элрик задремал.

— Возможно, заниматься повседневными проблемами гораздо хуже. Кто знает? — произнес принц в алых одеждах.

Глава 5
ДЖЕРИ-О-КОНЕЛ

— Она здесь! Элрик, проснись!

Занималась заря. Ночь уже готова была отступить.

Альбинос выхватил из ножен черный меч. Элрик очень удивился тому, что меч Эрикезе как две капли воды походил на Буреносец.

Принц в алых одеждах бросился вперед. Элрик бежал рядом с Эрикезе.

Исчезающая башня появилась на том месте, которое указал Корум. Она напоминала маленький замок из серых камней. Ее бойницы светились, и на ней практически не было заметно следов времени.

— Он держит двери открытыми в ожидании гостей,— пояснил гигант в черном.— Думаю, это нам только на руку.

Башня замерцала.

— Быстрее! — закричал Корум и исчез в темном дверном проеме.

— Быстрее!!!

* * *

Они ворвались в маленькую комнату, освещенную лампой, подвешенной к потолку цепями.

Двери у них за спиной внезапно закрылись.

Элрик посмотрел на бесстрастное лицо Эрикезе, на усталое лицо Корума. Все трое держали оружие наготове, но никто не решался нарушить тишину. Корум молча указал на узкую бойницу. Вид по ту сторону башни был иным — о стены башни разбивались волны синего моря.

— Джери! — тихо позвал Корум.— Джери-о-Конел!

Откуда-то послышался слабый звук. Может, кто-то что-то сказал, может, крыса пробежала по плитам пола.

— Джери! — позвал Корум громче.— Войлодион Гагнасдиак? Ты издеваешься над нами?! Ну-ка выходи!

— Я здесь. Чего надо? — раздался голос из соседней комнаты.

Три воина одновременно шагнули вперед.

Комната озарилась золотистым сиянием, и Элрик увидел Войлодиона Гагнасдиака. Горбун-карлик, разодетый в шелка, стоял в противоположном конце комнаты, сжимая в руках крошечный меч. У карлика была большая красивая голова — яркие синие глаза, густые черные брови, сросшиеся на переносице. Его тонкие губы кривились в улыбке, напоминавшей волчий оскал.

— Наконец-то кто-то скрасит мое одиночество, развеет тоску и печаль! — воскликнул Войлодион Гагнасдиак.— Господа, прошу вас, вложите мечи в ножны. Вы мои гости!

— Знаю я, какая судьба ожидает твоих гостей,— ответил Корум.— Мы требуем, чтобы ты немедленно освободил Джери-о-Конела, которого хитростью заманил сюда. Если ты отпустишь его, мы не причиним тебе никакого вреда.

Рот карлика растянулся в улыбке.

— Как вы сможете повредить мне? Я могущественный волшебник. Смотрите...

Он поднял меч, и несколько молний сверкнуло в комнате. Элрик приготовил Буреносец, чтобы отразить любую неожиданность, но молнии, пролетев мимо, растворились в воздухе. Тогда альбинос шагнул к карлику.

— Я — Элрик из Мелнибонэ, и я тоже не новичок в черном искусстве. Я ношу рунный меч, и если ты немедленно не освободишь друга принца Корума, мой меч выпьет твою душу, как человек выпивает стакан вина!

Карлик захохотал.

— Мечи? В них нет никакой силы!

— Наши мечи — необыкновенные клинки,— заговорил Эрикезе.— Да и сами мы обладаем силой, которую ты не сможешь одолеть... Волею судеб, которые не подчиняются даже богам, мы пришли из разных измерений и различных времен, чтобы освободить Джери-о-Конела.

— Вас обманули,— отмахнулся Войлодион Гагнасдиак.— Или вы хотите обмануть меня? Должен признать, Джери — забавный парень, но почему боги заинтересовались им?

Элрик занес Буреносец для удара. Черный меч завыл в ожидании битвы. Карлик выхватил из пустоты желтый шарик и швырнул его в Элрика. Шарик ударил альбиноса в лоб и сбил с ног. Буреносец выпал из рук принца драконов, который попытался подняться, но не смог. Инстинктивно он выкрикнул имя Ариоха, но тут же вспомнил, что герцог седьмого круга преисподней вряд ли поможет ему в этой битве. Судя по всему, ему нельзя было позвать никого из могущественных соратников. У Элрика не оставалось ничего, кроме меча.

Эрикезе подтолкнул черный меч Элрику. Лишь прикоснувшись к рукояти Буреносца, альбинос почувствовал, как к нему возвращаются силы, и поднялся на ноги.

Корум так и не пошевелился.

Карлик расхохотался. Еще один шарик появился у него в руке. Он опять метнул его в альбиноса, который на этот раз вовремя поднял меч и отбил шарик. Тот полетел к дальней стене и разбился. Горячая волна воздуха прокатилась по комнате. Черная тень, извиваясь, выползла из желтых осколков.

— Уничтожать мои дары опасно,— с издевкой произнес Войлодион Гагнасдиак.— Теперь они уничтожат вас.

Черная тень увеличилась в размерах.

— Я свободен! — раздался торжествующий голос.

— Конечно,— ухмыльнулся карлик.— Ты получил свободу и теперь должен убить глупцов, которые отказались от моего гостеприимства.

— Если ты приблизишься ко мне, то умрешь мучительной смертью,— презрительно бросил Элрик.

Тень постепенно приобрела очертания существа с тяжелым мускулистым телом гориллы, высокой и толстой, с кожей как у носорога. За спиной этого неописуемого чудовища маячили

сложенные большие черные крылья. Его голова походила на голову тигра. В руках тварь сжимала оружие, похожее на косу. Тварь взревела, коса вознеслась к потолку, готовая обрушиться на трех воинов.

Эрикезе и Корум выступили вперед, чтобы помочь Элрику.

— Мой глаз ничего не видит,— с удивлением воскликнул Корум.— Я не могу призвать помощь из другого измерения!

В этой башне даже колдовская сила Корума не действовала. Теперь Войлодион Гагнасдиак швырнул желтые шары в гиганта в черном и принца Корума. Они остановились, чтобы отбить нападение. Взорвались еще два шара, и еще два чудовища бросились в бой.

Отбивая удары тварей, Элрик пытался придумать какие-нибудь заклинания, которые призвали бы помощь, но альбинос не был уверен, что это возможно сделать внутри башни. Он попытался зарубить обезьяно-тигра, но коса отмела в сторону рунный меч. Противник альбиноса двигался необыкновенно быстро и был очень силен. Черные крылья били по воздуху. Вот тварь взлетела под потолок, а затем спикировала на Элрика, крутя косу над головой. Жуткий вопль вырвался из клыкастой пасти, желтые глаза чудовища сверкнули.

Элрик почувствовал, что не может противостоять этому противнику. Буреносец почти не подпитывал его силы, которая быстро убывала. Элрик с трудом отбил оружие чудовища, а затем с силой ударил его. Меч впился в плоть твари, но крови не было. Казалось, обезьяно-тигра невозможно ранить. И снова чудовище взлетело под потолок.

Элрик понял, что его спутникам тоже нелегко. Лицо Корума было искажено ужасом. Он ведь надеялся на легкую победу, а теперь оказался на грани поражения.

Тем временем Войлодион Гагнасдиак продолжал метать желтые шары, которые взрывались. И из каждого желтого шарика появилось крылатое существо. Вскоре комната оказалась заполнена ими. Корума, Элрика и Эрикезе прижали к стене. Их оглушало хлопание гигантских крыльев и визг колдовских тварей.

— Боюсь, я привел вас на смерть,— вздохнул Корум.— Я думал, мы легко справимся с колдуном. Но он и впрямь всесилен. А башня не подчиняется обычным законам.

— Армия у карлика хоть куда,— отозвался Элрик, отражая атаку сразу двух чудовищ.— Хотелось бы убить хоть одно из этих мерзких созданий.

Одна из кос распорола ему щеку, другая разорвала плащ, третья задела руку. Пасти отвратительных чудищ теперь щелкали совсем близко.

Сверкнул меч альбиноса, и клинок, ударив чудовище по шее, отскочил от нее, как от тугого резинового мяча. Коруму показалось, что он услышал злобное шипение Буреносца, лишившегося законной добычи.

Внезапно Элрик вырвал одну из кос из лап твари и полоснул ею по груди обезьяно-тигра. Чудовище взвыло. Кровь хлынула из его раны.

— Я прав! — закричал Элрик.— Только их собственным оружием можно причинить им вред!

Он выступил вперед, сжимая в одной руке косу, а в другой — черный меч. Обезьяно-тигры бешено кружили теперь под самым потолком.

Элрик кинулся к Войлодиону Гагнасдиаку. Карлик, закричав от ужаса, нырнул за дверь, слишком маленькую, чтобы Элрик с ходу смог протиснуться в нее.

Забив крыльями, ужасные создания вновь начали атаку.

Корум и Эрикезе попытались отобрать оружие у своих противников. А альбинос тем временем сразил чудовище, которое подбиралось к Коруму со спины, и оно упало. Корум, спрятав меч в ножны, подобрал косу погибшей твари, а затем, прикончив следующую, перебросил ее оружие Эрикезе. Черные чудовища метались под потолком. Каменные плиты пола стали скользкими от их крови.

Герои быстро расчистили себе путь. Но летающие твари продолжали атаковать их.

Выглянув в бойницу, Элрик увидел, что башня продолжает путешествовать по измерениям. Теперь трое воинов были залиты кровью с головы до ног. Косы высекали искры, сталкиваясь в воздухе. Схватка продолжалась. Рычащие твари кружили под потолком. Они переговаривались между собой какими-то гортанными воплями, но воины не понимали их речи. Обессиленный Элрик дважды падал на колени, но друзья помогали ему подняться. Не хотелось погибнуть во время путе-

шествия между мирами, чтобы друзья никогда так не узнали, как смерть настигла его. Но в какой-то миг принц драконов подумал, что его друзьям, наверное, еще тяжелее. Ведь рептилии Телеб Кана уже, без сомнения, добрались до Танелорна. Может, все его друзья уже погибли. Это придало Элрику сил, и он глубоко вонзил косу в брюхо очередного чудовища.

Сквозь мешанину тел Элрик заметил еще одну дверь в дальнем конце комнаты. Теперь Войлодион Гагнасдиак стоял там, забрасывая в комнату все новые и новые шары. Новые обезьяно-тигры вставали на место убитых.

Вдруг Элрик услышал, как завопил Войлодион Гагнасдиак. Маленький мохнатый зверек вцепился в лицо карлика. Его черные крылья яростно били по воздуху. Может, это какой-то родственник крылатых чудовищ? Элрик этого не знал. Но Войлодион Гагнасдиак отбивался от зверька, пытаясь оторвать его от лица.

Еще один человек появился позади карлика. У незнакомца были светлые глаза и приятное лицо, обрамленное длинными черными волосами. Одет он был так же пестро, как карлик, но не носил оружия. Он обратился к Элрику, но альбиносу показалось, что его зовет одно из крылатых чудовищ.

Корум тоже увидел этого человека.

— Джери! — крикнул он.

— Это тот самый человек, которого мы должны спасти? — поинтересовался альбинос.

— Ну, да.

Элрик направился к Джери-о-Конелу, но тот махнул рукой, чтобы остановить его.

— Нет-нет! Стой там!

Элрик нахмурился, но Джери мог бы и не говорить этого, потому что на альбиноса налетели два чудовища. Элрик убил и их.

— Соедините руки! — прокричал Джери-о-Конел.— Корум! Встань посредине. А двое остальных пусть обнажат мечи.

Элрик застонал от боли. Когда он кромсал очередного обезьяно-тигра, тот задел ногу альбиноса косой. Войлодион Гагнасдиак продолжал сражаться с существом, вцепившимся ему в лицо.

— Быстрее! — закричал Джери-о-Конел.— Это единственный шанс!

Элрик переглянулся с Корумом.

— Джери-о-Конел знает, что говорит, друг мой,— заверил Корум альбиноса.— Он знает многое, о чем мы даже не подозреваем. Сюда! Я встану в центре.

Эрикезе, словно очнувшись, схватил Корума за руку, а Элрик — за другую. Эрикезе сжал меч левой рукой, а Элрик, отбросив косу, правой выхватил Буреносец.

Внезапно что-то изменилось. Силы вернулись в тело принца драконов, и Элрик почувствовал себя необычайно могучим существом.

Он посмотрел на своих спутников и засмеялся. В какой-то миг они стали единым созданием.

Удивительное чувство переполнило Элрика. Он понял, что Эрикезе говорил правду о том, что они — три инкарнации одного и того же существа.

— Прикончим их! — крикнул альбинос и ощутил, что остальные ответили тем же. Смеясь, вперед выступили «трое в одном». Два меча рубили быстрее, так как их хозяева обладали нечеловеческой силой. Теперь мечи стали смертельно опасны для чудовищ.

Крылатые обезьяно-тигры начали отступать. Но трое уничтожали их с невероятной быстротой. Они были забрызганы кровью, но смеялись, предвкушая радость победы.

Вскоре от чудовищного потока энергии задрожали стены, по потолку зазмеились трещины. Трое услышали вопль Войлодиона Гагнасдиака.

— Моя башня! Вы разрушите исчезающую башню!

Элрик глянул на труп последнего из чудовищ. Башня раскачивалась, словно корабль в шторм.

Джери-о-Конел протиснулся мимо карлика и вошел в комнату, где происходила схватка.

— Что ж, колдовство, которое вы применили сегодня, слишком могущественное. Барсик! Ко мне!

Крылатое существо, оставив в покое лицо Войлодиона Гагнасдиака, скользнуло по воздуху и уселось на плечо Джери. Элрик увидел, что это маленький черный котенок с белыми пятнышками, ничем не примечательный, если не считать крыльев за спиной.

Воины разжали руки.

Войлодион Гагнасдиак сидел на порожке и плакал. У него были выцарапаны глаза. Слезы, смешиваясь с кровью, текли по его красивому лицу.

Элрик подбежал к окну. Башня находилась в дикой местности. По небу плыли пурпурные облака.

Альбинос вздохнул:

— Мы попали на *лимб*!

Наступила тишина. Башня покачивалась. Свет в комнате стал меркнуть, откуда-то потянул прохладный ветерок.

Джери-о-Конел нахмурился.

— Что же делать? — спросил его альбинос.

— Кажется, я знаю... Элрик из Мелнибонэ, я знаю тебя так же, как знает тебя Эрикезе. Я много путешествовал по разным измерениям, я пронзал время. По этой причине иногда меня называют спутником вечного героя... Однако теперь мне необходимо отыскать свою саблю и шляпу. Наверняка они находятся в сокровищнице Войлодиона Гагнасдиака вместе с остальным барахлом.

— Но башня! Она может рухнуть в любой момент, и мы погибнем вместе с ней.

— Все может быть. Пойдем, Элрик, ты поищешь со мной шляпу.

— Как ты можешь сейчас думать о шляпе?

— А что тут такого? — Джери-о-Конел направился к двери. Котенок сидел у него на плече. В углу рыдал Войлодион Гагнасдиак.— Принц Корум, Эрикезе, пойдемте...

Корум и гигант в черном двинулись за Элриком по узкому коридору, который привел их к лестнице, ведущей вниз. Башня опять задрожала. Джери, не обращая на это никакого внимания, зажег факел и начал спускаться. Три героя шли следом за ним.

С потолка рухнул камень и упал под ноги альбиносу.

— Мне хотелось бы поскорей выбраться из башни,— заметил Элрик Джери-о-Конелу.— Мне не нравится мысль о том, что я могу оказаться погребенным под останками этого гнусного жилища.

— Доверься мне, принц Элрик,— прервал его Джери и молча пошел дальше.

Поскольку он доказал, что знает многое, Элрик прибавил шагу, стараясь держаться за спиной коротышки, который вел

их все дальше и дальше в глубины замка. Наконец они попали в круглую комнату и остановились перед большой металлической дверью.

— Тайник Войлодиона,— объяснил Джери.— Здесь он хранит все, что накопил. Я надеюсь, мы найдем тут мою шляпу, ведь она была сделана по специальному заказу и более чем идеально подходит к моему костюму...

— Как открыть эту дверь? — поинтересовался Эрикезе.— Ведь она сделана из железа.

— Ах, друзья мои, ну возьмитесь еще раз за руки,— хмыкнул Джери.— Я с удовольствием научу вас открывать такие двери.

Снова Элрик, Корум и Эрикезе сомкнули руки. И снова могучая сила потекла через них. И снова они засмеялись, убедившись, что они — часть единого целого.

Потом Элрик услышал тихий голос Джери:

— А теперь, принц Корум, стукните ногой по двери. Будьте любезны, выбейте ее.

Трое подошли поближе. Корум ударил по тяжелой двери, и она упала, слетев с петель, словно была сделана из фанеры.

Элрик сразу разжал руку, отпустив Корума. Джери тем временем уже вошел в тайник.

Башня шаталась. С трудом держась на ногах, три воина пробрались в хранилище следом за Джери. Первое, что увидел Элрик, было большое золотистое седло. Альбинос подумал, что уже когда-то видел его.

Такие седла использовали при езде на слонах. Альбинос осмотрел подземелье. Тут было полным-полно ценных вещей, одежды, обуви, оружия. Альбиноса замутило, когда он понял, что все это Войлодион отобрал у своих «гостей».

Джери тем временем не спеша копался в куче мехов.

— Смотри, Элрик. Вот что тебе нужно для защиты Танелорна.

Элрик взял в руки связку тонких прутиков.

— Что это?

— Кварцевые стрелы. Ими можно уничтожить рептилий из Пао и их хозяев.

— Откуда ты знаешь о рептилиях? Ты слышал что-нибудь о Телеб Кане?

— Колдуне из Пан Танга? Конечно.

Элрик с подозрением уставился на Джери-о-Конела:

— Откуда ты все это знаешь?

— Ну что ж, давай расскажу. Я прожил множество жизней и всегда был спутником воителя. Используй кварцевые стрелы как копья. А сейчас заверни-ка их в эту фольгу. Вот-вот, правильно! — Джери отшвырнул в сторону шкатулку с драгоценностями и вытащил пыльную шляпу. Отряхнув ее, он водрузил шляпу на голову. Затем вновь наклонился, достал кубок и протянул его Коруму.— Возьми на память. Когда-нибудь он тебе пригодится.

Из другого угла комнаты Джери извлек небольшую торбу и, немного подумав, высыпал в нее драгоценности. Потом, покопавшись в драгоценных камнях, вытащил кольцо с неизвестным камнем и протянул его Эрикезе.

— Это тебе, Эрикезе, за то, что помог захватить башню.

Гигант в черном улыбнулся.

— Что-то мне подсказывает, малыш, что не очень-то ты нуждаешься в моей помощи.

— Ошибаешься, Эрикезе. Я действительно находился в большой опасности.

Джери еще раз осмотрел хранилище, что-то выискивая. Вдруг пол затрясся с новой силой.

— Может, нам пора возвращаться? — настороженно спросил Элрик.

— И то верно,— кивнул Джери-о-Конел и быстро направился к выходу из тайника.— А вот еще одна полезная вещица. Глупый Войлодион хвастался своими сокровищами, даже не зная их истинную цену.

— Что ты хочешь сказать?

— Он убил одного путешественника, навестившего башню. Тот человек утверждал, что может снять проклятие Хаоса и вернуть башню на прежнее место. Он не лгал, потому что владел рунным посохом. Вот он. Им владел Дориан Хокмун, когда мы путешествовали с ним по темной империи.— На это никто из воинов ничего не смог сказать. Тогда, выдержав многозначительную паузу, Джери-о-Конел — спутник вечного воителя — продолжал: — Простите, я забыл, что вы не помните о своих других воплощениях...

— Что такое рунный посох? — поинтересовался Корум.

— Попытаюсь вспомнить другое его название. Ты же знаешь, что у меня плохая память.

— Оно и видно,— пробормотал Элрик, едва сдерживая улыбку.

— Рунный посох,— наконец вновь заговорил Джери,— это предмет, который существует лишь в той точке времени и пространства, где законы волшебства и точных наук не противоречат друг другу. Посох восстанавливает поле равновесия и, таким образом, сохраняется при любых условиях.

С потолока посыпалась пыль.

— Башня разваливается! — закричал Эрикезе.

Коротышка поглаживал тусклую поверхность посоха, вычерчивая какой-то сложный узор.

— Подойдите ближе, друзья,— позвал Джери.

Трое воинов обступили его, и в этот момент рухнул потолок. Но воины оказались невредимы. Они стояли в полной темноте на маленьком островке.

— Не двигайтесь,— предупредил их Джери.— Иначе вы погибнете. Пусть рунный посох сам найдет для нас выход.

Стало теплее, потом холоднее. Они неслись между мирами, но ничего не видели, кроме маленького клочка земли, на котором стояли.

Затем они очутились на песке.

— За мной! — крикнул Джери, увлекая всех в темноту.

Внезапно над ними раскинулось синее небо, по которому плыло солнце. Рунный посох растаял в воздухе.

— Пустыня,— прошептал Эрикезе.— Огромная пустыня.

— Ты не узнаешь ее, Элрик? — улыбнулся Джери.

— Нет.

— А ты послушай...

Элрику показалось, что он и впрямь слышит чьи-то рыдания.

— Ну что, отправимся на поиски Танелорна? — спросил Элрик у Джери.

Тот покачал головой.

— Нет. Сначала нам нужно найти механизм, который привел в действие Телеб Кан. Где находится эта машина, принц Элрик?

Альбинос огляделся по сторонам.

— Кажется, там...— ответил он, однако он был не совсем уверен.

— Что ж, туда и пойдем.

— Но мне нужно спасти Танелорн!

— Сначала ты должен уничтожить механизм Телеб Кана, чтобы он снова не запустил машину.

— Но Танелорн...

— Что-то не верится мне, что Телеб Кан со своими чудовищами уже достиг города.

— Они добрались до него! Прошло уже много времени!

— Меньше одного дня. Не забывай, что в разных измерениях время течет по-разному.

Элрик почесал лоб, затем нехотя кивнул.

— Ладно. Я провожу вас.

— Слушай, Джери, если Танелорн неподалеку, зачем нам искать его в другом месте? — поинтересовался Корум.

— Потому что это не наш Танелорн,— ответил ему коротышка.

— А меня устроил бы и этот,— заявил Эрикезе.— Я остаюсь с Элриком. Быть может, тогда...

— Друг мой, своими действиями мы и так основательно разрушили определенный фрагмент структуры времени и пространства,— попытался убедить гиганта в черном Джери.— Когда барьеры, до сих пор считавшиеся несокрушимыми, рухнут, а это скоро произойдет, то вселенная рассыплется, словно карточный домик. Поймите, встреча, подобная этой, может состояться не более одного раза в вечность. Да и то она смертельно опасна как для отдельных измерений, так и для каждого из нас. Я обещаю, что тебе представится случай найти свой Танелорн.

— Хорошо,— кивнул Эрикезе.

— Пойдемте,— неторопливо позвал Элрик, направляясь на северо-восток.— Мне надоели эти разговоры. Давайте лучше не будем терять время.

Глава 6
ПРИНЦ ДРАКОНОВ КРИЧИТ ОТ ГОРЯ

Машина с чашей стояла там же, где ее видел Элрик в последний раз, перед тем как бросился в атаку и перенесся в

мир Корума. Джери, казалось, отлично разбирался в ее устройстве. Вскоре звуки внутри чаши участились, а вибрация усилилась. Джери подвел к машине Корума и Эрикезе, а потом приказал им стать спиной к кристаллу. Элрику он протянул маленький пузырек.

— Когда мы отправимся в путешествие, забрось этот пузырек в чашу, а потом скачи в Танелорн как можно быстрее,— сказал он Элрику.— Выполни все, что я сказал, и ты сослужишь и себе, и нам хорошую службу.

Альбинос кивнул.

— Я сделаю все, что ты сказал.

— Передай привет моему брату Мунглуму.— Джери взглядом попрощался с Элриком и стал рядом с Корумом и Эрикезе.

— Ты знаешь его? Откуда?

— Прощай, друг Элрик. Мы с тобой встретимся еще не один раз. Но боюсь, тогда мы не узнаем друг друга.

Вибрация чаши стала еще сильнее, и земля затряслась. Странная темнота окружила машину, и три фигуры исчезли. Элрик быстро швырнул пузырек в чашу и побежал туда, где его ожидала кобыла. Вскочив в седло, он, следуя совету Джери, галопом поскакал к Танелорну.

Позади него раздался грохот. Темнота рассеялась. Элрик услышал звук, похожий на громкий вздох, и ослепительный синий свет залил пустыню. Элрик обернулся. Не только чаша, но и весь механизм разлетелись на множество кусков. Вместе с машиной взорвались и окружающие ее скалы.

* * *

Элрик подъехал к Танелорну с другой стороны. Он видел, что на стенах вечного города полно воинов.

Массивные чудовища-рептилии несли своих хозяев-рептилий, оставляя глубокие следы на песке. Телеб Кан ехал во главе этой армии на чалом жеребце.

Вдруг Элрика накрыла тень. Он посмотрел вверх и увидел металлическую птицу Мишеллы. Но на этот раз она была без всадницы. Птица пролетела над головами рептилий и пронзительно закричала. Элрик удивился, почему птица прилетела без Мишеллы. Крик птицы раздался вновь. Он вырывался из

ее металлического горла. Элрик понял, что означает этот крик — так кричат птицы, когда их птенцы в опасности. Элрик посмотрел на узел, прикрепленный к седлу Телеб Кана, и внезапно понял, что это такое. Мишелла! Несомненно, она решила, что Элрик погиб, и попыталась сразиться с Телеб Каном в одиночку.

Ярость захлестнула альбиноса. Всей душой он ненавидел колдуна, который восседал в седле, положив руку на эфес меча. Элрик взглянул на стены Танелорна и вспомнил о своих отважных друзьях. Он должен помочь им. Это сейчас главное.

Но как незамеченным попасть в город и не дать колдуну уничтожить и его, и драгоценные стрелы? Элрик, пришпорив лошадь, поскакал вперед. Он очень рассчитывал, что ему повезет. Его снова накрыла тень металлической птицы, и альбинос увидел, что птица летит очень низко. А затем послышался голос создания из золота и серебра:

— Принц Элрик! Мы должны спасти Мишеллу!

Элрик кивнул, и птица опустилась на песок.

— Вначале я должен спасти Танелорн!

— Я помогу тебе,— заявила птица из золота и серебра.— Садись в седло.

Элрик оглянулся на чудовищ. Их внимание было полностью сосредоточено на городе, который они хотели разрушить. Альбинос спрыгнул с лошади и, пробежав по песку, вскочил на спину птицы. Когда они взвились в воздух, налетел сильный порыв ветра. Они помчались прямо к Танелорну.

Огненные потоки обрушились на них, когда они приблизились к городу. Птица металась из стороны в сторону, и рептилии никак не могли в нее попасть. В конце концов птица добралась до стен Танелорна.

— Элрик! — воскликнул Мунглум, который метался среди защитников на стенах.— Нам же сообщили, что ты погиб!

— Кто?

— Это утверждали и Мишелла, и Телеб Кан. Колдун потребовал, чтобы мы сдались.

— Они уверены, что я погиб. Тем хуже для них,— ответил Элрик, разделяя волшебные стрелы, связанные длинными тонкими нитями.— Вот это ты должен раздать защитникам города. Мне сказали, что этим оружием можно победить рептилий.

Их надо срочно раздать нашим воинам на стенах... Привет, Ракхир,— альбинос протянул руку Ракхиру, который застыл от удивления.

— Ты останешься с нами? — спросил Ракхир.

Элрик посмотрел на последние двенадцать стрел, каждая из которых была вырезана из кварца и напоминала перо неведомой птицы.

— Нет,— ответил альбинос.— Я должен спасти Мишеллу. И для этого мне понадобятся оставшиеся стрелы.

— Мишелла считает тебя мертвым. Она, кажется, сошла с ума,— сообщил Ракхир альбиносу.— Она использовала различные заклинания против Телеб Кана, и он отомстил ей. Ее выбили из седла металлической птицы, и она упала на землю. Из всего оружия у нее остался только нож. Колдун пригрозил ее прикончить, если мы не согласимся сдаться без боя. Но я понял, что он убьет Мишеллу в любом случае. Я находился в некотором затруднении относительно...

— Надеюсь, я разрешу это затруднение.— Элрик погладил металлическую шею птицы.— Полетели, мой друг. Поднимайся в воздух. Помни, Ракхир...

Красный лучник кивнул, не расслышав, что ему сказал альбинос. Элрик снова поднялся в воздух, сжимая в левой руке кварцевые стрелы.

Он слышал, как смеялся где-то внизу Телеб Кан, видел, как настойчиво подбираются к стенам города чудовищные рептилии. Внезапно распахнулись ворота и из города выехала группа всадников. Очевидно, они решили принести себя в жертву и спасти Танелорн. Ракхир, судя по всему, не успел предупредить их о том, что Элрик принес новое оружие.

Всадники галопом поскакали к чудовищам Пао. Они размахивали мечами. Некоторые из них выставили перед собой длинные пики. Элрик слышал их боевые крики, когда пролетал над ними. Чудовища взревели, широко распахнув пасти, их хозяева направили свое оружие на всадников Танелорна. Ударили струи пламени. Сгорая в ослепительном огне, всадники громко кричали и проклинали своих врагов.

Элрик в ужасе направил металлическую птицы вниз. И тут его заметил Телеб Кан. Колдун натянул поводья, его глаза расширились от страха и ненависти:

— Ты же мертв! Мертв!

Огромные крылья птицы били по воздуху. Птица кружила над Телеб Каном.

— Я жив, Телеб Кан, и я явился, чтобы уничтожить тебя! Отдай мне Мишеллу!

Мстительное выражение появилось на лице колдуна.

— Нет. Уничтожь меня, и она погибнет. Мои воины тем временем захватят Танелорн. Убей их! Покажи, что ты можешь сделать, глупец!

Воины-рептилии уже собирались выпустить струи на Танелорн, где Ракхир, Мунглум и остальные, стоя на стенах, поджидали врага.

— Нет! — закричал Элрик.— Не смей!

Вдруг на стене что-то блеснуло и запылало золотистым светом. Свет остановился все ярче и ярче, пока вся стена не засверкала. Теперь не было видно ни стены, ни людей, стоявших на ней. Существа Пао подняли свое оружие и послали огненные стрелы на светящийся барьер.

— Что это? — лицо Телеб Кана скривилось от ярости.— Твое земное колдовство не может выстоять против силы Пао!

Элрик зловеще улыбнулся.

— А вот это колдовство может остановить даже воинов Пао! Теперь, Телеб Кан, отдай мне Мишеллу!

— Нет! Ты не так хорошо защищен, как Танелорн. Воины Пао, уничтожьте его!

И когда оружие рептилий повернулось к альбиносу, он метнул первую из кварцевых стрел. Она попала в вождя рептилий. Громкий жалобный визг вырвался из глотки всадника. Он судорожно потянулся перепончатыми руками к стреле, которая торчала у него из глаза. Зверь, на котором восседал вождь, помчался назад в пустыню, сотрясая землю, словно наткнувшись на невидимый барьер. В седле его сидел мертвый всадник. Потоки огня проносились мимо Элрика. Он взлетел еще выше, метнул вторую стрелу и попал в сердце другого воина. Снова чудовищный скакун вышел из-под контроля и унес мертвеца в пустыню. Осталось еще десять всадников. Все они направили огонь на Элрика, но, оставаясь невредимым, альбинос убивал их одного за другим. Чудовища-скакуны стремительно убегали в пустыню, унося на своих спинах мертвых

хозяев. Элрик продолжал метаться среди огненных струй. Его одежда и кончики волос начали тлеть. Он вспомнил свое путешествие верхом на птице над Кипящим морем. Кончик правого крыла птицы оказался отсечен точным попаданием одной из рептилий, и теперь ей стало трудней маневрировать. Потом они взлетели чуть повыше, и оттуда Элрик пронзил кварцевыми стрелами еще два создания Пао. Последние два чудовища развернули ящериц и ударились в бегство. Облако синего дыма поднялось там, где только что был Телеб Кан. Элрик послал стрелы вдогонку своим врагам и попал в обеих рептилий, пронзив их насквозь. Чудовища, вывалившись из седел, упали на землю.

Синий дым рассеялся. На песке стояла лошадь Телеб Кана, рядом с ней лежала Мишелла — императрица зари. Ее горло было перерезано. Без сомнения, Телеб Кан исчез при помощи колдовства.

Элрик приказал птице спуститься. На стенах Танелорна угасали огни. Альбинос спешился и только тут увидел, что из глаз птицы текут изумрудные слезы. Он встал на колени возле Мишеллы.

Обычный смертный давно был бы мертв, но волшебница смогла немного продлить свою жизнь. У нее хватило сил разлепить губы и заговорить, хотя на ее губах пузырилась кровь.

— Элрик...— позвала она.

— Ты будешь жить! — попытался уверить ее альбинос.— Существует некая сила...

— Я умру. Меня убили. Я уже мертва. Но радуйся: Телеб Кан заслужил презрение величайшего из повелителей Хаоса. Они больше никогда не будут ему помогать. Для них он больше не существует.

— Куда же он делся? Я буду преследовать его повсюду. И когда-нибудь я его убью. Клянусь.

— Думаю, тебе это удастся. Но я не знаю, куда он ушел. Элрик... Я умерла, и все, чего я добилась за свою жизнь, погибло... Я боролась против Хаоса многие столетия, но мне кажется, Хаос набирает силу в этом измерении. Вскоре начнется великая битва между Повелителями Порядка и Повелителями Хаоса. Над миром нависла угроза, все структуры вселенной трансформируются. Ты — составная часть их, одна из частей... Прощай, Элрик!

— Мишелла!

— Она умерла? — печально спросила металлическая птица.

— Да,— тихо ответил альбинос. Горло его пересохло.

— Мне следует доставить ее тело в замок Канелун.

Элрик бережно поднял окровавленный труп Мишеллы, придерживая рукой почти отсеченную голову, очень осторожно он посадил мертвую волшебницу в седло из оникса.

— Мы больше не увидимся, принц Элрик. Моя смерть должна последовать сразу за смертью госпожи Мишеллы,— объявила птица.

Элрик кивнул.

Сверкающие крылья расправились, словно ударили цимбалы, и птица взлетела.

Элрик наблюдал, как удивительно существо делает прощальный круг в небе, а затем, развернувшись, устремляется на юг. Потом альбинос закрыл лицо руками и заплакал. Может, смерть — это судьба всех женщин, которых он любил? Мишелла осталась бы в живых, если бы не помешала ему умереть. Или нет? В нем не осталось никаких чувств, только ощущение полнейшей беспомощности.

Он почувствовал, как на плечо ему легла чья-то рука. Рядом стояли Мунглум и Ракхир. Они покинули Танелорн, отправившись на поиски своего друга.

— Битва закончена,— сказал Ракхир.— Стрелы сгорели. Мы нашли несколько трупов этих странных всадников... Ты вернешься с нами в Танелорн?

— Танелорн не принес мне успокоения, Ракхир.

— Да, это так. Но мой дом полон воспоминаний о тебе. Он поможет забыть тебе все, что случилось.

— Благодарю, но сомневаюсь...

— Ты должен попытаться...

Элрик подумал о Коруме, Эрикезе и Джери-о-Конеле. Он понял, что, даже если умрет, его инкарнации будут снова сражаться и страдать. Вечная борьба и вечная боль. Если бы он мог забыть то, что узнал... Ему захотелось ускакать прочь отсюда. Желание было настолько сильным, что напоминало страхи, которые иногда подчиняют себе все мысли человека.

— Я устал от богов и от их борьбы,— пробормотал он, седлая золотистую кобылу.

Мунглум взглянул на пустыню.

— Но когда же сами боги устанут от этого? — спросил он.— Когда это случится, настанет самый счастливый день в жизни людей. Возможно, все наша борьба, все наши страдания проистекают от того, что повелителям высших миров очень скучно. Может, потому они и создали нас, для того и сделали нас несовершенными.

Они возвращались в Танелорн.

Ветер гнал песок по пустыне. Уже начали покрываться песчаными саваном трупы тех, кто погиб, сражаясь против вечности...

Элрик ехал чуть в стороне от остальных. Его губы шептали имя, но он не мог выговорить его до конца.

Неожиданно он галопом помчался к Танелорну и, выхватив из ножен рунный меч, стал грозить равнодушному небу. Его кобыла встала на дыбы и начала бить копытами воздух. Альбинос кричал снова и снова, и голос его был полон ненависти и горькой обиды:

— Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты!

Но те, кто слышал его послание к богам, знали, что Элрик из Мелнибонэ тоже проклят.

Часть 11
ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

И вот Элрик снова встретился с королевой Ютаной и наконец-то расквитался с Телеб Каном из Пан Танга...

«Хроника черного меча»

Глава 1
НАЕМНИКИ

В городе Бакшаан, настолько богатом, что остальные города северо-востока по сравнению с ним казались убогими селениями, однажды ночью в высокой, как башня, таверне Элрик — император дымящихся руин Мелнибонэ — улыбаясь, как акула, сдержанно беседовал с четырьмя могущественными купцами. Через день-другой принц собирался полностью разорить их, а пока всего лишь забавлялся, как кот порой забавляется с пойманными мышами.

Мунглум — спутник Элрика — с восхищение наблюдал за альбиносом. Элрик смеялся и шутил очень редко, но то, что он разделил свое хорошее настроение с людьми купеческого сословия, было крайне необычно. Поздравив себя с тем, что является другом Элрика, Мунглум принялся ломать голову, пытаясь вообразить, чем же может закончиться эта встреча. Альбинос, как обычно, заранее ничего не сказал, и теперь Мунглуму оставалось лишь гадать.

— Нам нужна ваша помощь. Вы хороший воин и хороший колдун, господин Элрик, и мы, конечно же, достойно отблагодарим вас.

Пилармо — нервный и худой мужчина, разодетый согласно местной моде в цветастые шелка,— вел переговоры с альбиносом от лица всех четырех купцов.

— И чем же вы будете расплачиваться, господа? — поинтересовался Элрик, продолжая улыбаться.

Спутники Пилармо переглянулись в недоумении, а их предводитель несколько опешил. Чтобы пауза не казалась столь

многозначительной, он помахал рукой, словно разгоняя дымный воздух таверны.

— Золотом и драгоценностями,— ответил он.

— Цепями,— рассмеялся Элрик.— Мы — свободные путешественники, и нам несподручно возить с собой тяжести.

Мунглум подался вперед, словно хотел что-то возразить. Слова Элрика были явно ему не по душе. Пилармо и остальные купцы тоже удивились.

— Тогда чем же мы сможем отблагодарить вас?

— Об этом я сообщу позже,— улыбнулся Элрик.— Лучше расскажите, что привело вас ко мне.

Пилармо откашлялся и переглянулся со своими спутниками. Те кивнули. Понизив голос, Пилармо начал рассказ:

— Ты должен знать, что в нашем городе очень высокая конкуренция в торговле. Все купцы соперничают друг с другом, чтобы удовлетворить маленькие прихоти своей клиентуры. Бакшаан — процветающий город, и жители его богаты. Они привыкли иметь все, что можно купить за деньги.

— Это известно всем,— ответил Элрик. Лично он считал жителей Бакшаана овцами, а себя представлял волком, которому несложно было поживиться в этой овчарне. От подобных мыслей темно-красные глаза альбиноса насмешливо засверкали. И только Мунглум сумел разглядеть злорадные огоньки в его глазах.

— В нашем городе проживает купец, который владеет массой магазинов и складских помещений,— продолжал Пилармо.— Будучи очень богатым, этот купец может нанять надежную и многочисленную охрану, поэтому его караваны всегда приходят в Бакшаан невредимыми. Этот купец может себе позволить отдавать товары по более низкой цене, нежели мы. По его милости мы все скоро разоримся, а все потому, что он использует бесчестные методы.

Видимо, Пилармо и впрямь был задет за живое и негодовал вполне искренне.

— Ты говоришь о Никорне из Илмара? — спросил Мунглум.

Пилармо молча кивнул.

— Этот купец сам водит свои караваны... преодолевая опасности пустынь, лесов и гор,— нахмурился Элрик.— Он достоин уважения,

— Это еще ни о чем не говорит,— возразил Тормиел, напудренный толстяк, увешанный драгоценностями.

— Нет, конечно, нет,— поддакнул Келос и пожал руку друга.— Но мы тоже, надеюсь, достаточно отважны.

Его друзья, подтверждая слова товарища, одновременно кивнули. Молчаливый Деинстаф — последний из четырех купцов, кашлянув, тоже поддержал друга и опустил руку с грязными ногтями на инкрустированную драгоценностями шпагу, чеканную и скорее декоративную, чем боевую.

— Нет,— продолжал Келос, посмотрев на Деинстафа с одобрением.— Никорн ничем не рискует, продавая свои товары дешево... Но своими низкими ценами он нас просто убивает.

— Никорн для нас — это заноза, которая не дает спокойно жить,— выразил общее мнение Пилармо.

— И вы, господа, хотите, чтобы мы вытащили эту колючку,— подытожил Элрик.

— В общем-то — да.— Пилармо сильно вспотел. Казалось, улыбка альбиноса встревожила его.

Об Элрике и его ужасных подвигах ходило много легенд, и лишь безвыходное положение заставило купцов искать у него помощи. Им требовался человек, одинаково хорошо владеющий искусством черной магии и фехтования. Прибытие Элрика в Бакшаан оказалось для них весьма кстати.

— Мы хотим лишить Никорна могущества,— продолжал Пилармо.— Если уничтожить Никорна, тогда...

Дрожа и трусливо улыбаясь, он встретился взглядом с Элриком.

— В Бакшаане нанять наемных убийц совсем не трудно,— осторожно заметил Элрик.

— Это правда,— согласился Пилармо.— Но Никорн нанял колдуна и содержит небольшую частную армию. Колдун защищает Никорна и его дворец с помощью магии, а армия соблюдает его интересы. Убийцы уже пытались добраться до купца, но им это не удалось.

Элрик засмеялся.

— Какое разочарование, друзья мои. Но ничего. Ведь взамен их душ демон мог бы забрать души честных людей, более полезных обществу, не так ли?

Купцы вымученно рассмеялись. Даже Мунглум, сидевший в тени за спиной Элрика, усмехнулся.

Альбинос налил всем виноградного вина, того самого, что порой доводило до безумия. Оно было очень крепким, однако Элрик мог выпить зараз несколько бутылок и даже не опьянеть. Вот он поднес кубок к губам, глубоко выдохнул и осушил его, чувствуя, как вино согревает тело. Купцы, сидевшие за столом, пили вино небольшими глотками, уже сожалея, что обратились за помощью к альбиносу. Они понимали, что часть легенд об Элрике — правда... Блеск же его темно-красных глазах означал, что принц драконов наслаждается собственным могуществом, наблюдая их беспомощность.

Альбинос снова налил вина. Его рука слегка дрожала. Он облизал губы сухим языком и залпом выпил весь кубок. Тут же его дыхание стало более ровным. Это лишь свидетельствовало о том, что Элрик слегка пьян. Любой другой человек на его месте умер бы от такой дозы спиртного.

Это вино предназначалось для тех, кто жил в мире грез. Элрик пил его в надежде забыться и хотя бы одну ночь не видеть ужасных снов.

— И кто же этот могущественный колдун, Пилармо? — наконец спросил альбинос.

— Его зовут Телеб Кан,— нервничая, пробормотал Пилармо.

Темно-красные глаза альбиноса превратились в узкие щелки.

— Волшебник из Пан Танга?

— Да, он родился на этом острове.

Элрик поставил кубок на стол и поднялся, прикоснувшись рукой к рукояти своего черного меча — Буреносца.

— Я помогу вам, господа,— решительно заявил он.

Теперь он решил не грабить купцов. Новые планы зародились в его голове.

«Телеб Кан,— подумал он.— Вот, значит, где ты устроил себе нору!»

* * *

Телеб Кан всхлипнул. Этот необычный звук не соответствовал величественному облику носителя высшей мудрости, который он старательно поддерживал.

Колдун всхлипнул и перевел взгляд на женщину, возлежащую рядом с ним. Он шептал ей ласковые слова, а она лишь снисходительно улыбалась, поглаживая его черные волосы так, словно он — любимый песик.

— Ты глуп, несмотря на все свои знания, Телеб Кан,— прошептала она. Ее полуприкрытые глаза уставились куда-то вдаль, будто она рассматривала желто-зеленые драпировки, украшавшие каменные стены ее опочивальни. Потом она томно облокотилась о подушку, лениво размышляя о том, что любая женщина на ее месте обязательно бы воспользовалась преимуществами, которые давало ее положение.

— Ютана, ты — сука! — выкрикнув это, Телеб Кан замер, затаил дыхание, ожидая реакции своей госпожи на это смелое заявление. Однако поняв, что она пропустила его слова мимо ушей, продолжал: — Никакие знания мира не в силах помочь мне завоевать твою любовь. А я тебя люблю...— Он говорил и говорил, просто не понимая женщины, которая возлежала перед ним.

Проникнув в черные глубины ада и вернувшись оттуда невредимым, Телеб Кан познал тайны, которые могли бы превратить любого человека в дрожащее желе, лишенное даже проблеска мысли. Но в искусстве любви колдун оставался неопытен, как школяр. Искусство любви не давалось Телеб Кану.

— Я люблю тебя,— повторил он, удивляясь, что его возлюбленная никак не отреагировала на его слова.

Неожиданно Ютана, королева Джаркора, оттолкнула колдуна и резко поднялась.

Она была красивой женщиной, с волосами столь же темными, как ее душа. Хотя молодость ее давно прошла, она по-прежнему очаровывала и притягивала мужчин. Яркие разноцветные шелка красиво облегали ее стан, они мягко зашуршали, когда Ютана, грациозно ступая, подошла к окну и выглянула в черную неспокойную ночь. Колдун жадно следил за ней, разочарованный тем, что королева прервала любовную игру.

— Что случилось?

Королева продолжала разглядывать ночное небо. Огромные черные облака плыли по нему, словно чудовища, гонимые

яростным ветром. Ночь над Бакшааном выдалась ненастной, полной зловещих предзнаменований.

Телеб Кан повторил свой вопрос и снова не получил ответа.

Поднявшись с ложа, он подошел к Ютане.

— Уедем сейчас, Ютана, иначе будет поздно. Если Элрик узнает, что мы оба в Бакшаане, то нам будет плохо.

Она не ответила. Ее грудь тяжело вздымалась под шелками, а губы дрожали.

Колдун сжал руку королевы.

— Забудь этого предателя и разбойника. У тебя есть я, и я могу сделать для тебя куда больше, чем безумный альбинос.

— Император мертвой империи!

Усмехнувшись, Ютана повернулась к своему любовнику.

— Ты — дурак, Телеб Кан. В тебе еще меньше мужественности, чем в Элрике. Прошло три ужасных года с тех пор, как он оставил меня, умчавшись в ночь, направившись по твоим следам. Он оставил меня чахнуть, ожидая его возвращения! Я до сих пор вспоминаю его дикие поцелуи и безумные ласки. О боги, я хочу только его! С тех пор как он уехал, никто не может заменить мне его... Хотя многие пытались доказать, что они лучше альбиноса. Убирайся вместе со своим колдовством.— Она пренебрежительно махнула рукой и язвительно рассмеялась.— Ты слишком долго жил среди пергаментов, чтобы удовлетворить меня!

На темном лице колдуна заходили желваки. Телеб Кан нахмурился.

— Тогда почему ты позволила мне оставаться с тобой? В моей власти сделать тебя своей рабыней... ты же знаешь это!

— Ты не можешь сделать этого — ведь ты сам мой раб, могущественный колдун. И когда Элрик вытеснил твой образ из моего сердца, ты послал против нас демона! Но Элрик одолел его! Ты же помнишь, он выиграл... Но даже победив твоего выродка, он не простил тебя. Ты тогда сбежал и спрятался. Элрик отправился на поиски, покинув меня! Вот что ты сделал... И после этого ты утверждаешь, что любишь меня! Правда, ты — мой любовник, но ни слова о любви! — Ютана рассмеялась, разглядывая лицо колдуна, превратившееся в маску ненависти.— Ты любишь меня, поэтому не станешь использовать против меня свое колдовство. Я же встретилась с тобой только потому, что

рядом нет Элрика...— Телеб Кан отвернулся и стал дергать себя за бороду. Ютана же продолжила: — Иногда мне кажется, что я ненавижу Элрика! Но это лучше, чем любить тебя!

— Тогда почему ты приехала в Бакшаан, когда я позвал тебя? Почему ты оставила на троне регентом сына своего брата и откликнулась на мой зов? — фыркнул колдун.— Я послал письмо, и ты сразу же приехала... Ведь должна же ты хоть что-то чувствовать ко мне, чтобы так поступить!

Ютана снова засмеялась.

— Я слышала, что волшебник с бледным лицом и темно-красными глазами, с завывающим рунным мечом отправился на северо-восток. Вот почему я приехала сюда, Телеб Кан.

Лицо Телеб Кана исказилось от ненависти. Он рванулся вперед и сжал рукой плечо женщины.

— Ты забыла, что этот колдун с бледным лицом виновен в смерти твоего сводного брата? — прохрипел он.— Ты лежала в постели с человеком, который не пожалел и своих родственников. Он и тебя убьет. Он бросил флот Молодых королевств, после того как тот разрушил его страну, отдал своих друзей на растерзание повелителям драконов. Дхармит, твой сводный брат, был на борту одного из этих кораблей. А теперь его сгнивший труп лежит на дне океана!

Ютана покачала головой.

— Ты всегда знал это и стремился изменить мою точку зрения относительно этого. Да, я спала с тем, кто убил моего брата... Да, Элрик совершал преступления и посерьезней этого. Но я все равно люблю его — и за его злость, и за его преступления тоже. Твои уговоры бесполезны, Телеб Кан. А теперь оставь меня. Я буду спать одна.

Ногти колдуна все еще впивались в холодную кожу Ютаны. Расслабившись, он улыбнулся.

— Извини,— проговорил он, и голос его дрогнул.— Разреши мне остаться.

— Убирайся прочь,— мягко сказала она. И тогда, поборов свою слабость, Телеб Кан — колдун из Пан Танга — ушел.

Элрик из Мелнибонэ был в Бакшаане... Элрик три года назад поклялся отомстить Телеб Кану.

В глубине души чернобородый колдун знал, кто выиграет эту дуэль, если она состоится.

Глава 2
ДУВИМ ТВАР

Четверо купцов ушли, закутáвшись в черные плащи. Они сошлись на том, что следует хранить их сговор с Элриком в тайне.

А Элрик продолжал пить крепкое вино. Чтобы пробраться в замок Никорна, он собирался устроить ужасную бурю и с ее помощью развеять защитные заклинания Телеб Кана. Альбинос знал, что он по колдовской силе равен Телеб Кану, однако, если все его силы уйдут на разрушение заклинаний, у него может не хватить сил на схватку с воинами пустыни — личной гвардией короля купцов. Еще Элрик знал, что в лесах, в южной части Бакшаана, есть люди, которые могли бы ему помочь. Но станут ли они ему помогать? Элрик решил посоветоваться с Мунглумом.

— Я слышал, что отряд наемников из моих соплеменников разбил лагерь неподалеку. Они пришли с севера Вилмира, где разграбили несколько больших городов,— начал Элрик, повернувшись к другу.— Со дня великой битвы за Имррир прошло четыре года. Люди Мелнибонэ покинули Остров драконов, став купцами или наемниками. Имррир пал от моей руки... и они помнят об этом. Но я могу пообещать им богатую добычу, если они мне помогут... Однако станут ли они мне помогать?

Мунглум криво усмехнулся.

— Сомневаюсь, Элрик,— ответил он.— Такое не забывается и не прощается. Твоим соотечественникам не нравится кочевой образ жизни, ведь они жители разрушенного до основания города, древнейшего и величайшего во всем мире. Когда пал Имррир, многие хотели предать тебя ужасной смерти.

Элрик рассмеялся.

— Может быть,— согласился он.— Но ведь это мой народ, и я хорошо знаю его. Мы, жители Мелнибонэ, древнейшая раса, придерживающаяся иных взглядов на жизнь. Мы редко даем чувствам победить разум.

Мунглум поднял брови и иронично улыбнулся. Элрик правильно истолковал выражение его лица.

— Не так давно я был исключением среди своих соплеменников,— продолжал альбинос.— Но ныне Циморил и мой двоюродный брат покоятся среди руин Имррира, и проклятье,

лежащее на мне, мстит мне посильнее любого врага. Я считаю, что мои соотечественники поймут это.

Мунглум тяжело вздохнул.

— Думаю, ты, как всегда, прав, Элрик. Кто предводитель этого отряда?

— Мой старый друг,— ответил Элрик.— Он был хранителем пещер драконов. Именно он атаковал корабли грабителей после того, как они уничтожили Имррир. Зовут его Дувим Твар.

— А где же его драконы?

— Опять спят в своих пещерах. Их можно будить один раз в сто лет. Им требуются долгие годы, чтобы накопить достаточный запас яда и восстановить силы. Если бы не это, повелители драконов уже давно бы правили миром.

— Какое счастье, что это не так,— заметил Мунглум.

— Кто знает? — медленно продолжал Элрик.— Если бы Имррир владел всем миром, а я был бы императором, неизвестно, что бы могло случиться. Видимо, я бы создал в этом мире новую империю, похожую на государство моих отцов.

Мунглум ничего не ответил. Он думал, что не так уж легко покорить Молодые королевства. Мелнибонэ и его жители — древняя, безжалостная и мудрая раса. Но даже их жестокость смягчилась за века. Жителям Мелнибонэ не хватало притока свежей крови. Жизненная сила их таяла, а слава катилась к закату.

— Утром мы попробуем отыскать Дувима Твара,— подытожил Элрик.— Надеюсь, он стал настоящим грабителем и его не мучают угрызения совести, как меня. Тогда он спокойно отнесется к нашему предложению.

— А теперь, думаю, нам пора спать,— вздохнул Мунглум.— Так или иначе, мне нужно отдохнуть, да и девке, ждущей меня, надеюсь, уже не терпится.

Элрик пожал плечами.

— Это — твое дело. А я еще немного выпью. Спать я отправлюсь позже.

* * *

Черные облака неслись над Бакшааном. А на рассвете они закрыли восходящее солнце настолько плотно, что жители Бакшаана не смогли его увидеть.

Элрик и Мунглум ехали по узким улицам, направляясь к южным воротам, к лесу, лежавшему за ними. В этот день альбинос облачился в куртку из зеленоватой кожи, на которой была вышита эмблема королевского рода Мелнибонэ — темно-красный дракон, стоявший на задних лапах на фоне золотого поля. На пальце у Элрика сверкало кольцо королей с простым, но чрезвычайно редким Акторианским камнем, который был вставлен в серебряную, богато украшенную рунами оправу. Это кольцо принадлежало могущественным прадедам Элрика. Многие столетия его передавали от отца к сыну. На плечи альбинос набросил короткий плащ. Лошадь его была не совсем обычной масти: голубоватая, почти черная у копыт. На боку Элрика висел Буреносец.

За эти годы Элрик уже слился с мечом, они отчасти дополняли друг друга. Без меча альбинос становился бессильным калекой. Меч без принца драконов не мог пить кровь и души, в которых он нуждался. Поэтому они повсюду путешествовали вместе — человек и меч. И никто не знал, меч ли направляет колдуна или колдун время от времени пользуется мечом.

Мунглум был одет теплее, чем его друг. Он даже завернулся в плащ с широким воротником, время от времени проклиная превратности путешествия.

В Бакшаане уже ходили слухи о появлении имррирских наемников. Несколько раз горожане видели в тавернах неподалеку от южной стены высокого чужеземца. Поскольку они принимали Элрика за одного из разбойников Мелнибонэ, то чувствовали себя не слишком спокойно. Хотя Бакшаан мог выстоять против армии более могучей, чем банда грабителей, обобравших города Вилмира, жителей Острова драконов боялись в этих краях. Элрик не знал, зачем имррирцы приехали на север к Бакшаану. Возможно, они решили заехать сюда отдохнуть и сбыть награбленное добро.

Через час быстрой езды Элрик с Мунглумом достигли опушки леса и заметили впереди дым костров. Там был разбит лагерь воинов Мелнибонэ.

Друзья придержали лошадей и неторопливо подъехали к кострам. Мокрые ветки хлестали их по лицам, сладкий аромат леса, умытого дождем, окутывал их, напоминая о прошлых днях. Внезапно на узкой лесной тропинке появился воин. Он

преградил путь, выставив вперед длинную пику, словно это была не лесная тропа, а одна из развилок дороги судьбы...

Имррирский часовой был укутан в меха и хорошо вооружен. Из-под забрала шлема необычного вида он внимательно следил за Элриком и его спутником. Дождь усилился. Казалось, часовой не узнал своего императора.

— Стой! Что тебе надо?

— Дай мне проехать...— нетерпеливо приказал Элрик.— Это же я — Элрик, твой повелитель, твой император.

Часовой разинул рот от удивления и опустил копье. Затем он снял шлем и уставился на альбиноса. Множество разных эмоций отразились на его лице — покорность, удивление, ненависть...

Он с трудом поклонился.

— Здесь нет для вас места, мой господин. Вы отреклись от нас и уничтожили свой народ. Конечно, я признаю, что в ваших жилах течет наша кровь. Однако я не могу признать в вас своего владыку и оказать подобающие почести.

— Конечно,— надменно согласился Элрик, по-прежнему восседая в седле.— Но позови своего предводителя, друга моего детства, Дувима Твара. Пусть он станет судьей и решит, как всем вам следует поступить. Отведи меня к нему. Да помни, что мой спутник вас не обижал, и вам надлежит относиться к нему, как к личному другу императора Мелнибонэ.

Часовой вновь заставил себя поклонился и взял под уздцы лошадь, на которой восседал Элрик. Он провел ее по тропинке на открытую площадку, уставленную шатрами воинов Имррира. В центре горели костры, у которых сидели воины Мелнибонэ. Даже в свете пасмурного дня шатры казались яркими и веселыми. Такие пестрые, мягкие ткани умели изготовлять лишь на Острове драконов. Сочные — зеленые, дымчато-лазурные, охряные, золотые, темно-синие... цвета не смешивались, а плавно перетекали из одного в другой. Элрик почувствовал печаль, вспомнив многоцветные башни своего родного города — Имррира.

Путешественники и их провожатый приблизились к шатрам. Удивленные воины, делая вид, что не замечают их, тихо перешептывались.

— Пожалуйста, подождите здесь,— сказал Элрику часовой.— Я передам Дувиму Твару, что вы пришли.

Элрик кивнул и остался сидеть в седле, ощущая устремленные на него со всех сторон взгляды воинов. Никто не подошел к нему. Даже те, кого Элрик знал лично, смущенно держались поодаль. Все старались делать вид, что не замечают Элрика и полностью поглощены приготовлением пищи или чисткой и без того великолепно отполированных мечей и кинжалов. Некоторые воины что-то злобно мычали себе под нос. Большинство же было просто шокировано... Они терялись в догадках, пытаясь представить себе, зачем этот человек, их император, предавший свой народ, явился к ним в лагерь.

Самую большую палатку из золотого и алого шелка украшало знамя, на котором был вышит дремлющий дракон, голубой на белом фоне. Это был шатер Дувима Твара. Вскоре из него торопливо вышел бывший хранитель Пещер драконов, на ходу пристегивая пояс с мечом. На его лице застыло недоумение.

Дувим Твар выглядел немногим старше Элрика и принадлежал к знатному роду. Его мать была принцессой, двоюродной сестрой матери Элрика. Высокие скулы, чуть раскосые глаза... Как и у Элрика, у Дувима Твара уши чуть заострялись на концах. Левой рукой Дувим Твар сжимал рукоять меча. Длинные пальцы так крепко сжимали эфес, что даже побелели. Он подошел к сидящему на лошади императору Мелнибонэ. Теперь бывший хранитель Пещер драконов полностью контролировал свои эмоции. В пяти футах от Элрика Дувим Твар остановился и поклонился. А потом он не побоялся встретиться с альбиносом взглядом.

— Дувим Твар, хранитель Пещер драконов, приветствует Элрика, императора Мелнибонэ, хранителя тайных искусств,— Дувим Твар говорил степенно, согласно древнему ритуалу приветствия.

Элрик не был так уверен в себе, как ему бы хотелось.

— Элрик, повелитель Мелнибонэ, приветствует члена королевской семьи и согласен дать аудиенцию Дувиму Твару,— слова альбиноса не соответствовали моменту, но отвечали древнему обычаю, который не позволял подданным принимать у себя короля.

Хранитель Пещер драконов понял ситуацию и ответил в том же духе:

— Мне будет оказана большая честь, если мой повелитель позволит мне проводить его в мой шатер.

Элрик спешился и подошел к шатру Дувима Твара. Мунглум тоже соскочил с коня и пошел вслед за альбиносом, но тот повернулся и жестом приказал коротышке оставаться на месте.

Оба имррирских дворянина скрылись в шатре.

Внутри тусклый дневной свет, просачивающийся сквозь разноцветную ткань, смешивался со светом масляной лампы. Шатер оказался обставлен довольно скромно. Здесь были только жесткая солдатская постель, стол и несколько резных деревянных стульев.

Дувим Твар поклонился и предложил Элрику сесть.

Несколько секунд они молчали, тщательно скрывая свои чувства. Они просто сидели и смотрели друг на друга. Первым заговорил Элрик:

— Вы все еще считаете меня предателем, вором, убийцей и тираном?

Дувим Твар кивнул.

— При всей моей лояльности и непредвзятости, я согласен с моим императором.

— Раньше наедине мы разговаривали не столь официально,— продолжал Элрик.— Давай забудем ритуалы и традиции... Мелнибонэ разрушен, и его сыновья стали скитальцами. Мы встретились на равных, и теперь мы действительно равны. Трон-Рубин разрушен, Имррир испепелен и император больше не существует.

Дувим Твар печально вздохнул.

— Это правда, Элрик. Но зачем вы приехали сюда? Мы забыли о вас. Даже мысли о мести покинули нас, мы не искали вас. Вы приехали сюда посмеяться над нами?

— Вы прекрасно знаете, что я бы никогда так не поступил. Я редко спал все это время, а когда засыпал, то жуткие кошмары преследовали меня. Вы знаете, что Юркун заставил меня напасть на Имррир. Ведь он узурпировал власть и погрузил свою сестру — женщину, которую я любил,— в колдовской сон. Возглавить флот грабителей — единственное, что мне ос-

тавалось, чтобы отомстить ему и снять заклятие с Циморил. Да, я хотел отомстить, но это мой меч, Буреносец, а не я, убил Циморил и выпил ее душу.

— Знаю,— снова тяжело вздохнул Дувим Твар, потирая рукой щеку.— Но это не объясняет, зачем вы прибыли сюда. Вы же должны избегать встреч со своим народом. Мы встревожены вашим появлением. Даже если вы решите снова нас возглавить, тяжкий рок, который висит над вами, падет и на нас. Ни для меня, ни для моих людей будущее не может быть связано с вами, Элрик.

— Согласен. Но я нуждаюсь в помощи, всего лишь в одном деле. Затем наши пути снова разойдутся.

— Мы могли бы просто убить вас, Элрик. Но это было бы величайшим из преступлений. Однако скажите, что хуже: убить императора или простить предателя? Вы задали мне сложную задачу, а мне и так хватает своих проблем. Что же мне выбрать?

— Я лишь сыграл свою роль в истории,— искренне сказал Элрик.— Если бы не я, это сделали бы другие. Я лишь приблизил то время, когда мы смогли бы начать все сначала.

Дувим Твар насмешливо улыбнулся.

— Это — одна точка зрения, Элрик... и, честно говоря, я согласен с ней. Но попробуйте убедить моих людей, которые по вашей милости потеряли родину и дом. Скажите это воинам, которые лишились друзей, братьев, отцов. Скажите это мужьям, чьи жены, дочери, сестры — гордость Мелнибонэ — были захвачены и изнасилованы варварами.

Элрик опустил взгляд. Но когда он заговорил снова, голос его был по-прежнему спокоен:

— Я не могу вернуть ничего из того, что потерял мой народ. Я сам часто тоскую по Имрриру и его женщинам, его винам и развлечениям. Но тем не менее... Я могу предложить вам большую добычу. Я хочу ограбить самый богатый дворец Бакшаана. Забудем же старые обиды и отправимся дальше вместе.

— Вам нужны богатства Бакшаана, Элрик? Раньше вас никогда не привлекали ни драгоценности, ни золото! Что изменилось?

Альбинос пробежал пальцами по своим белым волосам. В темно-красных глазах бывшего императора появились огоньки беспокойства.

— Боги! Я всего лишь хочу отомстить, Дувим Твар. Однажды судьба свела меня с колдуном из Пан Танга — Телебом Каном. Может, вам приходилось слышать о нем... Он очень сильный колдун для своей молодой расы.

— Тогда мы присоединимся к вам, Элрик,— мрачно проговорил Дувим Твар.— Вы не единственный житель Мелнибонэ, который в долгу перед Телеб Каном. Из-за этой суки, королевы Ютаны из Джаркора, год назад один из наших людей погиб ужасной и отвратительной смертью. Он был убит Телеб Каном только за то, что посмел раскрыть свои объятия Ютане. Мы можем объединиться, чтобы отомстить за эту кровь, король Элрик, и это будет достаточным объяснением для тех, кто предпочел бы увидеть вашу кровь на клинке своего кинжала.

Элрик не обрадовался такому неожиданному совпадению — он почувствовал, что последствия его союза с соотечественниками могут быть самыми непредсказуемыми. Но все же он улыбнулся.

Глава 3
ЧУДОВИЩЕ ИЗ ДРУГОГО МИРА

В дымной яме преисподней, где-то по другую сторону пространства и времени шевелилось чудовище. Вокруг него двигались тени — тени душ людей. Они плыли в сияющей тьме и могли повелевать кошмарной тварью. Они платили ей соответствующую дань, и чудовище позволяло им помыкать собой. В мире людей чудовище имело имя — Куолнаргн, и оно всегда отзывалось на это имя. Сейчас оно зашевелилось. Оно услышало свое имя, которое произносил кто-то из живущих на Земле. Звали громко — зов прошел через барьер между измерениями.

Чудовище пошевелилось.

Был ли это случайный призыв или его и впрямь вызывали? Имя прозвучало вновь. Затем перед чудовищем открылась дорога, и значит, оно могло пойти поискать себе пропитание. Куолнаргн не ел мяса и не пил крови. Он питался разумом людей, пил души мужчин и женщин. Иногда на закуску он наслаждался жизненной силой, которую забирал у детей. Жи-

вотные его не интересовали — в них было мало чувственности, а Куолнаргн слыл гурманом.

Теперь его имя повторили в третий раз. Чудовище снова зашевелилось и поплыло вперед. Приближалось время, когда оно могло опять полакомиться...

* * *

Телеб Кана трясло, как в лихорадке. В общем-то он был мирным человеком. Лишь любовь к Ютане превратила его в безумца. Не его вина в том, что из-за нее он стал повелителем могучих и ужасных демонов, которых напускал на своих рабов и врагов, заставляя их охранять дворец купца Никорна. Да и сам колдун отлично понимал, что в происходящем его вины нет.

Просто над ним висело проклятье. Телеб Кан печально думал о том, что лучше бы он никогда не встречал Ютану. Так же думал он и после сражения у стен Танелорна. Колдун вновь задрожал и, стоя внутри пентаграммы, продолжал вызывать Куолнаргна. Благодаря ясновидению перед ним открывалось ближайшее будущее, и Телеб Кан знал, что Элрик готовится к битве с ним. Поэтому он решил призвать себе на помощь все подвластные ему силы. Куолнаргн должен был уничтожить Элрика, если, конечно, сможет. Телеб Кан поздравил себя с тем, что сохранил клок белых волос Элрика, который однажды уже помог ему наслать на Элрика другого демона — гигантскую бабочку.

Куолнаргн знал, что приближается к своему господину. Он неуклюже продвигался вперед и, проскочив в другое измерение, ощутил боль. Он знал, что душа его господина находится перед ним, но по каким-то причинам съесть ее, к сожалению, нельзя. Что-то упало перед ним.

Куолнаргн принюхался и понял, что он должен сделать. Повинуясь приказу, он осторожно поплыл прочь, надеясь как можно скорее обнаружить свою пищу,— слишком долгое пребывание в этом странном измерении причиняло сильную боль.

* * *

Элрик ехал во главе отряда. Справа от него покачивался в седле Дувим Твар, бывший хранитель Пещер драконов, сле-

ва — Мунглум из Элвера. За ними ехало две сотни воинов, и еще дальше — повозки с добычей, оружием и рабами.

Караван блистал гордыми знаменами и сверкал имррирскими пиками с длинными наконечниками. Воины были облачены в кирасы, узкие ножные латы и шлемы с высокими шишаками. Поверх доспехов они носили яркие плащи мелнибонийской выделки. Сразу за Элриком ехали лучники, державшие наготове мощные костяные луки. За спиной у них покачивались колчаны, полные стрел с черным оперением. Дальше двигались копьеносцы с длинными пиками, которые то и дело цеплялись за ветки деревьев. А за ними следовали главные силы — имррирские воины, вооруженные длинными мечами и короткими кинжалами, которые были меньше настоящих мечей, но длиннее боевых ножей. Воины обогнули Бакшаан стороной, направляясь к дворцу Никорна, расположенному в северной части города. Воины ехали молча. Им нечего было сказать. Элрик, их повелитель, впервые за пятнадцать лет повел их в бой.

Буреносец — черный адский клинок — дрожал под рукой Элрика, предвидя сражение. Мунглум нервно озирался в седле, так как знал, что им предстоит схватка с черной магией. Ему не нравилось ни само колдовство, ни чудовища, которые могли быть вызваны к жизни черным искусством. По его мнению, люди должны сражаться между собой без чьей-либо помощи. Коротышка знал, что альбинос согласен с ним, хотя Элрик всегда утверждал, что колдовству можно противостоять только колдовством.

Вот Буреносец вновь задрожал на боку Элрика. Металл испустил протяжный стон, прозвучавший как предостережение. Приближалось что-то опасное. Элрик поднял руку и приказал отряду остановиться.

— Приближается нечто такое, с чем могу справиться только я один,— объявил он своим людям.— Я поеду вперед.

Он пришпорил лошадь и поскакал галопом, внимательно всматриваясь в переплетения теней. Голос Буреносца стал громче и резче — меч визжал. Лошадь задрожала, и Элрик почувствовал, что и его нервы напряжены до предела. Он не ожидал, что неприятности начнутся так скоро, и молился, надеясь, что злая сила, затаившаяся в лесу, поджидает не его.

— Будь со мной, Ариох! — выдавил он сквозь зубы.— Помоги мне. Я пошлю тебе души целого отряда воинов пустыни. Помоги мне, Ариох!

Жуткая вонь ударила в нос Элрику. Он закашлялся и прикрыл рот рукой. Его взгляд искал источник опасности. Лошадь тихо заржала. Элрик выпрыгнул из седла и, хлопнув животное по крупу, отослал его назад к ожидающим его возвращения воинам. Пригнувшись, он замер, сжимая рукой Буреносец. Черный клинок подрагивал в его руке.

Чутьем, доставшимся ему от дедов, альбинос почувствовал чудовище раньше, чем увидел. Он узнал его, так как сам был его повелителем. Но сейчас, когда он не стоял в защитной пентаграмме, у него не было власти над Куолнаргном. Элрик знал силу чудовища. Он содрогнулся — его единственной защитой были меч и отвага. Но будет ли этого достаточно, чтобы справиться с адской тварью?

— Ариох! Ариох! Спаси меня! — закричал Элрик в отчаянии.— Ариох!

Времени, чтобы прочитать заклинание, у Элрика не оставалось. Куолнаргн — огромное, зеленое, похожее на жабу чудовище — уже был рядом. Он прыгал по дороге и ревел от боли, которую причиняло ему пребывание на Земле. Вот тварь подпрыгнула на невероятную высоту... Элрик вдохнул побольше воздуха и закричал еще громче:

— Ариох! Кровь и души будут твои, если ты поможешь мне сейчас!

Внезапно демон-жаба прыгнул вперед.

Элрик отскочил в сторону, но лапа с длинными когтями задела его и отшвырнула в сторону. Куолнаргн неуклюже развернулся. Из его широко раскрытой беззубой пасти исходил одуряющий, отвратительный запах.

— Ариох!

Из-за своей злобной и глупой настойчивости гигантская жаба даже не обратила внимания на имя могущественного бога-демона. Чудовище нельзя было испугать!

Тварь вновь прыгнула на Элрика, но в это время из туч, застлавших все небо, хлынул дождь.

Ничего не видящий из-за хлещущих струй воды Элрик спрятался за деревом, приготовив рунный меч. Куолнарги был

слеп в обычном понимании этого слова. Он не мог видеть ни Элрика, ни его меч. Точно так же чудовище не чувствовало дождя. Оно могло видеть и чувствовать только одно — человеческие души, свою пищу.

Жаба-демон опять промахнулся, перепрыгнув через альбиноса. Элрик же рванулся вперед и по рукоять погрузил меч в мягкую, подрагивающую спину чудовища. Плоть — или что-то еще, из чего состояла земная форма чудовища,— тошнотворно завоняла. Элрик надавил на эфес Буреносца, и клинок глубоко вонзился туда, где должен был проходить спинной хребет чудовища,— но там его не оказалось. Однако демон взвыл от боли — голос его оказался тонким и жалобным.

Внезапно Элрик почувствовал, как онемел его разум, сверхъестественная боль пронзила его голову. Альбинос не мог даже закричать. Его глаза расширились от ужаса, когда он понял, что случилось. Его душу стали высасывать из его тела. Элрик не чувствовал физической слабости, но понимал, что может погибнуть...

А потом ушло даже это ощущение, исчезла боль, пропали все чувства...

— Ариох! — еле слышно прохрипел он.

Вдруг альбинос почувствовал, что в него вливается сила. Она возникла не в нем и исходила не от Буреносца, а шла откуда-то извне. Что-то поддерживало его, давало достаточно сил для того, чтобы он сделал то, что должен был сделать.

Вытащив клинок из спины чудовища, Элрик замер над Куолнаргном. Над ним! Элрик плыл по воздуху... Не торопясь, он выбрал точку на черепе чудовища. Ту точку, которая, как он знал, была ахиллесовой пятой твари. Медленно и осторожно Элрик вонзил Буреносца в череп демона.

Жаба зашипела, прыгнула вперед и исчезла.

Элрик остался лежать на земле, дрожа всем телом. Через некоторое время он медленно встал. Вся энергия была высосана из него. Буреносец, казалось, тоже потерял силу. Однако через некоторое время он подпитал альбиноса.

Внезапно Элрик словно окаменел. Он был поражен. Что случилось? Ему показалось, что он проваливается в глубокий черный туннель, ведущий в никуда. Все было неопределенно.

Элрик чувствовал какое-то движение, он куда-то перемещался. Но куда и как, он сказать не мог.

Это продолжалось лишь несколько секунд, и все это время Буреносец был зажат в его руке.

Затем альбинос почувствовал, что лежит на твердых плитах. Он открыл глаза — или зрение просто вернулось к нему? — и он увидел над собой торжествующее лицо Телеб Кана.

— Телеб Кан,— хрипло прошептал принц драконов.— Как тебе это удалось?

Колдун наклонился над ним и вырвал Буреносец из ослабевших рук Элрика.

— Я наблюдал за твоей схваткой с моим посланцем, принц Элрик. Когда стало очевидно, что ты обратился за помощью, мне пришлось быстро произнести новые заклинания и перенести тебя сюда. Теперь ты, твой меч и вся твоя сила принадлежат мне. Я знаю, что без меча ты — ничто. Ты в моей власти, Элрик из Мелнибонэ!

Элрик попытался глубоко вздохнуть. Все тело болело. Он попытался улыбнуться и не смог. Гримаса, которую он скорчил, была чересчур искусственна.

— Отдай мне немедленно мой меч!

Телеб Кан хихикнул.

— Что ты теперь скажешь о мести, Элрик? — ответил он вопросом.

— Отдай мне меч, и я подарю тебе жизнь! — Элрик попытался подняться, но оказался слишком слаб. Его зрение туманилось, и он едва различал злорадствующего колдуна.

— Ты еще диктуешь мне условия? — удивился Телеб Кан.— Ты болен, Элрик из Мелнибонэ. А больные не диктуют условия. Они просят, умоляют.

Элрик задрожал от бессильной ярости. Его губы сжались. Он не согласится, никогда не согласится на это. Ни просьб, ни условий больше не будет.

В наступившей тишине он с ненавистью смотрел на колдуна.

— Думаю, я для начала запру этот меч,— улыбнулся Телеб Кан.

Крепко сжимая Буреносец, он повернулся к шкафу, появившемуся вдруг из ниоткуда за его спиной. Из глубины своего

плаща колдун извлек ключ, открыл шкаф и спрятал в него рунный меч. Затем он тщательно закрыл дверцы.

— Похоже, пришла пора показать этого мужественного героя его бывшей любовнице — сестре человека, которого он убил четыре года назад.

Элрик был поражен.

— Ютана здесь, в Бакшаане? Я не знал об этом!

— И очень хорошо, что не знал. Просто замечательно, что не знал,— смех Телеб Кана напоминал причитания сумасшедшего.— Очень хорошо для вас обоих. Ну, а теперь ты увидишь свет своей любви, а она сможет лицезреть «мужчину», о котором мечтала целых три года.

Элрик промолчал.

— После этого,— продолжал Телеб Кан,— я покажу моему повелителю, Никорну, наемного убийцу, который считал, что ему удастся сделать то, что еще никому не удавалось,— тут колдун улыбнулся.— Что за день! Что за замечательный день! Он так богат приятными событиями!

Телеб Кан опять рассмеялся и позвонил в маленький колокольчик.

Двери за его спиной раскрылись и два воина пустыни появились на его зов. Они удивленно уставились на Элрика, а потом перевели взоры на Телеб Кана.

— Никаких вопросов,— отрезал Телеб Кан.— Доставьте его в покои королевы Ютаны.

Элрик вскипел от злости, когда воины подхватили его. Темнокожие, бородатые воины... Их глаза сверкали из-под густых бровей. Они носили тяжелые, обшитые шерстью металлические шлемы, как принято у их народа. Доспехи их были из дерева, обшитого кожей, а не из железа.

Вниз по длинному темному коридору они потащили беспомощного Элрика. Когда же они остановились, один из воинов громко постучал в дверь.

Элрик услышал голос Ютаны, приглашающий войти. Сзади появился довольный Телеб Кан.

— А теперь тебя, Ютана, ждет маленький сюрприз... замечательный сюрприз.

Воины пустыни вошли. Элрик не видел Ютаны, но слышал ее дыхание.

— На постель,— приказал колдун.

Воины пустыни положили Элрика на мягкое ложе. Совершенно обессиленный, он лежал на узкой кровати и смотрел на яркую, непристойную любовную сцену, искусно нарисованную на потолке.

Ютана склонилась над альбиносом. Элрик ощутил эротический аромат, исходящий от нее, и сказал хриплым голосом:

— Необычная встреча, королева...

На мгновение он заметил сочувствие в ее глазах, но потом ее взгляд стал совершенно холодным, и она цинично заметила:

— Ах, мой герой вернулся ко мне. Но я бы предпочла, чтобы он сам пришел ко мне. А его притащили сюда, словно куклу. Все его волчьи зубы вырваны, и он теперь уже не тот дикарь, который бывал в моей постели по ночам.— Она отвернулась. На ее скривившемся лице читалось лишь отвращение.— Забери его, Телеб Кан. Ты доказал свою правоту.

Колдун кивнул.

— А теперь навестим Никорна. Думаю, он уже ждет нас.

Глава 4
ЭЛЕМЕНТАЛИ ВЕТРА

Никорн из Илмара оказался пожилым человеком. В лучшем случае ему только перевалило за пятьдесят, но упорство он имел, как у юноши. Его лицо с правильными чертами казалось довольно красивым. Суровым, проницательным взглядом он осмотрел Элрика, который беспомощно сидел в кресле.

— Значит, ты и есть Элрик из Мелнибонэ, волк Кипящего моря, грабитель, разбойник и убийца женщин. Думаю, сейчас ты не способен убить даже ребенка. Однако скажу: мне неприятно видеть человека в таком состоянии. Даже такого, как ты. Правда ли то, что рассказал мне колдун? Ты послан сюда моими врагами, чтобы убить меня?

Элрик беспокоился лишь о том, что предпримут теперь его люди. Будут ли они ждать его возвращения или нападут на дворец? Если они атакуют Никорна, то они обречены, и он вместе с ними.

— Это правда? — повторил свой вопрос Никорн.

— Нет,— прошептал Элрик.— Я поссорился с Телеб Каном. У меня с ним старые счеты.

— Меня не интересуют ваши старые счеты, мой друг,— недружелюбно прервал его Никорн.— Меня интересует то, что происходит непосредственно сейчас. Кто тебя послал?

— Телеб Кан обманул тебя, если заявил, что я кем-то послан,— солгал Элрик.— Я занимаюсь только своими личными делами.

— Но не только чародей говорил мне об этом,— ответил Никорн.— У меня много шпионов в городе, и двое из них независимо друг от друга сообщили мне о заговоре купцов. Они хотели нанять тебя, чтобы ты меня убил.

Элрик слегка улыбнулся.

— Да,— согласился он.— Это — правда. Но я не собирался выполнять их просьбу.

— Я могу проверить тебя, Элрик из Мелнибонэ,— медленно проговорил Никорн.— Но я не знаю, что с тобой делать. Я не стану никого убивать по просьбе Телеб Канна. Может, взять с тебя слово? Слово, что ты больше не станешь пытаться покушаться на мою жизнь?

— Предлагаешь сделку? — едва шевеля губами, поинтересовался Элрик.

— Да.

— А что ты дашь мне взамен?

— Твою жизнь и свободу.

— А мой меч?

Никорн с сожалением покачал головой.

— Извини... меч я не отдам.

— Тогда можешь меня убить,— отрезал альбинос.

— Подожди... я предлагаю тебе хорошую сделку. Отдать тебе жизнь и свободу в обмен на обещание, что ты не станешь покушаться на мою жизнь и вредить мне.

Элрик тяжело вздохнул.

— Хорошо.

Никорн отошел в сторону. Телеб Кан, до этого скрывавшийся в тени, вышел вперед и положил руку на плечо купца.

— Вы собираетесь его освободить?

— Конечно,— ответил Никорн.— Он больше не причинит нам вреда.

Элрик почувствовал, что Никорн начинает ему нравиться. Купец, похоже, испытывал подобные чувства по отношению к Элрику. Перед принцем драконов был храбрый и честный человек. Но... Элрик все еще боролся с накатившей на него волной безумия... На что он будет годен без Буреносца?

* * *

Две сотни имррирских воинов прятались в кустарнике, пока не наступила ночь. Они недоумевали и удивлялись.

Что случилось с Элриком? Дувим Твар считал, что альбинос уже проник во дворец купца. Хранитель Пещер драконов немного разбирался в искусстве предсказания — как и все, принадлежащие к королевскому роду Мелнибонэ. Использовав несколько простейших заклинаний, он, как ему казалось, определил, что Элрик находится где-то за стенами дворца-замка.

Но стоит ли без Элрика начинать битву с могущественным Телеб Каном?

Дворец Никорна был крепостью, холодной и неприступной. Его окружал глубокий ров, наполненный темной, гнилой водой. Высеченный в цельной скале, дворец возвышался над лесом, мало напоминая обжитой замок. Сам дворец вытянулся почти на милю. В скале же было множество естественных пещер, и на темно-зеленый мох у ее подножия сбегало множество ручьев. Неприступное, неприятное место. Без помощи магии две сотни людей никогда не смогут захватить его.

Некоторые из воинов Мелнибонэ оставались совершенно спокойными, в то время как другие были уверены в том, что Элрик их снова предал. Дувим Твар и Мунглум не обращали внимания на эти разговоры. Они видели признаки надвигающегося сражения, слышали странные шорохи в лесу...

Они ждали и надеялись, что из замка им подадут сигнал.

Они следили за главными воротами замка, и наконец их терпение было вознаграждено. Огромные ворота из дерева и металла распахнулись, и белолицый человек в изорванных одеждах Мелнибонэ появился в сопровождении двух воинов пустыни. Воины поддерживали его, словно сам он не мог

сделать и шага. По крайней мере, так казалось со стороны. Потом воины пустыни бросили альбиноса. Сделав несколько шагов вперед, Элрик споткнулся и упал на скользкие камни дороги, сразу за мостом.

Немножко полежав, он тяжело, со стонами пополз вперед.

Мунглум нахмурился.

— Что они с ним сделали? Я должен ему помочь!

Но Дувим Твар оттащил назад коротышку.

— Нет... Если мы поможем ему, то выдадим наше присутствие. Пусть он сам доберется до леса, тогда мы поможем ему.

Даже те, кто проклинал Элрика, сейчас почувствовали жалость к альбиносу, который еле полз, медленно влача свое тело по земле. А из замка донесся звонкий смех. Воинам Имррира удалось расслышать несколько слов.

— Ну что, волк? — кричал кто-то из башни замка.— Ну что теперь?

Мунглум сжал кулаки. Он дрожал, наблюдая, как ползет его гордый друг и как издеваются над его слабостью.

— Что с ним случилось? Что они с ним сделали? — удивился коротышка.

— Терпение,— сквозь крепко сжатые зубы пробормотал Дувим Твар.— Скоро мы все узнаем.

Невероятно трудно было сидеть и ждать и наблюдать, как Элрик на четвереньках ползет в сторону леса. Наконец он добрался до кустарника на опушке.

Мунглум рванулся вперед, чтобы помочь своему другу. Он положил руку на плечо Элрика, но альбинос резко сбросил ее. На лице альбиноса была написана бессильная ярость, еще более ужасная от того, что теперь принц драконов лишился своей силы. Элрик знал, что теперь он бессилен разрушить то, что ненавидел. Он ничего не мог сделать.

— Элрик, вы должны рассказать нам, что случилось,— настойчиво сказал Дувим Твар.— Чтобы помочь вам, мы должны знать, что же случилось.

Элрик тяжело вздохнул, но кивнул, соглашаясь с хранителем Пещер драконов. Успокоившись, он слабым голосом стал рассказывать о том, что произошло.

— Итак, наши планы... все наши планы рассыпались,— нахмурился Мунглум.— И ты потерял свою силу.

Элрик покачал головой.

— Думаю, выход должен быть,— прошептал он.— Должен быть.

— Какой же? Если у тебя, Элрик, есть план, поделись с нами.

— Хорошо, Мунглум, слушай,— вновь зашептал альбинос, видимо, он даже не мог говорить нормальным голосом.— Но слушай внимательно, у меня не хватит сил повторить.

* * *

Мунглум любил ночь, но лишь когда ее тьму рассеивал свет факелов. Особенно ему не нравилась ночь за городом, вблизи такого замка, как дворец Никорна. Но он шел вперед, надеясь на лучшее.

Если Элрик прав в своем толковании событий, то можно выиграть битву и захватить дворец Никорна. План Элрика был опасен, но Мунглум согласился исполнить свою часть, не раздумывая.

Когда коротышка взглянул на застоявшуюся воду во рву, он содрогнулся от отвращения. «Вот хорошая проверка нашей дружбы»,— подумал он. Продолжая мысленно развивать эту тему, Мунглум спустился к воде.

Мха на стене крепости оказалось слишком мало для того, чтобы он мог послужить надежной опорой, но коротышка дотянулся до свисающего плюща. Медленно-медленно поднимался он на стену, надеясь, что Элрик был прав, предполагая, что Телеб Кану необходимо отдохнуть, прежде чем вновь заняться колдовством. Именно поэтому Элрик попросил Мунглума поторопиться. Наконец воин добрался до открытого окна, которое было слишком маленьким для обычного человека, но впору для бродяги-коротышки.

Изогнувшись, он пролез через узкое окно и, дрожа от холода, спрыгнул вниз, на каменные ступени узкой лестницы, которая уходила вверх и вниз вдоль стены цитадели. Мунглум нахмурился и сделал несколько шагов вверх по лестнице. Элрик довольно приблизительно описал ему, как добраться до цели.

Увидев, что наверху ему ничего не угрожает, однако ожидая самого худшего, Мунглум начал осторожно, крадучись спус-

каться по каменным ступеням. Он направлялся в покои королевы Ютаны.

* * *

Мунглум вернулся через час, дрожа от холода. С его одежды стекала вода. В руке он сжимал Буреносец. Он очень осторожно нес меч, нервничая из-за того, что держал в своей руке такую злую вещь. Меч снова жил, жил своей черной, пульсирующей жизнью.

— Хвала Богам! Все в порядке,— еле слышно пробормотал Элрик. Он лежал в окружении двух или трех воинов Иррира, включая Дувима Твара. Хранитель Пещер драконов внимательно следил за альбиносом.— Я молился, чтобы мои предположения оправдались. Телеб Кан должен отдохнуть после того, как потратил на меня так много сил.

Он пошевелился, и Дувим Твар помог сесть альбиносу. Элрик вытянул длинную белую руку — как наркоман к страшному наркотику — к мечу, который неодолимо его притягивал к себе.

— Ты все передал ей? — спросил он, с благодарностью схватив эфес меча.

— Конечно,— вздрогнув, ответил Мунглум.— И она была согласна с твоим решением. Ты и в остальном оказался прав, Элрик. Вытащить ключ у усталого Телеб Кана Ютане ничего не стоило. Колдун выглядел очень уставшим. Никорн начал нервничать, так как понимал, что, пока колдун набирается сил, любое нападение на замок увенчается успехом. Чтобы не вызвать подозрений, королева сама принесла мне меч.

— И женщин тоже иногда можно использовать,— сухо заметил Дувим Твар,— хотя обычно они лишь мешают.

Казалось, Дувима Твара беспокоит что-то еще, помимо скорейшего захвата замка. Но он не хотел ничего объяснять, видимо, считая это своим личным делом.

— Согласен, хранитель Пещер драконов,— весело проговорил Элрик. Собравшиеся воины видели, как быстро наполняется силой тело альбиноса, как вливается в него дьявольская энергия колдовского меча.— Настало время мести. Но смотрите, не причиняйте вреда Никорну! Я дал слово!

Элрик крепко сжал эфес Буреносца.

— Теперь пора мечу утолить свою жажду. Ариох, богдемон Мелнибонэ, будет с нами. Я ему нужен, чтобы отплатить за помощь, которую он мне оказал в борьбе с мерзким чудовищем. Я уверен, что смогу заручиться поддержкой своих союзников, и мы нейтрализуем Телеб Кана на то время, которое необходимо для штурма замка-дворца. Мне не нужны пентаграммы, чтобы вызвать своих друзей, духов воздуха!

Мунглум облизал тонкие губы.

— Снова колдовство, Элрик. Вся страна скоро провоняет колдовством. Здесь на каждом шагу полным-полно приспешников Ада.

— Я не собираюсь вызывать приспешников Ада,— прошептал Элрик на ухо своему другу.— Нам помогут обычные элементали, чистые и порядочные, которые тоже обладают могуществом. Обуздай свои страхи, Мунглум, сохраняй выдержку. Телеб Кан должен за все заплатить.

Альбинос нахмурился, вспоминая тайный договор своих предков. Он сделал глубокий вдох и закрыл переполненные болью темно-красные глаза. Затем он качнулся, и рунный меч едва не выпал из его руки. Низким голосом он начал читать заклинания — словно вдалеке завывал ветер. Его дыхание участилось, грудь то поднималась, то опускалась, и некоторые молодые воины, которые раньше не посвящались в тайное искусство Мелнибонэ, почувствовали себя очень неуютно. Но Элрик обращался не к людям, а к неземным существам, невидимым и сверхъестественным. Постепенно старинные, древние рифмы стали складываться в стихи.

Через некоторое время Элрик замолчал. Но через несколько мгновений альбинос крикнул, пронзительно и отчетливо:

— Миша! Миша! Именем моих отцов я взываю к тебе, повелитель ветров!

Неожиданно деревья низко согнулись, словно гигантская рука раздвинула их. Ужасный шелестящий голос пришел из ниоткуда. И все, кроме Элрика, погрузившись в глубокий транс, задрожали.

— Элрик из Мелнибонэ,— проревел голос, похожий на отдаленный раскат грома.— Мы знали твоих предков. Мы помним свой долг! Мы — Граолл и Миша, повелители ветров-

великанов,— свой долг не забыли! Скажи, чем Ласшаар может помочь тебе?

Голос звучал дружелюбно и в то же время гордо, внушая страх простым смертным.

Элрик, еще не вышедший из транса, трясся в конвульсиях. Пронзительные крики вырвались из его горла, и слова были чужими, нечеловеческими. В ответ голос невидимых ветров-великанов проревел:

— Я выполню твою просьбу!

Деревья вновь закачались. Вскоре лес распрямился и все стихло.

Кто-то громко чихнул, и тогда все воины разом заговорили.

Через некоторое время Элрик с трудом пришел в себя. Он открыл глаза и огляделся, а потом еще сильнее сжал в руке Буреносец. Потом он вышел вперед и обратился к воинам Имррира:

— Скоро Телеб Кан будет в нашей власти, друзья, и мы захватим сокровища замка Никорна.

Но Дувим Твар прервал его:

— Я не такой мастер тайного искусства, как вы, Элрик,— спокойно сказал он.— Но у меня было видение: я видел трех волков, ведущих стаю за добычей. Один из волков погиб. Похоже, моя судьба ждет меня.

Элрик почувствовал себя очень неуютно.

— Ты ошибаешься, хранитель Пещер драконов. Ты еще посмеешься над своими предсказаниями и продашь награбленное добро в Бакшаане...

...Но в голосе альбиноса не было уверенности.

Глава 5
ШТУРМ

Телеб Кан беспокойно зашевелился в постели из шелка и атласа и проснулся. Он лежал, гадая, что его разбудило, в чем причина его беспокойства. Он вспомнил, что, одурев от усталости, он дал Ютане больше, чем было разумно. Но что именно он дал Ютане, он так и не смог вспомнить. Однако ощущение опасности не проходило, оно заслонило все мысли о прошлых деяниях. Колдун торопливо поднялся, натянул через

голову свое платье и, приглаживая его на ходу, подошел к старинному серебряному зеркалу, которое висело на стене его комнаты и ничего не отражало.

Протерев заспанные глаза и успокоив трясущиеся руки стаканом вина, колдун начал приготовления. Выбрав один из множества глиняных кувшинов, стоявших на окне, Телеб Кан налил в него жидкость, которая напоминала засохшую кровь, перемешанную с ядом черной змеи, обитающей в далеком Дареле, лежащем на краю мира. Капнув жидкость себе на ладонь, он начал быстро бормотать заклинания, а затем плеснул жидкость в зеркало, прикрыв рукой глаза. Что-то затрещало, и послышались громкие, резкие звуки. Зеленый свет вспыхнул и померк. Зеркало замерцало. Серебряная поверхность исчезла, и возникло изображение.

Телеб Кан знал, что видит то, что произошло в недавнем прошлом. Он увидел, как Элрик вызывал ветры-великаны.

Темное лицо Телеб Кана перекосилось от ужаса, а руки вновь задрожали, а все его тело содрогнулось в конвульсии. Невнятно бормоча что-то, он упал на постель, выставив руки перед собой, словно пытаясь защититься. Потом он посмотрел в окно, за которым царила глубокая ночь. Он знал, что его ожидает.

Начиналась ужасная буря. И именно он, Телеб Кан, стал объектом атаки Ласшаара. Он должен, обязательно должен спастись, иначе ветры-великаны отнимут его душу и отдадут ее на забаву духам воздуха. И голос его будет причитать, как одинокий голос банши, над пиками гор, покрытых льдом. И душа его по прихоти четырех ветров никогда не найдет покоя.

Телеб Кан с ужасом, смешанным с уважением, относился к силам воздуха. Не всякий колдун мог управлять элементалями воздуха. Но Элрик умел это делать. И Телеб Кан понял, что ему вновь придется сразиться человеком, обладающим знаниями, собиравшимися десять тысяч лет сотнями поколений колдунов, которые познали всю мудрость Земли и передали ее альбиносу. А теперь он, Телеб Кан, так страстно желал уничтожить прирожденного волшебника. Колдун Пан Танга горько сожалел о своих поступках, но уже было поздно.

Колдун не мог сдержать могучих ветров-великанов. Он должен натравить на них других элементалей. Нужно как можно скорее вызвать духов огня. Все силы Телеб Кана уйдут, чтобы отразить натиск сверхъестественных ветров, которые в скором времени должны были обрушиться на замок Никорна. Даже ад будет потрясен гневом ветров-великанов.

Телеб Кан отогнал все мысли и трясущимися руками начал производить таинственные пассы в воздухе. Он давно уже приготовился к вечным мукам после смерти ради нескольких лет жизни.

* * *

Ветры-великаны принесли с собой грозу и ливень. То и дело в небе полыхали молнии, но буря еще была далеко. Мунглум и воины Имррира чувствовали растущее напряжение, но только Элрик со своими волшебными знаниями знал, что должно произойти. Ветры-великаны были невидимы для глаз непосвященных.

Военные орудия воинов Имррира казались беспомощными игрушками по сравнению с мощью элементалей, но именно от них зависел итог решающей схватки.

Тараны и осадные машины были приведены в боевую готовность. Воины работали с невероятной энергией. Через час буря обрушилась на замок. Луну затянули тяжелые облака. Люди работали при свете факелов. В этом бою не внезапность решала исход битвы.

За два часа до зари все приготовления закончились.

Отряд, направлявшийся к замку Никорна, возглавляли Элрик, Дувим Твар и Мунглум. Элрик, повысив голос, прокричал приказ, и гром в небе вторил его словам.

Гигантская молния, раскроив небо, ударила в крышу замка, и тот вздрогнул до основания. В это время огромный темно-оранжевый огненный шар появился над замком. Волшебный огонь принялся поглощать молнии. Битва между воздухом и огнем началась!

Казалось, всех в округе оглушило криками и стонами. Воины Имррира почувствовали, что где-то рядом начался поединок стихий.

Над замком разлилось неземное сияние. Телеб Кан понимал, что будет обречен, если повелители огня уступят ветрам-великанам.

Элрик спокойно улыбался, наблюдая за происходящим. Он знал, что элементали воздуха выиграют для него сражение. Но был еще неприступный замок, который нужно захватить своими силами. Мечи и тонкий расчет — единственное, на что стоит ориентироваться в битве с бесстрашными воинами пустыни, защищающими свою крепость. Воины пустыни были готовы уничтожить всех, решившихся напасть на них.

Взвились знамена с драконами, золотистая ткань флагов замерцала неземным светом. Осадные лестницы были установлены, и сыны Имррира двинулись на штурм дворца. Лица защитников казались белыми пятнами на фоне темного камня. Воины пустыни что-то пронзительно кричали, но их слова невозможно было разобрать.

Несколько воинов Имррира потащили к воротам два огромных тарана. По узкой лестнице было опасно идти, но, лишь преодолев ее, воины подобрались бы к замку. Воины Острова драконов бежали к воротам, а сверху на них сыпались стрелы. Защищаясь щитами, они проскочили по лестнице и добрались до ворот замка. Первый таран ударил по воротам. В первый момент Элрику показалось, что дерево и железо не выстоят против тарана, таким мощным был удар. Но ворота лишь задрожали!

Словно вампиры, истосковавшиеся по крови, воины Имррира завывали и карабкались по стенам, помогая друг другу. Вновь таран ударил по воротам, они снова затрещали, но все-таки выстояли.

Дувим Твар громко закричал, подбадривая тех, кто лез на стены по осадным лестницам. Отважные, отчаянные люди. У них было очень мало шансов остаться в живых. Но ведь их вел в бой сам император.

Булькающий кипяток полился на головы штурмующих замок. Многие воины Имррира пали. Защитники крепости скатывали со стен огромные валуны. Но нападающие поднимались выше и выше. Множество воинов столпилось внизу у лестниц. Они были готовы в любой момент броситься на подмогу своим товарищам. Другая группа воинов, при-

крываясь щитами, пыталась как можно скорее протаранить ворота.

Элрик и два его друга мало чем могли помочь своим солдатам. Они были хорошими бойцами, но сейчас они вынуждены были стоять около лучников и наблюдать, как те засыпают стрелами защитников крепости.

Наконец ворота начали поддаваться. Проломы и трещины появились на гладкой деревянной поверхности. Потом со страшным скрипом и грохотом правая половина ворот рухнула. Торжествующий вопль вырвался из глоток нападающих. Бросив тараны, воины устремились вперед. На них обрушились боевые топоры и булавы защитников.

— Замок наш! — закричал Мунглум, кидаясь к воротам.— Замок взят!

— Не говори так рано о победе,— остановил его Дувим Твар со смехом. Вместе с остальными он побежал к замку.

— Ну что, сбылось ваше предчувствие? — поинтересовался Элрик у своего друга-мелнибонийца, но отпрянул, увидев, что лицо Дувим Твара потемнело, а рот твердо сжался.

На мгновение между ними возникло какое-то напряжение, но затем старые друзья улыбнулись друг другу.

— Как знать, как знать, Элрик. Трудно ошибиться в предчувствиях. Но если смерть уже нависла надо мной, ей не помешаешь,— с этими словами хранитель пещер драконов похлопал Элрика по плечу, чувствуя, как альбинос смутился.

Пробежав через ворота, они оказались во дворе замка, где воины сходились в поединках. Каждый выбирал себе противника и сражался с ним до смерти.

Буреносец сразу выпил душу одного из воинов пустыни, послав его душу в Ад. Песня черного меча звенела в воздухе и была злобно-торжествующей.

Темнолицые воины пустыни славились отвагой и умением владеть саблями. Кривые клинки несли смерть в ряды имррирцев. Однако наверху, на стенах, вдохновленные первыми успехами, воины Имррира быстро оттесняли людей Никорна. Падая во двор и крича, люди пустыни отступали. Но вот один из них бросился вперед и занес свой топор над головой Элрика. Но тут же голова его раскололась и струя крови брызнула в лицо альбиноса.

Дувим Твар вытащил топор из черепа убитого воина и улыбнулся своему императору.

— Вот теперь мы оба увидим победу! — перекрывая грохот битвы, крикнул Дувим Твар.

Неожиданно он замолчал, на его лице появилось выражение недоумения. Элрик весь сжался, когда увидел стальной клинок, торчащий из правого бока Дувим Твара. Подобравшийся сзади воин пустыни пронзил саблей хранителя Пещер драконов. Элрик, сыпля проклятиями, ринулся вперед. Воин, защищаясь, приготовился. Он отступил под натиском взбешенного альбиноса, и в этот миг Буреносец взлетел и, опускаясь, разрубил противника пополам. Элрик вернулся к Дувим Твару, который оставался стоять на ногах, но был очень бледен. Лицо его скривилось от напряжения. Тяжелые капли крови вытекали из раны, заливая одежду.

— Вы сильно ранены? — взволнованно спросил Элрик.— Можете говорить?

— Эта сабля пробила мне ребра. Так мне кажется, по крайней мере. Не думаю, что я серьезно ранен.— Дувим Твар схватил воздух ртом и попытался улыбнуться... И вдруг он упал. Когда Элрик перевернул его на спину, то увидел, что Дувим Твар мертв.

Больше хранитель Пещер драконов уже никогда не поднимет в бой своих питомцев.

Элрика замутило. Он склонился над телом своего друга... «Почему, почему из-за меня погиб еще один хороший человек?»

Но долго задумываться над этим не было времени. Элрику пришлось отражать удары сверкающих сабель — его атаковали два воина пустыни.

Лучники, выполнив свое дело снаружи, ворвались во двор замка новой волной атакующих. Их стрелы косили задние ряды воинов пустыни.

Элрик протяжно закричал:

— Мой друг Дувим Твар лежит мертвым, убитый в спину воином пустыни. Отомстим его убийцам! Отомстим за хранителя драконов Имррира!

Глухой стон был ему ответом. Воины Имррира еще яростнее набросились на врагов. Элрик подозвал к себе людей с боевыми топорами.

— Следуйте за мной! Мы должны отомстить за кровь, пролитую Телеб Каном!

Откуда-то донесся голос Мунглума:

— Эй, подожди-ка меня, Элрик! Я хочу быть рядом с тобой!

Воин пустыни рухнул под ноги Элрику, и, перепрыгнув через труп, появился усмехающийся Мунглум. Его сабля была обагрена кровью по самую рукоять.

Элрик подбежал к небольшой двери, ведущей в главную башню замка. Указав на нее, альбинос приказал воинам разрушить ее.

Воины взялись за топоры. Элрик нетерпеливо следил, как от дерева отлетают щепки. Схватка стихий над замком поистине была ужасна. Телеб Кан рыдал от бессилия и отчаяния. Какатал — повелитель огня не мог противостоять ветрам. Их сила, казалось, усиливалась с каждым мгновением. Колдун кусал пальцы и бегал по комнате, в то время как внизу сражались и гибли люди. Потом Телеб Кан заставил себя сконцентрироваться только на одном — полном уничтожении ветров-великанов. Однако он понимал, что в любом случае обречен.

Топоры крушили крепкое дерево, и наконец дверь поддалась.

— Готово, император Элрик,— воины отошли, пропуская альбиноса к зияющей дыре.

Элрик распахнул дверь.

Над замком в небе появились две огромные фигуры. Одна — золотистая, сверкающая как солнце,— сжимала огромный огненный меч. Другая — темно-синяя с серебряными искрами,— держала в руках сияющее оранжевое копье-молнию. Миша и Какатал столкнулись. Исход их битвы решал судьбу Телеб Кана.

— Быстро! — приказал Элрик.— Наверх!

Люди кинулись наверх по лестнице.

Воины остановились перед агатово-черной дверью, отделанной темно-красным металлом. В двери не было ни замочной скважины, ни засова, ни ручки. Она казалась совершенно неприступной. Шесть топоров одновременно ударили по двери.

И одновременно закричав, воины исчезли. Даже дыма не осталось на том месте, где они только что стояли.

Мунглум отшатнулся. Его глаза наполнились страхом. Он отступил от Элрика, поднявшего руку.

— Не делай этого, Элрик. Ужасное колдовство защищает эту дверь. Вспомни, воины просто растворились...

— С колдовством лучше всего бороться колдовством,— закричал альбинос и рубанул по черной двери колдовским мечом. Буреносец взвыл, словно жаждущий душ демон. Полыхнула яркая вспышка. Рев оглушил Элрика. Дверь с грохотом рухнула на пол. Мунглум встал в стороне и следил за разворачивающимися событиями.

— Буреносец редко подводит меня, Мунглум. Вперед! В этот раз мы настигли Телеб Кана.

И тут альбинос остановился, увидев невнятно бормочущее существо, извивающееся на полу. Это и был Телеб Канн. Он сидел на полу в центре недорисованной пентаграммы. Безумие читалось в помутившихся глазах, потом в них вспыхнула искорка разума.

— Ты опоздал, Элрик,— объявило существо, которое теперь уж никак нельзя было назвать человеком.— Я выиграл... Альбинос, тебя опередили...

Нахмурившись, Элрик шагнул вперед и обрушил завывающий меч на голову колдуна.

— Пей его душу, адский клинок,— пробормотал альбинос.— Эта тварь заслужила это.

Буря над замком стихла.

Глава 6
ВЫКУП

— Это неправда! Ты лжешь! — кричали рассерженные люди.

— Мы не виноваты! — Пилармо повернулся к ожидавшим его ответа горожанам. За спиной пышно разодетого купца стояли его друзья — те, кто раньше встречался с Элриком и Мунглумом.

Один из обвинителей указал на север в сторону дворца Никорна.

— Никорн — враг купцов Бакшаана, это я понимаю. Но сейчас банда жаждущих крови грабителей штурмует его замок. И возглавляет их Элрик из Мелнибонэ! Вы прекрасно

знаете, кто виновен в этом. Вы наняли Элрика, и вот к чему это привело!

— Но мы не знали, что он призовет таких союзников! — выкрикнул толстяк Тормел. Его лицо было искажено ненавистью и страхом.— Вы не поняли нас. Мы только хотели...

— Так мы вас не поняли?! — завопил Фаратт — толстогубый цветущий человек. Он замахал руками.— Когда Элрик и его шакалы расправятся с Никорном, они придут в город! Именно таков план этого колдуна-альбиноса. Он насмехался над вами, когда вы упрашивали его о помощи! Мы способны противостоять воинам Имррира, но не колдовству альбиноса!

— Что же нам делать? Что делать? Бакшаан будет разрушен в течение дня! — Тормиел повернулся к Пилармо.— Это была твоя идея. Это придумал ты!

Пилармо пожал плечами.

— Мы предложим им выкуп. Дадим столько денег, сколько они потребуют.

— А где мы возьмем эти деньги? — спросил Фаратт.

Снова разгорелся яростный спор.

* * *

Элрик с отвращением разглядывал тело Телеб Кана. Затем он повернулся к Мунглуму.

— Пойдем, Элрик,— хриплым голосом проговорил коротышка.— Ютана ждет тебя в Бакшаане.

Альбинос кивнул.

— Да... Сдается мне, воины Имррира уже захватили весь замок. Оставим им их добычу и уедем как можно скорее. Но сначала позволь мне остаться одному хоть на несколько минут.

— Я подожду тебя во дворе. Встретимся через четверть часа. Я хочу потребовать свою часть добычи.

Коротышка развернулся и быстро сбежал по ступеням во двор.

Элрик стоял над телом поверженного врага. Он стряхнул кровь со своей руки и меча.

— Дувим Твар! — закричал Элрик, запрокинув голову.— Ты и твои воины отомщены! Пусть то зло, которое держит твою душу, уйдет, взяв взамен душу Телеб Кана.

Что-то невидимое, но тем не менее явно ощутимое, появилось в комнате и закружило над телом Телеб Кана.

Элрику показалось, что он услышал хлопанье крыльев, почувствовал кисловатый драконий запах... Ему почудилось, что он видит крылатую тень, уносящую по залитому зарею небу душу Дувим Твара — хранителя Пещер драконов.

Принц Мелнибонэ улыбнулся.

— Боги империи защитят тебя, где бы ты ни был,— прошептал он и вышел из комнаты.

На лестнице он столкнулся с Никорном из Илмара. Усталое лицо купца потемнело от гнева. Он дрожал от ярости. В руках он держал огромный меч.

— Наконец-то я нашел тебя, Элрик,— прохрипел он.— Я подарил тебе жизнь, и вот чем ты отплатил мне!

Никорн загородил проход.

— Ты меня обманул, теперь я должен забрать твою жизнь! — Купец спустился во двор и замер, поджидая Элрика. Нахмурившись, наблюдал он, как воины Имррира грабят его дворец.

Но альбинос не хотел сражаться с королем купцов. Он спрятал в ножны свой рунный меч.

— Нет, не надо. Подумай, что ты делаешь. Ты же умрешь.

— Защищайся, Элрик!

Правая рука альбиноса по привычке легла на рукоять меча, но принц драконов не собирался обнажать Буреносец. Никорн выругался и нанес удар по невооруженному альбиносу. Белолицый колдун отшатнулся. Ему все же пришлось вытащить меч, хотя он и не хотел этого делать.

Альбинос решил разоружить Никорна. Он не хотел причинять вреда этому отважному человеку, который отпустил его, когда Элрик попросил о милости.

Никорн снова сделал выпад, и Элрик парировал удар. Буреносец тонким голосом застонал, вздрогнул и запульсировал. Металл зазвенел. Начался настоящий поединок. Гнев Никорна постепенно перешел в холодную расчетливую ярость. Несмотря на то, что он был просто купцом и к тому же много старше Элрика, он оказался прекрасным фехтовальщиком. У него была очень быстрая реакция и хорошая скорость. Порой Элрику приходилось прикладывать все свои силы и все свое упрямство, чтобы отражать удары.

Но что-то непонятное происходило с рунным мечом. Он извивался, принуждая хозяина атаковать. В какой-то миг Никорн попятился, в глазах появился страх. Он понял, какая мощь сокрыта в адском клинке. Купец отважно сражался, а Элрик уже даже не двигался. Рунный меч фехтовал с купцом сам по себе, пытаясь разрушить оборону Никорна.

Вот Буреносец вырвался из рук альбиноса. Никорн закричал. Рунный меч атаковал, целясь в сердце купца.

— Нет! — взревел Элрик, пытаясь поймать свой меч.— Я сказал: нет!

Дьявольский клинок вонзился в сердце Никорна и взвыл от наслаждения. Элрик попытался вытащить клинок из тела купца.

— Нет!!!

Еще оставалось несколько мгновений...

— Твой меч выпивает мою душу... Эта трижды проклятая тварь выпивает мою душу!!! — В горле Никорна что-то булькнуло, и он схватился руками за черную сталь волшебного клинка.— Останови его, Элрик!.. Прошу тебя, останови...

Но Элрик не мог вытащить клинок из сердца Никорна. Клинок, вгрызаясь в плоть, сладострастно стонал. Меч, захлебываясь, пил душу Никорна из Илмара. Буреносец высасывал жизненные силы умирающего. Постепенно песня меча стала вкрадчивой и отвратительной. Элрик вздрогнул, когда Буреносец сам выпал из груди несчастного.

— Будь ты проклят! — взревел Элрик.— Этот человек был мне другом... Я ведь дал слово не убивать его!

Но Буреносец не слышал своего хозяина.

Никорн тихо хрипел.

А потом король купцов умер.

Он умер... И душа его присоединилась к душам друзей и врагов, которые питали жизненные силы Элрика из Мелнибонэ.

Элрик застонал.

— Ну почему именно на мне лежит это проклятие? Почему?!

Он упал на землю.

Через несколько минут Мунглум нашел своего друга лежащим на земле. Обняв Элрика за плечи, коротышка помог альбиносу подняться. Когда он увидел измученное лицо Элрика, он задрожал.

— Что случилось?

Элрик ткнул пальцем на тело купца Никорна.

— Еще один, Мунглум. И опять его убил мой меч, а не я!

— А ведь купец убил бы тебя, ни на секунду не задумавшись,— попытался успокоить друга Мунглум.— Так что не думай об этом. Много данных тобою обещаний было нарушено. Пойдем, Элрик. Ютана ждет тебя в таверне «Пурпурный голубь».

Альбинос поднялся и молча направился к разбитым воротам дворца, за которыми их ждали лошади.

Затем друзья поскакали в Бакшаан, не зная, какие мысли взбудоражили горожан. Буреносец по-прежнему висел на поясе альбиноса. В глазах Элрика застыли покорность судьбе и печаль. Все остальные чувства притупились.

— Будь осторожен, когда у меня в руках адский меч, Мунглум. Он убивает врагов... Но больше всего он любит кровь и души моих друзей.

Мунглум кивнул и отвернулся. Элрик хотел продолжить разговор, но передумал. Ему нечего было сказать верному другу.

* * *

Пилармо нахмурился. С болью на лице он следил за тем, как его рабы выносят из дома сундуки с сокровищами и ставят их на мостовую. Еще в трех домах Бакшаана друзья Пилармо прощались со своими богатствами. Совет города решил, что купцы должны расплатиться за то, что совершили, заплатив выкуп Элрику.

Горожане подбежали к Пилармо.

— Альбинос и его спутник у северных ворот!

Члены городского совета переглянулись. Фаратт, вздохнув, сказал:

— Элрик приехал за своей долей. Быстрее! Открывайте сундуки с сокровищами. Надо побыстрее предложить ему богатства города.

Горожане засуетились.

В течение нескольких минут Фаратт и члены совета раскрывали сундуки с сокровищами Пилармо, чтобы альбинос мог осмотреть товар, который ему предлагают.

Элрик галопом промчался по улице города, а Мунглум следовал за ним. Они очень удивились раскрытым сундукам, но постарались не показать вида.

— Что это? — презрительно спросил Элрик.

— Сокровища,— низко кланяясь, пропел Фаратт.— Все вам, принц Элрик. Мы приготовили их для вас. Но это еще не все. Возьмите эти сокровища, но оставьте город в покое, не применяйте колдовство.

Мунглум улыбнулся. Он внимательно присмотрелся к содержимому сундуков.

— Ладно, договорились,— холодно объявил Элрик.— Но вы сами должны отвезти эти сокровища моим людям ко двору Никорна, или мы изжарим вас всех на адском огне раньше, чем наступит утро нового дня.

Фаратт задрожал.

— Как скажете, господин Элрик. Как скажете.

А потом Элрик и Мунглум направились к таверне «Пурпурный голубь».

— Стоило вернуться, чтобы господин Пилармо и его друзья заплатили нам этот непрошеный выкуп,— вскользь заметил Мунглум.

Элрику было не до шуток, но он ухмыльнулся.

— Конечно. Я с самого начала собирался обобрать этих толстосумов, но сейчас это сделали их собственные земляки. На обратном пути захватим все, что нам причитается.

И они пришпорили коней.

Вскоре друзья оказались около таверны.

Ютана, одетая в костюм для верховых прогулок, ожидала их. Увидев Элрика, она с облегчением вздохнула и улыбнулась.

— Ну что, Телеб Кан наконец мертв? — спросила она.— Значит, мы можем возобновить наши отношения, Элрик?

Альбинос кивнул.

— Это было частью нашего договора. Ты выполнила свою работу, когда помогла Мунглуму добыть мой меч.

Королева обняла Элрика, но он отступил.

— Попозже,— шепнул он.— Не бойся, я не нарушу данного тебе слова, Ютана.

Он помог удивленной женщине взобраться на лошадь. Потом они вместе направились к дому Пилармо.

— А... Никорн? Он спасся? Мне нравится этот человек.

— Он умер,— глухо ответил Элрик.

— Почему? — спросила королева.

— Потому что он, как и другие купцы, слишком долго торговался.

После этого наступила тишина, и все трое пришпорили своих лошадей. Элрик, не останавливаясь, проехал мимо дома Пилармо. Мунглум и Ютана старались не отстать от альбиноса. Но догнали они его только за городом.

В городе Бакшаане над крышами домов не шелохнулся ни один листик. Не было ни малейшего дуновения ветерка, который остудил бы потные лица разоренных купцов. В небесах сверкало яркое солнце, и где-то в вышине кружила тень, похожая на дракона. На мгновение она закрыла солнце, а затем исчезла.

Часть 12
КОРОЛИ ВО ТЬМЕ

Элрик встречается со своей суженой и делает выбор на развилке дорог Судьбы — он уничтожает обитель древнего зла...

«Хроника черного меча»

Во тьме лежат
Три Короля,
Забывшись хладным сном...
Гутеран из Орга и я,
А третий — под Холмом...[1]

«Баллада Виркада»

Глава 1
ЛЕС ТУРУС

Элрик, повелитель разрушенной империи Мелнибонэ, подгоняемый безумием и радостью, мчался как волк, выбравшийся из расставленной ловушки. Он бежал из Надсокора — города нищих, и враги гнались за ним по пятам. Горожане сразу поняли, что он — могущественный колдун, и теперь охотились за ним и его спутником, веселым коротышкой — Мунглумом, чужеземцем из Элвера, города, еще не нанесенного на карты Востока.

Пламя факелов раздирало бархат ночи, освещая завывающих оборванцев, подгоняющих своих костлявых лошаденок.

Изголодавшимися драными шакалами, опасными только своим количеством — вот кем они были. Их длинные ножи и костяные луки блестели в свете факелов. Преследователей было слишком много, чтобы два человека могли противостоять им, но слишком мало, чтобы не попытаться скрыться от них, поэтому Элрик и Мунглум предпочли покинуть город без драки и теперь мчались навстречу бледной молочной луне, повисшей над горизонтом. Ее тусклые лучи едва освещали беспокойные воды Варкалки.

---

[1] Здесь и далее стихи в переводе Б. Страдомского.

Беглецы чуть было не решились остановиться и встретиться лицом к лицу с распаленной толпой, потому что в ином случае им пришлось бы прыгать в реку. Но поскольку они понимали, что с ними сделают нищие, а какая судьба их ждет, если они постараются найти свое спасение в водах Варкалки, им было неведомо, они направили коней к скользкому берегу. Испуганные животные ржали, а у самой воды встали на дыбы.

Беглецы, выругавшись, пришпорили скакунов и все же заставили войти в воду. Река, захлестывая всадников, с ревом неслась к дьявольскому лесу Турус, разросшемуся в Орге — стране колдунов и древнего зла.

Отфыркиваясь, Элрик крикнул своему другу:

— Думаю, они побоятся следовать за нами!

Мунглум промолчал. Ухмыльнувшись, он оскалился, сверкнув белыми зубами, но в глазах его застыл страх. А кони плыли, увлекаемые течением. На берегу бесновалась жаждущая крови толпа. Нищие смеялись и кричали:

— Пусть лес сделает то, что не смогли сделать мы!

Элрик лишь хрипло расхохотался в ответ. Кони плыли в темноте по широкой и глубокой реке. На пологих берегах между камней пробивалась чахлая растительность.

До рассвета толпа оборванцев преследовала друзей, двигаясь по берегу. Но, наконец, поняв, что добыча ускользнула, нищие, дрожа от холода, вернулись в Надсокор.

Когда Элрик и Мунглум остались одни, они направили лошадей к берегу, и уставшие животные, спотыкаясь, выбрались на сушу. Теперь путников со всех сторон окружал лес.

Это был удивительный, нездоровый лес с искореженными деревьями, с листвы которых, казалось, содрали кожу. И каждый листочек, окрашенный в темный пурпур, вибрировал, словно содрогаясь в агонии. В воздухе плыл сладковато-тошнотворный запах разложения.

Мунглум поморщился.

— Может, вернемся? — спросил он.— Можно обойти лес и быстро пересечь Орг, чтобы через день оказаться в Бакшаане. Что скажешь, Элрик?

Альбинос нахмурился.

— Я не сомневаюсь, что в Бакшаане нас ожидает не менее радушный прием, чем в Надсокоре. Горожане не забыли о

наших «подвигах» и о выкупе, который нам вручили купцы. Нет, я намерен немного побродить по этому лесу. Мне и раньше доводилось слышать об Орге и странном Турусе, поэтому я хочу знать, что правда в тех рассказах, а что нет. А если вдруг возникнет необходимость защищаться, мои меч и магия помогут нам в этом.

Мунглум вздохнул.

— Элрик, ну давай хоть раз не будем лезть на рожон.

— Лезть на рожон? — холодно улыбнулся альбинос.— В худшем случае нам придется умереть — только и всего.

— Да, но смерть мне совсем не по душе, особенно сейчас,— возразил Мунглум.— Кстати, в Бакшаане хорошо готовят...

Но Элрик, пришпорив коня, уже скакал вглубь леса. Мунглум вздохнул и последовал за ним.

Мунглум слышал о лесе Турус от путников с безумными глазами, топивших страх в вине, в сумраке надсокорских таверн.

— Да, это действительно лес Турус,— вздохнул коротышка.— Рассказывают, что обреченный народ освободил ужасные подземные силы и тем самым вызвал кошмарные изменения среди людей, животных и растений. Последним, что он создал, был этот лес, который последним и исчезнет. Наверное, те люди сильно обиделись на планету, давшую им жизнь.

— Это случается иногда — дети в определенном возрасте всегда ненавидят своих родителей,— бесстрастно заметил принц драконов.

— Да, но с этими детьми следует обращаться очень осторожно,— ответил Мунглум.— Говорят, они, достигнув вершин могущества, перестали бояться даже богов.

— Вот уж действительно смелые люди,— кивнул Элрик, улыбаясь.— Я могу лишь уважать их за это. И все-таки отсутствие богов и страха стало причиной не только их краха, но, возможно, и нашего упадка. Однако теперь страх и боги вернулись, и это, по крайней мере, утешает.

Мунглум задумался и ничего не ответил.

Ему было не по себе.

Весь лес был полон шорохов и невнятных звуков, хотя друзья знали, что здесь нет никакой живности. Отсутствие птиц, животных и насекомых настораживало и тревожило.

И хотя Мунглум не особенно жаловал лесное зверье, в этом гнетуще мрачном месте он, без сомнения, только порадовался бы его появлению.

Дрожащим голосом он запел, в надежде, что это поможет сохранить бодрость духа и развеет мысли об опасности.

Я зубоскал, и перед толпой
Со мной не валяй дурака.
Хотя я и мал, и совсем не герой,
Но слава моя велика.

Мунглум пел, пока к нему не вернулось хорошее настроение. Он ехал с человеком, которого считал другом, человеком, обладавшим над ним особой властью, хотя ни один из них никогда не признался бы в этом.

Элрик улыбнулся словам песенки Мунглума.

— Если ты надеешься отпугнуть врагов, Мунглум, петь о своем маленьком росте и отсутствии отваги не очень-то разумно.

— Нет, так я предотвращаю нападение,— ответил коротышка не задумываясь.— Если я пою о том, что я слабый, мне нечего бояться. Вот если бы я хвастал мужеством, любой оценил бы это как вызов и захотел бы проучить меня.

— Что ж, пожалуй, верно,— одобрил Элрик.— Хорошо сказано.

Элрик, то и дело останавливаясь, показывал на цветы и листья, он говорил об их неестественной окраске и строении, употребляя слова, которых Мунглум никогда ранее не слышал. Альбиноса, казалось, не мучили страхи, которые теснились в душе жителя Востока. Но Мунглум знал, что выражение лица Элрика может быть обманчивым.

* * *

Они сделали привал. Элрик перебрал собранные листья и травы и аккуратно сложил их в кошель на поясе, ничего не сказав об этом своему спутнику.

— Поехали,— позвал он Мунглума.— Тайны Туруса ждут нас.

Но вдруг голос, женский голос, донесся из темноты.

— Повремените с отъездом, незнакомцы.

Элрик придержал коня и положил руку на эфес Буреносца. Низкий глубокий голос заставил его на мгновение затаить дыхание. Элрик почувствовал, что стоит на развилке дорог судьбы, но куда ведут эти дороги, он не знал. Альбинос насторожился и замер, вглядываясь в чащобу, откуда доносился голос.

— Очень любезно с вашей стороны давать нам советы,— резко сказал он.— Но покажитесь и объясните нам...

Она выехала из тьмы на могучем черном скакуне. У Мунглума вырвался вздох восхищения: женщина, несмотря на крупные черты лица, была прекрасна. То, как она сидела на коне, указывало на благородное происхождение. В ее серо-зеленых глазах светились гордость и доверчивость молодости. Красавице было не больше семнадцати лет.

Элрик нахмурился.

— Вы путешествуете в одиночку?

— Теперь, увы, да,— ответила она, с удивлением взглянув на бледное лицо альбиноса.— Я нуждаюсь в помощи и защите... В людях, которые проводили бы меня в Карлаак. Там их достойно вознаградят.

— Карлаак в Плачущей пустыне? Он находится по другую сторону Илмиоры, в неделе быстрой езды отсюда,— пробормотал Элрик.— Нас нельзя купить, госпожа. Мы — дворяне, по крайней мере, у себя на родине.

— Тогда вы связаны узами рыцарства и не можете отказать даме в ее просьбе.

Элрик резко рассмеялся.

— Узами рыцарства, госпожа? Мы родились не в королевствах Юга и поэтому не придерживаемся странных кодексов чести и правил поведения. Мы дворяне древних родов и руководствуемся лишь собственными прихотями. Вы не решились бы просить нашего покровительства, если бы знали наши имена.

Она провела язычком по губам и робко спросила:

— Так вас зовут?..

— Элрик из Мелнибонэ, госпожа. На Западе меня называют убийцей женщин... А это — Мунглум из Элвера. И у него совершенно нет совести.

Красавица нахмурилась.

— Я слышала легенды о белолицем грабителе-колдуне с адским мечом, который похищает у людей души...

— Да, все верно. Однако даже в этих историях нет и десятой доли правды об альбиносе-колдуне. Ну а теперь, госпожа, вы все еще ждете от нас помощи? — голос альбиноса звучал мягко, и в нем не таилось скрытой угрозы. Элрик видел, что девушка напугана, хотя и пытается не показать этого.

— У меня нет выбора. Я целиком в вашей власти. Мой отец, старший сенатор Карлаака, очень богат. Вы знаете, что Карлаак называют городом нефритовых башен, и знаете, что у нас есть и нефрит, и янтарь. Я уже говорила, но повторю еще раз — вас достойно вознаградят.

— Будьте осторожны, меня легко рассердить,— предостерег ее Элрик, хотя светлые глаза Мунглума при словах девушки алчно сверкнули.— Я ведь уже сказал, что нас нельзя купить. А кроме того,— угрюмо улыбнулся альбинос,— я сам родом из погибшего Имррира, Грезящего города на острове драконов, и я знаю, что такое настоящая красота. Ваши камешки не заставят сильнее биться сердце того, кто видел молочное сердце Ариоха, ослепительное великолепие Трона-Рубина и причудливые переливы Акторианского камня в кольце королей. Эти вещи более, чем просто драгоценности, госпожа, они содержат в себе суть вселенной.

— Прошу вас, извините меня, господин Элрик, и вы, Мунглум из Элвера.

Альбинос рассмеялся почти добродушно.

— Судьба помогла нам покинуть Надсокор, и мы в долгу перед ней. Мы проводим вас в Карлаак, а прогулку по лесу Турусу совершим в другой раз. А теперь, когда мы назвали свои имена, возможно, и вы будете столь любезны представиться нам и расскажете свою историю.

— Я — Зайра из Карлаака, дочь Воашуна, который принадлежит к самому могущественному роду в юго-восточном Илмиоре. У нас есть родственники в торговых городах на побережье Пикарауда. Я с дядей и двумя кузенами отправилась навестить их...

— Опасное путешествие, госпожа Зайра...

— Да, конечно... Две недели назад мы распрощались с нашими родственниками на побережье и отправились домой.

Пересекая Вилмир, мы наняли проводников, чтобы объехать Надсокор стороной. Мы слышали, что в городе нищих не очень жалуют честных путешественников.

Элрик улыбнулся.

— И нечестных тоже.

Было видно, что девушке тяжело связать добрые шутки альбиноса с его репутацией злодея.

— Мы обошли Надсокор стороной и добрались до границ Орга там, где разросся ужасный лес Турус,— продолжала она.— Мы ехали по краю леса с большими предосторожностями, зная о дурной репутации Орга, и все-таки попали в засаду. Наши проводники покинули нас.

— Попали в засаду? — вмешался Мунглум.— Но кто это мог быть, госпожа?

— Если судить по их отвратительным лицам и фигурам, они похожи на местных обитателей. Они напали на наш караван. Мои дядя и братья храбро сражались, но были убиты. Один из братьев успел ожечь кнутом моего скакуна, и тот помчался так, что я не могла его остановить. Я слышала позади ужасные крики, но когда мне удалось успокоить коня, оказалось, что я заблудилась. Я слышала, как вы приближались, и от страха притаилась, чтобы вы прошли мимо, так как думала, что вы тоже из Орга. Но ваши разговоры разубедили меня. И я решила, что вы не откажете мне в помощи.

— Вы правы, госпожа,— вздохнул Мунглум, галантно кланяясь.— Тем более, что я в долгу перед вами, ибо вы отговорили Элрика углубляться в этот ужасный лес. Я искренне скорблю по вашим погибшим родственникам и спешу заверить, что теперь мы будем заботиться о вас и защитим нашими мечами, а при необходимости и колдовством.

— Будем надеяться, что это не потребуется,— хмуро произнес Элрик.— Интересно, почему сейчас ты говоришь о колдовстве с такой легкостью, хотя ненавидишь меня всякий раз, когда я прибегаю к его помощи?

Мунглум усмехнулся.

— Я утешаю молодую госпожу, Элрик. И, поверь мне, бывали случаи, когда я радовался, что у тебя есть этот ужасный дар. А сейчас я предлагаю разбить лагерь и отдохнуть, чтобы на заре отправиться дальше.

— Согласен,— кивнул Элрик, со смущением глядя на девушку. Он почувствовал, как к его горлу подступил ком.

Девушка, казалось, тоже очарована альбиносом. Судьба не зря свела их на лесной тропинке. Они и сами догадывались об этом.

* * *

Подкралась ночь. В этих краях дни были короткими. Пока Мунглум, нервно поглядывая по сторонам, разводил костер, Зайра в поблескивающих богатых одеждах подошла к Элрику, который, сидя на земле, разбирал травы. Заметив, что альбинос поглощен своим делом, она принялась разглядывать его с откровенным любопытством.

Элрик посмотрел на девушку и открыто улыбнулся.

— Некоторые из них,— заговорил он, указывая на травы,— целебные. С помощью других можно вызвать духов. А вот эти необходимы для приготовления отвара, который придаст человеку необычайные силы, хотя в больших количествах способен лишить его рассудка. Все эти травы пригодятся мне.

Зайра присела рядом с альбиносом.

— Скажите мне, Элрик, вы действительно тот ужасный человек, который приносит всем несчастье? Мне очень трудно в это поверить.

— Я принес зло многим, но почти всегда зло сначала причиняли мне,— ответил альбинос.— Я не ищу себе оправдания, потому что знаю, что не только кровью злодеев и кровожадных подлецов обагрил свои руки. На моей совести смерть многих прекрасных людей, смерть моей двоюродной сестры, женщины, которую я любил... Я — ее убийца, я... или мой меч.

— А вы господин своему мечу?

— Да... может быть. Я часто задаю себе этот вопрос. Без меча я беспомощен,— он сжал эфес Буреносца.— Я должен быть благодарен этому черному клинку.

— Простите, если я невольно пробудила неприятные воспоминания...

— Не извиняйтесь, Зайра. Не вы причина моей боли.

Он быстро поднялся.

— Мунглум, костер будет гореть всю ночь?

— Конечно, Элрик.

Коротышка склонил голову набок. Не в привычках альбиноса было задавать пустые вопросы. Но Элрик больше ничего не сказал, и житель Востока, пожав плечами, отвернулся.

Элрик посмотрел на Зайру и спокойно заявил:

— Я — вор и убийца, недостойный...

— Господин Элрик, я...

— Тебе вскружили голову легенды и окружающий меня ореол таинственности, вот и все.

— Нет! Если вы чувствуете то же, что и я, тогда поймете, что это совсем другое — нечто большее...

— Вы молоды...

— И при этом я достаточно взрослая.

— Будьте осторожны, я должен следовать предначертанной мне свыше судьбе.

— Вашей судьбе?

— Наверное, это все-таки не судьба, а кошмар, который зовется роком. Я никогда никому не сочувствую, кроме тех моментов, когда вижу нечто похожее в глубине своей души. Тогда во мне появляется сострадание и я поддаюсь ему. Но я ненавижу заглядывать в свою душу, и в этом вижу указующий перст рока, предопределенности, движущей мною. И дело тут вовсе не в удаче и не в расположении звезд, не в людях, не в демонах и не в богах. Посмотри на меня внимательно, Зайра. Это я — Элрик, всего лишь податливая игрушка в руках богов времени — Элрик из Мелнибонэ, который повинен во многих преступлениях.

— Но это самоубийство!

— Да, причем самоубийство наиболее греховного вида, ведь я обрек себя на медленную смерть. И тем, кто идет по жизни рядом со мной, тоже суждено страдать.

— Элрик, чувство вины гложет вас и лишает рассудка.

— Потому что я виновен.

— И все-таки вы позволили Мунглуму сопровождать вас?

— Он не похож на других и очень уверен в себе.

— Я тоже, Элрик...

— Ваша самоуверенность — это самоуверенность юности, госпожа.

— Вы думаете, с возрастом это пройдет?

— Вы сильная. Такая же сильная, как и мы. И это восхищает меня.

Она медленно поднялась, затем осторожно и ласково коснулась его плеча.

— Тогда покоритесь, Элрик из Мелнибонэ.

И он покорился: нежно обнял ее и поцеловал.

Впервые Циморил из Имррира была забыта, когда они опустились на мягкий торф, не замечая Мунглума, который чистил свою саблю, в душе завидуя Элрику.

* * *

Они все спали, а огонь затухал.

Элрик, утонувший в радости, забыл, что надо быть настороже, а Мунглум, привыкший полагаться только на себя, не спал очень долго, но сон все-таки сморил и его.

За уродливыми деревьями появились темные фигуры.

Жители Орга медленно подкрадывались к спящим путешественникам.

В какой-то миг Элрик открыл глаза и пристально посмотрел в спокойное лицо Зайры, а затем, отведя взгляд, заметил опасность. Он перекатился на другой бок и вытащил рунный клинок из ножен. Меч загудел, словно негодуя, что его разбудили.

— Мунглум, опасность! — крикнул альбинос в волнении, потому что теперь он должен был защищать нечто большее, чем собственную жизнь. Коротышка вскинул голову. У него на коленях лежала кривая сабля, и он вскочил, бросившись на подмогу Элрику. Враги приближались.

— Извини меня,— пробормотал Мунглум.

— Это моя вина, я...

Воины Орга кинулись на них. Элрик и Мунглум заслонили собой девушку. Проснувшись, Зайра даже не вскрикнула. Она посмотрела по сторонам в поисках оружия. Но не найдя ничего подходящего, осталась лежать. Это было единственное, что ей оставалось делать.

Дюжина визжащих существ, вооруженных длинными тяжелыми мечами, ринулась на Элрика и его спутника.

Буреносец засвистел, рассекая воздух, и отрубил голову одному из нападавших. Несчастный свалился, заливая кровью и без того затухавший костер. Мунглум, поднырнув под занесенный над ним меч, поскользнулся и, падая, рубанул противника по ногам. Тот рухнул на землю, пронзительно воя. Продолжая лежать, коротышка пронзил сердце еще одному врагу. Затем, вскочив, вновь встал рядом с Элриком. Зайра замерла у них за спинами.

— Коней! — крикнул ей Элрик.— Если это не опасно, попытайся привести коней!

В живых оставалось еще семь противников. Мунглум застонал, когда меч нападавшего рассек его левую руку. Коротышка перерезал глотку одному человеку, а потом, развернувшись, отсек голову другому. Теперь Элрик и Мунглум сами атаковали. Левую руку Мунглума заливала кровь и все же он, морщась от боли, вытащил кинжал и, отразив удар саблей, убил кинжалом еще одного противника.

Элрик, держа огромный меч обеими руками, сметал всех на своем пути. Зайра подбежала к коням и, вскочив в седло, привела их своим защитникам. Элрик отбил очередную атаку, запрыгнул на коня, радуясь собственной предусмотрительности — еще с вечера он велел оставить коней оседланными. Мунглум присоединился к нему, и они втроем поскакали прочь.

— Седельные сумки! — воскликнул Мунглум.— Мы забыли седельные сумки!

— Ну и что с того? Не испытывай судьбу, друг мой...

— Но там осталось все наше добро!

Элрик с облегчением засмеялся.

— Мы добудем себе еще много золота и драгоценностей, приятель! Не стоит так переживать.

— Я знаю тебя, Элрик. Ты не ценишь того, что имеешь.

Но даже Мунглум радостно засмеялся, когда они, пустив коней рысью, оставили позади взбешенных врагов.

Элрик подъехал к Зайре и обнял ее.

— Ты отважна, как и должна быть дочь благородного рода,— сказал он.

— Благодарю тебя,— ответила девушка, польщенная его словами.— Но у нас в роду нет таких воинов, как ты и Мунглум. Вы великолепно сражались!

— Только благодаря мечу,— отмахнулся альбинос.

— Нет. Только благодаря тебе. Думаю, без тебя этот адский клинок ничего не стоит.

— Но он мне необходим.

— Для чего?

— В нем заключена моя сила. А теперь он придает силы и тебе.

— Я не вампир,— улыбнулась красавица.— Я не нуждаюсь в ужасной силе меча.

— Зато мне она необходима,— спокойно ответил Элрик.— Ты бы не полюбила меня, если бы меч не давал мне то, в чем я так нуждаюсь. Без него я похож на медузу, выброшенную на берег.

Дальше ехали молча.

Много позже, во время привала, Зайра приложила травы, которые ей дал Элрик, к ране Мунглума и перевязала руку коротышке.

Принц драконов был задумчив. Лес шумел, и в шелесте листьев чувствовалась угроза.

— Мы в самом сердце Туруса,— наконец объявил Элрик.— И наше намерение обойти лес стороной не осуществилось. Поэтому, я думаю, нам следует навестить короля Орга и этим завершить наш визит в Турус.

— Может, отправим вперед наши мечи? — рассмеялся Мунглум.— Или сами свяжем себе руки?

— Я не шучу! — мрачным голосом объявил Элрик.— Мы должны отплатить жителям Орга. Они убили дядю и двоюродных братьев Зайры. Они ранили тебя. Наконец, они захватили наше добро. И к тому же они глупы, так что обмануть их будет несложно.

— Ну-ну. Король обязательно заплатит нам: за то, что мы начисто лишены здравого смысла, он велит поотрывать нам руки и ноги.

— Мунглум, я настроен решительно. Думаю, нам следует поехать к королю.

— Я согласен с тобой в одном — наше добро нужно вернуть. Но мы не должны рисковать жизнью молодой госпожи, Элрик!

— Я — будущая жена Элрика, Мунглум. И если он отправится к королю Орга, я поеду вместе с ним.

Мунглум нахмурился.

— Не торопишься ли ты?

— Друг мой, Зайра говорит правду. Мы все отправляемся в Орг, а мое волшебство оградит нас от любого королевского гнева.

— Ах, все-таки ты ищешь смерти и мести, Элрик,— покачал головой Мунглум, оседлав своего коня.— Ладно, ты знаешь, я пойду тем путем, который ты выберешь, потому что этот путь обычно приводит к богатству. Ты можешь считать, что навлекаешь на головы своих спутников несчастье, но я-то считаю, что это не так.

— Смертями я сыт по горло,— улыбнулся Элрик.— И все же, надеюсь, мы сможем отомстить.

— Скоро встанет солнце,— отозвался Мунглум.— Цитадель Орга в шести часах езды отсюда, если держать курс на юго-восток. Надеюсь, карты, которые я видел в Надсокоре, не врут.

— Дружище, у тебя дар — ты никогда не собьешься с пути. В каждом караване должен быть такой человек, как ты.

— Все мировоззрение жителей Элвера основывается на звездах. Мы считаем, что в них сокрыто все, что должно произойти на Земле. Когда звезды вращаются вокруг нашей планеты, они видят все — ее прошлое, настоящее и будущее. Они — наши истинные боги.

— Боги, которые, по крайней мере, могут предсказывать судьбы,— подытожил Элрик, и они поскакали к Оргу, легкомысленно недооценивая нависшую над ними опасность.

Глава 2
ЦИТАДЕЛЬ ОРГА

Мало кто что-нибудь знал о крохотном королевстве Орг. Известно лишь то, что ужасный лес Турус разросся, поглотив королевство целиком. Обитатели Орга были неприятными, уродливыми людьми маленького роста. Легенды рассказывали, что они являлись прямыми потомками обреченного народа, который уничтожил Землю в этом измерении в прошлом цикле времени. Правители Орга, однако, внешне походили на обычных людей, хотя их разум казался еще более изуродованным, чем тела их подданных.

Немногочисленные жители королевства жили уединенно. Правил ими король, обитающий в замке, также нареченном Орг.

Именно туда и направлялся Элрик со своими друзьями. По дороге он посвятил их в свои планы.

Дело в том, что Элрик нашел в лесу особенные травы, которые, после прочтения над ними соответствующих заклинаний, давали человеку временную неуязвимость. Эти заклинания меняли структуру тела так, что оно могло выдержать любые нагрузки, в том числе и удары. Элрик попытался объяснить, как травы и заклинания воздействуют на организм, но его спутники, не посвященные в тайны черного искусства, мало что поняли из сказанного.

* * *

Путешественники сделали привал, когда, по словам Мунглума, до замка оставался лишь час езды, и Элрик занялся приготовлением снадобья.

Сидя у маленького костра, альбинос налил в ступку немного воды, накрошил туда траву и все тщательно перетер. Потом поставил смесь на огонь и, когда она закипела, начертал на земле древние руны:

Кровь и кость, и плоть, и жилы
Сольются вновь и будут живы.
Радость жизни зелье даст,
Сохранит от порчи нас!

Элрик пел, и над огнем появилось розовое облачко, которое, колеблясь, вытягивалось в спираль. Жидкость забурлила.

— Старое доброе заклинание. Оно столь примитивно, что я с трудом вспомнил его, тем более, что травы для этого колдовства растут лишь в Турусе, и поэтому я не могу часто пользоваться им.

Снадобье затвердело, и Элрик разломал его на маленькие кусочки.

— В больших количествах это яд,— предупредил он.— Но сейчас мы должны рискнуть, хотя бы для того, чтобы на несколько часов стать неуязвимыми.

Он протянул своим спутникам по кусочку. Те, замявшись на мгновение, взяли снадобье.

— Примем его под стенами замка или в том случае, если обитатели Орга нападут на нас раньше.

Они вскочили на коней и продолжили путь.

* * *

...В нескольких милях к юго-востоку, в сердце Туруса, слепец затянул во сне песню и от этого проснулся...

* * *

Они достигли замка в сумерках. Протяжные окрики донеслись сверху, с башен, окружавших цитадель королей Орга. Крепостная стена напоминала скалу, истекающую влагой и покрытую хлопьями рыжего лишайника со свисающими склизкими нитями. У ворот, через которые с трудом мог проехать всадник, было по колено зловонной грязи.

— Что привело вас к королевскому двору Гутерана могучего?

Они не видели того, кто задал этот вопрос.

— Мы ищем встречи с вашим королем,— бодро ответил Мунглум.— Мы привезли в Орг важные новости.

Из-за башни выглянул незнакомец с перекошенным лицом.

— Что ж, входите, чужестранцы, мы приветствуем вас,— весьма недружелюбно сказал он.

Тяжелые деревянные ворота поднялись, открывая проход, и кони, понукаемые всадниками, медленно побрели по грязи во двор замка.

Черные лохматые облака мчались по серому небу, словно торопились покинуть пределы Орга и отвратительный лес Турус.

Двор был залит такой же вонючей грязью, как проезд ворот. Туда падала тяжелая недвижимая тень. Справа от Элрика вздымалась лестница, ведущая ко входу в виде арки, заросшей тем же омерзительным лишайником, что и крепостные стены цитадели, и деревья в лесу Турус.

Отодвинув свисающий лишайник рукой, бледной, с пальцами, чрезмерно унизанными кольцами, под аркой появился

высокий человек. Остановившись на верхней ступени, мужчина исподлобья уставился на путешественников. По сравнению с остальными жителями этих мест он имел статную фигуру, благородные черты лица и массивную голову с гривой таких же белых, как у Элрика, волос, однако давно немытых и нечесаных. Незнакомец был одет в тяжелую стеганую куртку из тисненой кожи и килът длиною до лодыжек. На поясе у него висел кинжал с широким лезвием. Мужчина был старше Элрика, и его рябое волевое, хотя и несколько порочное, лицо покрывала паутина шрамов.

Молча и подозрительно осмотрел он путников и вместо приветствия жестом приказал стражникам у ворот закрыть проход. Со скрежетом ворота опустились, отрезая друзьям путь к отступлению.

— Убейте этих мужчин, женщину не трогайте,— приказал человек глухим бесцветным голосом.

Элрик слышал, как такими голосами разговаривают мертвецы.

Элрик и Мунглум встали рядом с Зайрой, положив руки на оружие.

К ним неуклюже приближались воины, размахивающие большими мясницкими ножами. Элрик вздрогнул, когда блестящее лезвие, ударившись об его руку, зазвенело. Мунглум тоже испытал слабый шок.

Нападающие поспешно отступили в изумлении, и ужас был написан на их лицах.

Глаза короля расширились. Он поднял руку, поднес ее ко рту и прикусил унизанный кольцами палец.

— Они неуязвимы для нашего оружия, король. Кто они?

Элрик расхохотался.

— Мы не простые люди, малыш. Мы — вестники богов, и пришли к тебе, король, с посланием от наших повелителей. Не бойся, мы никому не причиним вреда, потому что никто не может причинить его нам. Итак, мы ждем, когда вы поприветствуете нас должным образом.

Элрик ясно видел, что король Гутеран хотя и был озадачен, но не поверил словам пришельцев. Элрик понимал, что король, безумен он или нет, все равно намного умнее всех своих подданных.

— Приветствую тебя, король Гутеран. Боги скоро вернутся в Орг и желают, чтобы ты знал это,— продолжал альбинос.

— В Орге уже целую вечность не было богов,— глухо отозвался Гутеран, поворачиваясь лицом ко входу-арке.— С чего бы это они вдруг обратили свой взор на наше королевство? И почему мы опять должны им поклоняться?

— Король, ты дерзишь!

— Ты тоже. Как я могу быть уверен, что вас послали боги?

Гутеран двинулся вперед, жестом приглашая остальных следовать за ним. Они вступили в зал.

— Ты видел, что мы неуязвимы для оружия твоих людей,— заметил Элрик.

— Что ж, верно... Будем пока рассматривать это как доказательство. Думаю, стоит устроить пир в вашу честь... Я распоряжусь... Добро пожаловать, посланники.

Король говорил так, что невозможно было понять — шутит он или говорит серьезно.

Элрик отбросил назад тяжелый плащ и как бы невзначай заметил:

— Мы отметим твою доброту к нашим повелителям.

* * *

Дворец оказался настоящим лабиринтом мрачных залов, и хотя Элрик обрушил на Гутерана множество вопросов, король предпочел либо отмалчиваться, либо отвечать уклончиво и туманно. Путешественников не проводили во внутренние покои, чтобы они могли отдохнуть, и им пришлось провести несколько часов в тронном зале. Гутеран все время был с ними. Приказав накрыть столы, он сел на трон и опять принялся покусывать палец, не обращая внимания на гостей.

— Поразительное гостеприимство,— прошептал Мунглум.

— Элрик, как долго продлится действие снадобья? — Зайра придвинулась к альбиносу. Элрик обнял ее за плечи.

— Не знаю. Думаю, скоро закончится. Но оно ведь уже сослужило свою службу. Сомневаюсь, что они рискнут еще раз напасть на нас, но все равно будь осторожна.

Тронный зал, опоясанный галереей, казался самым высоким и большим помещением во дворце. Было холодно и зяб-

ко — огонь в каминах не горел, а из голых каменных стен, изъеденных временем, постоянно сочилась вода. Полы не были застланы коврами, и на каменных плитах валялись лишь куски гниющей пищи и обглоданные кости.

— Едва ли можно гордиться таким домом,— заметил Мунглум, брезгливо поглядывая по сторонам, останавливая время от времени взгляд на короле, который, казалось, забыл о присутствии гостей.

По залу неуклюже протопал слуга и что-то шепнул своему господину. Гутеран кивнул, поднялся и покинул тронный зал.

Вскоре появились несколько человек и принялись неторопливо расставлять принесенные столы и скамьи.

Начался пир. Три гостя сидели рядом, по правую руку от короля, на груди которого сверкала украшенная драгоценными камнями цепь — символ власти. Сын Гутерана и несколько бледных женщин королевского рода, не обменявшись ни единым словом, расположились слева от монарха.

Принц Гурд — молодой человек со скучающим лицом, на котором застыла гримаса недовольства — жадно накинулся на плохо приготовленное мясо, запивая его большим количеством теплого крепкого вина.

— И все-таки, что боги хотят от бедных жителей Орга? — поинтересовался Гурд, не сводя глаз с Зайры.

— Им от вас ничего не нужно, они жаждут лишь признания,— ответил Элрик.— Когда это произойдет, боги вернутся и помогут вам.

— И все?! — Гурд захохотал.— Это намного больше, чем могут предложить те — из холма... Верно, отец?

Гутеран медленно поднял голову и посмотрел на сына.

— Да,— пробормотал он, и в тоне звучало предостережение.

— Холм? Что это? — спросил Мунглум. Ответом было молчание. А потом у самого входа в зал раздался резкий смех. Высокий костлявый человек, похожий на Гутерана, стоял там, перебирая струны лютни.

Гурд с ненавистью произнес:

— Смотри, отец, явился твой братец — слепой Виркад. Он собирается спеть нам?

— Спеть?

— Отец, он будет петь нам свои баллады?

Губы Гутерана дрогнули и скривились.

— Надеюсь, он развлечет наших гостей какой-нибудь героической балладой, если захочет, конечно, но...

— ...но у него есть и другие песни,— злобно захихикал Гурд. Казалось, он намеренно мучит отца, намекая на что-то, но Элрик никак не мог понять, о чем идет речь.

— Ну же, дядя Виркад, спой нам! — повелительно крикнул слепцу Гурд.

— Здесь есть чужестранцы? — глухим голосом спросил Виркад, заглушая стон струн.— Чужестранцы в Орге?

— Мы по достоинству оценим твою музыку, менестрель,— сказал Элрик.

— Тогда я спою вам о трех королях во тьме. Послушайте ужасную историю королей Орга.

— Нет! — крикнул Гутеран, но Виркад уже запел.

Во тьме лежат три короля,
Забывшись хладным сном...
Гутеран из Орга и я,
А третий — под холмом...

Восстанет третий?.. И когда?..
Когда другой уйдет...

— Довольно! — Гутеран вскочил. Побледневшее лицо было искажено гневом. Он наотмашь ударил брата. Менестрель упал на пол и остался недвижим.

— Уберите его! — завизжал король, и пена выступила у него на губах.

Гурд перепрыгнул через стол и взял отца за руку.

— Ну-ну, успокойся, отец. Мы можем развлекаться и по-другому.

— Ты!!! Ты хочешь захватить мой трон! Ты притащил сюда Виркада, чтобы он спел эту ужасную песню! Ты знаешь, что я не могу слышать ее...

Он в ужасе уставился на дверь.

— Когда-нибудь предсказание сбудется, и король из-под холма вернется. Тогда и я, и ты, и Орг... все погибнет.

— Полно, отец,— улыбнулся Гурд.— Заставь лучше женщину, посетившую нас, исполнить танец богов.

— Что?

— Пусть женщина станцует для нас, отец.

Элрик услышал это. Но действие снадобья уже наверняка кончилось, а передать своим спутникам следующую порцию на виду у всех он не мог. Тогда Элрик поднялся.

— Что за кощунственные речи, принц?

— Мы развлекали вас. Согласно обычаям Орга теперь гости должны развлечь хозяев.

В этот миг Элрик горько пожалел о своей затее, но изменить что-либо было уже поздно. Он собирался, прикрываясь именем богов, лишь получить дань, но эти безумные люди больше боялись реальных опасностей, нежели гнева богов.

Элрик совершил ошибку, и теперь он и его друзья оказались в опасности. Что он мог сделать?

Зайра пробормотала:

— Я училась танцевать в Илмиоре, где все женщины изучают это искусство. Позволь мне станцевать. Может быть, это успокоит их.

— Один Ариох знает, как нам сейчас тяжело. Я поступил очень глупо, когда поддался желанию отомстить. Хорошо, Зайра, станцуй для них, но будь осторожна.— Элрик повернулся к Гурду и произнес: — Наша спутница будет танцевать для вас. Затем вы должны будете заплатить дань. Наши повелители не любят ждать.

— Дань? — Гутеран пристально посмотрел на Элрика.— Ты ничего не говорил об этом.

— Ваше признание богов должно выразиться в подношении драгоценных камней, король Гутеран. Я думал, ты понимаешь это.

— Вы больше похожи на обыкновенных жуликов, чем на посланников богов. Мы в Орге бедны, и у нас нет ничего, что могли бы отдать авантюристам.

— Последи за своими речами, король! — воскликнул Элрик, и эхо повторило его слова.

— Мы хотим увидеть танец, а затем уж обсудим все, что ты нам сказал.

Элрик сжал под столом руку Зайры, успокаивая девушку.

Она уверенно вышла в центр зала и показала старинные прекрасные танцы Илмиоры, восхитившие даже недалеких обитателей Орга.

Пока она танцевала, гостям поднесли огромную золотую чашу с вином.

Перегнувшись через стол, Гурд объявил Элрику:

— Чаша гостей — таков наш обычай. Гости пьют из нее во имя дружбы.

Элрик кивнул Гурду, мешавшему ему следить за прекрасным танцем. Он не мог оторвать глаз от Зайры. В зале повисла мертвая тишина.

Гурд передал чашу альбиносу, и тот рассеянно поднес ее к губам. Заметив это, Зайра вскочила на стол и, танцуя, приблизилась к принцу драконов. Едва Элрик сделал первый глоток, девушка вскрикнула и ногой выбила чашу из его рук. Вино обрызгало Гутерана и Гурда, и оба вскочили со своих мест.

— Элрик, вино отравлено! Они хотят убить тебя!

Гурд размахнулся и ударил девушку по лицу.

— Дрянь! Посланникам богов не может повредить яд!

Взбешенный Элрик отшвырнул Гутерана и нанес мощный удар Гурду, у которого сразу же пошла кровь горлом. Но яд уже начал действовать. Гутеран что-то кричал. Мунглум выхватил свою саблю.

Все поплыло перед глазами Элрика, и он покачнулся. Он видел, как слуги короля схватили Зайру, но Мунглума уже не мог разглядеть. Потом он почувствовал сильную тошноту и понял, что не способен даже шевельнуть пальцем.

Собрав все силы, Элрик одним ударом повалил Гурда на пол. А затем рухнул рядом с ним.

Глава 3
ХОЛМ

Вокруг запястий Элрика сжимались холодные тиски цепей, и мелкая морось, падая на лицо, заставляла саднить кожу там, где ногти Гурда расцарапали ее.

Он огляделся по сторонам. Его подвесили на цепях меж двух каменных менгиров, воздвигнутых на огромном погребальном кургане. Наступила глубокая ночь, и бледная луна парила в небесах. Альбинос опустил взгляд и увидел группу людей, среди которых стояли и Гурд, и Гутеран. Они издевательски улыбались.

— Прощай, посланник богов! Ты окажешь добрую услугу, ублажив тех, кто лежит под холмом! — крикнул Гурд, поспешно отправляясь с остальными к замку, темный силуэт которого виднелся неподалеку.

«Где он? Что случилось с Зайрой?.. А что с Мунглумом? Почему его приковали здесь, на...— память и способность мыслить вернулись к альбиносу,— ...холме?»

Беспомощный в крепких цепях, он содрогнулся и отчаянно попытался разорвать оковы, но те не поддавались. И вдруг он услышал наводящий ужас топот бегущих ног и заметил какую-то нечеткую белую фигуру, метнувшуюся во мраке. Элрик дико забился, пытаясь освободиться.

* * *

В центральном зале цитадели ритуальное празднество уже перешло в исступленную оргию. Гутеран и Гурд со своими воинами до бесчувствия напились и, безумно хохоча, радовались победе.

Виркада в зале не было. Он, безмолвно стоя в коридоре, прислушивался к происходящему празднеству, и жгучая ненависть переполняла его душу. В особенности он ненавидел брата — человека, который сверг его с трона, а затем ослепил, чтобы помешать изучить колдовство, способное оживить короля из-под холма.

— Наконец-то настало время,— беззвучно прошептал слепец.

Потом он остановил проходящего мимо слугу.

— Скажи, куда отвели девушку?

— В покои короля Гутерана, господин.

Виркад отпустил слугу и ощупью стал пробираться по мрачным коридорам, пока не нашел нужную ему комнату. Тогда достал ключ, один из многих, сделанных им без ведома Гутерана, и открыл дверь.

Зайра увидела вошедшего в комнату слепца, но ничего не могла сделать. В рот ей засунули кляп, руки связали ее же собственным платьем, а после удара Гурда сил у нее почти не осталось.

Красавица знала, какую судьбу уготовили Элрику; знала, что Мунглуму удалось скрыться, и стражники до сих пор ищут его в зловонных коридорах Орга.

— Я пришел, чтобы проводить тебя к твоему другу,— улыбнулся слепой Виркад. Он резко дернул Зайру, подхватил ее на руки с силой, которую придавало ему безумие, и понес к двери. Слепец прекрасно разбирался в сплетениях коридоров Орга: ведь он здесь родился и вырос.

Неподалеку от покоев Гутерана скрывались двое — Гурд, принц Орга, негодовавший на отца, присвоившего девушку себе, и Мунглум, который стоял в тени и наблюдал за происходящим.

Гурд увидел, что Виркад куда-то понес девушку, и осторожно пошел за дядей. Мунглум последовал за ним.

Виркад выбрался из замка через маленькую боковую дверь и направился к смутно видневшемуся в сгустившейся тьме погребальному холму.

* * *

У подножия чудовищного могильного кургана кишели призраки такого же белесо-мучнистого цвета, как кожа прокаженных. Они чувствовали присутствие Элрика — очередной приготовленной для них жертвы.

Теперь Элрик все понял.

Перед ним роились создания, которых обитатели Орга боялись больше, чем богов. Это были живые мертвецы, предки тех, кто пировал сейчас в тронном зале цитадели. Возможно, они действительно были тем самым обреченным народом. Неужели именно такая судьба постигла их — никогда не знать забвения, никогда не умереть? Лишь выродиться в безмозглых упырей?

Элрик содрогнулся.

И отчаяние вернуло ему память.

Он воззвал к Ариоху, богу-демону Мелнибонэ. И голос его был мучительным воем, обращенным к угрюмому небу и страдающей земле.

— Ариох! Уничтожь цепи! Спаси своего слугу! Ариох... Повелитель мой... Помоги мне!

Упыри продолжали подбираться к беспомощному альбиносу.

— Ариох! Им же плевать на тебя! Они, именно они, отвергли тебя! Помоги мне их уничтожить!

Земля затряслась, и, погасив луну, тучи затянули небо. Но призраки, тянувшиеся к своей жертве, не остановились.

И тогда в небе появился огненный шар, а само небо, казалось, содрогнулось. С грохотом рухнули менгиры, камень их был стерт в пыль.

Зная, что теперь Ариох потребует жертв, Элрик кинулся в самую гущу белых призраков, круша их обрывками цепей. Упыри отступили и, вереща от ужаса и ненависти, ринулись вниз по кургану.

И только теперь Элрик разглядел, что под холмом находится зияющая пасть склепа, еще более черная, чем тьма вокруг. Тяжело дыша, Элрик нащупал кошель, который у него по какой-то причине забыли забрать. Вынув оттуда обломок тонкой золотой проволоки, он принялся судорожно ковыряться в замке своих оков.

* * *

Виркад тихонько хихикнул, и Зайра, услышав этот смешок, чуть не потеряла от страха рассудок. Слепец все время нашептывал ей на ухо:

— Восстанет мертвый?.. И когда?.. Когда другой уйдет... И кровь прольется как вода — и мертвый оживет... Ты и я — мы воскресим его, и месть его уничтожит моего проклятого брата. Твоя кровь, дорогая, твоя алая кровь освободит его...

Виркад почувствовал, что призраки исчезли, и решил, что они удовлетворены приношением.

— От твоего любовника много пользы,— захихикал он и ступил в склеп. Отчаяние охватило Зайру, а слепец нес ее все дальше и дальше — в самое сердце холма.

Гурд, протрезвевший от прогулки по свежему воздуху, ужаснулся, поняв, куда направляется Виркад. Могильный курган — холм короля. Все в Орге обходили это место стороной. Гурд замешкался перед входом в подземелье и вдруг увидел Элрика, высокого и грозного, спускавшегося по склону кургана, отрезая принцу путь к отступлению.

Хрипло вскрикнув, Гурд метнулся в склеп.

Альбинос услышал этот крик, но, не увидев никого вокруг, на мгновение удивился, а затем бегом бросился ко входу в подземелье.

Неожиданно из темноты выскользнул человек.

— Элрик! Хвала звездам и всем богам Земли! Ты жив!

— Благодари Ариоха, Мунглум. Где Зайра?

— Там внутри. Слепой менестрель потащил ее с собой, а Гурд последовал за ними. Они все безумны, эти короли и принцы. Я не вижу смысла в их поступках.

— Кажется, менестрель задумал что-то недоброе. Быстрее, мы должны поспешить!

— О, звезды... Какая здесь вонь! Такого запаха смерти я не нюхивал даже во время великой битвы в ишмирской долине, когда встретились армии Элвера и Калег Вогуна, принца-узурпатора Тангхенси. А ведь тогда полмиллиона гниющих трупов усеяли всю долину.

— Слушай, дружище, если ты не боишься, что тебя стошнит, и у тебя хватает мужества...

— К сожалению, у меня есть и желудок, готовый вывернуться наизнанку, и отвага, которая может завести слишком далеко. Было бы совсем неплохо, если бы отсутствовало и то, и другое... Ладно, пошли...

Они побежали по подземелью, прислушиваясь к взрывам истерического хохота Виркада и слабому шороху, сопровождавшему шаги испуганного Гурда, который оказался в ловушке между двумя врагами. Однако больше всего он боялся третьего...

Гурд ощупью пробирался по темному коридору и всхлипывал от переполнявшего его ужаса.

* * *

Виркад, окруженный мумифицированными трупами предков, стоя в таинственным образом флуоресцирующем центральном склепе, распевал заклинания перед гробом короля холма — гиганта раза в два больше Виркада. Виркад жаждал отмщения. Вот он занес длинный кинжал над Зайрой, распростертой на земле близ гроба...

Кровь девушки завершит ритуал оживления, и тогда...

...тогда разверзнется ад. Так, по крайней мере, думал Виркад. Он допел заклинание, и в это мгновение Гурд ворвался в склеп, держа в руках меч. Слепец обернулся, лицо исказила ярость.

Не колеблясь, Гурд пронзил Виркада насквозь. Но слепец в агонии сомкнул руки на горле принца. Сомкнул навечно.

Гроб короля холма начал мелко трястись и дрожать.

Искра жизни еще теплилась в Гурде и Виркаде, и они, сцепившись, раскачивались в жутком танце смерти.

В таком виде их и нашли Элрик с Мунглумом. Увидев, что смерть скоро оборвет жизни обоих, альбинос быстро проскочил склеп, добравшись туда, где лежала Зайра, потерявшая, к счастью, сознание и поэтому не видевшая всего, что творилось вокруг.

Элрик подхватил девушку и помчался вон, бросив взгляд на ходивший ходуном гроб.

— Быстрей, Мунглум! Слепой идиот разбудил этого мертвеца. Торопись, друг мой, пока адские силы не появились здесь.

Мунглум судорожно вздохнул и бегом последовал за альбиносом к свежему, чистому воздуху ночи.

— Элрик, куда мы теперь?

— Придется рискнуть и вернуться в замок. Ведь там все наши вещи, да и лошади, которые нужны нам, чтобы побыстрее убраться отсюда. Боюсь, предчувствие меня не обманывает, и здесь скоро начнется ужасная бойня.

— Не думаю, что в Орге найдется много защитников. Мне удалось так легко выбраться из замка лишь потому, что все были пьяны. А если они продолжали в том же духе, то сейчас уже наверняка не могут даже пошевелиться.

— Ладно-ладно, поторапливайся!

Они со всех ног помчались к крепости.

Глава 4
ТРИ КОРОЛЯ ОРГА

Мунглум оказался прав. В тронном зале все были погружены в пьяный сон. В каминах наконец-то развели огонь, который заставлял тени прыгать по залу.

— Мунглум, отправляйтесь с Зайрой в конюшню и приготовьте коней. А я расплачусь с Гутераном.— Элрик махнул рукой.— Ты только посмотри, они сложили добычу на стол, чтобы воочию насладиться плодами своей победы.

Сверху на груде мешков и седельных сумок, украденных у родственников Зайры, а позже у Элрика и Мунглума, лежал Буреносец.

Девушка уже пришла в себя, и поэтому отправилась с Мунглумом на поиски конюшни, а Элрик, подойдя к столу, взял адский меч и спрятал в ножны. Затем, перепрыгнув через стол, он уже было схватил Гутерана, на шее которого все еще висела усыпанная драгоценными камнями цепь, когда огромные двери зала с грохотом распахнулись и порыв завывающего ледяного ветра заставил пламя факелов танцевать. Забыв о Гутеране, Элрик обернулся.

В дверях стоял король из-под холма.

Возвращенный к жизни Виркадом, чья кровь завершила ритуал воскрешения, монарх кутался в сгнившую мантию, кости обтягивала тугая, изодранная в некоторых местах в клочья кожа. Сердце его не билось, потому что у него не было сердца; и он не дышал, потому что легкие были сожраны теми созданиями, которые питаются мертвечиной. Но все равно каким-то непостижимым и жутким образом он жил.

Король из-под холма. Он был последним великим правителем обреченного народа, который в неистовстве уничтожил половину Земли и породил лес Турус. За мертвым королем толпились бесплотные прислужники ада, похороненные вместе со своим монархом в то овеянное легендами прошлое.

Бойня началась!

Элрик мог только догадываться, что за тайное возмездие пожинало сейчас урожай, но, что бы ни породило это возмездие, опасность была все еще велика.

Элрик успел вытащить Буреносец, когда воскресшие упыри накинулись на спящих людей. Зал наполнился пронзительными криками несчастных обитателей Орга. Элрик застыл возле трона, не в силах двинуться от ужаса. Гутеран проснулся и увидел короля из-под холма и его приспешников. Едва ли не с благодарностью он воскликнул:

— Наконец-то я обрету покой!

И рухнул, умерев от разрыва сердца, так и не дав Элрику отомстить.

В памяти альбиноса зазвучала зловещая песня слепого менестреля о трех королях во тьме — Гутеране, Виркаде и короле

из-под холма. Сейчас живым оставался лишь последний, а он был мертв уже тысячи лет.

Холодные глаза короля оглядели зал и остановились на Гутеране, распростертом возле трона. Старинная цепь — символ власти — все еще висела у него на шее. Элрик успел сорвать цепь и попятился, когда король из-под холма двинулся прямо на него. Альбинос отступал, пока не уперся спиной в колонну. Вокруг него упыри праздновали свою кровавую победу.

Мертвец приблизился и со свистящим стоном, вырвавшимся из глубин его истлевшего тела, бросился на Элрика, который с отчаянием оборонялся от мертвеца, обладавшего сверхъестественной силой. Альбинос яростно рубил Буреносцем тело, из которого не текла кровь и которое не испытывало боли. Даже рунный меч ничего не мог поделать с этим кошмаром, у которого не было души, чтобы похитить ее, и крови, чтобы утолить жажду колдовского клинка.

Элрик неистово продолжал кромсать тело короля из-под холма, но зазубренные ногти мертвеца терзали его плоть, а зубы кровожадно лязгали, готовые в любой момент вонзиться в горло. В воздухе повисло невыносимое зловоние смерти, и упыри, заполонившие тронный зал, пировали живыми и мертвыми.

Затем Элрик услышал, как Мунглум зовет его, и увидел своего друга на галерее, опоясывающей зал. Коротышка обеими руками прижимал к себе огромный кувшин с маслом.

— Завлеки его поближе к центральному камину, Элрик! Может быть, так мы сможем одолеть его. Поторопись, иначе он доберется до тебя!

С бешеной энергией альбинос атаковал гигантского короля и принялся теснить его к огню. Вокруг них упыри уже дожирали последних жертв, многие из которых еще были живы. Их крики и вопли, перекрывали звуки схватки короля и принца драконов.

Наконец мертвый король остановился спиной к огню и, ничего не замечая, отражал атаки Элрика. Мунглум разжал руки и выпустил кувшин. Тот рухнул на каменную приступку перед камином и разбился вдребезги, обдав короля из-под холма вспыхнувшим маслом. Мертвец отшатнулся,

Элрик резко толкнул его — и тот упал прямо в огонь, который лихорадочно принялся пожирать мертвую плоть.

Леденящий душу вой, вопль поражения, вырвался из глотки охваченного пламенем гиганта за мгновение до того, как он канул в вечность.

Языки пламени заплясали по тронному залу, и скоро он стал подобен аду, в котором сновали упыри, не сознающие своей скорой гибели. Путь к выходу преграждал ревущий огонь.

Элрик посмотрел по сторонам и увидел, что у него осталась одна-единственная возможность выбраться отсюда.

Вложив Буреносец в ножны, он пробежал несколько футов и прыгнул вверх, ухватившись за столбики перил галереи, когда языки пламени поглотили то место, где он только что стоял.

Мунглум протянул руку и помог Элрику перебраться через перила.

— Ты разочаровал меня, дружище,— ухмыльнулся коротышка.— Ну как ты мог позабыть прихватить сокровища?

Элрик приподнял то, что крепко сжимал в левой руке,— королевскую цепь, инкрустированную драгоценными камнями.

— Надеюсь, эта безделушка хоть немного вознаградит нас за то, что пришлось пережить,— улыбнулся он.— И, клянусь Ариохом, я украл действительно уже никому не нужную вещь — в Орге больше нет королей, которым она могла бы понадобиться. Пойдем поскорее к Зайре, я хочу убраться отсюда.

Они покинули галерею в тот момент, когда каменные стены начали рушиться, завалив тронный зал камнями.

* * *

Путники быстро скакали прочь, оставив за спиной цитадель Орга. В какой-то миг оглянувшись, они увидели, как широкая трещина расколола крепостные стены, и услышали грохот, когда пламя поглотило все, что когда-то было сердцем этого проклятого королевства. Друзья разрушили родовое гнездо монархов Орга и уничтожили останки трех королей — их настоящее и прошлое. Теперь от всех ужасов Орга остались лишь опустевший погребальный холм да два трупа, которые,

сцепившись, остались лежать там, где их древние предки покоились многие столетия.

Трое друзей разрубили последнее звено, которое связывало нынешний мир с предыдущим циклом времени, и очистили Землю от древнего зла. И только ужасный лес Турус останется как последнее свидетельство прихода, существования и исчезновения легендарного обреченного народа.

И лес Турус будет предостережением.

Уставшие, но счастливые друзья смотрели на очертания Туруса вдали и на пылающий погребальный костер.

И все же Элрик казался чем-то опечален.

— Чему ты хмуришься теперь, любовь моя? — спросила его Зайра.

— Мне кажется, ты была права. Помнишь, ты говорила, что я слишком уповаю на свой рунный меч?

— Да, конечно, помню. Но еще тогда сказала, что не буду спорить с тобой из-за этого.

— У меня такое чувство, что ты была права. Ведь на холме и в склепе Буреносца со мной не было, и я все-таки сражался и победил... потому что боялся за тебя,— его голос был тих и переполнен печалью.— Может быть, я все-таки смогу поддерживать свои силы при помощи трав, собранных в Турусе, и тогда меч мне больше не потребуется?

Мунглум фыркнул от смеха.

— Элрик, вот уж никак не ожидал, что услышу от тебя такие слова. Ты сам осмелился думать о том, чтобы отвергнуть свое адское оружие. Не знаю, сделаешь ли ты это когда-нибудь, но такие мысли радуют меня.

— Ты прав, мой друг, прав.

И Элрик, склонясь в седле, обхватил Зайру за плечи, а потом притянул к себе. Так мчались они вперед. Потом Элрик поцеловал девушку.

— Наступают новые времена! — воскликнул он, и слова его подхватил ветер.— Новые времена, любовь моя!

* * *

И они, смеясь, скакали к Карлааку по Плачущей пустыне, чтобы быть представленными ко двору, разбогатеть и отпраз-

дновать самую необычную свадьбу, которая когда-либо еще праздновалась в северных землях. Потому что эта свадьба была больше, чем союз между грозным воплощением зла из легенд и юной дочерью старшего сенатора. Этот союз заключался между темной мудростью древнего мира и сияющей надеждой мира нового.

И кто мог сказать, что получится из этого?

Скоро Земля все узнает, потому что Элрик из Мелнибонэ своими деяниями породил множество легенд, и еще больше легенд будет сложено о нем потом.

Часть 13
ПРИНОСЯЩИЕ ОГОНЬ

...Чтобы защитить мир, Элрик снова вынужден будет прибегнуть к помощи черного меча, а потом он избавится от него навеки. По крайней мере он думал так...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ОРДА С ВОСТОКА

Ястребы, чьи клювы были покрыты засохшей кровью, парили высоко над землей в потоках холодного ветра. Далеко внизу под ними по Плачущей пустыне двигалась вперед конная орда.

Орда уже пересекла две пустыни и три горных хребта, но голод гнал ее дальше. Людей подстегивали истории, которые рассказывали путешественники, вернувшиеся с запада, и надежды, вселенные в них тонкогубым вождем, который ехал впереди всех, важно восседая в седле и сжимая в руке десятифутовую пику, украшенную кровавыми трофеями, добытыми в предыдущих набегах.

Всадники ехали медленно и устало, не ведая, что цель уже близка.

Далеко позади орды невысокий всадник покинул Элвер, шумную столицу восточного мира, и вскоре добрался до долины, которую совсем недавно миновало конное воинство.

На голые остовы деревьев было больно смотреть. Лошадь ступала по земле цвета пепла, когда одинокий всадник неистово гнал ее по мрачной пустыне, которая некогда была ласковым Ишмиром — золотым садом Востока.

Словно чума поразила Ишмир, словно саранча сожрала его красоту. И у чумы, и у саранчи было одно и то же имя — Терарн Гаштек, предводитель конных орд, скуластый посланник смерти; Терарн Гаштек, безумный кровопийца, который, куда бы ни ступала его нога, приносил с собой огонь. Зачастую его так и звали — Приносящий огонь.

Всадника, который воочию увидел, какое зло принес Терарн Гаштек ласковому Ишмиру, звали Мунглум. Сейчас Мунглум скакал в Карлаак, последний форпост западной цивилизации на краю Плачущей пустыни, о котором в восточных землях пока еще мало кто знал. Мунглум хотел отыскать Элрика из Мелнибонэ, который ныне спокойно жил в мирном городе у своей жены. Он отчаянно стремился как можно быстрее добраться до Карлаака, чтобы предупредить Элрика о нашествии варваров и попросить помощи.

Мунглум был плотно сбитым коротышкой с копной рыжих волос и большим ртом, который часто растягивался в широкой улыбке. Но сейчас ему было не до улыбок. Низко пригнувшись в седле, он беспрестанно пришпоривал лошадь, спеша попасть в Карлаак раньше орды. Ишмир, тихий и спокойный Ишмир, считался родиной Мунглума, в этом месте находились могилы его предков...

Сыпля проклятиями, Мунглум стремился попасть в Карлаак. Туда же направлялась и орда. Приносящий огонь добрался уже до границы Плачущей пустыни. Однако орда продвигалась вперед очень медленно — позади тащились постоянно отстающие повозки с провиантом. Но не только провизия была в обозе — в одной из повозок лежал связанный пленник и во весь голос проклинал Терарна Гаштека и его узкоглазых псов войны.

Дринидж Бара связали не только кожаными ремнями. Он слыл колдуном, могущественным колдуном, и одни кожаные ремни не смогли бы его удержать. Однако сейчас он был совершенно беспомощен, и ему оставалось лишь осыпать проклятиями Терарна Гаштека. Если бы он не поддался своей слабости к вину и женщинам в момент, когда Приносящий огонь вошел в город, Терарну Гаштеку не удалось бы завладеть его душой.

Душа же Дринидж Бары теперь находилась в теле маленького черного кота... кота, которого поймал и унес Терарн Гаштек. Как принято у чародеев Востока, Дринидж Бара спрятал свою душу в тело кота, чтобы защитить ее. А теперь он стал рабом повелителя конной орды и был вынужден повиноваться ему, иначе Приносящий огонь убил бы кота и послал бы душу колдуна в ад.

Крайне неприятная ситуация для гордого чародея, но большего он не заслуживал.

* * *

На бледном лице Элрика из Мелнибонэ остались слабые следы прошлых тревог, но он улыбался, а темно-красные глаза умиротворенно смотрели на молодую темноволосую женщину, с которой он прогуливался по садам Карлаака, разбитым на множество террас.

— Элрик,— спросила Зайра.— Ты счастлив?

Альбинос кивнул.

— Думаю, да. Мой черный рунный меч, Буреносец, медленно покрываясь паутиной, висит в оружейной твоего отца. Травы, которые я нашел в Турусе, поддерживают мои силы, глаза видят ясно, и лекарство теперь принимать надо лишь изредка. Мне больше не надо думать о путешествиях и сражениях. Я вполне доволен, посвящая все свое время тебе и изучению книг в библиотеке Карлаака. Чего еще желать?

— Ты мне слишком льстишь, мой супруг. Я ведь могу возгордиться.

Элрик рассмеялся.

— Лучше уж ты возгордишься, чем будешь мучаться в сомнениях. Не бойся, Зайра. Мне больше незачем путешествовать. Жаль, что я не удержал здесь Мунглума, но он томился в Карлааке от безделья и поэтому решил поскорее вернуться домой.

— Я счастлива, что ты наконец обрел долгожданный покой, Элрик. Мой отец сильно противился, не желая, чтобы ты поселился здесь. Он боялся черного зла, которое повсюду сопровождает тебя. Но эти три месяца доказали ему, что зло покинуло тебя. Ты больше не тот разъяренный берсеркер, каким был когда-то.

Внезапно откуда-то снизу донесся крик: какой-то человек на улице громко орал и барабанил в ворота их дома.

— Дайте войти! Будьте вы прокляты! Я должен поговорить с вашим хозяином.

На террасу выбежал слуга.

— Мой господин... там какой-то человек стучит в ворота нашего дома. Он утверждает, что ему нужно поговорить с вами и что он ваш друг.

— Как его зовут?

— У него странное, чужеземное имя — Мунглум.

— Мунглум! Недолго же он оставался в Элвере!

В глазах Зайры появился страх, и она крепко сжала руку альбиноса.

— Элрик, молись, чтобы он не принес вести, которые заставят тебя уехать отсюда.

— Нет таких вестей, которые смогли бы заставить меня куда-то ехать. Не бойся, Зайра.

Альбинос торопливо вышел из сада во двор дома. Мунглум быстро проскочил ворота и сразу же спешился.

— Мунглум, друг мой! К чему такая спешка? Хотя мы расстались не столь уж давно, я очень рад тебя видеть. Но ты очень торопишься. Почему?

Мрачное выражение лица коротышки не могла скрыть даже корка дорожной пыли. От быстрой езды одежды были полностью заляпаны грязью.

— К Карлааку приближается Приносящий огонь, который призвал на помощь колдовские силы,— задыхаясь, выпалил он.— Ты должен защитить город.

— Приносящий огонь? Это имя мне ничего не говорит... Твои слова слишком невнятны, друг мой.

— Да, ты прав. Мне трудно говорить внятно, потому что ненависть душит меня. Этот гад разграбил мои родные земли, убил семью, друзей и сейчас хочет вторгнуться в западные земли. Два года назад Приносящий огонь был обычным грабителем, каких много в пустынных землях. Но потом собрал вокруг себя орду варваров, которая украсила свой путь по восточным землям разграбленными, сожженными городами и трупами их жителей. Из всех городов Востока выстоял только Элвер — он чересчур велик даже для Приносящего огонь. Но орда превратила две тысячи миль прекрасной страны в выжженную пустыню. Приносящий огонь хочет завоевать весь мир и сейчас скачет на запад, а с ним пятьсот тысяч воинов!

— Ты говорил о колдовстве... Что может знать этот варвар о древнем искусстве?

— Сам Приносящий огонь знает очень мало, но он захватил в плен одного из наших самых могущественных колдунов, Дринидж Бару. Колдун попал к ним в руки, когда валялся

вдребезги пьяный меж двух девок в одной из таверн Пхума. Свою душу Дринидж Бара поместил в тело кота, чтобы ни один из его противников-колдунов не мог украсть ее, пока он спит. Но Терарн Гаштек — Приносящий огонь — проведал об этом, поймал кота, связал ему лапы и таким образом пленил душу Дринидж Бары. Так колдун стал рабом варвара. Если он перестанет служить завоевателю, кота убьют клинком из холодного железа, и душа Дринидж Бары прямиком отправится в ад.

— Что-то я раньше не слышал о таком колдовстве,— заметил Элрик.— По-моему, это всего-навсего суеверие.

— Кто его знает, что это такое на самом деле... Но до тех пор, пока Дринидж Бара верит в переселение душ, он будет выполнять все приказы Терарна Гаштека. Несколько гордых городов уже пали, бессильные перед его магией.

— Как далеко отсюда Приносящий огонь?

— В лучшем случае в трех днях пути от Карлаака. У меня едва хватило сил обогнать их.

— Тогда мы должны приготовиться к осаде.

— Нет, Элрик, мы должны приготовиться к бегству.

— К бегству? Но я не смогу уговорить жителей Карлаака покинуть этот прекрасный город, бросить свои жилища...

— Если они не прислушаются к твоим словам, тогда тебе придется бежать отсюда одному, захватив с собой супругу. Никто не сможет выстоять против такого врага, как орда Терарна Гаштека.

— Но я сам достаточно могущественный колдун.

— Никто из колдунов не сможет в одиночку повергнуть в бегство полмиллиона воинов, которым помогает колдовство.

— Да, Карлаак — город купцов. Тут нет воинов. Хорошо, я поговорю с советом старейшин и попытаюсь убедить их.

— У тебя остается не так уж много времени, Элрик, чтобы убедить их. Карлаак и полдня не выстоит против алчных кровопийц Терарна Гаштека.

* * *

— Они упрямы, как бараны,— вздохнул Элрик, поздно ночью вместе с Мунглумом сидя в своем кабинете.— Они отка-

зались поверить в грозящую городу опасность. Отказались покинуть Карлаак, а я не могу оставить их в беде, ведь они так хорошо отнеслись ко мне и даже сделали гражданином Карлаака.

— Тогда мы останемся здесь и умрем?

— Возможно. Похоже, у нас нет выбора. Впрочем, у меня есть одна идея. Ты говоришь, что этот колдун — пленник Терарна Гаштека. А что произойдет, если он снова обретет свою душу?

— Пожалуй, отомстит тому, кто держал его в плену. Но Терарн Гаштек не так глуп, чтобы дать ему такую возможность. Нет, из твоей идеи ничего не выйдет.

— А что, если мы поможем Дринидж Баре?

— Как? Это невозможно.

— Похоже, это — наш единственный шанс. Как ты думаешь, вождь орды знает обо мне или о моих похождениях?

— Насколько мне известно, нет.

— А тебя он может узнать?

— С чего бы это?

— Тогда, я думаю, нам стоит присоединиться к орде.

— Присоединиться к орде? Элрик, с тех пор, как мы вместе путешествовали, благоразумия у тебя не прибавилось.

— Я знаю, что делаю. Это единственный способ подобраться к Приносящему огонь и, используя хитрость и коварство, победить его. Мы отправимся на заре. Времени почти не осталось.

— Хорошо. Будем надеяться, что удача по-прежнему сопутствует тебе, но, честно говоря, я сомневаюсь в этом. Ты порвал со своим прошлым, а удача была с ним неразрывно связана.

— Поживем-увидим.

— Ты возьмешь Буреносец?

— Я надеялся, что никогда больше не воспользуюсь этим клинком — порождением ада. В лучшем случае он предаст меня, а в худшем...

— Согласен. Но, боюсь, в этом деле он будет необходим.

— Ты прав, я возьму его.

Элрик нахмурился, его кулаки сжались.

— Но тогда мне придется нарушить слово, которое я дал Зайре.

— Лучше нарушить свое слово, чем бросить Зайру на поругание орде варваров.

* * *

Элрик открыл дверь оружейной и, держа в руке горящий факел, вступил в узкий коридор, стены которого были увешаны тускло блестевшим оружием. Им не пользовались уже, наверное, лет сто. К горлу принца драконов подкатила волна тошноты.

Его сердце тяжело забилось, когда он подошел еще к одной двери и, сняв засов, вошел в маленькую комнату, где лежали заржавевшие воинские регалии давно умерших полководцев Карлаака. Там же лежал и черный меч — Буреносец. Адский клинок застонал, словно посылая приветствие своему хозяину, когда Элрик, глубоко вдохнув пыльный воздух, прикоснулся к клинку. Потом альбинос крепко стиснул пальцы на эфесе, и его тело мучительно выгнулось в кощунственном, болезненном экстазе. Лицо принца драконов скривилось, когда он вложил меч в ножны. Едва ли не бегом он кинулся прочь из оружейной, на свежий воздух.

* * *

Элрик и Мунглум, одетые как обычные купцы, сели на просто экипированных лошадей и попрощались с назойливыми старейшинами Карлаака.

Зайра поцеловала бледную руку Элрика.

— Я понимаю, что ты должен ехать,— прошептала она. Ее глаза наполнились слезами.— Но прошу тебя, будь осторожен, любимый мой.

— Постараюсь. А ты помолись, чтобы нам удалось то, что мы задумали.

— Да пребудут с тобой повелители Порядка!

— Нет... лучше молись богам-демонам Хаоса — Ариоху и Воруну, повелителям тьмы, потому что в этом деле я буду нуждаться в помощи зла. И не забудь, что должен сказать посланец, когда отправится на юго-запад и отыщет нам Дувима Слорма.

— Не забуду,— ответила Зайра.— Но меня беспокоит то, что ты снова встал на путь черного колдовства.

— Пока тебе не стоит волноваться... А позже я позабочусь о своей судьбе.

— Тогда прощай, супруг мой, и да сопутствует тебе удача...

— Прощай, Зайра. Моя любовь к тебе дала мне больше сил, чем этот адский меч.

Альбинос пришпорил лошадь и выехал за ворота, направляясь в сторону Плачущей пустыни, навстречу тревожному будущему.

Глава 2
ТЕРАРН ГАШТЕК

Там, где шли вечные дожди, на огромных пространствах торфяного плато, называемого Плачущей пустыней, они казались карликами — два всадника, которые, пришпоривая измученных лошадей, скакали под монотонный перестук капель...

Промокший и дрожащий воин пустыни, сжавшийся в напрасной попытке хоть как-то укрыться от непогоды, увидел, что в его сторону мчатся два всадника. Сквозь пелену дождя он попытался разглядеть их, а затем пришпорил свою коренастую лошаденку и быстро поскакал назад, в ту сторону, откуда приехал. Через несколько минут он добрался до большой группы воинов, одетых, как и он, в меха и железные шлемы, украшенные орнаментом. Они были вооружены короткими костяными луками. За спиной у каждого висел колчан со стрелами, а на боку — ятаган.

Воин пустыни обменялся несколькими словами со своими товарищами, и вскоре они все вместе, развернув лошадей, помчались навстречу двум всадникам.

— Далеко еще до лагеря Терарна Гаштека, Мунглум? — спросил Элрик. Он говорил задыхаясь, потому что друзья скакали весь день напролет, не сделав привала.

— Не очень, Элрик. Вскоре мы... Смотри!

Мунглум указал вперед. С десяток всадников мчались прямо на них.

— Это воины пустыни... люди Приносящего огонь. Приготовься к бою. Они не станут тратить время на переговоры.

Буреносец покинул ножны. Огромный клинок, казалось, сам рванулся вверх, дернув альбиноса за запястье, и Элрик почти не почувствовал веса тяжелого меча.

Мунглум обнажил обе сабли. Короткую он взял в руку, которой держал поводья.

Приблизившись к друзьям, воины Востока, испуская дикие воинственные крики, рассыпались полукругом. Элрик поднял лошадь на дыбы, таким варварским способом заставив ее резко остановиться, и после короткой схватки с первым противником пронзил ему горло острием меча. Когда Буреносец вошел в тело воина, в воздухе распространилось зловоние, какое обычно издает сера, и воин, судорожно попытавшись вздохнуть, умер, прекрасно сознавая свою ужасную судьбу — Буреносец пил души с таким же удовольствием, как и кровь.

Элрик с дикой яростью напал на следующего варвара и сначала отрубил ему правую руку, а затем одним ударом раздробил украшенный гребнем шлем и череп противника. Дождь и пот заливали белое напряженное лицо альбиноса, пылающие темно-красные глаза, и ему приходилось часто мигать, чтобы хоть что-то увидеть. Он чуть не выпал из седла, когда развернулся, чтобы избежать удара ятагана следующего противника. Элрик парировал удар, Буреносец скользнул вдоль клинка варвара, и резким движением кисти альбинос обезоружил противника. Затем он вонзил Буреносца в сердце варвара, и воин пустыни завыл, словно волк на луну, долго и протяжно. Он кричал, пока Буреносец пил его душу.

Лицо Элрика исказилось от отвращения к самому себе, когда он почувствовал прилив сил. Мунглум держался подальше от меча альбиноса, так как знал, что Буреносец любит души друзей Элрика еще больше, чем души его врагов.

Вскоре перед ними остался лишь один противник, Элрик разоружил его и с трудом удержал алчущий крови меч, который порывался впиться в горло воина.

Смирившись с ожидающей его ужасной смертью, человек сказал что-то на гортанном языке, который Элрик едва понял. Порывшись в памяти, альбинос сообразил, что язык варвара близок к одному из тех древних языков, которые он, как колдун, изучал много лет назад. Элрик тоже заговорил на этом языке:

— Ты — один из воинов Терарна Гаштека, Приносящего огонь?

— Верно. А ты, должно быть, белолицый демон из наших легенд? Прошу тебя, убей меня простым оружием, а не колдовским мечом.

— Я вообще не собираюсь тебя убивать. Мы приехали, чтобы присоединиться к Терарну Гаштеку. Проводи нас к нему.

Воин кивнул и поспешно сел на своего коня.

— Но кто же ты, говорящий на тайном языке моего народа?

— Меня зовут Элрик из Мелнибонэ. Тебе знакомо это имя?

Воин покачал головой.

— Нет. Но на тайном языке не говорят уже много поколений, и только шаманы знают его. Но ты не шаман — ты одет как воин.

— Мы оба — купцы... Ну, хватит болтать. Остальное я объясню твоему вождю.

Оставив трупы в подарок шакалам, они последовали за трясущимся от страха воином пустыни.

Вскоре они увидели низко стелящийся дым множества походных костров, и перед ними предстал во всей красе лагерь величайшей армии варваров.

Лагерь занимал около мили пустыни. Варвары натянули шкуры на круглые каркасы кибиток, и место походило на большое примитивное селение, в центре которого возвышался самый большой шатер, безвкусно разукрашенный пестрыми шелками и парчой.

— Это, должно быть, жилище Терарна Гаштека,— заметил Мунглум на наречии западных земель.— Посмотри, он украсил свою кибитку из плохо выделанных шкур двумя десятками боевых знамен восточных государств.— Его лицо вытянулось, когда он заметил изорванное знамя Ишмира, флаг с изображением льва, принадлежащий Окаре, и запачканные кровью стяги печального Чангшаи.

Плененный воин пустыни провел их через ряды низкорослых варваров, которые безучастно смотрели на Элрика и Мунглума и перешептывались. Рядом с аляповатым шатром Терарна Гаштека была установлена огромная пика, украшенная мно-

жеством трофеев — черепами и костями принцесс и королей Востока.

— Нельзя позволить такому человеку разрушить недавно возникшие Молодые королевства,— пробормотал Элрик.

— Молодые королевства могут сами постоять за себя,— возразил Мунглум.— Когда же они состарятся, то должны будут пасть... и зачастую для этого нужен именно такой человек, как Терарн Гаштек.

— Пока я жив, он не разрушит Карлаак и даже не дойдет до Бакшаана.

— А я с удовольствием бы пригласил его в Надсокор,— заметил Мунглум.— Город нищих заслуживает того, чтобы его посетил такой человек, как Приносящий огонь. Если мы потерпим неудачу, Элрик, то только море остановит его, а быть может, и оно окажется бессильно.

— С помощью Дувима Слорма мы остановим орду. Будем надеяться, что гонец из Карлаака быстро найдет моего родственника.

— Если его не найдут, то не знаю, каким чудом мы сможем победить полмиллиона воинов, друг мой.

— О, великий завоеватель,— закричал варвар.— О, могучий Приносящий огонь, здесь люди, которые желают поговорить с тобой.

— Проводи их сюда,— прорычал из шатра Терарн Гаштек.

Элрик и Мунглум вошли в провонявший шатер, который освещался костром, разведенным в кругу камней. Сухощавый мужчина, небрежно облаченный в яркие одежды, добытые в набегах, лениво развалился на деревянной скамье. В шатре было несколько женщин, и одна из них наливала вино в тяжелый золотой кубок, который он держал в руке.

Терарн Гаштек оттолкнул женщину в сторону, сбив ее с ног, и внимательно осмотрел вошедших. Его лицо напоминало черепа, висящие на пике возле шатра, а над впалыми щеками, прячась под густыми бровями, горели раскосые глаза.

— Кто они?

— Я не знаю, мой повелитель, но они вдвоем убили десятерых наших воинов и едва не убили меня.

— Раз ты дал себя обезоружить, то ничего, кроме смерти, и не заслуживаешь. Убирайся прочь и быстро найди себе новый

меч, иначе я позволю шаманам погадать на твоих внутренностях.

Воин быстро выскользнул из шатра.

Терарн Гаштек опять сел на скамью.

— Значит, вы убили десять моих воинов и пришли сюда, чтобы похвастаться этим? И зачем же вы их убили?

— Мы лишь защищались и вовсе не собирались с ними ссориться,— Элрик старался правильно говорить на грубом языке варваров.

— Должен признать, вы защищались довольно хорошо. У нас принято считать, что в бою один наш воин равен трем изнеженным горожанам. Сам ты с запада, я уверен в этом, но судя по лицу твоего молчаливого друга, он из Элвера. Так откуда же вы прибыли — с востока или запада?

— С запада,— ответил Элрик.— Мы наемники, путешествующие по свету и предлагающие свои мечи тому, кто хорошо заплатит нам или пообещает богатую добычу.

— И все воины Запада так же искусны, как вы? — поинтересовался Терарн Гаштек. Он внезапно понял, что, возможно, недооценивал людей, которых надеялся завоевать. И ему не удалось скрыть эти мысли.

— Мы лучше остальных,— солгал Мунглум.— Но не намного.

— А колдовство Запада... Оно сильнее нашей магии?

— Нет,— ответил Элрик.— На Западе по большей части это искусство забыто.

Тонкий рот варвара искривился в усмешке. С облегчением и триумфом он кивнул, а потом запустил руку в свои яркие, безвкусные одежды и выудил оттуда маленького кота, лапы которого были связаны. Терарн Гаштек стал поглаживать его по спине, а кот мог лишь извиваться и шипеть на своего мучителя.

— Значит, нам не о чем беспокоиться,— пробормотал Терарн Гаштек.— А теперь я хочу знать, зачем вы приехали сюда? За то, что вы убили десять моих лучших воинов, я мог бы пытать вас много дней, не давая умереть.

— Мы поняли, что помогая тебе, Приносящий огонь, можем хорошо заработать,— сказал Элрик.— Мы покажем тебе самые богатые города, приведем тебя к тем городам, которые

плохо защищены и не смогут долго сопротивляться орде. Ты примешь нас в свое войско?

— Мне и правда нужны такие люди, как вы. Я охотно возьму вас, но учтите: я не стану доверять вам, пока не докажете свою преданность. Ну а теперь отправляйтесь и найдите себе жилище. Сегодня ночью будет пир — приходите. Там я покажу вам силу, которой владею... Силу, с помощью которой тысячи миль плодородных земель Запада превращу в пустыню.

— Благодарю тебя,— ответил Элрик.— Я с нетерпением буду ждать ночи.

Они вышли из шатра и побрели среди беспорядочной мешанины костров, шатров, повозок и животных, частью верховых, частью предназначенных на убой. Пищи в лагере было маловато, зато вино лилось рекой, исправно наполняя здоровые, но пустые желудки варваров.

Мунглум остановил одного из воинов и передал ему приказ Терарна Гаштека. Воин угрюмо отвел их к шатру.

— Вот ваше жилище. Тут жили трое из тех, кого вы убили. Теперь по праву победителя шатер принадлежит вам. И все оружие и добро, которое лежит в нем, тоже ваше.

— Мы уже стали богаче,— усмехнулся Элрик с притворным удовольствием.

Уединившись в шатре, еще более грязном, чем у Терарна Гаштека, друзья смогли обсудить свое положение.

— Не очень-то уютно я себя чувствую в этой орде,— заявил Мунглум.— Всякий раз, когда вспоминаю, что они сделали с Ишмиром, у меня возникает желание убивать, убивать и еще раз убивать. Ну ладно, и что мы будем делать теперь?

— Сейчас мы бессильны. Давай подождем прихода ночи и посмотрим, что будет,— вздохнул Элрик.— Похоже, наша задача невыполнима. Никогда прежде я не видел такой большой орды.

— Они непобедимы,— согласился Мунглум.— Ни один народ не сможет выстоять против них, даже если орда лишится разрушающего стены колдовства Дринидж Бары. А кроме того, народы Запада то и дело вздорят между собой. Они не успеют вовремя объединиться. Над всей нашей цивилизацией

нависла угроза. Давай помолимся, чтобы на нас снизошло вдохновение. Твои темные боги все-таки достаточно мудры, и мы должны надеяться, что им, как и нам, вторжение варваров не понравится.

— Порой боги играют в странные игры со своими пешками-людьми,— ответил Элрик.— Кто знает, что у них на уме?

* * *

Шатер Терарна Гаштека, заполненный клубами дыма, был дополнительно освещен тростниковыми факелами. Когда Элрик и Мунглум с важным видом вошли в него, пир, угощение на котором в основном состояло из вина, уже давно начался.

— Добро пожаловать, друзья! — крикнул Приносящий огонь, размахивая кубком.— Это — мои командиры. Входите, присоединяйтесь к ним.

Никогда в жизни Элрик не видел такой злобной на вид компании варваров. Они все уже были достаточно пьяны и, подобно своему предводителю, носили яркие одежды.

Столом служила одна из скамеек. Друзьям поднесли по кубку вина, которое они едва пригубили.

— Приведите нашего раба! — закричал Терарн Гаштек.— Приведите сюда Дринидж Бару, нашего домашнего любимца, нашего колдуна.

Перед Приносящим огонь на столе лежали связанный извивающийся кот и клинок холодного железа.

Ухмыляющиеся воины подтащили поближе к костру худого человека с угрюмым лицом и поставили на колени перед предводителем варваров. Колдун с яростью во взоре уставился на Терарна Гаштека и маленького кота. Потом заметил клинок холодного железа, и его взгляд дрогнул.

— Чего ты хочешь от меня? — мрачно спросил он.

— Разве так обращаются к своему господину, чародей? Ну да ладно... У нас гости, они обещали отвести нас к богатым торговым городам. Я желаю, чтобы ты развлек наших гостей и показал несколько мелких трюков.

— Я не базарный фокусник. Ты не можешь просить, чтобы я, один из величайших колдунов мира, развлекал тебя и твоих гостей!

— Я не прошу, а приказываю! Давай, развлеки нас! Что тебе нужно для заклинаний? Несколько рабов, кровь девственниц? Мы дадим тебе все.

— Я не бормочущий глупости шаман... И в таких дурацких аксессуарах не нуждаюсь.

Внезапно колдун увидел Элрика. Альбинос почувствовал, как могучий мозг колдуна протянул к нему ментальные щупальца. Дринидж Бара явно признал в принце драконов собрата по ремеслу.

Элрик напрягся, опасаясь, что колдун вольно или невольно выдаст его. Откинувшись на спинку стула, альбинос сделал рукой знак, который понял бы любой колдун Запада. Но знал ли этот знак колдун с Востока?

Однако колдун понял его. На мгновение Дринидж Бара заколебался, глядя на предводителя варваров. Потом отвернулся и стал делать в воздухе пассы, бормоча что-то себе под нос.

Зрители удивленно вздохнули, когда под крышей шатра появилось облако золотистого тумана. Оно медленно приобретало форму, превращаясь в огромную лошадь, несущую призрачного всадника. Во всаднике без труда можно было узнать Терарна Гаштека. Вождь варваров подался вперед, уставившись на свое изображение.

— И что это значит?

Под копытами лошади появилась карта обширных земель и морей.

— Западные земли! — воскликнул Дринидж Бара.— Пророчество!

— Что за пророчество?

Призрачная лошадь растоптала карту, и та раскололась, тысячи туманных осколков разлетелись по шатру. Вслед за ней потускнело и изображение всадника, а потом и вовсе рассеялось.

— Так могучий Приносящий огонь поступит с богатыми странами Запада! — вскричал Дринидж Бара.

Варвары возликовали, а Элрик едва заметно улыбнулся. Восточный колдун просто насмехался над Терарном Гаштеком и его людьми.

Из золотистого тумана образовался шар, который вспыхнул и исчез.

Терарн Гаштек засмеялся.

— И фокус хорош, и пророчество правдиво. Ты неплохо поработал, чародей. А теперь уведите его.

Когда воины схватили Дринидж Бару и потащили из шатра, он с удивлением посмотрел на Элрика, но так ничего и не сказал.

Этой же ночью, когда варвары перепились до бесчувствия, Элрик и Мунглум тихо выскользнули из шатра и отправились туда, где держали Дринидж Бару.

Они добрались до маленькой кибитки и увидели, что вход охраняет стражник. Мунглум достал мех с вином и, притворяясь пьяным, подошел к варвару. Элрик спрятался среди теней.

— Чего тебе надо, чужеземец? — проревел стражник.

— Ничего особенного, приятель. Я хотел вернуться в свой шатер, но заблудился. Вот и все. Ты не подскажешь, где он?

— Откуда я могу знать?

— В самом деле... откуда? Вина не хочешь? Хорошее вино. Я бы даже сказал отличное — из запасов самого Терарна Гаштека.

Варвар протянул руку.

— Давай!

Мунглум запрокинул мех и сделал большой глоток.

— Нет, я передумал. Вино слишком хорошо, чтобы его пил простой воин.

— Вот ты как? — воин сделал несколько шагов к Мунглуму.— Мы сейчас проверим это, мой маленький друг. А потом мы даже, может быть, смешаем твою кровь с этим вином, чтобы сделать его чуточку получше!

Мунглум отступил. Воин последовал за ним.

Элрик крадучись выскочил из тени и нырнул внутрь шатра. Колдун, лежащий со связанными руками на куче невыделанных шкур, с удивлением посмотрел на альбиноса.

— Ты... Чего ты хочешь?

— Мы пришли помочь тебе, Дринидж Бара.

— Помочь мне? Но почему? Мы с тобой не друзья. Зачем тебе это. Риск ведь слишком велик.

— Мы оба — колдуны, поэтому я решил помочь,— соврал Элрик.

— Я так и думал, что ты — колдун. Но на моей родине колдуны друг к другу настроены не очень-то дружелюбно... Скорее наоборот.

— Не стану скрывать — нам необходима твоя помощь, чтобы остановить варваров. У нас с тобой общий враг. Если ты с нашей помощью вновь обретешь свою душу, ты поможешь нам?

— Помогу, конечно, помогу. Все, чем я занимаюсь, это строю планы, как отомстить за нанесенные мне оскорбления. Но ради моей безопасности будь осторожен. Если Терарн Гаштек заподозрит, что ты хочешь мне помочь, он убьет кота... а потом и нас тоже.

— Мы попытаемся принести тебе кота. Тебе же нужно именно это?

— Да. Мы должны обменяться кровью — кот и я, и тогда моя душа вернется в мое тело.

— Очень хорошо. Я попытаюсь...— Элрик обернулся, услышав голоса снаружи.— Что там такое?

— Это, должно быть, Терарн Гаштек,— испуганно ответил колдун.— Он приходит каждую ночь, чтобы дразнить меня, показывая...

— Где стражник? — грубый голос варвара раздался где-то у входа в кибитку.— Что?..— Терарн Гаштек откинул полог кибитки и увидел Элрика, который стоял над колдуном.

Во взгляде Приносящего огонь мелькнуло удивление и подозрение.

— Что ты делаешь здесь, человек Запада? И куда ты дел стражника, которого я приставил к колдуну?

— Стражника? — переспросил Элрик.— Я не видел никакого стражника. Я искал свой шатер и услышал, как вопит этот грязный пес. Поэтому и вошел в кибитку. А, кроме того, мне было любопытно посмотреть, как такой могучий чародей, облаченный в грязное тряпье, да к тому же еще и связанный, валяется здесь, на куче невыделанных шкур.

Терарн Гаштек нахмурился.

— Если ты еще хоть раз, друг мой, сунешь свой нос, куда не следует, я покажу тебе, как выглядит твое сердце. А теперь убирайся отсюда. Рано утром мы выступаем.

Элрик, спотыкаясь и делая вид, что дрожит от страха, быстро выскочил из кибитки.

* * *

Одинокий всадник в одеждах гонца Карлаака скакал на юг. Вот его лошадь галопом взлетела на вершину холма, и посланник увидел деревню. Он вонзил шпоры в бока лошади и через несколько мгновений уже мчался среди домов.

— Скорей скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о Дувиме Слорме и его имррирских наемниках? — спросил он у первого встречного.— Они здесь не проходили?

— Ага... Неделю назад. Они отправились в Ригнарием, что лежит у границ Ядмара, чтобы поступить на службу к претенденту на трон Вилмира.

— Они конные или пешие?

— Есть пешие, есть конные.

— Благодарю, друг,— крикнул гонец. Потом он пришпорил коня и помчался в Ригнарием.

Он скакал всю ночь напролет, не давая отдыха ни себе, ни лошади. Судя по следам на дороге, здесь совсем недавно прошла большая армия, и гонец молился, чтобы эти следы принадлежали Дувиму Слорму и его имррирским воинам.

* * *

В затопленных сладостными запахами садах Карлаака поселилась тревога. Горожане с нетерпением ждали известий, которые еще просто не могли прийти. В Карлааке рассчитывали и на Элрика, и на гонца. Если лишь один из них добьется успеха, то жителей Карлаака ждала смерть. Успеха должны были добиться только оба. Оба!

Глава 3
ПРИНОСЯЩИЕ ОГОНЬ

Моросил мелкий дождь. Утреннюю тишину разрывал беспорядочный шум сворачиваемого лагеря. Яростный голос Терарна Гаштека, словно бич, подгонял варваров.

Рабы свернули его шатер и уложили в повозку. Терарн Гаштек выдернул из мягкой земли длинную пику с трофея-

ми и, повернув лошадь, поскакал на запад. Его военачальники, среди которых были и Элрик с Мунглумом, последовали за ним.

Тихо беседуя на языке Запада, Элрик и Мунглум пытались решить, как выбраться из передряги, в которую угодили. Предводитель варваров ожидал богатой добычи, его разведчики сновали на многие мили в разных направлениях, и поэтому невозможно было скрыть от Приносящего огонь, что неподалеку расположен один из городов. Друзья не знали как поступить. С одной стороны, казалось бесчестным отдать на растерзание варварам какой-нибудь город и тем самым на несколько дней отсрочить взятие Карлаака, но, с другой стороны...

Чуть позже два разведчика с криками подскакали к Терарну Гаштеку.

— Город! Маленький город! Его легко будет взять!

— Наконец-то! Здесь мы сможем узнать, хороши ли наши мечи и легко ли они входят в тела людей Запада. А потом возьмемся за большие города.— с этими словами Терарн Гаштек обернулся к Элрику.— Ты знаешь этот город?

— А где он расположен? — быстро спросил Элрик.

— В дюжине миль к юго-западу,— ответил разведчик.

Хотя город ждала ужасная судьба, Элрик почувствовал облегчение. Варвары говорили о Горджхане, а не о Карлааке.

— Я знаю этот город,— вздохнув, заявил альбинос.

* * *

Кавим-шорник вез несколько новых конских упряжей на ферму, когда в отдалении заметил всадников — их шлемы случайно блеснули на солнце. В том, что всадники прибыли со стороны Плачущей пустыни, сомневаться не приходилось, и Кавим решил, что они несут угрозу городу.

Он повернул коня и, подгоняемый страхом, поскакал назад в Горджхан.

Грязная улица затряслась от топота копыт, а возбужденный крик Кавима разорвал утреннюю тишину и заставил дрожать стекла.

— Грабители! Берегитесь, к городу приближаются грабители!

Через четверть часа старейшины города собрались на совет и принялись спорить, что делать — бежать или сражаться? Пожилые уговаривали спасаться бегством, молодые же призывали остаться и с оружием в руках встать на защиту города. Но не всех старейшин обеспокоило приближение огромной армии. Некоторые считали, что никто не станет нападать на их город, потому что тот слишком беден.

Жители Горджхана все спорили да пререкались, а первая волна варваров уже нахлынула с воплями на стены города.

И тогда горожане поняли, что не осталось уже времени на споры, и осознав, наконец, какая участь ждет их, бросились на крепостные валы, сжимая в руках свое жалкое оружие.

Рев Терарна Гаштека перекрыл шум беспорядочной орды варваров, месивших грязь вокруг стен Горджхана:

— Не будем тратить время на осаду! Чародея сюда!

Воины подтащили Дринидж Бару к своему вождю. Из глубин своих одежд Терарн Гаштек достал маленького черного кота и приставил к его горлу клинок холодного железа.

— Твори свое колдовство, чародей, и быстро разрушь стены этого города.

Колдун помрачнел и поискал взглядом Элрика, но альбинос отвернулся и даже отвел своего коня в сторону.

Тогда Дринидж Бара извлек пригоршню порошка из кошеля на поясе и пустил его по ветру. Порошок, словно газ, рассеялся в воздухе, потом собрался в сверкающий огненный шар, и из пламени выглянуло лицо — ужасный нечеловеческий лик.

— Даг-Гадден — разрушитель,— речитативом произнес Дринидж Бара.— Ты связан клятвой нашего древнего договора. Будешь ли ты повиноваться мне?

— Я должен, значит, повинуюсь. Чего ты хочешь?

— Сотри в порошок стены этого города, и пусть жители его станут такими же беззащитными, как крабы, лишенные панциря.

— Мне нравится разрушать, и я разрушу стены.

Огненное лицо поблекло, исказилось в беззвучном хохоте и взвилось вверх, ярким багряным покрывалом укутав все небо.

Потом огненный шар ринулся на город, и стены Горджхана покрылись сеткой трещин, раскрошились в пыль и исчезли.

Элрик содрогнулся. Если бы Даг-Гаддена натравили на Карлаак, то участь города нефритовых башен оказалась бы столь же печальна.

Ликующие варвары, словно стая одичалых псов, набросились на беззащитный город.

Элрик с Мунглумом не принимали никакого участия в резне и только этим могли помочь горожанам. Бессмысленная кровавая бойня потрясла друзей до глубины души, и, чтобы не видеть потоки крови, затопившей город, они укрылись в маленьком домике, который еще не был разграблен варварами. В углу одной из комнат они увидели трех испуганных малышей, прижавшихся к девочке чуть постарше, в слабых ручонках которой тускло блестела старая, покрытая зазубринами коса. Вся дрожа от страха, девочка взмахнула косой, пытаясь защитить себя и детей.

— Не теряй зря время, или ты потеряешь жизнь,— успокаивающе сказал ей Элрик.— Скажи, здесь есть чердак?

Девочка молча кивнула.

— Тогда быстро прячься туда. Там тебе никто не причинит вреда — мы позаботимся об этом.

Элрик и Мунглум остались в доме, но жуткие вопли и сладковатый запах крови, висевший в воздухе, не давали им ни на минуту забыть о трагедии, разыгравшейся на улицах города.

Дверь дома распахнулась от удара, и в комнату ввалился варвар, с головы до ног покрытый кровью своих жертв. Он тащил за волосы женщину, а она даже не пыталась сопротивляться. То, что она видела на улицах, полностью лишило ее сил. Лицо ее было мертвым от ужаса.

Элрик в ярости прорычал:

— Найди себе другое гнездо, стервятник! Этот дом наш!

— Здесь хватит места для всех,— грубо ответил варвар. И тогда напряжение, исподволь копившееся в душе альбиноса, наконец-то прорвалось, и тело принца драконов отреагировало помимо его воли. Его правая рука метнулась к левому бедру и длинные пальцы сжали черный эфес Буреносца. Элрик шагнул вперед, и его меч сам по себе вылетел из ножен, а темно-красные глаза альбиноса вспыхнули ненавистью. Он что есть силы нанес удар, а потом без всякой необходимости ударил еще раз и разрубил надвое тело варвара.

Женщина по-прежнему лежала там, где варвар оставил ее. Она безучастно уставилась в потолок и даже не пошевелилась, когда Элрик бережно поднял ее и передал Мунглуму.

— Отнеси ее наверх к остальным,— приказал он и вышел из дома.

Над городом стояли клубы черного дыма. Теперь, когда почти некого было убивать, варвары принялись грабить и поджигать дома. Им было мало просто разграбить город и вырезать всех его жителей. Они утоляли свою ярость, предавая огню все, что могло гореть.

Элрик с печалью смотрел на разрушенный город, и Буреносец безвольно покачивался в его руке. Лицо альбиноса было застывшей маской, на которой языки пламени, жадно тянущиеся к закопченному небу, создали причудливый узор из света и тени.

Принц драконов слышал, как варвары спорят из-за жалкой добычи. Иногда вместе с грубыми воплями воинов и лязгом металла до него доносились женские крики, которые, впрочем, быстро затихали.

Потом в царящем вокруг шуме альбинос расслышал новые нотки — жалобные, молящие. Во главе группы воинов из клубов дыма появился Терарн Гаштек.

Приносящий огонь держал в руке какой-то окровавленный предмет — кисть руки, отсеченную у запястья. А вслед за ним несколько его военачальников гордо тащили обнаженного старика. Его израненное тело было покрыто кровью, хлеставшей из обрубка руки.

Увидев Элрика, Терарн Гаштек нахмурился и крикнул:

— Человек Запада, сейчас ты увидишь, какие жертвы мы приносим нашим богам. Наши дары — не жалкие куски мяса и кислое молоко, которыми ублажает богов эта свинья,— он ткнул пальцем в старика.— Скоро ты нам спляшешь веселый танец, а, высший жрец?

Старик лихорадочно блестевшими глазами уставился на Элрика и закричал пронзительно и неистово, и в голосе его не осталось ноток мольбы и жалобы:

— Вы, собаки, можете глумиться надо мной! — выпалил он.— Но Мират и Тааргано отомстят за то, что вы убили их священника и разрушили их храм. Вы принесли сюда огонь, от огня вы и погибнете. А ты...— окровавленным обрубком

руки старик ткнул в Элрика,— ты — предатель, и всегда был предателем. Я прочел об этом в твоей душе. Но сейчас... ты...— священник задохнулся и замолчал.

Элрик облизал пересохшие губы. .

— Я — это я,— сказал он.— А ты — всего лишь ничтожный старик, который скоро умрет. Твои боги не смогут нам навредить, потому что мы не верим в них. И я не желаю более слушать твои старческие бредни.

На лицо старого священника легла печать всех тех мук, которые он уже претерпел, и тех, что ещё предстояли ему, и он замолчал.

— Побереги силы,— обернулся к священнику Терарн Гаштек.— Ты еще накричишься, когда тебя возложат на алтарь...

— Это плохая примета — убивать священника, Приносящий огонь,— вмешался Элрик.

— Похоже, ты не мужчина, а тряпка, друг мой. Не бойся — такая жертва понравится нашим богам и принесет удачу!

Элрик отвернулся. Когда он снова вошел в дом, дикий крик агонии разорвал ночь, а вслед за этим послышался отвратительный смех.

Позже, когда ночную тьму еще озарял неверный свет догорающих домов, Элрик и Мунглум, обняв каждый по женщине и взвалив на плечи тяжелые мешки, покачиваясь и делая вид, что пьяны, направились к разрушенным стенам города. Там, среди руин, Мунглум, оставив мешки и женщин на попечение Элрика, опять ушел назад в город и вскоре вернулся с тремя лошадьми.

Друзья развязали мешки и выпустили спрятанных в них детей. Женщины молча сели на лошадей, Элрик подал им детей, и спасенные галопом ускакали прочь от разрушенного города.

— Ладно,— со злобой пробормотал Элрик.— Этой ночью мы должны осуществить наш план и не важно, нашел наш гонец Дувима Слорма или нет. Если я увижу еще раз такую резню, то могу и не сдержаться.

* * *

Терарн Гаштек был пьян до бесчувствия. Он лежал, распластавшись на полу, в верхней комнате одного из домов, уцелевших при пожаре.

Элрик и Мунглум, никем не замеченные, прокрались к нему. Пока Элрик следил, чтобы им не помешали, Мунглум встал на колени рядом с предводителем варваров и осторожно залез к нему в одежды. Довольно улыбнувшись, он вытащил извивающегося кота, а на его место сунул набитую тряпками кроличью шкурку, которую заранее припас. Крепко держа животное, он встал, кивнул Элрику, и они осторожно вышли из дома.

— Я выяснил, что Дринидж Бара находится в большой кибитке,— сказал Элрик своему другу.— Мы должны торопиться, хотя главная опасность позади!

— Когда кот и Дринидж Бара обменяются кровью, и душа колдуна вернется в его тело... Что будет тогда, Элрик? — спросил Мунглум.

— Если мы объединим наши колдовские силы, то, возможно, хотя бы задержим варваров, но...— альбинос замолчал, заметив, что к ним приближается большая группа пьяных воинов.

— А, да это же тот человек с Запада и его маленький приятель! — засмеялся один из варваров.— И где же вы шлялись?

Элрик почувствовал настроение варваров. Сегодняшняя бойня не утолила их жажду крови, и они явно нарывались на неприятности.

— Да так, нигде,— ответил альбинос.

Варвары, покачиваясь, стали окружать друзей.

— Мы много слышали о твоем клинке, чужеземец,— усмехнулся варвар.— Я думаю, пора проверить его в бою против настоящего оружия,— с этими словами он вытащил из-за пояса ятаган.— Что скажешь?

— Не стоит утруждать себя,— холодно отозвался Элрик.

— Ты великодушен... но я повторяю предложение.

— Дай нам пройти,— сказал Мунглум.

Лица варваров окаменели.

— Да как ты смеешь так разговаривать с нами, завоевателями мира?! — воскликнул предводитель.

Мунглум шагнул назад и обнажил саблю. Кот извивался в его левой руке.

— Нам лучше принять вызов,— шепнул Элрик своему другу и выхватил из ножен рунный клинок. Меч запел мягко и

насмешливо, и варвары, услышав его песню, пришли в замешательство.

— Ну? — спросил Элрик, выставив вперед живой клинок.

Варвар, бросивший вызов, казалось, заколебался. Но потом подстегнул себя криком: «Чистая сталь выстоит против любого колдовства!» — бросился вперед.

Элрик, довольный возможностью отомстить еще одному варвару, ловко парировал удар и, сделав решительный выпад, разрубил туловище безумца почти до бедер. Воин дико взвыл и умер.

Мунглуму пришлось сражаться сразу с двумя противниками. Одного он сразу же убил, но другой был порасторопней и кончиком ятагана задел левое плечо коротышки. Мунглум взревел и выронил кота. Элрик обернулся и убил противника Мунглума. Буреносец с триумфом пропел погребальную песнь. Остальные варвары в ужасе разбежались.

— Ты сильно ранен? — тяжело дыша, спросил Элрик, но Мунглум, не отвечая, встал на колени, вглядываясь в темноту.

— Быстрей, Элрик... Ты не видишь кота? Я упустил его. Если потеряем кота, мы пропали.

И они бросились искать его.

Но того нигде не было — с ловкостью, присущей всем существам его рода, он куда-то спрятался.

Через некоторое время из дома, занятого Терарном Гаштеком, донеслись шум и крики.

— Он обнаружил, что кота украли! — воскликнул Мунглум.— Что теперь делать?

— Не знаю. Надо продолжать поиски и надеяться, что нас не заподозрят.

Друзья продолжали искать, но безуспешно. Неожиданно они заметили, что к ним бегут несколько варваров.

— Наш вождь желает поговорить с вами,— сообщил один из них.

— Зачем?

— Он сам скажет тебе об этом. Пошли!

Подталкиваемые варварами Элрик и Мунглум неохотно направились туда, где бесновался Приносящий огонь. В когтистой руке, похожей на лапу какого-то животного, он сжимал кроличью шкурку, и лицо его было искажено яростью.

— У меня украли то, что позволяло поведевать колдуном! — проревел он.— Что вы об этом знаете?

— Мне непонятны твои слова,— ответил Элрик.

— У меня пропал кот. А на его месте я обнаружил эту тряпку. Недавно я застал тебя разговаривающим с Дринидж Барой и поэтому думаю, что кота украл ты.

— Но мы ничего не знаем о пропавшем коте,— возразил Мунглум.

Терарн Гаштек нахмурился.

— В лагере полнейший бардак, дисциплина упала, приказы не выполняются...— прорычал он.— Чтобы привести армию в порядок, мне потребуется день или два. Тогда я смогу расспросить своих людей, и если вы говорите правду, вас освободят. А пока можете вволю побеседовать с колдуном.— Он дернул головой.— Разоружите их, свяжите и бросьте в конуру к Дринидж Баре.

Когда их уводили, Элрик прошептал:

— Мы должны убежать и найти этого кота, но пока не освободились, стоит воспользоваться удобным случаем и переговорить с Дринидж Барой.

Но колдун отверг их предложение.

— Нет, брат-волшебник,— сказал он из темноты.— Я не стану помогать тебе. Не хочу рисковать, пока кот не вернется ко мне.

— Но Терарн Гаштек больше не властен над тобой.

— А если он поймает кота... Что тогда?

Элрик ничего не ответил. Он пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее на жестком полу кибитки. Не успел он опять приступить к уговорам, как снаружи откинули полог и в темноту повозки швырнули еще одного человека.

— Кто ты? — спросил Элрик на языке Востока.

— Я не понимаю тебя,— ответил человек на западном наречии.

— А, так ты с Запада? — перешел Элрик на язык Молодых королевств.

— Да. Я гонец Карлаака. Меня схватили эти вонючие шакалы, когда я возвращался в город.

— Что? Это тебя послали к Дувиму Слорму, моему сородичу? Я — Элрик из Мелнибонэ.

— Мой повелитель, значит, мы все — пленники? О, боги... Тогда Карлаак и впрямь обречен.

— Ты нашел Дувима Слорма?

— Да, я догнал его отряд. К счастью, они были ближе к Карлааку, чем мы думали.

— А что он ответил на мою просьбу?

— Он сказал, что некоторых драконов, тех, что помоложе, разбудить можно, но, чтобы добраться до острова драконов даже с помощью колдовства, потребуется некоторое время. Но шанс есть.

— А нам больше и не нужно. Однако пользы от него не будет, если не завершим свой план. Мы должны каким-то образом вернуть Дринидж Баре душу, иначе Терарн Гаштек заставит его защищать варваров. У меня есть одна идея... Я вспомнил, что с давних пор мы, жители Мелнибонэ, в родстве с существом, которого зовут Мурмяу. Благодаря богам я нашел нужные травы в лесу Турус, и они до сих пор поддерживают меня. Но теперь я должен призвать на помощь свой меч.

Он закрыл глаза и позволил себе полностью расслабиться, а потом из всех мыслей у него осталась одна — о мече, о Буреносце.

Долгие годы Элрика и меч связывали злые узы, узы более прочные, чем существуют между матерью и ребенком. И они до сих пор были крепки.

Альбинос закричал:

— Буреносец! Буреносец, воссоединись со своим братом! Приди ко мне, мой рунный клинок, выкованный адом, убийца родных и близких! Приди ко мне! Ты нужен мне...

Меж шатров и повозок словно пронесся завывающий порыв ветра, и, пробив крышу кибитки так, что свет звезд залил пленников, рунный клинок повис над Элриком, дрожа и постанывая. Альбинос рванулся к Буреносцу, и к горлу его подступила тошнота. Ему было противно то, что он собирался сделать, но иначе поступить не мог — не ради себя, а чтобы спасти мир от нашествия варваров.

— Дай мне твою силу, брат мой меч,— прохрипел Элрик, касаясь связанными руками эфеса.— Дай мне твою силу, и будем надеяться, это в последний раз.

Клинок извивался в руках, и альбинос ощутил ужасную силу меча, силу, словно вампиром выпитую из сотен отважных людей, которая хлынула в его дрожащее от слабости и отвращения тело.

Странная, особая сила, вливавшаяся в жилы, была отнюдь не физической. Лицо альбиноса искривилось, когда он напрягся, чтобы подчинить себе и эту силу, и свой меч, грозившие овладеть им. А потом он легко разорвал путы и встал.

Варвары со всех сторон продолжали сбегаться к кибитке. Элрик поспешно перерезал кожаные ремни, которыми были связаны другие пленники, и, словно не видя приближающихся воинов, произнес одно имя.

Он говорил на необычном, чужом Земле языке, который, если бы не крайняя необходимость, ни за что не смог бы вспомнить. Древние короли-колдуны Мелнибонэ, предки Элрика, узнали этот язык десять тысяч лет назад, задолго до того, как был построен Имррир — Грезящий город.

— Мурмяу, это я, твой родич, Элрик из Мелнибонэ, последний из рода, давшего клятву дружбы тебе и твоим подданным. Ты слышишь меня, повелитель котов?

* * *

Далеко-далеко, за пределами Земли, в измерении, где действовали другие физические законы пространства и времени, существо, похожее на человека, нежилось в тепле янтаря и голубизны, потом лениво потянулось и зевнуло, обнажив крошечные остренькие зубки. Оно склонило голову к мягкому, играющему переливами меха плечу и прислушалось.

Зов, обращенный к нему, не принадлежал никому из кошачьих, его поданных, которых существо любило и оберегало. Но язык оно узнало.

Существо улыбнулось, вспоминая, и теплое чувство дружбы волной нахлынуло на него. Оно вспомнило о расе, непохожей на других людей, которых существо презирало; расе, которая, подобно ему самому, любила удовольствия, жестокость и утонченность ради самой себя и которой было плевать на остальных людей...

Мурмяу, повелитель котов, защитник кошачьего рода, грациозно потянулся.

— Чем я могу помочь тебе? — промурлыкал он.

— Мы ищем одного из твоих подданных, Мурмяу. Он где-то недалеко.

— Да. Я чувствую его. Что вы от него хотите?

— Ничего из того, что принадлежит ему. Но у него две души, одна из которых — чужая.

— Да, это так. Его зовут Фиаршерн из великого рода Трречоуу. Я позову его. Он придет ко мне.

Варвары, окружившие кибитку и слышавшие, что в ней происходит, тщетно боролись с охватившим их суеверным страхом. Терарн Гаштек яростно ругался и понукал своих воинов.

— Нас пять сотен тысяч, а их всего несколько человек! Схватите их!

Наконец варвары испуганно двинулись вперед.

* * *

Кот Фиаршерн, услышав голос своего повелителя, инстинктивно понял, что ослушаться нельзя, и быстро побежал на зов.

— Смотрите, тот самый кот... Хватайте его!

Два варвара кинулись вперед, пытаясь выполнить приказ, но кот ловко увернулся и проскочил в кибитку.

— Верни человеку его душу, Фиаршерн,— мягко приказал Мурмяу. Кот грациозно подошел к бывшему хозяину и осторожно надкусил колдуну вену.

Через мгновение Дринидж Бара дико захохотал.

— Моя душа вернулась ко мне! Благодарю тебя, могучий повелитель котов. Чем мне отплатить тебе?

— В этом нет нужды,— насмешливо улыбнулся Мурмяу.— Но в другой раз я подумаю, на что обменять твою душу. До свидания, Элрик из Мелнибонэ. Был рад откликнуться на зов, хотя и вижу, что ты больше не следуешь древним заветам отцов. Но старая дружба есть старая дружба, и я не жалею, что помог тебе. Прощай, Элрик! Для меня здесь слишком холодно и неуютно, и я ухожу туда, где тепло...

Повелитель Котов исчез. Он вернулся в мир голубого и янтарного тепла и опять погрузился в сладкую дрему.

— Ну а теперь, брат-колдун, мы им отомстим,— возликовал Дринидж Бара.

Они вместе с Элриком разом выпрыгнули из кибитки, но двое других пленников чуть замешкались.

Воины Терарна Гаштека кольцом окружили их, и сотни длинных стрел были готовы вонзиться им в сердце.

— Убейте их! — закричал Приносящий огонь.— Убейте их, пока они не выпустили своих демонов.

Хлынул ливень стрел, но Дринидж Бара, улыбнувшись, произнес несколько слов и небрежно махнул рукой. Стрелы повисли в воздухе, а затем повернули назад, и каждая из них пронзила горло того воина, который выпустил ее. Терарн Гаштек поперхнулся от ужаса, пробираясь сквозь толпу варваров и, оказавшись в безопасности за их спинами, призвал своих воинов покончить с четырьмя чужеземцами.

Понимая, что отступление равносильно гибели, варвары кинулись в атаку.

Мунглум взглянул вверх, на небо, затянутое свинцово-серым покрывалом туч, сквозь которые пробивались робкие кроваво-красные лучи рассвета.

— Элрик, смотри! — закричал он, указывая вверх пальцем.

— Пять...— пробормотал альбинос.— Всего лишь пять... Но будем надеяться, этого хватит.

Он парировал несколько ударов и почувствовал, что меч, отдав ему сверхъестественную силу, превратился в обычный клинок. Не переставая размахивать мечом, Элрик расслабился и ощутил, как сила перетекает обратно к Буреносцу.

И рунный меч опять ожил. Он, подвывая, запел жуткую песнь, с жадностью ища сердца и глотки яростно защищавшихся варваров.

У Дринидж Бары не было меча, но колдун использовал более хитроумные и тонкие способы защиты, чем простое оружие. То, что оставалось от его противников, выглядело ужасно — груда сухожилий и бесформенной плоти, лишенной костей.

Два колдуна пробивались сквозь ряды обезумевших варваров, которые отчаянно пытались остановить их. В этой свалке действовать обдуманно было невозможно. Вскоре Мунглум и гонец подобрали ятаганы мертвых варваров и присоединились к битве.

В конце концов, они пробились к границам лагеря. Большая часть варваров, в ужасе пришпоривая лошадей, бежала на

Запад. Оглянувшись назад, Элрик увидел Терарна Гаштека с луком в руках и понял, что собирается сделать Приносящий огонь. Альбинос громко закричал, предупреждая колдуна, который стоял спиной к вождю варваров. Дринидж Бара, выкрикивавший какое-то кошмарное заклинание, полуобернулся, замолчал и попытался произнести другое заклинание, но стрела Терарна Гаштека попала ему в глаз.

— Нет! — воскликнул Дринидж Бара и умер.

Видя, что его соратник погиб, Элрик остановился и посмотрел в небо на огромных крылатых зверей.

Дувим Слорм, сын друга и дальнего родственника Элрика, Дувима Твара, хранителя пещер драконов, привел легендарных животных Имррира на помощь своему императору. Но большинство драконов спало и будет спать еще сто лет. Только пятерых зверей удалось разбудить. Драконы стремительно описывали круги в небе, не принимая участия в сражении — Дувим Слорм боялся сжечь Элрика и его товарищей.

Терарн Гаштек тоже увидел великолепных животных и понял, что грандиозные планы покорения всего мира рухнули. Он бросился наперерез Элрику.

— Ты, мразь белолицая! — проревел Терарн Гаштек.— Это все из-за тебя. И я заставлю тебя заплатить!..

Элрик расхохотался ему в лицо, поднял Буреносец, чтобы защитить себя от разъяренного варвара, и указал на небо.

— Их тоже можно назвать приносящими огонь, Терарн Гаштек... Но, в отличие от тебя, они по праву заслужили это имя.

С этими словами альбинос глубоко погрузил меч в тело Терарна Гаштека, и варвар застонал, когда адский клинок стал пить его душу.

— Возможно, Элрик из Мелнибонэ, я — разрушитель,— с трудом выдохнул он.— Но мой путь все же был чище твоего. И сейчас, умирая, я навеки проклинаю тебя и все, что тебе дорого!

Элрик засмеялся, но, когда посмотрел на труп варвара, голос его слегка дрогнул.

— Я не раз избавлялся от таких проклятий, друг мой. Думаю, и твои проклятия ждет такая же участь,— он помолчал.— О, Ариох, надеюсь, я прав. Кажется, моя жизнь теперь свободна от рока и проклятий, но, возможно, я и ошибаюсь...

* * *

Пришпоривая коней, огромная орда в страхе неслась на Запад. Если ее не остановить, то варвары вскоре достигнут Карлаака, и одни боги знают, что случится тогда с беззащитным городом.

Прямо над головой Элрик услышал хлопанье тридцатифутовых крыльев и вдохнул знакомый запах гигантских летающих рептилий. В последний раз ему доводилось видеть их, когда несколько лет назад вместе с флотом грабителей он бежал из разрушенного, сожженного Имррира. Потом, услышав пронзительные звуки рога драконов, он заметил на спине одного из крылатых чудовищ Дувима Слорма, сжимавшего в правой руке длинное копье.

Гигантская рептилия по спирали скользнула вниз и, опустившись футах в тридцати от Элрика, сложила вдоль туловища кожистые крылья. Повелитель драконов махнул рукой.

— Приветствую тебя, король Элрик. Как вижу, мы едва успели.

— Да, прибыли вовремя,— улыбнулся Элрик.— Рад снова видеть сына Дувима Твара. Честно говоря, я боялся, что вы не откликнетесь на мой призыв.

— Старые обиды забыты в битве при Бакшаане, когда мой отец Дувим Твар погиб, помогая тебе овладеть крепостью Никорна. К сожалению, мне удалось разбудить только самых молодых драконов. Остальных, и ты должен помнить об этом, использовали не так уж давно.

— Помню,— ответил Элрик.— Но скажи, Дувим Слорм, не могу ли я попросить тебя еще об одном одолжении?

— О каком?

— Позволь мне самому вести драконов. Я обучен искусству повелителей драконов, а к этим варварам у меня особый счет. Они тут устроили настоящую бойню, и мне хотелось бы по возможности отплатить им той же монетой.

Дувим Слорм кивнул и вылез из седла. Гигантская рептилия беспокойно зашевелилась, на заостренной морде разверзлась узкая пасть, обнажив толстые, с человеческую руку, и длинные, как меч, клыки. Мелькнул раздвоенный язык, и большие холодные глаза уставились на Элрика.

Альбинос речитативом заговорил с драконом на старом языке Мелнибонэ, взял пику и рог драконов у Дувима Слорма. Потом осторожно забрался в высокое седло, укрепленное у самой шеи рептилии, и вдел ноги в серебряные стремена.

— Теперь лети, мой брат-дракон,— пропел Элрик.— Взвивайся к небесам и будь готов излить свой яд...

Он услышал свист рассекаемого воздуха, когда дракон взмахнул крыльями и, оторвавшись от земли, устремился в свинцово-серое небо.

За первым драконом тотчас последовали четыре других, Элрик звуками рога указал направление полета, а потом выхватил меч.

Много веков назад предки Элрика, вооруженные Буреносцем и его утраченным братом — Горюном, точно так же восседая на своих боевых скакунах-драконах, покоряли мир Запада. Но в те дни в пещерах драконов было намного больше зверей. Теперь же их осталось всего ничего, и только самые молодые спали достаточно долго, чтобы их удалось разбудить.

* * *

Высоко в холодное небо поднялись огромные рептилии. Белые волосы Элрика и грязный черный плащ развевались по ветру у него за спиной, а он пел песню повелителей драконов и подгонял крылатых скакунов.

В небе тропы истоптаны ветрами,
Нечестивые громко ревут...
В этот мир вы и мы пришли первыми,
Будем мы и последними тут!

Думы о любви, покое, мести отступили перед этим дерзким полетом в сумрачных небесах, и Элрик вернулся в прошлое, далекое прошлое, когда Молодые королевства были действительно молодыми. Элрик, надменный потомок первых властителей Земли, гордящийся тем, что в его жилах течет пусть и больная, но все же кровь королей-колдунов Мелнибонэ, на время забыл об этом мире, потерял с ним всякую связь.

Он был один, без привязанностей, без друзей, и если зло и владело им, то это было чистое, первозданное зло, не замутненное жалкими людскими чувствами.

Высоко в небесах неслись драконы, пока далеко внизу не показалась черная шевелящаяся масса, заполнившая всю землю до горизонта — гонимая страхом орда варваров, собиравшихся по невежеству своему покорить земли, милые сердцу Элрика из Мелнибонэ.

— Эй, братья-драконы, изливайте свой яд... Жгите их, жгите! От вашего огня мир станет чище! — закричал Элрик, и голос его слился с диким воем Буреносца. Драконы ринулись вниз, к земле, обрушив на обезумевших варваров потоки горючего яда, который даже вода была не в силах потушить. Запах опаленной плоти поднялся в воздух, смешиваясь с клубами дыма и языками пламени, и земля превратилась в ад, а надменный альбинос был словно сам Сатанаил, вершащий ужасную месть.

Но радости не было в душе альбиноса, ибо он сделал лишь то, что должен был сделать. Элрик молча повернул дракона назад, затрубил в рог, созывая остальных рептилий и пока поднимался выше в равнодушное небо, возбуждение оставило его. Альбиносом овладел холодный ужас.

«Я по-прежнему мелнибониец,— подумал он.— И кем бы я ни был еще, все равно остаюсь им. И я слаб в своей силе, и при малейшей опасности хватаюсь за этот проклятый клинок...»

С отвращением он швырнул меч, и тот, крича, словно покинутая женщина, полетел к земле.

— Вот и все,— пробормотал Элрик себе под нос.— Наконец-то я это сделал.

Затем, успокоившись, он вернулся туда, где оставил своих друзей.

— Где меч твоих предков, король Элрик? — спросил Дувим Слорм, но альбинос ничего не ответил, а просто поблагодарил родственника за то, что тот позволил ему вести драконов в бой. А потом все уселись на драконов и полетели в Карлаак.

* * *

Зайра увидела, что на первом драконе летит ее супруг, Элрик из Мелнибонэ, и поняла, что Карлаак и мир Запада спасены, а восточные земли — отомщены. Но когда альбинос

приземлился у стен города и пошел навстречу своей возлюбленной, то, несмотря на величавую походку, лицо его было мрачно, и она снова отметила на любимом челе печаль, которая, как она думала, навсегда осталась в прошлом. Зайра подбежала к Элрику, он заключил ее в объятия, крепко прижал к себе, но ничего не сказал.

Потом Элрик попрощался с Дувимом Слормом и его иррирскими воинами и, не снимая руки с плеча Зайры, поплелся в город, а Мунглум и тонец следовали за ним в отдалении. Не задерживаясь на улицах и не отвечая на приветствия радостных горожан, он сразу же направился во дворец.

— Что с тобой, мой супруг? — спросила Зайра, когда, вздохнув, альбинос устало растянулся на огромной постели.— Может, тебе станет легче, если ты мне все расскажешь?

— Я устал от мечей, сражений и колдовства, Зайра. Только и всего. Но теперь наконец-то я раз и навсегда избавился от дьявольского отродья, хотя считал, что связан с ним навеки.

— Ты имеешь в виду Буреносца?

— Да, а что же еще?

Зайра ничего не ответила. Она не стала рассказывать, как меч влетел, пронзительно визжа, в Карлаак и, ворвавшись в оружейную, повис на своем старом месте.

Элрик закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Спи спокойно, супруг мой,— нежно прошептала Зайра и с глазами, полными слез, и печальной улыбкой легла рядом с ним.

Она не хотела, чтобы наступало утро...

Часть 14
ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВОГО БОГА

Пока силы Порядка и Хаоса готовились к последней битве, долженствующей определить будущее мира Элрика, самому Элрику наконец-то начала приоткрываться собственная судьба...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ПОХИЩЕНИЕ

Над растревоженной землей сталкивались огромные облака и молнии падали вниз, вспышками разгоняя мрак ночи, расщепляя деревья надвое и прожигая крыши домов.

Когда темный лес задрожал от очередного удара молнии, из него украдкой выбрались шесть сгорбленных созданий, явно не принадлежащих к роду людскому. Они приостановились на опушке, чтобы бросить пристальный взгляд на силуэт города, видневшегося за низкими холмами: города приземистых стен, тонких шпилей, изящных башен и куполов, чье название было хорошо известно вожаку этих косматых созданий. Карлаак у Плачущей пустыни — таково было его название.

Зловещая буря, ревевшая вокруг Карлаака, была отнюдь не природным явлением. Благодаря ей незваные гости незамеченными проскочили сквозь открытые ворота и, скрываясь в тени, направились к изящному дворцу, где спал Элрик. Вожак держал в когтистой лапе топор из холодного железа. Неожиданно косматые создания остановились, рассматривая дворец, который раскинулся на холме в окружении томных садов. Хлестнула молния, гром прокатился по беспокойным небесам, и земля вздрогнула.

— Сегодня Хаос помогает нам,— пробормотал вожак.— Видите, все охранники погрузились в колдовской сон, и нам нетрудно будет войти. Повелители Хаоса добры к своим слугам.

Он сказал правду. Некая сверхъестественная сила сделала свое дело, и воины, охранявшие дворец Элрика, распростерлись на земле, храпом вторя грому. Слуги Хаоса прошмыгнули мимо спящих охранников в главный двор, а оттуда в темный дворец. Безошибочно находя дорогу среди переплетений лестниц, бесшумно пробираясь по темным коридорам, они в конце концов добрались до комнаты, где в тревожном сне метались Элрик и его жена.

Когда вожак положил лапу на дверь, из комнаты донесся голос:

— Кто там? Какие твари ада мешают мне отдыхать?

— Он видит нас, видит! — хрипло прошептал кто-то из слуг Хаоса.

— Нет,— ответил вожак,— он спит. Но такого могучего колдуна как Элрик не так-то легко вывести из игры. Нам лучше поторопиться и побыстрее покончить с этим делом, потому что, если он проснется, будет гораздо труднее выполнить то, за чем нас послали.

Он повернул ручку и осторожно открыл дверь, чуть приподняв топор.

Вспышка молнии опять озарила ночь, высветив на мгновение белое лицо альбиноса, лежавшего рядом с темноволосой женой.

В тот момент, когда они вошли, Элрик неловко сел в постели, покрытой смятыми мехами и шелками, и взгляд его темно-красных глаз уставился на незваных гостей. Мгновение взор был подернут пеленой, а затем альбинос заставил себя проснуться и закричал:

— Убирайтесь прочь, порождения моих снов!

Вожак выругался и бросился вперед, но у него был приказ не убивать альбиноса. Поэтому он лишь угрожающе поднял топор.

— Молчи, твои охранники не могут тебе помочь!

Элрик спрыгнул с кровати и схватил тварь за запястье, лицом почти уткнувшись в клыкастую морду. Он вырвал топор из руки вожака и всадил лезвие ему между глаз. Взревев, тот упал, но другие слуги Хаоса кинулись на Элрика. Их было пятеро против одного, и крепкие мускулы буграми ходили под шерстью.

Не успел Элрик вытащить топор из черепа первого противника, как остальные твари вцепились в альбиноса. Тело его оказалось забрызгано кровью и мозгами убитого врага — ихор испускал такое зловоние, что принц драконов едва мог дышать. Вырвав руку, он взмахнул топором и опустил его на ключицу другого противника. Но затем почувствовал, что его схватили за ноги. Элрик грохнулся на пол: поверженный, но продолжающий бороться. Тяжелый удар обрушился на голову, и боль пронзила все тело. Он попытался подняться, но не смог и упал без чувств.

Когда Элрик очнулся, гром и сияние молний по-прежнему будоражили ночь. Кровь стучала в висках, перед глазами все плыло. Цепляясь за ножку кровати, он медленно встал и осмотрел спальню.

Зайра исчезла. В комнате остались лишь он да окоченевший труп убитой им дьявольской зверюги. А черноволосая супруга... была похищена.

Пошатываясь, Элрик подошел к двери, распахнул ее и крикнул стражников, но никто ему не ответил.

Его рунный меч, Буреносец, висел в оружейной палате Карлаака, и чтобы добраться до него, требовалось время. Элрик кинулся вон из спальни. Вихрем промчался он по коридорам и лестницам. Боль и гнев душили его, а сердце снедала тревога, ибо он пытался постичь и никак не мог, зачем кому-то похищать его жену.

Вокруг дворца все еще грохотал гром, и буря ярилась в беспокойной ночи. Дворец, казалось, вымер, и у Элрика внезапно появилось ощущение, что он совершенно одинок, всеми покинут. Но как только он выбежал на главный двор и увидел стражников, без чувств лежащих на земле, то сразу понял: их сон порожден колдовством.

Элрик промчался сквозь сады, через распахнутые ворота, выскочил на дорогу, ведущую к центру города. Но похитителей уже и след простыл.

Куда они подевались?

Элрик взглянул на клокочущее небо, и его белое лицо застыло, искаженное бессильной яростью. Все происшедшее представлялось бессмысленным. Зачем эти твари похитили Зайру? Альбинос знал, что у него есть враги, но никто из них

не был способен призвать на помощь столь могущественные сверхъестественные силы. Кто, кроме него самого, мог сотворить колдовство, заставившее город погрузиться в сон, а небеса — содрогаться?

К дому Воашуна — главного сенатора Карлаака и отца Зайры, Элрик прибежал, тяжело дыша, словно загнанный волк. Он забарабанил кулаками в двери, крича удивленным слугам:

— Откройте! Это Элрик! Быстрей!

Двери отворились, и он ворвался в дом. Сенатор Воашун с заспанным лицом, спотыкаясь, сошел по лестнице в холл.

— Что случилось, Элрик?

— Зовите воинов! Зайру похитили! Те, кто это сделал, были демонами, и, быть может, сейчас уже далеко. Но мы должны отправиться на их поиски, ведь они могли не улететь, а просто убежать.

На лице сенатора Воашуна сразу же появилась тревога, и он, продолжая слушать Элрика, стал отдавать краткие приказания.

— И мне нужно войти в оружейную,— закончил Элрик.— Я должен взять Буреносец.

— Но ты отверг этот клинок из-за страха перед той злой властью, которую он имел над тобой,— тихо напомнил Элрику сенатор Воашун.

— Да, отверг,— нетерпеливо ответил Элрик.— Но отверг его еще и ради безопасности Зайры. А теперь должен взять Буреносец — и тоже ради Зайры. Логика проста. Быстрей дайте мне ключ!

Сенатор Воашун молча принес ключ и провел Элрика в оружейную, где веками хранились оружие и доспехи его предков. Мимо древних реликвий, покрытых толстым слоем пыли, Элрик прошел к темному алькову, где во мраке, казалось, притаилось что-то живое.

Громадный черный боевой меч сладко застонал, когда Элрик протянул к нему тонкие белые пальцы. Это был Буреносец — тяжелый, но с прекрасным балансом, двуручный меч удивительных размеров, с широкой крестовиной и ровным острым клинком. На клинке недалеко от эфеса были выгравированы древние руны, и даже Элрик не знал точно их полного значения.

— И снова я вынужден прибегнуть к твоей помощи, Буреносец,— сказал Элрик, вешая меч на пояс.— Должен честно признать — мы с тобой настолько тесно связаны, что лишь смерть сможет нас разлучить.

С этими словами он вышел из оружейной и вернулся во дворец, где во внутреннем дворе конные стражники уже ждали его приказов.

Встав перед ними, Элрик обнажил Буреносец, странное черное сияние замерцало вокруг клинка, и из этого сияния на всадников взглянули темно-красные глаза альбиноса, горевшие на лице таком же бледном, как выбеленная кость.

— Этой ночью вам предстоит гнаться за демонами. Осмотрите деревни, хорошенько обшарьте лес и равнину в поисках тех, кто похитил нашу принцессу! Хотя похоже, что похитители прибегли к помощи колдовства, чтобы скрыться от нас, полностью мы в этом уверены быть не можем. Так что ищите — и ищите хорошо!

* * *

Весь остаток этой бурной ночи воины искали Зайру, но не смогли найти ни следов похитителей, ни следов жены Элрика. И когда наступил рассвет, похожий на пятна крови на утреннем небе, воины вернулись в Карлаак, где Элрик, которого Буреносец снова наполнил магической жизненной силой, ждал их.

— Господин Элрик, не стоит ли возобновить поиски в надежде, что свет дня даст путеводную нить? — спросил один из воинов.

— Он не слышит тебя,— прошептал другой воин, когда Элрик не ответил им.

Но тут альбинос повернул к ним голову, истерзанную болью, и мрачно объявил:

— Дальнейшие поиски не нужны. У меня было время подумать, и я понял, что должен искать свою жену с помощью колдовства. Ступайте! Больше вы ничего не можете сделать.

Он вернулся во дворец, понимая, что все же есть способ узнать, куда исчезла Зайра. Этот способ был ему очень не по душе, но он обязан был им воспользоваться.

Оказавшись в своей спальне, Элрик приказал слугам выйти, запер дверь на засов и уставился на мертвеца. Засохшая кровь до сих пор покрывала его одежды, а топор, которым он убил демона, похитители зачем-то унесли с собой.

Элрик подготовил труп, расправив на полу его конечности. Потом затворил ставни, чтобы в комнату не проникал солнечный свет, и развел огонь в жаровне, висевшей на цепях в одном из углов спальни.

Когда пропитанный маслом тростник загорелся, жаровня закачалась из стороны в сторону. Элрик подошел к небольшому сундуку, стоявшему у окна, и вынул из него полотняный мешочек. Он достал оттуда связку высушенных трав и бросил их на жаровню. В воздухе повис тошнотворный запах, и комната начала наполняться дымом.

Элрик, застыв над трупом, запел заклинание на древнем языке своих предков, королей-колдунов Мелнибонэ. Песня звучала непривычно для человеческого уха, то вздымаясь вверх, то опускаясь вниз, и опять поднимаясь от протяжного стона до пронзительного визга.

* * *

Ослепительный красный свет, исходящий от жаровни, падал на лицо Элрика и заставлял скакать по спальне фантастические тени. Мертвое тело на полу зашевелилось, разрубленная голова заметалась из стороны в сторону. Элрик обнажил рунный меч и, взявшись за эфес двумя руками, поднял Буреносец перед собой.

— Восстань, ты, у которого нет души! — приказал он.

Медленно, рывками тварь встала, распрямила окоченевшее тело и указала когтистым пальцем на Элрика. Остекленевшие глаза слуги Хаоса смотрели куда-то сквозь альбиноса.

— Все это было предопределено,— прошептал мертвец.— Не надейся, что сможешь избежать судьбы, Элрик из Мелнибонэ. Ты повредил мое тело, а я — порождение Хаоса. Мои повелители отомстят за меня.

— Как?

— Твоя судьба уже определена. Достаточно скоро ты все узнаешь.

— Скажи мне, ты, что мертв, зачем похитили мою жену? Кто послал тебя сюда? И где теперь моя жена?

— Три вопроса, господин Элрик. Требуется дать три ответа. Но ты ведь знаешь, что мертвые, пробужденные с помощью магии, не могут прямо отвечать на вопросы?

— Да, знаю. Так отвечай же, как можешь.

— Тогда слушай меня внимательно, ибо мне дозволено всего лишь раз прочитать предсказание, а потом я должен вернуться в преисподнюю, где суть моя сможет мирно сгнить. А теперь слушай:

За океаном вскоре битва разразится,
И кровь рекой повсюду будет литься
Когда же родич Элрика решится
Прийти, и если будет биться
В его бедро меч-кладенец,
Что твоему мечу близнец,
Прийти туда, забытый, где народом
Влачит существованье год за годом
Тот, кто не должен жить,
Тогда случится быть:
Преграды нет согласью всех сторон,
И Элрика жена вернется в дом.

С этими словами тварь рухнула на пол и больше не двигалась.

Элрик подошел к окну и распахнул ставни. Ему не раз приходилось сталкиваться с загадочными поэтическими предсказаниями, но разгадать это пророчество оказалось весьма трудно. Когда свет дня вошел в комнату, тростник, угасая, затрещал, а дым рассеялся. «За океаном...» В мире много океанов...

Элрик убрал рунный меч в ножны и лег, заложив руки за голову, на разоренную постель, чтобы спокойно поразмыслить над предсказанием. В конце концов, после долгих часов раздумья он вспомнил нечто, услышанное им от путешественника, приехавшего в Карлаак из Таркеша, страны на севере западного континента, который лежит за Бледным морем.

Путешественник рассказал ему, что назревает война между Дхариджором и другими государствами Запада. Дхариджор разорвал договоры, связывавшие его с соседними королев-

ствами, и заключил новый договор — с Теократом Пан Танга. Пан Танг слыл нечестивым островом, которым правила темная аристократия воинов-колдунов. Именно оттуда явился старый враг Элрика, Телеб Кан.

Столицу Пан Танга, Хвамгаарл, часто еще называли городом кричащих статуй, и ее обитатели до недавних пор почти не имели дел с жителями других стран. Яагрин Лерн был новым Теократом и весьма честолюбивым человеком. Его союз с Дхариджором мог означать лишь одно — он добивается власти над народами Молодых королевств. Путешественник считал, что конфликт может вспыхнуть в любой момент, ибо имелось достаточно свидетельств, что Дхариджор с теократией Пан Танга заключил военный союз.

И теперь, когда память прояснилась, Элрик связал рассказ путешественника из Таркеша с недавно полученными известиями о том, что Ютана, королева государства, граничащего с Дхариджором, взяла на службу Дувима Слорма и его имррирских наемников. Это означало, что Джаркор готовится к войне с Дхариджором. А Дувим Слорм был единственным живым родичем Элрика. И только слепой мог не заметить, насколько все это совпадало с пророчеством.

Продолжая размышлять, Элрик начал собирать разбросанные одежды и готовиться к путешествию. Ничего другого ему не оставалось делать, кроме как отправиться в Джаркор, и как можно быстрее, ибо там он наверняка мог найти Дувима Слорма. И, кроме того, если все известия правдивы, там скоро грянет битва.

И все же предполагаемое путешествие, которое должно было занять много дней, заставляло ныть его сердце, когда он думал о тех долгих неделях, которые предстоит провести, ничего не ведая о судьбе Зайры.

«У меня нет времени предаваться печали,— сказал он себе, зашнуровывая черный стеганый камзол.— Действовать — вот, что требуется от меня теперь... И действовать быстро!»

Держа перед собой рунный меч в ножнах и устремив взор в пространство, он сказал:

— Клянусь Ариохом — те, кто это сделал, смертные они или бессмертные, поплатятся за свое деяние. Слушай меня, Ариох! Это моя клятва!

Но его слова остались без ответа, и Элрик почувствовал, что Ариох, его демон-покровитель, то ли не слышал его, то ли не удостоил ответом.

Тогда Элрик, размашисто шагая, покинул отягощенные смертью покои и приказал подать коня.

Глава 2
РАСТРЕВОЖЕННАЯ СТРАНА

Там, где Пустыня вздохов упиралась в границы Илмиоры, между побережьями восточного континента и землями Таркеша, Дхариджора и Шазара простиралось Бледное море. Это было холодное, мрачное море. От него бросало в дрожь, но моряки, чтобы добраться из Илмиоры в Дхариджор, предпочитали плыть по нему и не сталкиваться со сверхъестественными опасностями Проливов Хаоса, где вечно бушевали штормы и обитали злобные морские чудовища.

На палубе илмиорской шхуны, закутавшись в плащ, стоял Элрик из Мелнибонэ. Дрожа от холода, он угрюмо смотрел на затянутое тучами небо.

Капитан шхуны, коренастый человек с веселыми голубыми глазами, с трудом донес до него кубок с горячим вином. Уцепившись за ванты, протянул его Элрику.

— Спасибо,— альбинос с благодарностью принял кубок и сделал несколько глотков.— Как скоро мы доберемся до Банарвы?

Капитан поднял воротник кожаной куртки, закрывая от холодных брызг небритое лицо.

— Мы плывем медленно, но еще до заката увидим Таркешский полуостров.— Банарва была одним из главных торговых портов Баркеша.— Хотел бы я знать, как долго еще эти воды будут безопасны для мирных кораблей. Ведь между королевствами Запада назревает война,— сказал капитан, опершись о леер.— В прошлом и Дхариджор, и Пан Танг пользовались дурной славой рассадников пиратства. И я уверен, прикрываясь разговорами о военных действиях, они скоро наплодят множество морских разбойников...

Элрик рассеянно кивнул. Его мало беспокоила угроза пиратства. Он думал совсем о другом...

* * *

Промозглым вечером, сойдя на берег в порту Банарва, Элрик вскоре заметил явные признаки того, что война уже вступила на земли Молодых королевств. По городу еще бродили всевозможные слухи и пустые домыслы, но первые сражения уже были выиграны, и первые солдаты уже погибли. Из невнятной болтовни горожан Элрик не смог получить ясного представления о ходе войны и только понял, что решающая битва еще впереди.

Словоохотливые обитатели Банарвы поведали ему, что по всем Западным землям уже движутся войска. Он узнал, что из Мурхуна вылетели крылатые люди. А из Джаркора Белые леопарды — личная гвардия королевы Ютаны — мчались во весь опор к Дхариджору, в то время как Дувим Слорм и его наемники спешно направлялись на север, чтобы соединиться с ними.

Дхариджор считался самым могучим государством Запада, а Пан Танг — грозным союзником, сильным магическими знаниями, а не многочисленными армиями. Следующим по могуществу после Дхариджора шел Джаркор, который со своими союзниками — Таркешом, Мурхуном и Шазаром — был все же слабее тех, кто угрожал безопасности Молодых королевств.

Уже несколько лет Дхариджор искал удобный случай для нападения на своих соседей, и поэтому поспешно сколоченный союз против него был попыткой остановить Дхариджор до того, как он будет полностью готов к войне. Окажется ли эта попытка удачной, Элрик не знал, да и те, с кем он разговаривал, не могли с уверенностью предсказать исход битвы.

Улицы Банарвы оказались забиты солдатами, обозами, лошадьми и мычащими коровами, а гавань заполнена военными кораблями. Найти комнату на постоялом дворе было почти невозможно, так как многие частные дома и гостиницы реквизировала армия. Впрочем, такое творилось повсюду. Во всех Западных землях люди точили оружие, надевали доспехи, садились на боевых коней и под развевающимися яркими знаменами отправлялись убивать и грабить.

У Элрика не осталось и тени сомнения, что именно здесь, на Западе, и произойдет та битва, о которой говорилось в пророчестве. Он попытался отвлечься, забыть о терзающей его тоске по Зайре и обратил угрюмый взор на запад. Буреносец тяжким грузом висел на боку, и альбинос постоянно прикасался пальцами к его рукояти, ненавидя клинок даже тогда, когда меч питал его жизненной силой.

Элрик провел ночь в Банарве, утром купил крепкого коня и помчался в Джаркор по равнине, поросшей редкой травой. Он скакал по миру, израненному войной, и его темно-красные глаза полыхали гневом при виде бессмысленных разрушений, мимо которых он проезжал. Хотя сам принц драконов долгие годы жил мечом, убивая, грабя и разрушая города, он питал неприязнь к жестокости войн — таких, как эта, когда люди бессмысленно убивают друг друга. Неприязнь возникла не потому, что альбинос жалел убитых или ненавидел убийц; он был слишком непохож на обычных людей, чтобы его серьезно волновало то, что они творят. И все же, идя по тернистому пути жизни, он стал идеалистом, которому мучительно не хватало мира и уверенности в завтрашнем дне. Поэтому его так возмущали те свидетельства раздора, которые эта война так щедро предоставляла ему. Его предки, и Элрик это знал, тоже не были похожи на обычных людей, но наслаждались конфликтами между Молодыми королевствами, вознося себя выше этих раздоров, выше той трясины чувств и эмоций, в которой сражались эти новые люди. Десять тысяч лет короли-колдуны Мелнибонэ правили миром — раса господ без совести и морали, которой не были нужны ни поводы, чтобы напасть на кого-то, ни какие-нибудь оправдания для своих врожденных злобных наклонностей.

Но Элрик, последний прямой потомок королевского рода, не уподобился своим предкам. Да, он был способен на любое жестокое и злое колдовство, однако в нем теплилась искра сострадания и жалости, и он мог любить и ненавидеть неистовей, чем кто-либо из предков. Эти сильные страсти, возможно, и стали причиной того, что он покинул родину и отправился скитаться по свету, чтобы сравнить себя с новыми людьми, ибо не смог найти в Мелнибонэ никого, кто разделял бы его чувства.

Две страсти — любовь и ненависть — принудили его вернуться, чтобы отомстить кузену Юркуну. Любовь и ненависть — именно они заставили его убить Юркуна, который заслуживал смерти, а потом по нелепой случайности убить и Циморил, которая смерти не заслуживала. Любовь и ненависть. Они переполняли альбиноса и сейчас, когда горький дым ожег горло.

Элрик проехал мимо беспорядочной группы горожан, которые бежали, куда глаза глядят, спасаясь от набегов бродячих войск Дхариджора, довольно глубоко вторгшихся в Таркеш, почти не встречая сопротивления, ибо главные силы короля Таркеша, Хилрана, находились дальше к северу и готовились к решающей битве.

Сейчас Элрик уже скакал недалеко от западного пограничья, по окраинами Джаркора. Когда-то, в лучшие времена, здесь жили крепкие дровосеки и жнецы. Но теперь от обширных лесов остались лишь обугленные, почерневшие стволы. А от богатых полей и вовсе ничего не осталось.

Извилистая дорога завела Элрика в один из таких лесов, где голые остовы деревьев вытягивали холодные узловатые ветви к серому бурлящему небу. Элрик ехал, накинув капюшон плаща. Тяжелая черная ткань полностью скрывала лицо. А когда внезапно пошел дождь, он надвинул капюшон еще глубже. Крупные капли ударили по скелетам деревьев, затянув окрестные поля пеленой, и весь мир, казалось, стал серым и черным, заполненным монотонным шорохом дождя, постоянным и угнетающим.

Когда альбинос проезжал мимо разрушенной лачуги — отчасти хибары, отчасти просто дыры в земле — чей-то каркающий голос окликнул его:

— Господин Элрик!

Пораженный, что его смогли узнать, Элрик обернулся и откинул капюшон. Из отверстия, служившего входом в жилище, на свет божий выбралось жалкое, оборванное создание. Оно махнуло рукой, подзывая альбиноса. Озадаченный Элрик шагом направил коня к убогому существу и увидел, что это старик, а может, и старуха — точнее он разглядеть не смог.

— Тебе ведомо имя мое? Откуда?

— Ты — легенда во всех Молодых королевствах. Кто не знает твое белое лицо и тяжелый клинок, который ты носишь на своем боку?

— Конечно, может, твои слова и правдивы, но мне все-таки кажется, что не простая случайность помогла тебе узнать меня. Кто ты и откуда знаешь язык Мелнибонэ? — Элрик умышленно продолжал говорить на грубом языке Молодых королевств.

— Ты должен знать, что каждый, кто имеет дело с темным колдовством, пользуется языком тех, которые были непревзойденными мастерами в этом искусстве. Не заглянешь ко мне на минутку?

Элрик взглянул на хижину и покачал головой. Он остался таким же разборчивым, как и в лучшие времена. Жалкое создание улыбнулось, поклонилось с издевкой и, перейдя на язык Молодых королевств, сказало:

— Могущественный господин брезгует, не желает оказать честь моему бедному дому. Но разве господину не любопытно узнать, почему огонь, недавно пожравший этот лес, не причинил мне вреда?

— Ага,— задумчиво протянул Элрик.— Весьма интересная загадка.

Старое чучело шагнуло к альбиносу.

— Не минуло еще и месяца, как здесь побывали солдаты — воины Пан Танга. Дьявольские всадники с охотничьими тиграми сопровождали их. Они отобрали у крестьян весь урожай и даже подожгли лес, чтобы тем, кому удалось сбежать от них, не осталось ни дичи, ни ягод. Я живу в этом лесу всю жизнь и, чтобы прокормиться, занимаюсь нехитрым волшебством и прорицаниями. Но когда огненные стены грозили вот-вот поглотить меня, мне удалось выкрикнуть имя демона, единственное, которое мне известно. Он — порождение Хаоса, и прежде у меня никогда не хватало духа, чтобы вызвать его. И он пришел на мой зов. «Спаси меня»,— мой крик больше напоминал стон. «А что ты за это сделаешь для меня?» — спросил демон. «Все, что тебе угодно»,— мой стон был красноречивей любых слов. «Тогда передай одному человеку послание от моих хозяев,— сказал он.— Когда братоубийца, известный всем как Элрик из Мелнибонэ, проследует

по этой дороге, скажи ему, что есть еще один его брат по крови, которого он до сих пор не убил. И найти его можно в Секуалорисе. Если Элрик действительно любит жену, то пусть сыграет свою роль. Если же он сыграет эту роль хорошо, Зайра будет ему возвращена». Что ж, мне удалось сдержать слово, данное демону — его послание передано по назначению.

— Благодарю тебя,— ответил Элрик.— И чем же еще тебе пришлось заплатить за возможность вызвать такого демона?

— Своей душой, конечно, чем же еще? Но она была старая и не очень-то ценная. А преисподняя... Она, возможно, ничуть не хуже, чем такое существование.

— Тогда зачем было спасаться от огня и тем самым губить свою душу?

— Я хочу жить,— заявило старое чучело, опять улыбнувшись.— Жизнь хороша. Моя жизнь, возможно, убога, но жизнь вокруг меня — вот ее я люблю. Не стану дальше задерживать тебя, мой господин, ведь у тебя есть более важные дела, чем болтовня со мной.— Старое чучело еще раз отвесило насмешливый поклон, когда Элрик поскакал прочь, озадаченный и в то же время ободренный. Зайра еще жива и находится в безопасности! Но что за соглашение ему предстоит заключить, прежде чем он сможет возвратить ее?

Яростно пришпорив коня, альбинос пустил его в галоп, направляясь в Секуалорис, небольшой городок в Джаркоре. Сзади, еле слышимое сквозь унылый шорох падающего дождя, до него донеслось хихиканье, одновременно и насмешливое, и жалкое.

Теперь, узнав, куда ехать, Элрик скакал во весь опор, но про осторожность не забывал и старательно избегал встреч с блуждающими бандами захватчиков. В конце концов, сухая равнина сменилась безбрежными пшеничными полями провинции Секуа, и на закате следующего дня Элрик въехал в маленький, окруженный крепостной стеной городок Секуалорис, на который дхариджорцы пока еще не нападали. Элрик прошелся по улицам, посмотрел, как горожане готовятся к войне, и узнал новости, которые его весьма заинтересовали.

Имррирские наемники под предводительством Дувима Слорма, родственника Элрика и сына Дувима Твара, старого друга альбиноса, должны прибыть в Секуалорис на следующий день.

С тех пор как из-за Элрика имррирцам пришлось покинуть разрушенный Грезящий город и мечом зарабатывать себе на жизнь, между ними и альбиносом возникла вражда. Но старые счеты уже давно канули в Лету, и уже дважды Элрик и имррирские воины сражались на одной стороне. Как бы там ни было, Элрик являлся их вождем по праву рождения, а традиции у этой древней расы оставались еще очень сильны.

В полдень следующего дня армия наемников торжественно вступила в город. Элрик встречал их около городских ворот. Воины Имррира явно устали от долгой дороги. Лошади тяжело тащили повозки с богатой добычей — до того, как королева Ютана послала за имррирскими наемниками, они вторглись в Шазар неподалеку от Туманных болот и захватили множество трофеев.

Они отличались от всех других рас, эти имррирцы с удлиненными лицами, чуть раскосыми глазами, высокими скулами. Все они казались бледными и стройными, с длинными мягкими волосами, ниспадавшими на плечи. Пышные наряды, которые они носили, были явно мелнибонийского покроя, а не трофейными — одежды из мерцающих тканей золотого, синего и зеленого цветов. Их металлические украшения тонкой работы привлекали внимание замысловатыми узорами. И оружие было не совсем обычным: пики с длинными широкими наконечниками и мечи с узкими стройными клинками. Имррирские воины надменно восседали на лошадях, убежденные в собственном превосходстве над всеми смертными. Понеземному прекрасные, они, как и Элрик, казались не совсем людьми.

Элрик поскакал навстречу Дувиму Слорму, и сразу же бросилось в глаза, как отличается темная одежда альбиноса от одеяний его соплеменников. Принц драконов был одет в длинный черный камзол из стеганой кожи с высоким воротником. Его талию стягивал широкий плоский пояс, на котором висели кинжал и Буреносец. Его молочно-белым волосам не давал

падать на глаза обруч темной бронзы. Штаны и сапоги тоже были черными, и почти сплошной черный цвет одежд резко подчеркивал белизну кожи и темно-красные пылающие глаза.

Дувим Слорм поклонился альбиносу, не слезая с седла и выказав лишь легкое удивление от нежданной встречи.

— Родич мой Элрик? Значит, слова вещуна оказались правдивы.

— Какого вещуна, Дувим Слорм?

— Сокола... Ведь сокол, насколько я помню, еще и твое птичье имя?

В традициях мелнибонийцев было отождествлять каждого новорожденного с какой-либо птицей. У Элрика такой птицей был сокол.

— Ну и что же тебе сказал сокол? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Он передал мне странное послание. Когда мы едва удалились от Туманных болот, он прилетел, сел мне на плечо и заговорил человеческим голосом. Сокол сказал, что я должен скакать в Секуалорис и встретиться там со своим императором. Из Секуалориса мы отправимся в армию Ютаны, и в предстоящей битве сообразно тому, выиграем ее или проиграем, решится наша с тобой дальнейшая судьба. Хоть какой-нибудь смысл в его словах ты уловил?

— Уловил,— нахмурился Элрик.— Ладно, пошли. Я приберег для тебя место на постоялом дворе. За кувшином вина расскажу тебе все, что знаю, если, конечно, мы сможем найти приличное вино в этой заброшенной деревне. Мне нужна помощь, любая помощь, ибо демоны похитили мою жену, и мне кажется, что и это похищение, и эта война — всего лишь составные части какой-то хитроумной игры.

— Что ж, тогда быстрей на постоялый двор! Твои слова еще сильнее возбудили мое любопытство. Становится все интереснее и интереснее. Сначала сокол-вещун и предсказание, теперь похищение и война! Хотел бы я знать, что же еще нас ждет?

* * *

Вместе с воинами Имррира, которые нестройной толпой следовали в отдалении, Элрик и Дувим Слорм направились

к постоялому двору, и там Элрик вкратце рассказал обо всем, что с ним произошло.

Прежде чем ответить, Дувим Слорм пригубил вино и, поставив кубок на стол, вытер губы.

— Нутром чую, что мы — всего лишь марионетки в борьбе богов. Несмотря на всю нашу кровь, плоть, и желание, в этой борьбе мы не можем разглядеть ничего, кроме нескольких едва связанных между собой фрагментов.

— Может и так,— раздраженно согласился Элрик.— Но я в ярости из-за того, что меня насильно вовлекли в эту борьбу ценой свободы моей жены. Я не имею понятия, почему ради ее возвращения мы должны заключать с кем-то сделку. Могу только предположить, что так хотят те, кто ее похитил. Но если вещий сокол послан ее похитителями, то нам лучше поступать так, как они говорят, и подождать до тех пор, пока не разберемся в происходящем. А вот тогда, не исключено, мы сможем действовать уже по собственному усмотрению.

— Разумно,— кивнул Дувим Слорм.— Я с тобой,— потом он слегка улыбнулся и добавил.— Впрочем, боюсь, моего согласия никто и не спрашивает.

— А где сейчас основная армия Дхариджора и Пан Танга? — поинтересовался Элрик, сменив тему разговора.— Я слышал, они собирали ее.

— Уже собрали — и она движется на нас. Грядущая битва решит, кто будет править западными землями. Я на стороне Ютаны, и не только потому, что она платит нам, но и потому, что если победят извращенные повелители Пан Танга, то страны Запада окажутся под пятой тирании, да и безопасность всего мира окажется под вопросом... Грустно, когда уроженец Мелнибонэ рассуждает о таких вещах,— Дувим Слорм иронически улыбнулся.— Кроме того, я не люблю этих колдунов-выскочек потому, что они стремятся превзойти нашу империю.

— Да,— согласился Элрик.— Они — такая же островная культура, как и мы. Они тоже колдуны и воины, как и наши предки. Но их колдовство еще менее естественное, чем наше. Наши предки творили ужасные деяния, и все же для них эти деяния казались естественными. А эти выскочки — они в большей степени люди, чем мы. Поэтому, чтобы стать подобными

нам, им пришлось извратить человеческую сущность, которой у нас просто не было. Нет, другой империи никогда не будет, и никто не сможет править миром десять тысяч лет. Началась новая эпоха, Дувим Слорм, и у меня много оснований, чтобы так говорить. Время утонченного колдовства заканчивается. Люди находят иные способы подчинять себе силы природы.

— Наши знания очень древние,— заметил Дувим Слорм.— И, как мне кажется, настолько стары, что почти никак не связаны с новым миром. Наша логика и наши знания соответствовали прошлому...

— Думаю, ты прав,— согласился Элрик, чьи чувства не соответствовали ни прошлому, ни настоящему, ни будущему.— Да, вполне естественно, что мы стали скитальцами, ибо нам нет места в этом мире.

* * *

Они пили молча и печально, погрузившись в размышления. И все же мысли Элрика постоянно возвращались к Зайре и к тем опасностям, которые могли грозить ей. Чистота этой девушки, ее ранимость и юность в какой-то степени были спасением для Элрика. Его любовь к ней помогала удерживаться от слишком глубоких размышлений о своей жизни, а ее общество смягчало его вечную меланхолию. Потом странное стихотворение-пророчество убитой им твари всплыло у него в памяти. В пророчестве говорилось о битве, и сокол, встретившийся Дувиму Слорму, тоже упоминал о ней. Речь без сомнения шла о грядущем сражении между армией Ютаны и объединенным войском Саросто из Дхариджора и Яагрина Лерна из Пан Танга. И если он хочет найти Зайру, то должен вместе с Дувимом Слормом принять участие в битве. Элрик не забывал о том, что с легкостью мог погибнуть в битве, но ему было лучше поступить согласно предсказанию, иначе он мог потерять мизерный шанс вновь увидеть Зайру.

Элрик повернулся к своему родичу.

— Завтра я отправлюсь вместе с тобой и стану участвовать в битве. Я снова обнажу меч. Как бы там ни было, мне

кажется, что в борьбе против Теократа и его союзников Ютане не помешает лишний воин.

— Не только наша судьба, но и судьбы многих народов поставлены на карту...— согласился Дувим Слорм.

Глава 3
ПОРАЖЕНИЕ

Десять кошмарных созданий ехали на желтых колесницах вниз по склону черной горы, которая извергала голубое и алое пламя и сотрясалась в судороге разрушения.

Не только здесь, но и по всему миру с могучих сил природы сорвали сдерживающие узы, и они взбунтовались. Однако лишь немногие понимали, что меняется сама Земля. Но Десять знали даже, почему она меняется, а еще знали об Элрике и о том, как их знание перемен связано с ним.

Стояло позднее лето. Сиреневые сумерки окутывали землю, и солнце кровавым шаром висело над горами.

В долинах заполыхали хижины, когда дымящаяся лава сладко поцеловала их соломенные крыши.

Сепириз, ехавший на первой колеснице, посмотрел на беспорядочную толпу суетящихся крестьян — они были похожи на муравьев, бестолково снующих вокруг кем-то разрушенного муравейника. Он повернулся к человеку в голубых доспехах и весело улыбнулся.

— Смотри, как они бегут,— сказал он.— Смотри, как они бегут, брат. Да, это радость — такие силы пробудились!

— Да, хорошо проснуться в такое время! — согласился его брат, криком перекрывая громкий рокот вулкана.

Улыбка исчезла с лица Сепириза.

Кнутом из бычьей кожи он так хлестнул могучих коней, запряженных в колесницу, что кровь выступила на их необъятных черных боках, и скакуны еще быстрее понеслись к подножию горы.

Крестьянин в деревне издалека заметил их. Он пронзительно завопил, и ужас прозвучал в его крике:

— Огонь исторг их из горы! Бегите и прячьтесь! Люди из вулкана проснулись, они приближаются! Десять из пророчества проснулись — это конец света!

Гора, содрогнувшись в спазме, опять плюнула горячими камнями и раскаленной лавой. Толчок сбил кричавшего с ног, а лава лизнула его, он завизжал, охваченный пламенем, и умер. Смерть его была совершенно никому не нужна, ибо Десять не интересовались ни им, ни его соседями.

Сепириз и его братья промчались прямо через деревню, и колесницы загрохотали по грубой мостовой.

За их спинами гора опять издала оглушающий вопль.

— В Нихраин! — закричал Сепириз.— Быстрее, братья мои, ибо нам еще многое предстоит сделать. Из *лимба* нужно принести клинок, а потом найти тех двух людей, что доставят его в Ксаньяу!

Радость наполняла Сепириза, когда он видел содрогающуюся землю, слышал рев пламени и грохот рушащихся скал. Его черное тело сверкало, отражая пламя горящих домов.

Кони, распластавшись над землей, несли трясущиеся колесницы с безумной скоростью, и копыта так быстро мелькали в воздухе, что порой казалось, что кони летят. Возможно, так и было, ибо все знали, что скакуны Нихраина отличаются от обычных лошадей.

Они промчались по узкому ущелью и рванулись вверх по горной дороге, устремив безумный бег к бездне Нихраина, старинному дому Десяти, в который те не возвращались уже два тысячелетия.

И снова Сепириз засмеялся. Он и его братья несли тяжелые обязанности, хотя и не служили ни людям, ни богам — они были глашатаями судьбы, и это давало ужасное знание, отягощавшее их бессмертные души.

Веками спали они в своих покоях внутри горы, неподалеку от дремлющего сердца вулкана, поскольку перепады жара и холода мало беспокоили их. Но теперь плюющийся лавой вулкан разбудил их, и они поняли, что пришел их час... час, которого они ждали тысячелетиями.

Вот почему Сепириз пел от радости. Наконец-то ему и его братьям было позволено исполнить свое высшее предназначение. Но чтобы выполнить задачу, возложенную на них судьбой, им требовались два мелнибонийца, два последних уцелевших потомка королевского рода великой империи.

Сепириз точно знал, что они живы — они должны быть живы, ибо без них не смогут осуществиться предначертания судьбы. Но Сепиризу также было известно, что на Земле есть еще и те, кому под силу обмануть саму судьбу, настолько они могущественны. Их присные были повсюду, особенно много их оказалось среди новых человеческих рас. Упыри и демоны тоже прислуживали им.

Это усложняло порученную ему задачу.

Но сейчас — в Нихраин! В город, высеченный в скалах, чтобы там сплести из нитей судьбы тончайшую паутину. Времени оставалось все меньше и меньше...

* * *

Шатры армии королевы Ютаны и ее союзников тесной кучей прятались среди низких холмов, заросших лесом. Густые деревья хорошо укрывали лагерь от посторонних глаз, а, чтобы замаскировать его еще лучше, воинам было приказано не разжигать бивуачных костров и не шуметь. Вокруг сновали конные разведчики и дозорные, сообщая о передвижениях противника и высматривая шпионов.

Но Элрику и его товарищам не чинили препятствий, когда они въезжали в лагерь — их легко узнавали, да и кроме того всем было хорошо известно, что королева Ютана призвала себе на помощь имррирских наемников.

— В память о нашей прежней связи мне стоит засвидетельствовать королеве Ютане свое уважение, но я не хотел бы, чтобы она узнала об исчезновении моей жены, иначе она, возможно, попытается помешать мне в поисках,— сказал Элрик Дувиму Слорму.— Мы просто скажем Ютане, что я по старой дружбе прибыл помочь ей.

Дувим Слорм кивнул, и Элрик оставил его присматривать за разбивкой лагеря, а сам отправился в шатер Ютаны, где королева нетерпеливо ожидала его. Королева встретила Элрика, томно опустив веки. На ее чувственном лице уже появились следы увядания. Длинные волосы остались черными, но груди стали больше, а бедра шире. Она сидела на обитом бархатом стуле перед столом, который был завален картами, донесениями, пергаментами и гусиными перьями.

— Доброе утро, волк,— сказала королева с легкой улыбкой, насмешливой и соблазнительной одновременно.— Разведчики доложили мне, что ты скачешь сюда с соплеменниками. Это обрадовало меня. Ты бросил новую жену, чтобы вернуться к более изысканным удовольствиям?

— Нет.

Элрик скинул тяжелый плащ для верховой езды и бросил его на скамью.

— Доброе утро, Ютана. Ты не изменилась. Я начинаю думать, что Телеб Кан, прежде чем я его убил, дал тебе испить воды вечной жизни.

— Возможно, так оно и было. Как там твоя семейная жизнь?

— Замечательно,— ответил Элрик.

Ютана подошла ближе, и он почувствовал тепло ее тела.

— А вот теперь я огорчена,— она иронически улыбнулась и пожала плечами.

Когда-то они были любовниками, несмотря на то, что гибель ее сводного брата оказалась на совести Элрика. Смерть Дхармита Джаркорского открыла ей дорогу к трону, и Ютана, весьма честолюбивая женщина, без особой скорби восприняла известие о его смерти.

У Элрика не было ни малейшего желания возобновлять старую связь с Ютаной, и поэтому он перевел разговор на предстоящее сражение.

— Я вижу, ты готовишься не к мелкой стычке. Какие у тебя силы и как ты оцениваешь свои шансы на победу?

— Со мной Белые леопарды, пять сотен отборных бойцов, которые быстры, как лучшие скакуны, сильны, как горные львы, свирепы, как кровожадные акулы,— ответила она.— Их учили только убивать, и единственное, что они умеют — это убивать. Кроме них есть и другие воины — пехотинцы и кавалеристы, отряд из почти восьмидесяти рыцарей-дворян. Из Шазара прибыли лучшие воины — жуткие распутники, но они ветераны и очень дисциплинированны. Таркеш прислал немного людей — насколько я понимаю, королю Хилрану необходимо хорошо оборонять южные границы, ибо оттуда можно ожидать нападения. Всего из Таркеша прибыло полторы тысячи пехотинцев и без малого две сотни всадников. Итого мы

можем выставить около шести тысяч обученных воинов. Крепостные, рабы и им подобные тоже будут участвовать в сражении, но они не в счет — им предстоит отражать первые атаки противника, и, конечно же, они погибнут в самом начале битвы.

Элрик кивнул — это была обычная военная тактика.

— А что за силы у противника?

— Нас больше, но у врага есть Дьявольские всадники и охотничьи тигры. Есть у них и еще какие-то твари, которых они держат в клетках. Но нам не известно, что они собой представляют, потому что клетки стоят в закрытых повозках и надежно охраняются.

— Я слышал, что люди Мурхуна летят сюда. Должно быть, исход битвы очень важен для них, раз они покинули свои гнезда.

— Если мы проиграем это сражение, Хаос легко сможет поглотить Землю и захватить власть над ней,— серьезно сказала королева.— Все оракулы отсюда до Шазара говорят одно и то же: Яагрин Лерн — пешка в руках своих хозяев, и поэтому повелители Хаоса поддерживают его. Мы боремся не только за наши земли, Элрик, мы боремся за все человечество.

— Тогда будем надеяться, что мы победим! — вздохнул альбинос.

Элрик вместе с другими командирами проводил смотр объединенной армии. Бок о бок с ним стоял гордый Дувим Слорм, облаченный в свободную золотистую рубаху. Обоих мелнибонийцев окружали военачальники, закаленные во множестве сражений, хотя и менее важных, чем предстоящее; низкорослые темнолицые люди Таркеша — они носили толстые доспехи, а черные волосы и бороды смазывали маслом; спокойные, величавые, неразговорчивые мурхунцы — их лица напоминали ястребиные, глаза были задумчивы, громадные крылья — сложены вдоль полуобнаженных тел. Командиры Шазара тоже присутствовали на смотре. Они одевались в серые, коричневые и черные куртки и бронзовые, цвета ржавчины, доспехи. Рядом с ними стоял командир Белых леопардов Ютаны — длинноногий стройный мужчина с льняными волосами, стянутыми на затылке в хвостик. На его свер-

кающих серебряных доспехах был изображен рычащий леопард, стоящий на задних лапах, такой же альбинос, как и Элрик.

Время битвы приближалось...

* * *

Ранним серым утром с противоположных концов долины, окаймленной низкими лесистыми холмами, сходились две могучие армии.

Армия Пан Танга и Дхариджора, словно приливная волна из расплавленного темного металла, ворвавшаяся в неглубокую долину, двигалась навстречу войску Ютаны.

Элрик, до сих пор не надевший доспехов, смотрел, как приближаются враги. Его конь нетерпеливо рыл копытами землю. Дувим Слорм, стоявший рядом с альбиносом, указывая рукой, сказал:

— Взгляните, вон их главари — Саросто слева, а Яагрин Лерн справа!

Король Дхариджора и Теократ Пан Танга скакали во главе армии, и знамена темного шелка реяли над их шлемами. Худощавый, несколько сутулый Яагрин Лерн, лицом похожий на хищную птицу, как всегда был в сияющих алых доспехах, которые казались раскаленными от жара. На его шлеме красовался тритон Пан Танга — свидетельство претензий на родство с морским народом. На тусклых темно-желтых доспехах Саросто была изображена звезда Дхариджора, а над ней — раздвоенный меч, по преданию принадлежавший предку Саросто, Атарну — строителю столицы этого королевства.

За ними следовали смуглые Дьявольские всадники Пан Танга. На боку каждого из них болтались длинные изогнутые сабли без ножен. Они восседали на шестиногих рептилиях-скакунах, которых, по слухам, выращивали при помощи колдовства. Между ними шныряло больше сотни выдрессированных охотничьих тигров — своими бивнеподобными клыками и огромными когтями они могли в один миг содрать мясо с костей человека. Позади медленно надвигающейся армии Элрик смог разглядеть крыши загадочных повозок с

клетками, и ему очень захотелось знать, что за твари там содержатся.

А потом Ютана отдала приказ выступать.

* * *

Лучники покрыли небо черной тучей стрел, когда Элрик повел первую волну пехотинцев вниз по холму, навстречу авангарду вражеской армии.

То, что его вынуждают рисковать жизнью ради чьих-то интересов, наполняло горечью сердце, но у него не было другого выхода: раз он хотел найти Зайру, то должен доиграть до конца отведенную ему роль. Принцу драконов осталось лишь молиться о том, чтобы остаться в живых.

Главные силы кавалерии последовали за пехотой, располагаясь на флангах с тем, чтобы, если получится, окружить противника. На одном фланге находились ярко одетые воины Имррира и воины Шазара в бронзовых доспехах. Таркешцы в голубых доспехах с красными, пурпурными и белыми плюмажами на шлемах, выставив вперед длинные копья, заняли другой фланг вместе с джаркорцами, одетыми в золотистые доспехи и размахивающими длинными мечами.

В центре фаланги Элрика вприпрыжку бежали Белые леопарды Ютаны, а сама королева скакала под своим штандартом сразу за первой фалангой, ведя в бой отряд рыцарей.

Они стремительно бросились на противника, и теперь уже тучи вражеских стрел поднялись в небо и обрушились вниз, то звонко ударяясь о шлемы, то с глухим звуком входя в плоть.

Воины разразились боевыми кличами, когда войска Ютаны ринулись вниз по склону, и армии сошлись.

В суматохе боя Элрик столкнулся с Яагрином Лерном, и рычащий Теократ встретил удар Буреносца алым щитом... И щит устоял, ибо был сработан так, что никакое колдовское оружие не могло повредить его.

Хищное лицо исказилось в злобной ухмылке, когда Теократ узнал альбиноса.

— Мне сказали, что ты будешь здесь, белолицый. Я знаю тебя, Элрик, и знаю твою судьбу!

— Сдается мне, очень много людей знают мою судьбу лучше, чем я,— ответил альбинос.— Но, возможно, если убью тебя, то смогу до того, как ты умрешь, вырвать тайну?

— Нет! Этот план придумали не мои хозяева.

— Что же, тогда, вероятно, его придумал я!

Он снова ударил Яагрина Лерна, но Буреносец опять был отброшен назад и потому завизжал от ярости. Элрик ощутил, как меч извивается в руке, как дрожит от досады, ведь обычно выкованный адом клинок резал металл, как масло.

В правой руке, облаченной в латную рукавицу, Теократ сжимал огромный боевой топор, который немедленно занес над незащищенной головой коня Элрика. И это было очень странно — позиция Яагрина Лерна позволяла ему нанести удар по самому всаднику! Альбинос дернул поводья, отводя коня из-под удара, и вновь обрушил Буреносец на Теократа. Рунный клинок завизжал, когда опять не сумел пробить алые доспехи Яагрина Лерна. Теократ еще раз взмахнул топором, Элрик, защищая коня, подставил меч и едва не был выброшен из седла могучим ударом. Он откинулся назад, потеряв равновесие, и нога выскользнула из стремени.

Яагрин Лерн опять нанес удар, наконец-то разрубив голову коня принца драконов. Скакун рухнул на колени, из раны хлынула кровь, перемешанная с мозгами, огромные глаза закатились.

Элрик с трудом поднялся, готовясь отразить следующий удар Яагрина Лерна. Но к его удивлению, король-колдун развернулся и поскакал прочь в гущу битвы.

— Увы, не мне предназначено забрать твою жизнь, белолицый! Право сделать это — у других сил. Но, если ты останешься жив, а мы победим, я, возможно, разыщу тебя.

Неспособный постичь смысл его слов, Элрик с отчаянием огляделся по сторонам в поисках другого коня и увидел дхариджорского скакуна, несущегося галопом прочь с поля боя. Голова и холка коня были покрыты искореженными черными доспехами, а сам всадник потерялся в пыли битвы.

Элрик кинулся к скакуну, ухватился за болтающиеся поводья, остановил животное и, вонзив ногу в стремя, вскочил в седло, весьма неудобное для человека без соответствующих доспехов. Привстав в стременах, альбинос бросился в бой.

Прорубая себе путь сквозь ряды вражеских воинов, Элрик сначала убил Дьявольского всадника и охотничьего тигра, который прыгнул на альбиноса, оскалив ужасные клыки, потом разделался с дхариджорским командиром в витиевато изукрашенных доспехах и двумя пехотинцами, вооруженными алебардами. Конь альбиноса, встав на дыбы, был похож на разъяренное чудовище. Элрик отчаянно гнал его туда, где качался штандарт Ютаны, пока наконец не заметил одного из герольдов.

Армия Ютаны сражалась храбро, но ее боевые порядки уже были расстроены. Чтобы добиться победы, следовало перегруппировать силы.

— Отзови кавалерию! — закричал Элрик.— Отзови кавалерию!

Молодой герольд, на которого наседали два Дьявольских всадника, бросил быстрый взгляд на альбиноса и на миг отвлекся от схватки. Его тут же пронзил клинок одного из Дьявольских всадников, юноша закричал, и оба врага, яростно набросившись, прикончили его. Выругавшись, Элрик подскакал ближе и рубанул одного из нападавших по голове. Воин вывалился из седла и рухнул в жидкую грязь. Другой всадник повернулся в седле, но только для того, чтобы встретить грудью острие Буреносца. Умирая, он визжал, пока рунный клинок пил его душу.

Мертвый герольд еще сидел в седле, и тело его было одной сплошной раной. Элрик подался вперед и сорвал с шеи герольда окровавленный рог. Прижав его к губам, протрубил кавалерии сбор и мельком заметил, что всадники поворачивают назад. Еще он заметил, что знамя покачнулось, начало падать, и понял, что знаменосец убит. Элрик привстал в седле, поймал шест с ярким флагом Джаркора и с флагом в одной руке и рогом в другой попытался собрать войска Ютаны.

Остатки потрепанной армии медленно собрались вокруг него. И тогда Элрик, взяв командование на себя, сделал то единственное, что еще могло изменить исход битвы.

Он затрубил в рог, и в шум битвы вплелась долгая воющая нота. В ответ послышались могучие удары тяжелых крыльев, когда в воздух поднялись люди Мурхуна. Увидев это, против-

ники открыли свои загадочные клетки. Элрик застонал от отчаяния.

Еще до того, как гигантские совы, считавшиеся вымершими даже у себя на родине в Мурхуне, стали кругами подниматься в небо, альбинос услышал их жуткое уханье.

Яагрин Лерн сумел подготовился к нападению с воздуха, каким-то образом создав извечных врагов — крылатых людей Мурхуна.

* * *

Появление неожиданного противника лишь слегка обескуражило крылатых людей, и они, вооруженные длинными дротиками, атаковали громадных птиц. На воинов, сражавшихся на земле, обрушился жуткий ливень из крови и перьев. Тела людей и птиц то и дело падали с неба, сбивая с ног пехотинцев и выбивая всадников из седел.

Сквозь эту неразбериху Элрик и Белые леопарды Ютаны стали пробиваться к Дувиму Слорму и его имррирцам, останкам таркешской кавалерии и почти сотне оставшихся в живых воинов Шазара. Взглянув вверх, Элрик увидел, что большинство гигантских сов убито, но и людей Мурхуна, уцелевших в воздушном бою, осталась лишь жалкая горстка. Мурхунцы в меру своих сил сыграли свою роль в сражении и теперь кругами уносились ввысь, покидая поле боя. Они поняли, что дальнейшая борьба бесполезна.

Когда отряды соединились, Элрик крикнул Дувиму Слорму:

— Битва проиграна — теперь хозяева положения Саросто и Яагрин Лерн!

Дувим Слорм взвесил в руке свой длинный меч и взглянул на альбиноса.

— Если мы собираемся остаться в живых, дабы следовать своей судьбе, то сейчас самое время побыстрее убираться отсюда,— крикнул он в ответ.

Это было все, что они могли сделать.

— Жизнь Зайры мне дороже, чем все остальное! — воскликнул Элрик.— Пора заняться нашими проблемами!

Но войска противника, подобно тискам, сжимались вокруг Элрика и его солдат. Из раны на лбу альбиноса текла кровь,

заливая лицо, застилая взор, и он был вынужден держать у лица левую руку, чтобы постоянно стирать ею кровь.

Правая рука альбиноса ныла от усталости, но он снова и снова рубил и колол, рубил и колол, охваченный отчаянием, и хотя ужасный клинок был едва ли не живым и почти разумным, даже он не мог восполнить жизненные силы, которые сейчас требовались альбиносу. Это отчасти радовало Элрика, ибо он ненавидел свой меч, хотя и зависел от него.

Потом ряды врагов подались назад, расступились, и в образовавшийся проход вбежали звери... Звери с пылающими глазами и сверкающими клыками, звери с огромными когтями.

Охотничьи тигры Пан Танга.

Лошади испуганно заржали, когда тигры разом прыгнули, опрокинув на землю и коней, и всадников. Вцепившись им в глотки, они стали рвать плоть. А потом они подняли окровавленные морды в поисках новых жертв. Значительная часть и без того маленькой армии Элрика, в ужасе крича, стала отступать. Большинство таркешских рыцарей бросилось бежать, увлекая за собой воинов Джаркора, чьи обезумевшие лошади понеслись прочь. А вскоре за ними последовали жалкие остатки гвардии Шазара. И только Элрик, воины Имррира, да еще около сорока Белых леопардов остались на поле боя против могучей армии Дхариджора и Пан Танга.

Элрик снова поднял рог, протрубил отступление, повернул коня и поскакал к выходу из долины. Имррирцы последовали за ним. Но Белые леопарды не покинули поле боя. Ютана говорила, что они умеют только убивать. Очевидно, они умели еще и умирать.

Элрик и Дувим Слорм вели имррирских воинов вверх по долине, испытывая благодарность к Белым леопардам, которые вольно или невольно прикрывали их отход. Элрик скакал и думал о том, что случилось с королевой Ютаной, ведь последний раз он видел ее перед схваткой с Яагрином Лерном.

Лишь когда имррирцы скрылись за холмами, Элрик до конца понял весь план Яагрина Лерна и его союзника — сильные свежие полки пехоты и кавалерии расположились у выхода

из долины, чтобы отрезать для армии Ютаны все пути к отступлению.

* * *

Недолго думая, Элрик направил коня вверх по склону холма, имррирцы последовали за ним. Низкие ветки густых берез стегали по лицам, а сзади гнались дхариджорцы, пытаясь не дать им уйти.

Элрик, развернув коня, увидел, что Белые леопарды еще сражаются, собравшись под знаменем Джаркора, и продолжил путь среди холмов. Наконец Элрик, Дувим Слорм и жалкая горстка имррирских воинов оставили за спиной череду холмов и помчались по равнине. Воины Дхариджора и Пан Танга продолжали гнаться за ними, явно узнав альбиноса и желая или убить его, или пленить.

Далеко впереди Элрик смог разглядеть солдат Таркеша, Шазара и Джаркора, которые раньше его оставили поле боя и избрали для бегства тот же путь, что и он. Но теперь беглецы уже не скакали все вместе, а рассыпались по полю, спасаясь каждый в одиночку.

Элрик и Дувим Слорм направились на запад через неизвестные им земли, а остальные воины Имррира, не обращая внимания на своих вождей, помчались на северо-восток, к Таркешу, где на несколько дней, возможно, оказались бы в относительной безопасности.

Битва была окончательно проиграна. Приспешники зла торжествовали, и в западных землях Молодых королевств начиналась эпоха ужаса.

* * *

Несколько дней спустя Элрик, Дувим Слорм, два воина Имррира, таркешский командир Йедн-пад-Джузев, тяжело раненный в бок, и шазарский пехотинец Орозн, уведший с поля боя лошадь, хозяин которой погиб, на время оказались в безопасности, удрав от погони. Они устало скакали на измученных лошадях, направляясь к гряде гор, чьи черные контуры неясно вырисовывались на фоне красного закатного неба.

Путники несколько часов уже не разговаривали. Йедн-пад-Джузев находился на грани смерти, и беглецы ничего не могли для него сделать. Он знал это и ни на что не надеялся, а просто скакал вместе с ними, чтобы не оставаться в одиночестве. Для жителя Таркеша он был очень высоким; его алый плюмаж еще развевался над помятым шлемом из голубого металла, нагрудник был изрублен и заляпан кровью, своей и чужой, черная борода блестела от масла, нос выступал скалой на каменном лице солдата, а взор был затуманен от боли. Но таркешец мужественно переносил страдания, и беглецы, частью из уважения, а частью пораженные, что человек с такой раной может оставаться живым столь долгое время, приноравливаясь к алюру его коня, умеряли бег своих скакунов, хотя и стремились как можно скорее оказаться в безопасности среди гор.

Опустилась ночь, и громадная желтая луна повисла над горами. На небе не было ни облачка, ярко сияли звезды. Беглецам хотелось, чтобы ночь выдалась темной, с грозой, тогда непогода укрыла бы их своей тенью. А так как ночь оказалась светлой, им оставалось лишь надеяться поскорее добраться до гор — до того, как охотничьи тигры Пан Танга, пройдя по следу, растерзают их ужасными клыками.

* * *

Элрик погрузился в мрачные раздумья. Теперь на какое-то время Дхариджор и Пан Танг будут заняты созданием новой могущественной империи. Потом, когда покончат с этим делом, они, может быть, перессорятся друг с другом, а может, и нет. Но в любом случае в недалеком будущем они станут очень сильны и будут угрожать безопасности других народов южного и восточного континентов.

Но тень, нависшая над судьбой всего мира, не очень-то беспокоила Элрика. Его тревожило то, что он по-прежнему не может узнать, как отыскать Зайру. Он вспомнил пророчество мертвой твари — часть предсказанных событий уже произошла. Но в остальном пророчество оставалось непонятным для альбиноса. Он чувствовал, что какая-то непреодолимая сила гонит его на запад, заставляет идти дальше и дальше в пустынные земли за Джаркором.

Там ли лежит его судьба? Там ли скрываются похитители Зайры? «За океаном вскоре битва разразится, и кровь рекой повсюду будет литься...»

Пролилась ли уже предсказанная кровь или ей еще предстоит пролиться? И что это за «близнец», который должен биться о бедро его родича, Дувима Слорма? А кто такой тот, кто не должен жить?

Возможно, тайна пророчества откроется за теми горами, что ждут их впереди...

Беглецы скакали в лунном свете, пока наконец не добрались до узкого ущелья.

Пройдя его до середины, они обнаружили пещеру и расположились в ней на ночлег.

* * *

Утром Элрика разбудили звуки, доносившиеся снаружи. Он сразу же обнажил Буреносец и подкрался к выходу. Но то, что альбинос увидел, заставило его вложить меч в ножны и вполголоса окликнуть израненного человека, ехавшего вверх по ущелью.

— Сюда, герольд! Здесь друзья!

Всадник оказался одним из герольдов Ютаны. Его одежды были изорваны, доспехи помяты. У юноши не оказалось ни меча, ни шлема, лицо осунулось от усталости и отчаяния. Он с облегчением вздохнул, узнав альбиноса.

— Господин Элрик?! А говорили, что вы погибли в сражении...

— Я рад, что так говорят. Если я мертв, зачем за мной посылать погоню...

Остальные беглецы тоже проснулись — все, кроме одного. Йедн-пад-Джузев умер во сне.

Орозн зевнул и ткнул пальцем в труп:

— Если мы в ближайшее время не найдем еды, я поддамся искушению съесть нашего мертвого друга.

Он взглянул на Элрика, ища у того поддержки, но выражение лица альбиноса привело его в замешательство, и он поспешил убраться в глубь пещеры, ворча себе под нос и пиная мелкие камни.

Элрик прислонился к стене недалеко от входа и спросил у герольда:

— Какие новости ты принес?

— Печальные, мой господин. Ужасные страдания пали на земли от Шазара до Таркеша. Огонь и железо, словно кошмарный ураган, прошлись по нашим странам. Мы полностью разгромлены. Только крошечные отряды продолжают безнадежную борьбу с врагом. Говорят, что некоторые из наших солдат стали бандитами, грабящими своих же товарищей. Да, настали кошмарные времена...

Элрик кивнул.

— Такое всегда бывает, когда твоих иноземных союзников враги побеждают в твоей же стране. А что с королевой Ютаной?

— Ей пришлось плохо, мой господин. Облаченная в доспехи, прежде чем испустить последний вздох, она сразилась с двумя десятками мужчин. Но враги всё-таки победили королеву. Ютану изрубили на куски. Саросто забрал ее голову на память и добавил к другим трофеям, таким, как руки Карнарла, своего единокровного брата, который воспротивился союзу с Пан Тангом, и глаза Пеника из Наржессера, поднявшего армию против Саросто в своей провинции. Остальных пленников Теократ Яагрин Лерн приказал замучить до смерти, а потом как предупреждение желающим восстать развесить на цепях по всем захваченным землям. Они стоят друг друга, эти Саросто и Яагрин Лерн!

Элрик сжал губы, когда герольд замолчал. Стало ясно, что у него остался единственный путь — на запад, иначе, если он вернется назад, захватчики быстро отыщут его. Он повернулся к Дувиму Слорму. Рубашка родича была разорвана, а левая рука покрыта кровью.

— Наша судьба указывает нам на запад,— тихо проговорил альбинос.

— Тогда давай поторопимся,— ответил Дувим Слорм.— Ибо мне не терпится покончить с этим делом и наконец выяснить, останемся мы живы или погибнем. В схватке с врагом мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Ты неправ. Я кое-чего добился,— возразил Элрик, вспоминая бой с Яагрином Лерном.— Я узнал, что Теократ каким-

то образом связан с похищением моей жены, и если он действительно приложил руку к ее исчезновению, то отомщу ему. Еще не знаю как, но отомщу...

— А пока давай поспешим на запад...— подытожил Дувим Слорм.

Глава 4
СЛУГИ СУДЬБЫ

В тот день они заехали еще дальше в горы, по пути избежав столкновения с несколькими отрядами, которых выслали захватчики. Два имррирца, узнав, что их вожди едут по своим личным делам, ускакали в другом направлении, герольд отправился на юг, чтобы донести туда свои печальные вести, так что Элрик, Дувим Слорм и Орозн остались втроем. Друзей не радовало общество Орозна, но на время пришлось смириться.

Через день Орозн исчез, и теперь Элрик с Дувимом Слормом вдвоем плутали в сердце черных гор, преодолевая высокие с изломанными краями каньоны и пробираясь по узким тропам.

Горы были покрыты снегом, сияющим белизной на черных скалах, и тропы, и без того скользкие и опасные, становились еще более скользкими и опасными.

Ближе к вечеру они забрались в такое место, где горы резко расступались, образуя широкую долину, и друзья поскакали по глубокому снегу вниз, к подножию гор. На белом снегу их следы казались черными шрамами, а дыхание, смешиваясь с дыханием лошадей, повисало облачками пара в морозном воздухе.

Потом они заметили всадника, который скакал им навстречу по дну долины. Один всадник не внушал опасения, так что беглецы подождали, пока он подъедет поближе. К их удивлению, это оказался Орозн, одетый в новые одежды из волчьих и оленьих шкур. Он дружески приветствовал Элрика и Дувима Слорма.

— Я искал вас. Должно быть, вы ехали по более трудному пути, чем я.

— Откуда ты взялся?— удивился Элрик.

Лицо альбиноса осунулось, кожа на скулах натянулась. С полыхающими темно-красными глазами он был еще более похож на волка, чем обычно.

— Здесь неподалеку поселок. Пойдемте, я отведу вас туда.

Они последовали за Орозном. Когда ночь была уже совсем близка и заходящее солнце окрасило алым вершины гор, путники достигли противоположного конца долины, поросшего березами, за рощей мерцала россыпь огоньков.

Орозн повел их через рощу.

* * *

Они, улюлюкая, появились из темноты — дюжина смуглых мужчин, охваченных ненавистью и держащих в латных рукавицах оружие. Судя по доспехам, это были воины Пан Танга. Видимо, Орозн, попав к ним в плен, все рассказал, и его заставили завлечь в западню Элрика и Дувима Слорма.

Элрик повернул коня, поднял его на дыбы.

— Орозн! Ты предал нас!

Но тот уже скакал прочь. Один раз он оглянулся, бледное лицо было искажено мукой раскаяния. Потом он нахмурился и, пришпорив коня, умчался вниз, к подножию холма, покрытого влажным мхом, исчезнув в воющей темноте ночи.

Элрик выхватил Буреносец из ножен, крепко сжал эфес и отразил удар медной булавы. Клинок скользнул к рукояти и отсек нападавшему пальцы.

Элрик и Дувим Слорм оказались в кольце противников, и все же Элрик принял бой, а Буреносец завыл свою дикую, неистовую песнь смерти.

Однако суровые испытания последних дней сильно измотали Элрика и Дувима Слорма. Даже дьявольской силы Буреносца оказалось недостаточно, чтобы вдохнуть жизнь в дряблые вены альбиноса. И тогда Элрик испугался — нет, не нападавших, а того, что обречен погибнуть или попасть в плен. Он почувствовал, что эти воины ничего не знают о роли своего хозяина в истории с пророчеством и не понимают, что, возможно, судьба уготовила альбиносу смерть много позже, а не сейчас, не в этой схватке.

Этой ночью могла свершиться величайшая ошибка...

— Ариох! — в страхе воззвал он к богу-демону Мелнибонэ.— Ариох! Помоги мне! Кровь и души за твою помощь!

Но упрямое божество не откликнулось.

Длинный клинок Дувима Слорма попал воину Пан Танга в щель под латным воротником и вонзился в горло. Еще один всадник Пан Танга кинулся на имррирца, но был отброшен взмахом меча. Дувим Слорм крикнул Элрику:

— Зачем мы поклоняемся богу, который так часто капризничает?

— Может, он решил, что наше время пришло! — воскликнул в ответ Элрик, а его рунный меч в это время пил жизненную силу очередного воина Пан Танга.

Друзья вскоре совсем измотались, но продолжали сражаться, пока в шум схватки не ворвались новые звуки — грохот колесниц и низкие стонущие крики.

А затем их противники оказались сметены, как волной, черными людьми, чьи лица были красивы, а губы тонки и горделиво изогнуты, чьи плащи из белого лисьего меха развевались за спиной, обнажая великолепно сложенные тела, и чьи дротики без промаха разили сбитых с толку противников альбиноса.

Элрик приготовился или продолжить схватку, или спасаться бегством.

— Это он — тот самый белолицый! — воскликнул черный воин, когда увидел Элрика. Колесницы остановились, высокие кони зафыркали, прядая ушами. Элрик подскакал к предводителю чернокожих незнакомцев.

— Благодарю тебя,— сказал он, едва не выпав от усталости из седла. Но у него хватило сил выдать свое падение за глубокий поклон.— Ты, похоже, знаешь меня, и ты уже третий человек, встреченный мной за последнее время, который знает меня, но которого я не знаю.

Предводитель натянул плащ из лисьего меха на обнаженную грудь и улыбнулся.

— Меня зовут Сепириз, и скоро ты узнаешь меня достаточно хорошо. А что касается тебя, то мы знаем тебя уже тысячи лет. Разве ты не Элрик — последний император Мелнибонэ?

— Ты прав.

— А ты...— Сепириз повернулся к Дувиму Слорму.— Ты — родственник Элрика. Вы оба — последние из королевского рода Мелнибонэ.

— Да,— согласился Дувим Слорм, явно заинтригованный.

— Значит, на этой дороге мы ждали именно вас. В пророчестве...

— Это вы похитили Зайру? — прервал его Элрик и схватился за меч.

Сепириз покачал головой.

— Нет, но мы можем рассказать тебе, где она. Постарайся успокоиться. Хотя я представляю твои душевные муки, но смогу лучше изложить все, что знаю, когда окажемся в моих владениях.

— Сначала скажи нам, кто вы такие! — потребовал Элрик.

По губам Сепириза проскользнула улыбка.

— Я думал, ты знаешь нас — или, по крайней мере, знаешь о нас. Твои предки и мой народ дружили в те годы, когда ваша империя еще была молода.— На мгновение он замолчал, потом продолжил.— Слышал ли ты когда-нибудь, возможно в Имррире, легенды о Десяти из горы? О Десяти, которые спят в огненной горе?

— Слышал множество раз,— глубоко вздохнул Элрик.— Теперь по описаниям я узнал вас. Но в легендах говорилось, что вы веками спите в огненной горе. Что же заставило вас пуститься в странствия?

— Извержение вулкана, который приютил нас и дремал в течение двух тысяч лет. Такие извержения в последнее время происходят по всей Земле. Мы знаем, что пришло время нам проснуться. Мы — слуги судьбы, и наша миссия напрямую связана с тем, что предначертано тебе. Мы принесли два послания. Одно от похитителей Зайры, а второе... у него совсем другой отправитель. Не отправишься ли ты с нами в бездну Нихраина, чтобы узнать все?

Элрик на мгновение заколебался, потом кивнул и ответил:

— Я тороплюсь исполнить свою месть, Сепириз. Но если то, что вы сможете поведать, приблизит ее час, я отправляюсь с тобой.

— Тогда поехали! — черный гигант дернул поводья и развернул колесницу.

* * *

Это было путешествие длиною в день и ночь — путешествие к бездне Нихраина — огромному зияющему разлому высоко в горах, месту, к которому никто не осмеливался приближаться, ибо для тех, кто жил у подножия этих гор, оно было священно.

Величественный чернокожий во время путешествия большей частью молчал.

Наконец колесницы достигли края бездны и покатились вниз по крутой дороге, которая, извиваясь, уходила во тьму пропасти.

На глубину полумили солнечный свет уже не проникал, но друзья разглядели впереди мерцающие факелы, выхватывающие из темноты то очертания резных неземных барельефов, то дыру в сплошной скале. Когда проехали еще дальше, то увидели внушающий благоговение город Нихраин, в который уже много веков не ступала нога постороннего. Последние из его обитателей — десять бессмертных людей расы более древней, чем даже мелнибонийцы, история которых насчитывала двадцать тысяч лет.

Огромные колонны, вырубленные много веков назад из первичной породы, гигантские статуи и широкие балконы во много ярусов виднелись повсюду. Окна в сотни футов высотой и ровные ступени испещряли стены пропасти. Десять провели колесницы через ворота невероятных размеров и въехали в пещеры Нихраина, стены которых были украшены странными символами и барельефами.

Рабы, разбуженные от вековечного сна, дабы помочь своим хозяевам, выбежали навстречу колесницам. Даже они внешностью своей сильно отличались от обычных людей.

Сепириз отдал вожжи рабу, а Элрик и Дувим Слорм сошли с колесницы и с благоговением осмотрелись.

— А теперь — в мои покои, и там я расскажу вам все то, что захотите узнать... и о том, что вы должны сделать,— объявил Сепириз.

Ведомые Сепиризом родичи нетерпеливо проследовали по галереям в громадный, полный темных скульптур зал, у зад-

ней стены которого горело множество больших очагов, бросая повсюду красные отсветы. Сепириз уселся в кресло и предложил своим гостям такие же кресла, вырезанные из цельных глыб эбонита. Когда они все расположились перед одним из очагов, Сепириз глубоко вздохнул и пристально осмотрел зал, словно вспоминая его.

— Извини меня, Сепириз, но ты обещал передать нам какие-то послания,— нетерпеливо проговорил Элрик.

— Да,— кивнул головой Сепириз.— Но я так много должен вам поведать, что мне нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями.— Прежде чем продолжить, он поудобнее устроился в кресле.— Мы знаем, где твоя жена,— наконец заговорил он.— И мы также знаем, что она в безопасности. Ей не причинят никакого вреда, поскольку ее собираются обменять на нечто, находящееся у вас во владении.

— Тогда расскажи мне все! — холодно потребовал Элрик.

— Мы дружили с твоими предками, Элрик. И мы дружили с теми, кого они вытеснили, с теми, кто выковал тот клинок, который ты носишь.

Несмотря на нетерпение, Элрик оказался заинтригованным. Годами он пытался избавиться от рунного меча, но у него ничего не получалось. Все его попытки оказались тщетными, и альбинос по-прежнему нуждался в мече, хотя теперь по большей части его силы поддерживали настои трав.

— Ты хотел бы избавиться от своего меча, Элрик? — спросил Сепириз.

— Да. И все об этом знают.

— Тогда слушай... Мы знаем, для кого и для чего этот клинок и его близнец были выкованы. Их сделали с особой целью и для особых людей. Их могут носить только мелнибонийцы, и то не все, а лишь те, в чьих жилах течет королевская кровь.

— Ни в истории Мелнибонэ, ни в его легендах нет даже намека на какое-то особое предназначение этих мечей,— заметил Элрик, чуть подавшись вперед.

— О некоторых секретах лучше помалкивать,— успокаивающе сказал Сепириз.— Эти клинки выкованы для того, чтобы уничтожить очень могущественных существ. В том числе и мертвых богов.

— Мертвые боги... Но ты не можешь не знать, что они погибли много веков назад. Об этом свидетельствует даже их прозвище.

— Они и «погибли», как ты сказал. С точки зрения людей, они мертвы. Но на самом деле в те дни, когда мертвые боги были преисполнены страха, они сами предпочли «умереть», предпочли избавиться от материальной оболочки и устремить квинтэссенцию своей жизни во тьму.

Элрик не имел ни малейшего представления о том, что говорил Сепириз, но без споров принял его слова и продолжал внимательно слушать.

— Один из них вернулся,— сообщил Сепириз.

— Зачем?

— Чтобы любой ценой забрать две вещи, которые угрожают и ему и его друзьям-богам. Где бы мертвые боги сейчас ни пребывали, эти вещи все еще могут причинить им вред.

— И эти вещи?..

— На Земле они выглядят как два колдовских меча, на клинках которых выгравированы руны. Вы называете их Горюном и Буреносцем.

— Буреносец? — Элрик коснулся своего меча.— Но почему боги должны бояться его? А второй меч отправился в *лимб* вместе с моим двоюродным братом Юркуном, которого я убил много лет тому назад. Горюн потерян.

— Это не так. Мы вернули его, тем самым частично исполнив поручение судьбы. Меч хранится здесь, в Нихраине. Эти клинки были выкованы для ваших предков, которые с их помощью изгнали мертвых богов. Их изготовили враги мертвых богов — кузнецы, не принадлежащие к роду человеческому. Эти кузнецы заставили сражаться зло со злом, хотя сами служили не Хаосу, а Порядку. Они выковали мечи по нескольким причинам — и избавить мир от мертвых богов стало только одной из них!

— А каковы же другие?

— О них вы узнаете, когда придет время. Пока цель судьбы не будет достигнута, нам предстоит встречаться еще много раз. Нас обязали до поры до времени не открывать вам их. У тебя, Элрик, зловещая судьба, и я не завидую тебе.

— Но что за послание ты должен был мне передать? — опять спросил альбинос.

— Благодаря тому, что Яагрин Лерн нарушил равновесие, один из мертвых богов получил возможность вернуться на Землю, о чем я тебе уже сказал. Он собрал своих приспешников. Именно они похитили твою жену.

Элрик почувствовал, как глубокое отчаяние охватывает его. Неужели предстоит бросить вызов столь могущественным силам?

— Зачем? — тихо прошептал он.

— Дарнизхаан знает, насколько Зайра дорога тебе. Он желает обменять ее на два этих меча. Мы в данном случае просто выполняем роль посыльных. По твоей ли просьбе или Дувима Слорма мы должны отдать меч, который храним, ибо он по праву принадлежит любому мелнибонийцу королевской крови. Условия Дарнизхаана очень просты. Он отправит Зайру в *лимб* в том случае, если ты не пожелаешь отдать клинки, угрожающие его существованию. Смерть Зайры — не та смерть, которую мы обычно подразумеваем под этим словом, будет мучительной и вечной.

— А если я приму его условия, что тогда?

— Все мертвые боги вернутся на Землю. Только сила этих мечей не позволяет им это сделать прямо сейчас.

— А что случится, если мертвые боги вернутся?

— Даже без мертвых богов Хаос угрожает захватить нашу планету, а вместе с ними он станет просто непобедим. Причем сразу же. И тогда мир захватит Зло. Хаос ввергнет наше измерение в бесконечный ад ужаса и разрушения. Вы уже видели, к чему привело появление на Земле одного мертвого бога, а ведь Дарнизхаан был возвращен сюда лишь на короткое время.

— Ты имеешь в виду поражение армии Ютаны и завоевание народов Запада Саросто и Яагрином Лерном?

— Именно это. Яагрин Лерн заключил союз с Хаосом — со всеми повелителями Хаоса, а не только с мертвыми богами, ибо Хаос боится того будущего, которое судьба уготовила Земле, и Хаос должен попытаться изменить его, захватив власть над нашим миром. Повелители Хаоса весьма сильны и без помощи мертвых богов. Дарнизхаан должен быть уничтожен.

— Но мне не из чего выбирать, Сепириз. Если я отдам Буреносец, то, возможно, смогу выжить с помощью трав и других средств. Но, отдав его в обмен на Зайру, я дам возможность Хаосу явиться сюда во всей своей мощи, и на мою совесть тяжким грузом ляжет чудовищное преступление.

— Выбор должен сделать ты сам.

Элрик погрузился в размышления, но так и не нашел способа разрешить эту проблему.

— Принеси второй клинок,— в конце концов попросил он.

* * *

Сепириз вышел и через некоторое время вернулся с мечом, который, казалось, чуть отличается от Буреносца.

— Итак, Элрик, пророчество теперь стало понятней? — спросил Сепириз, все еще держа в руках Горюн.

— Да, это близнец моего меча. Но последняя часть пророчества — куда мы должны направиться?

— Об этом я скажу чуть позже. Хотя мертвые боги и силы Хаоса осведомлены, что брат твоего меча находится у нас, но они не знают, кому мы на самом деле служим. Судьба, как я уже говорил, наша хозяйка, и судьба соткала структуру для этой Земли, которую трудно изменить. Но, тем не менее, возможно. Нам поручено следить, чтобы судьба не оказалась обманутой. Тебе предстоит испытание. От того, как поведешь себя и какое решение примешь, зависит, что мы должны будем рассказать по твоему возвращению в Нихраин.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся сюда?

— Да.

— Дай мне Горюн,— быстро сказал Элрик.

Сепириз подал клинок, и Элрик застыл, держа в каждой руке по мечу-близнецу и словно пытаясь найти различия между ними.

Оба клинка застонали, узнав друг друга. Их сила потекла через тело альбиноса, и ему показалось, что его плоть сделана из пламени, твердого как сталь.

— Теперь, когда я держу их вместе, вспоминаю, что они обладают и такими возможностями, которые мне еще не приходилось использовать. Когда они вместе, то появляется одно

качество — качество, которое мы, вероятно, сможем использовать против мертвого бога,— тут Элрик нахмурился.— Но об этом потом,— он перевел взгляд на Сепириза.— Теперь скажи, где Дарнизхаан?

— В долине Ксаньяну в Мурхуне.

Элрик передал Горюн Дувиму Слорму. Воин с осторожностью принял меч.

— Каков будет твой выбор? — спросил Сепириз.

— Поживем — увидим,— ответил Элрик с горьким смешком.— Возможно, есть способ победить этого мертвого бога... Но вот что я тебе скажу, Сепириз: если уж выдался удобный случай, то заставлю этого бога пожалеть, что он вернулся, ибо он сделал то единственное, что могло по-настоящему разгневать меня. А гнев Элрика из Мелнибонэ и его меча Буреносца может уничтожить целый мир!

Сепириз привстал в кресле.

— А богов, Элрик, он может уничтожить богов?

Глава 5
МЕРТВЫЙ БОГ

Издали Элрик был похож на огромное пугало, жестко закрепленное на обширной спине нихраинского скакуна — такой же тощий и прямой. Суровое лицо альбиноса застыло без всякого выражения словно маска, а темно-красные глаза горели как угли в глубоких провалах глазниц. Ветер трепал волосы, но альбинос, не обращая на это внимания, выпрямившись, сидел в седле, уставившись вперед и сжимая длинными тонкими пальцами эфес Буреносца.

Дувим Слорм, который нес Горюн одновременно и с гордостью, и с опаской, изредка слышал, как меч стонет, что-то говоря своему брату-близнецу, и чувствовал, как клинок вздрагивает на боку. Не сразу Дувим Слорм задумался о том, что сделает с ним этот меч, что тот даст ему и что потребует взамен. Но, задавшись этими вопросами, родич альбиноса убрал руку подальше от Горюна.

Ближе к границам Мурхуна кучка дхариджорских наемников — жителей Джаркора, облаченных в доспехи своих завоевателей,— напала на Элрика и Дувима Слорма. Они были

грубыми деревенщинами, эти наемники — не смогли придумать ничего лучше, как, ухмыляясь, просто поскакать наперерез путникам. На их шлемах покачивались черные перья плюмажей, скрипели кожаные застежки доспехов, и сами доспехи бряцали металлом о металл. Командир наемников, косоглазый громила с топором за поясом, осадил коня прямо перед Элриком.

Нихраинский скакун, подчиняясь команде альбиноса, резко остановился, и принц драконов безо всяких видимых эмоций мягким, кошачьим движением выхватил Буреносец. Дувим Слорм повторил его движение, не спуская глаз с молчаливо ухмыляющихся наемников. Его удивила та легкость, с какой клинок покинул ножны. Потом без колебаний Элрик ринулся в бой.

Альбинос дрался механически — быстро, эффективно и без эмоций. Одним ударом он рассек и наплечник командира наемников, и его тело до самого желудка. Черные доспехи противника окрасились красным, и он зарыдал, медленно умирая, распростерся на холке коня, а затем соскользнул на землю, повиснув одной ногой в стремени.

Буреносец громко замурлыкал от удовольствия, а Элрик снова и снова наносил удары, равнодушно расправляясь с одним противником за другим. Порой казалось, что все враги не вооружены и руки их скованы, так легко он их убивал.

Дувим Слорм, не привыкший к полуживому Горюну, попытался использовать его как обычный меч, но клинок сам двигался в руке воина, нанося удары более удачные, чем его хозяин. Необычайное ощущение силы, одновременно сладострастное и холодное, наполнило тело Дувима Слорма, и он, услышав свой торжествующий вопль, понял, как страшны были в бою древние предки мелнибонийцев.

Схватка закончилась быстро, и, оставив валяться на земле бездыханных наемников, чьи души были выпиты, друзья оказались в Мурхуне. Оба меча были покрыты кровью от эфеса до кончика клинка.

Элрик позволил своим мыслям плыть по волнам времени, дрейфуя вокруг прошлого, настоящего и будущего и связывая их в целое, в некую упорядоченную схему. Но он с подозре-

нием относился ко всем схемам, не любил определенность, ибо не доверял ей. Он считал, что жизнь хаотична, протекает от одного случайного события к другому, и предсказать дальнейший ее ход нельзя. И способность разглядеть в жизни какую-то логичную последовательность, какую-то схему, построенную на закономерностях, казалась ему всего лишь самообманом, иллюзией.

Некоторые вещи он воспринимал, даже не пытаясь их оценивать. Поэтому он и носил колдовской меч, понимая, что тот необходим ему, дабы поддержать физически и психически. Он признавал, что эта вынужденная зависимость от меча порождена как его собственной слабостью и неверием в себя, так и неприятием мировоззрения, построенного на причинно-следственных связях. Элрик считал себя реалистом, принимающим жизнь такой, какая она была.

* * *

Они скакали сквозь ночь, борясь с яростным, свирепым ветром.

Когда приблизились к долине Ксаньяну, весь мир — небо, земля, воздух — наполнился тяжелыми, трепещущими звуками музыки. Мелодичные чувственные, могучие аккорды гремели и утихали снова и снова, опять и опять, а следом за музыкой появились белолицые.

Каждый белолицый был облачен в черную рясу и вооружен мечом, клинок которого на конце разделялся на три изогнутых зубца. У каждого на лице застыла ухмылка. Они бежали, как бешеные собаки, прямо на двух путников, и музыка сопровождала их движения. Элрик с Дувимом Слормом натянули поводья, еле сдерживая желание развернуть коней и убраться отсюда подальше. За свою долгую жизнь альбинос видел много ужасов, от которых другие люди сошли бы с ума, но то, что сейчас предстало его взору, потрясло его сильнее, чем что-либо прежде. Эти белолицые были людьми с виду совершенно обыкновенными, если не считать того, что они были одержимы.

Приготовившись защищаться, Элрик и Дувим Слорм выхватили мечи и стали ждать, но нападения не последовало.

Музыка и одержимые промчались мимо и скрылись в ночи в той стороне, откуда приехали альбинос и Дувим Слорм.

Внезапно над головой у друзей шумно захлопали могучие крылья и с неба донесся пронзительный визг, которому вторили с земли четкие рыдания. Спасаясь бегством, мимо Элрика пробежали две женщины, и он был потрясен, увидев, что эти женщины, принадлежавшие к крылатому народу Мурхуна, были лишены крыльев. В отличие от той мурхунской женщины, которую альбинос хранил в своей памяти, у этих крылья были отрезаны. Женщины, на лицах которых было безумие, а в глазах пустота, не обратив внимания на двух путников, убежали в ночь.

— Что происходит, Элрик? — крикнул Дувим Слорм, одной рукой пряча меч в ножны, а другой успокаивая гарцующую лошадь.

— Не знаю. А что должно происходить там, где правит мертвый бог?

Отовсюду доносились шум и гам. В ночи, полной ужаса, беспрестанно что-то двигалось.

— Поехали! — Элрик шлепнул мечом по крупу коня, послав в галоп нихраинского скакуна, и тот понес своего всадника в ночь.

Могучий хохот приветствовал их, когда они проехали меж холмов в долину Ксаньяну. Долину заливала тьма, черная, как смола, и несущая угрозу, а сами холмы казались часовыми, охраняющими вход в нее. Друзья придержали скакунов, утратив путь во тьме долины, и Элрику даже пришлось окликнуть своего родича, чтобы убедиться, что тот рядом. Могучий хохот опять разнесся эхом, загромыхав так, что вздрогнула земля. Казалось, весь мир иронически смеется над попытками людей справиться со страхом и въехать в долину.

Элрик задумался, не кроется ли здесь предательство, не попал ли он в западню, устроенную мертвым богом? Какие у него были доказательства, что Зайра действительно находится здесь? Почему он поверил Сепиризу? Что-то скользнуло вдоль ноги альбиноса, и он положил руку на эфес Буреносца, готовый в любой момент выхватить его. Но затем, поднявшись из земли до самых небес, гигантская фигура встала у них на пути. Руки на чреслах, обернутых золотым светом;

лицо обезьяны, каким-то образом совмещенное с другим лицом, преисполненным достоинства и необузданного величия; живое тело, переливающееся красками и светом; губы, искривленные в ухмылке радостью и знанием — Дарнизхаан, мертвый бог!

— Элрик!

— Дарнизхаан! — яростно воскликнул альбинос, задрав голову и впившись взглядом в лицо мертвого бога. Он больше не испытывал страха.— Я пришел за своей женой!

У ног мертвого бога копошились его присные — широкогубые твари с бледными треугольными лицами. Их головы венчали колпаки, а в глазах светилось безумие. Они хихикали, визжали и трепетали в сиянии гротескного и прекрасного тела Дарнизхаана. Они что-то невразумительно тараторили, обращаясь к альбиносу и Дувиму Слорму, насмехались над ними, но ни одна тварь не осмелилась отойти от мертвого бога.

Элрик усмехнулся.

— В прислужниках — сплошь выродки и ничтожества.

— Ты большее ничтожество, чем они, Элрик из Мелнибонэ,— захохотал мертвый бог.— Ты пришел, чтобы договориться со мной или чтобы отдать мне под опеку душу своей жены, дабы она могла провести вечность, медленно умирая?

Элрик не позволил ненависти появиться на лице.

— Я должен уничтожить тебя, так подсказывает мне инстинкт. Но...

Мертвый бог улыбнулся, едва ли не с жалостью.

— Это ты должен быть уничтожен, Элрик. Ты — анахронизм. Твое время прошло.

— Не говори за других, Дарнизхаан!

— Я могу уничтожить тебя!

— Но не сделаешь этого.

Хотя Элрик всей душой ненавидел мертвого бога, с удивлением обнаружил, что относится к нему, как к собрату — оба принадлежали к ушедшей эпохе, и ни один из них не нашел себе места на новой Земле.

— ...А потом я уничтожу твою жену,— продолжал мертвый бог.— Это я могу сделать совершенно безнаказанно.

— Зайра! Где она?!

И вновь могучий хохот Дарнизхаана сотряс долину Ксаньяну.

— Ох, до чего же докатились древние люди этой Земли! Было время, когда ни один мелнибониец, особенно королевской крови, не признался бы, что беспокоится о душе другого смертного, тем более, если этот смертный — порождение новой расы века, который вы называете веком Молодых королевств. И что я вижу? Ты спариваешься с животным, император Мелнибонэ! Куда же подевалась твоя кровь, где безжалостная и замечательная кровь твоих предков? Где та знаменитая жестокость? Где твое зло, Элрик?

Необычные эмоции зашевелились в душе альбиноса, когда он вспомнил своих предков, Колдунов-королей острова драконов. Он понял, что мертвый бог намеренно пробуждает в нем эти эмоции, и попытался подавить их.

— Это все в прошлом! — крикнул Элрик.— На Земле настали новые времена. Наше время скоро пройдет... а твое — уже прошло!

— Нет, Элрик! Запомни мои слова, что бы ни случилось. Рассвет окончен, и вскоре с этим миром поступят так, как поступает утренний ветер с желтыми листьями на деревьях. Настоящая история Земли еще не началась. Ты, твои предки, даже люди этих новых рас, все вы — ничто, всего лишь прелюдия истории. Вы все будете забыты, если начнется настоящая история Земли. Но мы можем избежать этого, мы можем спастись, покорив Землю и защитив ее от повелителей Порядка, от самой судьбы, от космического равновесия, мы можем продолжать жить, но ты должен отдать мне эти мечи.

— Я не в состоянии понять тебя,— вздохнул Элрик, а потом покрепче стиснул челюсти.— Я пришел сюда, чтобы или договориться с тобой, или сразиться ради спасения моей жены.

— Ты не понимаешь,— захохотал мертвый бог.— Все мы, боги и люди — тени, марионетки, развлекающие публику перед началом настоящего представления. Тебе лучше не бороться со мной, а перейти на мою сторону, ибо я знаю правду. У нас с тобой общая судьба. Мы оба не существуем. Старожилы обречены — ты, я, мои братья, если ты не отдашь мне мечи. Мы не должны драться друг с другом. Раздели с нами

наше страшное знание — знание, которое сводит нас с ума. Ничего нет, Элрик,— ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Мы не существуем, все мы!

Элрик быстро покачал головой.

— Я все еще не могу понять тебя. И не понял бы, даже если бы захотел. Но я желаю вернуть жену, а не разгадывать загадки!

Дарнизхаан опять рассмеялся.

— Нет! Ты не получишь свою женщину, если мы не завладеем этими мечами. Ты не понимаешь, мечи были созданы не только, чтобы изгнать и уничтожить нас, их предназначение — уничтожить тот мир, который мы знаем. Если ты оставишь их у себя, Элрик, именно ты будешь нести ответственность за то, что те, кто придет после нас, ничего не будут помнить о тебе.

— Я могу это только приветствовать,— заявил альбинос.

Дувим Слорм молчал, не вполне согласный с Элриком. Ему казалось, что мертвый бог во многом прав.

Дарнизхаан задрожал всем телом, золотое сияние затанцевало вокруг него и стало сильнее.

— Оставишь мечи у себя — и получится так, словно мы никогда не существовали,— с беспокойством произнес мертвый бог.

— Пусть так и будет,— упрямо сказал Элрик.— Ты думаешь, я хочу, чтобы остались воспоминания — воспоминания о зле, убийствах и разрушениях? Воспоминания о человеке, в чьих жилах течет испорченная кровь, о человеке, прозванном братоубийцей, женоубийцей и множеством других подобных имен?

Дарнизхаан заговорил настойчиво, с тревогой в голосе:

— Элрик, тебя одурачили! Тебе где-то всучили совесть! Но ты должен присоединиться к нам. Мы спасемся, только если на этой планете воцарятся повелители Хаоса. Если же у них ничего не получится, от нас не останется следа!

— Замечательно!

— *Лимб*, Элрик, *лимб*! Ты понимаешь, что это означает?

— Меня это не волнует. Где моя жена?

Элрик не разрешал себе вдумываться в кошмарный смысл того, что говорил мертвый бог, не позволял себе не только

понимать слова Дарнизхаана, но и даже слушать их. Все мысли были посвящены одному — спасению Зайры.

— Я принес мечи,— вновь заговорил Элрик.— И я хочу, чтобы мне вернули жену.

— Прекрасно,— мертвый бог с облегчением улыбнулся.— По крайней мере, если мы будем хранить мечи в их истинном виде за пределами Земли, то, возможно, сумеем удержать власть над этим измерением. В твоих руках они могли бы уничтожить не только нас и тебя, но заодно и твой мир. И тогда миллионы лет здесь правили бы животные, прежде чем на Земле вновь наступил бы век разума. Но его эпоха была бы более тусклой и невзрачной, чем наша. Мы не хотим, чтобы все так обернулось. Но, если бы мечи остались у тебя, это стало бы почти неизбежным.

— Замолчи! — крикнул Элрик.— Для бога ты говоришь слишком много. Забирай мечи и верни мне жену!

По приказу мертвого бога несколько его прислужников быстро куда-то убежали. Элрик заметил только, как их тела, отражающие свет Дарнизхаана, исчезли во тьме долины. Он с нетерпением ожидал, и присные вернулись, неся сопротивляющуюся Зайру. Они поставили ее на землю, и Элрик увидел, что от пережитого потрясения у девушки совершенно пустой взгляд.

— Зайра!

Зайра долго оглядывалась, прежде чем заметила Элрика. Она медленно двинулась к нему, но слуги мертвого бога, хихикая, не пустили ее.

Дарнизхаан протянул к альбиносу две гигантские светящиеся руки.

— Сначала мечи.

Элрик и Дувим Слорм положили мечи на ладони мертвого бога. Тот выпрямился, крепко сжимая эфесы, и взревел от радости. Слуги Дарнизхаана отпустили Зайру, и та кинулась к мужу, уцепилась за него, рыдая и дрожа. Элрик, чуть склонившись, принял супругу в свои объятия и стал ласково гладить ее длинные темные волосы, от волнения не способный вымолвить ни слова.

Но потом он взял себя в руки, повернулся к Дувиму Слорму и крикнул:

— Родич мой, теперь давай посмотрим, получится ли у нас!..

Элрик впился взглядом в Буреносец, который извивался в руке Дарнизхаана.

— Буреносец! *Керана солеим, о'глара...*

Дувим Слорм тоже обратился к своему мечу, Горюну, на древнем языке Мелнибонэ — тайном колдовском языке, которым на протяжении двадцати тысяч лет истории империи пользовались для гадания по руническим камням и для вызова демонов.

Элрик и Дувим Слорм повелевали мечами, словно держали их в руках, просто выкрикивая приказы. Именно об этом свойстве рунных мечей вспомнил Элрик, когда был в гостях у Сепириза. Клинки дернулись в светящихся руках Дарнизхаана, и мертвый бог отпрянул. Его тело стало беспорядочно меняться, превращаясь то в тело человека, то в тело животного, то вообще во что-то непонятное. Он явно испугался.

Мечи вырвались из сжимавших их рук и, развернувшись, обрушились на мертвого бога. Тот пытался бороться с ними, всячески отбиваясь, а клинки сновали в воздухе вокруг него, злобно завывая, и снова ожесточенно нападали на Дарнизхаана. Повинуясь приказу Элрика, Буреносец рубил сверхъестественную плоть бога, и Горюн Дувима Слорма следовал его примеру. Поскольку рунные мечи были сверхъестественными клинками, они наносили богу страшные раны всякий раз, когда касались его.

— Элрик! — проревел Дарнизхаан.— Элрик, ты не понимаешь, что делаешь! Останови их! Останови их! Элрик, вдумайся же наконец в то, что я сказал тебе о судьбе мира! Останови их!

Но Элрик, охваченный злобой и ненавистью, подгонял клинки, заставлял их раз за разом погружаться в тело мертвого бога, и оно начало расплываться, таять, яркий свет его поблек. Слуги Дарнизхаана покинули своего господина, поняв, что он обречен, и убежали в глубь долины. Мертвый бог тоже это понял. Он рванулся к двум всадникам, но ткань его существования начала лопаться еще до новой атаки рунных мечей — по воздуху поплыли клочья материи, из которой состояло его

тело, и ночь жадно поглощала их. Свирепо и яростно подгонял мечи Элрик, а Дувим Слорм сплетал свой голос с голосом альбиноса в жестоком упоении зрелищем гибели светящегося Дарнизхаана.

— Глупцы! — воскликнул Дарнизхаан.— Уничтожая меня, вы уничтожаете себя.

Но Элрик не прислушался к его словам, и когда от мертвого бога ничего не осталось, мечи, довольно постанывая, сами легли в руки своих хозяев.

Содрогнувшись, Элрик быстро вложил Буреносец в ножны.

Он спешился, помог жене сесть на громадного нихраинского скакуна и вскочил в седло позади нее.

В долине Ксаньяну воцарились тишина и покой.

Глава 6
ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Днем позже три человека, согнувшись в седлах от усталости, добрались до бездны Нихраина. По серпантину спустились они вниз, в черные глубины подземного города, и там их встретил Сепириз, чье лицо было печальным, хотя слова и ободряли:

— Итак, ты добился успеха, Элрик,— с улыбкой сказал он.

Альбинос сначала спешился, потом помог слезть с коня Зайре и лишь после этого повернулся к Сепиризу.

— Мне не доставило удовольствия то, что произошло, хотя ради освобождения жены я сделал то, что должен был сделать,— хмуро заявил он.— Мне нужно поговорить с тобой без свидетелей, Сепириз.

Черный нихраинянин сдержанно кивнул.

— После еды мы с тобой побеседуем,— сказал он.

Они устало прошли по галереям, обратив внимание на то, что в городе теперь стало значительно оживленнее, но девяти братьев Сепириза нигде не было видно. Тот объяснил их отсутствие, пока вел Элрика и его спутников в свои покои:

— Как слуги Судьбы они были вызваны в другое измерение, где смогут проследить за различными вариантами будущего нашей Земли, дабы я знал, как действовать дальше.

В покоях Сепириза стол уже был накрыт. Поев, Дувим Слорм и Зайра вышли, оставив Элрика наедине с Сепиризом.

В громадном очаге полыхал огонь. Элрик и Сепириз, сгорбившись, молча сидели в креслах.

Потом без всякого вступления Элрик рассказал Сепиризу и о том, что произошло, и о словах мертвого бога, которые взволновали его... и даже потрясли.

Когда альбинос закончил, Сепириз кивнул.

— Так оно и есть. Дарнизхаан сказал тебе правду. Или, во всяком случае, большую часть правды — насколько он ее понимал.

— Значит, мы действительно вскоре все исчезнем? Исчезнем так, словно никогда не жили, не дышали и не боролись?

— Да, нечто вроде этого.

— Но почему? Это кажется несправедливым.

— А кто тебе сказал, что наш мир справедлив?

Элрик улыбнулся, его подозрения подтвердились.

— Да, как я и ожидал, справедливости не существует.

— Нет, в некотором смысле существует,— возразил Сепириз.— Но эту справедливость необходимо еще выделить из хаоса существования. Человек не был рожден в справедливом мире, но Человек может создать такой мир!

— Согласен,— кивнул Элрик.— Но к чему все ваши усилия, если мы обречены умереть и унести с собой в могилу то, чего добились?

— В этом ты не совсем прав. Кое-что останется. Тем, кто придет после нас, мы оставим кое-что в наследство.

— Что же?

— Землю, свободную от сил Хаоса.

— То есть мир, свободный от колдовства, насколько я понимаю?..

— Свободный, но не совсем. В том мире будущего Хаос и колдовство не будут столь могущественны, как сейчас.

— Что ж, за это стоит бороться, Сепириз,— с облегчением вздохнул Элрик.— Но какая роль уготована рунным мечам?

— У них две задачи. Первая — избавить этот мир от основных источников зла...

— Но они сами — зло!

— Совершенно верно. С сильным злом должно сражаться сильное зло. Мир будущего возникнет только тогда, когда добро сможет взять верх над злом. Но пока еще добро недостаточно сильно. Вот за что нам предстоит бороться.

— А какова же вторая задача у этих клинков?

— Их второе предназначение — исполнить то, что предначертано тебе судьбой. И теперь, когда я могу тебе рассказать обо всем, я должен выбирать — или рассказать, или позволить тебе прожить жизнь в неведении о своей судьбе.

— Расскажи,— нетерпеливо произнес Элрик.

— Твое высшее предназначение — уничтожить этот мир!

Элрик вскочил.

— Нет, Сепириз! Я не в силах в это поверить! Неужели еще и такое преступление ляжет на мою совесть?

— Это не преступление, Элрик, это неизбежность. Эра империи Мелнибонэ прошла, и даже век Молодых королевств близится к концу. Хаос породил нашу Землю и с незапамятных времен правил на ней; люди же были созданы для того, чтобы положить конец его владычеству.

— Но мои предки поклонялись силам Хаоса. Мой демон-покровитель Ариох — герцог тьмы, один из высших повелителей Хаоса!

— Все так. Ты и твои предки были не настоящими людьми, а промежуточным типом, созданным с определенной целью. Ты понимаешь Хаос, что совершенно недоступно настоящим людям. Ты можешь управлять силами Хаоса, а людям это никогда не будет дано. И, будучи одной из реинкарнаций вечного героя, ты сможешь ослабить силы Хаоса, ибо ты знаешь свойства Хаоса. Ослабить Хаос — вот что ты должен сделать! Хотя твоя раса поклонялась повелителям Хаоса, она первая принесла на Землю некое подобие порядка. Народы Молодых королевств унаследовали его от вас и укрепили. Но все же Хаос еще значительно сильнее Порядка. Рунные мечи, Буреносец и Горюн, более упорядоченный век Молодых королевств, мудрость твоей расы и моей — все уйдет на то, чтобы дать подлинное начало истории человечества. Эта новая история не начнется еще много тысяч лет, и люди сначала станут похожи на животных, прежде чем снова возродятся. Но

когда это наконец произойдет, в мире не останется главных сил Хаоса. И если мы будем бороться, такой мир сможет появиться на свет. Мы обречены, но наша судьба не должна постигнуть новых людей.

— Так вот что имел в виду Дарнизхаан, когда говорил, что мы — всего лишь тени, марионетки, развлекающие публику перед началом настоящего представления...— Элрик глубоко вздохнул: огромная ответственность тяжким грузом легла на него. Он не был рад ей, но без споров принял ее.

— Это и есть твое предназначение, Элрик из Мелнибонэ,— спокойным голосом продолжал Сепириз.— До сих пор ты вел достаточно бесцельную жизнь, хотя все это время рыскал по Земле, пытаясь придать своей жизни хоть какой-нибудь смысл, не так ли?

— Мне нечего возразить на это! — согласился Элрик, и на лице промелькнула пренебрежительная улыбка.— С самого рождения я не знал покоя, и еще меньше покоя у меня стало, когда похитили Зайру.

— Так и должно было быть,— подытожил Сепириз.— У твоей жизни все-таки есть цель — цель, которую уготовила ей судьба. Это та предопределенность, которую ты ощущал каждый день своего смертного бытия. Ты, последний из королевского рода Мелнибонэ, уже в недалеком будущем должен будешь исполнять то, что предначертано тебе судьбой. Мир погружается во тьму, природа восстает и бунтует против тех надругательств, которым подвергают ее повелители Хаоса. Океаны бурлят, леса качаются, тысячи вулканов извергают раскаленную лаву, ветры завывают в яростных муках, а небеса полны ужасного движения. По всей Земле воины готовятся к битве, исход которой решит участь нашего мира. Миллионы женщин и детей по всему западному континенту завершают на погребальных кострах свой жизненный путь. А вскоре эти костры разгорятся и на других континентах. Все люди Земли разделятся на враждующие лагери, и Хаос их легко победит. Он победит все, кроме тебя и твоего меча Буреносца.

— Буреносец... Он принес достаточно бурь в мою жизнь. Может, на этот раз ему удастся усмирить бурю? А что будет, если победит Порядок?

— Если восторжествует Порядок, то мир все равно придет к своему закату и гибели, а мы все будем забыты.

Но если восторжествует Хаос, тогда смерть, подобно туману, заполонит весь воздух, ветры разнесут крики агонии, и в неустойчивом мире колдовства и злобной ненависти останется лишь мерзкая безысходность. Но ты, Элрик, со своим мечом и с нашей помощью сумеешь остановить Хаос. Это должно быть сделано.

— Тогда я сделаю это,— спокойно проговорил принц драконов.— И, если это так уж необходимо, постараюсь сделать все как можно лучше.

— Вскоре армии построятся в боевом порядке, чтобы двинуться против сил Пан Танга,— продолжал Сепириз.— Это станет первой линией нашей обороны. Впоследствии мы опять призовем тебя, чтобы ты завершил свою миссию.

— Я охотно сыграю отведенную мне роль,— ответил Элрик.— Ведь помимо всего прочего я намерен отплатить Теократу и за те оскорбления, которые он нанес мне, и за те волнения, которые я из-за него испытывал. Хотя, возможно, не он внушил Дарнизхаану мысль похитить Зайру, но он потворствовал ее похитителям, и за это умрет медленной мучительной смертью.

— Что же, тогда быстрей отправляйся в путь, ведь каждый попусту потраченный день позволяет Теократу укреплять свою новую империю.

— Прощай,— сказал Элрик, теперь еще более страстно желая покинуть Нихраин и вернуться в знакомые земли.— Я знаю, мы встретимся вновь, Сепириз, но молюсь, чтобы наша встреча состоялась в более спокойные времена, чем сейчас.

* * *

Трое скакали на восток, к побережью Таркеша, где надеялись найти корабль, чтобы переправиться через Бледное море в Илмиору, а уж оттуда добраться до Карлаака у Плачущей пустыни. Не обращая внимания на опасности, они гнали нихраинских скакунов по опустошенным, израненным войной землям, стенающим под пятой Теократа.

Элрик и Зайра часто обменивались взглядами, но почти не разговаривали, ибо ими обоими двигало нечто, что они не могли высказать вслух, что не осмеливались признать. Зайра понимала, что даже по возвращении в Карлаак им не долго оставаться вместе; она видела, что муж опечален, и печалилась вместе с ним, бессильная постичь изменения, происшедшие в нем. Она лишь сознавала, что черный меч, снова висящий на боку супруга, уже никогда не вернется в оружейную ее отца. Ей казалось, что она подвела мужа, хотя на самом деле не в этом была причина. Когда они въехали на вершину холма и увидели дым, черный и густой, стелющийся над равнинами Тороунза, когда-то прекрасными, но теперь разоренными, Дувим Слорм, скакавший чуть позади Элрика и его супруги, крикнул:

— Послушай, родич, что бы ни случилось, мы должны отомстить Теократу и его прихвостням!

— Обязательно,— согласился Элрик и бросил встревоженный взгляд на Зайру.

Часть 15
БРАТЬЯ ЧЕРНОГО МЕЧА

Элрик богоборец и братья черного меча навеки изгоняют Ариоха и других герцогов ада из измерения Земли...

«Хроника черного меча»

Глава 1
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Пришел день, когда короли, военачальники и полководцы собрались в мирном городе Карлааке, что лежит в Илмиоре на краю Плачущей пустыни.

Они прибыли сюда без пышных церемоний. Хмурясь, поторопились приехать в Карлаак, отвечая на призыв Элрика, опять поселившегося в городе нефритовых башен вместе со своей вновь обретенной женой Зайрой. Все собрались в громадном зале, где в прежние времена правители Карлаака проводили военные советы. Элрик не нарушил этой традиции.

За помостом, на котором стоял Элрик, висела огромная цветная карта мира, освещаемая дрожащим светом факелов. Три главных континента были изображены на ней — Восточный, Южный и Западный. Последний, на котором находились Джаркор, Дхариджор, Шазар, Таркеш, Мурхун, вместе с островом Пан Тангом, был закрашен черной краской, потому что все эти земли были захвачены империей Пан Танга-Дхариджора, которая теперь угрожала безопасности владений вельмож, собравшихся в Карлааке. Некоторым из дворян уже пришлось бежать из своих земель, но таких оказалось весьма немного. К тем, у кого не было своих земель, относилась и присутствующая на совете жалкая горстка имрирских воинов, которые участвовали в битве при Секуалорисе и вместе с объединенной армией королевы Ютаны потерпели поражение. Среди соплеменников стоял их предводитель Дувим Слорм, и на его поясе в прочных ножнах висел Горюн.

На совете был и Монтан, правитель Лормура. Он стоял рядом с дружественными ему королями южных земель — Джернедом Филкхарийским, Хозэлом Аргимилиарским и Колтаком Пикараудским, облаченными в яркие доспехи и одежды из бархата и шелка.

Морские повелители с Острова Пурпурных башен носили простые бронзовые шлемы и нагрудники, а также куртки, штаны и сапоги из неокрашенной кожи. Длинные палаши висели у каждого на боку, а лица были почти не видны за черными космами и густыми, вьющимися бородами.

Все они — и короли, и морские повелители — были склонны не очень-то доверять Элрику, который когда-то повел их отцов и братьев в набег на Имррир и тем самым освободил множество тронов для тех, кто сейчас участвовал в военном совете.

Другую группу составляли полководцы Ишмира, Чангшаи и Окары — стран, лежащих в восточной части Восточного континента, за бесплодными пространствами Плачущей пустыни и Пустыни вздохов. Жители этих королевств почти не общались с остальным миром. Все, кроме невысокого рыжеволосого человека, стоявшего рядом с Элриком — его друга Мунглума из Элвера, искателя приключений с Востока.

* * *

Регент Вилмира, дядя десятимесячного короля, возглавлял последнюю группу, в которую входили сенаторы городов-государств Илмиоры, одетый в красное лучник Ракхир из Танелорна и несколько принцев из купцов, посланцев городов-протекторатов Вилмира.

За людьми, собравшимися в старом зале военных советов Карлаака, стояли могучие армии почти всего мира.

«Но настолько ли эти армии могучи, чтобы справиться с тем, что надвигается на нас с Запада?» — спросил себя Элрик.

Лицо альбиноса было угрюмым, а темно-красные глаза с тревогой смотрели на людей, которые прибыли сюда по его просьбе.

— Как вы понимаете,— продолжал Элрик,— навряд ли империя Пан Танга-Дхариджора удовольствуется только Запад-

ным континентом. Со дня их победы прошло лишь два месяца, а они уже подготовили огромный флот, дабы сокрушить тех королей, чьи благополучие и безопасность зависят по большей части от мореплавания.

Он бросил быстрый взгляд на морских повелителей и на королей Южного континента.

— Нас, жителей Востока, захватчики, похоже, в расчет не принимают и серьезной угрозой своим планам не считают. Если мы сейчас не объединимся, у новой империи Запада появится прекрасная возможность победить всех, сначала завоевав Юг, а потом покорив разрозненные города-государства Востока. Мы должны заключить оборонительный союз, иначе нам не устоять.

— И откуда ты знаешь, что их планы именно таковы?

Вопрос задал Хозэл Аргимилиарский — сивый южанин, подверженный, как говорили, приступам безумия, ибо был потомком дюжины кровосмесительных браков.

— От разведчиков, беженцев... Да и от сверхъестественных сил. Все они сообщают об одном и том же.

— Да и без их сообщений мы можем быть уверены, что планы захватчиков именно таковы,— прорычал Карган Остроглазый, один из морских повелителей. Он посмотрел прямо в лицо Хозэла с чувством, близким к презрению.— А кроме того, Яагрин Лерн из Пан Танга, возможно, пытается найти себе союзников среди южан. Среди них есть и такие, кто скорее преклонит колени перед иноземными завоевателями, чем расстанется со своими никчемными жизнями и неправедно нажитым богатством.

Хозэл холодно улыбнулся Каргану.

— А еще есть и такие, чья патологическая недоверчивость заставляет их сидеть сложа руки, пока не станет слишком поздно.

Элрик поспешно вмешался, зная о раздорах между закаленными морскими повелителями и их более изнеженными соседями.

— А больше всего им поможет, если в наших рядах начнутся распри. Хозэл, поверь, я говорю искренне и мои сведения точны.

Правитель Лормура Монтан, чьи лицо, борода, волосы были одного цвета — серого, надменно произнес:

— Вы в своих северных и восточных землях слабы. Мы же у себя на юге сильны. Зачем же нам посылать корабли на защиту вашего побережья? Нет, я не согласен с такой логикой, Элрик. Уже был случай, когда твои рассуждения сбили с правильного пути множество хороших людей... И привели их к гибели!

— Я думал, мы уже предали забвению старые счеты! — выдавил Элрик, еле сдерживая гнев, ибо до сих пор корил себя за некоторые прошлые деяния.

— Конечно,— поддержал его Карган.— Человек, который не может забыть прошлое — это человек, который не может думать о будущем. Я считаю, что Элрик в своих рассуждениях прав.

— Вы, купцы, всегда были слишком беспечны по отношению к своим кораблям и слишком доверчивы, когда слышали льстивые речи. Вот почему вы теперь завидуете нашим богатствам,— усмехнулся в жидкую бороденку молодой Джернед Филкхарийский, делая вид, что внимательно разглядывает пол.

Карган чуть не взорвался от злости:

— Слишком честны — вот слово, которое ты должен был употребить, южанин! Наши предки поздно узнали, как жирные южане обманывают их! А предки мелнибонийцев не раз совершали набеги на ваше побережье. Ты не забыл? Вероятно, нам стоило последовать их примеру! Но вместо этого мы основали города и стали торговать, а вы лишь жирели, пока мы проливали свой пот! Боги! Поверить слову южанина...

Элрик подался вперед и открыл было рот, но тут Хозэл нетерпеливо заявил:

— Ты не прав, Элрик. Теократ, скорее всего, собирается вначале напасть на восточные земли. И вот почему я так думаю: страны Востока слабы, плохо защищены, ближе к берегам его империи, и поэтому до них легче добраться. Так зачем ему рисковать, выступая против более сильных, нежели ваши, государств Юга, тем более что плыть к нам опаснее, чем к вам?

— А рисковать ему затем, что его кораблям будет помогать магия, и расстояние для них значения иметь не будет,—

откровенно ответил Элрик.— Рисковать ему затем, что богатый Юг снабдит его металлами, пищей...

— Кораблями и людьми! — словно выплюнул Карган.

— Довольно! Вы считаете, что мы уже готовы предать вас?! — Хозэл посмотрел на Элрика, потом перевел взгляд на Каргана.— Тогда зачем первыми позвали нас?

— Я не утверждал, что вы — предатели,— торопливо заявил Элрик.— Карган говорил от своего имени, не от моего. Попытайтесь успокоиться... Мы должны объединиться — или будем растоптаны могучей армией и ее сверхъестественными союзниками.

— Ну нет! — Хозэл повернулся к другим монархам Юга.— А что скажете вы? Дадим ли мы им наши корабли и наших воинов, чтобы они защищали их побережье, словно оно наше?

— Нет, коль о них так презрительно отзываются,— пробормотал Джернед.— Пусть Яагрин Лерн сначала потратит свои силы на Востоке. А когда он обратит взор на Юг, то будет уже ослаблен, и мы сумеем достойно встретить его.

— Вы — глупцы! — воскликнул Элрик и настойчиво продолжил.— Или мы вместе, или все погибнем! За Теократом стоят повелители Хаоса. Если он победит, если сумеет добиться того, чего алчет, это будет означать не только то, что еще один интриган и узурпатор пришел к власти, а также то, что все мы погрузимся в пучину всеобщей анархии на Земле и за ее пределами. Само существование человеческой расы под угрозой!

Хозэл, ухмыляясь, уставился на Элрика.

— Тогда пусть род человеческий сам себя и защищает. Ему не нужен предводитель-нечеловек! Всем известно, что мелнибонийцы — не настоящие люди.

* * *

— Будь что будет! — Элрик опустил голову и, подняв тонкую белую руку, указал на Хозэла. Тот задрожал и едва не поддался уговорам альбиноса.— Мне известно много больше, чем я уже сказал, Хозэл Аргимилиарский. Я знаю, что люди Молодых королевств — всего лишь первые опытные образцы, изготовленные богами; они лишь тени, предшествующие расе

настоящих людей, так же, как мой народ предшествовал вам. Но я знаю кое-что еще! Знаю, что если мы не победим Яагрина Лерна и его союзников, то люди будут сметены с бурлящей, обезумевшей планеты, так и не исполнив свое предназначение.

Хозэл сглотнул и заговорил снова. Голос его дрожал.

— Я уже слышал подобную чепуху на базарах, Элрик. От людей, пророчествовавших о всевозможных концах света, которые так никогда и не наступают. И глаза у этих людей так же горели безумием, как и у тебя, Элрик. Но мы не позволяем таким пророкам жить в Аргимилиаре. Мы их поджариваем — медленно-медленно, палец за пальцем, дюйм за дюймом — пока они не признают, что их предсказания — сплошная ложь! Возможно, у нас еще будет такая возможность!

Он резко повернулся и чуть ли не бегом покинул зал. Остальные монархи Юга нерешительно посмотрели ему вслед.

Элрик с настойчивостью в голосе обратился к ним:

— Не следуйте его примеру, друзья мои. Клянусь жизнью — я сказал чистую правду!

Джернед негромко, как бы про себя, произнес:

— Такая клятва мало что значит. Ходят слухи, что ты бессмертен.

Мунглум подошел ближе к альбиносу и прошептал:

— Их не убедишь, Элрик. Ясно, что это не наши люди.

Элрик кивнул и сказал монархам Юга:

— Хотя вы по глупости своей отвергли мое предложение заключить военный союз, наступит день, когда пожалеете вы о своем решении. В моем же дворце вы оскорбили меня, оскорбили моих друзей, и я проклинаю вас, самонадеянных дураков! Но, когда придет время, и вы поймете, какую ошибку совершили, мы, клянусь, придем к вам на помощь, если это будет в наших силах. А теперь — убирайтесь отсюда!

Южане в замешательстве молча покинули зал военного совета.

* * *

Элрик повернулся к Каргану Остроглазому.

— А что ты решил, морской повелитель?

— Мы с тобой,— сказал Карган просто.— Мой брат Смиорган Лысый всегда хорошо отзывался о тебе, и я охотнее прислушаюсь к его словам, чем к тем слухам, которые поползли после его гибели. Кроме того,— он широко улыбнулся,— для нас уже стало привычным считать, что если тряпки-южане приняли какое-то решение, то оно заведомо неправильное. Города пурпурных башен — твои союзники, и хотя наш флот меньше, чем объединенная армада южан, наши парусники — это боевые корабли, хорошо подготовленные для морских сражений.

— Должен предупредить тебя, что без помощи флота южан у нас мало шансов победить,— мрачно проговорил Элрик.

— Не сомневаюсь, что со своей заносчивостью и мелочными обидами они были бы только обузой,— возразил Карган.— Кстати, нет ли у тебя в запасе какого-нибудь колдовского фокуса, который помог бы нам в сражении?

— Завтра я собираюсь заняться этим,— ответил Элрик.— Мунглум и я, оставив здесь Дувима Слорма, отправимся на остров колдунов, что лежит за островом Мелнибонэ. Там, у отшельников, которые занимаются белым искусством, я надеюсь найти способ связаться с повелителями Порядка. Как ты знаешь, я дал клятву Ариоху, хотя теперь борюсь с Хаосом, и мой бог-демон в последнее время не желает помогать мне. Белые повелители же сейчас слабы, их, как и нас, смертных, оттеснили повелители Хаоса, и поэтому связаться с ними очень трудно. Но надеюсь, что отшельники с острова колдунов сумеют помочь мне.

Карган кивнул.

— Должен признать, что для нас, жителей Острова Пурпурных башен, будет большим облегчением узнать, что между нами и темными духами нет прочного союза.

Элрик нахмурился.

— Конечно, я согласен с тобой. Но наше положение настолько шаткое, что мы должны принимать любую помощь — будь она от сил тьмы или света. Я предполагаю, что повелители Хаоса все еще спорят о том, как далеко могут позволить себе зайти, вот почему я до сих пор получаю от Хаоса помощь. Клинок, что висит у меня на боку, и его близнец, которого носит Дувим Слорм, принадлежат Хаосу.

Но, тем не менее, их выковали, дабы положить конец владычеству Хаоса в этом измерении. Так же, как изменились мои впитанные с молоком матери привязанности, так же изменились и привязанности этих мечей. У нас нет сверхъестественных союзников, на которых мы могли бы полностью положиться.

— Сочувствую тебе,— хрипло сказал Карган, и было видно, что он и в самом деле сочувствует. Ни один человек не позавидовал бы Элрику или его судьбе.

— Сейчас мы отправляемся спать,— объявил Оргон, дальний родственник Каргана.— Но скажи сначала: ты полностью доверяешь своему родичу Дувиму Слорму?

Элрик посмотрел на Дувима Слорма и улыбнулся.

— Ему я доверяю полностью, и об этом деле он знает столько же, сколько и я. Он может говорить от моего имени, ибо знает мои основные планы.

— Очень хорошо. Завтра мы побеседуем с ним. А тебе, на случай, если не увидимся до твоего отъезда, желаю счастливого пути и удачи на острове колдунов, удачи ради всех нас!

И с этими словами морские повелители удалились.

* * *

Теперь, впервые за весь совет, заговорил регент Вилмира. Голос его звучал ясно и спокойно.

— Мы тоже доверяем тебе и твоему родичу, Элрик. Мы давно знаем вас обоих как искусных воинов и хитроумных военачальников. У Вилмира была хорошая возможность убедиться в этом благодаря вашим «подвигам» в Бакшаане и других наших землях. У нас, мне кажется, достаточно здравого смысла, чтобы забыть о старых счетах,— он повернулся к принцам купцов за подтверждением, и те кивнули.

— Хорошо,— сказал Элрик и обратился к лучнику Ракхиру, своему другу, о котором было сложено почти столько же легенд, сколько и о самом альбиносе.— Ты пришел как посол Танелорна. Не в первый раз мы будем сражаться с повелителями Хаоса.

— Да,— кивнул Ракхир.— До сих пор мы отводили угрозу с помощью Серых повелителей, но из-за происков Хаоса

теперь для смертных проход к ним закрыт. Все, что можем предложить вам — это нашу воинскую доблесть.

— Будем признательны за нее,— Элрик сошел с возвышения. Спрашивать мнение сенаторов Карлаака и других городов Илмиоры нужды не было — задолго до приезда монархов они согласились поддержать альбиноса, как бы ни пошли дела на военном совете.

То же самое относилось к группе мрачных беженцев с Запада, которых возглавлял Вири-Сек — крылатый юноша из Мурхуна, последний в своем роду, ибо остальные члены королевской семьи были убиты прихвостнями Яагрина Лерна.

Сразу за стенами Карлаака раскинулось море походных палаток и шатров, над которыми в горячем влажном воздухе развевались флаги многих народов. Элрик знал, что сейчас надменные монархи Юга выдергивают из земли древки своих стягов и складывают шатры, не глядя на чудом оставшихся в живых воинов Шазара, Джаркора и Таркеша, которые с недоумением следят за ними. Печальные взгляды ветеранов должны были заставить южан передумать и заключить союз с восточными землями — должны были, но не заставили.

Элрик вздохнул и, повернувшись ко всем спиной, стал рассматривать огромную карту мира, покрытую черными пятнами.

— Пока только четверть ее закрашена черным,— тихо сказал он Мунглуму.— Но черный прилив распространяется все дальше и быстрее, и вскоре все мы, возможно, будем им поглощены.

— Мы остановим его или, во всяком случае, попытаемся это сделать, когда он нахлынет,— как можно беспечнее ответил Мунглум.— Кстати, ты не думаешь, что твоя жена захочет хоть немного побыть с тобой, прежде чем мы отправимся в путь? Пошли-ка лучше спать и давай надеяться, что сны наши будут светлыми!

Глава 2
МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Две ночи спустя они стояли на пристани города Ядмара, и холодный ветер яростно стегал их.

— Вот она,— сказал Элрик, указывая на маленькую лодку, которая качалась на волнах и билась о причал.

— Очень уж маленькая,— с сомнением отметил Мунглум.— Не похоже, что ее строили для плавания по морям.

— В сильный шторм она продержится на плаву дольше, чем большой корабль,— Элрик спустился вниз по железным ступенькам.— А кроме того,— добавил он, когда Мунглум осторожно поставил ногу на первую ступеньку,— ее трудно заметить, и она вряд ли привлечет внимание вражеских кораблей, возможно, рыскающих в этих водах.

Он прыгнул в лодку, и та бешено закачалась. Элрик перегнулся через борт и ухватился за ступеньку, придерживая утлое суденышко, чтобы Мунглум мог спуститься.

Маленький дерзкий Мунглум запустил руку в копну рыжих волос и уставился на клокочущее небо.

— Отвратительная погода для этого времени года,— заметил он.— Ничего не понимаю. Пока мы добирались сюда из Карлаака, что только нам ни сопутствовало — снежные бури, грозы, град и ветер, обжигающий как огонь. А эти слухи — о кровавом дожде в Бакшаане и о раскаленных металлических шарах, которые падали с неба в западном Вилмире? А невероятное землетрясение, случившееся в Ядмаре всего за несколько часов до нашего приезда? Нет, в самом деле похоже, что природа сошла с ума.

— Ты не так уж далек от истины,— угрюмо согласился Элрик.

— Что ты этим хочешь сказать? Орды Яагрина Лерна ведь еще не добрались до этой части мира.

— А может, сначала поставишь парус и возьмешь под ветер?

Мунглум поднял парус, и тот сразу же наполнился.

— Ну а теперь ты объяснишь свои слова? — поинтересовался коротышка.

— Для того чтобы мы почувствовали влияние Хаоса, ему не обязательно быть рядом с нами. Я уже говорил, что Хаос сорвал узду с сил природы. До нас доходят лишь отголоски того, что происходит на Западе. Если тебе та погода кажется необычной, то будешь просто потрясен, узнав, что творится в тех землях, на которые Хаос наложил свою лапу!

— Боюсь, не слишком ли тяжелую ношу ты взвалил на себя?

Мунглум поставил парус по ветру, и маленькое суденышко понеслось меж гранитных утесов гавани в открытое море.

* * *

Когда они миновали маяки, Элрик сильнее ухватился за румпель, взяв курс на юго-запад, мимо вилмирского полуострова. Звезды, мерцавшие над головой, то и дело скрывались за изорванными лохмотьями облаков, гонимых по небу резким, порывистым ветром, порожденным отнюдь не природой. Тысячи ледяных брызг яростно жалили лицо, но альбинос не обращал на них внимания. Он не обращал внимания и на вопросы своего спутника, ибо сомневался, что сумеет спасти мир от Хаоса.

Мунглум давно научился разбираться в настроениях Элрика. Много лет они вместе путешествовали по миру и за это время прониклись глубоким уважением друг к другу. Позднее, когда Элрик обосновался в городе своей жены, Карлааке, Мунглум продолжал путешествовать, но теперь уже в одиночку. Он стал командиром небольшой армии наемников, охранявшей южные границы Пикарауда от набегов варваров. Но когда получил известия от Элрика, то немедленно оставил армию, и вот теперь крошечный кораблик уносил его в туманное и полное опасностей будущее, и коротышка испытывал ту знакомую смесь возбуждения и тревоги, как и множество раз до того. Он давно уже начал воспринимать как данность, что его судьба неотъемлема от судьбы альбиноса, и в глубине души чувствовал, что, когда придет время, оба погибнут в одной из отчаянных авантюр.

«Но будет ли наша гибель неминуема? — спросил себя Мунглум, занимаясь парусом, полоскавшимся под порывами ветра.— Пока еще нет»,— решил он, но, будучи фаталистом, ощутил, что гибель все же не очень и далека, ибо время становится миражом, когда деяния людские должны быть черными, отчаянными и великими. Но даже они, возможно, не сумеют воздвигнуть бастион против вторжения Хаоса.

* * *

Сам Элрик не думал ни о чем. Он выкинул все мысли из головы, стараясь расслабиться. Его попытка заручиться поддержкой повелителей Порядка могла оказаться и безуспешной, но альбинос твердо решил отказаться от размышлений на эту тему, пока не выяснит точно, стоит ли рассчитывать на их помощь или нет.

Пришел рассвет. Перелившись через край горизонта, он высветил колеблющуюся пустыню серых вод без всяких признаков земли. Ветер стих, и стало теплее. Дым чудовищных погребальных костров наполнял небо пурпурными облаками с шафрановыми и алыми прожилками. Вскоре под лучами капризного солнца друзья изрядно вспотели. Ветер окончательно стих, и шлюпка почти не продвигалась вперед. А вот море — оно внезапно заволновалось, будто подхлестываемое штормом.

Оно металось, словно стало живым существом, терзаемым ночным кошмаром. Мунглум, распростершийся на носу лодки, посмотрел на Элрика. Альбинос покачал головой и разжал руку, которой полубессознательно все еще стискивал румпель. Управлять лодкой при таком волнении было просто невозможно. Огромные волны швыряли лодку, но почему-то не захлестывали ее, и брызги фонтаном не обрушивались на сидящих в ней людей. Все вокруг казалось нереальным, словно дело происходило во сне, и Элрику на мгновение почудилось, что даже если он захочет заговорить, то не сможет вымолвить ни слова.

Потом издали до них донесся низкий гул, который, приближаясь, поднялся до пронзительного визга. Лодку внезапно подбросило в воздух, она на миг зависла над грохочущими волнами, а затем рухнула вниз, в огромную морщину на лице моря. Голубая с серебряным вода встала вокруг лодки, как металлическая стена, а затем обрушилась на утлое суденышко.

Очнувшись от оцепенения, Элрик яростно вцепился в румпель и завопил:

— Держись крепче, Мунглум! Держись или пропадешь!

Теплая вода загудела, заглушая его крик, и лодка, выровнявшись, просела, словно ее придавила чья-то исполинская длань. Суденышко погружалось все глубже и глубже, и, казалось, скоро разобьется о дно моря. Потом лодку снова подбросило вверх, а затем она опять рухнула вниз, и Элрик, мельком взглянув на кипящее море, увидел три горы, которые тянулись к поверхности воды, извергая пламя и лаву. Лодка накренилась, ее наполовину залило водой. Элрик с Мунглумом принялись торопливо вычерпывать воду, а лодку тем временем крутило в разные стороны, и волны неумолимо подталкивали ее все ближе и ближе к нарождающимся вулканам.

* * *

Элрик отшвырнул черпак и навалился на румпель, пытаясь направить суденышко в сторону от огненных гор. Лодка почти не слушалась руля, но в конце концов поплыла в нужном направлении.

Мунглум с побелевшим лицом старался развернуть промокший парус. Альбинос посмотрел вверх, пытаясь определиться по сторонам света, но солнце, казалось, раздулось и лопнуло, так что он увидел лишь миллионы огненных осколков.

— Мунглум, это все работа Хаоса,— крикнул Элрик.— А ведь это только цветочки. Представляю, какие могут быть ягодки!

— Они, должно быть, узнали о наших планах и пытаются нас остановить! — Мунглум тыльной стороной ладони стер с лица пот.

— Возможно... но я так не думаю.

Элрик опять посмотрел вверх, и солнце теперь казалось почти нормальным. Сориентировавшись, он обнаружил, что лодка на много миль отклонилась от заданного курса.

Альбинос собирался обогнуть Мелнибонэ с юга, чтобы избежать Драконье море, которое лежало севернее. Было известно, что в его пучинах еще водятся громадные морские чудовища. Но теперь он понял, что шторм отбросил их гораздо севернее Мелнибонэ, и если лодку утянет еще дальше, то они попадут прямо на Пан Танг!

Смысла высаживаться на Острове драконов не было — Элрик не знал даже, избежал ли тот чудовищных природных катаклизмов. Нужно было, если удастся, плыть прямо на Остров колдунов.

Океан стал поспокойнее, но вода едва не кипела, и брызги, попадая на кожу, обжигали. На поверхности вздувались пузыри, и создавалось впечатление, что лодку поместили в гигантский котел, где варится колдовское зелье. Мертвые рыбы и странные рептилии толстым слоем, словно водоросли, плавали вокруг, угрожая остановить суденышко. Но вот ветер, и довольно сильный, задул в одном направлении, и Мунглум с облегчением улыбнулся, когда парус наполнился ветром.

Взяв курс на юго-запад, они направились к Острову колдунов, а над морем поднялись облака пара, закрывая обзор.

* * *

Несколько часов спустя они оставили за кормой горячее море и попали туда, где небо было ясное, а воды — спокойные. Друзья даже позволили себе подремать. До Острова колдунов оставалось плыть меньше дня, но они все никак не могли прийти в себя и лишь удивлялись, как удалось спастись, попав в такой ужасный шторм.

Элрик открыл глаза. Он был уверен, что спал совсем недолго, но небо уже потемнело и моросил холодный дождь. Капли падали на лицо и медленно стекали вниз, оставляя липкий след, словно желе. Несколько капель попало альбиносу в рот, и он сразу же с отвращением выплюнул горькую тягучую жидкость.

— Мунглум,— позвал он.— Сколько сейчас времени, как ты думаешь?

Мунглум, охрипший от сна, с удивлением ответил:

— Не знаю. Но могу поклясться, что еще не ночь!

Элрик сильно повернул румпель, но курс лодки не изменился. Тогда он перегнулся через борт, и ему показалось, что лодка плывет прямо по небу. Тускло светящийся газ кружился вихрем вокруг суденышка, но воды альбинос увидеть не смог.

Элрик вздрогнул. Неужели они покинули пределы Земли? И куда плывут по этому ужасному морю? Он проклинал себя за то, что уснул, и чувствовал себя еще более беспомощным, чем во время недавнего шторма. Тяжелый дождь усилился, и Элрик натянул на голову капюшон. Из поясной сумки он достал кремень и трут, но крошечного огонька хватило лишь на то, чтобы осветить безумные глаза Мунглума. Коротышка весь сжался от страха. Элрик никогда прежде не видел своего друга таким испуганным. Впрочем, альбинос знал, что если бы он сам чуть хуже владел собой, то и на его лице застыло бы подобное выражение.

— Наше время истекло,— пробормотал Мунглум, у которого зуб на зуб на попадал.— Боюсь, что мы, наконец-то, умерли.

— Не болтай чепухи, Мунглум. Я никогда не слышал о такой загробной жизни, как эта,— но на самом деле альбинос задумался, не был ли его друг прав.

Их кораблик, казалось, стал двигаться быстрее по морю газа, влекомый или гонимый в неведомом направлении. И все же Элрик мог поклясться, что повелители Хаоса даже не подозревают об их путешествии.

Все быстрее и быстрее двигалось маленькое суденышко, и вдруг друзья с облегчением услышали знакомый плеск воды о борта, и лодка опять закачалась на волнах соленого моря. Еще некоторое время шел вязкий дождь, но вскоре и он остался позади.

* * *

Мунглум вздохнул, когда тьма уступила место свету и друзья снова увидели обычный океан.

— Что это было? — наконец осмелился он спросить у альбиноса.

— Еще одно проявление разрушенной природы мира,— ответил Элрик, пытаясь успокоиться.— Возможно, какое-то искажение в барьере, отделяющем измерение людей от измерения Хаоса. Нам, без сомнения, очень повезло, что мы уцелели. Но мы снова сбились с курса,— он указал на горизонт.— И, похоже, надвигается шторм.

— Шторма, пусть даже самого опасного, я не боюсь,— буркнул Мунглум и быстро подготовился к ненастью, спустив парус, так как ветер быстро крепчал, а море покрылось пеной.

Элрик отчасти даже был рад шторму. По крайней мере, эта буря подчинялась законам природы, и с ней можно было бороться привычными методами.

Дождь освежил лица, ветер растрепал волосы. Друзья с наслаждением боролись с бурей, и маленькая лодка смело неслась по волнам. Но, несмотря на их усилия, лодку все дальше и дальше сносило на северо-запад, к берегам завоеванного Пан Тангом Шазара, в противоположную от Острова колдунов сторону.

Суровая буря заставила мореплавателей забыть и о судьбе, и о сверхъестественных силах, угрожающих Земле. Мышцы налились болью, и всякий раз, когда волна окатывала и без того промокших до нитки друзей, у них перехватывало дыхание от холода.

* * *

Лодку швыряло из стороны в сторону, и друзья крепко держались за такелажные тросы, хотя руки уже были сплошь покрыты ссадинами. Но похоже, Судьба не приговорила их к смерти, ибо утлая лодчонка продолжала храбро скакать по волнам.

А потом Элрик с ужасом увидел вздымающиеся скалы, и Мунглум, узнав их, крикнул:

— Змеиные зубы!

Змеиные зубы находились недалеко от побережья Шазара и были настоящим кошмаром купеческих судов Запада. Элрику и Мунглуму раньше уже приходилось видеть Змеиные зубы, но только издали. А теперь шторм подгонял их лодку все ближе к черным камням, и, хотя друзья изо всех сил старались отойти в сторону от опасного места, они, казалось, были обречены найти свою смерть на зазубренных скалах у побережья Шазара.

Вот лодка взмыла на гребень огромной волны и ринулась вниз. Элрик вцепился в борт суденышка, и перед тем, как их

швырнуло прямо на Змеиные зубы, ему показалось, что сквозь грохот шторма до него донесся дикий крик Мунглума:

— Прощай!

Раздался ужасный треск лопающихся шпангоутов, острый край скалы ударил в бок Элрика, и альбинос погрузился в воду. Принц драконов яростно рванулся вверх, успел всплыть и набрать полные легкие воздуха, а потом накатила новая волна, ударила его, и он поранил руку о скалу. Когда волна схлынула, Элрик, охваченный отчаянием, поплыл к смутно видневшимся вдали утесам Шазара, прекрасно понимая, что, даже если он доберется до берега, то окажется в логове врага и, скорее всего, уже никак не доберется до Белых повелителей.

Глава 3
ПРОВИДЕЦ ОХАДА

Элрик без сил лежал на холодной гальке, прислушиваясь к музыке отлива. Вот к шуму прибоя прибавился еще один звук, и Элрик узнал его — хруст шагов по мелким камешкам. Кто-то приближался к альбиносу. В Шазаре Элрик скорее мог встретить врага, а не друга. Он перекатился на живот и, терзая израненное тело, попытался подняться на ноги, но смог встать только на четвереньки. Правой рукой наполовину вытащил Буреносец из ножен, а потом сообразил, что это Мунглум, согбенный от усталости, ухмыляясь, стоит перед ним.

— Благодарение богам, ты жив! — Мунглум опустился на гальку рядом с альбиносом и, опершись на локти, уставился на успокоившееся море и Змеиные зубы, видневшиеся вдали.

— Да, мы живы,— уныло проговорил Элрик, тяжело садясь на корточки.— Но я даже представить себе не могу, как долго мы останемся в живых в этой разоренной стране. Где-нибудь нам, вероятно, удастся найти корабль, но для этого придется отправиться в город или деревню, а там нас быстро узнают.

Мунглум покачал головой и весело рассмеялся.

— У тебя по-прежнему плохое настроение, Элрик. Но ты должен радоваться, что мы живы.

— Твои утешительные речи мало помогут в борьбе с Хаосом,— ответил Элрик.— А теперь ложись отдыхай, я посторожу. Потом сменишь меня. Когда мы отправлялись в это путешествие, то не могли себе позволить потерять ни минуты, но сейчас нам все равно придется потерять несколько дней. Так что спи.

Мунглум не стал спорить, а сразу же устроился поудобнее и погрузился в сон. Когда он проснулся — отдохнув, но попрежнему испытывая боль от ушибов и ссадин — лег спать Элрик. Он спал до тех пор, пока сияющая луна не повисла высоко в чистом небе.

По редкой прибрежной траве друзья побрели в ночь. Вскоре трава сменилась влажной черной почвой, и им подумалось, что вслед за пожаром, бушевавшим здесь, пришла дикая гроза и оставила после себя кисель из пепла. Вспоминая тучные, плодородные степи Шазара, Элрик ужаснулся, не способный понять, люди ли это или создания Хаоса устроили здесь такое злодейство.

* * *

Когда путники увидели длинную цепочку людей, был уже полдень, и в небе, затянутом радужными облаками, угадывался легкий намек на присутствие Хаоса в этом мире. Друзья укрылись за небольшой возвышенностью и настороженно стали наблюдать за приближающейся вереницей. Это оказались не вражеские солдаты, а изможденные женщины, ослабевшие от голода дети, шатающиеся мужчины в лохмотьях и несколько израненных всадников — явно остатки какого-то разгромленного партизанского отряда, сражавшегося против Пан Танга.

— Думаю, мы встретили друзей,— с радостью пробормотал Элрик.— Надеюсь, мы сможем узнать у них какие-нибудь новости, полезные для нас.

Они встали и направились к несчастным беженцам. Всадники быстро окружили женщин и детей и вытащили мечи, но прежде, чем пустили оружие в ход, кто-то из толпы закричал:

— Элрик из Мелнибонэ! Ты вернулся с вестями о спасении?

Голос кричавшего не был знаком Элрику, но альбинос знал, что давно стал легендой из-за мертвенно-белой кожи и сверкающих темно-красных глаз.

— Я сам ищу спасения, друзья мои,— признался он неохотно.— Мы направлялись за поддержкой, которая, как надеялись, позволит нам сбросить ярмо, надетое Яагрином Лерном на западные земли. Но наш корабль потерпел крушение у ваших берегов, и, если мы не найдем другой, то не получим помощи и не сможем победить Теократа.

— А куда лежал твой путь, Элрик? — Голос был все тот же, но за толпой Элрик не видел говорившего.

— Мы плыли на юго-запад, к Острову колдунов, чтобы оттуда, если удастся, послать Белым повелителям призыв о помощи,— ответил Мунглум.

— Значит, вы плыли не туда, куда было нужно!

Элрик выпрямился, пытаясь в толпе несчастных разглядеть своего собеседника.

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне на ошибки?!

В толпе зашевелились, и согбенный мужчина средних лет с белым лицом, украшенным закрученными усами, вышел из рядов несчастных, опираясь на посох. Всадники расступились, так что Элрик мог без помех видеть своего собеседника.

— Меня зовут Охада. Я — провидец, и раньше весь Диоэрт знал меня как предсказателя. Когда Шазар был захвачен Пан Тангом, враги сравняли Диоэрт с землей. Но мне повезло, и я бежал вместе с этими людьми, которые раньше жили в нашем прекрасном городе, павшем одним из последних перед колдовским могуществом Пан Танга. Элрик, у меня есть для тебя очень важное послание. Оно предназначено только для твоих ушей, и передал его тот, кого ты хорошо знаешь; тот, кто может помочь тебе и тем самым помочь нам.

— Ты возбудил мое любопытство и внушил мне надежду,— Элрик поманил Охаду.— Иди сюда, провидец, расскажи мне свои вести, и будем надеяться, они и вправду хороши.

Мунглум сделал несколько шагов назад, когда провидец подошел к Элрику. И коротышка, и несчастные беженцы с любопытством наблюдали, как Охада что-то шептал альбиносу.

Самому же альбиносу пришлось напрячь слух, чтобы услышать слова провидца.

— Я принес тебе послание от того, кто зовется Сепиризом! Он сказал: то, что тебе, Элрик, сделать не удалось, он уже сделал. Но у него есть для тебя одно поручение, которое он сам выполнить не может. Он велел, чтобы ты отправлялся в город, сокрытый в сердце гор. Там ты узнаешь подробности.

— Сепириз?! Как тебе удалось с ним связаться?

— Я — ясновидец. Он пришел ко мне во сне.

— Твои слова могут быть ловушкой, расставленной для меня Яагрином Лерном.

— Сепириз поведал мне еще кое-что. Он сказал, что мы с тобой встретимся именно здесь. Мог ли Яагрин Лерн знать об этом?

— Навряд ли... Но, с другой стороны, кто мог знать об этом?

Потом Элрик припомнил, что Сепириз и его братья — слуги самой судьбы. А судьба играла очень важную роль в этом деле.

— Спасибо, провидец,— кивнул он, потом повернулся к всадникам.— Нам нужна пара коней — лучших из тех, что у вас есть!

— Наши кони нам очень дороги,— проворчал рыцарь в помятых доспехах.— Они — все, что у нас есть.

— Чтобы освободить ваши земли, я и мой друг должны ехать очень быстро. Подумай и сравни: потеря пары коней против возможности отомстить захватчикам.

Рыцарь спешился, так же поступил еще один всадник.

Они подвели своих коней Элрику и Мунглуму:

— Обращайся с ними хорошо, Элрик.

Альбинос взял поводья и вскочил в седло.

— Обязательно,— пообещал он.— А что вы собираетесь делать дальше?

— Мы будем драться как можно лучше.

— Не разумней ли поискать убежище в горах или в Туманных болотах?

— Если бы тебе пришлось испытать на себе всю гнусность и ужас грязного правления Яагрина Лерна, ты бы не

предложил такого,— глухо ответил рыцарь.— Пусть даже мы не можем победить человека, чьи слуги заставляют землю качаться, подобно океану, небеса — извергать на нас потоки соленой воды, а зеленые облака опускаться на города и села и таинственным образом убивать беззащитных детей, но мы постараемся хоть немного ему отомстить! В этих землях все же поспокойней, чем в других местах. Впрочем, земля меняется повсюду. Узнать знакомый холм или лес просто невозможно. Сегодня здесь высится гора, а завтра она может превратиться в курган или вовсе исчезнуть.

— Нечто подобное мы испытали, когда плыли по морю,— заметил Элрик, тяжело вздохнув.— Ну что ж, прощай, друг мой. Желаю тебе долгой жизни, чтобы ты смог отомстить всем врагам. Я тоже собираюсь рассчитаться с Яагрином Лерном и его сообщником.

— Его сообщником? Ты говоришь о короле Саросто из Дхариджора? — Бледная улыбка на миг появилась на измученном лице рыцаря.— Тебе не удастся отомстить Саросто — его убили вскоре после того, как наши армии были разбиты в сражении при Секуалорисе. Хотя точно это неизвестно, но все считают, что с ним разделались по приказу Яагрина Лерна, который теперь правит всеми землями Запада.— Рыцарь тяжело вздохнул.— Кто сможет устоять против таких полководцев, как у Яагрина Лерна?

— А кто эти полководцы?

— Ему помогают все герцоги ада. Долго ли они будут терпеть то, что Теократ командует ими, не знаю. Но мы думаем, что Яагрин Лерн умрет следующим, и тогда здесь будет править ад!

— Надеюсь, этого не произойдет,— мягко ответил Элрик.— Я хочу сдержать данное мною слово и отомстить.

Рыцарь пожал плечами.

— С такими союзниками, как герцоги ада, Теократ вскоре завоюет весь мир.

— Будем верить, что мне удастся найти средство избавиться от этой темной аристократии и все-таки покончить с Яагрином Лерном,— сказал Элрик и, с благодарностью помахав рукой провидцу и обоим рыцарям, направил лошадь к горам Джаркора. Мунглум последовал за ним.

* * *

Почти без отдыха скакали они к Сепиризу, ибо, как и говорил рыцарь, здесь даже земля казалась живой и повсюду властвовала анархия.

Позднее Элрик почти ничего не мог вспомнить об этом путешествии — ничего, кроме ужаса, который испытывал, нечестивого визга, который наполнял уши, и темных красок — золотых, красных, синих, черных и ярко-оранжевых, которые слепили его глаза.

Однако по дороге он все же исхитрился рассказать Мунглуму и о своей предыдущей встрече с Сепиризом, и о том, что поведал ему черный нихраинец. Мунглум ничего не сказал в ответ, а про себя решил, что, победят они в борьбе против Хаоса или проиграют, он до последнего дня будет с Элриком.

В горах недалеко от Нихраина власть Хаоса оказалась не так сильна, как в других землях. Значит, Сепириз и его девять черных братьев — последние из нихраинцев — сумели что-то противопоставить силам, угрожающим их поглотить. Двигаясь сквозь узкие ущелья, меж черных отвесных скал, по опасным предательским тропам и вниз по склонам, где камни летели из-под копыт лошадей, угрожая вызвать лавину, друзья забирались все дальше и дальше в сердце замшелых гор. Это были самые древние горы на свете. Они хранили одну из старейших тайн Земли — владения бессмертного Нихраина, правившего миром за столетия до того, как появилась империя Мелнибонэ.

В конце концов они добрались до самого Нихраина — его высокие дворцы, храмы и цитадели, вырезанные в черном граните, прятались в бездне, дна у которой, возможно, и не было. Почти отрезанный от мира Нихраин существовал чуть ли не с начала времен, и только редкие лучи солнца иногда забредали сюда.

* * *

Вниз по узкой тропе друзья вели упирающихся коней, пока не достигли огромных ворот, над которыми во мраке смутно

виднелись вырезанные в камне фигуры титанов и полулюдей. Мунглум в изумлении открыл рот, потрясенный гением, одновременно сочетавшим в себе и великого строителя, и великого художника.

В пещерах, украшенных сценами из легендарной истории Нихраина, с приветливой улыбкой их уже ждал Сепириз.

— Приветствую тебя, Сепириз,— Элрик спешился и позволил рабам увести лошадь. Мунглум беззаботно поступил так же.

— Значит, мои сведения были точны,— Сепириз громадными руками сжал Элрика в объятиях.— Хорошо, что, когда ты отправился на Остров колдунов искать помощь Белых повелителей, я узнал об этом.

— Я и впрямь плыл туда. А что, их поддержка нам недоступна?

— Пока нет. Мы с помощью отшельников с Острова колдунов пытаемся связаться с ними, но Хаос по-прежнему препятствует нам. А для тебя и твоего меча у нас есть дело. Чтобы исполнить его, не нужно отправляться в далекое путешествие. Но об этом позже, а сейчас пойдем в мои покои, где сможем промочить горло. У нас есть вино, которое взбодрит тебя, а я расскажу, какую задачу подкинула тебе судьба на этот раз.

* * *

Элрик поставил кубок на стол и глубоко вздохнул, чувствуя себя отдохнувшим и взбодрившимся. Он указал на кувшин с вином и сказал:

— Человек может запросто стать пьяницей, отведав такого напитка.

— А я уже стал пьяницей,— ухмыльнулся Мунглум, опять наполняя свой кубок.

Сепириз покачал головой.

— У нашего вина есть одно странное свойство. Оно доставляет удовольствие и снимает усталость, но если его выпить слишком много, то тебя просто стошнит. Вот почему в наших подвалах еще есть это вино. Но запасы невелики — виноград, из которого мы его делали, давным-давно исчез с лица земли.

— Колдовское зелье,— пробормотал Мунглум и поставил кубок на стол.

— Если тебе угодно, можешь и так называть наше вино. Элрик и я принадлежим к древней эпохе, когда колдовство было обычным делом, а миром правил Хаос, но Хаос более спокойный, чем сейчас. Вы, люди Молодых королевств, возможно, правы, ненавидя и колдовство, и Хаос. Но вскоре мы подготовим мир к приходу Порядка, а потом люди будущего, наверное, создадут подобные напитки, только с помощью более трудоемких методов — методов, которые они будут в состоянии понять.

— Сомневаюсь в этом,— рассмеялся Мунглум.

Элрик вздохнул.

— Если мы не будем более удачливы, чем были до сих пор, то сорвавшийся с цепи Хаос поглотит весь мир, а Порядок навеки будет изгнан отсюда,— мрачно заметил он.

— Если восторжествует Порядок, удачи нам точно не будет...— Сепириз налил себе вина, и это указывало, что он тоже устал.

— Что ты имеешь в виду? — полюбопытствовал Мунглум.

Когда Сепириз объяснил ему, что на новой Земле, которой будет править Порядок, не окажется места ни для Элрика, ни для самого Сепириза, Мунглум внимательно посмотрел на своего друга, гораздо лучше теперь понимая, в каком незавидном положении оказался Элрик.

— Сепириз, ты сказал, что есть дело для меня и моего меча,— напомнил альбинос.— В чем, собственно, оно состоит?

— Ты наверняка уже знаешь, что Яагрин Лерн собрал вокруг себя герцогов ада и поставил их командовать войсками, чтобы таким образом утвердить свою власть на захваченных землях.

— Знаю.

— И что это означает, тоже должен понимать. Яагрину Лерну удалось пробить брешь в барьере, который создал Порядок, дабы закрыть дорогу на Землю созданиям Хаоса. Теократ беспрестанно расширяет эту брешь, ибо его могущество возрастает. Это объясняет, каким образом ему удалось собрать

здесь почти всю аристократию ада, хотя раньше и одного повелителя Хаоса было очень трудно вызвать в наше измерение. Ариох тоже среди них...

— Ариох?! — Ариох считался покровителем Элрика, главным богом, которому поклонялись предки альбиноса.— Значит, я теперь отвержен и полностью беззащитен как перед Порядком, так и перед Хаосом!

— Твой единственный сверхъестественный союзник — это твой меч,— сурово сказал Сепириз.— И, возможно, его братья.

— Какие братья? Ведь существует только один брат этого меча — Горюн, которым владеет Дувим Слорм!

— Ты помнишь, как я тебе рассказывал о том, что эти два меча есть всего лишь земное проявление их сверхъестественных «я»? — успокаивающе спросил Сепириз.

— Помню.

— Что ж, теперь я могу тебе сообщить, что «подлинное» существо Буреносца связано родственными отношениями с другими сверхъестественными силами из иного измерения. Я знаю, как вызвать сюда его родичей, но они тоже создания Хаоса, и вследствие этого их довольно трудно держать в узде. В любой момент они могут выйти из повиновения и даже обратиться против тебя. Буреносец, как ты уже давным-давно заметил, связан с тобой гораздо сильнее, чем со своими братьями, но у твоего меча очень много родственников, и он, возможно, окажется не в силах защитить тебя от них.

— Но почему я не знал об этом?

— Ты знал об этом — в некотором смысле. Разве не помнишь, как ты просил о помощи, и ее тебе всегда оказывали?

— Да. Ты хочешь сказать, мне помогали братья Буреносца, а не Ариох?

— Именно так. Они не раз уже приходили тебе на помощь. У них нет того, что ты и я называем «разумом», хотя они могут чувствовать, но они не столь сильно связаны с Хаосом, как его мыслящие слуги. Мечами может управлять, и довольно успешно, тот, у кого есть власть — такая, как у тебя — над одним из братьев. И если тебе нужна их помощь, то ты запомнишь руны, которые я покажу чуть позже.

— Что же я должен сделать?

— Уничтожить герцогов ада.

— Но это невозможно! Герцоги ада — одни из самых могущественных повелителей Хаоса.

— Ты прав. Но ты владеешь не менее могущественным оружием. И изгнать герцогов ада с Земли — вот в чем твоя новая задача. Есть некоторые признаки того, что герцоги начинают забирать власть у Яагрина Лерна. Теократ — глупец. Он все еще отказывается признать, что он — марионетка Хаоса, и считает, что может удержать в повиновении таких могущественных существ, как герцоги ада. Но пока Теократ командует своими сверхъестественными друзьями, с их помощью он может победить южан почти без потерь. Без герцогов ада он все равно захватит Южные земли, но для этого ему потребуется больше времени и сил. А пока Яагрин Лерн будет сражаться на Юге, мы получим небольшую передышку и лучше подготовимся к встрече с ним.

Элрик не стал расспрашивать Сепириза, как тот узнал, что южане решили в одиночку бороться с Яагрином Лерном. То, что нихраинянин сумел связаться с ним через провидца Охаду, доказывало, что у Сепириза большие возможности.

— Я поклялся помочь южным землям, хотя они и не выступили вместе с нами против Теократа,— спокойно сказал Элрик.

— И ты выполнишь свою клятву, уничтожив, если получится, герцогов ада.

— Уничтожить Ариоха, и Балана, и Малука...— Элрик прошептал их имена, опасаясь, что даже здесь, в Нихраине, злые божества могут услышать его.

— Ариох всегда был упрямым демоном,— напомнил Мунглум.— Сколько раз он отказывал тебе в помощи?

— Ариох уже тогда знал, что в будущем ты будешь бороться против него,— пояснил Сепириз.

Хотя вино и освежило, Элрику стало как-то не по себе. Напряжение, которое он испытывал в душе, готово было выплеснуться наружу. Бороться с богом-демоном, которому предки альбиноса поклонялись тысячелетиями... Кровь древних мелнибонийцев все еще текла в жилах принца драконов, и по-прежнему оставались сильными старые привязанности.

Сепириз встал, обнял Элрика за плечи, и черные глаза нихраинянина уставились в округлившие от удивления глаза альбиноса, тлеющие красным огнем.

— Не забывай, ты сам дал обет сражаться против Хаоса. Никто тебя не принуждал.

Элрик выпрямился и рассеянно кивнул.

— Да, я помню. И даже если бы я и раньше знал обо всем этом, все равно дал бы тот же самый обет. Но...

— Что — но?

— Не рассчитывай слишком сильно на то, что мне удастся изгнать герцогов ада, Сепириз.

Черный нихраинянин ничего не ответил.

Чуть позже Сепириз вышел из зала, но вскоре вернулся с белой дощечкой, на которой были выцарапаны древние руны.

Он протянул дощечку альбиносу, и тот молча взял ее.

— Запомни это заклинание,— мягко сказал Сепириз,— а потом уничтожь дощечку. Но помни — использовать его нужно только в крайнем случае, ведь братья Буреносца, как я уже говорил, могут отказать тебе в помощи.

Элрик с трудом заставил свой разум возобладать над эмоциями и принялся за заклинание. И еще долго, очень долго после того, как Мунглум отправился спать, альбинос учился не только правильно произносить заклинание, но и постигал извилистый путь его логических связей и искал то состояние, в которое требовалось погрузить свой разум, чтобы заклинание сработало.

Когда, по мнению Элрика и по мнению Сепириза, он достаточно разобрался в заклинании, раб провел его в спальню, но сон не шел к альбиносу. Почти не отдохнув, он промучился до следующего утра. Когда же пришел раб, чтобы разбудить его, он застал Элрика полностью одетым и готовым отправиться в Пан Танг — туда, где собрались герцоги ада.

Глава 4
ИЗГНАНИЕ ГЕРЦОГОВ АДА

Через разоренные земли Запада скакали Элрик и Мунглум на конях Нихраина, которые, казалось, не нуждались в отдыхе и никогда не испытывали страха. Кони Нихраина имели осо-

бый дар, ибо помимо удивительной силы и выносливости обладали еще совершенно необычайными способностями. Как рассказал Сепириз, эти скакуны существовали одновременно в двух мирах, и их копыта на самом деле касались не земной поверхности, а ступали по субстанции другого измерения. И поэтому казалось, что кони несутся галопом прямо по воздуху и по воде.

Ужасные картины повсюду представали взору друзей. Однажды им издали пришлось наблюдать ужасное зрелище: дикая и злобная толпа разрушала деревню, выстроенную вокруг замка. Сам замок был объят пламенем, а гора на горизонте извергала дым и огонь. Хотя грабители выглядели как люди, они явно были уже не людьми, а выродками, проливавшими кровь и пившими ее с одинаковым удовольствием. А тот, что командовал ими, сам же участвуя в оргии, выглядел как мертвец, восседавший на ожившем скелете лошади, украшенном блестящей сбруей и яркой попоной. В руке мертвец держал пылающий меч, а на голове его возвышался золотой шлем.

Путники объехали грабителей стороной и поскакали прочь. Порой им приходилось ехать сквозь туманы, которые запахом и видом походили на кровь. Они переправлялись через реки, запруженные трупами; скакали мимо шелестящих лесов, которые, казалось, пускались в погоню за ними. Над путниками раскинулись небеса, в которых летали кошмарные крылатые создания, несущие на себе грузы, выглядящие еще более ужасно.

Время от времени друзьям встречались группы воинов, которые, хотя и носили доспехи Таркеша, Шазара и Джаркора, были совращены Хаосом и продались ему.

Иногда сражаясь с такими отрядами, а иногда и уклоняясь от схваток, друзья в конце концов добрались до утесов Джаркора и, только увидев море, отделявшее их от Пан Танга, поняли, что оставили позади то, что в буквальном смысле слова было адом земным.

Задержавшись лишь на миг, Элрик и Мунглум прямо по глади морской поскакали на своих чудесных нихраинских конях к злому острову Пан Танг, где Яагрин Лерн и его чудовищные союзники снаряжали к отплытию гигантский флот, готовый сокрушить морские силы южан.

— Элрик! — прокричал Мунглум сквозь завывающий ветер.— Может, нам стоит быть более осмотрительными?

— Осмотрительность? Разве она нужна, если герцоги ада уже знают, что их бывший слуга, а теперь отступник идет, чтобы бороться с ними!

Мунглум поджал губы, обеспокоенный тем, что его другом сейчас владела дикая, безумная отвага.

Вскоре вдали показались суровые утесы Пан Танга, зловещие и исхлестанные морем, которое стонало вокруг них так, словно Хаос подверг его пытке — одной из тех пыток, которыми он мог истязать природу.

Остров окружала странная тьма, шевелящаяся и постоянно меняющаяся.

Путники вступили в эту тьму, когда кони ударили копытами о крутой скалистый берег Пан Танга — острова, которым издавна правило черное духовенство, пытавшееся с дерзостью, присущей выскочкам, превзойти легендарных королей-колдунов империи Мелнибонэ.

Друзья заранее узнали у Сепириза, какой дорогой ехать, и поэтому сразу же помчались галопом к столице Пан Танга — Хвамгаарлу, городу кричащих статуй.

Пан Танг был сложен из зеленого блестящего обсидиана, и поэтому горы, бросавшие повсюду странные, причудливые блики, казались живыми.

Вскоре друзья смутно разглядели стены Хвамгаарла, а когда подъехали ближе, армия ратников, облаченных в черные рясы, встала будто из-под земли, преграждая им путь и распевая отвратительную литанию.

У Элрика не было времени связываться с этими воинами-жрецами Яагрина Лерна.

— Вверх, конь мой! — крикнул он. Нихраинский скакун взмыл в воздух, и в невероятном прыжке пронесся над пришедшими в замешательство жрецами. Следом прыгнул и скакун Мунглума, и коротышка издевательски смеялся, когда вместе со своим другом помчался дальше к Хвамгаарлу.

Больше им не встречалось препятствий, ибо Яагрин Лерн явно ожидал, что отряд воинов-жрецов хоть ненадолго задержит друзей. Но когда до города кричащих статуй оставалось около мили, из-под земли донесся грохот, и она начала покры-

ваться широченными трещинами. Путников это ничуть не взволновало, ибо они скакали на нихраинских конях.

Небо над ними вздулось и содрогнулось, во тьме поползли полосы сияющего мрака, а из разломов земли появились чудовищные создания. Грифоны — львы с головами стервятников — пятнадцати футов ростом, шурша гривами из перьев, крадучись направились к путникам. В глазах их горело предвкушение...

К удивлению Мунглума, Элрик рассмеялся, и коротышка с ужасом решил, что его друг сошел с ума.

Но Элрик хорошо знал этих омерзительных тварей, поскольку двенадцать столетий назад предки альбиноса создали их для собственных нужд.

Судя по всему, Яагрин Лерн нашел этих тварей, скрывающихся на границах между измерениями Хаоса и Земли, и использовал их, не имея даже слабого представления, как они появились на свет.

Древние слова сорвались с губ Элрика, когда он нежно и ласково заговорил с чудовищными зверями.

Грифоны остановились, в растерянности оглядываясь по сторонам и не зная, кого слушаться — старого хозяина или нового. Покрытые перьями хвосты хлестали по земле, а огромные когти то появлялись, то прятались в подушечках лап, оставляя на камне глубокие царапины. Воспользовавшись замешательством грифонов, друзья проехали мимо них, но тут монотонный, но гневный голос грянул с небес, приказывая на тайном языке Мелнибонэ:

— Убейте их!

Один из грифонов нерешительно двинулся за путниками, за ним последовал другой, третий... Мгновение спустя уже вся стая устремилась в погоню.

— Быстрее! — прошептал Элрик своему коню, но нихраинский скакун никак не мог оторваться от преследователей.

* * *

Теперь у друзей не оставалось другого выхода, кроме как развернуться и встретиться с тварями лицом к лицу. И вдруг Элрик припомнил одно заклинание, которое он выучил еще в детстве. Все старые заклинания Мелнибонэ передал ему

отец, предупредив, что многие из них в новые времена в сущности не действуют. Но среди этих заклинаний было и заклинание вызова грифонов, и еще одно...

И сейчас Элрик вспомнил его — заклинание, отсылающее грифонов обратно во владения Хаоса. Но сработает ли оно? Элрик мысленно настроился, подбирая нужные слова, а грифоны огромными прыжками неслись к путникам.

Вы, твари!
Матик из Мелнибонэ вас породил.
В рожденье вашем лишь безумие — основа.
И если каждый хочет жить так, как он жил,—
Подите прочь, иначе Матик зелье сварит снова!

Грифоны замедлили бег, и Элрик в отчаянии повторил заклинание, опасаясь, что сделал небольшую ошибку — или плохо настроившись, или перепутав слова.

Мунглум, который остановил лошадь рядом с Элриком, не осмелился высказать вслух свои опасения, ибо хорошо знал, что нельзя мешать альбиносу, когда тот колдует. Вдруг вожак грифонов издал каркающий рев.

Но Элрику рев этот принес облегчение — он означал, что твари поняли угрозу альбиноса и по-прежнему обязаны повиноваться древнему заклинанию.

Медленно и неохотно грифоны уползли обратно в разломы земли и исчезли.

Элрик, весь покрытый потом, с торжеством произнес:

— Пока нам везет! Яагрин Лерн или недооценивает мои силы, или просто не способен на большее. И это еще раз доказывает, что Хаос использует Теократа, а не наоборот!

— Не искушай удачу такими речами,— предостерег Мунглум принца драконов.— Судя по твоим рассказам, эти твари лишь мелочь по сравнению с теми, которые ждут нас впереди.

Элрик бросил сердитый взгляд на друга и кивнул. Мысли о том, что им предстояло сделать, не доставляли удовольствия альбиносу.

* * *

Вскоре друзья подъехали к Хвамгаарлу. Тут и там вдоль массивных стен города, построенных с уклоном вперед, что-

бы не дать осаждающим взобраться на них, стояли кричащие статуи: когда-то они были мужчинами и женщинами, которых Яагрин Лерн и его предки превратили в камень, но оставили им жизнь и способность разговаривать. Живые статуи разговаривали мало, но кричали много, и их ужасные вопли разносились над омерзительным городом, подобно страдающим крикам осужденных, да они и были осужденными. Эти рыдания ужасали даже слух Элрика.

К крикам примешались и другие звуки, когда тяжелая решетка главных ворот Хвамгаарла, скрипя, поднялась вверх, и оттуда высыпала толпа хорошо вооруженных людей.

— Судя по всему, Яагрин Лерн временно исчерпал колдовские трюки, а герцоги ада считают ниже своего достоинства сражаться с парой простых смертных! — заметил Элрик и сжал эфес черного меча.

Мунглуму было не до разговоров. Он молча обнажил обе сабли, понимая, что сначала должен справиться со страхом, а только потом вступать в бой с людьми, бежавшими ему навстречу.

С диким воем, заставившим завопить статуи, Буреносец выбрался из ножен и замер в руке Элрика, в предвкушении ожидая новые души, которые сможет выпить, и жизненную субстанцию, которую передаст альбиносу.

Элрик внутренне сжался, стиснув во вспотевшей ладони меч. И крикнул приближающимся солдатам:

— Эй, шакалы! Видите этот меч?! Он выкован Хаосом, чтобы уничтожить Хаос! Идите ко мне, дайте ему пролить вашу кровь и испить ваши души! Мы ждем вас!

Однако он сам не стал их ждать, а, пришпорив нихраинского скакуна, бросился вперед, и нечто, похожее на прежнее наслаждение боем, вернулось к нему.

* * *

Теперь, когда принц драконов стал единым целым с дьявольским клинком, его охватила радостная жажда убивать, похищать души и наполнять свои несовершенные жилы нечистой жизненной силой.

Хотя больше сотни воинов преграждали путь к открытым воротам, Элрик вмиг прорубил кровавый коридор, и Мунглум,

которым, как и альбиносом, овладела слепая жажда убийства, с неменьшим успехом предавал смерти тех, кто мешал ему войти в Хвамгаарл.

Познакомившись с ожившим кошмаром, солдаты изо всех сил старались уклониться от встречи с визжащим рунным мечом, который сиял странным ярчайшим светом — черным светом, который пронизывал саму тьму.

Торжествуя и безумно хохоча, Элрик испытывал ту же бездушную радость, что и древние мелнибонийцы, когда завоевывали мир и заставили его пасть на колени перед их могущественной империей.

Хаос и в самом деле сражался с Хаосом — более древний, более чистый Хаос явился уничтожить извращенных выскочек, возомнивших себя равными могущественным повелителям драконов из Мелнибонэ.

Кровавая борозда пролегла сквозь вражеские ряды, и два друга оказались перед городскими воротами, зияющими, словно пасть чудовищного зверя. Элрик, не останавливаясь, проскочил сквозь ворота, и люди, как тараканы, разбежались по укрытиям, когда он, словно триумфатор, въехал в город кричащих статуй.

— Куда тёперь? — спросил Мунглум, чей страх уже исчез.

— Конечно, в храм-дворец Теократов. Там, без сомнения, Ариох и его приятели-герцоги ждут нас!

Они проскакали по гулким пустынным улицам города, гордые и ужасные, и казалось — целая армия следовала за ними. Темные дома стояли будто покинутые, и ни один человек не осмелился выглянуть в окно. Пан Танг собирался править всем миром — и, возможно, еще будет править — но сейчас его жители были полностью деморализованы двумя чужеземцами, которые брали штурмом его столицу.

* * *

Они остановили скакунов, лишь когда добрались до большой площади и увидели огромный бронзовый гроб, висящий на цепях в ее центре. За гробом, по другую сторону площади, возвышался дворец Яагрина Лерна.

Над городом повисла зловещая тишина, умолкли даже кричащие статуи. Да и нихраинские скакуны ступали совершенно

бесшумно, когда друзья подъехали к гробу. Элрик, по-прежнему сжимавший в руке окровавленный рунный меч, нанес могучий удар по цепям, удерживающим гроб — самую великую святыню нечестивого народа Пан Танга. Сверхъестественный клинок с легкостью прошел сквозь металл.

Бронзовый гроб упал и раскололся, и страшный грохот, усиленный в тысячи раз предшествующей тишиной, эхом отозвался по всему Хвамгаарлу. Каждый еще оставшийся в живых горожанин понял, что означает этот звук.

— Я бросаю вызов тебе, Яагрин Лерн! — прокричал Элрик, зная, что эти слова услышат все горожане.— Как и обещал, я пришел вернуть долг! Выходи, марионетка Хаоса! — Он на секунду смолк, даже в торжестве своем нервничая из-за тех слов, которые ему сейчас предстояло произнести.— Выходи же! И захвати с собой герцогов ада!

Мунглум с трудом сглотнул, и глаза его выкатились, когда он посмотрел на искаженное лицо своего друга. А альбинос тем временем продолжал:

— Захвати и Ариоха, и Балана, и Малука! Захвати с собой этих спесивых правителей Хаоса, ибо я собираюсь навеки изгнать их из нашего мира!

И вновь повисла тишина. Лишь эхо медленно умирало в дальних закоулках города.

* * *

А потом из дворца донесся какой-то шум, и сердце Элрика тяжело забилось, угрожая выскочить наружу и повиснуть, трепеща, на груди, как доказательство его смертности.

Шум, который услышал альбинос, напоминал топот чудовищных копыт, сопровождаемый звуком неторопливых шагов, производимых явно человеком. Он непроизвольно посмотрел на громадные двери дворца, полускрытые в тени колонн. Вот они начали бесшумно открываться...

Человек, рядом с дверьми казавшийся карликом, вышел из дворца, остановился и с яростью в глазах уставился на Элрика. Алые доспехи Яагрина Лерна пылали, словно раскаленные от жара. На левой руке висел такой же алый щит, а в правой руке Теократ сжимал стальной меч.

Яагрин Лерн заговорил, и голос его дрожал от гнева:

— Итак, король Элрик, в конечном счете ты частично исполнил свое обещание.

— И собираюсь полностью исполнить его,— ответил Элрик, внезапно успокоившись.— Подойди, Теократ. Я встречусь с тобой в поединке.

Яагрин Лерн издал ехидный глухой смешок:

— Честно? Держа в руках этот рунный клинок?! Однажды я уже встречался с ним и остался жив, но сейчас твой меч набрался сил, испив крови и душ множества моих лучших воинов-жрецов. Нет, я не настолько глуп, чтобы драться с тобой. Пусть на твой вызов ответят те, кому ты его бросил!

И он отошел в сторону.

Двери распахнулись шире, и если Элрик рассчитывал увидеть великанов, то был разочарован. Герцоги ада выглядели как обычные люди. Но когда они, презрительно игнорируя Яагрина Лерна, остановились на вершине лестницы, казалось, воздух наполнился ощущением исходящего от них могущества.

Элрик взглянул на прекрасные улыбающиеся лица герцогов и опять задрожал, ибо их лица выражали любовь, гордость и такую уверенность в себе, что на мгновение принц драконов почувствовал желание с мольбой о прощении припасть к ногам повелителей Хаоса.

— Ну, Элрик,— мягко сказал возглавлявший герцогов ада Ариох.— Не хочешь ли ты раскаяться и вернуться к нам?

Голос бога звенел, как серебристый ручеек, и Элрик, зачарованный, чуть было не спрыгнул с коня.

— Нет! Нет! — закричал он, зажав уши.— Я должен сделать то, что должен! Ваше время, как и мое, истекло!

— Не говори так, Элрик,— убеждающе проговорил Балан, и его слова прорвались в зажатые уши Элрика и грохотом отдались в его голове.— Хаос на Земле никогда не был таким могучим, даже в прежние дни. Мы сделаем тебя великим — мы сделаем тебя повелителем Хаоса, равным нам самим! Мы дадим тебе бессмертие, Элрик. Но, если будешь вести себя так же глупо, как сейчас, то погибнешь, и даже памяти о тебе не останется в веках.

— Я знаю! Я не хочу, чтобы в мире, подвластном Порядку, помнили обо мне!

Малук весело рассмеялся.

— Порядок никогда не будет править Землей. Мы пресекаем все его попытки оказать помощь этому миру.

— Именно поэтому вы и должны быть уничтожены! — воскликнул Элрик.

— Мы бессмертны, нас невозможно убить! — заявил Ариох, и в его голосе проскользнула нетерпеливая нотка.

— Значит, мне придется отправить вас в сферы высших миров, чтобы вы никогда уже не имели возможности вернуться обратно на Землю!

Элрик взмахнул мечом, и тот затрепетал, тихо поскуливая, словно был так же неуверен в себе, как и его хозяин.

— Смотри! — и Балан спустился на несколько ступенек ниже.— Смотри, даже меч, доверенный тебе, знает, что мы говорим правду.

— Ваша правда — это отнюдь не вся правда,— дрожащим голосом прервал его Мунглум, поразившись своей отваге.— Я знаю, что существует великая истина — закон, который должен связывать воедино Хаос и Порядок — закон равновесия. Высший дух держит весы над Землей, а их равновесие должно поддерживаться борьбой Хаоса и Порядка. Иногда перевешивает одна чаша весов, иногда другая — так уж веками повелось от начала Земли. Но чтобы равновесие настолько сместилось в чью-то пользу, такого не должно быть. Ослепленные своей борьбой, вы, подданные Хаоса, наверное, забыли об этом.

— Мы забыли об этом неспроста, смертный. Чаши весов настолько склонились в нашу пользу, что равновесие больше недостижимо. Мы победили!

* * *

Пока Мунглум спорил с герцогами, Элрик взял себя в руки. Буреносец почувствовал перемену в его настроении и самоуверенно замурлыкал.

Герцоги тоже почувствовали эту перемену и переглянулись.

Прекрасное лицо Ариоха, казалось, вспыхнуло гневом, и псевдотело бога скользнуло к Элрику вниз по ступеням. Его приятели-герцоги последовали за ним.

Конь Элрика отпрянул на несколько шагов.

Молния живого огня появилась в руке Ариоха, и тот метнул ее в альбиноса. Элрик ощутил холодную боль в груди и пошатнулся в седле.

— Твое тело значения не имеет, Элрик. Но подумай, что будет, когда такая молния вонзится в твою душу! — крикнул Ариох.

Элрик запрокинул голову и рассмеялся. Ариох сам себя выдал. Если бы он оставался невозмутимым, то имел бы большее преимущество, но сейчас, сколько бы Ариох ни утверждал обратное, он показал свой страх.

— Ариох, ты помогал мне в прошлом. Теперь ты пожалеешь об этом!

— Есть еще время исправить ошибку, дерзкий смертный!

Вторая огненная молния устремилась к Элрику, но он подставил Буреносец и с облегчением увидел, что меч отразил дьявольское оружие.

Однако, противостоя столь могущественным силам, друзья были бы обречены, если бы им не удалось получить чью-нибудь сверхъестественную помощь. Элрик пока не осмеливался вызвать братьев рунного меча. Еще не осмеливался. Он должен найти другой выход.

Пока Мунглум, укрывшись за спиной Элрика, без всякой надежды теребил высохшую кроличью лапку, сам Элрик, отступая под ударами молний, внезапно вспомнил о грифонах, которых отослал обратно в Хаос. Возможно, ему удастся вызвать их на Землю, но на этот раз у них будет иная цель.

Заклинание было еще свежо в его памяти, требовалось лишь немного изменить ментальную настройку да заменить некоторые слова.

Спокойно, продолжая механически отражать огненные молнии герцогов, чьи лица, оставшись такими же прекрасными, теперь исказились от злобы, Элрик произнес заклинание:

Вы, твари!
Матик из Мелнибонэ — ваш прародитель.
В рожденье вашем лишь безумие — основа.
И если вы хотите жить — мне помогите,
Вернитесь вновь, иначе Матик зелье сварит снова!

Из крутящейся тьмы на площади, завывая, появились клювастые твари.

— Смертное оружие не может причинить вам вреда! — крикнул герцогам Элрик.— Но эти твари из вашего измерения — так испробуйте же на себе их жестокость!

И он натравил грифонов на герцогов ада.

* * *

Явно перепуганные Ариох и демоны кинулись обратно к лестнице, на ходу выкрикивая приказы гигантским тварям, но те продолжали наступать, двигаясь все быстрее и быстрее.

Элрик услышал, как кричит в исступлении его бывший демон-покровитель, а когда грифоны набросились на герцогов, альбинос увидел, как тело Ариоха разделилось на части, а затем вновь собралось восдино, но теперь его узнать уже было почти невозможно. Грифоны, герцоги — все смешалось в настоящем буйстве цветов, звуков и беспорядочной материи. Элрик увидел, как Яагрин Лерн бегом возвращается во дворец. Надеясь, что бестии, которых он вызвал, на какое-то время удержат герцогов, Элрик объехал бурлящую массу тел и, пришпорив коня, поднялся по лестнице.

Двое друзей галопом проскочили в двери дворца и успели мельком увидеть Теократа, в ужасе улепетывающего прочь.

— Твои союзники не так сильны, как ты думал, Яагрин Лерн! — закричал Элрик, устремившись на врага.— Как ты, тупой недоносок, посмел думать, что твои знания могут сравниться со знаниями мелнибонийца!

Яагрин Лерн, настолько испуганный, что боялся оглянуться назад, взбирался по широкой винтовой лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Герцоги! — рыдал Теократ.— Только не покидайте меня сейчас!

— Эти твари ведь не победят адскую аристократию? — шепнул Элрику Мунглум.

— Я и не рассчитываю на их победу, но если покончу с Яагрином Лерном, то тем самым покончу и с его завоеваниями, и с его вызовами демонов на Землю,— покачал головой альбинос.

Он направил коня вверх по лестнице вслед за Теократом, который, поняв, что погоня приближается, кинулся в одну из комнат. Элрик услышал, как лязгнул засов и заскрипели болты.

* * *

Когда Элрик добрался до двери, то обрушил на нее свой меч и через несколько мгновений оказался в небольшой комнатке. Но Яагрина Лерна в ней не было — Теократ исчез.

Альбинос спрыгнул с коня, подошел к маленькой дверце в дальнем углу комнаты и мечом взломал ее. Узкая лестница вела вверх, судя по всему, в башню.

«Теперь я смогу свершить свою месть!» — подумал он, когда добрался до еще одной двери на верхней площадке лестницы и взмахнул мечом, чтобы сокрушить ее.

Элрик нанес удар, но дверь устояла.

— Проклятье, дверь защищена заклинаниями!

Альбинос только собрался обрушить на дверь еще один удар, как услышал откуда-то снизу настойчивый зов Мунглума:

— Элрик! Элрик! Они уничтожили грифонов! Герцоги возвращаются во дворец! Элрик!..

Альбиносу ничего не оставалось, как на некоторое время отложить месть. Прыгая через ступеньки, он вернулся в комнату и вышел к широкой винтовой лестнице. Внизу он увидел силуэты нечистой троицы. Посреди лестницы Мунглум, сидевший на нихраинском скакуне, дрожал мелкой дрожью.

— Буреносец, пришло время вызвать твоих братьев,— обратился Элрик к своему мечу.

Словно соглашаясь с хозяином, меч изогнулся в руке.

Элрик начал петь мучительное и для разума, и для горла руническое заклинание, которому научил его Сепириз. Буреносец стонал, подпевая погребальной песне, а герцоги, измотанные схваткой с грифонами, приняв различные обличья, уже начали подниматься по лестнице. И вдруг Элрик заметил, как вокруг него появились какие-то неясные тени — призрачные силуэты, частью находящиеся в измерении Земли, а частью — в измерении Хаоса. Он видел, как они несутся в раз-

ные стороны, и внезапно ему показалось, что воздух буквально заполнен миллионами мечей, каждый из которых был двойником Буреносца!

* * *

Элрик инстинктивно снял с запястья темляк и метнул Буреносца к остальным его братьям. Тот повис перед ними в воздухе, и братья, казалось, признали его.

— Веди их, Буреносец! Веди против герцогов — или твой хозяин погибнет, и тебе никогда больше не придется испить человеческой души!

Облако мечей зашелестело, и ужасный стон потряс воздух. Герцоги рванулись к альбиносу и отшатнулись перед злобной ненавистью, которая изливалась из извивающихся клинков.

Посмотрев вниз, Элрик увидел Мунглума, безвольно осевшего в седле. Непонятно было, то ли коротышка убит, то ли просто потерял сознание.

И тут мечи обрушились на приближающихся герцогов, и голова Элрика закружилась при виде миллиона клинков, погружающихся в субстанцию тел Повелителей Хаоса. Нечестивый шум битвы заполонил его слух, а кошмарное зрелище затуманило взор. Лишенный жизненной силы Буреносца Элрик ощутил слабость и вялость. Почувствовав, как трясутся колени, он рухнул на пол, и ничем не мог помочь братьям черного меча в схватке с герцогами ада.

Он совсем пал духом, понимая, что, если и дальше будет наблюдать за этим кошмаром, то сойдет с ума. С благодарностью почувствовал он, как разум погружается во тьму — Элрик потерял сознание, так и не узнав, кто победил.

Глава 5
ПЛЕН

Тело гудело. Руки и спина болели. Запястья дрожали от мучительного напряжения.

Элрик открыл глаза.

Напротив себя он увидел Мунглума, распятого и прикованного цепями в центре помещения. Элрик почувствовал боль

в колене и, взглянув вниз, заметил Яагрина Лерна. Теократ плюнул в альбиноса.

— Итак, я потерпел поражение,— глухо пробормотал Элрик.— А ты — торжествуешь.

Но Яагрин Лерн торжествующим отнюдь не выглядел. Ненависть по-прежнему горела в его глазах.

— О, как я тебя покараю...— прошипел Теократ.

— Покараешь? Значит? — Сердце Элрика забилось быстрее.

— Твое последнее заклинание сработало,— хмуро объяснил Теократ и отвернулся, рассматривая жаровню.— И твои, и мои союзники исчезли. И как я ни пытался связаться с герцогами ада, у меня ничего не получилось. Ты исполнил свою угрозу, а может, это твои прислужники постарались. Все едино — герцоги ада навеки изгнаны в измерения Хаоса!

— А мой меч — что с ним?

Теократ злобно ухмыльнулся.

— Его судьба — единственная моя радость. Твой меч сгинул вместе со своими братьями. Теперь ты слаб и беспомощен, Элрик. И ты в моей власти. Я буду мучить тебя до конца своей жизни.

Подобные известия ошеломили Элрика. С одной стороны, его обрадовало, что герцоги побеждены. Но, с другой, он скорбел по утраченному мечу, без которого был немощнее калеки. Уже сейчас взор его начал затуманиваться, а члены — коченеть.

Яагрин Лерн взглянул на альбиноса.

— Тебе осталось несколько относительно безболезненных дней. Наслаждайся ими и, пока меня не будет, предвкушай все те пытки, которым я тебя подвергну. Сейчас я должен уйти, дабы проследить за подготовкой флота, который вскоре отплывет на Юг. Я не стану сейчас тратить время на грубые и торопливые пытки, ибо в последующие дни у меня будет возможность поразмыслить над наиболее тонкими и изысканными мучениями, какие только существуют на свете. Обещаю тебе, пройдут долгие годы, прежде чем я позволю тебе умереть!

Яагрин Лерн вышел из камеры, и, когда дверь закрылась, Элрик услышал, как Теократ приказал охранникам:

— Поддерживайте в жаровне хороший огонь. Пусть они потеют, как души проклятых в геенне огненной. Чтоб они не подохли, раз в три дня кормите их. Скоро они начнут криком кричать, воды просить. Дайте воды, но немного, только чтоб живы остались. Они, конечно, заслуживают намного худшего, но я этим займусь, когда будет время.

* * *

Днем позже начались истинные мучения. Их тела отдали последнюю каплю пота. Шершавые языки распухли. Глотки устали от стонов. И все время их мучила мысль, что эти страдания — ничто по сравнению с тем, что ждет впереди. Ослабевшее тело Элрика не могло долго сопротивляться, и в конце концов разум затуманился, а мучительная агония стала постоянной и привычной. Тогда время для него перестало существовать. Потом, через целую вечность, сквозь мрак сплошной боли донесся знакомый голос. Проникнутый ненавистью голос Яагрина Лерна.

Теократ был в камере не один. Чьи-то руки схватили альбиноса, и он внезапно почувствовал невероятную легкость, когда его, стонущего, вынесли наружу.

Хотя отдельные фразы Яагрина Лерна доносились до его слуха, смысла слов Теократа принц драконов не понимал.

Элрик оказался в каком-то темном месте и ощутил странную, непонятную качку, которая причиняла боль его опаленной груди. Позже он услышал голос Мунглума и, собравшись с силами, понял значение его слов.

— Что происходит? Клянусь, мы плывем в открытом море!

Но Элрик лишь безучастно пробормотал нечто невразумительное. Его хворое тело постепенно слабело — слабело быстрее, чем тело обычного человека. Он подумал о Зайре, которую ему больше никогда не суждено увидеть. Он понял, что нить его жизни оборвется раньше, чем он узнает, удалось ли южанам устоять перед атакой Теократа, и задолго до того, как определится победитель в споре Хаоса с Порядком.

Но эти мысли недолго терзали альбиноса, и он снова провалился в забытье. А потом ему стали давать пищу и воду, и это вернуло его к жизни. Через некоторое время Эл-

рик открыл глаза и увидел склонившегося над ним Яагрина Лерна.

— Хвала богам! — воскликнул Теократ, и легкая улыбка появилась у него на губах.— Я боялся, что мы тебя уже потеряли. Да, ты, конечно, очень хлипкий малый. Но ты должен оставаться в живых дольше, чем твой приятель. Для начала забавы я взял тебя на мой флагманский корабль. Сейчас мы плывем по Драконьему морю — наши корабли хорошо защищены заклинаниями от чудовищ, населяющих эти воды,— Теократ внезапно нахмурился.— Благодаря тебе теперь мы не можем использовать заклинания, которые позволили бы нам безопасно плыть по водам, пораженным Хаосом. Пока они почти спокойны, но в любой момент все может измениться.

Прежняя решительность на миг вернулась к Элрику, и он свирепо посмотрел на своего врага, слишком слабый, чтобы высказать отвращение, которое испытывал к Теократу. Яагрин Лерн мягко улыбнулся и взлохматил белые волосы альбиноса носком сапога.

— Думаю, я могу сварить зелье, которое добавит тебе жизненной силы.

* * *

Обещанное зелье оказалось довольно густым, да к тому же имело отвратительный вкус. Его пришлось силой заталкивать в пересохший рот альбиноса.

Зато через некоторое время Элрик уже смог сам сесть. И в этот момент он увидел Мунглума, сжавшегося в комок на полу. В первое мгновение Элрик решил, что его друг не выдержал мук и умер. К своему удивлению, альбинос обнаружил, что не связан, и, извиваясь от боли и слабости, пополз к Мунглуму. Он встряхнул коротышку за плечи, и тот застонал, но не откликнулся.

Бледный луч света проник в каюту, и Элрик, взглянув вверх, увидел, что крышка люка отодвинута, и сверху на него смотрит Яагрин Лерн.

— Вижу, зелье неплохо помогло тебе. Иди, Элрик, вдохни бодрящий воздух моря и погрейся под теплым солнцем. Мы

находимся не так уж далеко от побережья Арпшилиара, и с кораблей-разведчиков докладывают, что приближается большой флот.

— Ариох тебя побери! — выругался Элрик.— Надеюсь, они отправят вас всех на дно!

Яагрин Лерн насмешливо поджал губы.

— Кто-кто? Ариох? Разве ты забыл, что произошло в моем дворце? Теперь Ариоха никому не удастся вызвать — ни тебе, ни мне. И все из-за твоих вонючих заклинаний! — он повернулся к одному из офицеров.— Свяжи его и притащи на палубу. Как с ним обращаться, сам знаешь.

Два воина спрыгнули вниз, связали не способному сопротивляться альбиносу руки и ноги и вытащили его на палубу. Когда солнечные лучи ударили по красным глазам альбиноса, Элрик судорожно сглотнул.

— Поставьте его повыше, так, чтобы он мог все видеть,— приказал Яагрин Лерн.

Воины повиновались, поставив альбиноса на ноги, и теперь его взору открылся весь огромный черный флагманский корабль — и шелковые палубные тенты, колыхавшиеся под порывами западного ветра, и скамьи с гребцами, и высокая мачта из черного дерева, несущая темно-красный парус.

А дальше, в море, Элрик увидел огромный флот, плывущий в кильватере флагмана. Кроме кораблей Пан Танга и Дхариджора там было много судов из Джаркора, Шазара и Таркеша, но на алом парусе каждого из них красовался тритон — эмблема Пан Танга.

* * *

Элрик пришел в уныние, ибо понимал, что южане, как бы силен их флот ни был, не смогут устоять перед такой мощью.

— Мы в пути всего лишь три дня,— объяснил Яагрин Лерн.— Однако благодаря колдовскому ветру почти добрались до цели. С разведывательного корабля недавно доложили, что лормурцы, прослышав о нашей превосходящей силе, плывут, чтобы присоединиться к нам. Мудрый поступок правителя Монтана. До поры до времени я воспользуюсь услу-

гами правителя, а когда он мне станет не нужен, убью его, ибо он предатель и перебежчик.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — прошептал Элрик, скрежеща зубами от боли, которую вызывало любое движение, даже движение губ.

— Затем, что хочу, чтобы ты стал свидетелем разгрома флота южан. Я хочу, чтобы ты знал: то, что ты пытался предотвратить, вскоре произойдет. После того, как мы покорим южные страны и вытрясем из них все сокровища, мы уничтожим Остров Пурпурных башен и устремимся на Вилмир и Илмиору. Это будет нетрудно, ты согласен?

Не дождавшись от Элрика ответа, Яагрин Лерн нетерпеливо махнул своим людям.

— Привяжите его к мачте, так, чтобы ему хорошо было видно поле боя. Я наложу на его тело защитное заклятие, ибо не хочу, чтобы его убила случайная стрела и тем самым обманом лишила меня сладкой мести.

Элрика подняли и привязали к мачте, но он едва ли понял, что с ним сделали. Его голова бессильно упала на правое плечо, а сам он опять погрузился в забытье.

А могучий флот, вспенивая воду, плыл вперед к победе.

* * *

В середине дня крики рулевого заставили Элрика очнуться.

— Паруса на юго-востоке! Флот Лормура приближается!

С бессильной яростью Элрик наблюдал, как пятьдесят двухмачтовых кораблей, чьи паруса казались сияющими рядом с темно-алыми парусами пантангцев, становятся в общий строй армады Яагрина Лерна.

Лормур, хоть и имел меньшую военную мощь по сравнению с Аргимилиаром, обладал более сильным флотом. Элрик подсчитал, что предательство правителя Монтана стоило южанам более четверти их военно-морских сил. Теперь Элрик точно знал — у южан не было никаких надежд победить. А вот для уверенности в своей победе у Яагрина Лерна были веские основания.

Опустилась ночь, и гигантский флот стал на якорь. Охранник накормил Элрика жидкой кашей, смешанной с еще одной

порцией стимулирующего зелья. Когда альбинос вновь ожил, его ярость стала еще сильнее, и Яагрин Лерн, проходя мимо мачты, остановился, дабы осыпать принца драконов грубыми насмешками.

— Вскоре после рассвета мы встретим флот южан,— объяснил Теократ.— К полудню то, что от него останется, будет плавать в виде окровавленных обломков у нас за кормой. А мы поплывем дальше, дабы утвердить свою власть над теми народами, которые безрассудно полагались на флот как на достаточную защиту для своих земель.

Элрик вспомнил, как предупреждал монархов Юга, что так оно, скорее всего, и будет, если они в одиночку выступят против Теократа. И теперь ему очень хотелось, чтобы его предупреждение не оправдалось. За победой Теократа над южанами неизбежно последует и захват им всех восточных земель. И когда Яагрин Лерн станет править всем миром, повсюду будет хозяйничать Хаос, и Земля вернется в то первоначальное состояние, в котором пребывала до тех пор, пока миллионы лет назад ей не придали нынешний облик.

Всю безлунную ночь Элрик предавался размышлениям и собирался с силами, чтобы осуществить свой план, который пока еще мелькал лишь тенью в дальних закоулках его разума.

Глава 6
РАЗГРОМ ЮЖАН

Грохот якорных цепей разбудил альбиноса.

Дрожа под холодными лучами блеклого солнца, Элрик увидел на горизонте флот южан, помпезно плывущий прямо к кораблям Яагрина Лерна.

«Или монархи Юга отчаянные храбрецы, или до сих пор не понимают мощи своего противника»,— подумал принц драконов.

Под ним на полубаке флагмана Яагрина Лерна была установлена громадная катапульта, и рабы уже вложили в ее чашу шар зажигательной смолы. Элрик знал, что обычно такие большие катапульты во время боя были просто обузой, ибо требовалось очень много времени, чтобы подготовить их к новому выстрелу. А это давало преимущество более легким

боевым машинам. Но, судя по всему, механики Яагрина Лерна провели некоторые усовершенствования — Элрик заметил какие-то дополнительные устройства, установленные на катапульте, явно предназначенные для ускорения ее перезарядки.

Ветер утих, и пятьсот пар мускулов с усилием заставляли двигаться вперед галеру Яагрина Лерна. На палубе воины заняли места возле громадных абордажных платформ, которые одновременно служили и для удержания вражеских кораблей, и в качестве мостов между сцепленными вместе судами.

Элрик был вынужден признать, что Яагрину Лерну не откажешь в предусмотрительности. Тот не полагался только на помощь сверхъестественных союзников, и его корабли превосходили оснащением любые другие суда, которые Элрику приходилось когда-либо видеть.

«Флот южан обречен,— решил Элрик.— Сражаться с Яагрином Лерном — это не храбрость. Это безумие!»

Но Теократ все же совершил одну ошибку. Охваченный яростным желанием отомстить, он сам позаботился о том, чтобы восстановить на несколько часов жизненные силы Элрика. Он не предусмотрел, что оживет не только тело альбиноса, но и его разум.

Буреносец безвозвратно исчез. С рунным клинком в руке Элрик среди людей был почти непобедим, а без Буреносца — совершенно беспомощен. Значит, он должен вернуть меч. Но каким образом? Вместе со своими братьями Буреносец отправился в измерение Хаоса, скорее всего увлеченный туда их превосходящей силой.

Нужно было как-то связаться с рунным мечом.

Но всех братьев черного меча Элрик не осмеливался вызывать на Землю вторично, дабы не искушать судьбу.

* * *

Элрик услышал резкое «шмяк!» и рев, когда гигантская катапульта сделала первый выстрел. Окутанный пламенем шар взвился над океаном и, не долетев до корабля южан, погрузился в воду, которая покрылась маслянистыми пятнами и вскипела. Рабы сразу же натянули веревки катапульты, вло-

жили в ее чашу очередной огненосный шар, и Элрик поразился той быстроте, с которой громоздкую боевую машину подготовили к новому выстрелу. Яагрин Лерн взглянул на альбиноса и засмеялся.

— Мое развлечение будет, увы, недолгим — противник слишком слаб, чтобы оказать достойное сопротивление. Смотри, как они гибнут, Элрик!

Элрик ничего не ответил, делая вид, что поражен и испуган.

Следующий огненосный шар угодил в один из идущих впереди кораблей южан, и альбинос увидел, как крошечные фигурки забегали, засуетились на палубе, отчаянно пытаясь погасить расплескавшуюся смолу, но не прошло и минуты, как весь корабль уже полыхал, и из ревущего пламени за борт попрыгали моряки, которым так и не удалось спасти свое судно.

Воздух уже гудел, заполненный жаркими огненосными шарами — корабли южан достаточно сблизились с армадой Теократа, чтобы нанести ответный удар из своих более легких метательных орудий. По небу проносились тысячи хвостатых комет, и жар исходил от них почти такой же, как стоял в камере пыток Яагрина Лерна.

Клубы черного дыма поплыли в воздухе, и тогда медные клювы таранов вонзились в корабли, прокалывая их, словно вертела рыбу. Раздались хриплые крики сражающихся людей, и Элрик услышал лязг железа, когда противники сошлись.

Но звуки битвы теперь лишь смутно доходили до сознания альбиноса, ибо он медитировал. Наконец он приготовился и, рассчитывая, что за грохотом сражения никто не услышит одинокий голос человека.

— Буреносец! — отчаянно с мукой в голосе позвал он.

Его истерзанный разум эхом повторил зов, и Элрик, казалось, заглянул за водоворот битвы, за океан, за саму Землю — туда, где были лишь тени и ужас. Что-то двигалось там.

— Буреносец!

С палубы до него донеслись проклятия, и альбинос увидел Яагрина Лерна, рукой указывающего на него.

— Заткните пасть белолицему колдуну! — Теократ встретился взглядом с альбиносом, задумался на мгновение, в не-

решительности покусывая губу, а потом добавил.— А если он и тогда не прекратит бормотать, убейте его!

Офицер полез по мачте к Элрику.

— Буреносец! Твой хозяин погибает!

Альбинос изо всех сил старался порвать опутывающие его веревки, но ему едва удавалось пошевелиться.

— Буреносец!

Всю жизнь он ненавидел меч, на который так сильно полагался. Но сейчас он звал его, как беспомощное дитя зовет свою мать.

Офицер схватил альбиноса за ногу и дернул.

— Заткнись! Ты что, не слышал приказа моего повелителя?!

Безумными глазами Элрик взглянул на воина, который содрогнулся, выхватил меч и, уцепившись одной рукой за мачту, подтянулся вверх, чтобы пронзить сердце альбиноса.

— Буреносец! — зарыдал Элрик. Он не мог умереть! Он не должен был умереть! Без него на Земле воцарится Хаос!

Воин нанес удар, но клинок не коснулся тела альбиноса. И тут Элрик со смехом вспомнил, что находится под защитой заклинания, которое наложил на него Яагрин Лерн! Магия Теократа спасла его!

— Буреносец!

Офицер судорожно всхлипнул, и меч вывалился из его руки. Казалось, что-то невидимое впилось в горло воина, и тот борется, чтобы вытащить это из себя, но пальцы его, отсеченные, упали на палубу, и кровь хлынула из обрубков. И тогда медленно, очень медленно в воздухе начал проявляться неясный силуэт, который постепенно обрел материальность. С невероятным облегчением альбинос увидел, что это меч — его рунный меч торчит в горле офицера и пьет душу!

Офицер упал, а Буреносец завис в воздухе, а потом развернулся, срезал веревки, удерживающие руки принца драконов, и лег в правую руку своего хозяина, мурлыканием выражая свою внушающую ужас привязанность.

И сразу жизненная сила убитого воина потекла в тело Элрика, изгоняя боль. Альбинос ухватился за такелажный канат, срезал остатки пут, раскачался, повиснув на одной руке, и спрыгнул.

— А теперь, Яагрин Лерн, посмотрим, кто кому отомстит!

Он сорвал крышку люка и уставился на крошечную фигурку своего друга. Без всяких сомнений, коротышку оставили здесь умирать голодной смертью. Целое полчище крыс бросилось врассыпную от его скорчившегося тела, когда в трюм проник солнечный свет.

Элрик спустился вниз и с ужасом увидел, что правая рука Мунглума отчасти уже изгрызена. Он перебросил тело друга через плечо, убедившись, что сердце коротышки еще бьется, хотя и слабо, и вскарабкался обратно на палубу.

Как обеспечить безопасность Мунглуму и при этом все-таки отомстить Яагрину Лерну, было совершенно непонятно. Но Элрик, нимало не задумываясь об этом, побежал к абордажной платформе, по которой, как он считал, Теократ перебрался на корабль южан. Когда альбинос оказался рядом с ней, три воина Пан Танга бросились ему навстречу, и один из них закричал:

— Альбинос сбежал! Альбинос сбежал!

Легким движением кисти Элрик направил Буреносец ему в грудь, и черный меч сделал все остальное. Два других солдата в ужасе убежали, вспомнив, как альбинос ворвался в Хвамгаарл.

Новая энергия потекла в тело Элрика. Его сила возрастала с каждым убитым человеком — пусть похищенная сила, но так необходимая ему, если он хотел спастись и одержать победу во благо Порядка.

* * *

Почти не ощущая тяжести ноши на своем плече, Элрик перебежал по абордажной платформе на палубу корабля южан. На баке он увидел флаг Аргимилиара, а возле него — небольшую группу людей во главе с королем Хозэлом, который мрачно смотрел в лицо приближающейся смерти.

«Заслуженная смерть,— без всякого сожаления подумал Элрик.— И все же, когда Хозэл умрет, это будет означать еще одну победу Хаоса».

Тут он услышал странный крик и на мгновение решил, что его заметили, но это кричал один из людей Хозэла, указывая рукой куда-то на север. Элрик посмотрел туда и со смешанными чувствами разглядел паруса кораблей Острова Пурпур-

ных башен — яркие, нарядные, некоторые даже украшенные вышивкой, ведь морские повелители признавали только богато отделанные паруса.

Но они прибыли слишком поздно. И даже если бы им раньше удалось соединиться с флотом южан, это вряд ли бы лишило Яагрина Лерна победы.

Резко оглянувшись в этот момент, Яагрин Лерн увидел Элрика и прорычал своим людям приказ к атаке. Враги медленно и неохотно двинулись к альбиносу, обходя его широким полукругом.

Элрик выругал отважных морских повелителей, усложнивших его и без того сложное положение. Грозно размахивая завывающим рунным мечом, он бросился навстречу воинам Пан Танга. Те отступили, дико скуля. Даже если колдовской меч всего лишь касался тела воина, тот падал замертво. Путь к Яагрину Лерну был свободен.

Но корабли Острова Пурпурных башен уже настолько приблизились к флоту Пан Танга, что в любой момент могли начать обстреливать его из катапульт.

Элрик посмотрел прямо в испуганное лицо Яагрина Лерна и прорычал:

— Я не уверен, хватит ли у моего меча сил разрубить твои алые доспехи одним ударом, а у меня есть время только на один удар. Сейчас я покидаю тебя, Теократ, но помни — даже если ты завоюешь весь мир, включая не нанесенные на карту земли Востока, я все равно сделаю так, что мой меч выпьет твою черную душу.

С этими словами он перебросил бесчувственного Мунглума через борт и сам прыгнул вслед за ним в бурлящее море.

* * *

Обхватив тело друга, принц драконов нечеловечески широкими гребками поплыл к идущему впереди кораблю морских повелителей — к кораблю Каргана.

И только тут Яагрин Лерн и его люди заметили, что их флагман охвачен пламенем. Элрик знал свое дело не хуже механиков Пан Танга. Это тоже должно было отвлечь внимание пантангцев от флота Каргана.

Полагаясь на знаменитое искусство мореплавания морских повелителей, Элрик плыл прямо к их флагману, выкрикивая имя Каргана. Корабль слегка изменил курс, и альбинос увидел бородатые лица, склонившиеся над бортом, заметил веревки, полетевшие к нему, и ухватился за одну из них, позволив морякам втащить себя на палубу вместе со своей ношей.

Потрясенный Карган уставился на него.

— Элрик! Мы думали, что ты мертв. Но теперь я вижу, что ты и был мертв — или даже еще хуже!

Элрик выплюнул изо рта соленую воду и торопливо приказал:

— Поворачивай свой флот, Карган! Поворачивай назад, туда, откуда вы приплыли. Нет никакой надежды спасти флот южан. Он обречен. А мы должны сберечь свои силы для грядущей битвы.

Мгновение поколебавшись, Карган прорычал приказ, который быстро передали на все остальные шестьдесят кораблей его флота.

* * *

Когда флот Каргана лег на обратный курс, Элрик заметил, что всего несколько кораблей южан осталось на плаву. Более чем на милю в округе полыхала вода, горящие корабли шли на дно, и треск пожираемых пламенем шпангоутов смешивался с криками раненых и тонущих.

— После такого разгрома южные страны долго не устоят перед ордами Пан Танга,— пробормотал Карган, наблюдая за лекарем, осматривающим Мунглума.— Как и мы, южане слишком полагались на свои военно-морские силы. А значит, если мы хотим иметь хоть какие-то шансы на победу, должны усилить наши сухопутные армии.

— Впредь мы будем использовать ваш остров как нашу главную базу,— объявил Элрик.— Мы хорошенько укрепим его и оттуда сможем без труда узнавать, что происходит на Юге.— Он обернулся.— Эй, лекарь, как там дела у моего друга?

Лекарь, склонившийся над Мунглумом, выпрямился и ответил:

— Это не боевые раны. Он сильно истерзан, но жить будет. Если ему дать отдохнуть месяц или около того, он совершенно поправится.

— Он отдохнет,— пообещал Элрик, сжав эфес Буреносца и задумался, какие еще задания, припасенные для него судьбой, ему придется выполнить, прежде чем начнется последняя великая битва между Порядком и Хаосом.

Несмотря на мощный удар, который он нанес, навеки изгнав герцогов ада в их собственное измерение, Хаос вскоре завладеет почти половиной Земли. И чем большие сил набирал Яагрин Лерн, тем больше Хаос угрожал Земле.

Элрик вздохнул и посмотрел на север.

* * *

Два дня спустя они вернулись на Остров Пурпурных башен и поставили корабли на якорь в самой большой гавани Юткела, приняв мудрое решение, что флот должен все время находиться под рукой.

Всю следующую ночь Элрик совещался с морскими повелителями, отдавая приказы гонцам из Вилмира и Илмиоры, а ближе к утру в дверь зала вежливо постучали.

Карган открыл дверь и с удивлением уставился на высокого чернолицего человека.

— Сепириз! — удивленно воскликнул Элрик.— Как ты попал сюда?

— Приехал на коне,— улыбнулся гигант.— Тебе ведь известны возможности скакунов Нихраина. Я пришел предупредить тебя. Мы сумели наконец связаться с Белыми повелителями, но пока еще они мало что могут сделать для нас. Чтобы Белые повелители оказали нам помощь, необходимо пробить брешь в барьерах, установленных повелителями Хаоса на пути из их измерения к повелителям Порядка. Корабли Яагрина Лерна уже извергли свое содержимое на южные берега, и его воины продвигаются в глубь южного материка. Нам их не остановить. С каждой новой захваченной страной земная мощь Теократа возрастает, и это дает ему возможность вызывать все больше и больше союзников из Хаоса.

— Ну и в чем же состоит мое новое задание? — тихо спросил Элрик.

— Пока точно не знаю. Но я пришел не ради этого. То, что твой меч некоторое время побыл среди своих братьев, прибавило ему сил. Ты, должно быть, заметил, как быстро он теперь наполняет тебя энергией?

Элрик кивнул.

— Но эта энергия порождена злом. Сила клинка будет возрастать, а вместе с ней и твоя сила тоже. И чем больше вольется в тебя дьявольской энергии, тем больше усилий тебе придется приложить, чтобы управлять ею. В противном случае она просто поглотит тебя.

Элрик вздохнул и сжал руку Сепириза.

— Спасибо за предупреждение, друг, но, когда я сражался с герцогами ада, которым в прошлом принес клятву верности, я не надеялся отделаться простой царапиной или легкой раной! Знай это, Сепириз! — он повернулся к морским повелителям.— Знайте это и все вы!

Элрик обнажил постанывающий рунный клинок и поднял его вверх. Тот сиял и искрился, давая выход своей ужасной мощи.

— Этот клинок был выкован Хаосом, чтобы сокрушить Хаос. Такова же и моя судьба. Хотя мир превращается в кипящий газ, я еще жив. И клянусь космическим равновесием, что Порядок восторжествует, и новый век придет на Землю!

Ошеломленные такой решительной клятвой, морские повелители переглянулись, а Сепириз улыбнулся.

— Будем надеяться, что так и произойдет, Элрик,— сказал он.— Будем надеяться...

Часть 16
ЩИТ ПЕЧАЛЬНОГО ВЕЛИКАНА

Тринадцать раз по тринадцать ступеней вели к замку печального великана, где Хаоса щит лежал.

И семь раз по семь древ бузины ждали, двенадцать раз по двенадцать воинов восстали.

И позвал скромный герой печального великана на бой.

Когда овладел герой щитом печального великана, окрасила меч пролитая кровь в яростный цвет — алый. И пала на взор великана тень в скорбный победы день.

«Хроника черного меча»

Глава 1
НОВАЯ ВСТРЕЧА С СЕПИРИЗОМ

На мир пала черная тень беззакония. Ни боги, ни люди, ни тот, кто управляет ими, не были в состоянии разглядеть будущее и судьбу Земли, когда с помощью интриг, плетущихся человеческими приспешниками Хаоса, силы его окрепли.

От западных гор до самых южных равнин, поглотив растревоженный океан, простиралось чудовищное царство Хаоса. Немногочисленные кучки людей, оставшиеся от некогда процветавших народов,— страдающие, несчастные, потерявшие надежду на спасение — бежали с двух континентов, уже сокрушенных прихвостнями Хаоса, которых вел извращенный Теократ Яагрин Лерн из Пан Танга. Хищный не только лицом, но и нутром, облаченный в ярко-алые доспехи, он, высоко вздернув плечи и нахохлившись, алкал власти и повелевал стервятниками — людьми и сверхъестественными созданиями, расширяя границы и без того огромных черных владений.

Вся поверхность Земли превратилась бы в руины и кровоточащее страдание, если бы не восточный континент и Остров Пурпурных башен, которые, находясь под угрозой вторжения, готовились противостоять первой атаке Яагрина Лерна. Если

в ближайшее время не будут призваны какие-нибудь особые силы, чтобы остановить Хаос, его надвигающийся поток захлестнет весь мир.

Та жалкая горстка людей, которые под руководством Элрика из Мелнибонэ все еще сопротивлялись напору Яагрина Лерна, мрачно и горько обсуждали стратегию и тактику, хорошо понимая, что их слишком мало, чтобы повернуть вспять нечестивую орду Теократа.

* * *

В отчаянии Элрик, используя древнее колдовство предков-императоров, попытался связаться с Белыми повелителями; но ничего не добился, потому что никогда раньше не взывал к ним о помощи. Да и силы Хаоса теперь были настолько значительны, что повелители Порядка не имели того легкого доступа на Землю, какой был у них в прежние времена.

Хотя Элрик и его соратники готовились к грядущей схватке, души их разъедали сомнения, а разум отягощали думы о тщетности этих попыток. Кроме того, в глубине сознания Элрика тлела тягостная мысль о том, что, даже если он и одолеет Хаос, сама эта победа разрушит мир, который он знал, и подготовит Землю к правлению сил Порядка, но в том мире уже не будет места неистовому колдуну-альбиносу.

За пределами измерения Земли из своих небольших королевств за борьбой следили повелители Порядка и Хаоса. Но даже от них была сокрыта судьба Элрика.

Хаос торжествовал. Он постоянно пресекал все попытки сил Порядка пробиться через его владения — единственный путь, ведущий теперь на Землю. И повелители Порядка разделяли разочарование Элрика.

Но если Хаос и Порядок наблюдали за разгоревшейся на Земле схваткой, кто же тогда наблюдал за самими повелителями — Белыми и Темными? Ибо и Хаос, и Порядок были всего лишь двумя гирьками на весах космического равновесия. Однако рука, державшая весы, редко вмешивалась в их конфликты, а в дела людские — тем паче.

Но сейчас пришло время — и решение должно быть принято, и положение дел должно измениться. Какая гирька пе-

ревесит — кто сможет решить это? Люди? Или повелители? Или только руке космического равновесия под силу придать Земле новый облик, переделать ее вещество, изменить дух, а затем поместить на другой путь — новый путь судьбы?

Возможно, каждому придется сыграть свою роль, прежде чем судьба Земли будет определена.

Великий Зодиак, влияющий на эту вселенную и на смену ее эпох, завершил двенадцатилетний бег по кругу, и вскоре цикл должен начать круг заново. Колесо судьбы уже раскрутилось, но, когда оно остановится, какой знак выпадет на нем, какое изменение это принесет?

Великие перемещения начинались на Земле и за ее пределами; великие судьбы приоткрывались людям; великие деяния были предопределены, и, удивительно, как вообще такое стало возможным, что, несмотря на повелителей высших миров, несмотря на руку космического равновесия, несмотря на мириады сверхъестественных существ, роящихся по всей вселенной, Человек мог решить исход? Более того — один человек? Один человек, один меч, одна судьба?..

* * *

Элрик из Мелнибонэ, сгорбившись в седле, наблюдал, как воины снуют по главной площади Бакшаана. Несколько лет назад он поймал в западню самых преуспевающих купцов этого города и обвел их вокруг пальца, но сейчас старые счеты были забыты, поскольку надвигалась война, и купцы понимали, что если Элрик не спасет их, то уже никто не сможет сделать это. Стены города были укреплены, а воины обучены обращению с непривычными видами оружия. Из города дремотного спокойствия, ленивых купцов и процветающих обывателей Бакшаан превратился в военный лагерь.

Элрик потратил целый месяц, чтобы объехать вдоль и поперек восточные королевства Илмиору и Вилмир, наблюдая, как идут приготовления, превращая армии двух народов в действенную военную машину.

Только что закончив изучать пергаменты, которые заместители подали ему, и припомнив древнее тактическое мастерство своих предков, он отдал соответствующие распоряжения.

Садилось солнце, и тяжелые черные облака висели в пронзительном металлически-голубом небе, вытягиваясь к горизонту. Похолодало, и Элрик, накинув плащ, молча рассматривал небо на западе, когда заметил приближающуюся золотистую точку, похожую на мигающую звезду. Нахмурившись, так как всегда с опаской относился к знакам проявления Хаоса, Элрик повернулся в седле и крикнул:

— По местам! Остерегайтесь золотого шара!

Быстро приблизившись, шар завис над городом. Люди, сжимая оружие, с изумлением взирали на него. Когда на город упала ночь, и густые облака полностью затянули небо, шар снизился к башням Бакшаана. Странное мерцание исходило от него. Элрик вытащил из ножен Буреносца, и черное пламя заструилось по тихо постанывающему клинку. Когда золотистый шар коснулся булыжников городской площади, то, казалось, разорвался на мириады светящихся точек, которые, прежде чем угаснуть, на мгновение ярко вспыхнули.

Элрик облегченно рассмеялся, рассмотрев человека, который стоял там, где только что взорвался шар, и спрятал Буреносец в ножны.

— Сепириз, друг мой! Однако ты выбрал странный экипаж, чтобы перенестись сюда из бездны Нихраина.

Блеснули белые острые зубы, когда высокий чернолицый провидец улыбнулся.

— Может быть, для тебя он и странный, но, к сожалению, у меня всего несколько таких экипажей, и поэтому я вынужден использовать их лишь для неотложных дел. Друг мой, я принес тебе новости, много новостей.

— Надеюсь, новости хорошие, потому что плохих нам хватит до конца нашей жизни.

— Они разные. Где бы мы могли переговорить с глазу на глаз?

— Вон там наш штаб, там же я и живу,— указал Элрик на богато украшенный дом на другом конце площади.

* * *

Элрик налил гостю большой бокал желтого вина. Купец Келос, хозяин, без большой охоты отдал свой дом под воен-

ный совет, и наверное поэтому Элрик, теша чувство злобного удовлетворения, достаточно небрежно обращался с лучшими вещами Келоса.

Сепириз поднял кубок и пригубил крепкое вино.

— Ну что, тебе удалось связаться с Белыми повелителями, друг мой? — спросил Элрик.

— Кое-каких успехов я уже достиг.

— Хвала богам! Надеюсь, они собираются помочь нам?

— Белые повелители всегда рады помочь людям, но им никак не удается пробить достаточно большую брешь в барьере, которым Хаос оградил планету. Однако мне все-таки удалось связаться с ними, и это самый благоприятный знак, который мы получили за последние месяцы.

— Итак, эта новость хорошая,— бодро отметил Элрик.

— В отличие от следующих. Яагрин Лерн опять приказал поднять паруса, и теперь тысячи его кораблей вышли в открытое море, неся на своих бортах сверхъестественных союзников Теократа — создания Хаоса.

— Этого я и ожидал, Сепириз. В любом случае здесь я сделал все возможное и теперь отправляюсь на Остров Пурпурных башен, чтобы возглавить флот, готовый выступить против Яагрина Лерна.

— У тебя почти нет шансов на победу, Элрик,— мрачно предостерег альбиноса Сепириз.— Доводилось ли тебе слышать о кораблях ада?

— Я слышал о них. Если мне не изменяет память — они бороздят глубины океанов, и их экипажи сколочены из мертвых моряков.

— Именно так. Только не забывай, что эти моряки — подданные Хаоса, а сами корабли несоизмеримо больше любого, даже самого огромного, судна смертных. Тебе никогда не удалось бы противостоять им, даже если бы их не сопровождал весь флот Теократа.

— Сепириз, я понимаю, что битва будет трудной, но что нам еще остается делать? Кроме того, у меня все-таки есть оружие против Хаоса — мой меч.

— Элрик, в этой борьбе Буреносец годится только на то, чтобы ковыряться им в зубах, ведь у тебя нет защиты против Хаоса. И кстати, именно об этом я хотел поговорить с то-

бой — о том оружии, которое поможет тебе, хотя, чтобы заполучить его, придется одолеть его владельца.

— И кто же сейчас обладает этим оружием?

— Великан, который лелеет свою вечную печаль в огромном замке на краю мира, за Пустыней вздохов. Великана зовут Мордаг, и когда-то он был богом. Но теперь смертный — в наказание за грехи, которые совершил против других богов много веков назад.

— Он смертный? И все же живет так долго?

— Да. Мордаг — смертный, хотя ему отмерено гораздо больше лет, чем обычному человеку. Великан знает, что должен будет умереть, и именно это печалит его.

— Так каким же оружием владеет Мордаг?

— Вообще-то это щит. Но особый. Давным-давно Мордаг изготовил его для себя, когда поднял восстание во владениях Хаоса, вознамерившись, покорив богов, стать величайшим из всех повелителей и даже вырвать весы космического равновесия у того, кто держит их. За все эти прегрешения Мордаг был изгнан на Землю, и, вдобавок к этому, ему сообщили, что однажды он умрет — его погубит клинок смертного. Ну а что касается щита, то, как ты уже, наверное, понял, он успешно противостоит влиянию Хаоса.

— Как ему это удается? — с интересом спросил Элрик.

— Силы Хаоса, если они достаточно мощны, способны разрушить любую преграду из упорядоченной материи; насколько мне известно, нет ничего, основанного на принципах порядка, что могло бы долго противостоять разрушительному влиянию полнейшего Хаоса. Буреносец показал тебе, что единственно действенным оружием против Хаоса является оружие, созданное самим Хаосом.

То же самое можно сказать и о щите. Он хаотичен по природе, и в нем нет ни единого упорядоченного кусочка, на который могли бы воздействовать случайные силы и тем самым разрушить. Щит встречает Хаос хаосом, разрушая таким образом мощь противника.

— Понятно... Эх, будь не так давно у меня этот щит, наши дела могли бы сложиться значительно лучше!

— Я не смел рассказать тебе о нем раньше. Не забывай, я всего лишь слуга судьбы и должен действовать только

по приказанию своих повелителей. Возможно, они желают видеть, как Хаос поглотит мир, прежде чем будет повержен, если, конечно, будет когда-нибудь повержен, и это полностью изменит облик планеты. Лишь потом начнется новый цикл. Изменение мира неизбежно, но кто после этого будет править Землей — Порядок или Хаос — зависит только от тебя, Элрик!

— Друг мой, я уже привык к своему бремени. Расскажи лучше, как распознать этот щит?

— Ты узнаешь его по эмблеме Хаоса — из выпуклости в центре щита вылетают восемь стрел. Это тяжелый круглый щит, рассчитанный на великана. Но не беспокойся, той жизненной силы, которую придаст тебе рунный меч, хватит, чтобы носить Щит Хаоса. Ты должен набраться мужества, чтобы одолеть нынешнего владельца щита. Боги поведали Мордагу пророчество, прежде чем низвергнуть на Землю.

— А ты, ты знаешь это пророчество?

— Знаю. На нашем языке оно звучит как стихотворение с простой рифмой:

Рок Мордага в том, что свой век
Он завершит как человек.
Смерть от людей получит он,
Квартетом судьбы будет сражен.

— Квартетом? А кто же остальные трое?

— Об этом узнаешь, когда отправишься за Щитом Хаоса. Итак, скажи мне, что теперь собираешься делать — поедешь на Остров Пурпурных башен или на поиски щита?

— Хотел бы я, чтоб было время найти этот щит, но как раз времени-то мне и не хватает. Я должен поддержать доверившихся мне людей — со щитом или без него.

— Ты будешь разбит.

— Поживем — увидим, Сепириз.

— Ну что ж, Элрик, поскольку в твоих руках лишь малая толика твоей судьбы, мы должны позволить тебе принять только одно решение,— сочувственно улыбнулся Сепириз.

— Судьба, как всегда, добра ко мне,— с иронией заметил Элрик и поднялся.— Я отправлюсь в путь немедленно — у нас нет времени.

Глава 2
КРЕПОСТЬ МАХАКИЛАГРА

С развевающимися по ветру молочно-белыми волосами и решительно сверкающими красными глазами Элрик гнал жеребца в холодной ночной тьме по встревоженным землям, с трепетом ожидавшим атаки Яагрина Лерна, которая может не только принести их обитателям смерть, но и принудить души стать слугами Хаоса.

Стяги дюжины западных и южных монархов развевались рядом со знаменем Яагрина Лерна, потому что правители покоренных им земель предпочли склониться пред могуществом Теократа, нежели быть убитыми. Они беспрекословно отдали ему во власть своих подданных, и те превратились в тупо марширующие создания, чьи лица — пусты, а души порабощены, чьи жены, дети и старики погибли, растерзанные на алчущих крови алтарях Пан Танга, где жрецы возносили хвалу богам Хаоса. И темные повелители, вечно жаждавшие укрепления власти над Землей, отвечали им за это благосклонностью и помощью.

Но не только создания Хаоса, но и материя их дикого космоса проникла на Землю. И там, куда распространилось их влияние, земля вздымалась и опадала, словно волны морские, море текло как лава, горы хаотично меняли форму, а на деревьях распускались мертвенные цветы, которых никогда раньше не видели в этом мире.

Какие бы земли ни покорял Яагрин Лерн, те сразу же начинали корчиться в агонии под искажающим влиянием Хаоса. Сам дух природы был растерзан, превращаясь в то, чем не должен был быть. Земля, воздух, огонь и вода стали зыбкими, поскольку Яагрин Лерн и его союзники уродовали не только жизни и души людей, но и строение планеты. И не было никого, обладающего силой, достаточной, чтобы наказать их за эти преступления. Никого!

* * *

Элрик, понимая это, бешено пришпоривал своего жеребца, стремясь добраться до Острова Пурпурных башен рань-

ше, чем его слабосильный — разумеется, лишь по сравнению с армадой Яагрина Лерна — флот отправится на битву с Хаосом.

Спустя два дня альбинос достиг порта Ухайо, раскинувшегося на холмах меньшего из трёх полуостровов Вилмира, и сразу же нанял корабль, который доставил его на Остров Пурпурных башен. Здесь Элрик погнал скакуна к древней крепости Махакилагра, которая выдержала все осады, ни разу не была захвачена врагами и поэтому считалась самой неприступной цитаделью во всех землях, еще свободных от влияния Хаоса. Крепость была воздвигнута задолго до того, как появились на свет нынешние народы и предки альбиноса двинулись на завоевание новых земель. В настоящее время лишь он знал, как перевести пришедшее из глубокой древности название крепости. Махакилагра — Форт Заката, основанный много веков назад расой, доживающей последние дни в одиночестве.

Когда Элрик въехал во двор крепости, навстречу ему кинулся Мунглум.

— Элрик, наконец-то! Мы с нетерпением ждали тебя, потому что осталось совсем немного времени до нашего выступления. Мы посылали разведчиков, чтобы больше узнать о флоте Яаграна Лерна, и, знаешь, вернулись только четыре человека, и все совершенно невменяемы. Хотя... До острова добрался еще один разведчик, но...

— Что — но?

— Лучше тебе посмотреть самому. Он стал иным, Элрик!

— Он изменился?! Изменился! Я хочу его видеть. Проводи меня к нему.

Элрик коротко кивнул соратникам, вышедшим из башни, и, пройдя мимо них, последовал за Мунглумом по каменным коридорам крепости, тускло освещенным потрескивающими факелами. Задержавшись возле неприметной двери и пропустив Элрика вперед, Мунглум остановился и, судорожно вздохнув, провел пятерней по рыжей растрепанной шевелюре.

— Он здесь. Может, побеседуешь с ним сам? Мне бы не хотелось видеть его еще раз!

— Ладно,— размышляя, что могло приключиться с разведчиком, Элрик толкнул дверь.

В том, что сидело за грубо сколоченным деревянным столом, еще оставалось кое-что от человека.

* * *

Элрик почувствовал горькую жалость к этому человеку, но при этом не испытывал ни ужаса, ни отвращения, которые пережил Мунглум, поскольку ему, колдуну, доводилось встречаться с созданиями еще более устрашающего вида. Хотя, конечно, разведчика постигла ужасная участь — казалось, половина тела этого человека на время размягчилась, стала текучей, а потом свернулась и застыла. Части головы, плеч, торса, ног превратились в подтеки плоти, похожие на крысиные хвосты, гноившиеся нарывы усыпали тело. Разведчик помахал нормальной рукой, и некоторые подтеки дрогнули и закачались в такт его движениям.

— Что за колдовство так искалечило тебя? — тихо заговорил Элрик.

Изуродованное лицо дернулось, и разведчик с трудом прокряхтел:

— Хаос беспредельно расширяет свои границы, а я, не зная этого, вторгся на его территорию. Хаос сделал то, что ты сейчас видишь. Я оказался внутри его владений прежде, чем понял, что произошло. Влияние Хаоса расширилось! — Он подался вперед, и его дребезжащий голос сорвался на крик.— Вместе с Хаосом к нашим берегам движется флот Яагрина Лерна — гигантская армада боевых кораблей, тысячи транспортов, суда, несущие огромные боевые машины, брандеры. Этот флот идет под множеством штандартов. Короли Юга, оставшиеся в живых, принесли клятву верности Яагрину Лерну, и тот использовал все средства и возможности, чтобы сколотить непобедимую армаду. Продвигаясь вперед, он расширяет владения Хаоса, и поэтому ему приходится плыть медленнее, чем обычно. Когда Яагрин Лерн доберется сюда — Хаос прибудет вместе с ним. Мне довелось увидеть такое... такие суда, которые никак не могли быть созданы на Земле. Они превосходят по величине огромный замок. Каждый из них, похоже, сплетен из светящихся нитей различных цветов!

— Так значит, Теократу действительно удалось привлечь под свои знамена сверхъестественных союзников,— задумчиво проговорил Элрик.— Это те самые корабли ада, о которых говорил Сепириз.

— Мой господин, даже если мы разобьем обычный флот Яагрина Лерна,— тоскливо бормотал разведчик,— нам не под силу будет справиться с кораблями ада и субстанцией Хаоса, которая бурлит вокруг них и делает с людьми то, что сделала со мной. Она все искажает, все изменяет! Больше мне нечего сказать, мой господин,— устало продолжил он.— Разве что тебе будет интересно узнать, что Теократу и его человеческим приспешникам не причиняет вреда то, что причинило вред мне. Когда с моим телом начали происходить изменения, я укрылся на Мелнибонэ, острове драконов, который, по-видимому, способен противостоять влиянию Хаоса и является единственным безопасным местом в морях всего мира. Там мое тело быстро зажило, и я рискнул совершить еще одно плавание, которое привело меня сюда.

— Ты доблестный воин,— глухо проговорил Элрик.— Я даю тебе слово, ты будешь достойно вознагражден.

— Я хочу лишь одной награды, мой господин.

— Какой же?

— Смерти. Нет сил жить с ужасом, поразившим тело, и щупальцами Хаоса, проникшими в мои мысли.

— Как тебе будет угодно,— тихо сказал Элрик. Мгновение он постоял, размышляя, потом кивнул головой, прощаясь с разведчиком, и вышел из комнаты.

Мунглум поджидал его за дверью.

— Что, Элрик, дела наши, похоже, плохи? — еле слышно пробормотал он.

Элрик вздохнул.

— Увы... Наверное, мне действительно следовало сначала отправиться на поиски щита Хаоса.

— А что это такое?

Элрик поведал Мунглуму обо всем, что узнал от Сепириза.

— Да, нам не помешала бы такая защита,— согласился Мунглум.— Но сейчас главное — завтрашнее отплытие. Капитаны ждут тебя, Элрик.

— Я встречусь с ними чуть позже,— пообещал альбинос.— Сейчас пойду к себе, чтобы хоть немного собраться с

мыслями. Передай капитанам, я присоединюсь к ним, как только все обдумаю.

Оказавшись в своих покоях, Элрик запер дверь и припомнил все, что ему рассказал разведчик. Он понимал, что без помощи и покровительства сверхъестественных существ его флот — как бы велик он ни был и какие бы отчаянно смелые капитаны ни командовали кораблями — вряд ли сможет выстоять против армады Яагрина Лерна. А ведь у Элрика не было ни огромного флота, ни союзников из высших миров, ни оружия против сил Хаоса. Ах, если бы с ним сейчас был щит Хаоса... Но теперь поздно раскаиваться в принятом решении. Даже отправься он сейчас за щитом, ему никак не успеть принять участие в решающей битве.

Долгими неделями Элрик изучал гримуары — свитки, вощеные дощечки, книги, пластины из драгоценных металлов с выгравированными на них древними рунами, которыми была завалена его комната. В прежние времена ему часто помогали элементали, но они сейчас так пострадали от Хаоса, что большей частью стали бессильны.

Элрик отстегнул адский меч и бросил его на постель, на шелка и шкуры. Мысли альбиноса устремились в прошлое, в те времена, когда он погружался в бездны отчаяния. Какими же незначительными сейчас казались все те случаи, повергавшие его тогда в состояние безысходности, по сравнению с опасностью, которая отягощала душу теперь. Хотя Элрик очень устал, он не захотел вливать в себя энергию, украденную Буреносцем, потому что чувство, очень близкое к исступлению, было вызвано виной — виной, которую он ощущал с самого детства, с тех самых пор, когда он впервые понял, что лицо отца несет отпечаток не любви, а разочарования из-за того, что он породил столь хилое создание — альбиноса.

Элрик вздохнул и, подойдя к окну, устремил взор на море, видневшееся меж низких холмов. Он заговорил вслух, быть может, даже не сознавая этого, а, возможно, надеясь, что слова, срывающиеся с губ, помогут сбросить исподволь копившееся напряжение.

— Не ответственность перед миром волнует меня, нет! Когда я бился с мертвым богом, тот сказал, что и боги, и люди — всего лишь тени, марионетки, добросовестно испол-

няющие свою роль, прежде чем начнется истинная история Земли, когда судьба людей окажется в их собственных руках. А потом и Сепириз поведал мне, что я должен обратиться против Хаоса, должен уничтожить саму природу мира, который знаю, иначе история может никогда не начаться вновь, и великая цель судьбы не будет достигнута. И поэтому я тот, кто должен быть разбит, доведен до крайности, чтобы исполнить свое предназначение. Я обречен не знать покоя ни в душе, ни в мыслях, вынужден без передышки бороться с богами, людьми и Хаосом, и я же, возможно, стану причиной гибели всего, что дорого мне и что я ненавижу, лишь для того, чтобы в какой-то далекой от нас эпохе люди, мало что знающие о колдовстве или о повелителях высших миров, жили в мире, куда вход силам Хаоса будет заказан, где справедливость станет реальностью, а не умозрительной философской концепцией.

Он потер пальцами глаза.

— И вот для того, чтобы Порядок мог править миром, судьба делает Элрика мучеником и вручает ему отвратительный злобный меч, с одинаковым удовольствием убивающий и друзей, и врагов и выпивающий их души, чтобы дать Элрику силы, в которых тот так нуждается. Судьба связывает Элрика со злом и Хаосом, чтобы он мог уничтожить и зло, и Хаос, но она не делает Элрика бездушным болванчиком, которого легко убедить и который покорно пожелает принести себя в жертву. Нет, наоборот, все это делает Элрика Элриком из Мелнибонэ и наполняет его душу великим страданием...

— Мой супруг разговаривает сам с собой, и думы его мрачны. Лучше поделись своими мыслями со мной, Элрик, чтобы я разделила с тобой тяжкую ношу.

* * *

Узнав тихий голос и нисколько не удивившись, Элрик стремительно обернулся, увидел жену, которая стояла у входа в комнату и протягивала к нему руки, а взгляд ее был полон сочувствия.

Он шагнул было к ней, но потом резко остановился и мрачно спросил:

— Когда ты приехала сюда? Зачем? Я ведь просил тебя, пока дело не завершено, оставаться во дворце своего отца в Карлааке, что бы ни случилось!

— Что бы ни случилось...— задумчиво проговорила Зайра, едва заметно пожимая плечами. Совсем юная, с полными алыми губами и длинными черными волосами, величавой поступью и осанкой принцессы, она, казалось, сразу постарела на несколько лет.

— Я не хочу говорить об этом сейчас,— Элрик вызывающе выставил подбородок.— Здесь мы не задаемся этим вопросом. Лучше ответь мне, как ты очутилась здесь и зачем?

Он знал, что она скажет, но продолжал говорить так же резко и гневно, испугавшись за нее: опасность опять была слишком близка; опасность, которой он уже однажды подверг ее.

— Я добралась до Вилмира с двумя тысячами воинов, которых привел в Ухайо мой кузен Оплук,— непокорно вздернув голову, молвила Зайра.— Я прибыла, чтобы быть рядом со своим супругом в то время, когда он, возможно, ищет моего утешения. Боги знают — не было у меня возможности узнать, не нуждается ли во мне мой супруг!

Элрик в смятении прошелся по комнате.

— Я люблю тебя, Зайра, люблю тебя. И верь мне, будь у меня хоть малейший предлог, я был бы сейчас с тобой в Карлааке. Но я не смог бы тогда оправдаться перед друзьями и перед самим собой — ты ведь знаешь, какая роль мне отведена, знаешь мое предназначение, мой рок. И то, что ты приехала сюда, принесло мне еще большую печаль, а не избавление от нее. Если нам удастся благополучно выбраться из этой передряги, мы встретимся с тобой в радости, а не в скорби, как сейчас!

Он подошел к ней и взял ее руки в свои.

— Ох, Зайра, гораздо лучше было бы, если бы мы никогда не встретились, не познали сладостных мгновений любви. Сейчас мы можем причинить друг другу только боль. Наше счастье было так коротко...

— Если бы ты не мучил меня, то не мучился бы и сам,— тихо сказала она.— Но если вдруг в твою смятенную душу придет успокоение, то потому, что я рядом с тобой, чтобы разделить твою печаль и утешить тебя.

Принц драконов вздохнул, лицо его смягчилось.

— Это слова любви, родная, но ты говоришь их в неподходящий для любви час. Мне пришлось укротить свою любовь, позабыть о ней на время. Попытайся сделать то же самое, и мы избавим друг друга и от обидных упреков, и от ненужных разочарований.

Она отступила от него и с легкой улыбкой, в которой мелькнула еле заметная ирония, указала на постель, где лежал Буреносец.

— Как я вижу, другая твоя любовь уже разделяет с тобой ложе,— сказала она.— И теперь нет нужды отвергать ее, потому что черный повелитель Нихраина даровал тебе оправдание всех твоих проступков, и ты теперь можешь вечно держать ее при себе. Судьба — то ли это слово? Судьба! Ах, все деяния людские вершатся ее именем! Но что такое судьба, Элрик? Ты можешь сказать мне?

Он покачал головой.

— Поскольку злость звучит в твоем голосе, я даже не буду пытаться ответить на твой вопрос.

— О, Элрик! — внезапно вскричала она.— Я проделала такой длинный и утомительный путь, чтобы увидеть тебя. Я ехала и думала, что ты будешь рад встрече со мной. А сейчас мы оба охвачены гневом.

— Нет — страхом! — решительно перебил ее он.— Это — страх, а не гнев. Я боюсь за тебя, боюсь так же, как боюсь за судьбу всего мира! Проводи меня завтра утром на корабль и, не медля ни секунды, отправляйся в Карлаак. Прошу тебя, Зайра.

— Как тебе будет угодно.

И она удалилась в маленькую комнатку, примыкавшую к покоям альбиноса.

Глава 3
ОТПЛЫТИЕ

— Мы говорим только о поражении! — прорычал Карган с Острова Пурпурных башен, ударяя кулаком по столу. Его борода, казалось, вздыбилась от гнева.

Наступил рассвет, и многие капитаны, утомившись, уже ушли. Лишь Карган, Мунглум, родич Элрика Дувим Слорм и

круглолицый Дралаб из Таркеша оставались в комнате, чтобы разработать всевозможные планы ведения боя.

— Мы говорим о поражении, Карган, потому что должны быть готовы и к такому повороту событий,— успокаивающе ответил Элрик.— Ведь этого исключать нельзя, верно? Если поражение будет неизбежно, нам придется бежать от противника, по возможности сохранив силы для следующего боя с Яагрином Лерном, потому что собрать столь многочисленное войско нам уже будет негде. Поэтому при отступлении, если оно все-таки случится, должны использовать то, что знаем лучше Яагрина Лерна: направление морских течений и ветров, ландшафт местности, чтобы атаковать противника из засады и на суше, и на море. Таким образом, надеюсь, мы сможем нанести силам Хаоса значительный урон и уничтожим вражеских воинов больше, чем потеряем сами.

— Ну что ж, в твоих словах есть определенная логика,— неохотно пробурчал Карган, очень встревоженный этим разговором, потому что понимал, что, проиграй они главную битву, Остров Пурпурных башен — бастион борьбы против Хаоса для народов Вилмира и Илмиоры — будет навсегда потерян.

Мунглум тихонько кашлянул.

— Да, если нас отбросят назад, нам придется бежать — отступление лучше гибели — а потом мы вернемся, и будем опять атаковать, и так до тех пор, пока не разобьем противника наголову. Я думаю, мы должны будем двигаться даже быстрее, чем способны, поскольку устанем и будем отягощены припасами...— он слабо улыбнулся.— Простите мне мои унылые мысли. Боюсь, сейчас они не к месту.

— Отчего же, Мунглум,— мягко проговорил Элрик.— Мы должны быть готовыми ко всему, иначе нас захватят врасплох. Ты прав, друг мой. И для того, чтобы подготовиться к отступлению с минимальными потерями, я уже послал отряды к границам Пустыни вздохов и Плачущей пустыни, чтобы они сделали большие запасы пищи и вооружения — стрел, копий и тому подобного. Если нас все-таки отбросят так далеко, мы, по крайней мере, будем к этому готовы и обеспечены лучше, чем Яагрин Лерн, тем более, что не стоит забывать, у него уходит очень много времени на расширение владений Хаоса,

да и его союзники из высших миров, хотя и очень сильны, но не всемогущи.

— Ты ведешь разумные речи...— промолвил Дувим Слорм, поджимая губы и насупив брови.

— К сожалению, кое-что мне не удалось предусмотреть, тем более что некоторые вещи просто бессмысленно обсуждать, скажем, если мы сразу же будем поглощены Хаосом, никакие планы нам не помогут. Но я предпочитаю, исключив столь трагический поворот событий, быть готовым ко всему.

Карган шумно вздохнул и встал из-за стола.

— Обсуждать больше нечего,— заявил он.— Я иду спать. Думаю, самое главное сейчас — это отправиться завтра в путь сразу же с началом утреннего отлива.

Все выразили согласие. Заскрипели отодвигаемые стулья, когда люди поднялись и покинули зал.

Воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая потрескиванием пламени в светильниках и шорохом бумаг и карт, которые перебирал теплый ветерок.

* * *

Было уже позднее утро, когда Элрик очнулся от сна и увидел Зайру. Она давно поднялась и одела юбку и лиф из золотистой ткани, на плечи ее был накинут серебряный плащ с черным подбоем, ниспадавший до самого пола.

Элрик умылся и позавтракал ароматными фруктами, которые ему подала супруга.

— Скажи, зачем ты облачилась в столь пышный наряд? — спросил он.

— Чтобы достойно проводить тебя в гавань,— ответила она.

— Если прошлой ночью ты была искренна, то тебе следовало бы надеть более подходящий наряд — траурное красное платье,— усмехнулся он, но мгновение спустя притянул Зайру к себе и обнял.

Он сжал ее крепко, отчаянно, затем отстранился и, взяв жену за подбородок, запрокинул голову, чтобы взгляды их встретились.

— В такие тяжелые времена, милая, очень мало времени и возможностей для любовных утех и ласковых слов,— заго-

ворил он.— Но истинная любовь, моя родная, должна быть глубокой, сильной и проявляться в наших поступках. Не жди от меня изысканных речей, Зайра, но запомни сладостные ночи, когда единственной бурей была буря в наших сердцах, бьющихся в унисон.

Он облачился в военный костюм мелнибонийцев — черные кожаные штаны, до колен закрытые сапогами тоже из черной кожи, черный с высоким воротником бархатный камзол, поверх которого укрепил нагрудник из блестящего черного металла. Через плечо он перебросил плащ глубокого красного цвета, а на один из своих белых тонких пальцев надел сверкающее кольцо королей с оправленным в серебро редчайшим самоцветом, единственным в своем роде. Длинные белые волосы альбиноса, перехваченные на лбу бронзовым обручем с драгоценными камнями-амулетами, ниспадали на плечи. На левом боку покоился Буреносец, а на правом — висел кинжал с рубиновой рукоятью. На столе, заваленном книгами и свитками, возвышался черный шлем с выгравированными на нем древними рунами. Верхушка его, сужаясь в тонкий шпиль, вздымалась почти на два фута. Сам шлем имел форму дракона с расправленными крыльями и распахнутой пастью, дабы напомнить всем, что предки Элрика были не только императорами, но и повелителями драконов. Но, хотя Элрик и считался главным повелителем, сейчас только его родич Дувим Слорм в совершенстве знал драконий язык и нужные заклинания. Остальные же либо умерли, либо погибли много лет назад после падения Имррира, когда Элрик, предав свой народ, возглавил поход на Грезящий город. Элрик надел шлем так, чтобы тот прикрывал только верхнюю половину лица. Его красные глаза мерцали из тени прорезей шлема. Альбинос не стал полностью закрывать лицо, оставив крылья дракона до поры до времени распростертыми.

Обратив внимание на то, что Зайра за все это время не проронила ни слова, Элрик с тяжестью на сердце заговорил:

— Пойдем, любовь моя, в гавань и поразим там своим утонченным великолепием наших неотесанных союзников. Не бойся за меня — я останусь жив и спасусь в сегодняшней битве, поскольку судьбе еще не надоело играть со мной, и она хранит меня, как мать свое дитя.

С уверенностью могу сказать, что буду свидетелем и дальнейших невзгод вплоть до того дня, когда они все навеки прекратятся.

И они вместе покинули Форт Заката и верхом на волшебных скакунах Нихрана направились в гавань, где, освещаемые ярким солнцем, уже собрались все морские повелители и капитаны.

Все были облачены в свои лучшие доспехи, однако никто не мог сравниться с Элриком в пышности наряда. Воспоминания вдруг всколыхнули души многих присутствующих, едва капитаны увидели альбиноса. И смутная тревога поселилась в сердцах людей, не способных осознать причины ее появления. Но в жилах людей текла кровь их предков, у которых имелись веские основания бояться императоров Мелнибонэ в те далекие дни, когда Мелнибонэ правил миром, и люди, подобные Элрику, командовали миллионами таинственных и жутких воинов. Но сейчас лишь жалкая горстка имррирцев приветствовала своего императора, который скакал вдоль пристани, оглядывая стоящие на якоре корабли с вольно развевающимися на ветру разноцветными знаменами и геральдическими эмблемами.

Голову Дувима Слорма защищал плотно прилегающий шлем, формой напоминающий голову дракона, с плотно подогнанными чешуйками — красными, зелеными и серебряными. Мелнибониец носил доспехи, покрытые желтым лаком, а все остальное его одеяние было черным, как у Элрика. На боку Дувима Слорма висел брат-близнец Буреносца — Горюн.

* * *

Когда Элрик подъехал к капитанам, Дувим Слорм повернул защищенную массивным шлемом голову в сторону открытого моря. Где-то там — то ли в тихих, спокойных водах, то ли в ясном утреннем небе — чувствовался легкий намек на прикосновение Хаоса.

— Ну что ж, по крайней мере, нашей встрече с Яагрином Лерном сопутствует хорошая погода,— заметил Дувим Слорм.

— Слабое утешение,— бледно улыбнулся Элрик.— Еще какие-нибудь сведения о численности врага поступили?

— Прежде чем разведчик, с которым ты беседовал вчера, умер, он успел сказать, что армада Яагрина Лерна насчитывает по меньшей мере четыре тысячи боевых судов, около десяти тысяч транспортов и порядка двадцати кораблей Хаоса. Именно их нам и стоит опасаться в первую очередь, поскольку мы даже не можем предположить, какой мощью они обладают.

Элрик кивнул. Его флот состоял из пяти тысяч боевых кораблей, на многих из которых были установлены катапульты и другие тяжелые машины. Транспорты же, хотя и имевшиеся в большем количестве, чем у Яагрина Лерна, были тихоходными и неповоротливыми, поэтому не могли принимать участия в морском сражении. И все же, если удача окажется на стороне Элрика и он выиграет эту битву, транспорты тоже должны будут нанести свой удар, зайдя в тыл армады Яагрина Лерна.

Да, несмотря на огромную мощь флота Теократа, у Элрика и его соратников был бы шанс победить в этом сражении, но только в обычных условиях. Людей тревожило присутствие сверхъестественных кораблей. Их описание, данное разведчиком, казалось очень неполным. А Элрик нуждался в более точных сведениях, и именно сейчас — сейчас, пока флоты еще не сошлись в битве.

В карман камзола Элрик спрятал клочок звериной шкурки, где было написано могучее заклинание для вызова элементалей. Элрик уже пытался связаться со Страшем, но безуспешно. Однако он надеялся, что в открытом море появится больше шансов на успех, особенно учитывая то, что король морских элементалей в ярости из-за гибельного влияния Яагрина Лерна и его темных союзников, нарушивших естественное равновесие в природе. Некогда, очень много лет назад, Страш уже помог Элрику, и альбинос помнил это. Он также предсказал, что Элрик еще обратится к нему за помощью.

Карган в массивных, но легких доспехах своего народа, в которых более всего походил на броненосца с лицом, заросшим волосами, указал на несколько шлюпок, направлявшихся к пристани.

— Они плывут сюда, чтобы доставить нас на корабли, мой господин.

Собравшиеся капитаны засуетились. Похоже, каждый из них решал одну и ту же проблему — пытался заглянуть в глубины своей души, надеясь настичь лежащий там страх, вырвать его и выкинуть прочь. И каждый из них испытывал нечто большее, чем обычная тревога перед грядущей битвой, ибо, подобно Элрику, никто и представить не мог, на что способны корабли Хаоса. Это была доведенная до отчаяния команда людей, понимающих, что за горизонтом их может ждать нечто менее приятное, чем смерть.

Элрик стиснул руку Зайры.

— До свидания, любовь моя.

— Прощай, Элрик. Я молю о том, чтобы хоть какие-нибудь доброжелательные боги остались на Земле и защитили тебя.

— Молись за моих спутников,— тихо попросил Элрик.— Они меньше подготовлены к встрече с тем, что поджидает нас.

— Элрик, целуй ее скорей и лезь в шлюпку,— закричал Мунглум.— Да не забудь сказать, что мы вернемся с радостными вестями!

Элрик, никому, даже Дувиму Слорму, не прощавший подобной фамильярности, извинял ее лишь Мунглуму. Поэтому, приняв слова своего друга без обиды, он мягко сказал Зайре:

— Вот видишь, даже маленький Мунглум уверен в нашей победе, а ведь он из тех, кто вечно полон зловещих предчувствий!

Зайра ничего не ответила и, быстро коснувшись губ принца драконов своими губами, на мгновение задержала его руку в своих руках, а потом она стояла и смотрела, как ее супруг спускается к воде, забирается в лодку, которую для него удерживали Мунглум с Карганом.

Весла погрузились в воду, и лодка понеслась к флагманскому кораблю «Морской потрошитель». Элрик стоял на носу лодки и смотрел вперед. Только когда шлюпка причалила к кораблю, альбинос единственный раз оглянулся и стал взбираться по веревочной лестнице на палубу.

* * *

Стоя на палубе, Элрик наблюдал за гребцами, которые взялись за весла, помогая легкому ветерку, наполнявшему огромный пурпурный парус.

Остров Пурпурных башен уже скрылся из виду, и единственное, что оставалось — зеленая, ярко блестевшая вода, окружавшая флот, вытянувшийся за флагманом, с которого замыкающие корабли казались крошечными точками.

Флотилия быстро перестроилась в пять эскадр, которые позже должны будут определить окончательный боевой порядок. И хотя каждую эскадру вел опытный морской повелитель с Острова Пурпурных башен, большинство капитанов до недавнего времени были сведущи лишь в ведении сухопутного боя. Они, конечно же, прошли ускоренную подготовку, но совсем не имели опыта морских сражений.

Мунглум, неуклюже перебирая ногами по раскачивающейся палубе, наконец добрался до Элрика.

— Как тебе спалось этой ночью? — поинтересовался он.

— Совсем неплохо, если, конечно, не считать нескольких кошмарных сновидений.

— Ох, значит, тебя тоже не минула чаша сия... Вчера каждому из нас было очень тяжело заснуть, но едва мы погрузились в сон, сразу же захотелось проснуться. Демоны и чудовища наводняли мои сновидения.

Элрик в ответ кивнул, почти не обращая внимания на Мунглума. Вторжение Хаоса в жизнь альбиноса и его соратников становилось все более явным по мере приближения самой орды Хаоса. И все же Элрик надеялся, что и он сам, и его люди будут достаточно сильны, чтобы противостоять действительности Хаоса так же, как они противостоят ночным кошмарам.

— Впереди творится что-то непонятное! Невесть что изменило море и небо! — Это прокричал впередсмотрящий, явно сбитый с толку и встревоженный.

Элрик, приложив руки ко рту, запрокинул голову и прокричал:

— Что это за изменения?

— Мой господин, я никогда не видел ничего подобного и поэтому не могу описать это.

Элрик повернулся к Мунглуму.

— Передай приказ по флоту: снизить скорость до одного удара барабана, и пусть командиры эскадр готовятся к построению в боевой порядок,— потом он подбежал к мачте и

стал карабкаться к впередсмотрящему, который спешно покинул люльку, поскольку в ней мог поместиться только один человек.

— Мой господин, это и есть наш противник? — спросил впередсмотрящий, когда Элрик занял его место. Альбинос посмотрел на горизонт, затянутый сверкающей пеленой тьмы, время от времени выплескивающей щупальца субстанции, которые, прежде чем втянуться обратно, на мгновение зависали в воздухе. Туманная тьма потихоньку подкрадывалась все ближе и ближе, стелясь над морем в направлении флота Элрика.

— Да, это враги,— спокойно объявил Элрик.

* * *

Еще на какое-то время он задержался в люльке, чтобы получше изучить субстанцию Хаоса, расплескивающую себя в разные стороны и похожую издали на какого-то бесформенно-расплывчатого монстра, издыхающего в агонии. Но это не было агонией смерти — во всяком случае, для Хаоса.

С мачты Элрик прекрасно видел и свой флот — пять эскадр перестраивались в черный клин в две мили длиной и в милю шириной у основания. «Морской потрошитель» плыл впереди остальных кораблей и был хорошо виден командующим эскадр. Элрик свесился вниз и крикнул Каргану, проходящему мимо:

— Готовься к атаке, Карган!

Морской повелитель кивнул, даже не замедлив шага. Он хорошо знал план битвы, обсуждавшийся очень долго. Головная эскадра, идущая под штандартом Элрика, включала в себя самые тяжелые боевые корабли. Они собирались ударить в центр вражеского флота, дабы расстроить его боевой порядок, а также захватить судно Яагрина Лерна, убив или пленив Теократа. Тогда с большей уверенностью можно было бы думать о победе над противником.

Темная субстанция была уже намного ближе, и Элрик разглядывал паруса первых вражеских кораблей, идущих в кильватер друг другу. Чуть позже, когда два флота сблизились, альбинос разглядел по обеим сторонам головной эскадры противника чудовищно большие сверкающие суда, рядом с ко-

торыми карликом казался даже огромный флагман Яагрина Лерна.

Корабли Хаоса! Элрик узнал их, так как был приобщен к тайнам черного искусства.

Рассказывали, что эти корабли обычно плавали в глубинах океанов, и экипажи их — из утонувших моряков, ну а капитаны — капитанами служили создания, никогда людьми и не бывшие. Это был флот из глубочайших и мрачнейших частей обширных подводных владений, от начала времен являвшихся спорной территорией — на нее претендовали элементали воды во главе с королем Страшем и повелители Хаоса, объявившие морские глубины своими основными владениями на Земле по праву. Легенды утверждали, что давным-давно Хаос правил морями, а Порядок — сушей. И это, возможно, объясняло страх многих человеческих существ перед морем и привлекательность моря для других созданий — нелюдей.

Но как бы там ни было, хотя элементали отвоевали верхние слои моря, повелители Хаоса удержали за собой глубины с помощью флота мертвых. Корабли Хаоса, созданные не на Земле, и их капитаны, также родом не с Земли, делали флот мертвых неразрушимым в обычном смысле этого слова. Когда гигантские корабли приблизились, у Элрика исчезли последние сомнения, чем на самом деле они были.

Знак Хаоса сверкал на парусах — восемь янтарных стрел, расходящихся во все стороны из центра — воплощение чрезмерной гордыни Хаоса, утверждавшего, что заключает в себе все возможности, тогда как Порядок со временем должен был уничтожить все условия для развития, результатом чего стал бы вечный застой. Знак Порядка — одинокая стрела, направленная вверх — символизировал управление и надзор.

Но Элрик знал, что именно Хаос являлся истинным предвестником застоя, ибо он, хотя и непрестанно изменялся, никогда не продвигался вперед. И все же в душе альбинос испытывал невыразимую тоску по этому беспорядочному состоянию, поскольку сам в прошлом был предан повелителям Хаоса, и его народ — народ Мелнибонэ — с того самого момента, как появился на свет, приложил много усилий для возвеличивания Хаоса, для достижения целей, лелеемых Хаосом.

Но теперь Хаос должен был объявить войну Хаосу, и Элрику пришлось обратиться против тех, кому он некогда преданно служил, используя оружие, созданное силами Хаоса, чтобы нанести поражение этим же силам.

* * *

Он выбрался из люльки и стал спускаться по мачте. На последних нескольких футах он разжал руки, спрыгнул на палубу рядом с Дувимом Слормом и быстро рассказал родичу о том, что видел.

Дувим Слорм был поражен.

— Но ведь флот мертвых никогда не всплывает на поверхность, разве что...— Его глаза расширились.

Элрик пожал плечами.

— Да, такая легенда существует — флот мертвых поднимется из глубин, когда пробьет час последней битвы, когда Хаос сам с собою будет в раздоре, когда Порядок ослабеет, а человечество примет чью-нибудь сторону в этой битве, которая приведет к тому, что на новой Земле будет господствовать или полный Хаос, или абсолютный Порядок. Когда Сепириз поведал мне, как обстоит дело, я почувствовал, что древняя легенда претворяется в жизнь, а когда изучил манускрипты, то получил этому полное подтверждение.

— Значит, это последняя битва?

— Возможно,— ответил альбинос.— Но уж наверняка одна из последних, в которых навсегда будет разрешен извечный вопрос: кто же станет править Землей — Порядок или Хаос.

— Если мы потерпим поражение, то Земля, несомненно, окажется под властью Хаоса.

— Вполне вероятно, что так оно и будет, но не забывай, что исход борьбы не может быть решен одной битвой.

— Так говорил Сепириз, но, если сегодня мы все-таки будем разгромлены, нам вряд ли удастся узнать, был ли он прав,— Дувим Слорм сжал эфес Горюна.— Но должен же кто-то держать в руках эти клинки, эти мечи судьбы в день решающей схватки... Наши союзники слабеют, и их становится все меньше и меньше, Элрик.

— Увы... И все-таки я надеюсь, что нам удастся призвать нескольких новых союзников. Например, Страша, короля элементалей воды, который всегда выступал против флота мертвых. А кроме того, морской король — брат Гроаллу и Мише — повелителям ветров. Возможно, Страш поможет вызвать своих сверхъестественных родственников. И тогда мы хоть в чем-то сравнимся по силам с врагами.

— Я знаю лишь отрывок заклинания для вызова короля вод.

— Не беда, я знаю заклинание целиком. И кстати, мне лучше поспешить воспользоваться им, иначе часа через два, а то и раньше, наши флоты столкнутся, и тогда у меня не будет лишней минутки для вызова духов, так как придется сражаться, чтобы какое-нибудь создание Хаоса не прикончило меня.

Элрик отправился на нос корабля, где, свесившись за борт и уставившись в водные глубины, обратился к дальним уголкам своего разума и принялся ворошить древние и странные знания, впрок хранившиеся там. Он погрузился в гипнотический транс, утратив контакт со своим «я» и отождествляя себя с волнующимися водами океана. И старые слова начали рождаться в горле, и губы зашевелились, выпуская на волю древнюю руническую песнь, которую его предки узнали, став союзниками со всеми элементалями Земли, дав клятву помогать друг другу на заре империи, десять тысяч лет тому назад.

В дни, когда небо нахмурилось грозно,
Вы породили нас, воды морские.
Первыми были вы в мире подземном,
Помните вы и заботы мирские.

Морские владыки, отцы крови нашей,
Ваша поддержка нужна нам навеки.
Ваша соль — кровь, наша кровь — суть соль ваша,
Кровь же отцов — это кровь Человека.

Страш, вечный король бессмертного моря,
Я прошу тебя нас защитить
От врагов, что приносят нам горе,
Участь нашу прошу изменить.

Эта песнь сопровождала настоящее заклинание, которое произносилось мысленно, и наконец оно, погрузившись в глу-

бины, пронзив темные зеленые коридоры моря, достигло Страша в его владениях, в извитом, чревоподобном коралле, часть которого находилась в море, а другая часть — в том измерении, где в основном и протекало бессмертное существование элементалей.

Морской король знал, что корабли ада поднялись на поверхность, и был рад, что его владения наконец освободились от них. Но зов Элрика разбудил его память, заставил вспомнить народ Мелнибонэ, к которому все элементали относились дружелюбно. Страш вспомнил древний призыв и почувствовал, что обязан откликнуться на него, хотя знал, что водный народ нездоров из-за воздействия Хаоса. Страдали не только люди, элементарные первичные духи природы тоже были поражены мучительным недугом.

Но морской король все же зашевелился, поднимаясь. Вода и субстанция в другом измерении долины элементалей одновременно взбурлили. Страш призвал некоторых из своих подданных и заструился вверх, к владениям воздуха.

* * *

Придя в себя, Элрик уже знал, что его призыв услышан. Распластавшись на носу корабля, он терпеливо ждал.

И вот наконец воды вздулись, опали и разошлись тяжелыми волнами, и появилось огромное существо с бирюзовыми волосами и бородой, бледно-зеленой кожей, созданной, казалось, из самого моря, и рокочущим голосом, напоминающим грохот прибоя.

— Страш опять отвечает на твой зов, смертный. Наши судьбы переплетены. Чем я могу помочь тебе и чем, помогая тебе, помогу себе?

Элрик на мучительном для его голосовых связок языке элементалей поведал морскому королю о предстоящей битве и о том, к чему она может привести.

— Итак, это наконец произошло! Но боюсь, вряд ли смогу помочь тебе, ибо мой народ ужасно страдает из-за нашествия наших с тобой общих врагов. Мы попытаемся что-нибудь сделать для тебя, если, конечно, сможем. Но это единственное, что я обещаю тебе.

И морской король стал погружаться в воды, а Элрик с горьким разочарованием следил, как тот уплывает. Задумавшись, альбинос покинул нос корабля и отправился в кают-компанию, чтобы сообщить своим соратникам последние новости.

Капитаны выслушали вести со смешанными чувствами, поскольку только Дувим Слорм имел раньше дело со сверхъестественными силами. Мунглум, и без того сомневавшийся в способностях Элрика управлять дикими приятелями-элементалями, лишь хмыкнул, а Карган и вовсе прорычал, что хотя Страш, возможно, и являлся другом народа Элрика, но еще в большей мере он — враг народа Каргана. И все же четыре человека могли строить планы с возросшей верой в будущее и готовились встретить грядущее испытание с большей уверенностью.

Глава 4
ПОРАЖЕНИЕ

На флот Элрика надвигался флот Яагрина Лерна, и в кильватере у него бурлила субстанция Хаоса.

Элрик отдал команду, и гребцы, навалившись на весла, направили «Морского потрошителя» прямо на врага. Элементали воды до сих пор не появились, но альбинос больше уже не мог ждать их.

Пока флагман несся, разрезая пенящиеся волны, Элрик извлек из ножен меч и закрыл нижнюю часть лица крыльями шлема, а затем издал древний завывающий боевой клич Мелнибонэ, клич, полный злобной радости. Жуткий стон Буреносца, предчувствовавшего, что вскоре ему предстоит полакомиться кровью и душами, слился с голосом альбиноса, давая выход плотоядной песне.

Флагман Яагрина Лерна прятался за тремя рядами боевых судов, а позади него плыли корабли смерти.

Железный таран «Морского потрошителя» распорол бок первого вражеского судна, и гребцы, дав задний ход, освободили таран и чуть изменили курс, чтобы подплыть к следующему кораблю Теократа и пробить его. Ливень стрел хлынул с протараненного судна и застучал по палубе «Морского по-

трошителя» и по панцирям его воинов. Несколько гребцов были убиты. Приказав людям уйти с палубы, Элрик и трое его соратников увидели, что на их корабль с неба навесом падают шары зеленого огня.

— Приготовиться тушить огонь! — рявкнул Карган, и несколько воинов, заранее подготовленных, ринулись к бочкам со специальным составом, который Элрик заблаговременно приказал изготовить. Воины залили этим составом палубу и окропили им весь такелаж, а когда огненные шары рухнули на корабль, люди быстро загасили пламя той же самой смесью.

— Не ввязывайтесь понапрасну в бой,— закричал Элрик морякам.— Наша цель — вражеский флагман. Если мы захватим его, то получим преимущество перед противником!

— А кстати, где твои союзники, Элрик? — язвительно осведомился Карган, но потом, увидев, что субстанция Хаоса внезапно зашевелилась и выбросила в их направлении черные щупальца, замолчал и вздрогнул.

— Они придут, они придут...— без особой уверенности проговорил Элрик.

Теперь их корабль находился уже в самой гуще вражеского флота, и остальные суда головной эскадры следовали за ним. Военные машины извергали валы огня и осыпали градом тяжелых камней корабли противника.

* * *

Лишь малая толика кораблей Элрика прорвалась сквозь ряды противника и направилась к флагману Яагрина Лерна. Флот Теократа пришел в движение, стараясь прикрыть свой флагман, но мерцающие корабли смерти, скользнув по воде с невероятной для их размеров скоростью, первыми окружили судно Теократа.

Перекрывая грохот беснующихся волн, Элрик отдал приказ своей эскадре перестроиться в новый боевой порядок.

Мунглум в изумлении покачал головой.

— И как такие огромные корабли могут держаться на плаву?

— По-моему, они вообще плывут не по воде,— отозвался Элрик.

Пока корабль менял курс, он смотрел на огромное судно, раз в двадцать по размерам превышавшее их флагман. Корабли Хаоса, казалось, окутывала мерцающая влажная пелена, искрящаяся всеми цветами радуги, которая не позволяла рассмотреть силуэты кораблей смерти и призрачные фигурки, снующие по их гигантским палубам.

Щупальца темной субстанции, стелясь над водой, потянулись к флагману Элрика, и Дувим Слорм закричал с нижней палубы, указывая на них:

— Осторожней! Хаос приближается. Где же Страш и его народ?!

Элрик встревоженно покачал головой, ведь он надеялся, что морской король сдержит свое обещание и помощь придет.

— Мы больше не можем ждать, придется атаковать! — голос Каргана звучал громче, чем обычно.

И тогда злая отвага охватила Элрика, и он растянул губы в волчьей усмешке.

— Что ж — вперед! Пусть так и будет!

— Это безумие, Элрик, мы плывем к собственной гибели,—пробормотал Мунглум.— Ни один человек в здравом рассудке не приблизится к этим кораблям. Лишь мертвые попадают на них, да и то делают это без особой охоты!

Но Элрик не слушал друга.

На море вдруг опустилась странная тишина, которую нарушали лишь скрип уключин и удары весел по воде. Корабли смерти безмятежно поджидали эскадру Элрика.

Альбинос еще крепче сжал эфес Буреносца. Меч бился в руке, откликаясь на каждый удар сердца, словно был связан с ним венами и артериями.

Флагман Элрика уже настолько приблизился к кораблям Хаоса, что люди могли получше разглядеть фигуры, столпившиеся на гигантских палубах. Элрика обуял ужас — ему показалось, что он узнает некоторых мертвецов с костлявыми лицами. Тогда он невольно вновь воззвал к королю морского народа:

— Страш!

Воды вздулись, покрываясь пеной, но затем опять опали. Король элементалей воды слышал зов Элрика, но ему было очень трудно бороться с силами Хаоса.

— Страш!!!

Но воды лишь колыхнулись в ответ. Дикое отчаяние охватило Элрика. Он крикнул Каргану:

— Мы не можем больше ждать поддержки! Проведи корабль мимо флота мертвых, попытаемся подобраться к флагману Яагрина Лерна с тыла.

Под опытным руководством Каргана «Морской потрошитель» по широкой дуге обогнул корабли ада. Брызги фонтаном обрушились на Элрика, заливая палубу. Из-за каскада воды альбинос не увидел, как его флагман оставил за кормой корабли Хаоса, которые уже распространили свое чудовищное влияние на другие суда, искажая их природу, так что те оплывали, как свечи, а несчастные моряки либо тонули, либо подвергались жутким изменениям.

До Элрика донеслись тоскливые крики побежденных людей и триумфальный пульсирующий гром музыки флота Хаоса, который ринулся вперед, круша эскадру Востока.

«Морской потрошитель» сильно болтало, и он плохо слушался руля, но зато оставил далеко позади адский флот и теперь подбирался с тыла к кораблю Яагрина Лерна.

* * *

Элрик, не так давно побывавший пленником на этом корабле, сразу же узнал его. Сейчас «Морской потрошитель» был достаточно близко, чтобы протаранить судно Теократа, но его снесло на параллельный курс, и команде Элрика пришлось спешно маневрировать.

Поток стрел взвился с вражеского флагмана и застучал, и загремел по палубам «Морского потрошителя». Воины Элрика отплатили той же монетой и, когда их корабль, несомый огромной волной, скользнул вдоль борта судна Яагрина Лерна, забросили на него абордажные крючья. Несколько крючьев зацепилось за такелаж, удерживая корабли рядом. Воины Пан Танга кинулись перерубать веревки, но абордажные крючья продолжали сыпаться с «Морского потрошителя», впиваясь в палубы, борта и такелаж. Затем абордажная доска упала на палубу судна Теократа, за ней последовали и остальные.

Элрик ринулся к ближайшей абордажной доске. Карган с отрядом воинов устремился вслед за ним, пытаясь поскорей добраться до Яагрина Лерна. Буреносец забрал дюжину жизней и дюжину душ, прежде чем Элрик достиг главной палубы. Там, в окружении офицеров, стоял капитан корабля в сверкающих доспехах. Но это был не Яагрин Лерн.

Элрик взбежал по лестнице, прикончил воина, попытавшегося встать у него на пути, и закричал:

— Где ваш проклятый вожак? Где Яагрин Лерн?

Капитан побледнел, потому что видел раньше, что могут сотворить Элрик и его дьявольский клинок.

— Его здесь нет, я клянусь, Элрик!

— Что?! Мне опять чинят препятствия и пытаются перечить? Я уверен, что ты лжешь! — И Элрик двинулся к воинам, которые хотя и обнажили свои мечи, но поспешили отступить назад.

— Нашему Теократу нет надобности лгать, чтобы защитить себя, слышишь, ты, выкормыш драконов! — вызывающе выкрикнул молодой офицер, более отважный, чем его соратники.

— Может, и так.

Дико захохотав, Элрик взмахнул Буреносцем и рубанул офицера завывающим мечом.

— И все же я возьму твою жизнь прежде, чем проверю правдивость твоих слов. Моему клинку и мне нужны новые жизненные силы, поэтому твоя душа послужит прекрасной закуской перед обедом из души Яагрина Лерна!

Молодой офицер поднял меч для защиты, но Буреносец с воем прошел сквозь металл и под торжествующий крик погрузился в тело офицера. Тот судорожно вздохнул, но продолжал стоять со стиснутыми кулаками.

— Нет! — стонал он.— Ох, нет... Не мою душу! Нет! — Глаза его расширились, и слезы брызнули из них, и безумие поселилось в них, а через мгновение Буреносец уже насытился, и Элрик вытащил его из мертвого тела. Альбинос не сочувствовал убитому.

— Твоя душа в любом случае должна была отправиться в глубины ада,— объявил он, и на сердце у него стало легко.— Я нашел ей хоть какое-то применение.

* * *

Два офицера из свиты капитана перелезли через перила, дабы избежать участи своего товарища.

Элрик рубанул одного из них по руке так, что воин рухнул с воплем на палубу, а кисть его все еще продолжала цепляться за поручень. Другого офицера Элрик пронзил в живот, и тот, повиснув на рунном мече, словно на вертеле, о чем-то бессвязно молил, пока Буреносец пил его душу.

Так много влилось в Элрика жизненной энергии, что он, бросившись на оставшихся офицеров, казалось, воспарил над палубой и с такой легкостью отсекал врагам руки, ноги и головы, словно стебельки цветов. Наконец Элрик приблизился к стоявшему в одиночестве капитану.

Тот сказал тихо и безжизненно:

— Я не буду сопротивляться, только не забирай мою душу.

— Где Яагрин Лерн?

Капитан указал на флот Хаоса, который бесчинствовал среди кораблей Востока, изменяя и преображая их.

— Там! Теократ плывет с повелителем Пуараем, которому принадлежит этот флот. Тебе не удастся добраться даже до их корабля, ибо стоит приблизиться к этому флоту любому незащищенному человеку — если он, конечно, еще не мертв — как плоть его становится вязкой и текучей.

— Это проклятое дьявольское отродье все-таки перехитрило меня,— зло сплюнул Элрик.— Ну что, вот тебе плата за правдивость...

И безо всякой жалости к одному из тех, кто разорил и поработил два континента, Элрик разрубил мечом сверкающие доспехи капитана и, прежде чем прикончить его, с древней злорадной жестокостью своих предков-колдунов кончиком Буреносца осторожно пощекотал сердце уроженца Пан Танга.

Затем Элрик огляделся в поисках Каргана и увидел, что флот Хаоса повернул обратно! На мгновение в душе альбиноса вспыхнула надежда, что Страш все-таки подоспел с подкреплением, но секунду спустя Элрик уже понял, что остатки его флота обратились в бегство, и в кораблях Хаоса больше не было нужды.

Яагрин Лерн одержал победу над Элриком и его соратниками. Все их планы, тактические построения, смелость — ничто не смогло противостоять жуткому искажающему влиянию Хаоса.

Теперь же смертоносный флот стремительно несся к двум сцепленным абордажными крючьями флагманам.

До прибытия флота мертвых разъединить корабли шансов не было.

И тогда Элрик пронзительно закричал пробиравшимся к нему с другого конца судна Мунглуму и Дувиму Слорму:

— За борт! Прыгайте за борт, если хотите сохранить жизнь! И отплывайте как можно дальше от корабля, ибо флот Хаоса приближается!

* * *

Они взглянули на него, пораженные, затем признали правоту его слов. Остальные моряки уже прыгали с обоих бортов в кровавую воду. Элрик вложил меч в ножны и нырнул. Вода, несмотря на разлитую в ней кровь, оказалась холодной. Элрик, отплевываясь, поплыл прочь от судна, туда, где мелькала рыжая голова Мунглума, а неподалеку от нее — золотистая голова Дувима Слорма.

Лишь один раз Элрик оглянулся и увидел, как шпангоуты двух флагманских кораблей при приближении кораблей ада начали оплывать, таять и изгибаться, приобретая причудливые формы. И альбинос испытал огромное облегчение при мысли, что не находится сейчас на борту этих судов.

Он догнал своих друзей.

— Да, прогулка оказалась пренеприятнейшей,— заметил Мунглум, отфыркиваясь.— Ну и что теперь, Элрик, будем продолжать сражаться за Остров Пурпурных башен или просто поплывем к нему? — Казалось, поражение флота и приближение Хаоса совсем не повлияло на способность Мунглума шутить.

До Острова Пурпурных башен было очень далеко.

А затем слева от них вода взбурлила, вспенилась и приняла уже знакомую для Элрика форму.

— Страш!

— Я не смог помочь тебе... Как я ни пытался, древние враги оказались сильней меня. Прости, если сможешь. Позволь забрать тебя и твоих друзей в мои владения, дабы уберечь вас от Хаоса.

— Но мы не сможем дышать под водой...

— Пусть это вас не беспокоит.

— Ну что ж, раз так, мы согласны!

* * *

Доверившись элементалю, они позволили увлечь себя под воду и погружались все глубже и глубже в холодные зеленые коридоры моря, куда никогда не заглядывало солнце. И хотя друзья, окруженные полной тьмой, пробивались сквозь толщу вод, каким-то сверхъестественным образом оставались живы и невредимы.

Миля за милей плыли они сквозь таинственные подводные гроты, пока наконец не добрались туда, где странные круглые строения цвета коралла медленно дрейфовали в слабом подводном течении. Элрик узнал их по описаниям, данным в одном из гримуаров. Друзья попали во владения Страша, короля морей.

Элементаль провел их в самое большое строение, часть которого, казалось, исчезла, чтобы пропустить их. Теперь они двигались по затененным извилистым коридорам, сделанным из чего-то розового, в которых уже не было воды. Люди находились в измерении народов-элементалей и, наконец, могли отдохнуть.

Со странным шелестящим звуком, сопровождавшим каждое его движение, морской король сел на трон из молочно-зеленого нефрита и подпер зеленым кулаком зеленую голову.

— Элрик, еще раз прошу прощения за то, что не сумел помочь. Все, что я способен сейчас сделать для тебя, это отнести вас в ваши земли. Похоже, все мы бессильны в борьбе с той мощью, которой с недавних пор обладает Хаос.

Элрик кивнул.

— Да, ничто не может противостоять искажающему влиянию Хаоса, ничто, кроме щита Хаоса.

Страш выпрямился.

— Щита Хаоса? Ах, да... Он ведь принадлежит богу-изгнаннику? Но, насколько я знаю, замок Мордага совершенно неприступен.

— Почему?

— Замок стоит на вершине высокой скалистой горы, и ведут к нему сто шестьдесят девять ступеней. По обе стороны от этих ступеней растут сорок девять древних деревьев бузины, которых следует опасаться. А сами подступы к замку охраняют сто сорок четыре воина.

— Ну то, что воинов нужно остерегаться, я понимаю. Но при чем тут бузина?

— В каждом дереве заключена душа одного из соратников Мордага, наказанных таким вот образом. И учти, Элрик, это очень злобные деревья — они готовы лишить жизни всякого, кто попадает в их владения.

— Оказывается, очень сложно добыть щит Хаоса,— задумчиво проговорил Элрик.— И все же я должен им завладеть, иначе цель судьбы никогда не будет достигнута. Обладая щитом, я смогу отомстить тому, кто командовал флотом Хаоса... и Яагрину Лерну, который плыл вместе с ним.

— Убей Пуарая, повелителя кораблей ада, и тогда флот, лишенный управления, погибнет сам по себе. Жизненная сила повелителя Хаоса заключена в голубом кристалле на макушке Пуарая. Только разбив этот кристалл рунным клинком, ты сможешь убить этого бога.

— Спасибо за эти сведения,— поблагодарил Элрик.— Придет время, и они мне очень пригодятся.

— Что ты собираешься предпринять, Элрик? — спросил Дувим Слорм.

— Отправляюсь за щитом печального великана. Я должен это сделать, ибо, пока им не завладею, каждая последующая битва будет лишь повторением сегодняшней.

— Я пойду с тобой,— заверил Элрика Мунглум.

— Я тоже,— добавил Дувим Слорм.

— Но в пророчестве говорилось, что нас должно быть четверо,— сказал Элрик.— Хотел бы я знать, что сталось с Карганом?

Мунглум опустил глаза.

— А ты разве ничего... не заметил?

— Заметил?.. А что я должен был заметить?

— Ну, на борту флагмана Яагрина Лерна... когда ты все крушил на своем пути, разве не понял, что натворил?.. Вернее не ты, а твой проклятый меч?

У Элрика все помертвело внутри.

— Нет! Неужели я... неужели он... Убил Каргана?

— Да.

— О боги! — Элрик вскочил, заметался по пещере, с силой ударяя кулаком по ладони.— Этот проклятый меч все время требует плату за то, что служит мне. И все пьет и пьет души моих друзей. Это настоящее чудо, что вы оба еще со мной и что еще живы!

— Я тоже думаю, что это очень странно,— вставил Мунглум.

— Как жаль Каргана! Он был настоящим другом.

— Элрик, ты знаешь, что в смерти Каргана твоей вины нет. Это судьба...

— Да, но почему я всегда должен выполнять роль палача судьбы? Мне страшно подумать о всех друзьях и верных союзниках, чьи души украл мой меч. Я ненавижу Буреносец уже только за то, что он, дабы поддержать мои силы, выпивает души людей. Но с тем, что он похищает еще и души моих друзей, уже смириться не могу. Скажу честно, что почти решился нырнуть в самые глубины Хаоса, чтобы там принести нас обоих в жертву! И не разубеждайте меня, я знаю, что вина за все преступления меча косвенно лежит и на мне — не будь я так слаб, не нуждайся в жизненных силах, которые Буреносец дарует мне, многие из тех, кого считал я друзьями, были бы сейчас еще живы.

— И все же твой предательский клинок служит благородной цели, помогая нам в борьбе против Хаоса,— возразил Мунглум.— Не могу я понять всего этого — парадокс плюс парадокс, помноженные на парадокс. То ли боги окончательно сошли с ума, то ли их пути столь неисповедимы для нас...

— В такие времена, как сейчас, трудно придумать более великую цель, чем у нас. А кроме того, считается, что цель оправдывает средства,— согласился Дувим Слорм.— Судьба насильственно завербовала нас в помощники, и у нас совсем нет времени для размышлений. Мы постоянно сражаемся, сражаемся, сражаемся, зачастую забывая, из-за чего все началось.

— Какая разница — великая цель у нас или нет? — горько улыбнулся Элрик.— Если все мы — игрушки в руках богов, тогда, может, сами боги — просто дети?

— Сейчас это не имеет значения,— заметил Страш со своего трона.

— Да, и, в конце концов, Элрик, будущие поколения будут благодарны Буреносцу, если он исполнит свое предназначение,— добавил Мунглум.

— Если Сепириз прав, будущие поколения ничего не будут помнить о нас — ни о мечах, ни о людях!

— Не знаю, может, и так, но уверен, что в глубине души они сохранят память о нас. О наших деяниях сложат легенды, только у героев легенд будут другие имена, вот и все.

— Я хочу, чтобы мир забыл меня,— вздохнул Элрик.

Когда бессмысленность этого спора стала очевидна, морской король поднялся с трона и объявил:

— Пойдемте, мне пора доставить вас на землю, если вы, конечно, не возражаете против этого путешествия.

— Ничуть,— ответил Элрик.

Глава 5
ЧЕТВЕРО ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Пошатываясь, они выбрались на берег Острова Пурпурных башен, и Элрик повернулся к Страшу, стоявшему на отмели.

— И вновь я благодарю тебя за наше спасение, повелитель морей,— с признательностью сказал Элрик.— Спасибо также за то, что ты поведал мне о щите печального великана. Ты даровал нам уверенность, что Хаос будет отброшен и с морей, и с суши.

— А-а-а! — махнул рукой морской король.— Ты ведь понимаешь, что, даже если добьешься успеха, даже если отвратишь гибель этого мира, нам обоим придется уйти?

— Да, я знаю это.

— Ну что ж, тогда пусть так и будет, ибо я уже успел устать от долгого существования. Теперь я должен вернуться к своему народу в надежде оградить его от наступления Хаоса. А ты иди, делай свое дело. Прощай!

С этими словами морской король погрузился в воды и исчез.

* * *

Когда они наконец добрались до Форта Заката, навстречу им выбежали герольды, которые с тревогой ожидали вестей.

— Ну, чем закончилась битва? Где наш флот? — спросил один у Мунглума.

— А что, те, кто спаслись бегством, еще не вернулись?

— Спаслись бегством? Значит...

— Мы разбиты,— глухо сказал Элрик.— Моя жена еще здесь?

— Нет, мой господин. Едва флот уплыл, она собралась и уехала в Карлаак.

— Хоть одна добрая весть... Надеюсь, у нас все-таки будет время собрать свежие силы для борьбы с Хаосом, прежде чем он доберется в такую даль. Ну а сейчас нам срочно нужно перекусить и выпить. Мы должны обсудить план будущего сражения.

— Сражения, мой господин? Где же вы найдете новых солдат?

— Посмотрим,— ответил Элрик.— Посмотрим...

А потом они наблюдали, как остатки их флота возвращаются в гавань. Мунглум с отчаянием считал корабли.

— Всего ничего,— наконец сообщил он.— Сегодня у нас черный день.

До них донесся звук трубы.

— Кто-то прибыл с материка,— сообщил Дувим Слорм.

Они быстро спустились во двор цитадели и увидели, как лучник в красных одеждах спрыгивает с лошади. Его почти бесплотное лицо казалось вырезанным из кости. Он шатался от усталости.

Элрик был поражен.

— Ракхир! Ты же должен быть на побережье Илмиоры. Почему ты здесь?

— Нас отбросили. Теократ снарядил не один, а два флота. Второй флот прошел через Бледное море и неожиданно атаковал нас. Оборона была прорвана, Хаос вторгся на материк, и нам пришлось бежать. Враги закрепились менее чем в ста милях от Бакшаана и маршем идут через всю страну, хотя

идут — не то слово, они, скорее, текут. Вероятно, собираются встретиться с основными силами Яагрина Лерна здесь.

— Ох-хо-хо, ну теперь-то мы точно побеждены,— воскликнул Дувим Слорм.

Элрик нахмурился, сердце его замерло.

— Ты прав, пока мы не будем под его защитой, все наши попытки противостоять Хаосу обречены на провал. Ракхир, согласен ли ты стать четвертым человеком из пророчества?

— Я-то согласен, но объясни — из какого пророчества?

— Расскажу позже. Главное, достаточно ли у тебя сил отправиться с нами в путь сейчас же?

— Дай мне пару часов отдохнуть, и я буду готов.

— Итак, два часа... Договорились. А вы, друзья мои, собирайтесь, ибо мы отправляемся потребовать у печального великана его щит!

* * *

Не прошло и трех дней, как на белой дороге, ведущей в еще не захваченный город Ядмар, друзья встретили первых беженцев. Тела многих были изуродованы Хаосом.

От несчастных измученных людей друзья узнали, что половина Илмиоры и крохотное королевство Орг пали. Хаос увеличивал свою мощь, распространяя жуткую тень все быстрее и быстрее.

Когда Элрик со спутниками наконец прибыл в Карлаак, то с облегчением увидел, что враги еще не осадили этот прекрасный город. Но разведчики рассказали, что орды Хаоса находятся менее чем в двухстах милях отсюда и стремительно приближаются к городу нефритовых башен.

Зайра приветствовала Элрика, но к радости ее примешивались горечь и беспокойство.

— Элрик, у нас ходили слухи, что ты мертв — погиб в морской битве...

Альбинос крепко обнял ее.

— Как горько мне, что я не могу остаться здесь с тобой надолго. Мне нужно ехать еще дальше, через Пустыню вздохов.

— Я знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Здесь побывал Сепириз. Он оставил в наших конюшнях подарок для тебя — четырех нихраинских скакунов.

— Да, этот дар пришелся весьма кстати. Ни одно земное создание не может сравниться в скорости с нихраинскими скакунами. Не знаю лишь, хватит ли ее, чтобы опередить Хаос и его искажающее влияние. Ох, Зайра, я боюсь оставлять тебя здесь, когда Хаос так близко.

— Не волнуйся за меня, Элрик. Отправляйся в путь с легким сердцем. Для себя я уже решила: когда здесь все будет потеряно, я с родными скроюсь в Плачущей пустыне. Столь бесплодное и унылое место навряд ли может прельстить кого-то — даже Яагрина Лерна.

— Обещай мне, что так и поступишь.

— Обещаю.

Элрик взял ее за руку.

— Самые спокойные часы своей жизни я провел в этом дворце,— сказал он.— Позволь эту последнюю ночь быть подле тебя, и, может, мы хоть на несколько часов вновь обретем покой, какой царил здесь в былые времена, прежде чем я отправлюсь к пристанищу печального великана.

* * *

И как ни были долги часы их свидания с любовью, они все-таки истекли; а когда супруги наконец забылись в сладкой истоме, сны их заполонили зловещие предзнаменования, и Элрик с Зайрой стонами разбудили друг друга. Они долго лежали обнявшись, так и не сомкнув глаз до самой утренней зари, когда Элрик поднялся и, нежно поцеловав свою супругу в лоб и погладив ее руку, отправился в конюшню, где его уже ждали трое друзей, окружившие четвертого. Четвертым оказался Сепириз.

— Сепириз, друг мой, благодарю тебя за твой дар,— воскликнул Элрик.— Но скажи, почему ты здесь?

— Потому что могу оказать вам еще одну услугу, прежде чем вы отправитесь в путь,— ответил чернокожий пророк.— Все вы, кроме Мунглума, обладаете оружием, наделенным особой силой. У Элрика и Дувима Слорма есть рунные мечи, у Ракхира — стрелы Порядка, которые чародей Ламсар дал

ему во время осады Танелорна. Но вот сабля Мунглума ничего не добавляет к мастерству своего владельца...

— Меня, кстати, это вполне устраивает,— резко перебил Сепириза Мунглум.— Мне довелось увидеть, как заколдованное оружие вытягивает все силы из своего хозяина.

— Может, к счастью, а может, к сожалению, я не дам тебе ничего столь же могучего и беспощадного, как Буреносец,— спокойно ответил Сепириз.— Но я наложу на твой клинок слабое заклятие, на которое мне дает право моя связь с Белыми повелителями. Ну же, Мунглум, не упрямься и достань свою саблю.

С большой неохотой Мунглум извлек из ножен кривой клинок и протянул его Сепиризу, который вытащил из одежд небольшой гравировальный инструмент и, невнятно шепча заклинание, нанес несколько рун на лезвие сабли близ эфеса. Потом чернокожий слуга судьбы протянул клинок Мунглуму.

— Ну вот, дело сделано. Теперь эта сабля освящена Порядком, и ты почувствуешь, что тебе будет легче сражаться с врагами.

— Сепириз, нам поскорее нужно отправляться, ведь враг не станет откладывать осаду Карлаака, чтобы дождаться, пока мы вернемся,— вмешался Элрик.

— Что ж, счастливого пути, только подготовьтесь к встрече с бандами Яагрина Лерна, рыскающими в округе. Не думаю, что вы столкнетесь с ними, когда покинете Карлаак, но будьте осторожны, возвращаясь обратно.

* * *

Они сели на волшебных нихраинских скакунов, которые уже не один раз помогали Элрику, и поскакали прочь из Карлаака, покинув город нефритовых башен, может быть, навсегда.

Вскоре они достигли Плачущей пустыни, через которую пролегал кратчайший путь к Пустыне вздохов.

Ракхир, единственный, кто хорошо знал эти места, стал их проводником.

Нихраинские скакуны, казалось, летели, ибо их копыта не касались чахлой растительности Плачущей пустыни. Они мча-

лись с невероятной скоростью, и Ракхир, еще не привыкший к волшебному бегу жеребцов, все время туго натягивал поводья.

В этой пустоши, прозванной за безжизненность, унылость и вечно идущий дождь Плачущей пустыней, было трудно увидеть земли, лежащие впереди, но четыре друга упорно всматривались в пелену дождя, пытаясь разглядеть высокую горную гряду, разделявшую Плачущую пустыню и Пустыню вздохов.

Наконец после целого дня пути перед друзьями предстали высокие горы, чьи вершины терялись в облаках. А вскоре, благодаря непостижимой скорости жеребцов Нихраина, путники уже проносились над глубокими ущельями, и дождь прекратился вечером второго дня путешествия. Ветер стал теплым, а затем порывистым и горячим. И вот четверо героев покинули горы, и яростные лучи солнца опалили их. Тогда путники поняли, что наконец-то добрались до Пустыни вздохов, где ветер вечно вздыхал и стенал над бесплодными песками и обломками скал.

Путники укутали лица, прикрыли глаза капюшонами плащей от беспрерывно мельтешащих в воздухе песчинок, которые постоянно жалили их. Отдыхая лишь по несколько часов, ведомые Ракхиром, они позволяли своим волшебным скакунам со скоростью, в десять раз превышающей скорость обычных лошадей, уносить себя все дальше и дальше в глубь безбрежной пустыни. Во время долгих переходов они почти не разговаривали, ибо трудно расслышать хоть что-нибудь за постоянными вздохами ветра. Каждый из них отдался во власть собственных дум.

* * *

Погрузившись в глубины своего сознания, Элрик доверил нихраинскому скакуну нести себя через пустыню. Альбинос боролся против собственных спутанных мыслей и душевных переживаний, дабы сохранить какое-то объективное впечатление о своем незавидном положении. Прошлое Элрика было слишком беспокойным, а происхождение слишком удручающим, чтобы позволить ему сейчас ясно разобраться во всем.

Альбинос всегда был рабом своей меланхолии, своих физических недостатков, рабом той крови, которая текла в его жилах. Он воспринимал жизнь не как гармоничный узор, а как цепь случайных событий. С самого рождения он боролся, пытаясь примириться с хаотической природой вещей; чтобы научиться жить с Хаосом, но ему, если, конечно, исключить мгновения чрезвычайных личных кризисов, редко когда удавалось мыслить логически и последовательно хоть сколько-нибудь длительное время. Это, скорее всего, было вызвано тем, что он жил изгоем; тем, что был альбиносом; тем, что слишком уповал на рунный меч; тем, что всю жизнь его преследовало сознание обреченности.

«Что есть мысль? — спрашивал он себя.— Что есть эмоция? Что есть власть над судьбой, и стоит ли она таких бешеных усилий? Быть может, лучше жить по инстинкту, нежели философствовать и ошибаться; быть может, лучше оставаться марионеткой богов, позволяя дергать себя за веревочки к их вящей радости, нежели самому пытаться строить собственную судьбу, сталкиваясь с волей повелителей высших миров, и гибнуть ради своих же страданий».

Так размышлял он, мчась под жгучими ударами ветра. «И в чем разница между суетной опасностью и опасностью сумбурных мыслей и эмоций? И у того, и у другого есть что-то общее...»

Но мелнибонийцы, хотя и правили миром десять тысяч лет, жили под знаком другой судьбы. Они не были настоящими людьми, но и не принадлежали к древним расам. Раса Мелнибонэ была лишь промежуточным звеном, и Элрик частично сознавал и это, и то, что он — последний из рода, который безо всяких усилий использовал дарованное Хаосом колдовство так же, как другие народы используют земное мастерство и знание, для собственных нужд. Расу Элрика породил Хаос, и она не нуждалась ни в самоконтроле, ни в самоограничении тех рас, которые появились в эпоху Молодых королевств. Но даже и эти новые народы, если верить словам предсказателя Сепириза, не были настоящими людьми, которые со временем заселят Землю, где, возможно, станут править порядок и прогресс, а влияние Хаоса будет едва заметно. Все это произойдет лишь в том случае,

если Элрик восторжествует, разрушив мир, который знает и любит.

Эти думы еще больше усилили уныние Элрика, ибо он понял, что ему не дано иной судьбы, кроме смерти, и иной цели, кроме той, что была желанна судьбе. Тогда зачем бороться с этими мыслями, беспокоиться о их логичности или последовательности? Ведь он немногим больше, чем жертва на алтаре судьбы.

Поникнув головой, Элрик попытался выдохнуть из обожженных легких горячий сухой воздух и выплюнул набившийся в рот песок.

* * *

Подобное настроение овладело и Дувимом Слормом, однако страсти, обуревавшие его, не были столь сильны. Хотя в жилах Дувима Слорма тоже текла кровь Мелнибонэ, он жил более упорядоченной жизнью, нежели Элрик. В то время как Элрик подвергал сомнениям обычаи своего народа и даже отрекся от престола, чтобы исследовать земли Молодых королевств и сравнить образ жизни новых народов с жизнью своего народа, Дувим Слорм никогда не потворствовал таким крамольным мыслям и идеям. Он испытал невероятную горечь, когда из-за мести Элрика был до основания разрушен Грезящий город, Имррир, последний оплот древней расы Мелнибонэ. Ему еще раз пришлось пережить подобное потрясение, когда оставшихся в живых имррирцев вышвырнули в мир, где они были вынуждены стать наемниками, сражаясь за тех, кого всегда считали королями-выскочками низших и ничтожных народов. Дувим Слорм, никогда не задававшийся вопросами, которые смущали покой Элрика, не задавал их себе и сейчас, хотя и был лишен обычного душевного равновесия.

Мунглум почти не думал о себе. С тех самых пор, как много лет назад повстречался с Элриком, сражаясь со сворой собак *дхарзи*, он испытывал к другу глубокую симпатию, порой смешанную с сочувствием. Когда Элрик погружался в такое угрюмое настроение, как сейчас, Мунглум страдал, страдал от того, что ничем не может помочь другу. Много раз пытался Мунглум вытащить Элрика из депрессии, но затем

понял, что здесь он бессилен. И все равно он оставался оптимистом, никогда не унывал, даже когда ощущал рок, нависший над ним.

Ракхир, более рассудительный, чем его друзья, с философским спокойствием относился к жизни, но не мог полностью постичь весь сокровенный смысл их миссии. Он мечтал провести остаток своих дней в мирном городе Танелорне, предаваясь размышлениям и созерцанию. Но на страстный призыв о помощи в борьбе против Хаоса невозможно было не откликнуться. И Ракхир, хотя и без особой охоты, взял колчан со стрелами Порядка, взял лук и покинул Танелорн. Теперь он мчался к неведомой цели с маленькой группкой тех, кто пожелал, чтобы он сопровождал их и поддержал Элрика.

Он вглядывался в песчаную пелену и наконец увидел впереди неясно вырисовывавшуюся одинокую скалу, которая возвышалась посреди бесплодной пустыни, воздвигнутая отнюдь не природными силами.

Ракхир прокричал:

— Элрик! Там, должно быть, замок Мордага!

Элрик очнулся от дум и посмотрел, куда указывал Ракхир.

— Да,— вздохнул он.— Мы на месте. Давайте сделаем привал и восстановим силы перед последним отрезком пути.

Они остановили скакунов и, спешившись, размяли затекшие ноги. Затем натянули полог, защищавший их от порывов ветра, несущего песок, и перекусили. Трапеза была тихой, ибо все понимали, что, добравшись до горы, могут больше никогда не увидеть друг друга живыми.

Глава 6
ОБИТЕЛЬ ПЕЧАЛЬНОГО ВЕЛИКАНА

Лестница серпантином вилась вокруг горы. Высоко вверху поблескивала каменная кладка замка. Лишь там, где заканчивался первый виток дороги, которая, изгибаясь, тут же исчезала за горой, друзья увидели первое дерево — бузину. Оно выглядело как обычное дерево, но для Элрика и его маленького отряда было не просто бузиной, а неким символом — первым врагом, с которым им предстояло схватиться. Как это дерево будет сражаться? Какое влияние может оказать на них?

Элрик поднялся на первую ступень. Она была высокой, рассчитанной на великана. Глубоко вздохнув, принц драконов начал карабкаться вверх, а остальные последовали за ним. Добравшись до десятой ступени, Элрик обнажил Буреносец и почувствовал, как меч задрожал, наполняя своего хозяина энергией. Сразу же после этого альбиносу стало легче подниматься.

Когда Элрик приблизился к бузине, он услышал, как дерево зашелестело, и увидел, как ветви беспокойно задвигались. Несомненно, дерево чувствовало приближение людей.

Всего несколько шагов отделяли альбиноса от бузины, когда до него донесся крик Дувима Слорма:

— О боги! Листья... Только посмотрите на эти листья!

Зеленые листья с прожилками, казалось, пульсирующими в солнечном свете, стали отрываться от ветвей, а потом метнулись по воздуху к друзьям.

Один листик упал на обнаженную кисть Элрика. Альбинос попытался стряхнуть его, но тот прилип. Другие листья тоже опускались на не защищенные одеждой части тела — на принца драконов накатывала настоящая зеленая волна. Внезапно Элрик почувствовал странное жжение в руке. Сыпля проклятиями, он отодрал листик от кисти и с ужасом увидел крошечные капельки крови на том месте, где только что был лист. Элрик содрогнулся от отвращения и принялся срывать остальные листья с лица, хлеща по зеленой массе своим тихо мурлычущим рунным мечом. Когда листья касались меча, они тут же увядали, но на их место сразу прилетали другие.

Позади Элрика раздавались пронзительные крики ужаса — это на друзей накатила зеленая волна маленьких кровопийц.

Дерево направляло листья, и те, словно саранча, роились вокруг альбиноса. Элрик, размахивая мечом, преодолел оставшиеся ступени и со всей своей холодной жестокостью обрушил Буреносец на ствол бузины. Яростно застонав, дерево попыталось ветвями обхватить противника. Но Элрик, обрубив жадно тянущиеся к нему ветки, глубоко вонзил рунный меч в ствол дерева. Вздыбился дерн, и бузина замолотила корнями по воздуху. Дерево нависло над Элриком, словно, даже умирая, хотело убить его. Альбинос потянул Буреносец, который жадно вгрызался в наполненное чуждой людям ду-

шой вещество дерева. Элрик даже не успел выдернуть меч, когда дерево рухнуло и покатилось вниз по ступеням, едва не придавив своего противника. Но одна ветвь все же хлестнула Элрика по лицу — брызнула кровь.

Элрик стоял, задыхаясь и пошатываясь, чувствуя, как жизнь тяжелыми каплями покидает его тело.

Он с трудом доковылял до побежденного дерева и увидел, что оно умерло, а оставшиеся листья увяли.

— Скорее,— прохрипел он, когда друзья подбежали к нему.— Скорее переверните дерево. Мой меч под ним, а без меча я все равно что мертв!

* * *

Они быстро перевернули дерево, и Элрик слабеющей рукой ухватился за эфес Буреносца, все еще торчавшего в стволе. Элрик едва не закричал, ощутив невероятный прилив сил. Энергия наполняла его, пульсировала в нем, словно он был самим богом. Казалось, демон вселился в него, и он захохотал. Друзья с удивлением следили за ним.

— Вперед, за мной! Теперь я могу убить миллион таких деревьев!

И он помчался вперед, перепрыгивая через ступени, пока новый шквал листьев не обрушился на него. Не обращая внимания на их жалящие укусы, Элрик ринулся на само дерево и, словно став частью меча, ударил в центр ствола. И опять дерево застонало.

— Дувим Слорм! — крикнул Элрик, вновь наполняясь жизненной силой.— Делай, как я. Позволь своему мечу выпить несколько таких душ, и мы станем непобедимы!

— Навряд ли такая мощь приятна,— заметил Ракхир, отдирая от своего тела мертвые листья, в то время как Элрик вытащил меч из ствола и бросился к следующему дереву. Дальше бузина росла гуще, и деревья, угрожающе нависая над Элриком, старались схватить его, склоняли ветви, которые, как пальцы, пытались растерзать его на части.

Более уравновешенный Дувим Слорм принялся крушить древесные создания и тоже наполнился похищенными душами демонов, заключенными в бузине. И вскоре его ди-

кие вопли слились с кличем Элрика, когда оба мелнибонийца, подобно жестоким лесорубам, набрасывались на деревья опять и опять, и каждая победа придавала им еще больше сил. Мунглум с Ракхиром переглядывались с удивлением и страхом от такого жуткого изменения, произошедшего с их друзьями.

Но нельзя было отрицать, что Элрик и Дувим Слорм весьма действенно справлялись с бузиной. Вскоре они оглядели склон горы, весь заваленный погибшими и уже почерневшими деревьями.

Вся древняя нечестивая страсть мертвых королей Мелнибонэ была написана на лицах двух соплеменников, когда они распевали старые боевые песни, а их мечи-близнецы вторили им, добавляя к мелодии разрушительные ноты злорадства.

* * *

Его губы растянулись, обнажив белые зубы, красные глаза горели грозным огнем, молочно-белые волосы развевались на обжигающем ветру. Элрик воздел к небу меч и обернулся к своим спутникам.

— Друзья, только что вы увидели, как древние мелнибонийцы завоевывали и людей, и демонов, чтобы править миром десять тысяч лет!

И Мунглум подумал, что Элрика заслуженно прозвали волком. Все те хаотические силы, которые бушевали в нем, сейчас полностью возобладали над альбиносом. Мунглум понял, что Элрик больше не разрывается между своими привязанностями, и в душе у него больше нет раздора. Кровь предков-колдунов овладела им, и он стал таким же, какими были его предки много веков назад, когда все человеческие расы в ужасе бежали от мелнибонийцев, склоняясь в страхе перед их великолепием, злобой и жестокостью. Дувим Слорм казался таким же одержимым, как и Элрик, и Мунглум вознес благодарственную молитву, что эти два человека его союзники, а не враги.

Друзья были уже недалеко от вершины, но Элрик со своим родичем гигантскими скачками мчались впереди. Ступени кон-

чались у входа в мрачный туннель. Мелнибонийцы, хохоча и перекликаясь на ходу, ринулись во тьму.

Чуть позже Мунглум и Ракхир подошли к туннелю. Красный лучник положил стрелу на тетиву лука.

Элрик всматривался во мрак, и голова кружилась от силы, которая, казалось, рвалась из каждой клеточки тела. Он услышал топот бегущих людей, облаченных в доспехи, но, когда они появились, Элрик понял, что эти воины не были людьми. Хотя перед ним стояло почти сто пятьдесят противников, он не испугался. Первая группа бросилась на него, но он легко отбил атаку и сразил всех воинов. Каждая новая душа, похищенная Элриком, мало что прибавляла к той жизненной силе, которая бушевала в нем. Плечом к плечу стояли последние оставшиеся в живых принцы драконов, забивая врагов, словно скот на бойне, и, когда Мунглум и Ракхир вошли в туннель, в глазах их появились ужас и отвращение из-за потоков крови, сделавших пол скользким, и зловония смерти, которое казалось невыносимым. Затем Элрик и Дувим Слорм, оставив за собой груду мертвых тел, атаковали новую группу противников.

— Хотя они наши враги и служат тем, против кого мы боремся,— со стоном молвил Ракхир,— я не могу спокойно смотреть на эту бойню. Мы не нужны здесь, друг Мунглум. Это схватка демонов, а не людей!

— Да уж,— вздохнул Мунглум, и они поспешили выбраться из туннеля и там, на солнечном свету, увидели замок.

Оставшиеся в живых воины вновь кинулись в атаку, и Элрик с Дувимом Слормом двинулись на них, злобно веселясь.

Воздух звенел от криков и лязга стали. Ракхир пустил стрелу в одного из воинов и поразил его в левый глаз.

— Я хочу, чтобы хоть некоторые из них погибли обычной смертью,— пробормотал он, кладя на тетиву следующую стрелу.

Когда Элрик и Дувим Слорм скрылись в гуще противников, некоторые воины, возможно, догадываясь, что Ракхир с Мунглумом менее опасны, бросились на них.

Мунглум схватился сразу с тремя воинами и обнаружил, что его сабля стала невероятно легкой и, отбивая вражеское

оружие, издавала чистый прозрачный звон. Сабля не наполняла Мунглума жизненной силой, но зато не тупилась, и даже тяжелые мечи не могли отбить ее удар.

Ракхир тратил стрелы лишь на то, что на самом деле было актом милосердия. Он отражал атаки врагов мечом и убил уже двоих, а потом прикончил одного из противников Мунглума, пронзив тому сердце.

Без особого желания Мунглум с Ракхиром подошли туда, где дрались Элрик и Дувим Слорм, и увидели, что земля усеяна трупами.

Ракхир крикнул Элрику:

— Остановись! Позволь нам с Мунглумом покончить с этими воинами! Ведь тебе не нужны их души! А мы убьем их милосердно!

Но Элрик лишь рассмеялся в ответ и продолжил свое дело. Когда он прикончил очередного воина, а других врагов поблизости не было, Ракхир шагнул к альбиносу и схватил его за руку...

— Элрик...

И в тот же миг Буреносец, воя сытую песнь, извернулся в руке альбиноса и кинулся на Ракхира.

Видя уготованную ему судьбу, Ракхир всхлипнул и попытался уклониться от удара. Но меч обрушился ему на плечо и рассек тело Красного лучника до самой грудины.

— Элрик!!! — отчаянно вскричал Ракхир.— Нет... только не мою душу!

Так умер славный герой Востока Ракхир, Красный лучник, сраженный предательским клинком. Умер, убитый рукой друга, с которым встретился много лет назад близ города Амирон и чью жизнь спас в болотах *лимба*. И когда пришло отрезвление, Элрик попытался выдернуть меч из тела, но было уже слишком поздно. Опять он невольно убил того, кто осмелился приблизиться к нему, когда он находился под властью меча.

— Ракхир! — воскликнул альбинос, падая на колени перед мертвым телом и поднимая его на руки. Похищенная энергия еще пульсировала в принце драконов, но огромное горе лишило ее власти над ним. Слезы потекли по искаженному горем лицу Элрика, и из груди вырвался жуткий мучительный стон.

— Еще один...— шептал Элрик.— Еще один... неужели это никогда не кончится?

Два его товарища стояли на противоположных концах поля битвы. Дувим Слорм прекратил убивать, но лишь потому, что убивать больше было некого. Он стоял, тяжело дыша, и оглядывался по сторон. Выглядел он ошеломленным. Мунглум уставился на своего друга глазами, полными ужаса и сочувствия, ибо знал и о роке, преследующем Элрика, и о том, что жизнь каждого посмевшего приблизиться к альбиносу может стать той данью, которую потребует Буреносец за то, что поддерживает жизненные силы своего хозяина.

— Ракхир! В мире не было героя, более благородного, чем ты, и не было человека, более жаждущего мира и порядка!

Элрик поднялся и обратил взор на огромный замок из гранита и голубоватого песчаника, который стоял, погруженный в загадочное безмолвие, словно ожидая, что альбинос станет делать дальше. На зубчатой стене башни Элрик разглядел одинокую фигуру.

— Мой друг, обязательно наступит то, чего ты так страстно желал. И клянусь твоей украденной душой, Ракхир, хотя я сам порожден Хаосом, я добьюсь этого!

Порядок восторжествует, а Хаос будет изгнан! Вооруженный мечом и щитом, созданными Хаосом, я стану биться с любым демоном ада. Хаос виновен в твоей смерти, и Хаос заплатит за нее. Но для начала мы заберем щит у печального великана.

Дувим Слорм, до сих пор одурманенный демонической энергией и не до конца разобравшийся в том, что произошло, в возбуждении прокричал:

— Элрик, давай сейчас же нагрянем к Мордагу!

А Мунглум, подойдя ближе, чтобы взглянуть на истерзанное тело Ракхира, глухо пробормотал:

— Да, Хаос виновен в этой смерти и во многих других тоже. Поэтому, Элрик, я охотно присоединяюсь к твоей мести и последую за тобой куда угодно, пока...— и он содрогнулся,— пока смогу избегать слишком пристального внимания твоего адского клинка.

* * *

Плечом к плечу прошли они через открытые ворота замка и сразу же попали в зал, обставленный с варварской роскошью.

— Мордаг! — крикнул Элрик.— Мы пришли исполнить пророчество! Покажись, мы ждем тебя!

Они нетерпеливо поглядывали по сторонам, когда наконец под обширной аркой в конце огромного зала не появился громадный человек.

Сутулый, облаченный в темно-голубую рубаху, перехваченную поясом, Мордаг был ростом с двух человек. Длинные черные вьющиеся волосы ниспадали на плечи великана, а на огромных ногах он носил кожаные сандалии. В черных глазах Мордага застыла неземная скорбь, какую Мунглуму прежде доводилось видеть лишь в глазах Элрика.

Очень красивый, серебристо-зеленый круглый щит с восемью стрелами Хаоса висел на руке печального великана. Иного оружия у Мордага не было.

— Я знаю пророчество,— сказал великан, и голос его был подобен унылому вою ветра.— Но почему бы не попытаться изменить его? Может, вы просто возьмете щит, и мы расстанемся в мире? Я не хочу умирать.

Элрик с сочувствием смотрел на печального Мордага — он понимал, что должен испытывать падший бог в эти мгновения.

— Но в пророчестве говорилось о твоей смерти...— тихо сказал альбинос.

— Возьми его,— и Мордаг, сняв с могучей руки щит Хаоса, протянул его Элрику.— Просто возьми щит и измени пророчество.

Элрик кивнул.

— Хорошо.

И, глубоко вздохнув, великан положил щит Хаоса на пол.

— Тысячи лет жил я в тени пророчества,— продолжал Мордаг, расправляя плечи.— Но теперь, хотя и умру когда-нибудь от старости, умру в мире и, как мне кажется, после всех этих долгих лет буду рад такой смерти.

— Смерть твоя не обязательно будет мирной, ведь ты больше не защищен щитом,— предупредил его Элрик.— Сейчас наступили смутные времена, и Хаос вознамерился поработить весь мир. Если я не смогу остановить Хаос, он поглотит тебя, как поглотил все остальное... Но сдается мне, теперь ты спокойнее отнесешься к встрече с ним.

— Прощай... И спасибо,— уходя, сказал Мордаг, а потом исчез под аркой, через которую вошел.

Едва Мордаг удалился, Мунглум, крадучись, последовал за ним, прежде чем Элрик или Дувим Слорм успели окликнуть или остановить его.

После того они услышали один-единственный пронзительный крик, казалось, эхом отразившийся в вечности, грохот, от которого задрожали стены, а затем звук приближающихся шагов. В дверях появился Мунглум, и в руке он сжимал окровавленную саблю.

Не в силах понять этот не свойственный для Мунглума поступок Элрик молчал и смотрел на своего друга.

— Это было убийство,— просто сказал Мунглум.— Я признаю это. Я ударил Мордага в спину, когда он об этом даже не подозревал. К великану пришла хорошая быстрая смерть, и умер он совершенно счастливым. И вы не станете отрицать, что его смерть гораздо лучше той, что предназначали нам его приспешники. Да, я убил Мордага, но это убийство, по-моему, было необходимо.

— Но почему?..— ошарашенно спросил Элрик.

— Мордаг умер так, как ему предопределила судьба,— спокойно объяснил Мунглум.— Не забывай, Элрик, мы все теперь слуги судьбы, и сделай мы хоть что-нибудь не так, мы помешаем ей добиться цели. А, кроме того, убив печального великана, я возвестил о начале собственной мести. Не окружи Мордаг себя таким воинством, Ракхир бы не умер.

Элрик покачал головой.

— В убийстве Ракхира вини только меня, Мунглум. Печальный великан не отвечает за преступления моего меча.

— Ну, кто-то же должен был ответить,— упорствовал Мунглум.— А поскольку в пророчестве говорилось о смерти Мордага, то он и стал виноватым. Кого еще, по-твоему, я мог бы здесь убить, а, Элрик?

Элрик отвернулся.

— Мне бы хотелось, чтоб это был я,— вздохнул он и посмотрел на круглый щит загадочного серебристо-зеленого цвета с движущимися янтарными стрелами. Элрик легко поднял его и повесил на руку. Щит закрывал тело от подбородка до лодыжек.

— Поспешим покинуть эту юдоль скорби и смерти. Земли Илмиоры и Вилмира ждут нашей помощи, если только Хаос уже не поглотил их!

Глава 7
СМЕРТЬ ЗАЙРЫ

В горах, отделявших Пустыню вздохов от Плачущей пустыни, они узнали о судьбе последних Молодых королевств. Им повстречались шесть усталых воинов, ведомых сенатором Воашуном, отцом Зайры.

— Что случилось? — с тревогой спросил Элрик.— Где Зайра?

— Наш континент захвачен Хаосом, Элрик. А Зайра... Я не знаю ни где она, ни что с ней сталось, не знаю, жива ли она, мертва или в плену...

— Вы что — не искали ее? — возмутился Элрик.

Старик пожал плечами.

— Сын мой, за последние дни мне столько довелось пережить и увидеть, что я больше ничего не способен чувствовать. Мне ничего не нужно, и я хочу лишь одного — побыстрее скрыться куда-нибудь от всего этого кошмара. Тебе бы не стоило идти дальше, сынок, ибо даже Плачущая пустыня уже начинает меняться под влиянием Хаоса. Дни человечества на Земле сочтены, надежды нет...

— Нет надежды?! Как бы не так! Мы еще живы, возможно, и Зайра тоже жива. Подумайте хорошенько, может, вы хоть что-нибудь слышали о ее судьбе?

— До меня доходили лишь слухи, что Яагрин Лерн захватил ее и держит на борту флагманского корабля Хаоса...

— Так она, вероятно, в море?

— Скорее всего, нет. Корабли ада движутся по суше так же легко, как и по морю. Но только сушу в эти дни трудно назвать сушей. Эти проклятые суда напали на Карлаак, а за ними следовали всадники и пешие воины, которым нет числа. Хаос одержал победу, сын мой, и ты ничего не найдешь в Карлааке, кроме собственной гибели.

— Ну, это мы еще посмотрим. Я наконец-то добыл то, что защитит меня от влияния Хаоса. И потом, у меня есть мой

меч и нихраинский скакун,— Элрик обернулся к своим спутникам.— Решайте, друзья, вы останетесь с сенатором Воашуном или последуете за мной в самое сердце Хаоса?

— Мы пойдем с тобой,— спокойно ответил Мунглум сразу за обоих.— Мы сопровождали тебя повсюду, и наши судьбы переплетены. Мы должны последовать за тобой.

— Что ж, договорились. Прощайте, сенатор Воашун. И если вы все-таки желаете помочь миру, то скачите через Плачущую пустыню в королевства Востока, еще не нанесенные на наши карты, побывайте в ласковом Ишмире — на родине Мунглума, и поведайте людям Востока, какая судьба их ожидает, хотя, боюсь, им уже не спастись.

— Постараюсь сделать это,— безжизненно откликнулся Воашун.— Будем надеяться, что я попаду в восточные земли до того, как туда попадет Хаос.

И Элрик со своими друзьями поскакали дальше, направляясь к безбрежным ордам Хаоса — три человека против сорвавшихся с цепи бешеных свор Хаоса. Три отчаянных храбреца, которые столь страстно желали достичь своей цели, что теперь не могли и помыслить об отступлении. Последний акт трагедии должен быть сыгран вне зависимости от того, что последует за ним — ужасная завывающая ночь или спокойный ясный день...

* * *

Первые признаки Хаоса появились, когда друзья добрались до места, где некогда росла густая трава. Теперь там расплескалась желтая, лениво колышущаяся под порывами ветра топь из расплавленного, но холодного камня. Нихраинские скакуны, ступавшие не по измерению Земли, сравнительно легко пересекли ее, и тогда же щит Хаоса впервые показал, на что способен — когда путники проносились над желтым вязким камнем, он изменялся, опять ненадолго становясь травой.

Потом им повстречалось неуклюжее существо со множеством конечностей и изуродованным лицом, но оно могло разговаривать. От несчастного создания, изувеченного Хаосом, друзья узнали, что Карлаака больше нет: он был вспенен в

жаркое ничто, а на его месте силы Хаоса разбили свой лагерь. А еще убогий поведал о том, что особенно заинтересовало Элрика. Ходили упорные слухи, что единственным местом в мире, на которое Хаос не смог распространить свое влияние, остался остров драконов.

— Если нас постигнет неудача, мы доберемся до Мелнибонэ,— сказал Элрик друзьям, когда они вновь тронулись в путь.— Мы подождем там, пока Белые повелители не накопят силы и не придут нам на помощь. Кроме того, в пещерах Мелнибонэ дремлют драконы и, если мы сумеем разбудить их, они, наверняка, помогут нам в борьбе против Яагрина Лерна.

— Какой смысл сражаться с Теократом теперь? — уныло спросил Дувим Слорм.— Яагрин Лерн одержал верх, Элрик. А мы не исполнили того, что предначертала нам судьба. Наша роль сыграна до конца, и Хаос правит миром.

— Как бы не так! Мы все равно должны продолжить борьбу с Хаосом, дабы узнать, так ли он силен. Только после этого мы поймем, каков будет исход схватки.

Дувим Слорм с сомнением посмотрел на Элрика, но в ответ не проронил ни слова.

А потом они добрались до лагеря Хаоса.

* * *

Ни одному смертному даже в ночном кошмаре не могло бы привидеться подобное.

Корабли Хаоса возвышались над лагерем, подавляя всех и вся своей величиной, и друзья, хотя и видели их уже не в первый раз, были потрясены. Языки радужного пламени, казалось, искрились повсюду, озаряя неверным светом лагерь, демонов, слоняющихся среди толп людей, блистающих порочной красотой герцогов Ада, что-то обсуждающих с исхудавшими королями, которые добровольно стали союзниками Яагрина Лерна и теперь, возможно, раскаивались в этом. Очень часто земля вздувалась, изрыгая лаву, и те несчастные существа, что оказывались близ взрыва, либо погружались в расплавленную землю, полностью изменяясь, либо тела их претерпевали не столь заметные, но совершенно непредсказуемые искажения. Шум в лагере стоял невыносимый — голоса

людей сливались с грохочущими завываниями Хаоса, тявкающим хохотом демонов, а порой и с мучительными воплями человеческой души того, кто на мгновение поколебался в своей верности Хаосу и теперь страдал от безумия.

Лагерь Хаоса, растянувшийся на много миль, окутывали гнилостные миазмы — испарения смерти, крови и зла. Время от времени по нему медленно проплывали корабли Хаоса, лавируя среди королевских шатров с развевающимися над ними шелковыми штандартами. Многих их владельцев, пытавшихся в слепой гордыне уподобиться могущественному Хаосу, и в самом деле уже можно было назвать созданиями Хаоса, настолько их тела и души были исковерканы.

Друзья сидели в седлах, наблюдая, когда Элрик тихо проговорил:

— Искажающее влияние Хаоса явно намного сильнее сказывается на людях, чем на природе. И это продолжится, пока даже Яагрин Лерн и другие земные вожди орды не потеряют всякое сходство с человеческими существами и не станут лишь частью вспененной субстанции Хаоса. Это будет означать конец человеческой расы — она навеки исчезнет, поглощенная жадной утробой Хаоса. Друзья мои, вы смотрите на остатки человечества. Вскоре их невозможно будет отличить от всеобщего Хаоса, и вся эта измененная Земля окажется под пятой темных повелителей. Они и сейчас постепенно затягивают ее в свое королевство. Вначале Хаос переделает Землю по собственному образцу, а затем и вовсе похитит ее — она станет всего лишь комком глины, дабы герцоги ада, сообразно своим прихотям и фантазиям, смогли воссоздать Землю в каком-нибудь ином, гротескном виде.

— И мы пытаемся предотвратить это! — безнадежно пробормотал Мунглум.— У нас ничего не получится, Элрик!

— Борьба должна продолжаться, пока Хаос не покорит нас. Я помню, что Страш, морской король, сказал: «Если повелитель Пуарай, командующий флотом мертвых, погибнет, то сами по себе корабли ада больше существовать не смогут». Я собираюсь это проверить. Кроме того, возможно, на борту одного из этих судов томится в плену моя жена... Да и Яагрин Лерн тоже должен быть где-то там. Как видите, у меня есть три веские причины, чтобы рискнуть отправиться туда.

— Нет, Элрик! Это еще хуже, чем просто убить себя!

— Но я и не прошу сопровождать меня...

— Если ты отправишься туда, мы последуем за тобой. Но мне это не нравится!

— Нет, вы останетесь здесь и будете ждать меня. Если один не добьется успеха, то и троим там тоже делать нечего. Я пойду сам. Если я не вернусь, попытайтесь добраться до Мелнибонэ.

— Элрик! — вскричал Мунглум, но альбинос с пульсирующим щитом Хаоса в руке уже направил своего нихраинского скакуна к стану врага.

* * *

Защищенный от воздействия Хаоса, Элрик почти достиг флагманского корабля, когда его заметил отряд воинов. Они узнали альбиноса и поскакали ему наперерез.

Он расхохотался им в лицо, полуобезумев от вида лагеря, несусветной вони и дикого гула.

— Эй, Буреносец, давай легонько перекусим, прежде чем зададим пир вон на том корабле! — вскричал Элрик и, словно головку цветка, снес голову первого воина.

Укрывшись за щитом, альбинос с наслаждением крушил всех и вся. Поскольку Буреносец убил богов, заключенных в деревьях бузины, жизненная сила, вливаемая мечом в Элрика, была безбрежна, а каждая новая душа, которую альбинос похищал у воинов Яагрина Лерна, являлась лишь малой каплей в мести, пожинавшей свой урожай. Среди людей Элрик был непобедим. Одним ударом он рассек тяжеловооруженного воина и даже перерубил хребет лошади, на которой тот сидел.

Оставшиеся в живых воины пустились наутек, а Элрик, ощутив странное покалывание в теле, понял, что попал в зону влияния корабля Хаоса, но щит надежно защищал его. Сейчас альбинос находился вне измерения Земли, где-то между своим миром и миром Хаоса. Он соскочил с нихраинского скакуна, велев тому ждать возвращения. С высоких бортов корабля свисали канаты, и Элрик с ужасом смотрел на людей, взбиравшихся по ним. Многих альбинос знал по Карлааку. Даже сейчас корабль Хаоса продолжал набирать из мертвых свой экипаж!

Альбинос смешался с мертвецами и вместе с ними полез на борт громадного сверкающего корабля, радуясь, что эти живые трупы скрывают его от посторонних взглядов.

Он добрался до фальшборта и перевалился через планшир. Преодолев странную зону тьмы и пробираясь по первой из многих палуб, которые ступенями вздымались ввысь, он сплюнул подкатившую к горлу желчь и задрал голову. На самой верхней палубе альбинос увидел маленькую фигурку человека и кроваво-красного монстра, напоминающего гигантского осьминога. Скорее всего, это были Яагрин Лерн со своим неземным союзником — повелителем Пуараем, который, как знал Элрик, принимал личину осьминога, когда являлся на Землю.

Только попав на борт вражеского корабля, Элрик осознал, что мерцающее свечение, которое окружало корабли Хаоса, имеет теневую природу — оно было наполнено движущимися нитями, трепещущей сетью темно-красных, темно-голубых, темно-желтых, темно-зеленых и темно-фиолетовых лучей, которые лопались, когда Элрик проходил сквозь них, и сразу же срастались за его спиной.

Постоянно натыкаясь на снующих по палубе живых мертвецов, Элрик пытался не всматриваться в их лица, ибо ему уже встретились несколько моряков, которых он бросил на произвол судьбы много лет назад во время своего бегства из Имррира.

Медленно пробираясь на верхнюю палубу, он подумал, что ни Яагрин Лерн, ни повелитель Пуарай, похоже, даже не подозревают о его присутствии на корабле. Они наверняка уверены, что никто не может напасть на них, поскольку захватили уже всю Землю. Продолжая карабкаться вверх, Элрик зло улыбнулся и покрепче сжал щит, прекрасно понимая, что, выпусти он хоть на секунду щит из рук, его тело либо сразу же приобретет какую-нибудь жуткую форму, либо растает, и субстанция Хаоса поглотит его.

Но потом, забыв обо всем на свете, Элрик сосредоточился на своей главной цели — уничтожении повелителя Пуарая. Он должен добраться до верхней палубы и там прикончить повелителя Хаоса. Потом он убьет Яагрина Лерна, и, если Зайра действительно здесь, спасет ее и отвезет в безопасное место.

Вверх и вверх, по темным палубам, сквозь паутину странных причудливых красок шел Элрик, и его молочно-белые

волосы, словно споря с разлитой в воздухе мрачной чернотой, развевались за спиной.

* * *

Добравшись до предпоследней палубы, альбинос ощутил легкое прикосновение к плечу. Он обернулся и с замиранием сердца увидел, что одно кроваво-красное щупальце Пуарая нашло его. Элрик отпрянул и закрылся щитом.

Кончик щупальца дотронулся до щита и резко отдернулся. Все щупальце съежилось. С верхней палубы, где находился сам повелитель Хаоса, донесся ужасающий рев:

— Что это? Что это? Что это?

Увидев, какое действие оказывает его щит, Элрик торжествующе, но опрометчиво закричал:

— Это я, Элрик из Мелнибонэ! Я пришел уничтожить тебя!

Еще одно щупальце метнулось к нему, пытаясь проникнуть за щит, чтобы схватить альбиноса. За ним последовали и другие. Элрик рубанул по щупальцу, отсекая чувствительный кончик, и увидел, как другое, наткнувшись на щит, отдернулось и съежилось. Отскочив от третьего щупальца, он помчался к лестнице, торопливо поднялся на верхнюю палубу, где столкнулся с Яагрином Лерном, который при виде альбиноса вытаращил глаза. Облаченный в свои обычные алые доспехи Теократ в левой руке сжимал боевой топор, на ней же висел небольшой щит. В правой руке он держал палаш. Теократ бросил быстрый взгляд на свое вооружение, прекрасно понимая, что оно мало чем поможет ему против оружия Элрика.

— С тобой, выскочка, я разберусь позже! — сурово сказал Элрик.

— Ты дурак, Элрик! Что бы ты теперь не предпринимал, ты обречен!

Возможно, так оно и было, но альбиноса это не волновало.

— Прочь с дороги, недоносок! — вскричал Элрик и, закрывшись щитом, осторожно направился к повелителю Хаоса, раскинувшему по палубе свои многочисленные щупальца.

Кроваво-красная тварь низко прогудела:

— Ты убил многих моих родичей и изгнал нескольких герцогов Ада в их исконные владения, так что теперь они не

могут достичь Земли. Ты должен заплатить за это. Но не надейся на победу, в отличие от своих родичей, я не стану тебя недооценивать.

Щупальце взвилось над Элриком и попыталось сверху проникнуть за щит, чтобы схватить альбиноса за горло. Элрик отступил на шаг и отбросил щупальце щитом.

А затем паутина щупалец обрушилась на альбиноса. Каждое пыталось пролезть за щит, однако остерегалось прикасаться к нему, ибо это сулило смерть. Элрик отскочил в сторону и, с трудом избегая тугих объятий щупалец, принялся отбиваться Буреносцем.

Сражаясь, он вспомнил, что говорил ему Страш: *«Жизненная сила повелителя Хаоса заключена в голубом кристалле на макушке Пуарая. Только разбив этот кристалл, ты сможешь убить Пуарая».*

* * *

Элрик устремился к основанию щупалец, рискнув оставить свою спину незащищенной. Когда он приблизился, разверзлась огромная пасть, и щупальца потянули к ней альбиноса. Элрик ткнул щитом в пасть и с удовлетворением заметил, как оттуда струей ударила желтая вязкая субстанция. Повелитель Хаоса завопил от боли.

Альбинос вскочил на обрубок одного из щупалец и торопливо принялся карабкаться вверх по скользкой шкуре. И всякий раз, когда щит Хаоса касался Пуарая, то ранил его, и бог начинал судорожно метаться. Наконец, взобравшись на голову монстра, Элрик остановился перед пылающим кристаллом с душой повелителя Хаоса, а затем, на мгновение помедлив, погрузил в него кончик Буреносца.

Альбинос ощутил могучие удары сердца мерзкой твари. Она ужасающе завопила, а вслед за ней взвыл и Элрик, когда Буреносец, взяв душу повелителя Ада, направил пульсирующую жизненную силу в своего хозяина. Похищенной энергии было слишком много, и Элрика отбросило назад.

Не удержавшись на скользкой шкуре, он скатился на настил, а затем, соскользнув и с него, с грохотом упал на палубу, расположенную почти в сотне футов ниже. Элрик рухнул на

нее с такой силой, что, не бурли в нем столь мощная энергия, он переломал бы себе все кости. Альбинос вскочил, горя желанием поскорее добраться до Яагрина Лерна.

Встревоженный Теократ во все глаза смотрел на Элрика с верхней палубы, а потом издевательски завопил:

— В той каюте тебя ждет маленький подарочек!

Разрываясь между желанием покончить с Теократом и осмотреть каюту, Элрик повернулся и открыл дверь. Изнутри донеслись горькие рыдания.

— Зайра! — вскричал Элрик и нырнул в темноту. И потом он увидел ее.

Восхитительное тело жены было чудовищным образом изменено, превратившись в тело белого червя. И только голова, самая прекрасная голова на свете, осталась прежней.

Потрясенный, Элрик едва не выронил щит.

— Яагрин Лерн сотворил это с тобой?

Она кивнула.

— Он и его союзник.

Элрик заставлял себя смотреть на жену, борясь с накатившей тошнотой.

— Еще один громадный счет должен быть оплачен,— пробормотал он.

А затем червь метнулся вперед и всем телом рухнул на Буреносец.

— Элрик! — взмолилась Зайра.— Забери в себя мою душу, ибо теперь я не нужна ни себе, ни тебе! Храни мою душу в своей, и мы навеки будем вместе!

Он попытался отдернуть алчущий меч и не смог. И тогда ощущение, непохожее на все остальные, которые он когда-либо испытывал, поглощая души,— нежное, теплое и приятное — посетило альбиноса. Душа его жены влилась в него, и он испил ее до дна.

— Зайра! — зарыдал Элрик.— О любовь моя!

* * *

Вот так она умерла, и душа ее слилась с его душой, как и много лет назад слилась с ним душа его первой возлюбленной — Циморил. Принц драконов не стал смотреть на жуткое

белое тело и даже краткого взгляда не бросил на прекрасное лицо, а медленно побрел из каюты, волоча по настилу свой меч.

Корабль Хаоса разрушался — палуба распадалась, тая в воздухе. Яагрин Лерн сбежал, и Элрик, переполненный горечью утраты, не испытывал сильного желания преследовать его. Меч и щит помогали альбиносу на обратном пути. Он спрыгнул с корабля на содрогающуюся почву и побежал к нихраинскому скакуну.

Оставив за спиной гибнущие корабли Ада, он поскакал прочь. Слезы заливали его белое лицо. Он исполнил свой долг — флот мертвых больше не угрожал миру, а Хаосу был нанесен мощный удар. Но еще оставались среди людей союзники Яагрина Лерна, и справиться с ними будет не так-то просто.

Элрик молча присоединился к друзьям и, не говоря ни слова, повел их по трясущейся земле к Мелнибонэ, острову своих предков, дабы заложить там бастион против Хаоса и достойно подготовиться к последней битве и завершению своей судьбы.

И пока альбинос, рыдая, скакал прочь от лагеря Хаоса, ему казалось, что слышит он ласковый голос Зайры, шепчущей слова утешения.

Часть 17
ИСХОД

Сознание *человека* единственно свободно для исследования величественной безбрежности космоса. Оно готово к выходу за пределы обыденного сознания, к скитаниям в тайных коридорах разума, где прошлое и будущее сплетаются воедино... И *вселенная*, и *человек* связаны нерасторжимо — каждое отражается в другом и каждое содержится в другом.

«Хроника черного меча»

Глава 1
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МЕЛНИБОНЭ

Грезящий город давно лишился своего великолепия. Разрушенные башни походили на обуглившиеся стручки, а обломки каменной кладки громоздились, угрюмые и черные, на фоне мрачного неба. Когда-то месть Элрика принесла огонь в город, а огонь породил руины.

Узкие ленты облаков, подобных закопченному дыму, шелестя, набегали на пульсирующее солнце, и тогда на шумные, испещренные красными отблесками воды вдали от Имррира падала тень, казалось, они успокаивались, словно черные рифы, стоявшие на пути зловещих бурных потоков, усмиряли их.

На обломках рухнувших стен замер человек. Он неотрывно смотрел на волны. Высокий, широкоплечий, с узкими бедрами, с бровями вразлет, с остроконечными ушами без мочек, с широкими скулами и красными угрюмыми глазами на смертельно-бледном аскетическом лице. Он был одет в черный стеганый камзол и тяжелый плащ с высокими воротниками, подчеркивающими бледность его кожи — кожи альбиноса. Ветер, непостоянный и теплый, забавлялся с плащом, заставляя его ласткться вокруг ног воина, а потом, устав от игр и заунывно воя, уносился в разрушенные башни.

Элрик слушал эти завывания, и память его наполнялась благозвучными, злобными и меланхоличными мелодиями древнего Мелнибонэ. Ему вспомнилась и другая музыка, которую создавали его предки, подвергая утонченным пыткам рабов. Их подбирали по тону и высоте крика, дабы составить оркестры для исполнения зловещих симфоний. Затерявшись на мгновение в ностальгии, альбинос обрел нечто похожее на забвение, и ему страстно захотелось, чтобы он никогда не подвергал сомнениям обычаи Мелнибонэ, чтобы уверовал в них безо всяких вопросов и раздумий, избавив тем самым себя от раздвоения сознания. Он горько улыбнулся.

У груды обломков появился человек. Он вскарабкался вверх и остановился рядом с Элриком. Это был невысокий рыжеволосый человек с широким ртом и глазами, которые некогда сияли и искрились весельем.

— А ты все смотришь на восток, Элрик,— негромко заговорил Мунглум.— Ты постоянно оглядываешься на то, что изменить уже нельзя.

Элрик положил руку с тонкими пальцами на плечо друга.

— А куда мне еще смотреть, Мунглум, если весь мир попран Хаосом? Что иное ты можешь предложить мне? С надеждой взирать на будущее, словно старый мир цел и дети резвятся у моих ног? — Он тихо засмеялся. Но это был не тот смех, который Мунглуму хотелось бы услышать.

— Сепириз обещал нам помощь Белых повелителей. Они вскоре должны прийти. Мы будем терпеливо ждать их,— Мунглум повернулся и, прищурившись, посмотрел на пылающее неподвижное солнце, а затем, погрузившись в размышления, уставился на камни, на которых стоял.

Элрик недолго молчал, наблюдая за волнами, потом пожал плечами.

— К чему все эти жалобы и стенания? От них мне лучше не становится. Я не могу действовать по собственной воле. Какая б судьба у меня ни была, я не могу ее изменить. Я молюсь, чтобы люди, которые придут после нас, имели власть над своей судьбой. У меня же такой власти нет,— тут он коснулся пальцами подбородка, а затем посмотрел на руку, разглядывая ногти, суставы и вены, просвечивающиеся сквозь бледную кожу, провел рукой по шелковистым прядям белых волос

и глубоко вздохнул.— Логика! Мир жаждет логики. А у меня ее нет, и, тем не менее, я существую, я здесь, созданный как человек — с разумом, сердцем, жизненной силой, но созданный случайным набором определенных элементов. Мир нуждается в логике. И все же вся логика мира не стоит одной счастливой догадки. Некоторые люди долго и мучительно ткут паутину логически связанных мыслей, а другие, не раздумывая, сплетают случайный узор и добиваются тех же самых результатов, что и первые. Ну ладно, довольно умничать.

— Ах,— Мунглум подмигнул альбиносу, пытаясь выглядеть легкомысленным.— Так рассуждают сумасбродные искатели приключений и циники. Но мы не настолько сумасбродны и не настолько циничны, Элрик. Просто другие люди идут своими путями и делают иные выводы, нежели ты.

— Я иду тем путем, который мне предопределила судьба. Но довольно об этом, отправимся-ка лучше в пещеры драконов и посмотрим, что предпринял Дувим Слорм, чтобы разбудить наших друзей-рептилий.

Они, спотыкаясь, спустились вниз и, пройдя по заваленным обломками ущельям, которые некогда были прекраснейшими улицами Имррира, выбрались к окраинам города и пошли по заросшей травой тропе, вившейся меж кустов можжевельника, спугнув по дороге стаю больших жирных воронов. Те с карканьем взмыли в небо, и лишь вожак стаи перепрыгнул на куст и с достоинством взъерошил перья на голове, а его черные глаза уставились на людей с подозрительным презрением.

Вниз и вниз, мимо острых скал, к зияющему отверстию пещеры, а потом еще ниже, по лестнице, в потревоженную факелами тьму, наполненную теплой сыростью и запахом чешуйчатых тел рептилий. Уже в первой пещере на полу, подобрав когтистые лапы, лежали огромные спящие драконы. Их сложенные крылья терялись в тени, зеленые и черные чешуйки слегка поблескивали, и даже во сне они скалили длинные, цвета слоновой кости клыки, похожие на множество белых сталактитов. Из расширенных красных ноздрей вырывался храп, более похожий на рев. Запах их кожи и дыхания невозможно было ни с чем спутать. Этот запах пробудил у Мунглума некоторые воспоминания, унаследованные от пред-

ков, некое смутное ощущение тех времен, когда эти драконы и их повелители мчались по миру, которым правили, и огнетворный яд капал с клыков, поджигая села и поля. Элрик же, привыкший к этому запаху, почти не замечал его. Он долго бродил по пещерам, пока не наткнулся на Дувима Слорма. Родич альбиноса, держа в одной руке факел, а в другой — свиток, тихо ругался сквозь зубы.

Он оторвал взгляд от свитка, когда услышал шаги друзей, и крикнул, и голос его эхом разнесся по всем пещерам:

— Ничего! Не шевелятся и даже глазом не моргнут! Способа разбудить их нет. Они не проснутся, пока не проспят необходимое им количество лет. Ох, и зачем мы использовали их в последний раз! Ведь они так нужны нам сегодня!

— Ни ты, ни я не знали, что они могут понадобиться. А теперь сожалеть бесполезно, поскольку мы ничего не добьемся этим,— Элрик осмотрел огромные, скрытые в тени тела. В пещере, чуть поодаль от остальных, лежал вожак драконов, которого альбинос всегда узнавал и к которому испытывал привязанность — Огненный Клык. Это был самый старый из всех драконов. Ему уже исполнилось пять тысяч лет, а для драконов это почтенный возраст.

Огненный Клык, подобно другим своим собратьям, спал глубоким сном.

Элрик подошел к вожаку и похлопал его по шее, покрытой чешуей, словно сделанной из металла, затем провел рукой по гладким передним клыкам цвета слоновой кости, ощутил тепло дыхания и улыбнулся. Буреносец, висевший на боку, тихо забормотал, и Элрик шлепнул меч по эфесу.

— Здесь нет души, которую ты мог бы похитить. Драконы неуничтожимы. Они выживут, даже если весь мир обратится в ничто.

— Я уже устал ломать голову над тем, что бы еще предпринять,— обратился к Элрику из другого конца пещеры Дувим Слорм.— Давай вернемся в Башню Дарпутна и отдохнем.

Элрик кивнул, соглашаясь, и они втроем прошли через пещеры и поднялись по ступеням к солнечному свету.

— Итак,— заметил Дувим Слорм.— Сумерки так и не наступили. Солнце остается в этом положении уже тринадцать дней, с тех пор как мы покинули лагерь Хаоса и совершили

опасный переход к Мелнибонэ. Какой же мощью должен обладать Хаос, чтобы остановить солнце?

— Быть может, Хаос не имеет к этому никакого отношения,— заметил Мунглум.— Хотя, вероятно, это все же его работа. Время остановилось. Врéмя ждет. Но чего ждет? Еще больших беспорядков и дальнейших разрушений? Или это влияние космического равновесия, которое решило восстановить статус-кво и отомстить тем силам, которые действовали против его воли? А может, мир ждет нас — троих смертных, которые плывут по течению, избежав того, что случилось с другими людьми, и ждут время точно так же, как оно ждет нас?

— Да, возможно, солнце ждет именно нас,— согласился Элрик.— Разве не в этом наша судьба — подготовить мир к новому веку? И если дела обстоят именно так, то это заставляет меня чувствовать себя не просто пешкой в чужой игре. Но что будет, если мы ничего не добьемся? Останется ли солнце навеки висеть там, где висит сейчас?

Они ненадолго остановились и уставились на красный пульсирующий диск, заливающий алым светом улицы разрушенного города, и на черные облака, то и дело закрывающие солнце. Куда плывут эти облака? И откуда? Казалось, их выпустили на небо с какой-то целью. А быть может, это были вовсе не облака, а духи Хаоса, посланные с каким-то черным поручением...

Элрик тихо фыркнул, понимая бессмысленность подобных размышлений, и вместе с друзьями продолжил путь к Башне Дарпутна, где много лет назад искал свою возлюбленную — двоюродную сестру Циморил.

Башня уцелела при пожаре, но краски, которыми была расписана, потускнели от огня. Альбинос покинул друзей и ушел в свою комнату, где, не раздеваясь, рухнул на мягкую кровать и сразу погрузился в глубокий сон.

Глава 2
ВСТРЕЧА С БЕЛЫМИ ПОВЕЛИТЕЛЯМИ

Элрик спал, и ему снились сны. Сознавая нереальность того, что видит, принц драконов пытался проснуться, но у

него ничего не получалось. Вскоре он оставил свои попытки и позволил сну идти своим чередом, увлекая его в удивительно прекрасные дали...

Элрик увидел Имррир, каким тот был много веков назад. Почти таким же, как во времена правления Элрика, пока альбинос не возглавил поход против Грезящего города. И все же древний Имррир казался более сияющим, словно только-только построенный. Да и зелень холмов и лесов, окружавших город, казалась более сочной. Солнце светило ярче, озаряя темно-оранжевым светом остров драконов. Небо было и знойным. И тогда Элрик понял, что с возрастом планеты поблекли и ее краски.

Сияющие улицы заполняли люди и животные. Высокие, резко отличающиеся от других людей мелнибонийцы, мужчины и женщины, шли с грацией гордых тигров. Рабы с грубыми лицами и с обреченностью во взоре следовали за своими господами. Длинноногие лошади и теперь уже вымершие небольшие мастодонты тащили витиевато украшенные экипажи. Свежий ветерок разносил загадочные ароматы города и приглушенные звуки — все очень тихие, ибо мелнибонийцы настолько же ненавидели шум, насколько любили гармонию. Тяжелые шелковые знамена развевались над искрящимися башнями из голубого песчаника, нефрита, слоновой кости, хрусталя и полированного красного гранита. И Элрик в своем сне шел рядом с гордыми людьми, всей душой желая быть там, среди своих предков — счастливого народа, который правил старым миром.

По лабиринту, ведущему в гавань Имррира, плыли огромные галеры, неся на бортах лучшие трофеи и дань, собранную во всех концах империи. В лазурном небе ленивые драконы держали путь к пещерам, где обитали многие тысячи этих животных — в отличие от нынешних времен, когда драконов осталось лишь жалкая сотня. В самой высокой башне города, Башне Балнесбета — башне королей, предки альбиноса изучали колдовство, проводили жестокие опыты, потворствуя своей чувственной страсти, но не от испорченности, как поступали бы в Молодых королевствах, а следуя природным инстинктам.

Элрик понимал, что видит лишь призрак теперь уже мертвого города. Затем ему показалось, что он прошел сквозь

сияющие стены Башни Балнесбета и увидел предков-императоров, доставляющих себе удовольствие в обостренных зельями половых актах, с томительным садизмом резвясь с женщинами-демонами, терзая их, изучая странный метаболизм и психологию порабощенных рас, погружаясь в мистицизм и вбирая в себя то знание, которым в будущем, не сойдя с ума, смогут овладеть лишь некоторые люди.

И Элрик понял, что во сне ему привиделась преисподняя, населенная мертвыми всех веков, поскольку здесь были императоры самых разных поколений.

В этом таинственном месте Элрик, часто видевший портреты императоров, узнавал своих предков: вон чернокудрый Рондар IV, двенадцатый император Мелнибонэ; а вот надменный, с острым взглядом Элрик I, восьмидесятый император; отягощенный ужасом Кахан VII, триста двадцать девятый император.

Вот собралась в углу дюжина или даже более самых могущественных и самых мудрых из четырехсот двадцати семи предков альбиноса, и среди них Терали, которая правила империей с года 8406 от основания империи до года 9011. Поразительное долголетие и зеленоватый оттенок кожи и волос отличали Терали от остальных императоров. Она была выдающейся волшебницей даже по меркам Мелнибонэ. Кроме того, считалось, что она явилась плодом союза между императором Юнтриком и женщиной-демоном.

Элрик наблюдал за всем этим словно из темного угла огромного главного зала. Он не видел, как мерцающая дверь из черного кристалла отворилась и вошел еще один человек. Элрик всмотрелся в него и опять безуспешно попытался проснуться. Этот человек был его отцом — Садриком LXXXIV, высоким мужчиной с тяжелыми веками и печалью во взоре. Садрик прошел сквозь толпу, словно ее вовсе и не существовало, и направился прямо к Элрику.

Он остановился в двух шагах от альбиноса и уставился на сына, рождением которого был когда-то разочарован. Садрик слегка сутулился из-за необычайно высокого роста и непрестанно теребил тонкими пальцами, унизанными перстнями, мантию красного бархата. Лицо его казалось худым, с широкими скулами и длинным острым носом. Затем четким ше-

потом, каким, как помнил Элрик, разговаривал всегда, Садрик обратился к альбиносу:

— Сын мой, ты тоже мертв? А мне казалось, что я пребываю здесь лишь краткий миг. Но вижу — годы изменили тебя. Вижу и то бремя, что возложили на тебя время и судьба. Как довелось тебе умереть? В какой-нибудь безрассудной схватке от клинка выскочки-чужеземца? Или в этой огромной башне, в своей постели слоновой кости? И что ныне сталось с Имрриром? Хороши его дела или нет? Продолжает ли он грезить на закате своего былого великолепия? Продолжен ли наш род, как это и должно быть, я даже не стану спрашивать, надеюсь, ты исполнил эту часть своего долга. Сын, конечно же, родился от Циморил, которую ты любил, за что твой двоюродный брат Юркун тебя всегда ненавидел...

— Отец...

Старик поднял руку, ставшую с возрастом почти прозрачной.

— Есть еще один вопрос, который я должен задать тебе. Он волнует всех нас, тех, кто проводит свое бессмертие в тени этого блистательного города. Некоторые из нас заметили, что город со временем как бы выцветает. Краски его начинают тускнеть, дрожать, словно собираются исчезнуть. Некоторые императоры уже ушли даже за пределы смерти, и мне страшно подумать об этом. Даже здесь, в безвременном уголке смерти, стали проявляться странные изменения, и те из нас, кто осмелился задуматься над этим вопросом и дать себе ответ, волнуются, что какие-то беспокойные события происходят в мире живых. Некоторые настолько велики, что воздействуют на нас даже здесь и угрожают исчезновением наших душ. Существует легенда, что до тех пор, пока Грезящий город не погиб, мы — призраки — можем населять его древний рай. Ты пришел рассказать о том, что происходит на Земле? В этом заключается поручение, данное тебе? Ибо теперь я разглядел, что ты еще жив, а передо мной лишь твое астральное тело, ненадолго освобожденное для путешествия в мир мертвых.

— Отец...

Но видение неожиданно поблекло, а затем исчезло. Элрик был ввергнут в ревущие коридоры космоса и помчался сквозь

измерения, о существовании которых живым не известно, прочь, прочь, прочь...

— Отец! — позвал он, и эхо подхватило его голос, но здесь уже не было никого, кто бы мог откликнуться на его зов. Впрочем, Элрик был даже рад этому, ибо что он мог сказать бедному духу — лишь подтвердить его догадки, сознаться в преступлениях, совершенных против города своих предков, против крови своих прародителей? Элрика окружали только туман и стонущая печаль, когда собственный крик эхом пронесся в ушах, исказив зов в набор звуков:

— О-о-о-те-е-е-ец-ц... О-о-о-о-о-о... Т-е-е-е-е-е-е... Ц-ц-ц-ц-ц-ц...

И опять, хотя Элрик боролся всем существом, не смог очнуться от этого забытья и почувствовал, как его дух влекут сквозь другие сферы дымной неопределенности, сквозь радугу, расцвеченную неземными красками, лежащую за пределами его воображения.

Из тумана начало формироваться громадное лицо.

— Сепириз! — Элрик узнал своего учителя, но черный пророк, освобожденный от телесной оболочки, казалось, не слышал альбиноса.— Сепириз, ты мертв?

Лицо померкло, но затем сразу появилось вместе с телом.

— Элрик, наконец-то я нашел тебя. И, как вижу, ты в астральном теле. Хвала судьбе! Я уже не надеялся, что удастся вызвать тебя. Мы должны торопиться. В защите Хаоса пробита брешь, и мы отправляемся на встречу с повелителями Порядка!

— Где мы?

— Нигде. Мы путешествуем по высшим мирам. Поспешим. Я стану твоим проводником.

Вниз и опять вниз, по туннелям мягчайшей шерсти, засасывающей и отрешающей, сквозь ущелья, пробитые в слепящих горах света, рядом с которыми они казались себе карликами, сквозь пещеры вечного мрака, где их тела сияли, и Элрик знал, что это темное ничто уходит навеки во всех направлениях.

А потом они оказались на необозримой, идеально ровной равнине, где в случайном порядке возвышались зеленые и голубые геометрически правильные конструкции, радужный

воздух изобиловал мерцающими сетями энергии, ткущими замысловатые узоры, которые казались совершенно симметричными. А еще там были создания в человеческом обличии — создания, которые приняли такую форму ради людей, с которыми они сейчас встретились.

Белые повелители, враги Хаоса, со сказочно прекрасными ликами и совершенными телами блистали неземной красотой. Только Порядок мог породить такое совершенство, и Элрик подумал, что оно способно помешать прогрессу. Лишь сейчас альбинос осознал, что обе эти силы — Порядок и Хаос — дополняют друг друга, и, если какая-нибудь из этих сил возьмет верх над второй, застой для всей вселенной неизбежен. Даже если Порядок станет властвовать над Землей, Хаос тоже должен на ней присутствовать. И наоборот.

Повелители Порядка были готовы к войне. Именно выбор земных одежд делал это очевидным. Прекрасные металлы и шелка сверкали на совершенных телах Белых повелителей. Они сжимали в руках изящное оружие, а на неодолимо прекрасных лицах сияла решительность. Самый высокий из повелителей Порядка выступил вперед.

— Итак, Сепириз, ты привел того, чья судьба — помогать нам. Приветствую тебя, Элрик из Мелнибонэ. Хотя ты — отродье Хаоса, мы рады твоему приходу. Ты узнал меня? Я тот, кого в ваших земных легендах называют Судьей Донбласом.

Не двигаясь, Элрик ответил:

— Я помню тебя, повелитель Донблас. Боюсь только, тебе неудачно выбрали имя, ибо справедливости в мире нет нигде.

— Ты говоришь о своем измерении, словно им исчерпывается весь космос,— беззлобно улыбнулся Донблас, хотя было видно, что он не привык к подобной дерзости со стороны смертных.

Но Элрику это было безразлично. Его предки всегда выступали против Донбласа и всех его собратьев, и альбинос с трудом воспринимал Белых повелителей как союзников.

— Теперь я понимаю, как ты ухитрился бросить вызов нашим противникам,— продолжал повелитель Донблас с одобрением в голосе.— И признаю, что сейчас на Земле нельзя найти справедливости. Но я был наречен судьей, и по-прежне-

му желаю установить на Земле справедливость, когда в твоем измерении будут созданы соответствующие условия.

Элрик не смотрел прямо на Донбласа, ибо на такую совершенную красоту смотреть было просто невыносимо.

— Ну, тогда давай примемся за работу, повелитель Донблас, и поскорее изменим мой мир. Давай принесем новизну справедливости в наше скорбное измерение.

— Спешка, смертный, здесь невозможна! — заговорил другой Белый повелитель. Бледно-желтый плащ его с изображением стрелы Порядка заструился поверх стального нагрудника и наголенников.

— Но мне казалось, что путь на Землю проложен,— нахмурился Элрик.— Увидев вас сейчас, я решил, что вы готовы к войне против Хаоса!

— Мы к войне готовы, но выступить не можем, пока не придет вызов из вашего измерения.

— Но разве Земля не вопиет, взывая о помощи?! Разве мы не колдуем и не произносим заклинаний, чтобы облегчить вам доступ в наше измерение?! Какой же зов вам еще нужен?!

— Определенный,— решительно объявил повелитель Донблас.

— Определенный? Боги милосердные! Извините меня... Значит, меня ждет еще одно дело?

— Это станет твоей последней, но очень важной задачей, Элрик,— мягко сказал Сепириз.— Как я уже говорил тебе, Хаос пресекает все попытки Белых повелителей получить доступ в наше измерение. Нужно трижды протрубить в рог судьбы, прежде чем откроются ворота между мирами. Когда протрубишь в первый раз — проснутся драконы Мелнибонэ. Когда протрубишь во второй раз — откроешь путь Белым повелителям в измерение Земли. А в третий раз протрубишь...— он сделал паузу.

— Ну что там с третьим разом? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Третий раз возвестит о конце нашего мира!

— И где же находится этот могучий рог?

— В одном из особых измерений,— сказал Сепириз.— Подобная вещь не могла быть создана в нашем измерении,

она появилась в мире, где правит логика, а не магия. Ты должен отправиться туда, чтобы найти рог судьбы.

— И как я смогу попасть в тот мир?

И опять успокаивающе заговорил повелитель Донблас:

— Мы поможем тебе. А ты захвати с собой щит и меч, ибо они могут оказаться полезными, хотя и не будут столь же могущественны, как в твоем мире. Ты должен будешь подняться на высшую точку разрушенной Башни Балнесбета, что в Имррире, и просто шагнуть вперед, в пустоту. Ты не упадешь — разве что та наша малая сила, которая осталась на Земле, покинет нас.

— Ободряющие слова, повелитель Донблас, ничего не скажешь. Ладно, я поступлю так, как ты приказываешь, хотя бы ради любопытства.

Донблас пожал плечами.

— Ты попадешь в один из множества миров, почти такую же тень, как и твой собственный. Но тебе там может не понравиться. Ты заметишь, что очертания предметов в том измерении резкие и четкие — это все из-за того, что время не оказывает на тот мир подлинного влияния. Как бы там ни было, позволь пожелать тебе благополучного путешествия, смертный, ибо ты нравишься мне, и, кроме того, у меня есть причины быть тебе благодарным. Хотя ты — порождение Хаоса, некоторые твои качества восхищают нас, повелителей Порядка. А теперь иди, возвращайся в свое смертное тело и готовься к опасному делу, которое ждет тебя впереди.

Элрик опять поклонился и взглянул на Сепириза. Черный нихраинянин сделал три шага назад и исчез в сверкающем воздухе. Элрик последовал за своим учителем.

И вновь астральное тело альбиноса пронизало мириады измерений мультивселенной, испытывая ощущения, доселе не знакомые разуму, заключенному в смертное тело. Потом Элрик внезапно почувствовал тяжесть и, открыв глаза, понял, что лежит в собственной постели в Башне Дарпутна. Благодаря слабому свету, просачивающемуся сквозь шторы узкого окна, он увидел круглый щит Хаоса, на котором медленно пульсировали восемь стрел, словно были в сговоре с пульсирующим солнцем, а рядом со щитом лежал порочный рунный

меч, всегда готовый к путешествию в один из вероятностных миров возможного будущего.

Элрик опять забылся сном, на этот раз обычным, и опять ему привиделись кошмары, но кошмары уже обычные. Наконец он закричал, разбудив тем самым себя, и открыл глаза. Возле постели стоял Мунглум, и печальное беспокойство было на его лице.

— Что с тобой, Элрик? Что терзало тебя во сне?

Альбинос пожал плечами.

— Ничего. Оставь меня, Мунглум. Чуть позже я найду тебя.

Но Мунглум не слушал Элрика.

— Просто так во сне не кричат. Наверное, ты видел вещий сон?

— Да, возможно. Мне кажется, я видел, как мою жалкую плоть разбивает рука — моя рука! В чем смысл этого сна, в чем его суть? Ответь мне, друг мой. А если не знаешь ответа, то уйди, оставь меня в моей отвратительной постели, пока печальные думы не покинут меня.

— Поднимайся, Элрик, и очнись. Найди забвение в действии. Свеча четырнадцатого дня догорает, и Дувим Слорм ждет от тебя совета.

Альбинос свесил с кровати дрожащие ноги. Он чувствовал себя слабым, полностью лишенным сил. Мунглум помог ему встать.

— Отбрось в сторону свои тревоги и помоги разобраться с нашими проблемами,— продолжал Мунглум с наигранным легкомыслием, которое делало его страхи более заметными.

— Хорошо,— Элрик с трудом выпрямился.— Дай мне меч, я нуждаюсь в его энергии.

Мунглум без особой охоты подошел к прислоненному к стене дьявольскому мечу, взял его и с трудом поднял. Меч показался ему невероятно тяжелым. Мунглум вздрогнул, когда меч тихо захихикал. Торопливо протянул он Буреносец эфесом вперед своему другу. Элрик с благодарностью принял клинок и начал было вытаскивать клинок из ножен, но остановился.

— Лучше уйди из комнаты, пока я не успел обнажить его.

Мунглум понял Элрика и вышел, не горя желанием доверить свою жизнь капризу дьявольского меча... или своего друга.

За Мунглумом закрылась дверь, Элрик достал из ножен меч и сразу же почувствовал легкое покалывание, когда сверхъестественная жизненная сила устремилась в его жилы. Но энергии было мало, и альбинос понял, что если меч вскоре не похитит чью-нибудь душу, то начнет подбираться к душам двух оставшихся друзей Элрика. Он вернул Буреносец в ножны, пристегнул их к поясу и вышел в коридор, где его ждал Мунглум. Они молча спустились по спиральной мраморной лестнице в большой зал. Там сидел Дувим Слорм. На столе перед ним стояла бутылка старого мелнибонийского вина, а в руках он держал серебряный кубок. Меч Дувима Слорма, Горюн, покоился на столе рядом с бутылкой. В тайных погребах дворца друзья нашли запасы вина, незамеченные морскими грабителями, которых Элрик привел из Имррир в те времена, когда он и его родич Дувим Слорм воевали по разные стороны. Кубок Дувима Слорма был наполнен смесью настоя трав и меда на перебродившем ячмене, которой мелнибонийцы при необходимости подкрепляли силы. Дувим Слорм посмотрел на друзей, когда те сели за стол.

— Боюсь, Элрик, я сделал все возможное, чтобы пробудить наших спящих приятелей, но они продолжают пребывать во сне.

Элрик вспомнил свое видение и, немного опасаясь, что оно было лишь игрой его воображения, фантазией, питающей надежду там, где на самом деле надежды не было, сказал:

— Давай на время забудем о драконах. Мне кажется, ночью я покинул свое смертное тело, отправившись в места, лежащие за пределами Земли, и достиг владений Белых повелителей, которые объяснили мне, что я смогу разбудить драконов, протрубив в рог. Теперь я собираюсь последовать указаниям повелителей Порядка и отправиться на поиски этого рога.

Дувим Слорм поставил кубок на стол.

— Мы, конечно, должны отправиться вместе с тобой...

— Ни к чему. Да, в общем-то, это и невозможно... Я отправлюсь один. Ждите меня, пока не вернусь, но, если не

вернусь... Что ж, тогда вам самим придется решать, что делать дальше — доживать свои годы добровольными узниками на этом острове или отправиться на битву с Хаосом.

— Сдается мне, время действительно прекратило свой бег, и останься мы здесь, то жить будем вечно, и нашей неразлучной подругой станет скука,— обронил Мунглум.— Нет, Элрик, если ты не вернешься, то я отправлюсь в покоренные земли, чтобы хоть нескольких наших врагов захватить с собою в *лимб*.

— Это уже твое дело,— сказал Элрик.— И все же ждите меня, пока хватит терпения, ибо я не знаю, сколько времени мне потребуется.

Он встал, и Мунглум с Дувимом Слормом с тревогой уставились на него, словно только сейчас поняли важность его слов.

— Ну тогда — удачи, друг мой,— сказал Мунглум.

— Буду ли я удачлив, зависит от того, с чем мне придется столкнуться,— улыбнулся Элрик.— Но все равно — спасибо, Мунглум. Счастливо тебе, мой добрый родич, не тревожься понапрасну. Возможно, нам еще удастся разбудить драконов!

— Да! — согласился Дувим Слорм, неожиданно воодушевляясь.— Мы разбудим их, разбудим. И огненосный яд драконов зальет ту мерзость, что принес Хаос, и выжжет ее дочиста! Этот день должен прийти, или я вообще не пророк!

Захваченный приливом энтузиазма, Элрик почувствовал возросшую уверенность. Он улыбнулся и вышел из зала. Поднявшись к себе в комнату, он взял щит Хаоса, а также рунный меч и покинул башню. По разрушенным улицам направился он к расколотым магией руинам Башни Балнесбета, ставшей некогда свидетелем его ужасной мести и невольного убийства.

Глава 3
НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД

Теперь, когда Элрик стоял перед разрушенным входом в башню, разум внезапно наполнили мелькавшие в бешеном

водовороте думы, пытавшиеся испытать его решимость, дабы поколебать надежду альбиноса и заставить вернуться к товарищам. Но Элрик боролся с осаждавшими его мыслями и, наконец, одержав над ними верх, заставил себя забыть о них, подбадривая свою смятенную душу словами и заверениями Белых повелителей. Он вошел в темную скорлупу башни, все еще хранящую запах сожженного дерева и тканей.

Эта башня, ставшая погребальным костром для мертвых тел первой возлюбленной Элрика и его извращенного родственника, брата Юркуна, была полностью разрушена. Осталась только каменная лестница, и альбинос, вглядевшись во мрак, заметил, что ступени обрываются, не доходя до крыши.

Не раздумывая, ибо мысли могли лишить его способности действовать, он поставил ногу на первую ступень, и сразу же тихий звук коснулся ушей. А может, звук родился внутри его разума. Но как бы то ни было, этот звук достиг сознания Элрика и зазвучал — словно неведомый оркестр настраивал инструменты. Когда альбинос поднялся выше, звук, ритмический, но неблагозвучный, тоже стал выше, а к тому времени, когда принц драконов добрался до последней неповрежденной ступени, звук уже громом отдавался в голове, прогоняя сквозь тело тупое ощущение боли.

Альбинос, скованный страхом, остановился и посмотрел на пол, видневшийся далеко внизу. Он судорожно пытался понять, о какой самой высшей точке Башни Балнесбета говорил повелитель Донблас — о той ли, где сейчас стоял, достигнув ее достаточно легко, или об истинно высшей точке на крыше башни, до которой осталось еще футов двадцать. Поразмыслив хорошенько, альбинос решил забраться на крышу и, закинув огромный щит Хаоса за спину, уцепился пальцами за трещину в той стене, что немного склонялась внутрь. Элрик подтянулся, и ноги закачались в воздухе в поисках опоры.

Он всегда не любил высоты. У него закружилась голова от одного-единственного взгляда на заваленный обломками пол в восьмидесяти футах внизу. Но все равно Элрик упорно продолжал карабкаться вверх. Чем выше поднимался, тем легче ему становилось — в стенах появлялось все больше и больше

новых трещин. И хотя Элрик боялся, что в любую секунду может сорваться вниз, он добрался до хрупкого свода и, протиснувшись сквозь дыру, вылез на скользкую крышу, по которой медленно, очень медленно пополз к высшей точке башни. Там он встал и, все еще терзаемый сомнениями, занес ногу над разрушенными улицами Имррира, а затем быстро шагнул вперед.

Неблагозвучная музыка оборвалась. Вместо нее зазвучала одна ревущая нота. Красно-черный водоворот налетел и закружил альбиноса, и Элрик, прорвавшись через волны, обнаружил, что стоит на плотном дерне. В небе горело маленькое бледное солнце. Запах травы щекотал ноздри. Принц драконов заметил, что даже по сравнению с его собственным миром, не говоря уже о призрачном измерении его снов, этот мир казался очень блеклым, хотя предметы имели более четкие и ясные очертания. И ветерок, ласкавший лицо, казался холоднее. Элрик направился к редкому лесу с низкими кряжистыми лиственными деревьями. Подойдя к опушке, пошел вдоль нее, пока не наткнулся на ручеек, который тек откуда-то из глубин чащобы.

С удивлением Элрик заметил, что чистая родниковая вода кажется застывшей. Она казалась замороженой — и явно не зимними стужами, которые бы Элрик тут же распознал. Нет, ручеек выглядел летним, сладкожурчащим, но почему-то не тек. Чувствуя, что это странно противоречит остальному окружению, Элрик, повесив круглый щит Хаоса на руку и обнажив пульсирующий меч, направился вдоль замерзшей серебристой ленточки.

На смену траве пришли кусты можжевельника и большие валуны. Изредка попадались островки кланяющегося под ветром папоротника, неизвестного альбиносу. Где-то впереди, казалось, журчала вода, но здесь ручей все еще был неподвижен. Когда Элрик проходил мимо огромного валуна, сверху донесся голосок:

— Элрик!

Он поднял голову.

Там, сжимая в руке дротик, стоял молодой гном с каштановой бородой ниже пояса. Он был одет в красновато-коричневые домотканые штаны и короткую куртку, а на голову

натянул кокетливый зеленый колпачок. Коротенькие толстые ножки были босыми. Глаза походили на кварц, и в них одновременно светились твердость, суровость и веселье.

— Верно, меня так зовут,— насмешливо отозвался Элрик.— Но ты-то откуда знаешь мое имя?

— А я не из этого измерения — по крайней мере, не совсем из этого. Я не существую во времени, как ты, а перемещаюсь туда-сюда в тени миров, сотворенных богами. Такова уж моя природа. И в обмен на дозволение существовать, где мне хочется, боги иногда используют меня как посланца. Меня зовут Джермус Горбун, и я такой же недоделанный, как и все эти миры.— Гном слез с валуна и посмотрел снизу вверх на Элрика.

— А зачем ты здесь? — спросил альбинос.

— Ты, кажется, ищешь рог судьбы?

— Верно. Тебе известно, где он?

— Ага,— язвительно улыбнулся молодой гном.— Рог похоронен со все еще живым трупом одного из героев этого мира — воином, которого кличут Роландом. Возможно, Роланд — еще одна инкарнация вечного героя.

— Чудное имя.

— Не более чудное, чем твое, если не считать того, что жизнь его не была столь отягощена роком. Он твой двойник в этом мире. Он встретил смерть в долине неподалеку отсюда — его завлекли в ловушку из-за предательства изменника Ганелона. Рог тогда был с ним, и Роланд, прежде чем погибнуть, лишь раз успел протрубить в него. Говорят, эхо до сих пор бродит по долине и будет бродить вечно, хотя Роланд погиб уже много лет назад. Но истинное предназначение рога неизвестно здесь никому — даже Роланду. Рог зовется Олифан и вместе с волшебным мечом Роланда Дюрандалем покоится в огромном могильном кургане — вон там...

Гном ткнул в пространство рукой, и Элрик увидел, что Джермус указывает на то, что сам Элрик принял просто за большой холм.

— И что я должен сделать, чтобы заполучить этот рог?

Гном ухмыльнулся, и в голосе его звучала злоба:

— Тебе придется скрестить вертел, висящий у тебя на боку, с Дюрандалем Роланда. Его меч освящен силами света,

а твой выкован силами тьмы. За этой схваткой было бы очень забавно понаблюдать.

— Но ты же говорил, что Роланд мертв, как же он может сражаться со мной?

— Рог висит у Роланда на шее. Если ты попытаешься снять его, Роланд пробудится от вековечного сна — похоже, такова участь большинства героев этого мира.

Элрик усмехнулся.

— Сдается мне, в этом измерении туговато с героями, если их приходится сохранять таким образом.

— Возможно,— беспечно ответил гном.— В этом мире есть дюжина или чуть больше героев, которые лежат, погруженные в сон. Люди всякое болтают: мол, герои пробудятся в час смертельной опасности, хотя я заметил, много чего плохого здесь происходило, а герои по-прежнему спят, быть может ожидая, что этот мир надоест богам и они попытаются его уничтожить. А вот тогда... Тогда герои оживут и восстанут против богов. Эту теорию придумал я сам, высосав ее из пальца, так что она недорого стоит. Ведь может статься и такое, что все эти легенды — лишь отголоски смутных знаний о судьбе вечного героя.

Гном склонился в насмешливом поклоне, потом поднял дротик и отсалютовал Элрику.

— Прощай, Элрик из Мелнибонэ. Когда пожелаешь вернуться назад, я буду здесь, чтобы проводить тебя. Живым или мертвым ты должен покинуть это измерение. Ты же понимаешь, что твое присутствие здесь противоестественно. И только одна вещь, которая есть у тебя, приемлема в этом мире.

— И какая же?

— Твой меч...

— Мой меч?! Я думал, он сгодится этому миру в последнюю очередь,— альбинос выбросил из головы зародившееся там подозрение. Времени на размышления сейчас не было.— Мне здесь не очень-то нравится,— заметил он, когда гном полез обратно на валун. Потом посмотрел на огромный могильный холм и направился к нему. Вскоре альбинос заметил, что вода в ручье уже течет, и ему показалось, что, хотя Порядок и управляет этим миром, здесь все же ощущается дезорганизующее влияние Хаоса.

Могильный холм окружали грубо обтесанные каменные глыбы. За оградой росли оливковые деревья, и с ветвей свисали тусклые драгоценные камни. В просветах меж листьев Элрик разглядел высокий арочный вход в усыпальницу, закрытый вратами из меди, украшенными барельефами из золота.

— Несмотря на твою мощь, Буреносец, хотел бы я знать, достанет ли у тебя силы сражаться в этом мире, а вдобавок давать мне жизненную энергию,— пробормотал он.— Ну что, проверим.

Элрик приблизился к вратам и, хорошенько размахнувшись, ударил по ним мечом. Металл лязгнул, и на вратах появилась вмятина. И опять он нанес мощный удар, держа меч обеими руками, а потом справа от него кто-то закричал:

— Что за демон нарушает покой мертвого Роланда?

— Кто тут говорит на языке Мелнибонэ? — спросил Элрик.

— Я говорю на языке демонов, ибо считаю, что ты — демон. Я не знаю никакого мелнибонийского языка, хотя хорошо знакома с древними таинствами.

— Какая заносчивая похвальба для женщины,— фыркнул Элрик, все еще не видя той, с кем разговаривал. Наконец она показалась из-за холма и, остановившись, уставилась на альбиноса зелеными глазами, горящими на красивом лице, почти таком же бледном, как у Элрика. Волосы незнакомки были цвета воронова крыла.

— Как тебя зовут? Ты уроженка этого мира?

— Меня зовут Вивиан, и я волшебница, хотя и вполне земная. Твоему хозяину, Сатане, знакомо имя Вивиан, которая когда-то любила Роланда, но он был слишком знатен, чтобы развлекаться с нею, ибо она бессмертная, да к тому же еще и ведьма,— женщина грустно рассмеялась.— Так или иначе, я знакома с демонами и поэтому не боюсь тебя. Прочь, демон! Прочь, демон... Или мне вызвать епископа Турпина, чтобы изгнать тебя?

— Некоторые твои слова неведомы мне, а язык моего народа твои уста коверкают,— учтиво ответил Элрик.— Я не совсем понял, ты что — страж могилы этого героя?

— Да, я сама себя им назначила. А теперь убирайся! — она указала за каменную ограду.

— Я не могу этого сделать. Я должен забрать у Роланда, лежащего в этой могиле, рог, который мы зовем рогом судьбы, но тебе он известен под другим именем.

— Тебе нужен Олифан?! Но он же освящен Богом! Ни один демон не осмелится прикоснуться к нему. Даже я...

— Но я не демон. Уверяю тебя, я человек. А теперь отойди в сторону. Эти проклятые врата очень трудно разбить.

— Да,— проговорила Вивиан задумчиво.— Ты, конечно, можешь быть человеком, хотя и не похож на него. Но белые волосы и лицо, красные глаза и язык, на котором ты говоришь...

— Колдун я, а не демон! Прошу тебя, отойди в сторону!

Она внимательно посмотрела в лицо принца драконов, и взгляд ее смутил альбиноса. Он взял ее за плечо. Женщина казалась вполне реальной, хотя само ее присутствие было не очень реальным — словно она была вдали от Элрика, а не рядом. Несколько секунд они смотрели друг на друга, оба с любопытством и беспокойством.

— Кто научил тебя моему языку? — прошептал альбинос.— А этот мир, он чей сон — мой или богов? Он кажется едва осязаемым. Почему?

— И ты осмеливаешься так говорить о нас? Что же тогда скажешь о своей призрачной сущности — ты, который выглядит, словно видение из нашего мертвого далекого прошлого?

— Из прошлого?! Так ты из будущего — пока еще аморфного... Ну, может, выяснив, кто есть кто, мы придем к согласию.

Она промолчала, а потом внезапно сказала:

— Чужеземец, тебе не удастся разбить эти врата. Если можешь прикоснуться к Олифану, значит, ты смертный, несмотря на свою внешность. Рог, должно быть, тебе нужен для чего-то важного?

Элрик улыбнулся.

— Да. Если я не унесу рог судьбы туда, откуда пришел, ты никогда не будешь существовать!

Она нахмурилась.

— Намеки! Намеки! Я чувствую, что разгадка где-то рядом, но никак не могу ухватиться за нее, и это необычно для

Вивиан. Вот...— она достала из складок платья большой ключ и протянула его Элрику.— Вот ключ, который откроет усыпальницу Роланда. Это единственный ключ от гробницы. Чтобы завладеть им, мне пришлось убить человека. Зато теперь я иногда осмеливаюсь пробраться в мрачную могилу Роланда, где смотрю на его лицо. Как страстно желаю воскресить своего любимого, чтобы навечно сохранить ему жизнь в моем домике на острове!.. Чужеземец, возьми Олифан и тем самым разбуди Роланда. Когда он убьет тебя, я предложу ему бессмертную жизнь, и он скорее придет ко мне и моему сердечному теплу, нежели опять ляжет в эту холодную могилу. Ступай же, и пусть Роланд убьет тебя!

Элрик взял ключ.

— Благодарю тебя, Вивиан. И если возможно убедить того, кто пока еще не существует, то знай — для тебя же будет хуже, если Роланд убьет меня, а не я его.

Он вставил большой ключ в замочную скважину и легко повернул его. Двери распахнулись, и Элрик увидел длинный, с низким сводом коридор, который, изгибаясь, уходил в глубь холма. Без колебаний альбинос двинулся вперед к мерцающему огоньку, который разглядел в холодном и туманном мраке. И пока шел, ему казалось, что он плывет во сне, еще менее реальном, чем тот, который увидел предыдущей ночью. Наконец он вступил в центральную усыпальницу, освещенную высокими свечами, окружавшими открытый гроб, в котором лежал человек в доспехах — грубого и не привычного для Элрика вида. Огромный меч, почти такой же большой, как Буреносец, был прижат к груди Роланда, и над эфесом меча покоился висящий на шее Роланда на серебряной цепи рог судьбы,— Олифан!

Лицо человека, освещенное свечами, казалось странным — оно было молодое, но пережитые волнения и жизненный опыт оставили на нем неизгладимый след.

Элрик переложил Буреносец в левую руку и потянулся за рогом. Даже не пытаясь быть осторожным, он просто сдернул его с шеи Роланда.

Протяжный вопль сорвался с уст героя, который сразу же сел, сжимая меч обеими руками и свесив ноги из гроба. Глаза мертвеца распахнулись, и он увидел Элрика с рогом в руках. Он бросился на альбиноса, и его меч, Дюрандаль, свистя,

обрушился на голову Элрика. Альбинос поднял щит и, отражая удар, сунул рог за пазуху, а затем отскочил назад и перебросил Буреносец в правую руку.

Роланд же тем временем что-то выкрикивал на незнакомом языке, но Элрик даже не пытался понять героя. Ярость столь явственно звучала в голосе Роланда, что было понятно — рыцарь не предлагает мирные переговоры. Альбинос продолжал защищаться, не пытаясь атаковать, дюйм за дюймом отступая по длинному туннелю к выходу из гробницы. Всякий раз, когда Дюрандаль ударял по щиту Хаоса, оба издавали сочный громкий звон. Герой неумолимо теснил Элрика. Его меч вертелся и бил иногда по щиту, иногда по Буреносцу с невероятной силой. Потом Элрик с Роландом выбрались наружу, и солнечные лучи, казалось, на мгновение ослепили Роланда. Элрик мельком заметил Вивиан, в нетерпении следившую за их схваткой с надеждой, что Роланд одерживает верх.

Здесь, не имея возможности уклониться от разъяренного рыцаря, Элрик набросился на Роланда со всей энергией, которая у него еще оставалась. Прикрывшись щитом и размахивая мечом, он ринулся в атаку на Роланда, который явно не привык к такому поведению противника. Буреносец зарычал, когда ударил по плохо выкованным железным доспехам, склепанным большими грубыми гвоздями, с нарисованным на груди матовым красным крестом, который был, пожалуй, слишком скромным знаком отличия для такого знаменитого героя. Но не стоило недооценивать Дюрандаль. Хотя этот клинок был сделан так же грубо, как и доспехи, он по-прежнему оставался острым, угрожая при каждом ударе пробить щит Хаоса. Левая рука Элрика онемела от ударов, а правая болела. Повелитель Донблас не солгал, говоря, что сила оружия альбиноса в этом мире уменьшится.

Роланд на мгновение остановился и что-то крикнул, но Элрик, не обращая на это внимания, воспользовался удобным моментом и бросился вперед, толкнув его щитом. Рыцарь пошатнулся и оступился, его меч издал резкий стон. Элрик вогнал Буреносец в щель между шлемом Роланда и латным воротником. Голова рыцаря слетела с плеч и, нелепо подскакивая, покатилась прочь, но кровь из шеи не брызнула. Глаза Роланда оставались открытыми и смотрели на Элрика.

Вивиан что-то горестно запричитала на том же языке, на котором говорил Роланд. Элрик отступил назад, лицо его было сурово.

— Легенда о нем, легенда о нем! — кричала Вивиан.— Единственное, что оставалось у людей — это надежда, что Роланд еще прискачет на своем скакуне, дабы помочь страдающему человечеству. Но ты убил его! Зачем я тебе доверилась, ведь ты одержим злым духом! Злодей!

— Воистину я одержимый и есть,— спокойно сказал альбинос, глядя, как женщина рыдает над обезглавленным телом.— Но сами боги предопределили мне убить Роланда. А теперь я должен покинуть сей невзрачный мир.

— Неужели ты не сожалеешь о совершенном преступлении?

— Нисколько, ибо это всего лишь одно из длинной цепи таких же преступлений, которые, как мне сказано, служат некой великой цели. А то, что я иногда сомневаюсь в правоте такого утешения, тебя беспокоить не должно. Но я хочу сказать, что судьба таких, как твой Роланд, да и я сам — никогда не умирать и всегда возрождаться. Прощай...

И он пошел прочь, мимо оливковой рощи и высоких камней, и рог судьбы холодил ему грудь рядом с сердцем.

Альбинос прошел вдоль ручья к высокому валуну, на вершине которого увидел маленькую фигурку. Глянув на Джермуса Горбуна, он достал из-за пазухи рог судьбы.

Джермус фыркнул.

— Итак, Роланд мертв, а ты, Элрик, уносишь часть легенды этого мира. Ну что, проводить тебя?

— Да, и поскорей.

Джермус спрыгнул с валуна и встал рядом с высоким альбиносом.

— Хм-м-м,— пробормотал он.— Этот рог может затруднить наше путешествие. Спрячь-ка его обратно в куртку и прикрой щитом.

Элрик послушался гнома и последовал за ним к отмелям застывшего ручья. Тот продолжал выглядеть так, словно вода текла. Джермус прыгнул на воду и, как это ни было невероятно, начал тонуть.

— Быстрей! За мной!

Элрик последовал за гномом и, мгновение постояв на застывшей воде, тоже начал погружаться.

Хотя ручей казался неглубоким, они продолжали тонуть, пока всякое сходство с водой не исчезло, и теперь они опускались сквозь глубокую тьму, которая стала теплой и сильно пахла. Джермус потянул Элрика за рукав.

— Туда!

И они рванулись вправо, заметались из стороны в сторону, вверх и вниз по лабиринту, который видел только Джермус. Рог, спрятанный на груди Элрика, начал постанывать, и альбинос прижал его щитом. А затем моргнул и зажмурился, потому что его опять освещало огромное красное солнце, пульсирующее в темно-голубом небе. Ноги опирались на что-то твердое. Он открыл глаза и увидел, что стоит на крыше Башни Балнесбета. Рог продолжал стонать, как живой, словно был пойманной птицей. Однако вскоре он замолчал.

Элрик стал медленно спускаться, пока не добрался до пролома. Неожиданно он резко поднял голову, услышав доносящееся с неба хихиканье. Там, прямо в воздухе, стоял ухмыляющийся Джермус Горбун.

— Ну, я пошел дальше, ибо твой мир уж больно мне не по душе,— фыркнул гном.— Было приятно поучаствовать в этом представлении. Прощай, герой. Напомни обо мне, горбуне недоделанном, повелителям высших миров.

— Быть может, лучше смириться со своей участью, Джермус,— ответил Элрик.— Я слышал, превратности судьбы способствуют твердости характера.

Джермус опять фыркнул и исчез.

Медленно, очень медленно Элрик спустился по покрытой трещинами стене и наконец с огромным облегчением ступил на лестницу. На заплетающихся ногах, полумертвый от усталости, покинул он обгоревшие руины и направился к Башне Дарпутна, чтобы известить друзей о своем успехе.

Глава 4
ПОСЛЕДНИЙ МЕЛНИБОНИЕЦ

Три человека, задумавшись, покинули Имррир и направились к пещерам драконов. Рог судьбы висел на новой сереб-

ряной цепи на шее Элрика. Одетый в костюм из черной кожи, он шел с непокрытой головой, и лишь золотой обруч перехватывал лоб. На боку в ножнах висел Буреносец.

Пройдя через все пещеры, друзья наконец остановились около спящего вожака драконов — Огненного Клыка. Элрик поднес рог к губам, глубоко вдохнул и испугался, что всей силы его легких не хватит, чтобы заставить рог судьбы зазвучать. Но потом, бросив беглый взгляд на друзей, застывших в ожидании, он чуть расставил ноги и дунул в рог.

Когда рев рога судьбы — глубокий и звучный — эхом понесся по пещерам, Элрик почувствовал, что жизненная сила вытекает из него. Альбинос становился все слабее и слабее, пока наконец не рухнул на колени, по-прежнему прижимая рог к губам. Звук слабел, и взор Элрика туманился, а ноги дрожали, и он распростерся на камнях вниз лицом, а рог судьбы, металлически звякнув, упал рядом.

Мунглум рванулся было к Элрику, но затем замер пораженный, увидев, что вожак драконов зашевелился, и один огромный немигающий глаз, такой же холодный, как северные пустыни, уставился на него.

Дувим Слорм ликующе воскликнул:

— Огненный Клык! Брат мой, Огненный Клык, ты проснулся!

Мунглум следил, как другие драконы тоже начинают шевелиться и потягиваться, расправляют крылья, распрямляют изящные шеи, ерошат ороговевшие гребни. И Мунглум почувствовал себя очень маленьким, еще более маленьким, чем обычно.

Он беспокойно поглядывал на огромных пробуждающихся рептилий, раздумывая, как они отнесутся к тому, кто не является повелителем драконов. Потом вспомнил о своем ослабевшем друге, опустился подле него на колени и прикоснулся к покрытому кожаными одеждами плечу Элрика.

— Элрик! Дружище, ты жив?

Альбинос застонал и попытался перевернуться на спину. Мунглум помог ему сесть.

— Я совсем обессилел, Мунглум. Я так слаб, что даже не могу сам подняться. Этот рог вытянул из меня все силы.

— Вытащи меч, и он даст то, что тебе так необходимо.

— Боюсь, Мунглум, это не поможет. Тот герой, которого я убил, должно быть, не имел души, или она слишком хорошо была защищена, ибо я ничего не получил от Роланда.

Рука альбиноса вцепилась в эфес Буреносца. С большим трудом он вытащил меч из ножен и почувствовал, как в его обессилевшее тело заструился тонкий ручеек энергии. Но этот ручеек вскоре иссяк, так и не наполнив альбиноса силой.

Элрик встал и, пошатываясь, направился к Огненному Клыку. Громадный вожак узнал альбиноса и в приветствии зашуршал крыльями, а его холодный взгляд, казалось, слегка потеплел. Когда Элрик подошел к Огненному Клыку поближе, чтобы похлопать дракона по шее, то зашатался и упал на колени, но затем все-таки поднялся.

В прежние времена драконьей упряжью занимались рабы, но теперь друзьям самим пришлось седлать животных. Они отправились в хранилище упряжи, и каждый выбрал себе седло, ибо каждое из седел мастерилось под определенного дракона. Элрик с трудом удерживал тяжелое седло Огненного Клыка, тщательно изготовленное из дерева, железа, благородных металлов и драгоценных камней. Не желая смущать альбиноса своими взглядами, Мунглум с Дувимом Слормом делали вид, что не замечают его бессильной борьбы со сбруей, и медленно седлали своих драконов. Огромные животные, поняв, что рыжеволосый чужеземец — друг, спокойно позволили ему приблизиться, и Мунглум взгромоздил на одного из драконов высокое деревянное седло с серебряными стременами и копьем, лежащим в футляре, с которого свисал штандарт знатного мелнибонийского семейства, теперь уже несуществующего.

Закончив, они подошли помочь Элрику, который без сил привалился к чешуйчатому боку Огненного Клыка. Пока подтягивали подпруги, Дувим Слорм спросил:

— У тебя хватит сил, чтобы вести нас?

Элрик вздохнул.

— Да... Для этого, думаю, хватит. Но зато уверен, что у меня нет сил для грядущей битвы. Может, стоит поискать здесь какие-нибудь средства, чтобы прибавить мне жизненных сил.

— А трав, которые ты когда-то использовал, уже нет?

— Те, что у меня остались, уже не действуют. А свежих не найти, ибо Хаос исказил растения, камни и океан.

Оставив Мунглума седлать Огненного Клыка, Дувим Слорм вышел, но вскоре вернулся с чашей травяного настоя, который, как он надеялся, поможет Элрику восстановить силы. Элрик выпил настой и отдал чашу родичу. Затем, ухватившись за луку седла, заполз в высокое седло.

— Принесите ремни,— приказал он.

— Ремни? Зачем? — нахмурился Дувим Слорм.

— Если я не привяжусь к седлу, то, не успеем мы пролететь и мили, свалюсь на землю.

Он сидел в седле, сжимая рукой в латной рукавице погоняльное копье, украшенное сине-зелено-серебристым штандартом императоров Имррира, и ждал, пока друзья принесут ремни и привяжут его к седлу. Потом Элрик выдавил из себя слабую улыбку и тряхнул поводья.

— Вперед, Огненный Клык, покажи путь своим братьям и сестрам.

Со сложенными крыльями и низко опущенной головой дракон пополз к выходу. Позади Элрика, на двух драконах, почти таких же больших, как Огненный Клык, полные мрачных дум сидели Дувим Слорм и Мунглум. Когда Огненный Клык, переваливаясь, проползал сквозь анфиладу пещер, его подданные устремлялись вслед за вожаком, пока не добрались до последней пещеры с огромным выходом, за которым лежало бушующее море. Солнце по-прежнему неподвижно висело над головой, багровое и распухшее, пульсирующее в такт движениям волн. Издав полушипение, полусвист, Элрик шлепнул копьем по шее Огненного Клыка.

— Вверх, Огненный Клык! Вверх во имя Мелнибонэ и мести!

Огненный Клык чуть помедлил на краю уступа, потряхивая головой и фыркая. Потом он поднялся в воздух, взмахивая крыльями. Их фантастически огромные полотнища, казалось, хлопали с ленивой грацией, неся, тем не менее, животное вперед с невероятной скоростью.

Выше и выше, к распухшему солнцу; выше, в горячие буйные потоки воздуха; и еще выше — на восток, туда, где расположились лагерями воинства Хаоса. В кильватер за Ог-

ненным Клыком пристроились его два брата-дракона, несущие Мунглума и Дувима Слорма, у которого имелся собственный рог для управления остальными драконами. Девяносто пять драконов, самцов и самок, темнели в темно-синем небе; зеленые, красные и золотистые чешуйки звенели и вспыхивали, отражая лучи солнца. Рев драконов был подобен грохоту миллионов барабанов, когда древние зверюги с распахнутыми пастями и холодными-холодными глазами неслись над испоганенными водами.

Перед затуманенным взором Элрика мелькало великое множество цветовых пятен невероятной яркости, но все они были темными, хотя постоянно менялись, перетекая от одной границы мрачного спектра к другой. И не вода сейчас была под Элриком — жидкая мешанина веществ, как природных, так и сверхъестественных, реальных и нереальных. Боль, стремление, страдание и смех казались осязаемыми фрагментами этого мятущегося потока, и энтузиазм и разочарование тоже были в нем, так же как и живая плоть, порожденная этой субстанцией, иногда всплывавшая в пузырях на поверхность. Элрика, и без того обессилевшего, от вида этой жидкой гадости замутило, и он обратил взор на восток. А драконы еще быстрее устремились туда.

Вскоре они уже летели над тем, что некогда было большим полуостровом цветущего Вилмира. Сейчас на этих землях не осталось ни благоухающих садов, ни тучных пастбищ, а лишь гигантские столбы темного тумана вздымались в воздух. Далеко внизу, вздуваясь пузырями, текла лава. В воздухе носились омерзительные уродливые твари, а на земле порой встречались целые отряды странных всадников, восседавших на клячах, скелеты которых были туго обтянуты кожей. Эти жуткие воины, заслышав хлопанье крыльев драконов, поднимали вверх лица, а затем опрометью уносились в свои лагеря.

Мир казался трупом, гниение добродетели которого дало жизнь множеству паразитов.

Ничего не осталось от рода людского, кроме трех человек, что летели сейчас на драконах.

Элрик понимал, что Яагрин Лерн и его союзники давным-давно отказались от своей человеческой природы и уже не претендовали на родство с видами, которых их орды смели

с лица Земли. Впрочем, эти выродки, возможно, еще сохраняли прежний облик. Темные повелители не стали бы противиться этому. Однако души этих предателей были изуродованы Хаосом так же, как тела их подданных. Темные силы распростерлись над миром, а драконы продолжали полет, устремляясь к самому сердцу владений Хаоса на Земле. Элрика мотало в седле, и лишь крепкие ремни удерживали от падения.

С земли, казалось, доносились крики боли, словно кто-то продолжал еще измываться над испоганенной природой, принуждая ее составные части принимать чуждые им формы.

Люди и драконы неслись вперед, туда, где некогда стоял прекрасный город Карлаак, а теперь находился лагерь Хаоса. Потом под ними раздались каркающие вопли, и они увидели черные силуэты, устремившиеся на них. У Элрика не было даже сил крикнуть, и он смог лишь слабо похлопать Огненного Клыка по шее, чтобы рептилия изменила направление полета, дабы избежать опасности. Мунглум и Дувим Слорм последовали его примеру, и Дувим Слорм прогудел в свой рог, приказывая драконам не связываться с атакующими тварями, но некоторые рептилии в хвосте отряда слишком отстали, и им пришлось принять бой с черными призраками.

Элрик оглянулся и несколько секунд наблюдал за схваткой, разыгравшейся в воздухе,— ободранные существа с челюстями, как у китов, сцепились с драконами, которые поливали врагов огнетворным ядом и раздирали могучими когтями и клыками. Огромные крылья колотили по воздуху, когда драконы силились удержать высоту... Но затем накатившая волна темно-зеленого тумана заволокла поле боя, и Элрик так никогда и не узнал дальнейшей судьбы этих двенадцати драконов.

Элрик велел Огненному Клыку снизиться над небольшой армией всадников, несшихся по истерзанной земле. На инкрустированном копье предводителя воинов развивался штандарт с восемью стрелами Хаоса. Драконы окатили приспешников Хаоса ядом, и три друга с угрюмой радостью слушали вопли и визг гибнущих в огне животных и всадников, а изменчивая земля поглощала их пепел. То там, то здесь виднелись гигантские замки, воздвигнутые с помощью магии, воз-

можно, для того чтобы наградить королей-предателей, помогавших Яагрину Лерну. Порой встречались цитадели Хаоса, в которых обосновались темные повелители. Драконы заливали ядом эти крепости, оставляя их гореть сверхъестественным пламенем, и едкий дым, подымаясь в небо, смешивался с клочковатым туманом. Наконец Элрик заметил лагерь Хаоса, превратившийся в целый город, явно воздвигнутый так же, как и замки, с помощью магии. Над городом, переливаясь, висел янтарный знак Хаоса.

Но Элрик, видя, что они достигли цели, испытал лишь горечь и разочарование, ибо у него не было сил, чтобы сойтись с Яагрином Лерном в открытой схватке. Что он, обессиленный, способен сейчас сделать? Пускай он даже не примет участия в битве, но ведь обязан еще раз протрубить в рог судьбы, чтобы Белые повелители вступили на Землю. Где и как ему набраться сил?

Город казался странно притихшим, словно чего-то ждал или к чему-то готовился. Зло зримо висело в воздухе, и Элрик, придержав Огненного Клыка, вознамерившегося пересечь границу города, отправил дракона в облет.

Дувим Слорм, Мунглум и оставшиеся драконы последовали за ними, и Дувим Слорм крикнул альбиносу:

— Что же теперь, Элрик? Я не ожидал, что здесь так скоро возникнет город!

— Я тоже не ожидал. Но взгляни,— рука Элрика дрожала, когда он с трудом поднял ее и показал вперед.— Вон штандарт Яагрина Лерна с изображением тритона. А там, и там,— он обвел рукой вокруг,— знамена двух десятков герцогов Ада! Однако я не вижу знамен других людей.

— А про уничтоженные нами замки ты забыл?! — вступил в разговор Мунглум.— Я думаю, Яагрин Лерн успел оделить своих наймитов земельными угодьями. Мы ведь не знаем, сколько в действительности прошло времени, но подозреваю, что достаточно.

— Похоже, ты прав,— кивнул Элрик и посмотрел на неподвижное солнце. Он едва не упал в полуобмороке на луку седла, но, тяжело дыша, заставил себя выпрямиться. Щит Хаоса тяжким грузом висел у него на руке, но Элрик продолжал удерживать щит перед собой.

Потом он порывисто подстегнул Огненного Клыка, и дракон с бешеной скоростью рванулся к городу и спикировал на замок Яагрина Лерна.

Никто и ничто не пыталось остановить альбиноса, и он посадил дракона среди башенок замка. Кругом царила тишина. Элрик огляделся по сторонам в удивлении, но ничего не увидел, кроме возносящихся к небу башен из темного камня, который, казалось, лениво струился под лапами Огненного Клыка.

Элрик не стал спешиваться, ибо ремни, удерживавшие его, были крепко прикручены к седлу. Альбиносу хватило и того, что он увидел, дабы понять, что город пуст. Но где же тогда орды Ада? Где Яагрин Лерн?

Дувим Слорм и Мунглум устремили своих рептилий-скакунов вниз, чтобы присоединиться к Элрику, оставив остальных драконов кружиться в небе. Когти огромных животных заскрежетали о камни, крылья в последний раз рассекли воздух, когда драконы приземлились. Они беспокойно поглядывали по сторонам и постоянно ерошили чешую, ибо с тех пор, как очнулись от сна, предпочитали суше воздух.

Дувим Слорм кратко бросил:

— Я обследую город.

Его дракон опять поднялся в небо, но теперь полетел низко над землей, лавируя между замками. Потом Элрик с Мунглумом услышали, как Дувим Слорм что-то крикнул и, послав дракона вниз к земле, исчез. Раздался вопль, а затем дракон опять взмыл в воздух, и через луку его седла был переброшен извивающийся пленник. Дувим Слорм опустил дракона возле друзей. Существо, которое он взял в плен, имело сходство с человеком, но было неописуемо уродливо из-за отвисшей нижней губы, узкого лба и отсутствующего подбородка. Большие квадратные неровные зубы, выдаваясь, торчали изо рта, а обнаженные руки были сплошь покрыты курчавыми волосами.

— Где твой хозяин? — требовательно спросил Дувим Слорм.

Существо, казалось, не испытывало страха. Оно захихикало:

— Они предвидели ваш приход и, поскольку город ограничивает маневренность, собрали армию на равнине, которую

создали в пяти милях к северо-востоку отсюда.— Существо повернулось и ненормально огромными глазами уставилось на Элрика.— Яагрин Лерн шлет тебе приветствия и передает, что уже предвкушает твою глупую гибель.

Элрик лишь пожал плечами.

Дувим Слорм, выхватив меч, разрубил уродливое создание, и, умирая, оно хихикало, ибо страх его ушел, когда пришло безумие. Дувим Слорм содрогнулся, когда душа твари смешалась с его душой, принеся мелнибонийцу новую энергию. Потом он выругался и с болью во взоре посмотрел на Элрика.

— Извини, я поторопился... Я должен был отдать его тебе.

— Отправимся на поле боя,— слабеющим голосом прошептал Элрик.— Быстрей!

Опять они взмыли ввысь, чтобы, соединившись в полете с остальными драконами, отправиться на северо-восток.

Друзья были поражены, когда увидели орду Яагрина Лерна, ибо было непонятно, как ей удалось перегруппироваться так быстро. Казалось, каждый демон и каждый земной воин пришли сражаться под знаменем Теократа. Они напоминали кожную болезнь на лике подрагивающей Земли. И становились темней облака, несмотря на освещение, порожденное сверхъестественными силами, которое, расцвечивая облака, заставляло те реветь, метаться по небу и перекрещиваться, сплетаясь в тугие узлы.

Именно в эту гноящуюся рану и устремились драконы, а потом друзья наконец увидели то воинство, которое возглавлял Яагрин Лерн. Другими армиями командовали герцоги Ада — Малаин, Жортра, Ксиомбарг. А еще Элрик заметил трех могущественнейших повелителей Хаоса, подавлявших остальных. Чадрис Жнец с огромной головой и гигантской косой, Мабелод Безлицый с лицом, всегда сокрытым тенью, вне зависимости откуда и как на него смотреть, и Слотар, стройный и прекрасный, известный как старейший из богов. Это была сила, защититься от которой даже тысяча могущественных колдунов сочла бы крайне сложным делом, ну а уж мысли об атаке вообще не пришли бы им в голову.

Но Элрик, не раздумывая, повел драконов на противника, ибо был связан обязательством сражаться против темных сил.

У людей было преимущество атаки с воздуха, но это сохраняло свою ценность лишь до тех пор, пока у драконов не кончится яд. Когда же он закончится, им придется вплотную сблизиться с врагами. Для этого Элрику понадобится много жизненной энергии, а у него ее не было вообще.

Драконы устремились вниз, поливая огненосным ядом воинов Хаоса. Ни одна армия не смогла бы устоять против такой атаки, но только не защищенный колдовством Хаос. Казалось, огнетворный яд попадает на невидимый купол, ограждающий темное воинство, и разлагается. Но все же некоторые из струй яда достигли цели, и огонь пожрал сотни солдат Хаоса.

Снова и снова взмывали в него драконы и атаковали врагов. Почти без чувств Элрик распростерся в седле. Сознание его меркло с каждой секундой. Он уже не мог понять — то ли взор его подернут пеленой, то ли клубы вонючего дыма ухудшили зрение. Из рядов орды в небо с кажущейся медлительностью устремились огромные копья — копья Хаоса, похожие на вспышки янтарных молний, которые впивались в драконов. Пронзенные ими животные мертвыми падали на землю.

Все глубже и глубже в стан врагов нес Элрика Огненный Клык, пока наконец не закружил над армией, которой командовал Яагрин Лерн. Перед затуманенным взором Элрика промелькнул глумливо хохочущий Теократ, сидящий на омерзительной безволосой лошади и размахивающий огромным мечом. Элрик едва расслышал голос своего врага.

— Прощай, Элрик, это наша последняя встреча, ибо сегодня ты отправишься в преисподнюю!

Элрик развернул Огненного Клыка и шепнул ему:

— Это он, брат, это он!

С ревом Огненный Клык излил поток яда на сотрясавшегося от смеха Теократа. Казалось, Яагрин Лерн наверняка должен обратиться в пепел, но едва яд коснулся его, как сразу же был отброшен в сторону, и лишь несколько капель попали на вассалов Теократа, поджигая их плоть и одежду.

Яагрин Лерн, продолжая смеяться, метнул янтарный дротик, невесть откуда появившийся в его руке. Дротик устремился к Элрику, и альбинос с трудом поднял щит Хаоса, чтобы отразить его. Так мощен был удар, что Элрика отшвыр-

нуло назад, один ремень лопнул, и теперь лишь один ремень удерживал альбиноса в седле. Элрик скорчился за щитом, когда к нему устремилось множество сверхъестественных копий, стрел и дротиков. Огненного Клыка тоже защищала великая сила щита, но как долго даже щит Хаоса сможет противостоять такой атаке?

Казалось, целую вечность Элрик прикрывался щитом Хаоса, прежде чем Огненный Клык, рассекая крыльями воздух, поднялся высоко в небо.

Элрик умирал. Капля за каплей жизненная сила покидала его, словно он был немощным стариком.

— Я не могу умереть,— шептал он.— Я не должен умереть. Неужели ничего нельзя сделать?

Огненный Клык, казалось, услышал его. Он опять спикировал к земле, опустившись так низко, что копья воинов Хаоса оцарапали чешуйки у него на брюхе. Потом приземлился на трепещущую почву и, сложив крылья, стал поджидать отряд воинов, которые, подхлестывая своих скакунов, уже мчались к альбиносу.

Элрик, ошеломленный, спросил:

— Что ты делаешь, Огненный Клык?! Ты же отдал меня в руки врагов! Неужели в этом мире нет никого, на кого можно было бы положиться?!

С громадным трудом вытащил он меч, когда первое копье лязгнуло о щит, и всадник промчался мимо, ухмыляясь, ибо почувствовал беспомощность Элрика. Остальные как тиски окружали его. Элрик ударил по одному из воинов, и тогда Буреносец сам вступил в бой, делая прицел точным. Всадник, пораженный в плечо, намертво соединился с мечом, пока тот жадно пожирал его жизненную субстанцию. Элрик почувствовал, как в него тоненьким ручейком потекла сила, и понял, что и дракон, и меч помогают ему. Но меч большую часть энергии забрал себе, и Элрик согласился с ним, ибо Буреносец продолжал управлять его рукой. Еще несколько всадников были убиты, и Элрик оскалился, почувствовав, что жизненная сила возвращается в его немощное тело. Взор принца драконов прояснился, реакции стали нормальны, дух окреп. Теперь уже он сам атаковал остатки отряда. Огненный Клык мчался по земле со скоростью, невероятной для такой махины. Воины

бросились врассыпную под прикрытие главных сил. Но Элрик больше не тревожился — он поглотил души дюжины воинов, и этого было достаточно.

— Теперь вверх, Огненный Клык! Взлетай и давай поищем более могущественных врагов!

Огненный Клык послушно расправил крылья, взмахнул ими и поднялся в воздух, заскользив над ордой.

В середине отряда Ксиомбарга Элрик посадил Огненного Клыка и, соскочив с дракона, обрушился на ряды дьявольских отродий, яростно прорубаясь сквозь них. Жизненная сила его возрастала, и вместе с ней безумие битвы захватывало его. Все глубже и глубже, сквозь ряды тварей прокладывал он путь, пока не увидел герцога Ксиомбарга в его земной личине изящной темноволосой женщины. Элрик знал, что личина женщины отнюдь не свидетельствовала о слабости Ксиомбарга. Но альбинос без страха рванулся к герцогу Ада. Повелитель Хаоса восседал на скакуне с телом быка и головой льва.

Девичий голос Ксиомбарга мелодично донесся до Элрика:

— Смертный, ты бросил вызов многим герцогам Ада и многих из них изгнал в высшие миры. Как я слышал, тебя прозвали богоборцем. Это ли дарует тебе уверенность, что ты способен убить и меня?

— Ты же знаешь, ни один смертный не может убить повелителя высших миров вне зависимости, повелевает он Порядком или Хаосом. Но зато смертный может уничтожить земную личину бога, тем самым навеки изгнав его в сферу высших миров!

— И ты думаешь, что сможешь это сделать и со мной?

— Что ж, проверим! — Элрик ринулся на темного повелителя.

Ксиомбарг был вооружен боевым топором с длинной рукоятью, от которого исходило синее сияние. «Конь» темного повелителя встал на дыбы, и Ксиомбарг с силой опустил топор, пытаясь поразить Элрика в незащищенную голову. Альбинос, прикрываясь, поднял щит, и топор ударил по нему. Столкнувшись, щит и клинок закричали. От них во все стороны брызнули искры. Элрик, подобравшись к Ксиомбаргу, рубанул мечом по ноге. От бедра герцога Ада метнулся вниз

сноп света, и Буреносец, наткнувшись на него, содрогнулся. Затем топор вновь ударил по щиту Хаоса. Вновь раздался неземной крик. И все это время до Элрика доносился смех темного повелителя — мелодичный, но отвратительный, как у старой карги.

— Ксиомбарг, твоя личина нелепа! Женщине не пристало воевать, от этого ее красота может поблекнуть, как это и происходит сейчас с тобой! — задиристо крикнул Элрик, отпрянув на мгновение, дабы перевести дух.

Герцог Ада, приведенный в замешательство силой Элрика, скривил от ярости девичье личико. Он погнал скакуна прямо на альбиноса.

Элрик уклонился и опять нанес удар. На этот раз Буреносец, затрепетав в его руке, пронзил защиту Ксиомбарга. Темный повелитель застонал и снова обрушил топор на Элрика, который с трудом отразил эту атаку. Затем Ксиомбарг развернул скакуна и, высоко занеся топор, швырнул его в Элрика, явно целясь в голову.

Элрик увернулся, прикрываясь щитом, и топор, бряцнув по щиту, упал на трясущуюся землю. Элрик побежал за Ксиомбаргом, который опять разворачивал «коня». Герцог Ада из воздуха извлек новое оружие — огромный двуручный меч с клинком втрое шире, чем у Буреносца. В тонких хрупких женских руках меч казался непомерно огромным. И Элрику подумалось, что размеры меча многое могли сказать о силе его противника. Альбинос медленно попятился, заметив, что у Ксиомбарга вместо женской ноги появилась мандибула насекомого. Если бы Элрику удалось разрушить остальную часть личины темного повелителя, он бы изгнал Ксиомбарга из своего измерения.

Теперь смех герцога Ада не был мелодичным, в него вплелись неблагозвучные нотки. Быколев взревел в унисон своему хозяину и ринулся на Элрика. Чудовищный меч взвился в воздух и обрушился на щит Хаоса. Элрик опрокинулся на спину, чувствуя, как земля зудит и расползается под ним, но щит остался цел. Краем глаза альбинос заметил, что копыта быкольва зависли в воздухе, а затем стремительно начали опускаться на него. Элрик весь сжался под щитом, оставив свободной лишь руку с Буреносцем. Пока зверюга, неистов-

ствуя, топтала копытами щит, пытаясь раздавить альбиноса, он ткнул меч ей в брюхо. Тот, казалось, вначале уперся во что-то, но затем все-таки пробил преграду и выпил жизненную силу дьявольского отродья, которая перетекла от меча к человеку, и Элрик, захваченный врасплох, ощутил ее чужеродность, ибо субстанция души животного была иной, чем у человека. Элрик успел выкатиться из-под брюха твари прежде, чем быколев рухнул, сбросив на землю Ксиомбарга.

Темный повелитель сразу же вскочил и торопливо захромал на одной ноге и на мандибуле к Элрику, пытаясь нанести мечом косой удар, который легко мог разрубить Элрика надвое. Но альбинос отскочил и встретил меч герцога Ада Буреносцем. Два клинка скрестились, и ни один не победил. Буреносец завизжал от ярости, поскольку не привык к такому противостоянию. А Элрик в тот же миг, поддев краем щита меч Ксиомбарга, толкнул его вверх. На мгновение в защите темного повелителя появилась брешь, и Элрик сразу же изо всех сил всадил туда Буреносец.

Герцог Ада заскулил, и по мере того, как меч Элрика вытягивал энергию, его земная личина начала растворяться. Альбинос знал, что поглощает лишь ту часть энергии, что поддерживала жизненную силу герцога Ада в измерении Земли, а большая часть души Ксиомбарга по-прежнему оставалась в высших мирах, поскольку ни один — пусть даже самый могущественный — из этих божков не мог собрать достаточно мощи, чтобы перенести себя целиком на Землю. Если бы Элрик вытянул всю до капли душу Ксиомбарга, его собственное тело не выдержало бы и взорвалось.

Ксиомбарг превратился в мерцающий комочек радужного света, который поплыл прочь и наконец исчез.

Элрик посмотрел вверх и был потрясен, увидев, как мало осталось драконов. Один из них быстро снижался, и на спине у него сидел человек. Но кто это — Мунглум или Дувим Слорм, Элрик разглядеть не смог.

Альбинос кинулся туда, где должен был рухнуть дракон.

Когда тот упал, до Элрика донеслись грохот, жуткий вой, перешедший в шумное клокотание, а затем наступила тишина. Альбинос проложил себе дорогу сквозь толпы воинов Хаоса, добрался до упавшего дракона, рядом с которым лежало раз-

дробленное истерзанное тело. Это был Дувим Слорм, последний из родичей Элрика.

И нигде не было видно рунного меча, Горюна. Черный меч исчез.

Однако времени для скорби не было. Элрик с Мунглумом и жалкие два десятка оставшихся драконов явно не могли победить войска Яагрина Лерна, которым предыдущая атака едва ли нанесла значительный ущерб.

Стоя над телом друга, Элрик набрал полную грудь воздуха и второй раз протрубил в рог судьбы. Чистая печальная нота прозвучала над полем битвы и, казалось, понеслась во всех направлениях через безбрежные пространства космоса, через все мириады измерений, через бесконечность Вселенной, к границам самого Времени.

Рев рога долго витал под насупившимися облаками, прежде чем стихнуть, и, когда наконец умолк, в мире наступила абсолютная тишина, миллионы воинов Хаоса застыли, в воздухе повисло ожидание.

И тогда пришли Белые повелители.

Глава 5
БИТВА БОГОВ

Словно какое-то огромное солнце, в тысячи раз больше земного, испустило пульсирующие лучи, и они пронеслись сквозь космос, пренебрегая хрупкими барьерами времени и пространства, а потом обрушились на громадное черное поле битвы. И по тропе, которую создала для них из лучей невероятная мощь рога, спускались величественные повелители. Их земной облик был столь прекрасен, что Элрик на мгновение засомневался, не безумен ли он, так как его разум отказывался воспринимать это зрелище. В отличие от повелителей Хаоса, восседавших на странных животных, повелители Порядка шли пешком, в великолепных зеркальных доспехах и ниспадающих мягкими складками плащах, на которых была изображена стрела Порядка.

Возглавлял Белых повелителей Судья Донблас, и улыбка играла на его губах. Он нес изящный меч в правой руке, и тот был прямым и острым, как луч света.

Элрик кинулся к Огненному Клыку и заставил огромную рептилию подняться в воздух.

Огненный Клык двигался уже не так легко, как раньше, но Элрик не знал, то ли это оттого, что дракон просто устал, то ли потому, что влияние Порядка коснулось и его, а ведь драконы считались созданиями Хаоса.

Наконец Элрик присоединился к Мунглуму и, оглядевшись по сторонам, увидел, что оставшиеся в живых драконы улетают на Запад. Вероятно, они почувствовали, что уже сыграли свою роль, и теперь возвращались в пещеры драконов, чтобы снова погрузиться в сон.

Элрик и Мунглум посмотрели друг на друга, но не проронили ни слова, ибо зрелище внизу внушало благоговейный страх.

Луч, по которому пришли повелители Порядка, померк, но свет, белый и ослепительный, исходил от них. Они направили свои стопы к готовым к великой битве Чадрису Жнецу, Мабелоду Безлицому, Слотару и другим младшим повелителям Хаоса.

Когда Белые повелители проходили мимо остальных обитателей Ада и осквернённых людей, эти мерзкие создания, если их касалось сияние, с воплями отступали и падали замертво. От отбросов рода человеческого и тварей адовых повелители Порядка очищали Землю без труда, но бой с грозными силами — властителями Ада и Яагрином Лерном — был еще впереди.

Хотя повелители Порядка казались не намного выше людей, сами люди выглядели рядом с ними карликами, и даже Элрик почувствовал себя крошечным, едва ли больше мухи. Такое ощущение простора несли с собой Белые повелители.

Огненный Клык устало взмахивал крыльями, когда кружил над полем боя. Все темные цвета вокруг вытеснялись светлыми облаками мягких очертаний.

Повелители Порядка приблизились к своим врагам, и Элрик услышал голос Судьи Донбласа:

— Вы, из Хаоса, пренебрегли законом космического равновесия и попытались подчинить себе этот мир. Судьба отвергает вас, ибо земная жизнь закончилась и должна быть

возрождена в новом виде, на который ваше влияние будет ничтожным.

Сладкий, насмешливый голос донесся из рядов повелителей Хаоса. Это говорил Слотар:

— Ты слишком много берешь на себя, приятель. Судьба этого мира пока еще не решена окончательно. Только наша встреча разрешит этот извечный спор. Если мы победим, Хаос будет править. А если вы все-таки умудритесь изгнать нас, значит, презренный Порядок отнимет у нас возможность получить власть. Но победим мы, хотя бы и вопреки судьбе!

— Тогда пусть наш спор будет разрешен,— ответил Донблас, и Элрик увидел, как сияющие повелители Порядка двинулись на своих темных врагов.

Небо содрогнулось, когда они сошлись. Воздух исторг крик, а Земля накренилась. Дьявольские отродья, которые еще оставались живы и которым не по чину было сражаться с повелителями Порядка, бежали с поля боя, и звук, подобный стону миллиона струн арфы, каждая из которых неуловимо отличалась по тону от других, исходил от борющихся богов.

Элрик увидел, как Яагрин Лерн покинул ряды аристократии Ада и поскакал прочь, по-прежнему облаченный в сияющие алые доспехи. Теократ понимал, что за свою дерзость будет вскоре вознагражден смертью.

Элрик устремил Огненного Клыка вниз и выхватил Буреносца, выкрикивая имя Теократа и вызывая его на бой.

Яагрин Лерн смотрел вверх, и теперь уже не смеялся. Он подхлестывал скакуна до тех пор, и Элрик это сразу же заметил, пока не увидел, куда скачет. Впереди земля превращалась в черный и лиловый газ, который отплясывал неистовый танец, словно стремился вырваться из остальной атмосферы. Яагрин Лерн резко остановил лысую лошадь, вытащил из-за пояса боевой топор и поднял небольшой круглый огненно-красный щит, заколдованный от волшебного оружия.

Дракон помчался вниз, и у Элрика перехватило дыхание от быстрого спуска. Огненный Клык приземлился неподалеку от Яагрина Лерна, который, сидя на своем жутком скакуне, бесстрастно ожидал Элрика. Возможно, Теократ почувство-

вал, что его схватка с альбиносом станет зеркальным отображением схватки богов и что исход одной отразится на исходе другой.

Как бы там ни было, он больше не бахвалился по своему обыкновению, а ждал молча.

Элрик, не заботясь о том, что Яагрин Лерн получит преимущество в бою, спешился и тихо шепнул своему дракону:

— Теперь лети домой, Огненный Клык! Возвращайся к своим братьям. Что бы ни произошло дальше, стану я победителем или побежденным, ты свое дело сделал.

Когда Огненный Клык шевельнулся и повернул огромную голову, чтобы взглянуть в лицо Элрика, второй дракон опустился неподалеку от них. Мунглум тоже спешился и начал пробираться сквозь черный и лиловый туман.

— В этом деле мне твоя помощь не понадобится, Мунглум! — крикнул Элрик.

— А я ее тебе и не предлагаю. Но я хочу получить удовольствие, наблюдая, как ты заберешь жизнь и душу этого проклятого выродка!

Элрик взглянул на Яагрина Лерна, чье лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

Огненный Клык взмахнул крыльями, взмыл в небо и вскоре исчез. Второй дракон последовал за ним.

Элрик направился к Теократу с поднятым щитом и мечом наготове. С удивлением он увидел, что Яагрин Лерн тоже слез со своего нелепого скакуна и, шлепнув того по лысому крупу, отослал прочь. Теократ, стоя в ожидании принца драконов, весь подобрался, и это еще больше подчеркивало, как высоко вздернуты его плечи. Длинное темное лицо было напряженным, а глаза пристально следили за приближающимся альбиносом. Неуловимая улыбка, в которой смешались и предвкушение, и опасение грядущей схватки, искривила губы, и глаза сверкнули.

Элрик остановился.

— Яагрин Лерн, готов ли ты заплатить за преступления, которые совершил против меня и всего мира?

— Заплатить? За преступления? Ты удивляешь меня, Элрик, поскольку вижу, что ты полностью согласен с мнением своих новых союзников. За время своего завоевания я счел

необходимым уничтожить нескольких твоих друзей, которые стремились остановить меня. Но этого и следовало ожидать. Я делал то, что должен был сделать, и то, что намеревался сделать. Если теперь я потерплю поражение, то у меня не будет сожалений, ибо сожаления — эмоции сентиментальных идиотов. Они бесполезны в любом случае. В том, что случилось с твоей женой, нет моей вины. Так будешь ли ты торжествовать, если убьешь меня?

Элрик покачал головой.

— Мои взгляды и в самом деле со временем изменились, Яагрин Лерн. Однако мы, мелнибонийцы, всегда были злопамятны. Я требую отмщения!

— А-а, теперь я понял тебя,— Яагрин Лерн изменил позу и поднял топор.— Что ж, я готов.

И Элрик бросился на него. Буреносец с визгом вспорол воздух и обрушился на алый щит, и еще раз обрушился... Три удара успел нанести меч, прежде чем топор Яагрина Лерна пробился сквозь его защиту, но Элрик отбросил топор щитом Хаоса. Топору удалось только оцарапать руку альбиноса недалеко от плеча. Щит Элрика лязгнул о щит Яагрина Лерна, и Элрик, навалившись всем своим весом, попытался одновременно оттолкнуть Теократа и прорвать его защиту, нанеся удар мечом поверх сцепившихся щитов.

На несколько мгновений Элрик с Теократом застыли, а вокруг звучала музыка битвы, и земля, казалось, уплывала из-под их ног, столбы цветущих красок вырывались из нее, подобно волшебным растениям. Затем Яагрин Лерн отпрыгнул назад и взмахнул топором. Альбинос бросился вперед и попытался полоснуть Теократа по ноге, но промахнулся. Сверху на него обрушился топор, и Элрику пришлось отпрянуть в сторону. Удар топора был столь мощен, что Яагрин Лерн, увлекаемый его силой, пошатнулся, а Элрик, резво подскочив с тылу, толкнул Теократа. Тот упал, выронив и топор, и щит, ибо пытался сделать слишком много движений сразу, но толком так ничего и не сумел. Элрик поставил ногу на шею Теократа и прижал к земле, а Буреносец алчно навис над распростертым врагом.

Яагрин Лерн с усилием глянул на Элрика, побледнел, глаза его застыли на черном мече, и он хрипло пробормотал:

— Покончи со мной. Моей душе нет места в этой вечности, и ни в какой другой тоже. Я должен отправиться в Ад — так что покончи со мной теперь же!

Элрик с трудом не позволил Буреносцу погрузиться в поверженного Теократа и, в последнее мгновение остановив меч, отвел его за спину. Рунный клинок огорченно протестовал и вырывался из руки.

— Нет,— проговорил альбинос медленно.— Я не хочу ничего твоего, Яагрин Лерн. Я не стану поганить свое существо твоей душой. Мунглум!

Его друг подбежал.

— Мунглум, дай мне свою саблю.

Тот молча протянул кривой клинок. Элрик, пряча в ножны сопротивляющийся Буреносец, проговорил, обращаясь к колдовскому клинку:

— Впервые я смог остановить тебя. Хотелось бы мне знать, припомнишь ли ты мне это когда-нибудь?

Потом альбинос взял саблю Мунглума и наотмашь хлестнул ею по щеке Яагрина Лерна, разворотив ее в длинный глубокий разрез, который медленно начал наполняться кровью.

Теократ завизжал:

— Нет, Элрик! Убей меня!

С блуждающей улыбкой Элрик рассек вторую щеку. Окровавленное лицо Яагрина Лерна исказилось, и он опять завизжал, вымаливая смерть, но Элрик, продолжая улыбаться смутной улыбкой, мягко промолвил:

— Ты ведь всячески подражал императорам Мелнибонэ, не так ли? Ты издевался над Элриком, потомком этих императоров, пытал его и похитил его жену. Следуя своим извращенным фантазиям, надругался над ее телом так же, как надругался над всем остальным миром. Ты убил друзей Элрика и имел наглость бросить ему вызов. Но ты ведь ничто. Ты еще большая пешка, чем когда-либо был сам Элрик. Ну а теперь, ничтожный человечишко, узнаешь, как народ Мелнибонэ забавлялся с такими выскочками, как ты, в те дни, когда правил миром!

Прошел час, прежде чем Яагрин Лерн умер, и то лишь потому, что Мунглум уговорил Элрика побыстрее прикончить Теократа.

Вытерев саблю о клочок ткани, некогда бывшей частью одеяния Яагрина Лерна, Элрик вернул ее Мунглуму. Бросив взгляд на изуродованное тело врага, альбинос брезгливо пнул его, а затем посмотрел туда, где стояли боевые порядки повелителей высших миров.

Схватка с Яагрином Лерном и борьба со строптивым Буреносцем измотали альбиноса, но он забыл об усталости, в изумлении взирая на грандиозную битву.

Повелители высших миров продолжали сражаться, но по мере того, как та их часть, что присутствовала на Земле, уменьшалась, становились все огромней и призрачней. Теперь они напоминали гигантов, сотканных из тумана, и бой развернулся не только на земле, но и в воздухе. У самого горизонта Элрик увидел Судью Донбласа, схватившегося с Чадрисом Жнецом,— их силуэты мерцали и расплывались, изящный меч блестел, а огромная коса раскачивалась, как маятник.

Не способные участвовать в этой битве и не знающие, чья же сторона одерживает верх, Элрик с Мунглумом следили, как вместе с возрастающим напряжением боя растворяются земные облики богов.

Теперь схватка бушевала во всех измерениях космоса. А потом, вслед за преображением богов, Земля тоже начала терять свои очертания, пока Элрик и Мунглум не поплыли в смешанном вихре из земли, воздуха, огня и воды. Планета растворилась, хотя повелители высших миров еще бились ради нее.

Составные части Земли по-прежнему существовали, но их обновленная структура еще отсутствовала. Битва богов продолжалась. Победившему в ней будет даровано право придать Земле новую форму.

Глава 6
ПОСЛЕДНЕЕ ЗЛО МИРА

Наконец, хотя Элрик не знал, как это произошло, взвихренная тьма отступила перед светом и раздались крики — космический рев ненависти и разочарования. Альбинос понял, что повелители Хаоса побеждены и изгнаны. Повелители

Порядка торжествовали победу, цель судьбы была достигнута, хотя все еще требовалось протрубить в рог последний раз, чтобы привести мир к требуемому исходу.

Но Элрик чувствовал, что ему не хватит сил протрубить в рог судьбы.

Вокруг двух людей мир опять приобретал отчетливую форму.

Друзья внезапно обнаружили, что стоят на каменистой равнине, а вдали виднеются стройные пики вновь созданных гор, пурпурные на фоне сочного неба.

А потом Земля начала двигаться. Она вращалась все быстрей и быстрей, и день сменялся ночью с невероятной скоростью, а затем ход планеты начал замедляться, пока солнце опять не повисло в небе, верша свой путь почти с обычной медлительностью.

Земля окончательно приобрела новый облик, и повелители Порядка, даже не поблагодарив альбиноса, удалились в высшие миры. И хотя теперь на Земле правил Порядок, о прогрессе не могло быть и речи, пока в последний раз не протрубят в рог судьбы.

— Итак, все закончилось,— пробормотал Мунглум.— Все исчезло — Элвер Ишмирский, в котором я родился, Карлак у Плачущей пустыни, Бакшаан и даже Грезящий город и остров Мелнибонэ. Они больше не существуют, и возродить их уже нельзя. Нас окружает новый мир, созданный Порядком. Как странно, новый мир выглядит почти так же, как и старый.

Элрик, прекрасно осознавая, что все-все давно знакомое и близкое ему — города и даже целые континенты — теперь заменено другим, тоже был переполнен чувством утраты. Это напоминало расставание с детством, и, возможно, так оно и было. Они расстались с детством Земли.

Альбинос пожал плечами, отгоняя прочь подобные мысли, и улыбнулся.

— Мне говорили, когда Земля будет готова для новой жизни, я должен протрубить в рог в последний раз. Но, увы, у меня нет на это сил. Неужели в последний момент возможно изменить судьбу?

Мунглум странно посмотрел на Элрика.

— Надеюсь, что нет, друг мой.

Элрик вздохнул.

— Мы последние двое, кто остался, Мунглум,— ты и я. И знаешь, мне кажется совершенно нормальным, что даже величайшие события, которые произошли на Земле, не разрушили нашу дружбу, не разделили нас. Ты единственный друг, чье общество никогда не утомляло меня, единственный, кому я всегда доверял.

На устах Мунглума появилась бледная тень его старой дерзкой ухмылки.

— И когда мы участвовали в приключениях, я обычно извлекал выгоду там, где не мог извлечь ее ты. Мы взаимно дополняли друг друга. Мне не дано понять, почему я решил разделить твою судьбу. Возможно, это было решение судьбы, ибо есть последний акт дружбы, который я еще могу совершить...

Элрик только собрался переспросить Мунглума, как сзади раздался тихий голос:

— Я несу два послания. Одно из них — благодарность от повелителей Порядка, а другое — от более могущественной силы...

— Сепириз! — Элрик резко обернулся к своему учителю.— Ну как, ты доволен моей работой?

— Да, очень.— Лицо Сепириза было печальным, а во взоре нихраинянина скрывалось сочувствие.— Ты преуспел во всем, и тебе осталось лишь одно — в третий раз протрубить в рог судьбы. Благодаря тебе мир познает движение вперед, и новые люди в нем смогут подняться к новому состоянию бытия.

— Расскажи, в чем смысл всего этого? — спросил Элрик.— Мне не было даровано полностью постичь цель судьбы...

— А кто может понять? Кто может понять, почему существует космическое равновесие, почему существуют судьба и повелители высших миров? Почему всегда должен существовать герой, чтобы сражаться в таких битвах? Наверное, должно быть бесчисленное количество пространства, времени и вероятностей; и, наверное, есть множество созданий, способных увидеть конечную цель. Хотя, быть может, конечной цели вовсе и нет. Возможно, все есть цикл, и одни и те же

события происходят опять и опять, снова и снова, и так бесконечно, пока вселенная раскручивается, постепенно исчезая, как исчез мир, который ты знал. Ты хочешь постичь смысл, Элрик? Не стоит, друг мой, ибо поиски его приведут тебя к безумию...

— Смысла нет, ничего нет... Тогда зачем же я страдал, зачем все терпел?

— Возможно, сами боги ищут смысл, и это была лишь еще одна попытка найти его. Взгляни...— Сепириз махнул рукой, указывая на заново созданную Землю.— Все тут свежо и создано логикой. Быть может, логика станет управлять новыми людьми, а быть может, какая-нибудь движущая сила, которая разрушит и эту логику. Боги ищут новые пути, космическое равновесие направляет судьбу Земли, а люди сражаются и верят, что богам известно, за что они сражаются. Но известно ли это богам?

— Ты опять взволновал меня, а я так надеялся обрести покой,— вздохнул Элрик.— Я потерял любовь и мир и даже не знаю, ради чего.

— Мне очень жаль, Элрик. Я пришел проститься с тобой, друг мой. Сделай то, что должен сделать.

— Хорошо. Я увижу тебя еще когда-нибудь?

— Нет, ибо мы оба по сути мертвы. Наша эпоха кончилась.

Сепириз, казалось, ввинтился в воздух и исчез. Осталась лишь холодная тишина.

* * *

Наконец Мунглум прервал затянувшееся молчание.

— Элрик, ты должен протрубить в рог судьбы. Имеет это смысл или не имеет... Ты должен протрубить, дабы навсегда покончить с тем, что предначертано тебе судьбой!

— Но как?! Я с трудом держусь на ногах.

— Я уже решил, что ты должен сделать. Убей меня Буреносцем и возьми мою душу. Тогда тебе хватит сил, чтобы протрубить в последний раз.

— Убить тебя?! Единственного, кто остался... Единственного друга? Что за чушь ты несешь, Мунглум!

— Я говорю серьезно. Ты должен убить меня, ведь тебе больше негде взять жизненную силу. А кроме того, пойми, Элрик, нам нет места в новом мире. Мы все равно должны в скором времени умереть. Помнишь, ты рассказывал мне, как Зайра отдала тебе свою душу. Что ж, возьми и мою тоже!

— Я не могу.

Но Мунглум подошел к альбиносу и, ухватившись за эфес Буреносца, наполовину вытащил адский клинок из ножен.

— Нет, Мунглум!

Элрик оттолкнул его и вцепился в клинок. Но остановить Буреносца не смог. Меч сам вылез из ножен. Он взвился в воздух, увлекая за собой руку Элрика, и нацелился, готовый нанести удар.

Мунглум стоял, опустив руки, и лицо его было бесстрастным, хотя альбиносу казалось, он заметил страх в глазах друга. Элрик боролся с мечом, но потом понял, что совладать с ним не сможет.

— Пусть он делает свое дело, Элрик.

Меч рванулся вперед и вонзился в сердце Мунглума. Кровь рыжеволосого коротышки хлынула и залила клинок. Взор Мунглума затуманился и заполнился ужасом.

— О... нет... нет... Я... не ожидал... такого!..

Элрик замер, не в силах выдернуть меч из сердца друга. Окаменев, стоял он, ожидая, пока последние капли души маленького человечка с Востока не были выпиты. Элрик застыл над скорчившимся трупом. Слезы текли из его красных глаз и горькие рыдания не сотрясли его тело. И лишь тогда адский клинок освободился.

Альбинос отшвырнул меч, и тот, ударившись о каменистую почву, не зазвенел, а упал, словно был из плоти. Затем меч шевельнулся, и казалось, двинулся к Элрику, но остановился, и альбинос заподозрил, что Буреносец исподтишка наблюдает за ним.

Элрик поднес рог к губам. Он протрубил в рог судьбы, как герольд в ночи новой Земли. В ночи, предшествовавшей новой заре. И рев рога был ликующим, но сам Элрик не ликовал. Он стоял, полный бесконечного одиночества и бесконечной скорби, и голова его была откинута назад, пока звучал рог

судьбы. А потом рев, отразив все страдание Элрика, прошел всю гамму от триумфа до умирающего эха, и в небе над Землей начал проявляться огромный контур гигантской руки. Эта рука держала весы, и, как заметил Элрик, чаши весов начали двигаться сами по себе, пока не заняли надлежащего положения.

И это странным образом утешило альбиноса, и он расслабил руку, в которой сжимал рог судьбы.

— Ну хоть что-то,— пробормотал принц драконов.— Даже если это только иллюзия, она — утешает.

Он повернул голову и увидел, что Буреносец оторвался от земли, скользнул в воздух и ринулся на него.

— Буреносец! — крикнул альбинос, а затем адский меч пробил его грудь, и Элрик ощутил ледяное прикосновение клинка к сердцу и протянул руки, чтобы вырвать меч.

Элрик почувствовал, как тело сжимается; почувствовал, как Буреносец высасывает душу из самых глубин его существа; почувствовал, как его суть утекает в рунный меч.

Пока жизнь Элрика угасала, чтобы соединиться с жизнью клинка, он понял, что это — его судьба. Этим адским мечом Элрик убивал друзей и возлюбленных, похищал их души, дабы подпитать свои иссякающие силы. И Элрику казалось, что меч всегда использовал его для этой цели, что он был всего лишь человеческим воплощением Буреносца, а теперь возвращался в тело меча, который никогда обычным мечом и не был. Умирая, Элрик сознавал, что та часть души меча, которой стала его собственная, обречена вечно не знать покоя, быть бессмертной и всегда сражаться.

Элрик из Мелнибонэ, последний император, вскрикнул и рухнул, и бездыханное тело лишенной сути шелухой распростерлось рядом с телом Мунглума. Так они и лежали под могущественными весами, которые все еще виднелись в небе.

А затем Буреносец начал меняться. Он корчился и извивался над телом альбиноса и вот наконец встал, широко расставив ноги.

Существо, бывшее Буреносцем — последнее воплощение Хаоса, должное остаться в этом новом мире,— взглянуло на труп Элрика и улыбнулось.

— Прощай, друг. Я был в тысячи раз большим злом, нежели ты!

А затем оно оттолкнулось от Земли, стрелой вознеслось ввысь, и его дикий голос разнесся над равниной, глумливо насмехаясь над космическим равновесием, наполняя вселенную нечестивой радостью.

Приложение к «Хронике черного меча»

РАССКАЗ О ТОМ, КАК РАКХИР, КРАСНЫЙ ЛУЧНИК, ПОЛУЧИЛ СТРЕЛЫ ПОРЯДКА

ПРОЛОГ

За высоким и жутким стеклянисто-зеленым лесом Турус далеко на севере от Бакшаана, Элвера и других населенных мест Молодых королевств, на границе Плачущей пустыни стоит одинокий город — Танелорн. Это странный город. Он отличается от других тем, что дает приют всем странникам, которые приходят к его воротам. Исхудалые, озлобленные, ожесточенные бродяги, отверженные всюду, находят покой за стенами Танелорна и безмерно любят его за это.

Большинство из них в свое время нарушило клятвы, данные Хаосу. А поскольку повелители Хаоса больше, чем кто-либо, питали интерес к делам людей, то люто возненавидели Танелорн, уже в который раз решив уничтожить его.

Они отправили одного из своих слуг Наряхана (видимо, больше некого было послать) в Надсокор — город нищих, который давно уже точил зуб на Танелорн. Наряхан должен был, собрав армию, уничтожить Танелорн и его жителей. Спустя некоторое время нескончаемый поток мужчин и женщин — в лохмотьях и на костылях, слепых, увечных,— уверенно и грозно двинулся на север.

Глава 1
ОРДА НИЩИХ

В то время в Танелорне жил Красный лучник Ракхир.

Ракхир был когда-то воином-священником, слугой повелителей Хаоса, но отказался от своих богов ради более спокой-

ной жизни. Лицо этого человека вряд ли могло произвести впечатление: прямой ястребиный нос, глубоко посаженные глаза, тонкий рот, жидкая борода. Он носил красную шапочку, украшенную пером ястреба, красную куртку, плотно облегавшую его тело и перехваченную в талии широким ремнем, красные штаны и красные башмаки. Казалось, из его тела выпустили всю кровь, и та раскрасила его одежды, а после этого тело Ракхира само собой ссохлось.

Ракхир был счастлив в Танелорне, городе, который всех людей, похожих на него, делал счастливыми. Красный лучник знал: если Танелорн будет разрушен, он погибнет вместе с вечным городом.

Эта история началась с того, что Ракхир встретил Брута из Лашмара, когда тот устало въезжал в ворота вечного города мира. Серебряная упряжь и попона коня были в мыле, желтые одежды всадника изорваны, широкополая шляпа покрыта сальными пятнами. У Ракхира зашлось сердце — он заподозрил недоброе. Так и оказалось. Когда на городской площади собралась толпа, привлеченная необычным видом Брута, тот, даже не пытаясь дождаться тишины, объявил:

— Нищие из Надсокора... многие тысячи нищих идут на Танелорн. И ведет их Наряхан, повелитель Хаоса...

Как ни был тих его голос, смысл сказанного поняли.

Все жители Танелорна когда-то были воинами, великими воинами, но их было слишком мало. Толпы нищих, во главе которых стоял Наряхан, могли уничтожить Танелорн, и все содрогнулись, представив, что это случится.

— Значит, мы должны оставить Танелорн? — спросил молодой Уроч из Ниевы — похоже, что его, беспробудного пьяницу, это сообщение враз протрезвило.

— Этот город нужен нам, и мы не оставим его,— возразил ему Ракхир.— Мы должны защищать его ради него самого и ради нас. Такого города больше нет нигде...

Толпа зашумела, жители заспорили, и несколько минут вообще не было понятно, какое решение будет принято. Но тут Брут привлек внимание толпы, подняв руку:

— Я с тобой согласен, Красный лучник. Но без поступков слова ничего не стоят. Как ты предполагаешь защищать наш город, ведь у него низкие стены, а силы Хаоса велики и могучи?

— Нам понадобится помощь,— ответил Ракхир.— Сверхъестественная помощь, если уж на то пошло.

— Смогут ли нам помочь Серые повелители? — задал вопрос Зас Однорукий, старый бродяга, который однажды легко завоевал трон, а потом также легко потерял его.

— Конечно, Серые повелители! — с надеждой воскликнуло несколько голосов.

— Кто такие Серые повелители? — спросил Уроч, поскольку он был вечно пьян и мог не знать этого, но никто даже не расслышал его вопроса.

— Они не любят никому помогать... Но ведь Танелорн не принадлежит ни Хаосу, ни Порядку! Им следует помочь нам! — обнадежил всех Зас Однорукий.

— Я за то, чтобы просить помощи у Серых повелителей,— кивнул Брут.— А что скажут остальные?

Жители выразили свое согласие криками. Но потом все замолчали, когда до них дошло, что у них нет никакой возможности связаться с таинственными божествами, не подчинявшимися ни Хаосу, ни Порядку. В конце концов Зас сказал об этом вслух.

— Я знаю пророка-отшельника, живущего в Плачущей пустыне,— ответил ему Ракхир.— Может, он поможет.

— Думаю, мы не должны терять времени на поиски сверхъестественной помощи против армии нищих,— объявил Уроч.— Давайте лучше подготовимся и встретим врагов теми силами, которыми располагаем.

— Ты забыл,— устало возразил Брут,— что их ведет Наряхан, повелитель Хаоса. Он не человек, и с ним силы Хаоса. Мы знаем, что Серые повелители неподвластны ни Закону, ни Хаосу, но порой по собственной прихоти помогают одной из сторон. Они наша единственная надежда.

— Почему бы не попросить помощи у сил Порядка, заклятых врагов Хаоса и более могущественных, чем Серые повелители? — спросил Уроч.

— Потому что Танелорн — город, неподвластный ни одной из сторон. Все мы, мужчины и женщины, нарушили присягу Хаосу, но не приносили клятв Порядку. Силы Порядка помогут нам лишь в том случае, если мы принесем им клятву. Только Серые повелители смогут защитить нас, если захотят.

— Я пойду искать пророка,— сказал Ракхир.— И если он знает, как добраться до обители Серых повелителей, обращусь к ним напрямую, потому что времени осталось мало. Если доберусь до них, вы узнаете об этом. Если же нет, вы погибнете, защищая Танелорн, а я, если буду жив, присоединюсь к вам в последней битве.

— Хорошо,— одобрил Брут.— Иди быстрее, Красный лучник. Лети, как летят твои стрелы.

Прихватив с собой самое необходимое, в том числе костяной лук и колчан со стрелами, Ракхир отправился в Плачущую пустыню.

Из расположенного на юго-западе Надсокора через земли Вилмира, через дикую страну Орга, где находился странный лес Турус, двигались огонь и черный ужас — орда нищих и надменный, облаченный в черное воин. Он презирал нищих, хотя и вел эту орду. Голос его гулко звенел из-под шлема с опущенным забралом. Люди разбегались от ужаса при его приближении. Но ужас ждал их потом, когда они возвращались назад. Цветущая земля превращалась в пустыню. Многие королевства знали, что происходит, догадывались, почему нищие Надсокора, забыв свои столетние традиции, вышли из города дикой, грозной ордой. Но кто вооружил их, кто направил на северо-запад к Плачущей пустыне? Кто вел их? Этого они знать не могли.

Карлаак нищие обошли стороной. Дальше лежала Плачущая пустыня и Танелорн, а еще дальше — край мира.

Поход нищих напоминал шествие леммингов, ищущих собственной гибели. Все испытывали ненависть к страшной орде и надеялись, что воины Танелорна уничтожат ее.

Глава 2
ОТШЕЛЬНИК

Ракхир ехал вперед. В лицо ему бил сильный ветер, но лицо и руки были защищены от летящих песчинок. Он хотел пить, так как скакал уже целый день. И вот впереди показались камни. Доехав до них, Ракхир закричал, перекрывая плач ветра:

— Ламсар!

Отшельник вышел на крик Ракхира. Он был одет в потертый кожаный костюм, запорошенный песком. В бороде у него

тоже было полно песка, а кожа на лице стала такой же желтой под цвет пустыни. Пророк сразу узнал Ракхира по одежде, кивком пригласил в пещеру и, не дожидаясь, первым исчез внутри. Ракхир спешился и последовал за старцем.

Ламсар ожидал его, сидя на гладком камне.

— Приветствую тебя, Красный лучник,— сказал он.— И по твоему появлению вижу, что ты ищешь меня, чтобы обрести знания, а дело твое не терпит промедления.

— Мне нужна помощь Серых повелителей, Ламсар,— объяснил Ракхир.

Старый пророк улыбнулся.

— Чтобы ты прошел через Пять врат, твоя миссия должна быть достаточно важной. Я скажу тебе, как найти Серых повелителей, но дорога к ним трудна.

— Я должен успеть,— сказал Ракхир.— Танелорну грозит опасность. Лишь Серые повелители могут нам помочь.

— Тогда ты должен пройти через Первые врата, которые находятся в нашем измерении. Я помогу тебе их найти.

— А что я должен сделать потом?

— Ты должен пройти через Пять врат. Каждые врата ведут в другое измерение. В каждом измерении ты должен поговорить с его обитателями. Одни настроены дружелюбно, другие — нет, но все должны ответить на твой вопрос: «Где находятся следующие врата?» Хотя некоторые могут попытаться помешать тебе пройти. Последние врата приведут тебя в обитель Серых повелителей.

— А Первые врата?

— Они находятся тут, неподалеку. Я найду их для тебя.

Ламсар занял позу, приготовившись к медитации, и Ракхир, ожидавший от старца какого-нибудь фантастического чудодействия, был разочарован.

Глава 3
МИР ТАНЦУЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Прошло несколько часов, прежде чем Ламсар заговорил:

— Врата там. Запомни следующее: если дух равен духу человека, то комбинация двух должна удвоить эту силу. Дух человека всегда содержит силу...

— Странные рассуждения,— пробормотал Ракхир.

— Да. Но запомни их, сосредоточься на них, а потом мы отправимся в дорогу.

— Мы? Вы тоже?

— Да.

Пророк был очень стар. Ракхиру не хотелось брать его с собой, но Красный лучник понимал: непревзойденные знания отшельника могут оказаться ему полезны, поэтому не стал возражать. Он задумался над уравнением, и разум его стал размякать. Постепенно Ракхир погрузился в необычный транс, причем чувствовал, как возросли его способности — физические и умственные.

Отшельник встал, и Ракхир последовал за ним. Они вышли из зева пещеры, но вместо Плачущей пустыни перед ними оказалось призрачное облако голубого сияния. А когда они прошли сквозь облако, то очутились у подножия низкой горной гряды. За нею в долине лежали деревни. Эти поселения были похожи одно на другое и расположены необычно: все дома стояли по кругу котлована, выкопанного в центре каждой деревни. В целом сооружения напоминали амфитеатры.

— Пойдем посмотрим,— сказал Ламсар, и путешественники направились к ближайшей деревне.

Когда они подошли поближе, приветливо улыбающиеся люди высыпали наружу и заплясали вокруг. Ламсар и Ракхир остановились. Не прекращая пританцовывать, один из крестьян, видимо местный вождь, заговорил с ними:

— Вы пришельцы. Мы это знаем. И мы рады предложить вам все, что имеем: еду, кров и развлечения.

Путешественники вежливо поблагодарили.

Амфитеатр оказался из глины и, похоже, был просто выкопан в земле. Вождь отвел путников в свой дом и предложил им сесть.

— Вы пришли к нам во Время Отдыха,— сказал он.— Но не тревожьтесь, скоро все начнется вновь. Меня зовут Уерлеро.

— Мы разыскиваем врата,— вежливо сказал Ламсар.— Нам надо торопиться. Вы не обидитесь, если мы останемся здесь совсем не надолго?

— Пойдем,— позвал Уерлеро, словно не слыша вопроса,— скоро начнется.

Все жители деревни собрались в амфитеатре, окружив находившуюся в центре арены платформу. Большинство людей были светлокожими, веселыми и улыбающимися. Но некоторые явно принадлежали к иной расе, были темными, черноволосыми. Казалось, их не занимает общее веселье.

Почувствовав в происходящем что-то зловещее, Ракхир задал вопрос напрямую:

— Где следующие врата?

Уерлеро задумался, челюсть его задвигалась, а потом он улыбнулся.

— Там, где встречаются Ветры,— ответил он.

Ракхир гневно воскликнул:

— Это не ответ!

— Нет, он ответил,— тихо возразил стоявший позади него Ламсар.— Прекрасно ответил.

— Теперь мы будем танцевать,— продолжал Уерлеро.— Сперва вы будете смотреть на наш танец, а потом присоединитесь.

— Танцевать?— удивился Ракхир, мечтая о мече или по крайней мере о кинжале.

— Вам понравится. Всем понравится. Вы поймете, что это хорошо.

— А что, если мы не хотим танцевать?

— Вы должны, ведь это для вашей же пользы, не сомневайтесь.

— А он?— Ракхир указал на одного из угрюмых мужчин.— Ему это нравится?

— Это идет ему на пользу.

Уерлеро хлопнул в ладони, и тут же светловолосые люди завертелись в гипнотическом танце. Некоторые из них запели. Угрюмые люди не пели. Чуть помедлив, они начали двигаться скачками, их мрачные лица являли резкий контраст с дергающимися телами. Вскоре плясала вся деревня; все жители кружились и пели монотонную песню.

Кружась, подскочил Уерлеро.

— Ну же, присоединяйтесь.

— Мы лучше пойдем,— сказал Ламсар, чуть улыбнувшись.

Они попятились.

Уерлеро увидел это.

— Нет, вы не должны уходить, вы должны танцевать!

Путешественники повернулись и побежали так быстро, как только мог пророк. Танцующие жители деревни сменили направление пируэтов и угрожающе закружились, пытаясь догнать путников в жутком подобии веселья.

— Ничего не поделаешь,— сказал Ламсар и остановился, глядя на преследователей довольно иронично.— Горные боги, должно быть, заколдовали их. Жаль, ибо колдовство утомляет меня. Будем надеяться, их волшебство распространяется только на это измерение. Родарс!

Слова на непривычном, грубом языке стали вылетать из его уст. Кружащиеся люди приближались. Ламсар указал на них Ракхиру.

Крестьяне вдруг стали каменеть. Медленно, неравномерно тела их, замершие в сотнях поз, превратились в черный базальт.

— Это пойдет им на пользу,— мрачно улыбнулся Ламсар.— Пошли туда, где встречаются Ветры.— И он увлек за собой Ракхира.

Глава 4
ИЗМЕРЕНИЯ ХАОСА

В месте, где встречаются Ветры, путешественники обнаружили следующие врата — колонну янтарного пламени, внутри которой проскальзывали зеленые искры. Они вошли в колонну и внезапно оказались в мире бурлящей тьмы. Над ними простиралось красное небо, где растворялись и переливались все цвета радуги.

Впереди поднимался лес, темный, синий, черный, тяжелый, с едва просвечивающей зеленью. Верхушки деревьев раскачивались под порывами ветра. Все это сопровождалось какими-то странными завываниями. Перед путешественниками лежала земля, полная неестественного.

Ламсар поджал губы.

— В этом измерении правит Хаос, мы должны как можно быстрее найти следующие Врата, иначе повелители Хаоса обязательно постараются нас остановить.

— Тут всегда так? — с трудом выговорил Ракхир.

— Тут всегда царит бурлящая полночь, но остальное меняется в зависимости от настроения повелителей Хаоса. Тут не действуют физические законы.

Они пробежали сквозь заросли цветущих растений. Те росли на глазах и видоизменялись. Однажды путешественники увидели в небе огромную, крылатую фигуру с грубым человеческим лицом.

— Везхан,— сказал Ламсар.— Будем надеяться, что он не заметит нас.

— Везхан,— шепотом повторил Ракхир, ибо именно Везхану он когда-то служил.

Путешественники пробивались сквозь заросли все дальше и дальше, не зная, куда идут, и идут ли они вообще, так как вокруг все менялось чересчур быстро.

Вскоре они вышли на берег необычного моря.

Серое, колышущееся, таинственное, простирающееся в бесконечность, оно лежало перед ними. Казалось, у моря нет другого берега. Не существовало других земель, темных рек и холодных зарослей, мужчин и женщин. Корабли не плавали по этому морю. Это было море, простиравшееся в никуда — море совершенства.

Над ним возвышалось солнце цвета охры. Оно разбросало по воде черные и зеленые тени, придавая всей сцене зловещий вид. Небо над путешественниками казалось серым от облаков. Отчетливо слышались стоны волнорезов, о которые разбивались волны... Одинокие, зачарованные, монотонные всхрапывания бурунов, звук, не предвещавший ни смерти, ни жизни, ни войны, ни мира,— просто постоянную дисгармонию. Дальше идти было некуда.

— Тут веет ветер смерти,— дрожа прошептал Ракхир.

Море ревело и било в берег. Звук этот порой становился неистовым, он бодрил путешественников, манил и соблазнял их, предлагая покой.

Ламсар сказал:

— Нет, моя судьба иная.

Повернувшись, путешественники побежали обратно к лесу, чувствуя, как чужое море выходит из берегов, гонится за ними. Оглянувшись, они увидели, что море осталось на месте... и успокоились. Ламсар отстал от Ракхира.

Красный лучник схватил своего спутника за руку и потянул за собой, словно вытаскивая старца из водоворота. Они решили на некоторое время остаться на опушке леса, но море звало их, а ветер прохладной рукой ласкал тела...

В холодном безмолвии на берегу, под солнцем, не дающим тепла, тела спутников сияли, как звезды в ночи. Им пришлось спрятаться в лесу.

— Неужели мы в ловушке в этой стране Хаоса? — удивился Ракхир.— Если мы кого-нибудь встретим, а они нападут на нас, то как мы тогда сможем задать им свои вопросы?

Из темного леса вышла большая фигура, голая и кривая, как ствол корявого дерева, по цвету напоминающая сухую глину, с располагающим к общению лицом.

— Приветствую вас, несчастные ренегаты,— проговорило существо.

— Где следующие врата? — быстро спросил Ламсар.

— Вы почти вошли в них, но повернули,— засмеялся гигант.— Этого моря не существует в действительности, оно здесь для того, чтобы удержать путешественников в стороне от врат.

— Но оно же существует здесь, в царстве Хаоса...

— Ты можешь так сказать. Но что из того, что существует в Хаосе, поможет тебе остаться в своем уме?

Ракхир поднял костяной лук и наложил стрелу на тетиву, но сделал это, сознавая свою беспомощность.

— Не стреляй,— мягко попросил Ламсар.— Пока не надо.— Он посмотрел на стрелу и забормотал.

Не торопясь, гигант приближался к ним.

— Я хочу услышать от вас полный перечень ваших грехов,— заявил он.— Я Хионхури Палач. Вы найдете смерть приятной, но жизнь после смерти невыносимой.— Он подошел ближе, растопырив когтистые руки.

— Стреляй,— прохрипел Ламсар, и Ракхир прижал руку со стрелой к щеке, с силой оттянул тетиву. Он выпустил стрелу в сердце гиганта.

— Бежим! — крикнул Ламсар, и, невзирая на свои предчувствия, они со всех ног помчались к страшному морю. За спиной слышались стоны гиганта. Спутники бросились в прибой вместо того, чтобы вбежать в воду, а потом оказались у подножия закоченевших гор.

— Нет стрелы смертного, которая могла бы одолеть повелителя Хаоса,— заметил Ракхир.— Как смог ты остановить его?

— Я использовал старые чары — чары справедливости. Если их приложить к любому оружию, они могут быть опасны для несправедливости.

— Но почему они повредили Хионхуру Бессмертному? — спросил Ракхир.

— Нет справедливости в мире Хаоса. Что-то постоянное и неуступчивое может повредить любому слуге повелителей Хаоса.

— Мы прошли через Третьи врата,— заметил Ракхир, ослабив тетиву лука, а осталось найти Четвертые и Пятые. Две опасности мы миновали, но какими будут еще две?

— Кто знает? — пожал плечами Ламсар.

Глава 5
ТРЕТИЙ МИР

Они перешли горное ущелье и вошли в сумрачный лес. Тут тоже было холодно, хотя солнце стояло в зените, с трудом пробивая лучами густую листву. В полумраке царила атмосфера древнего покоя. Путники слышали трели незнакомых птиц и видели крошечных золотых певуний. Ничего подобного раньше они не встречали.

— Есть в этом мире что-то мирное и спокойное,— сказал Ракхир.— Я почти уверен в этом.— Но Ламсар молча указал вперед.

Ракхир увидел красное величественное куполообразное здание, украшенное мраморной и аквамариновой мозаикой. Оно стояло на полянке с желтой травой. Мрамор отражал солнечные лучи и сверкал, как огонь.

Путники приблизились к куполообразному строению и увидели, что крышу здания поддерживают большие мраморные колонны, установленные на фундаменте молочного нефрита. Посредине здания была лестница из голубого камня, которая, извиваясь, уходила вверх и исчезала в круглом отверстии. В стенах здания были большие окна, но они располагались чересчур высоко и путешественники не могли в них заглянуть.

Вокруг никого не было. Ракхиру и Ламсару показалось бы странным, если бы они кого-то тут нашли. Они пересекли желтую прогалину и ступили на нефритовые плиты.

Стало теплее, солнце вышло из-за туч. Путники, едва сохраняя равновесие, скользили по гладкому камню.

Подойдя к голубой лестнице, они стали подниматься по ней, пытаясь рассмотреть, что находится вверху. Но ничего не увидели, пока не вошли в здание. Путники даже не пытались задать себе вопрос, почему действуют так уверенно. Казалось совершенно естественным поступать именно так. Альтернативы не существовало. Здесь царила атмосфера доброжелательности. Ракхир чувствовал ее, сам не зная, почему.

Внутри здания оказался прохладный тенистый зал — смесь мягкой тьмы и яркого солнечного света, бьющего в окна. Пол был жемчужно-розовым, а потолок ярко-алым.

Частично скрытый в глубокой тени в дальнем конце зала, открывался низкий проход, а за ним находилась еще одна лестница. Ракхир вопросительно взглянул на Ламсара.

— Мы нашли врата?

— Мы должны получить ответ на наш вопрос, если нам это удастся.

Они поднялись по второй лестнице и оказались в зале, похожем на предыдущий, но значительно меньшем по размеру. Этот зал тем не менее был меблирован двенадцатью широкими золотыми тронами с серебряной инкрустацией, расставленными полукругом около стен, у двери стояло несколько кресел, задрапированных в пурпурную ткань.

Дверь за тронами открылась, в зал вошел высокий человек. Его сопровождали другие, выглядевшие почти как он. Только их наряды заметно различались. Лица их были бледными, почти белыми, носы прямыми, губы тонкими, и во взгляде не было коварства. Они глядели на мир с печалью. Шедший первым, осмотрев Ракхира и Ламсара, кивнул и грациозно помахал бледными длинными пальцами.

— Приветствую,— сказал он. Голос его был высоким и слабым, как у девушки, приятным по звучанию. Остальные одиннадцать уселись на троны, но первый остался стоять.— Садитесь, пожалуйста,— предложил он.

Ракхир и Ламсар сели в пурпурные кресла.

— Как вы сюда попали? — спросил человек.

— Через врата из мира Хаоса,— ответил Ламсар.

— Вы искали нас?

— Нет. Мы держим путь в обитель Серых повелителей.

— Мне тоже так кажется, поскольку ваш народ редко посещает нас иначе, как благодаря случаю.

— Где мы? — спросил Ракхир, когда его собеседник сел на пустующий трон.

— За пределами времени. Некогда наше измерение было частью известного вам мира, но в туманном прошлом оно стало отделяться, и потом возникло это измерение. Наши тела, в отличие от ваших, бессмертны. Мы так решили. Мы больше не зависим от своей плоти, как вы.

— Не понимаю,— нахмурился Ракхир.— О чем вы говорите?

— Я объясню простейшими из слов, которые понятны вам. Если вы не поймете сейчас то, что я скажу, дальнейшие объяснения бесполезны. Нас называют стражниками, хотя мы ничего не сторожим.

— Что же вы делаете? — спросил Ракхир.

— Мы существуем. Вы хотите узнать, где лежат следующие врата?

— Да.

— Восстановите свои силы, а потом мы покажем вам врата.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Ракхир.

— Живем,— ответил человек.

— Вы нелюди!

— Мы люди. Вы проводите жизнь в погоне за тем, что сокрыто в каждом из вас, за тем, что можно найти в любом другом человеке, но вы не так ищете. Вы должны идти более странной тропой — тратить жизнь на то, чтобы совершить открытие и понять, что вы бесцельно истратили все отведенное вам время. Я рад, что мы уже не такие, как вы, и я хотел бы помочь вам. Однако мы этого сделать не можем.

— Но вы должны,— спокойно ответил Ламсар.— Мы путешествуем, чтобы спасти Танелорн.

— Танелорн? — мягко проговорил человек.— Танелорн все еще существует?

— Да,— ответил Ракхир.— Но стены его скоро перестанут давать приют странствующим людям.

Теперь Ракхир понял, почему здание показалось знакомым. По своей архитектуре оно чем-то напоминало здания Танелорна.

— Танелорн был последним из наших городов,— объявил странник.— Простите нас за то, что мы вас осудили... большинство из путешественников, прошедших через наше измерение, были искателями приключений, авантюристами, не имеющими реальной цели, и слушать их оправдания, мнимые причины для путешествий... Должно быть, вы любите Танелорн, если презрели опасности врат?

— Да,— ответил Ракхир,— и я благодарен вам за то, что вы построили его.

— Мы построили его для себя, но хорошо, что другие используют его во благо себе.

— Вы поможете нам? — спросил Ракхир.— Ради Танелорна?

— Мы не можем. Это неправильно. Отдыхайте и будьте нашими гостями.

Двум путешественникам дали еду и питье, которое, казалось, впиталось в поры их тела, когда они стали пить. Потом их собеседник сказал:

— Случилось так, что мы построили дорогу. Идите по ней, и вы войдете в следующее измерение. Но предупреждаю вас: следующий мир — самый опасный из всех.

Ракхир с Ламсаром отправились по дороге, которую построили архитекторы Танелорна, и прошли через Четвертые врата в страшное измерение — царство Порядка.

Глава 6
МИР ПОРЯДКА

На сером небе не было солнца. Все замерло. Ничто не нарушало серое однообразие.

Ничего не было на блекло-серой равнине, расстилавшейся по обе стороны от путешественников. Горизонта не существовало. Абсолютная пустыня. Но в воздухе затаилось ощущение присутствия чего-то, что ушло, оставив слабую ауру после себя.

— Какая опасность может скрываться в этом мире? — дрожа, спросил Ракхир.— Здесь ничего нет!

— Опасность безумия от одиночества,— ответил Ламсар. Голоса их поглотили серые просторы.— Когда наше измерение было очень молодо,— продолжал Ламсар, и слова его разносились над пустыней,— там все было, как здесь. Но там были моря... Моря. Здесь же ничего нет.

— Ты ошибаешься,— сказал Ракхир со слабой улыбкой.— Я думаю, здесь есть Порядок.

— Верно. Но что есть Порядок без того, что необходимо изменять? Вот он, Порядок, лишенный справедливости.

Они пошли вперед. Их окружала атмосфера чего-то неосязаемого, что раньше было осязаемым. Они шли по пустынному миру абсолютного Порядка.

* * *

В конце концов Ракхир что-то заметил, что-то, что мерцало, растворяясь и потом появляясь снова. Они увидели идущего человека. Большая голова его выглядела благородной, но лицо было искажено душевной болью. Незнакомец не заметил их, когда они приблизились.

Ракхир и Ламсар остановились перед ним, и отшельник кашлянул, чтобы привлечь внимание незнакомца. Человек повернул большую голову и уставился на них. Хмурое выражение исчезло с его лица, сменившись более мягким, задумчивым.

— Кто вы? — спросил Ракхир.

— Нет еще.— Человек вздохнул.— Нет еще. Похоже... Опять фантазии... Призраки.

— Разве мы призраки? — улыбнулся Ракхир.— Вы больше похожи на призрака, чем мы.

Он смотрел, как человек вновь медленно начинает исчезать. Контуры его стали менее четкими, плавящимися. Тело запульсировало сильнее, словно рыба, пытающаяся выскочить из запруды, потом вновь приняло более осязаемую форму.

— Я надеюсь избавиться от всего лишнего, сохранив свою подлинную форму,— устало сказал человек.— Но что-то не получается. Неужели все мои попытки потерпели неудачу, и логика моя не та, что прежде?

— Не бойся,— сказал Ракхир.— Мы материальные существа.

— Это как раз то, чего я боюсь. Столетия ушли на то, чтобы избавиться от материальности, которая скрывала правду. Я почти преуспел в этом, а теперь вы вновь повернули все назад. Мой разум уже не тот, что прежде.

— Похоже, вас мало огорчило бы, если бы нас не было на свете? — улыбаясь, сказал Ламсар.

— Вы знаете, что это не так. Вы не существуете, так же, как и я,— вновь он нахмурился, черты лица исказились, тело стало исчезать, он явно стремился вернуться в прежнее состояние. Человек вздохнул.— Ответить вам значит предать себя, но я полагаю, небольшой отдых поможет мне восстановить свои способности, и потом не придется в последний раз концентрировать волю, добираясь до абсолютной правды — правды небытия.

— Но небытие — отсутствие мысли, отсутствие воли, отсутствие действия,— заметил Ламсар.— Конечно же, вы не станете подвергать свою судьбу таким испытаниям?

— Не существует ничего, кроме меня. Я единственная вещь во вселенной, для существования которой есть причина: я и есть эта причина. Еще одно небольшое усилие, и я буду тем, чем хочу быть,— единственной правдой в несуществующей вселенной. Для этого прежде всего требуется избавиться от окружающих меня излишеств, например, от вас. Потом сделать последний рывок...

— И что же дальше?

— Состояние абсолютного ничто, где нет ничего, что могло бы нарушить порядок вещей, потому что нет порядка вещей.

— Недостаточно конструктивно,— заметил Ракхир.

— Конструкция — слово бессмысленное, как и все слова, так же, как и само существование. Все — значит ничего — вот единственная правда.

— А как же насчет этого мира? Пусть он пустой, но в нем есть свет и мягкий камень. Вы можете заявить, что этого не существует? — спросил Ламсар.

— Все исчезнет, когда исчезну я,— медленно произнес мыслитель.— И вы тоже. Не останется ничего, кроме ничего, и Порядок будет стоять несокрушимо.

— Но Порядок не может существовать: его существование тоже противоречит вашей логике.

— Вы ошибаетесь. Ничто и есть Порядок. Ничто есть высшее достижение Порядка — путь к окончательному состоянию, состоянию небытия.

— Что же,— задумчиво произнес Ламсар,— тогда будет лучше, если вы скажете нам, где найти следующие врата.

— Тут нет никаких врат.

— А если бы были, где бы мы могли найти их? — спросил Ракхир.

— Если бы врата существовали, чего на самом деле нет, они были бы у горы, близ того места, которое некогда называлось морем Мира.

— А где оно находилось? — спросил Ракхир, вспоминая теперь жуткое предупреждение. В этом мире не было ни ориентиров, ни солнца, ни звезд — ничего, что помогло бы определить направление.

— Неподалеку от Суровой горы.

— Как туда попасть? — спросил Ламсар.

— Наружу, за пределы, в никуда...

— А где, если предположить, что ты преуспел в своих доводах, находимся мы?

— В каком-то другом «нигде». Я не могу правильно ответить. Но поскольку вы никогда не существовали в действительности, следовательно, не можете отправиться в какую-нибудь недействительность. Только я реален, и я не существую.

— Мы пойдем в никуда,— сказал Ракхир с деланной улыбкой.

— Только слабость моего разума позволяет существовать вам,— возразил мыслитель.— Я должен сконцентрироваться, иначе мне придется начинать все сначала. Процесс так и норовит повернуть вспять. В начале все было Хаосом. Я создал абсолютный Порядок — Ничто.

Смирившись, Ракхир натянул лук, наложил стрелу на тетиву и прицелился в хмурого человека.

— Ты хочешь небытия? — спросил он.

— Я же вам сказал.

Стрела Ракхира пронзила сердце человека. Тело сперва исчезло, потом снова стало видимым, рухнув наземь. И тут

же вокруг них появились горы, леса и реки. Это был мирный, хорошо упорядоченный мир, и Ракхир с Ламсаром, отправившиеся на поиски Суровой горы, долго обсуждали философскую позицию человека, которого вынуждены были убить. Наконец они добрались до большой гладкой пирамиды, которая явно была неестественного происхождения: создавалось впечатление, что она вырезана из цельной глыбы. Они обошли вокруг ее основания и нашли вход.

Не оставалось никаких сомнений, что это и есть та самая Суровая гора. Неподалеку раскинулся океан. Путешественники вошли во врата и попали в странный мир, как будто очерченный тонким пером.

Глава 7
ОБИТЕЛЬ СЕРЫХ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ

Деревья здесь напоминали затвердевшую паутину.

Тут и там лежали голубые мелкие водоемы с мерцающей водой. Красивые камни располагались вдоль берега.

Вдали виднелись светлые холмы, протянувшиеся к пастельно-желтому горизонту с оттенками красного, оранжевого и синего.

Путешественники почувствовали себя неуютно, смутились, словно были грубыми, неуклюжими великанами, топчущими красивую, коротко подстриженную траву. Они чувствовали себя так, словно уничтожали святость этого места.

Потом они увидели девушку, неторопливо идущую к ним.

Они остановились, когда та подошла ближе. Она носила просторные черные одежды, которые развевались на ее теле, словно дул сильный ветер, хотя никакого ветра не было. Лицо у девушки оказалось бледным и остреньким, глаза — черными и загадочными. На длинной шее она носила драгоценный камень.

— Сорана,— глухо сказал Ракхир.— Ты же мертва.

— Я не мертва,— возразила она.— Я просто исчезла из твоего измерения. Меня перенесли сюда. Мне было сказано, что ты появишься здесь, и я решила дождаться тебя.

— Но здесь обитель Серых повелителей, а ты служишь Хаосу.

— Это так, но многие могут быть при дворе Серых повелителей, независимо, служат они Хаосу или Порядку. Я провожу тебя.

Изумленный Ракхир позволил Соране вести себя по странной земле. Ламсар следовал за ними.

* * *

Сорана, волшебница, искательница приключений, была когда-то любовницей Ракхира. Но однажды, вернувшись в Вешпотум весь в крови (Ракхир чудом уцелел в битве рыцарей Тумору с разбойниками-изобретателями Лохеб Вакра; это случилось семь лет назад), он услышал ее крики. Синие убийцы проникли в нечестивую крепость. Ракхир дал слово покарать злодеев, но ему пришлось спешно бежать из Вешпотума. Убегая, он решил, что неразумно спасать мертвую девушку. И вот теперь он встретил Сорану здесь. А раз она здесь, для этого есть веская причина. Сорана, видимо, преследует какую-то собственную цель. С другой стороны, она служила Хаосу, и он должен был относиться к ней с подозрением.

Впереди путешественники увидели множество сверкающих серых палаток, которые казались тонированными во всевозможные цвета. Люди медленно двигались между ними. Ощущение лени парило в этом мире.

— Здесь,— сказала Сорана, улыбнувшись Ракхиру, и взяла его за руку.— Серые повелители сейчас здесь. Они путешествуют по своему измерению. У них есть временные пристанища, и одно из них ты сейчас видишь. Они примут тебя, если ты их заинтересуешь.

— Но они нам помогут?

— Ты должен их попросить.

— Ты служишь силам Хаоса,— заметил Ракхир,— и должна помогать им бороться против нас, не так ли?

— Здесь — нейтральная территория,— проговорила она, мило улыбнувшись.— Я могу сообщить Хаосу, что узнала ваши планы и, если Серые повелители помогут вам, должна сообщить моим хозяевам, в чем будет заключаться их помощь.

— Ты откровенна, Сорана.

— Изощренное лицемерие. Самая тонкая ложь из всех — это правда,— сказала девушка, когда они подошли к высоким палаткам.

* * *

В другом измерении огромная орда двигалась по травянистым равнинам севера с дикими криками и песнями. Впереди ехал всадник в черных доспехах — их вождь. Ближе и ближе подходили они к одинокому Танелорну. Как кипящая волна прибоя нечувствительной плоти, двигалась истерически настроенная толпа нищих, брызжущих слюной от ненависти к Танелорну. Воры, убийцы, шакалы, хищники — низменная толпа, но какая огромная...

А в Танелорне жители помрачнели, потому что патрули и разведчики держали их в курсе передвижения могучей армии нищих.

Прошло два дня с тех пор, как Ракхир ускакал в Плачущую пустыню. Еще дня три, и Танелорн захлестнет сброд Надсокора. Все горожане понимали: нет никакого действенного способа остановить врагов.

Жители вечного города могли лишь предоставить Танелорн уготованной ему судьбе, но они не хотели этого, ведь Танелорн Таинственный дал им тайную силу, которая, как считал каждый из них, принадлежала лишь ему одному... силу, которая дала им покой. И поэтому они оставались в городе, ибо предоставить Танелорн его судьбе означало вновь стать бездомными скитальцами, а этого все боялись.

Брута избрали вождем, и он стал готовить город к обороне, но у защитников не было никаких шансов отразить нападение армии Хаоса. Брут вздрогнул, когда подумал: что если бы Хаос направил против Танелорна все свои силы?.. Тогда все жители вечного города в этот миг были бы уже в аду.

Пыль высоко поднималась над Танелорном от копыт лошадей разведчиков и гонцов. Брут увидел, как один из гонцов въехал в ворота. Он остановился перед Брутом. Вернулся гонец, отправленный в Карлаак, лежащий на границе Плачущей пустыни. Карлаак был одним из городов, ближайших к Танелорну.

Гонец воскликнул:

— Я просил Карлаак о помощи, но, как мы и предполагали, они подозревают, что рассказ об армии нищих сильно преувеличен. Я говорил с сенаторами, и они не хотят помогать нам.

— Не было ли там Элрика?

— Нет, его там не было. Я слышал разговоры о том, что он сейчас борется с Хаосом. Приспешники Хаоса пленили его жену, и он отправился наказать их. Хаос, похоже, повсюду в нашем измерении укрепляет свои позиции.

Брут побледнел.

— А что Ядмар? Пришлет ли Ядмар воинов? — спросил гонец в свою очередь, ведь кроме него многие были посланы в близлежащие города просить о помощи.

— Не знаю,— ответил Брут.— Сейчас это не играет роли, потому что армия нищих уже менее чем в трех днях пути от Танелорна, а силам Ядмара понадобится три недели, чтобы добраться до нас.

— А Ракхир?

— Я ничего не слышал о нем. Он еще не вернулся. У меня такое чувство, что он не вернется. Танелорн обречен.

* * *

Ракхир и Ламсар склонились перед тремя маленькими людьми, сидевшими в палатке, но один из повелителей раздраженно сказал:

— Не унижайтесь перед нами, друзья, мы сами более унижены, чем все прочие.

Путешественники выпрямились и стали ждать.

Серые повелители утверждали, что унижены. Такое утверждение звучало чересчур показным. На самом деле Серые повелители обладали преувеличенной гордостью. Ракхир понял: здесь нужна скрытая лесть, и не был уверен, что такое ему под силу, поскольку он — воин, а не придворный и не дипломат. Ламсар, не поняв, снова заговорил:

— В гордыне своей, повелители, мы пришли научиться простейшим истинам, которые являются единственными истинами — истинами, которым вы сможете научить нас.

Говоривший с ними бог, возражая, улыбнулся.

— Истина нами не определена. Мы можем предложить лишь несовершенные мысли. Они вряд ли могут заинтересовать вас или помочь найти ваши истины.

— Действительно, это так,— согласился Ракхир.— И еще мы думаем вот о чем: нет ли у вас каких-нибудь предположений относительно ответа на вопрос, который нас интересует — как защитить Танелорн?

— Мы не столь горды, чтобы давать советы,— заявил их собеседник.— Мы не великие мудрецы, и у нас нет уверенности в собственных решениях, ибо, кто знает, может, они ошибочны и основаны на неправильно истолкованных фактах.

— Действительно,— продолжал Ламсар, рассудив, что сможет одолеть их с помощью того же показного самоуничижения.— Как удачно, что мы не смущаем свою гордость познания, ибо спокойный человек смотрит и говорит мало, а видит много. Следовательно, мы понимаем, что вы не уверены, будут ли полезны ваши предложения. Мы же, взяв в пример ваше поведение, униженно просим вас: скажите, есть ли хоть какой-нибудь способ спасти Танелорн?

* * *

Ракхиру трудно было понять очевидную извращенность довода Ламсара. Но он видел: Серые повелители польщены. Краем глаза он следил за Сораной. Она улыбалась сама себе, и, судя по ее улыбке, они шли правильным путем. Сорана слушала внимательно, и Ракхир выругался про себя, вспомнив, что повелители Хаоса могущественны и знают все. Даже если люди получат помощь Серых повелителей, боги Хаоса могут остановить любую армию, направленную на спасение Танелорна.

Их собеседник посоветовался с друзьями и наконец сказал:

— Редко имеем мы радость общаться с такими смелыми и интеллигентными людьми. Как могут наши незначительные знания быть использованы в вашем предприятии?

Ракхир все понял и почти рассмеялся. В конце концов лесть принесла путешественникам то, чего они желали. Красный лучник пустился в объяснения:

— Наряхан из Хаоса ведет громадную армию человекообразных отбросов — армию нищих. Он поклялся растерзать Танелорн и перебить его жителей. Нам нужна какая-то магическая помощь, чтобы сразиться с Наряханом и его армией нищих.

— Но Танелорн не может быть уничтожен,— сказал Серый повелитель.

— Он вечен...— сказал другой.

— Но эти гонцы...— начал было третий.

— О, да!..

— В Калифе есть жуки,— начал Серый повелитель, который до сих пор хранил молчание,— жуки, которые источают специфический яд.

— Жуки, повелитель? — переспросил Ракхир.

— Они величиной с мамонта,— добавил третий повелитель,— но могут менять свои размеры и размеры своей добычи, если она чересчур велика для них.

— К слову,— снова заговорил повелитель.— Одна химера обитает в горах на Юге. Она может менять облик и ненавидит Хаос, так как тот породил ее. Ведь Хаос оставил ее бесформенным существом.

— Есть еще четыре брата Химерокахла, обладающих волшебной властью,— продолжал повелитель, но первый нетерпеливо перебил его:

— Их магия не действует за пределами нашего измерения. Я думаю, нужно оживить Синего колдуна...

— Слишком опасно, и, как бы там ни было, вне нашей власти...

Некоторое время повелители спорили между собой. Ракхир и Ламсар ничего не говорили, только ждали.

Наконец первый повелитель снова обратился к путешественникам:

— Лодочники Херлеренеса, как мы решили, лучше всего подойдут, чтобы помочь вам защитить Танелорн. Вы должны отправиться в горы Херлеренеса и найти их озеро.

— Озеро? — переспросил Ламсар.— Озеро в кольце гор, как я понимаю?

— Нет,— ответил повелитель.— Их озеро находится выше гор. А мы найдем кого-нибудь, кто доставит вас туда. Может быть, они помогут вам.

— Больше ничего вы не можете посоветовать?

— Ничего. Вмешиваться — не наше дело. Пускай лодочники решат, будут помогать вам или нет.

— Понятно,— сказал Ракхир.— Спасибо.

Сколько времени прошло с той минуты, когда он покинул Танелорн? Сколько времени понадобится армии нищих, чтобы добраться до города? Или это уже случилось?

— Где лежит Херлеренес? — поинтересовался Ламсар.

— Не в нашем измерении,— ответил один из Серых повелителей.— Пошли, мы дадим вам проводника.

* * *

Сорана произнесла необходимое слово, которое немедленно перенесло ее в синий полумир, хорошо ей знакомый. Тут не было других цветов, кроме многочисленных оттенков синего цвета. Здесь она подождала. В этом мире не существовало ничего, даже времени, и поэтому она не могла точно сказать, как долго продолжалось ее ожидание.

Глава 8
МИР ЭЛЕМЕНТАЛЕЙ ВОЗДУХА

По знаку вождя орда нищих остановилась. Голос гулко прозвучал из-под шлема, забрало которого по-прежнему было опущено: «Завтра мы выступаем против Танелорна. Время, которое мы выиграли, поможет нам... Завтра Танелорн будет наказан, и камни его крошечных домиков превратятся в пыль. А ветер унесет эту пыль...»

Тысячи нищих радостно завопили. Ни один из них не спросил, кому и зачем нужно уничтожать Танелорн. Вот каким могуществом обладал Наряхан!

* * *

В Танелорне Брут и Зас Однорукий обсуждали природу смерти в тонах, которые можно было бы назвать нарочито спокойными. Обоих переполняла печаль меньше за себя, чем за Танелорн, гибель которого близилась. Снаружи жалкая ар-

мия пыталась подготовить город к обороне, но им не удалось растянуть свои силы по всей длине низких стен, так мало в Танелорне было людей. Огни в домах горели всю ночь. Завтра для них должен был наступить конец света.

* * *

Измученная Сорана, как всегда после посещения своего повелителя, вернулась к плану, занимавшему Серых повелителей, и узнала, что Ракхир, Ламсар и их проводник готовятся к отбытию. Еекуор объяснил ей, что необходимо сделать: отправиться к Наряхану. Остальные повелители Хаоса будут помогать им. Сорана подарила своему бывшему любовнику поцелуй, когда он ночью уезжал из лагеря Серых повелителей. Ракхир вызывающе улыбнулся ей, но, отвернувшись, нахмурился. Путники в молчании въехали в Долину потоков, где лежали врата, ведущие в нужное измерение.

Их проводник, странник по имени Таймерас, указал на ночное небо, испещренное очертаниями скал.

— Это мир, где правят элементали воздуха. Взгляните!

Путешественники увидели жуткий воздушный поток, и в нем плавали совы со светящимися глазами. Лишь когда птицы подлетели ближе, они увидели, что совы величиной почти с человека. Ракхир, сидя в седле, натянул лук, а Таймерас удивился.

— Как они так быстро узнали о нашем путешествии?

— Сорана,— объяснил Ракхир.— Она предупредила повелителей Хаоса, и те послали против нас ужасных птиц.

Как только первая из птиц повисла над всадниками, сжимая огромные когти и разевая гигантский клюв, Ракхир выстрелил, целясь в горло. Птица взвизгнула и взвилась ввысь. Много стрел слетело с гудящей тетивы Ракхира, чтобы найти мишень, а Таймерас выхватил меч и стал рубить, уворачиваясь, когда птицы бросились на него.

* * *

Ламсар со стороны наблюдал за битвой, но не принимал в ней участия. Он считал все, что происходило, презренными действиями.

— Если духи воздуха правят этим измерением, то они должны возмутиться превосходящей силе других сверхъестественных существ,— и он задумался, вспоминая нужные заклинания.

В колчане Ракхира остались всего две стрелы, когда удалось отогнать сов. Птицы, видимо, не привыкли к добыче, которая отбивалась, предлагая им честный бой.

— Нас могут подстерегать и другие опасности,— с дрожью в голосе заметил Ракхир,— поскольку повелители Хаоса попытаются остановить нас. Как далеко до Херлеренеса?

— Недалеко,— ответил Таймерас.— Но путь труден.

Они отправились дальше. Ламсар ехал позади, погрузившись в собственные невеселые мысли.

Всадники ехали вверх по пологой горной тропе. Рядом с тропой разверзлась бездонная пропасть. Ракхир, не питавший любви к высотам, старался держаться как можно ближе к скале. Будь у него боги, которым можно было бы молиться, он молил бы о помощи.

* * *

Когда они обогнули очередную скалу, к ним подлетели (или подплыли по воздуху) огромные рыбы. Размером с акул, они светились, и планировали по воздуху на огромных крыльях-плавниках, словно скаты. Но было совершенно очевидно, что эти чудища — рыбы. Без промедления Таймерас вытащил меч, но у Ракхира остались только две стрелы, а рыб было слишком много.

Но Ламсар рассмеялся и заговорил пронзительным голосом:

— Краккор... пиштаста-салафлар!

В темном воздухе материализовались огромные огненные шары — шары многоцветного пламени. Они собрались в странные грозные гроздья и устремились к рыбам.

Огненные шары ударили по летучим рыбам, и те завизжали, когда пламя коснулось их чешуи. Рыбы стали вспыхивать одна за другой, и, пылая, падали в глубокое ущелье.

— Элементали огня! — воскликнул Ракхир.

— Духи огня не боятся никого! — тихо сказал Ламсар. Огненные шары сопровождали путешественников весь оста-

ток пути до Херлеренеса. Они охраняли их до рассвета, отпугнув много злых существ, которых посылали Повелители Хаоса...

Глава 9
ЛОДОЧНИКИ ХЕРЛЕРЕНЕСА

Они увидели лодки Херлеренеса на рассвете, у берега на тихом месте. Пушистые облака играли вокруг их благородных жителей, огромные паруса надувались.

Таймерас сложил ладони чашечкой и позвал:

— Лодочники Херлеренеса, вольный народ воздуха, гости пришли с просьбой о помощи!

Черное и бородатое лицо появилось над бортом одного из золоченых кораблей. Человек прикрыл глаза, защищаясь от солнечных лучей, и посмотрел сверху на них. Потом так же внезапно он исчез.

Наконец тонкая, сплетенная из ремней лестница упала, дрожа, туда, где на вершине горы остановились путешественники. Не медля ни минуты, Таймерас схватился за нее, проверил прочность и стал спешно подниматься. Ракхир потянулся и зацепился за нижнюю ступеньку. Лестница показалась ему слишком тонкой, чтобы выдержать вес человека, но когда оказалась у него в руках, Красный лучник понял, что она прочнее всех веревочных лестниц, с которыми ему прежде приходилось иметь дело.

Ламсар заворчал, когда Ракхир жестом приказал ему лезть наверх, но все же полез, и довольно проворно. Ракхир последним отправился вслед за своими спутниками, взбираясь на корабль, который висел в воздухе.

Флот лодочников состоял из двадцати или тридцати кораблей, и Ракхир понял, что в союзе с таким флотом у армии Танелорна появится шанс на победу. Но Наряхан мог принять ответные меры...

* * *

Поутру залаяли тощие голодные псы, и мерзкая орда проснулась там, где и ночевала,— на земле. Нищие увидели На-

ряхана уже верхом. Он о чем-то разговаривал с незнакомой девушкой в черном платье, которая двигалась покачиваясь, словно под ударами ветра. На тонкой шее девушки висел драгоценный камень.

Когда Наряхан переговорил с гостьей, он велел привести для нее коня, и она медленно поехала за ним следом. Сзади двигалась толпа нищих. Впереди на расстоянии часа ходьбы лежал Танелорн.

Увидев прекрасный Танелорн и его скудную армию, нищие захохотали, но Наряхан и его новая спутница то и дело поглядывали на небо.

— Может быть, они просто опаздывают? — поинтересовался Наряхан бесчувственным голосом и приказал атаковать.

Завывая, нищие бросились к Танелорну. Начался штурм вечного города.

Глава 10
БИТВА

Брут поднялся в седле, и слезы потекли по его лицу, засверкав в бороде. Одной рукой он держал огромный боевой топор, а другая придерживала лежавшую поперек седла шипастую булаву.

Зас Однорукий был вооружен длинным тяжелым и широким мечом с рукояткой в форме вставшего на дыбы позолоченного льва. Этот клинок завоевал ему корону в Аквлерианге, но сейчас Зас сомневался, сможет ли этот меч с успехом защитить его покой в Танелорне.

Позади него стоял Уроч из Ниевы. Бледный, но переполненный гневом, смотрел он на неумолимое приближение неистовствующей толпы.

С криками встретились нищие с воинами Танелорна, и, так как нищих было больше, воинам пришлось отчаянно драться. Они защищали больше, чем жизнь или любовь, они защищали то, что являлось сутью их жизни.

Наряхан отъехал в сторону от поля битвы. Сорана держалась рядом с ним. Наряхан не должен был принимать участия в сражении. Он должен был лишь наблюдать и, если возникнет необходимость, вмешаться, использовав магию, чтобы помочь своим людям.

Воины Танелорна, что было невероятно, сдерживали ревущую толпу. Их оружие вздымалось и падало, испачканное кровью, останавливая море движущейся плоти. Клинки искрились от крови в алом свете зари.

Пот смешивался с солеными слезами в бороде Брута, когда он с проворством выскочил из седла своего погибшего черного коня.

Благородный боевой клич предков вырвался из его легких. И воин продолжал сражаться пешим. Он разрубал врагов топором, раздавал страшные удары булавой. Но он сражался без надежды. Ракхир так и не вернулся. Танелорн был обречен на скорую гибель. Единственным утешением служила мысль о том, что он погибнет вместе с городом, и кровь его смешается с прахом Танелорна.

Зас уже погибал. Его тело корчилось, а ноги нищих топтали его так же, как тело Уроча из Ниевы. Меч был все еще зажат в единственной руке Заса, а душа его уже отлетела в Лимб, как и душа Уроча.

И тут в небе материализовались корабли Херлеренеса. Брут, на миг посмотрев вверх, понял, что Ракхир нашел подмогу, хотя, быть может, слишком поздно.

Наряхан тоже увидел корабли. Он был готов к этому.

Корабли мчались по небу. Рядом с ними плыли шары элементалий огня, которых вызвал Ламсар. Духи огня и воздуха призваны были спасти слабеющий Танелорн.

* * *

Лодочники подготовили экипажи к битве. Темные лица моряков сосредоточились. Воины улыбались в кустистые бороды. Неуязвимые доспехи были на них, и они запаслись оружием — длинными трезубцами с зазубринами, стальными сетями, кривыми мечами, длинными гарпунами. Ракхир стоял на носу флагманского судна. Колчан его был набит тонкими стрелами, которые подарили лодочники. Внизу он увидел Танелорн и ожил, обнаружив, что город еще стоит.

Он видел внизу круговорот сражения, но трудно было судить с такого расстояния, кто друзья, а кто враги. Ламсар подозвал огненные шары элементалей и отдал им какое-то

распоряжение. Таймерас ухмыльнулся и приготовил меч, а корабли неслись по ветру, спускаясь все ниже и ниже.

Теперь Ракхир видел Наряхана и Сорану рядом с ним.

— Шлюха предупредила его! Он ждет нас,— произнес Ракхир, облизывая губы и вытаскивая из колчана первую стрелу.

Ниже и ниже спускались корабли Херлеренеса в потоках воздуха. Золотистые паруса колыхались. Моряки выстроились вдоль бортов, готовясь к битве.

Тогда Наряхан вызвал Киренею.

* * *

Огромный, как штормовое облако, черный в естестве Ада Киренея вырос из воздуха, повернул бесформенную тушу к кораблям Херлеренеса, выбрасывая ядовитые усики. Лодочники застонали, когда усики кольцами обвились вокруг обнаженных тел.

Ламсар позвал элементалей огня. Те поднялись, оставив нищих, собрались в одно соцветие пламени и понеслись в бой.

Две массы встретились, и последовал взрыв, который ослепил Красного лучника многоцветной вспышкой и заставил корабли завертеться в воздухе и затрястись так неистово, что несколько из них перевернулось. Их экипажи полетели вниз навстречу смерти.

Пятна огня поплыли по воздуху, как и клочья отравленной тьмы — остатки тела Киренея. И те и другие убивали всех, кого касались.

В воздухе распространился чудовищный смрад.

Киренея умирал, корчась, завывая, и элементали огня умирали или возвращались в свое измерение, меркли и исчезали. Остатки туши Киренея медленно опускались к земле. Он упал на ползающих, полуослепших нищих и убил их, не оставив ничего, кроме мокрого пятна на земле и проплешины, где тут же засверкали выбеленные кости.

Теперь Ракхир уже кричал:

— Быстрее! Надо схватить Наряхана, пока он не вызвал других чудовищ!

Корабли направились вниз, и лодочники стали забрасывать стальные сети и втягивать огромные гроздья нищих на борт

кораблей. Матросы убивали корчащихся людей трезубцами и копьями.

* * *

Ракхир посылал стрелу за стрелой, с удовлетворением видя, что каждая попадает в цель. Оставшиеся воины Танелорна во главе с Брутом, покрытые смердящей кровью, но улыбающиеся победе, стеной пошли на дрогнувших нищих.

Наряхан стоял на месте, а перепуганная армия с воплями бежала мимо него. Сорана изумилась. Взглянув вверх, она увидела Ракхира. Красный лучник прицелился в нее, но, передумав, пустил стрелу в Наряхана. Стрела ударила в черные доспехи, но даже не ранила повелителя Хаоса.

Тогда лодочники Херлеренеса забросили самую большую сеть с корабля, на котором находился Ракхир, и поймали в нее повелителя Наряхана и Сорану.

Крича от возбуждения, они втащили сопротивляющиеся тела на палубу, и Ракхир бросился вперед, чтобы увидеть добычу. Сквозь ячейки сети было видно поцарапанное лицо девушки, а Наряхан лежал неподвижно, как истукан.

Ракхир схватил у какого-то лодочника топор и постучал обухом по шлему Наряхана, поставив ногу ему на грудь.

— Кричи, Наряхан! — воскликнул он, обезумев от радости, ибо впервые смерть должна была одержать верх над повелителем Хаоса.

Но доспехи оказались пусты. Наряхан исчез.

ЭПИЛОГ

Тишина опустилась на Танелорн. Остатки армии защитников города, собравшись на городской площади, обсуждали свою победу.

Фриагхо, капитан Херлеренеса, подошел к Ракхиру и пожал плечами:

— Мы не взяли улова, за которым пустились в путь, это сделали вы. Но спасибо за хорошую рыбалку, дружище.

Ракхир улыбнулся и пожал черную руку Фриагхо.

— Спасибо за помощь. Вы оказали нам огромную услугу.

Фриагхо пожал плечами и повернулся к своим людям, а потом, заметив еще одно шевелящееся тело в сети, занес трезубец. И тут Ракхир закричал, поняв его намерения:

— Нет, Фриагхо! Оставь ее. Пусть содержимое этой сети достанется мне.

Сорана — содержимое сети, о котором шла речь,— выглядела перепуганной, словно ее уже пронзил трезубец Фриагхо.

— Хорошо, Красный лучник,— сказал лодочник.— У нас и так достаточно пленных.

Он потянул сеть, освобождая девушку. Она встала, дрожа, и с благодарностью посмотрела на Ракхира.

Ракхир улыбнулся и довольно мягко сказал:

— Иди сюда, Сорана.

Она подошла и остановилась, глядя на его костистое, ястребиное лицо. С хохотом он поднял ее и перебросил через плечо.

— Танелорн спасен! — закричал он.— Ты научишься любить этот мир, любить этот город вместе со мной! — и стал спускаться по лестнице, которую лодочники перебросили через борт.

Ламсар уже ждал его внизу.

— Я отправлюсь обратно в свою обитель.

— Благодарю за помощь,— сказал Ракхир.— Без вас Танелорна уже не существовало бы.

— Танелорн будет всегда, как всегда будут существовать люди. Сегодня ты защищал Танелорн, потому что он — твой идеал... Таков Танелорн.

И Ламсар улыбнулся.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ГРАФ АУБЕК ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ ЗАМКА КАНЕЛУН И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Из незастекленного окна каменной башни было видно широкую реку между пологими коричневыми берегами, между зелеными рощицами, казавшимися единой лесной массой. Из леса поднимался утес, серый и немного зеленоватый, высокий — темная скала, поросшая мхом, сливалась с массивным каменным замком, господствовавшим над равниной. Из замка хорошо просматривались река, скала и лес. Стены замка были сложены из толстых гранитных плит.

Аубек из Маладора удивлялся, как строители смогли сконструировать такой замок, если, конечно, им не помогло какое-то колдовство.

Он стоял на вершине башни, возвышавшейся неподалеку от замка. Задумчивый, таинственный замок казался вызовом природе; он находился на самом краю мира.

Низкое небо на западе отливало странным, глубоким желтым светом. Цвет этой части неба усиливала темнота другой его половины.

Широкие полосы синевы разрывали небо, состязаясь с серым цветом, и созвездия, красным облаком ползущие по этой смеси цветов, создавали еще больше всевозможных утонченных оттенков. Туман не давал разглядеть постройки замка Канелун во всех подробностях.

Граф Аубек из Маладора не отвернулся от окна, пока совсем не стемнело. Лес, утесы и замок стали тенями. Воин провел тяжелой, узловатой рукой по выбритой голове и прошел к груде соломы, которая служила ему постелью.

Солома лежала кучей в нише между контрфорсом, внешней стеной и комнатой, освещенной фонарем. Но было холодно, и Аубек, лежал на соломе, свернувшись клубочком и положив рядом с собой двуручный меч огромных размеров. Меч выглядел так, словно раньше принадлежал великану... широкая перекладина, тяжелая инкрустированная драгоценными камнями рукоять, лезвие длиной футов в пять, гладкое и широкое. Рядом лежали старые, тяжелые доспехи воина из Маладора и шлем, украшенный плюмажем. Воин из Маладора спал.

* * *

Его сны, как обычно, были путанны: могучие армии большими волнами выплескивались на равнины, кружились воины, носившие эмблемы сотни народов; поднимались леса сверкающих пик, моря шлемов, дико завывали боевые рога, цокали копыта, кричали солдаты. Сны о древних временах, о его молодости, о королеве Элроде из Кланта. Он завоевал для нее все южные страны и теперь дошел до края мира. Только Канелун, лежащий на самом краю мира, он еще не захватил.

Для такого воина, как Аубек, подобные сны оказались неожиданно неприятными. Он несколько раз за ночь просыпался, тряс головой, пытаясь отогнать грустные мысли.

Скорее, он готов был увидеть во сне Элроду, хотя из-за нее-то и отправился в этот поход на юг. Но Аубек никогда не видел в снах ее мягкие, черные волосы, волнами омывающие бледное лицо, ее зеленые глаза, красные губы и гордые, пренебрежительные жесты. Элрода выбрала его для этого путешествия, хотя согласия не спрашивала, ведь она была не только его госпожой, но и королевой. Защитник королевства по традиции был ее любовником... и граф Аубек не понимал, как могло быть по-другому. Он считался защитником Кланта, повиновался приказам своей королевы и в одиночестве покинул ее дворец, отправившись на поиски замка Канелун. Он должен был захватить его и присоединить к империи своей госпожи, чтобы сказать: «Владения королевы Элроды простираются от моря Драконов до самого края мира».

По ту сторону края мира ничего не было... ничего, кроме бурлящего бесформенного Хаоса, который протянулся в бесконечность от утесов Канелуна... кипящий и беспокойный Хаос, полный чудовищных, полусформировавшихся теней... только Земля оставалась стабильна и состояла из материи, подчиненной каким-то законам. Земля дрейфовала в море Хаоса.

Утром граф Аубек из Маладора потушил лампу, которую оставил светиться на ночь, надел кольчугу и латы, водрузил на голову шлем с черным плюмажем, повесил на плечо клинок и вышел из каменной башни, которая по всем признакам была очень древним сооружением.

Обутые в кожу ноги воина ступили на камни, которые рассыпались при прикосновении, словно Хаос однажды плеснул разрушающее вещество на возвышающиеся на его краю утесы Канелуна.

Прошлой ночью воину показалось, что Канелун ближе, но это потому, что замок был таким огромным. Аубек отправился вдоль реки: ноги тонули в жирной грязи, пышная листва прикрывала от палящего солнца. Он шел к утесам. Канелун сейчас видно не было, но он возвышался над Аубеком. Часто ему приходилось использовать меч как топор, расчищая себе дорогу через густую растительность.

Несколько раз Аубек останавливался, пил из реки холодную воду, смывая пот с лица. Он не торопился, не очень-то ему хотелось в Канелун.

Между ним и Элродой возникло препятствие. И еще он боялся суеверий, связанных с таинственным замком, в котором, как говорили, обитало лишь одно существо: Темная дама — беспощадная волшебница, повелевавшая легионами демонов и другими созданиями Хаоса.

К полудню Аубек со смешанным чувством осторожности и облегчения увидел утесы и тропинку, ведущую наверх. Значит, придется карабкаться. Однако теперь ему было трудно найти другую дорогу. Он захлестнул веревкой меч, закинул его за спину и начал восхождение.

Обросшие мхом скалы, очевидно, были древними, хотя многие философы спрашивали: почему о Канелуне узнали всего несколько поколений назад? Воин из Маладора поверил

в наиболее распространенный ответ на этот вопрос: до недавнего времени путешественники просто не забирались так далеко. Посмотрев вниз, Аубек увидел деревья, их листву легонько шевелил бриз. Башня, где он переночевал, тоже виднелась в отдалении, а дальше, он знал, не существовало никаких признаков цивилизации, никаких аванпостов Человека на много тысяч дней пути на Север, Восток или Запад... А на Юге лежал Хаос. Раньше Аубек никогда не был так близко от края мира, теперь же он думал: какой он, этот Хаос?

Забравшись на вершину утеса, он стоял, разглядывая замок Канелун, который возвышался в какой-нибудь миле от него. Его огромные башни подпирали облака. С другой стороны утесов воин Маладора увидел взбитую, клокочущую субстанцию Хаоса: серую, синюю, коричневую и желтую одновременно, хотя цвет постоянно менялся. Брызги, словно водная пыль, поднимались над замком.

Аубек в восхищении замер на месте, переполненный ощущением собственной незначительности. Он окончательно уверовал, что если кто-то и живет в замке Канелун, то или обладает крепкими нервами, или уже давно сошел с ума. Наконец Аубек вздохнул и снова зашагал к своей цели. У подножья замка утес был совершенно ровным, без пятен зелени и без вкраплений обсидиана, в котором могло бы отражаться танцующее вещество Хаоса. На него Аубек старался не смотреть.

Множество дверей вело в Канелун: все темные и зловещие на вид. Разных размеров, они больше напоминали входы в пещеры.

Воин Маладора остановился перед тем, как сделать выбор, потом решительно направился к одному из них и шагнул в темноту, которая, казалось, поглотила его навсегда. Было холодно, пусто, и он был один.

* * *

Вскоре он заблудился в замке. Шаги не отдавались эхом. Потом темнота отступила, и впереди стали видны угловатые очертания тускло освещенных коридоров... Стены, над которыми не было крыши, стены, уходящие вверх, в бесконеч-

ность. Лабиринт. Аубек остановился, оглянулся и с ужасом увидел: позади него тот же лабиринт, хотя был уверен, что двигался прямо.

Безумие угрожало поглотить его, но он отбросил сомнения и, дрожа, достал меч. Замерев на месте, Аубек пытался сообразить, куда идти — вперед или назад. Отфильтрованное безумие затаилось в глубине мозга, пришел страх — и сразу замелькали тени. Быстро движущиеся, они мчались со всех сторон, невнятно бормотали... дьявольские, абсолютно ужасные тени.

Одно из существ прикоснулось к Аубеку, и воин рубанул его мечом. Тень исчезла. Появилась другая. Аубек забыл свой страх и рубил во все стороны, пока тени не рассеялись. Воин, задыхаясь, оперся на меч, как на посох.

Передохнув, Аубек еще раз огляделся. Страхи постепенно стали возвращаться. Появилось множество существ — тварей с дикими глазами, когтями, со злорадными мордами, насмехающимися над ним; существ с необычными лицами, некоторые из них напоминали старых знакомых и родственников Аубека, чьи лица как бы исказились, превратившись в ужасные пародии. Воин закричал, бросился на них, вращая огромный меч над головой, рубя с плеча, коля противников, и натиском заставил их вернуться в лабиринт. Но появились другие...

Злобный смех гнался за ним по тускло освещенным коридорам. Аубек побежал, споткнулся, упал, привалился к стене. Сначала ему показалось, что стена из крепкого камня, но постепенно она размягчилась, и воин провалился сквозь нее. Получилось, что его тело наполовину лежит в одном коридоре, наполовину в другом. Он подтянулся и прополз через пролом, огляделся и увидел Элроду, но Элроду, чье лицо выглядело старше, чем он видел в последний раз.

«Я сошел с ума,— решил Аубек.— Это реальность, фантазия или что-то другое?»

Он протянул руку и позвал:

— Элрода!

Видение исчезло. На том самом месте, где она только что стояла, появилась толпа демонов. Аубек поднялся на ноги и стал рубить мечом, но они были недосягаемы. Человек заревел от бешенства.

Пока он сражался, страх отступил. С исчезновением страха растаяли и его противники. Тогда Аубек понял: появлению тварей предшествует страх, и попытался контролировать свои мысли. Страх на какой-то миг все же овладел им, и твари начали опять появляться, вылезая прямо из стен. Их крикливые голоса переполнялись злобным весельем.

В этот раз Аубек не бросился на них с мечом. Он спокойно стоял на месте — и твари начали блекнуть, а потом и вовсе исчезли, а вместе с ними и стены лабиринта. И Аубек оказался посреди мирной долины. Но как только он понял, что долина — такая же иллюзия, как и лабиринт, она растаяла, а он оказался в главном зале замка Канелун.

Зал оставлял впечатление пустого, хотя и был обставлен хорошей мебелью; воин не видел источника, который давал такой яркий и ровный свет. Он шагнул к столу, заваленному свитками. Шаги отдались гулким эхом. Несколько отделанных железом дверей вели из зала, но он не стал разглядывать их, решив сначала посмотреть свитки. Может, они помогут разгадать тайну Канелуна?

Прислонив меч к столу, он взял первый свиток.

Рукопись была прекрасно исполнена на тонком пергаменте, но черные буквы ничего не сказали Аубеку, и это его удивило. Хотя диалекты и изменялись в зависимости от местности, на Земле в те времена существовал единый язык. На следующем свитке оказались еще более странные символы, а на третьем, даже не раскручивая его, он увидел ряды больших стилизованных картинок, которые повторялись здесь и там, словно составляли некий алфавит. С сожалением Аубек положил свиток, взял меч, глубоко вдохнул и крикнул:

— Кто живет здесь? Знайте, что Аубек — граф из Маладора, защитник Кланта и завоеватель юга — требует этот замок от имени королевы Элроды, императрицы всех южных земель!

Обычные слова. Произнеся их, Аубек почувствовал себя свободнее, но не получил ответа. Закинул меч на плечо, подошел к самой большой двери.

Раньше, чем он подошел к ней вплотную, она сама открылась, и большое человекообразное существо с руками, напоминающими стальные крючья, усмехнулось ему.

Воин отступил и остановился, видя, что тварь не двигается, а стоит на месте, наблюдая за ним.

Она была на фут или около того выше Аубека. Фасетчатые глаза казались пустыми от природы. Морда была уродливой и угловатой, серой и сияла, как металл. Большая часть тела и впрямь была из металла, куски которого соединялись на манер брони. На голову был надвинут колпак, обшитый медью. На вид тварь обладала невероятной силой, хотя и не двигалась.

— Голем! — воскликнул воин из Маладора. Кажется, так называли созданных людьми металлических существ в легендах. Создание колдовства!

Голем не ответил, но руки, каждая из которых имела металлические шипы, по четыре на каждой руке, начали медленно сгибаться. Чудовище снова усмехнулось.

Тварь, как понял Аубек, в отличие от его предыдущих противников, аморфной не была. Голем — твердый, реальный, смертоносный — был намного сильнее воина из Маладора; он хотел сразиться с человеком, однако Аубек не спешил начинать поединок. Он мог и не победить Голема... Но уже не мог отступить.

Скрипя металлическими суставами, Голем вошел в зал и вытянул руки.

Воин из Маладора мог бежать или сражаться, но вместо этого он стоял на месте. А потом выбрал: сражаться.

Сжав обеими руками огромный меч, граф рубанул по боку Голема, который показался ему уязвимым в этом месте. Голем рукой отпарировал удар, и меч Аубека задрожал, наткнувшись на металл. Удар заставил содрогнуться воина из Маладора. Покачнувшись, человек отступил. Голем последовал за ним. Воин из Маладора оглянулся и обыскал взглядом зал в надежде найти какое-нибудь более весомое оружие, чем меч, но увидел лишь увитые орнаментом щиты. Он подбежал к стене, сорвал один из щитов и надел его на руку. Щит был продолговатым, очень легким и состоял из нескольких слоев прочного дерева. С ним Аубек почувствовал себя немного лучше и резко повернулся к Голему.

Чудовище тем временем неторопливо шло вперед. Воину показалось, что в Големе есть что-то обыденное, как и в

демонах лабиринта. «Колдовство Канелуна каким-то образом питается от моего мозга»,— решил Аубек.

Чудовище подняло правую руку и нанесло удар, целясь в голову воина. Аубек увернулся и, защищаясь, поднял меч. Колючки заскрежетали о меч, но тут тварь резко выбросила вперед левую руку, которая врезалась в живот Аубека. Щит чуть ослабил удар. Аубеку удалось загнуть кончики шипов на правой руке чудовища, а потом он хлестнул мечом по его ногам.

Аубек отпрыгнул в сторону и вскочил на стол, разметав свитки. Голем медленно повернулся вслед за воином и подошел к столу, словно слепец. Теперь воин обрушил меч на голову Голема. Сверкнули медные клепки, голова и колпак чудовища прогнулся. Голем зашатался, схватился за стол, оторвал его от пола, так что воин из Маладора едва успел соскочить. В этот раз Аубек отступил к другой двери, но она не открылась.

Аубек несколько раз рубанул ее, но лишь затупил меч. Когда Голем приблизился, Аубек вынужден был прижаться спиной к двери. Металлическая рука чудовища схватилась за край щита, и тот разлетелся на куски; боль пронзила руку. Аубек ударил Голема, но не смог сделать мощный замах в таком стесненном пространстве, и удар получился неуклюжим.

Воин из Маладора понимал — он обречен. Сила и умение сражаться оказались бесполезными.

От следующего удара металлического чудовища Аубек ускользнул, но один из шипов все же задел его. Разорвав доспехи, он впился в тело. Несмотря на хлынувшую кровь, Аубек не почувствовал боли.

Отскочив в сторону, он отшвырнул обломки щита и крепче сжал меч.

«Бездушный демон не имеет слабых мест,— подумал он.— Тварь не обладает разумом. С ним нельзя говорить... Что может испугать Голема?»

Ответ казался простым. Голем может испугаться только чего-то столь же сильного, как и он сам, или чего-то, что еще сильнее.

Надо схитрить.

Аубек побежал к перевернутому столу. Голем последовал за ним. Воин прыгнул на стол, а потом соскочил с него и дернул за стол, когда чудовище ступило на него. Голем споткнулся и упал, но не так, как надеялся Аубек. Однако Голем двигался очень медленно, и у воина оказалось преимущество на несколько секунд. Он стремительно бросился к двери, через которую вошел Голем. Дверь открылась. Аубек очутился в тусклом коридоре, полном темных теней, но непохожем на тот лабиринт, где он очутился, когда вошел в замок. Двери закрылись, но воин не нашел засова, чтобы запереть дверь перед преследователем. Он побежал по коридору, в то время как Голем стал царапаться, пытаясь неуклюжими пальцами открыть дверь, а потом просто сорвал ее с петель и пошел следом за человеком.

Коридоры расходились во все стороны, и, хотя Аубек не видел Голема, он слышал его, ощущал тошнотворный страх. Не останавливаясь, Аубек бежал все дальше и дальше. Но не мог убежать. И внезапно очутился перед еще одной дверью. Открыв ее, он проскочил вперед и снова оказался в зале.

Воин почти обрадовался знакомому помещению, но слышал, как приближается Голем. Металлические части при движении страшно скрежетали. Человеку нужен был новый щит, но на той части стены, где он оказался, не было щитов... только большое, круглое зеркало из светлого, хорошо отполированного металла. Оно было слишком тяжелым, но Аубек сдернул его с крюка.

Зеркало соскочило с резким металлическим звоном, воин поднял его, потащил за собой, удирая от надвигающегося Голема, который уже вошел в зал.

Используя цепочки, на которых раньше висело зеркало, Аубек приподнял его и, когда Голем направился к воину, поднял перед собой.

Голем пронзительно закричал.

* * *

Воин из Маладора удивился. Чудовище застыло перед зеркалом. Аубек придвинул его ближе, но тварь отвернулась и помчалась, спасаясь бегством от собственного отражения. Металлически подвывая, Голем исчез за дверью, через которую вошел в зал.

С облегчением и немного озадаченный, воин из Маладора сел на пол перед зеркалом. В нем не было ничего особенного, хотя оно было хорошего качества. Аубек усмехнулся и протяжно произнес:

— Тварь испугалась чего-то... испугалась сама себя! — Он отвернулся и с облегчением раскатисто рассмеялся, потом нахмурился.— Теперь надо найти тех, кто создал Голема, чтобы отомстить им.

Аубек встал, замотал цепочки зеркала вокруг руки и направился к следующей двери, опасаясь, как бы Голем, завершив круг по лабиринту, не вернулся. Дверь оказалась запертой. Он ударил по щеколде несколько раз мечом, и она открылась. Он вошел в хорошо освещенный коридор, в дальнем конце которого за незапертой дверью оказалась еще одна комната.

Аубек почувствовал мускусный запах, когда шел по коридору; запах, который заставил его вспомнить Элроду и уютные покои Кланта.

Когда он добрался до круглой комнаты, то увидел, что это спальня... женская комната, полная аромата, который он почувствовал еще в коридоре. Воина переполнили воспоминания о Кланте. Пройдя через комнату, он подошел к двери, которая вела дальше. Рывком распахнув ее, Аубек обнаружил лестницу наверх. Поднимаясь, он миновал ниши, сверкающие изумрудами и рубинами, где порхали тени. Он понял, что находится в той части замка, которая выходит на Хаос.

Ступени вели все выше в башню. Наконец Аубек очутился у маленькой двери. Он затаил дыхание и чуть помедлил, прежде чем войти. Потом резким пинком распахнул дверь.

Одну из стен занимало огромное окно из прозрачного стекла, за которым граф увидел зловещую субстанцию вздымающегося Хаоса.

— Ты действительно победитель, граф Аубек,— произнес женский голос.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я узнала его при помощи колдовства, граф из Маладора... Ты выкрикивал его сам, когда увидел зал в истинном виде.

— Но был и волшебный лабиринт? — неприветливо возразил он.— Демоны... долина? Голем? Разве волшебство не живет в этом проклятом замке?

Она пожала плечами.

— Скажем так, раз ты не знаешь правды: колдовство — в твоем мозгу. А мозг — сырой суррогат, который лишь намекает на истинные силы, существующие во Вселенной.

Аубек не ответил. В этих словах таилось что-то, беспокоящее его. Он изучал философию Кланта и часто обдумывал подобные слова, обычно скрывающие банальные вещи и идеи. Аубек хмуро посмотрел на незнакомку.

Она выглядела необычно: зелено-синие глаза, стройная фигура, длинные красивые одежды цвета ее глаз. Они немного напоминали уже виденные Аубеком диковины Канелуна.

— Ты узнал Канелун? — спросила она.

Аубек пропустил вопрос мимо ушей.

— Достаточно болтовни... отведи меня к хозяевам замка!

— Здесь нет никого, кроме меня,— Мишелы, Темной дамы... Я — хозяйка этого замка.

Аубек был ошеломлен.

— Значит, чтобы встретить вас, мне пришлось преодолеть такие препятствия?

— Это были... более серьезные препятствия, чем ты думаешь, граф Аубек. Чудовища, порожденные твоим собственным воображением!

— Не насмехайся надо мной, госпожа!

Она засмеялась.

— Я говорю немного загадочно. Замок создал чудовищ, живущих в твоей голове. Редкий человек может выстоять, оказавшись лицом к лицу с собственным воображением. Никто не мог добраться до меня уже две сотни лет. Все погибали от страха... до сегодняшнего дня.

Она тепло улыбнулась.

— И какова награда за столь великий подвиг? — грубовато спросил воин.

Волшебница засмеялась и жестом показала на окно, где лежал Хаос.

— За моим замком ничего нет. Если ты отважишься, то сможешь выстоять против существ, спрятанных в твоем во-

ображении... еще раз.— Она с восхищением посмотрела на Аубека, и он замялся от смущения.— Время от времени,— продолжала она,— в Канелун приходили люди, которые могли пройти через тяжелые испытания, и тогда появлялась возможность расширить границы нашего мира. Если человек, прошедший испытание, выходит в море Хаоса, Хаос отступает. Так рождаются новые земли!

— Так вот какую судьбу вы приготовили мне!

Она посмотрела на Аубека почти застенчиво. Ее красота, казалось, стала еще ярче. Воин схватился за рукоять меча и крепко сжал ее, когда волшебница грациозно подошла к нему и словно случайно коснулась его рукой.

— Будет и вознаграждение за твою храбрость,— Мишела посмотрела ему в глаза, но больше ничего не добавила, словно все было ясно.— А теперь выполни мой приказ. Выступи против Хаоса.

— Госпожа, разве вы не знаете, что ритуальные обязанности защитника Кланта заключаются в том, что он является верным спутником королевы? Я не нарушу слово и оправдаю доверие своей госпожи! — Аубек глухо рассмеялся.— Я пришел сюда, чтобы уничтожить опасность для владений королевы, а не для того, чтобы стать вашим любовником и лакеем.

— Мой замок никому не угрожает.

— Кажется, так...

Она шагнула назад, словно оценивая его. Для нее это было неожиданно... никогда раньше от нее так не отказывались. Ей нравился этот крепкий мужчина. «Невероятно,— подумала она,— как за несколько столетий могла нарушиться традиция... традиция, связывающая мужчину и женщину даже при отсутствии любви». Волшебница смотрела на Аубека, пока он спокойно стоял на месте, хотя тело его напряглось...

— Забудь Клант! — приказала волшебница.— Подумай о той силе, которую ты можешь обрести... силе настоящего создателя.

— Госпожа, я требую, чтобы замок стал владением Кланта. За этим я пришел и добьюсь этого так или иначе. Если я останусь жив, то стану Завоевателем. Вы должны подчиниться.

Мишела едва слушала, придумывая, как убедить его, что ее дело важнее. Может, все же соблазнить графа? Или использовать наркотики и заколдовать? Нет, для этого он чересчур силен. Она должна придумать что-то другое.

Волшебница почувствовала, как защемило в груди, когда она посмотрела на Аубека. Она бы предпочла соблазнить его. Но и это было бы чересчур много по сравнению с героями, которым удавалось пройти через все опасности Канелуна. И тут нужные слова сами пришли к ней.

— Думай, граф Аубек,— прошептала волшебница.— Думай... новые земли для империи королевы!

Аубек нахмурился.

— Почему бы не вытянуть дальше границу империи?— продолжала волшебница.— Почему не создать новые территории?

Она с беспокойством посмотрела на Аубека, когда он снял шлем и почесал большую бритую голову.

— Может, это мысль,— с сомнением сказал он.

— Думаешь, в Кланте не оценят, если ты завоюешь не только Канелун... но и то, что лежит за ним?!

Теперь Аубек потер щеку в раздумье.

— Конечно,— согласился он.— Конечно...— Густые брови воина сошлись, он нахмурился.

— Новые равнины, новые горы, новые моря... новые народы, даже целые города, полные вновь рожденными людьми, которые тем не менее обладают историей, памятью предков! Все это может сделать граф из Маладора... для королевы Элроды и для Лормура!

Аубек улыбался, у него разыгралось воображение.

— Конечно! Если я смог уничтожить таких врагов... тогда я смогу пойти и дальше. Это величайшее приключение в истории. Мое имя станет легендой... Воин из Маладора, победитель Хаоса!

Она наградила его восхищенным взглядом, хотя на самом деле наполовину обманывала его. Аубек закинул меч на плечо.

— Хорошо... я попробую.

Они стояли у окна, наблюдая, как в вечернем водовороте шепчет вещество Хаоса. Волшебница никогда не могла привыкнуть к постоянным переменам, происходившим в Ничто.

Сейчас в Хаосе преобладали красно-черные цвета. Розовато-лиловые и оранжевые испарения поднимались с его поверхности. Сверхъестественные нечеткие очертания порхали над ними.

— Повелители Хаоса правят этой территорией. Что скажут они? — спросил Аубек.

— Ничего. Даже они подчиняются Законам Космического равновесия, которые предопределяют, что если человек может выстоять против Хаоса, заставить Хаос подчиниться Порядку, то так и будет. Ведь Земля растет, хоть и медленно.

— Куда мне идти?

Волшебница, воспользовавшись удобным случаем, взяла его за мускулистую руку и показала на окно.

— Посмотри туда... по коньку крыши можно спуститься на утес.— Она внимательно следила за Аубеком.— Ты видишь?

— Да... теперь я понял. Да, вдоль конька крыши.

Стоя позади него, Мишела слегка улыбнулась сама себе.

— Я уберу барьер,— сказала она.

Граф надел шлем.

— Только во имя Кланта и Элроды я соглашаюсь на это приключение.

Волшебница подошла к стене и открыла окно. Не глядя на нее, Аубек шагнул через него, встал на конец крыши и медленно пошел в многоцветный туман.

Она смотрела, как исчезает в тумане Аубек, и улыбалась. Как легко обмануть такого сильного человека, заставить его пойти чуть дальше! Он мог бы прибавить новые земли к своей империи, но когда он создаст их, то обнаружит, что там нет людей, склонных служить Элроде и империи. Если Аубек постарается и хорошо поработает, он может создать для своей империи гораздо большую угрозу, чем представлял собой Канелун.

Конечно, волшебница восхищалась Аубеком, ее тянуло к нему, возможно, именно потому, что он был так неприступен, чуть неприступнее, чем герой, который две сотни лет назад отвоевал у Хаоса земли, где родился Аубек. Какой это был мужчина! Но он, как и все, кто был до него, нуждался в иных убеждениях, чем обещания ее тела.

«Слабость графа Аубека в его силе,— так думала волшебница.— Но теперь он пропал для меня».

Ей стало грустно. И в этот раз она выполнила задачу повелителей Порядка, не дав себе насладиться мужчиной.

«Конечно,— думала она.— Я благодарна ему за стойкость. Именно с ее помощью я его убедила».

Столетия назад повелители Порядка вверили Канелун ее заботам. Но прогресс шел медленно: очень мало было героев, которые смогли пройти через все опасности Канелуна... всего несколько человек.

Мишела лишь слегка улыбнулась, прикидывая возможные решения поставленной перед ней задачи, потом вышла в другую комнату. Пора приготовиться, чтобы перенести замок на новый Край мира, который скоро появится...

СОДЕРЖАНИЕ

ЭЛРИК ИЗ МЕЛНИБОНЭ

(Перевод А. Лидина, И. Павловского)

Часть 1
ГРЕЗЯЩИЙ ГОРОД 7

Часть 2
ЗЕРКАЛО И КОРАБЛЬ 50

Часть 3
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛИМБУ 112

Часть 4
ГЛАЗА НЕФРИТОВОГО ЧЕЛОВЕКА 143

Часть 5
ПАДЕНИЕ ИМРРИРА 185

Часть 6
КОГДА БОГИ СМЕЮТСЯ 214

Часть 7
ПОЮЩАЯ ЦИТАДЕЛЬ 246

Часть 8
СПЯЩАЯ ВОЛШЕБНИЦА 280

Часть 9
ЛОВУШКА ДЛЯ ПРИНЦА ДРАКОНОВ 329

Часть 10
ИСЧЕЗАЮЩАЯ БАШНЯ 372

Часть 11
ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ 413

Часть 12
КОРОЛИ ВО ТЬМЕ 455

Часть 13
ПРИНОСЯЩИЕ ОГОНЬ 486

Часть 14
ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВОГО БОГА 521

Часть 15
БРАТЬЯ ЧЕРНОГО МЕЧА 578

Часть 16
ЩИТ ПЕЧАЛЬНОГО ВЕЛИКАНА 632

Часть 17
ИСХОД 696

ПРИЛОЖЕНИЕ
К «ХРОНИКЕ ЧЕРНОГО МЕЧА»
(Перевод А. Лидина)

РАССКАЗ О ТОМ, КАК РАКХИР,
КРАСНЫЙ ЛУЧНИК,
ПОЛУЧИЛ СТРЕЛЫ ПОРЯДКА 749

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ГРАФ АУБЕК ОТПРАВИЛСЯ
НА ПОИСКИ ЗАМКА КАНЕЛУН
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО 781

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших *фирменных магазинах*:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Муркок Майкл
Элрик из Мелнибонэ

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *Э. Байгильдеева*
Редактор *Э. Мингажева*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерная верстка: *А. Яблонская*
Корректоры *Е. Ливач, Н. Ильина, В. Чаленко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Майкл Муркок.

Один из ВЕЛИЧАЙШИХ МАСТЕРОВ ФЭНТЕЗИ.

Гений, стоявший у истоков жанра — и силой своего таланта жанр этот ТВОРИВШИЙ.

Автор УНИКАЛЬНОЙ по масштабу эпической саги о едином во множестве миров воителе Эрикезе, в каждом мире выступающем под новым именем — Элрик, Корум, Джон, — но в каждом из миров вступающем в борьбу с Повелителями мечей — богами Хаоса...

Элрик из Мелнибонэ.

Воин, принц и маг, покинувший свой дом во имя жажды приключений.

Носитель колдовского, темного меча, обладающего СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕЙ.

Герой, не знающий себе равных среди людей — и способный сражаться с БОГАМИ.

ISBN 5-17-028959-6

Майкл Муркок

Элрик из Мелнибонэ